

ОЛЕГ ДИВОВ

ШЕДЕВРЫ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ФАНТАСТИКИ

МОЛОДЫЕ
И СИЛЬНЫЕ
ВЫЖИВУТ

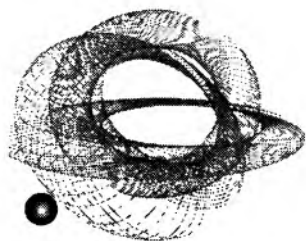

ОЛЕГ
ДИВОВ

МОЛОДЫЕ И СИЛЬНЫЕ ВЫЖИВУТ

МОЛОДЫЕ
И СИЛЬНЫЕ
ВЫЖИВУТ

**ШЕДЕВРЫ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ФАНТАСТИКИ**

ОЛЕГ ДИВОВ

ПРЕДАТЕЛЬ
МОЛОДЫЕ И СИЛЬНЫЕ
ВЫЖИВУТ
ТОЛКОВАНИЕ
СНОВИДЕНИЙ

Эксмо, Москва
2003

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Д 44

Серийное оформление художника *Е. Савченко*

Серия основана в 2002 году

Д 44 Дивов О. И. Молодые и сильные выживут: Фантастические произведения. — М.: Изд-во Эксмо, 2003. — 640 с. (Серия «Шедевры отечественной фантастики»).

ISBN 5-699-01759-3

Тексты, вошедшие в сборник, объединяет то, что в каждом из них первая глава или часть, от довольно короткой и прямой в «Предателе» до громадной и многослойной в «Толковании...», — это записанный «по горячим следам» сон автора. Воспроизведенный с предельной точностью. Один сон просто забавный, другой тоскливо-кошмарный, третий удивительный...

**УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4**

ISBN 5-699-01759-3

**© О. Дивов, 2003
© ООО «Издательство «Эксмо». Оформление, 2003**

ОТ АВТОРА

Что я на самом деле выдумал? Да так, мелочи. Антураж. Допустим, в «Предателя» ввел одну милую зверушку, которой, если честно, не видел. В «Законе Фронттира» изменил некоторые имена и лица — для себя, чтобы не так больно писать было. А вот «Толкование сновидений» — роман, полностью аутентичный. Ну вообще. Как приснился, так и выложен на бумагу.

Да, именно — как приснился.

Конечно, не целиком. Тексты, вошедшие в сборник, объединяет то, что в каждом из них первая глава или часть от довольно короткой и прямолинейной в «Предателе» до громадной и многослойной в «Толковании...» — это записанный «по горячим следам» сон автора. Воспроизведенный с предельной точностью. Один сон просто забавный, другой тоскливо-кошмарный, третий удивительный. И все — слишком яркие, чтобы взять и забыть их.

Ага, забудешь такое. Вот оно и пошло в работу.

Недостающие эпизоды я не придумывал — реконструировал. Вычислял, «зачем это было». Рассчитывал, «что было дальше». Пробовал разобраться, что именно должны познать и чего могут достичь персонажи. Выходило каждый раз очень по-своему. И в совершенно разных стилях. Постхолокостный вестерн, спортивные приключения, городская фэнтези... А что же общего? Наверное, герои, которые умеют чувствовать боль, а не только причинять ее. Ситуации мучительного поиска себя. Моменты выбора. Любовь, наконец, которая может для человека определить все на свете, от начала и до упора. Или не может. Тоже вариант.

В общем, нормальные истории «за жизнь» получились. К тому же правдивые и информативные. Все-таки драки русских с орками мне снятся редко, чаще — вещи, в кото-

рых я разбираюсь, вроде самоходных минометов или горных лыж.

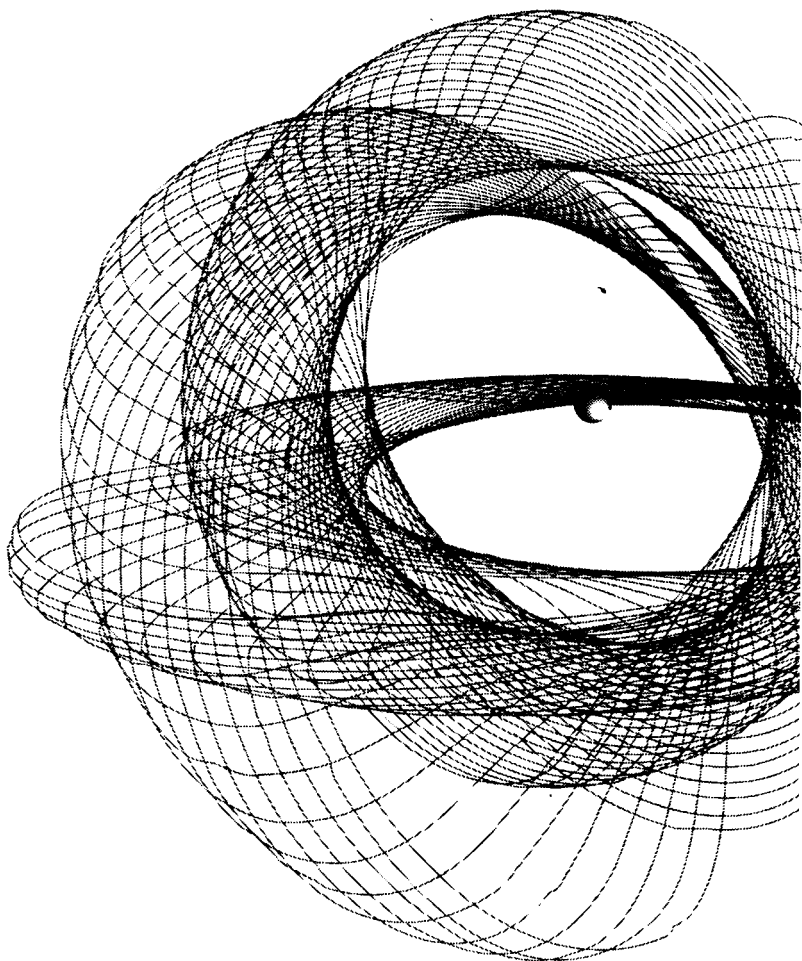
Я очень рад, что сумел написать эти истории, и рад вдвойне, что представилась возможность свести их в один том. На мой — субъективный, конечно, но и профессиональный, между прочим, — взгляд, это лучшие мои тексты.

Только снов — таких, чтобы, оставаясь внутри грезы, наполовину проснуться и начать смотреть ее, как фильм, который второй раз не покажут, старательно все запоминая, а потом вскочить, броситься к письменному столу и начать остервенело бить по клавишам, — таких снов я больше не вижу.

*Олег Дивов
октябрь 2002*

ПРЕДАТЕЛЬ

ПОВЕСТЬ

Лошади у них пропали. Среда бела дня. А я сижу дома, отдыхаю. Коктейль «Мазут» потягиваю, справочник «Боевые ножи» почитываю. Водки уже граммов триста скушал в пересчете на чистый продукт. Настроение — лучше не бывает, размяк до неприличия, хоть голыми руками бери. И заставляй искать бесследно сгинувших коней. Спасибо, не крокодилов. Все-таки удивительный я рохля. Когда добрый (или поддатый, что примерно одно и то же), на любую авантюру подписаться готов.

Как сопровождать высокую делегацию, так обо мне никто не вспоминает. Рылом, понимаете ли, не вышел. Кровь не та. А вот как у высокой делегации транспорт угнали, сразу потребовался. Дерьмо разгрести. Низшей касте наиболее приличествует.

— Игорек, дружище, ну при чем тут я? Лошади... Это работа для бистмастера.

— Дима, перестань. Это работа для оперативника. Будь любезен, не выдрючивайся, а исполняй приказ. Бегом!

Голос у Игоря нервный и донельзя расстроенный. «Оперативник», значит... Интересно, как сие рассматривать — понижение в звании? Или наоборот? Обычно надменные полукровки зовут меня просто: колдун. Чаше даже «Эй, колдун!». Распустились, не боятся. Давно я их на уши не ставил. Вырос, наверное.

Опрокидываю с горя стакан неразбавленной, развешиваю по телу амуницию и бреду на улицу ловить машину. Уже в такси кладу под язык шепотку стимулятора. Меня тут же начинает корезить и ломать, эта штука плохо ложится на алкоголь. Лишь бы не стошнило — жалко ведь, столько водки мимо желудка... Все тело напряжено, будто судорога его скрутила. От макушки до самых пяток. Ничего, скоро пакость рассосется по жилам, и станет легче.

Стараюсь не скрипеть зубами. Таксист, видимо, привык к наркоманам и на странного пассажира не оглядывается. Демонстративно. Чересчур.

— Не пугайся, шеф, это язва у меня...

— Да все нормально. Хочешь, у аптеки тормознем? Я сбегая.

— Спасибо, обойдемся как-нибудь. Не впервой.

Вот именно, что не впервой. Лет десять жую разную дрянь почти ежедневно. Для существа, у которого метаболизм вполне человеческий, такая химическая накачка далеко не праздник. И в тот отрезок времени, пока усваивается препарат, всякое случается. Иногда больно, иногда замечаешь за собой некие странности, а временами откровенно галлюцинируешь. Но, увы, так нужно. Издержки профессии.

Интересно, насколько эта отравка изменяет меня в целом? И насколько укорачивает мой век...

Наверное, я и вправду наркоман. Во всяком случае, работать «чистым» мне давно уже в голову не приходит. Без подпитки я быстро устаю, а главное — ограничен в арсенале. Обычная проблема квартерона, обогнавшего в мастерстве полукровок и упершегося в предел возможностей организма. Хочешь работать — убивай себя порошками и микстурами. А не работать для меня — значит почти не жить. То есть жить, но еле-еле. Да, это зависимость, ребята.

Отпускает... Я сажусь посвободнее, закурываю и оглядываю мир за окном совершенно новым взглядом. Словно вместо глаз телеобъективы. И сильнее я. И ловчее. И резче. Ну и наглее поэтому раза в два. Нужно будет следить за собой, чтобы ненароком не обидеть Игоря. Тяжело иметь в начальниках труса и стукача. Увы, в моем случае начальников не выбирают. Судьба такая.

Игорь ждет на углу, разве что не подпрыгивая от нетерпения. Физиономия прямо как голос по телефону — нервная и расстроенная. Обнюхал меня и вызверился.

— Пьяный... — шипит. — Опять пьяный.

— А у меня выходной, между прочим.

— Сейчас они тебе устроят выходной...

Поодаль стоят высокие гости. В том числе и буквально

высокие — две очень красивые женщины с модельными фигурами типа «суповой набор». Шатенка и светлая блондинка. Стоят с таким видом, будто их ничего не касается. Но чую я, стоит нам протянуть еще немного с транспортом, и у Фирмы будут дикие неприятности. В самом деле, что за безобразие: приехали барышни проводить своих благоверных и посмотреть на параллельный мир, а когда им тут опостылело — сбой программы. Как?! Почему?! А вот так! Это ж Россия, понимать надо. Подумаешь, лошади! У нас что угодно может пропасть. Мы сами тут не столько живем, сколько пропадаем.

А девицы собой хороши. Не по-нашему, пугающе. Хотя и не отталкивающе. Ребята говорят, такие вот красотки любят иногда поразвлечься с местными парнями. Еще болтали, что по второму разу никому не захотелось. Чувствуешь себя форменным образом изнасилованным. Ничего удивительного — достаточно заглянуть в эти полные холодного презрения глаза.

Они даже в постели всегда командуют и никогда не забывают о презервативах. В принципе, чистокровная эльфийка может прервать нежелательную беременность простым усилием воли. Но ей это не очень полезно.

Да, светленькой я бы сам отдался разок. Только... Что там было про наше рыло?

Активирую «глаз мага», но на первый взгляд ничего примечательного в радиусе полукилометра нет. Похоже, накрылись кони. Худо. Достанется нам от Фирмы на орехи. Главное, я тут при чем? Но мне наверняка перепадет больше.

— Ладно, Игорь, — говорю. — К делу. Так где лошади?

— Нету... Дверь в квартиру приоткрыта, а их — нет. И ни малейших признаков взлома. Ни царапинки.

— И все-таки? Кто-то увел?

— Нет, я смотрел, там никаких следов.

— Хорошо, рассказывай по порядку.

Эльфийки наконец-то мной заинтересовались. Они не понимают, какого лешего я руки в бока упер и сигаретку пожевываю. Мне полагается для них, высокочтимых, ужом вертеться и раком ползать, а я уже целую минуту с места не сдвинулся. Этот полукровка — ладно, черт с ним, но я-то,

квартирон, почти человек, отчего не чувствую патетики момента?

Поворачиваюсь к высокочтимым спиной.

— Начнем с главного. Почему ты выбрал это место, Игорь?

— Мы всегда здесь работаем. До леса два шага, отличное место для перехода. А в этом доме я снимаю квартиру для лошадей.

Да, место действительно недурное. Окраина города, дряхлые пятиэтажки, до кромки леса недалеко. А в лесу утопанные прогулочные дорожки — как раз то, что надо для разгона Коням Ирумана. Для набора «переходной» скорости такой лошадке хватает сотни метров по прямой.

Понятия не имею, кто он, этот Ируман. Наверное, эльфийский Пржевальский.

— Как ты их маскируешь?

— Под пуделей.

— Пуделей?!

— А в чем дело? Под кого еще? Если ты не в курсе, маскировка должна быть естественной.

— Да нет, это я от неожиданности. Сам понимаешь, Кони Ирумана, легендарные зверюги, Пегасы, блин... И вдруг — пудели.

Игорь надувается. Я, глядя мимо него, внимательно изучаю окрестности. Показалось мне, что ли...

— Игорь, у тебя нет такого впечатления, что тут пахнет орком?

— Тут водкой пахнет! От тебя!

— Все, молчу. Значит, ты их маскируешь, отводишь на квартиру...

— Да, а потом нормальная передержка, как у обычных собак. Выгул, кормление, стандартный ежедневный уход.

— Кормление — что, травой? — Я очень живо представил себе пуделя, щиплющего на газоне травку. И выпученные глаза прохожих. Впрочем, Игорь наверняка выводит своих питомцев, накрывшись каким-нибудь отвлекающим spellsom[1]. Во избежание.

— Да пошел ты!

— Уже иду. И что дальше?

— А дальше я все сказал. Утром они были на месте. Сейчас их нет.

— Утром ты не заметил ничего такого... Необычного? Тебе не показалось, что они нервничали?

Игорь надувается еще больше.

— Здесь определенно пахнет орком, — говорю я. — Звони Витьке.

— Зачем?

— Чтобы узнать, как именно плющит Коней Ирумана, балда! Кого мне искать? Что, по-твоему, пудель в состоянии открыть дверной замок?

Игорь немного уменьшается в размерах и вытаскивает телефон.

— Молодые люди! — доносится из-за спины леденящий душу голос. Такой, что я сразу передумываю отдаваться блондинке. — Вы долго намерены стоять?!

Конечно, она не по-русски говорит, просто мысли транслирует прямо мне в затылок. Но голос, который я слышу, все равно ее. Отвратный голосок. С таким, наверное, в армии хорошо. Или в тюрьме надзирателем.

— Уно моменто, синьора.

— Ты мне не хами, мальчик.

— И в мыслях не было, госпожа. Мы делаем все, что в наших силах.

— Ну-ну...

Отзывается Витька. Это наш бистмастер, специалист по приручению и эксплуатации всякого разного зверья. Самое место ему тут, в зоне происшествия, но на Фирме полукровок лишний раз по мелочам не беспокоят. Не понимают, что, если гонять, аки бобика, квартерона, обзывая его при этом «колдуном» и «четвертушкой», тот однажды может обидеться и раскрутить происшествие до масштабов катастрофы.

Витька уверен, что Коней Ирумана плющит в обычных лошадей.

— Скажи, что здесь пахнет орком, — советую я Игорю. — И пошли этого шарлатана в задницу.

— Наш колдун уверяет, что здесь пахнет орком, — бормочет в трубку окончательно деморализованный Игорь.

— А водкой от колдуна не пахнет? — интересуется Витька. — Пошли этого наглого выскочку в задницу. Или заставь работать. Все, пока.

Не надо меня заставлять работать, я и так уже вышел на режим. Даже вычислил по остаточному излучению квартиру, в которой Игорь прятал своих пуделей. «Глаз мага» по-прежнему сканирует пространство, я медленно наращиваю мощностъ. И в соседнем подъезде, на том же этаже, прямо за стеной, отмечаю непонятное возмущение пространства.

А еще здесь точно лазают орки. И воняют они не как наша земная мелюзга, а похлеще настоящих. Чего, конечно, быть не может. Все-таки тот стакан водки на выходе из дома оказался лишним. Всегда у меня с перепоя резко и неприятно обостряется нюх.

С другой стороны, я очень многое уже просчитал, а чего не смог — домыслил. Картина происшествия ясна. Коней что-то сильно напугало. Они впали в истерику, пробили слабенькую маскировку, и земное биополе их моментально сплющило. Во что-то, что может отпирать замки и бежать, выпучив глаза, подальше от опасности.

Ладно, теперь главное, чтобы в истерику раньше времени не впали наши сплющенные эльфийки.

— Что за кони? — спрашиваю я Игоря. Жестко спрашиваю. Так задает вопросы готовый работать боевой маг.

— А?.. Жеребцы. Вороной и белый. Три и четыре года соответственно.

— Стой здесь, жди.

Иду в проход между длинными приземистыми домами. У одного из подъездов на скамейке пара бабушек. Наша компания им давно и откровенно не нравится. Вот прямо к бабулькам я и направляюсь.

Ну-с, как могло сплющить напуганных коней? Мать-Земля любого, прорвавшегося сюда из Иррэйна, переиначивает максимум за десять секунд. Если, конечно, быстренько не навести маскировку, которая обманет местную энергетику, подавая знак: свой.

Из двуногих только чистокровные эльфы переносят сплющивание без особых последствий. Конечно, поначалу

случается депрессия, однако башню им не сворачивает, да и тело корежит едва-едва: эльфы близки по физиологии к людям. Я пару раз бывал в Иррэйне и видел эльфиек в их истинном обличье. Там они еще красивее, но все равно вокруг них — холод. Такой же, как и от эльфов-мужчин. Ладно, «четвертушка» несчастная, забудь о грустном, действуй.

Бабушки неприязненно смотрят на меня. Я прохожу мимо и останавливаюсь. В такой обстановке «чарм» лучше наводить со спины. Это один из самых простых спеллов, не требующий никакого инструментария. Кроме самого колдуна. Хотя лично я предпочитаю термин «боевой маг». Мне не положено так называть себя, это не мой класс, не моя специальность, но вот — люблю. Может, я и «четвертушка», но зато специалист.

Хорошая штука «очарование». Освоив его на экспертном уровне, ты можешь чармить кого угодно хоть со связанными руками. Разумеется, если против тебя не такой же эксперт. Впрочем, как известно, на каждую тяжелую гирю найдется своя глубокая лужа.

Я возвращаюсь к бабкам. Они меня уже любят как родного.

— Здравствуйте. Скажите, пожалуйста, вы не видели случайно пару мальчишек? Такие очень похожие, только один светленький, а другой темненький? Не пробежали они тут?

— Да вот же, — говорит одна из бабушек и тычет клюкой в сторону дальнего подъезда. — Как раз часа два назад...

— Больше, — перебивает ее другая. — Я вышла, когда «Роковая страсть» закончилась. А ты уже тут сидела...

— Ну, часа три. Выскочили из вон той двери и бегом вот туда... Я еще подумала — чего они так сломя голову бегут...

Везуха тебе, колдун! Я стою перед бабушками, обаятельно улыбаясь, а сам чуть не дрожу от напряжения. Здесь точно ходят орки. Часто и много. Иначе почему такая вонь? Дурак Игорь пристроил своих лошадок буквально в орочье гнездо. Естественно, лошадки психанули. У Коней Ируманда очень тонкая нервная организация. Как следствие, они истеричны и пугливы... Но как четко я вычислил, что ко-

ней сплющит именно в мальчишек! Будет повод Витьку обидеть. Умница ты, колдун.

Дожимаю «глаз мага» до полной мощности, аж волосы на руках шевелятся. Так, вот они! Или что-то очень похожее на них. Мальчишки. Па-ца-ны.

Я легко отделяюсь от бабулек и почти бегом возвращаюсь к Игорю. Умный-то умный, а кое-что забыл.

— Сахару дай!

— Ты нашел их?!

Игорь тянет из кармана пакетик, я рву добычу у него из рук.

— Оркам в пасть коней загнал!

Он бледнеет, но отпирается. Конечно, порода такая.

— Не может быть... Здесь еще вчера ничем не пахло.

— А утром?

Все-таки пахло утром, вижу по глазам. О'кей, при случае и тебя с дерьмом смешаю.

— Стой здесь, держи этот угол. Подкачай свою защиту, она у тебя вся расползлась. И боевые спеллы — чтоб на мгновенную активацию!

— За-а-чем?

— За-а-тем, что могут быть неприятности.

— В чем дело, молодые люди? — волнуется издали блондинка. Сахар заметила и мое возбужденное состояние. Как жаль, что мне не по чину обращаться к ней с прямым вопросом. Например, чувствует ли она, что в воздухе разливается орочья вонь? Все сильнее и сильнее с каждой минутой? Впечатление такое, будто мой как бы тезка, главный местный бандит Ваня Колдун, ведет к богом забытой пятиэтажке на окраине города всю свою без малого тысячную армию вора, убийц, грабителей, а по совместительству еще и насильников.

На «тёрку» ведет. В порошок тереть всех эльфов и полуэльфов. Ну и «четвертушек», понятное дело, тоже — до кучи.

— Ноу проблем, мэм.

— Ты меня сейчас разозлишь, мальчик.

— Не извольте беспокоиться, госпожа.

Делаю ноги. Игорь трясется, эльфийки закипают. Только бабушки меня любят.

За десяток метров до дальнего подъезда сбавляю темп и вхожу в дверь очень спокойно, но уверенно. Еще спокойнее и увереннее, как хозяин положения, иду по лестнице вверх. Стараюсь не пыхтеть. Спортом тебе надо заниматься, голубчик, а не боевой магией.

Пятый этаж. Ободранные двери квартир. Забранная решеткой чердачная лестница.

Ну, вот они. И что нам теперь делать?

Жмутся друг к другу, спинами в угол. Оба на грани полного ступора. Двое мальчишек лет девяти-десяти, один светленький, другой темненький, в одинаковых джинсовых костюмчиках. Забавно Мать-Земля перелицовывает непрошенных гостей. Интересно, удастся ли мне зачармить дико сплюснутых и доведенных до полного края Коней Ирумана.

Еще спокойнее, Дима. Ты их друг. Ты их хозяин. И водой не дыши, лошади этого страсть как не любят.

Я подхожу вплотную и кладу руку светлому на плечо. Он почти не дергается. И на меня не смотрит. Начинаю его полегоньку оглаживать. Удивительно, глазами я вижу джинсовую ткань, а рукой чувствую потную лошадиную шкуру. Привлекаю бедную лошадку к себе, обнимаю свободной рукой вторую.

Эх, вы, транспортные средства...

Успокаиваю коней долго и аккуратно, и они начинают полегоньку оживать. Хорошо, что в квартирах никого нет. Я сейчас, наверное, выгляжу точь-в-точь как отпетый педофил. Конечно, я хорошо вооруженный педофил, но очень не хочется эксцессов с населением. Лишний раз пугать и без того зашуганных коней — слуга покорный...

Так, они уже в состоянии на меня смотреть. Туповато, но доверчиво. Отлично. Скармливаю каждому по два куска сахара. Все, это любовь. Вылизывают мне ладони. Молю небеса, чтобы никто снизу не появился. Ну, мои хорошие, еще чуток помилуемся и пойдем себе тихонечко на выход. А уж эльфийки мигом вас в бараний рог скрутят.

Разглядываю мальчишек и прямо жалею, что не педофил. Кони Ирумана невероятно красивые животные. И, в отличие от их эльфийских хозяев, распространяют вокруг

не холодное сияние, а теплый ласковый свет. Ладно, пойдемте, лошадки. Вы удивительно легко дались мне в руки, но все равно провозился я с вами почти двадцать минут. Пойдемте, маленькие.

Мы без проблем спускаемся по лестнице и выходим во двор. Мои подопечные чуть заметно упираются, однако все еще покорны. Я иду между ними, обнимая измученные существа за худые, но сильные плечи. Надеюсь, им не придется в голову еще чего-нибудь испугаться и понести. Выглядят они, сплюсненные, несерьезно, но в действительности — это лошади. Даже в обличье пуделя они могли запросто высадить копытом дверь своего убежища. Спрашивается — что им мешает прямо сейчас тем же копытом засадить в меня, доброго спасителя? Только то, что я спаситель, и очень добрый. Никаких больше препятствий нет.

Хорошо, а почему же они тогда покинули убежище без лишнего шума? От кого в естественных условиях, среди полей и лесов Иррэйна, скрываются Кони Ирумана? Не бегут, а именно по-тихому скрываются?

Бабушки все еще любят меня. Их умиляет мой вид с паянцами под мышками. На всякий случай я накрываю себя и лошадок пассивной версией «чарма». Теперь, как нас ни разглядывай, зловещий педофил со своими жертвами выглядит просто нормальным гражданином с детьми.

Далеко впереди мандражирует Игорь. Эльфийки, напротив, успокаиваются. Орками несет крепко до одури. Кони начинают дергаться. Я прихватываю их плотнее и стараюсь поделиться с беднягами хотя бы крупницей своей уверенности, которая на самом деле тает с каждой секундой. Потому что, судя по запаху, надвигается полный атас. Наезжает спереди и немного справа. Из-за спины Игоря, мимо него и прямо на меня.

Что делать, категорически не знаю. Игорь, этот тормоз, кретин и старший менеджер Фирмы, до того задержан, что ничего не чувствует. Он даже защиту не натянул плотнее. И спеллы у него толком не готовы. Конечно, в кои-то веки полукровка будет слушать «четвертушку».

А для эльфиек вся Земля пропахла орками. Чуть сильнее воняет, чуть слабее — какая разница?

Мне нужно провести коней еще от силы шагов тридцать — сорок. Дальше их перехватят умелые руки эльфийских наездниц, и моя задача будет выполнена. Но, увы, тут-то действие и закручивается.

Из-за спины Игоря появляется и ныряет в проход между домами, прямо нам с коняшками навстречу, группа парней в однотипных кожанках и спортивных штанах. Все, как на подбор, бритоголовые качки. То ли спортсмены, то ли гомосексуалисты. Короче говоря, на меня топает банда. Шесть особей. И им нет до мужика с детьми совершенно никакого дела. Тут даже отводящий глаза «чарм» ни при чем, бандюки явно движутся мимо. Только вот разит от них в двадцать раз сильнее, чем от нормальной полуорочьей шпаны.

И кентавры мои начинают фыркать, всхрапывать и рваться из рук. Я перенастраиваю все еще активированный «глаз мага», прицельно ощупываю им бандюков, и руки мои на плечах мальчишек невольно ослабевают.

Это рефлекс, я поддаюсь ему буквально на долю секунды. Мне страшно — в основном от неожиданности, — и тело пытается обогнать голову. Не знаю, чего хочет тело — то ли вытаскивать ствол, то ли кастовать [2] «цепную молнию», но коней оно упускает. Стоит на миг ослабить хватку, и кони рвут с места в карьер. Выскальзывают из моих рук и несутся прямо на орков.

Шестеро чистокровных орков. Не сплющенных, а очень грамотно замаскированных. Шестеро воинов.

С этого момента счет идет на секунды, а я в основном пытаюсь наверстывать упущенное и догонять события. Даже перестаю ругать Игоря, из-за глупости и самонадеянности которого заварилась вся каша. Ничего, потом ему в рожу плюну.

Если, конечно, выживем. А для этого нужно поймать коней.

Орки пока еще ничего не понимают и не предпринимают. Впереди идущий, явно вожак, думает, наверное, что это милая шутка — крошечный пацаненок кидается на взрослого дядю с во-он какими бицепсами. Может, на Земле так принято? Он слегка приседает и разводит в стороны

руки — а вот я вас сейчас поймаю! На физиономии вполне человеческая улыбка.

Вообще-то орки нежны с детенышами, как со своими, так и с чужими. Для них только эльфийские дети не в счет. Говорят, в Иррэйне эта братия за милую душу потрошила беременных эльфиек.

Увы, мои сегодняшние дети — те еще лошади. Они с ходу врубаются в громилу, валят на спину и растаптывают его. Растаптывают просто на хрен — я слышу, как хрустят кости. Остальных пятерых мальчишки легко расшвыривают в стороны и устремляются дальше. Орки лежат на асфальте и глядят в серое небо выпученными глазами. А я, крича что-то несусветное и совсем нецензурное, перепрыгиваю через зашибленного жоака и несусь за проклятыми лошадьми следом.

Я мало знаю о повадках Коней Ирумана, но не нужно быть специалистом, чтобы понять: сейчас притормозить коней сможет только сильный шок. Они и так, бедные, который день не в себе. Сначала их накачивали транквилизаторами, чтобы не свихнулись, пребывая в обличье маленьких собачек. Потом запугали аж до сплющивания. Которое загнало несчастных в принципиально чуждые их природе тела. Как они только ноги не поломали, бегая по лестницам... Вот, а теперь еще и орками травят. Ладно, нас на данную минуту интересует только один вопрос. Могут ли доведенные до полного умопомрачения Кони Ирумана по-прежнему формировать зону перехода?

А ведь мы их теряем. Кони ошалели, они прут напролом, их уже не остановишь, а впереди тот самый лес. И эти два жеребца в мальчишеских телах будут нестись по нему, все наращивая скорость и ни черта вокруг не видя, пока наконец не расшибут себе лбы о деревья. После чего толку от них не будет никакого.

А за спиной у меня пятеро невероятно сильных бойцов. Даже пятеро с половиной. Вожак тоже поднимется. Орки, сволочи, живучи.

Впереди Игорь пытается удержать ближнего к нему пачана и красиво улетает в кусты. Эльфийки с напряженны-

ми лицами движутся наперехват, но вряд ли у них что-то выйдет.

Похоже, мой единственный шанс — врезать по окружающему миру «смывкой», а потом из всех сил чармить орков. Подчинить их своей воле я, разумеется, не смогу, но хотя бы сбить с толку... И выиграть несколько секунд. Если все получится, то эльфийки уберутся к себе домой, Игорь наверняка удерет, а я уж как-нибудь выкручусь.

Я вовсе не продумываю этот гениальный план — у меня просто нет времени, — я уже остановился и действую. Провернувшись на каблуке, разрубаю пространство вокруг себя ребром ладони, выкрикивая древнее заклинание. Кажется, с меня градом сыпятся искры. Маленькие такие желтые звездочки.

Мир содрогается и принимает истинный облик. Я сделал полный оборот и опять стою к своим подопечным лицом, а к опасности спиной. Поэтому самого интересного не вижу.

«Смывка» должна на полминуты блокировать земную энергетику в радиусе метров трехсот и вернуть пришельцам их нормальный облик. От такой встряски им здорово поплохееет — всем, кроме эльфиек, которые вроде бы слышали мой вопль и должны быть готовы к перемене.

Сработало — у меня на глазах мальчишки превращаются в коней. Прекрасных животных, распространяющих вокруг себя легкое теплое сияние. По инерции они пробегают еще немного и тормозят, обалдело мотая головами. Белый громко ржет.

Эльфийки должны были стать еще выше и красивее, но я просто не успеваю оценить их метаморфозу. Обе молниеносно бросаются к коням, запрыгивают на них и дают шенкеля. На конях, естественно, никакой сбруи, но эльфийкам это по фигу. Кони опять рвут с места, на этот раз куда более осмысленно.

А за спиной у меня раздается адский грохот.

Я оборачиваюсь, и мне уже не до орков: у вашего покорного слуги отвисает челюсть и подгибаются колени.

Впрочем, оркам тоже не до меня.

Потому что на пятом этаже той самой «хрущобы» выле-

тел кусок стеновой панели и из образовавшейся дыры торчит невероятных размеров длинное черное рыло. Оно дико вращает глазами и оглушительно шипит, разевая жуткую клыкастую пасть.

Рыло изгваздано штукатуркой, но это определенно черный дракон. Молодой. Небольшой.

Орки тихо обалдевают. Выглядят они сейчас отнюдь не воинственно, несмотря на свои огромные когтистые грабли и устрашающие жабы хари.

Игорь из кустов орет благим матом.

Дракон ворочается, в дыре возникают плечи и мощные передние лапы. Он настолько выбит из колеи, что даже плюнуть огнем ему в голову не приходит. Бедную зверушку очень сильно приложило мордой о стену.

Справа, в той стороне, где лес, — яркий сполох. Я поворачиваюсь и успеваю разглядеть, как растворяются в воздухе, истончаются, превращаясь в ничто, две всадницы. Кони прорвались в Иррэйн, унося на спинах мою основную проблему. Теперь можно импровизировать. Я не без труда отдираю ноги от асфальта и бегу вдоль торцевой стены дома, чтобы обследовать, пока еще не поздно, драконо-в корму.

Корма, оказывается, что надо, — безвольно повисшие задние лапы достают аж до третьего этажа. Длинный шипастый хвост нелепо мотается, и из-под него вовсю хлещет жидкое и коричневое. С соответствующим аккомпанементом и сопутствующим запахом. Сногшибательное зрелище, животики надорвать можно, только мне сейчас не до смеха. Я гляжу на драконий хвост. Есть! Хвост надломлен у основания. Это очень важно. Особая примета. Когда дракона сплющит, я буду знать, как его найти.

Что же вы делаете, сволочи?! Только нам драконов тут не хватало. Это уже не орки-боевики, а штурмовая авиация...

Игорь ломится через кусты. Ему и в голову не пришло остаться со мной. Или хотя бы перед бегством долбануть по оркам каким-нибудь парализующим spellom. Козел. Но нет худа без добра — теперь я совсем один и полностью свободен.

А вот и орки. Вполне очухавшиеся и сообразившие, кто виновник торжества.

Все шестеро прут на меня с топотом и гоготом. Вожак теперь позади, одной лапой он держится за грудь — хорошо его мальчишки приложили. Но он по-прежнему в строю и может руководить. Сквозь дикий гвалт — дракон уже не шипит, а воет, как сирена, — пробивается леденящий кровь боевой клич орков. И чармить сейчас эту команду все равно что ставить дракону горчичник.

Пришельцев начнет плющить секунд через пятнадцать-двадцать. Вполне достаточный временной отрезок, чтобы догнать меня и съесть. Хотя, возможно, я утрирую — они жрут только сильных противников. В знак уважения, так сказать.

У меня за пазухой «глок-18», и первая реакция моя вполне человеческая — хлестнуть по врагу длинной очередью. Снова тело шалит, опережая события. Чистокровного воина-орка двумя-тремя пулями не завалишь, ему подавай все десять, да еще и точно в нервные центры. В Иррэйне я видел орков, утыканных арбалетными болтами с ног до головы, — и они еще шевелились. Причем это были не подготовленные бойцы, а всего лишь фермеры: эльфы крестьянское восстание подавляли.

Поэтому я задерживаю руку в сантиметре от кобуры и мгновенно кастую самый большой файрболл, какой только могу из себя выжать. Обратным движением той же руки, тыльной стороной ладони, отшвыриваю этот огненный мяч в середину орочьего строя. И, не дожидаясь шоу, бегу.

Позади визжат. Как свиньи на орочьей ферме. Точно кабанчики в момент кастрации. Хорошо визжат. И далеко. Значит, мне удалось противника сбить с ног и капитально прижечь. Я уже выскочил за границу зоны, накрытой «смывкой», и не могу точно определить, начало орков плющить или пока нет. Но то, что они больше не опасны, — сто процентов. Тем не менее я бегу. Во всю дурь. Как бежали только что ушибленные очередным перевоплощением Кони Ирумана, будь они трижды неладны.

Не знаю, как это у коней, но меня ноги выносят точнехонько к винному магазину.

* * *

Смешивать коллег-полукровок с дерьмом оказывается поздно. Пока я добираюсь к себе и подлечиваю спиртным расшатанные нервы, Игорь успевает смотаться на Фирму и смешать с дерьмом меня. То есть наврать, будто я вел себя некомпетентно, с неоправданным риском и превышением данных мне полномочий. Я даже не могу толком отчитаться — едва заслышав по телефону мой голос, шеф службы безопасности поднимает такой крик, что остается только бросить трубку и налить еще.

Ближе к вечеру звонит Витька:

— Ну что, колдун, обделался?

— Обделался дракон. Слушай, Виктор, как его смогли протащить к нам, а? Ведь стационарные зоны перехода закрыты.

— Главное не как. Важно — зачем.

— Атака на наш центральный офис с крыши? Не вижу смысла.

— Угадал. Скажу по секрету — на Фирме никто его не видит. Но орки ведь тупые, мало ли что им в голову взбрело. Ладно, слушай. Тебя временно переподчинили мне. Понял? Ты теперь мой.

Я протягиваю руку и наливаю. Так, чтобы Витька слышал бульканье.

— Хватит пить, — говорит Витька. — Это ты под Игорем ходил в своей любимой ипостаси. Вечно молодой, вечно пьяный. А у меня — завязывай.

— Угу, — отвечаю я и пью.

— Слушай приказ. Сидишь дома в полной готовности. И по первому свистку отправляешься на дело. Учти, резать дракона придется в момент выгула. Он наверняка будет под хорошей охраной. Так что давай прокачивай скиллы [3], хе-хе...

— М-м... На дракона я, друзья, выйду без испуга. Если с другом буду я, а дракон без друга... Ты меня что, на смерть посылаешь, Виктор?

— Справишься... колдун.

Я тяжело вздыхаю и снова тянусь за выпивкой. На этот раз — слегка дрожащей рукой. Нервное. Должно пройти.

— Почему его просто не затэймить [4]? — со слабой надеждой в голосе подаю идею я. — Вырубить хозяев, а дракона прибрать к рукам? Что, слабо?

— О-о, до чего же ты глупый! Сразу видно: «четвертушка». Стрелку перевести надеешься? Хрен тебе.

Это он меня позлить хочет. А я вот не стану злиться.

— Драконы по второму разу не тэймятся, — лекторским голосом объясняет Витька. — И потом, нам тут живой дракон на фиг не нужен. Так что извини, колдун, а придется тебе его резать.

— Хорошо, — говорю я покорно. — Нам, татарам, конгруэнтно: что трахать, что резать, лишь бы кровь текла. Спасибо — не шинковать.

— Значит, сиди и жди команды. Мои люди сейчас ищут, куда его перепрятали. Как только найдут — твой выход. И учти, за тобой обязательно будут наблюдать. Так что без фокусов, колдун.

— Какие уж тут фокусы... Ты в курсе — у него сломан хвост?

Витька в ответ только фыркает.

— Ты что думаешь, я не в состоянии найти в городе дракона?

«Черт тебя знает, что ты в состоянии», — думаю я. Витька по драконам работал, когда учился в Иррэйне. И сдавал, между прочим, самоубийственный экзамен. Я решаю сменить тему и, если получится, слегка подлизаться к бист-мастеру. А то еще затаит обиду и однажды натравит на меня со спины какого-нибудь... пуделя.

— Виктор, скажи, пожалуйста, а это правда, что говорят про драконью кровь?

Он начинает смеяться, громко и обидно:

— Колдун... Ты действительно колдун. Совсем дикий. Не вздумай! Наоборот — бутылку воды положи в карман и сразу же после вымой руки.

— Почему?

— Ты представь, в каких условиях эта ящерица растет. По уши в грязище и жрет все, что шевелится. Думаешь, почему говорят, будто у них зубы ядовитые? Потому что это не лишено смысла. Они до того грязью заросшие, что точ-

но ядовитые. А какая мерзость в драконьей крови плавает, это вообще неопишимо. Дракону-то по фигуре. А тебе конец.

— Но ведь орки...

— Ты страшно глупый, колдун. Орки сами наполовину лягушки. Может, у них драконья кровь и вызывает какие-то изменения, да... Но для тебя это верная смерть... Ой, знаешь, а я передумал!

— То есть?

— Потом, когда дело сделаешь, разрешаю в драконьей крови умыться. Можешь даже ее выпить. А то ведь ты на Фирме всем до чертиков надоел. Лично я тебе венок пришлю. С ленточкой. Ага?

Некоторое время я молчу, тяжело дыша, чтобы не сказать лишнего. А потом еще покорнее, чем раньше, сообщаю:

— В общем, я пошел точить ножик.

— Только вилку эту свою не бери! — мгновенно реагирует Витька. — Она может оставить след характерный, и тебя по нему вычислят.

— Слушаюсь...

— И не пей больше, понял?!

— Яволь, партайгеноссе. О, чуть не забыл! Так как же все-таки плющит Коней Ирумана, ты, бистмастер?

— В лошадей, колдун. В обыкновенных лошадей.

Вот так. Я кладу трубку и отправляюсь точить ножик.

Полуэльфы в сто раз хуже эльфов. А полуорки гораздо лучше орков. Что за дурная усмешка судьбы? И угораздило же мою бабушку, чтоб ей ни дна ни покрышки, родиться такой охочей до красивых мужиков! Вот и крутись теперь, как можешь, кварталон. Отец-полукровка очень любил тебя и воспитывал человеком. Не хотел для сына тяжелой судьбы. Но ты ее сам выбрал. Полез в эльфы и боевые магии, а стал «четвертушкой» и «колдуном». И ни туда уже ни сюда. По уши погряз в делах Фирмы. А без Фирмы ты будешь либо полное ничто (это если затаишься и не станешь афишировать свои умения), либо труп.

Да, жить среди людей можно. Но очень трудно не колдовать, если это твое призвание. Однажды ты поддашься минутному порыву. Кастанешь пару спеллов, увидишь, что

тебе за это ничего не сделали, облаглеешь... Тут-то тебя и накроет служба безопасности Фирмы. А ты ведь не можешь постоянно ходить с защитой и активированным «глазом мага», это только в компьютерных играх бывает. Ну и с тобой по-нашему, по-человечески разберутся. Улучат момент — хрясь! — и нету колдуна.

С этими невеселыми мыслями я достаю любимый нож. Осматриваю блестящие лезвия, и настроение слегка повышается. Витька пренебрежительно обозвал эту штуку «вилкой», но я-то знаю, что за его словами кроется. Наш героический повелитель драконов побаивается моего ножа. Когда я только-только привез нож из Иррэйна, то жутко им гордился и при любом удобном случае демонстрировал. И все мне завидовали. Витька же, едва увидев это произведение искусства, ляпнул: «Не нож, а дерьмо!» — и поспешил удалиться. Наверное, он слишком хорошо представил себе, какое ощущение возникает под ребрами, если вогнуть туда мою «вилку» колющим ударом.

Конечно, это не совсем тот «Дабл Шэдоу», что сработал наш земной мастер Хиббон. Мой нож сделан не из банальной нержавеющей стали, на него пошла драгоценная иррэйнская оружейная сталь с непроизносимым для человека названием. И ковал его не гном, которому доверять нельзя по определению, а эльфийский кузнец. Он сначала упирался, разглядывая чертеж, бормотал: «Что за глупость?» — и тут я его «на слабо» поймал. Сильная получилась вещь. И стильная. Два узких клинка расположены в виде двузубой вилки с небольшой перемычкой для жесткости. У каждого — изогнутое лезвие и острое жало. На рукоятке ударный наконечник. Очень удобно, когда держишь оружие «обратным хватом». Дал рукояткой в челюсть — клиент свободен. Еще один плюс моего ножика в том, что это непревзойденный инструмент запугивания. Иногда достаточно показать его издали, чтобы конфликт рассосался. Потому что нормальные люди с такими ножами не ходят. А с ненормальным кому охота связываться?

Точить нож совершенно незачем. Я разглядываю его, разглядываю, разглядываю... И свободная рука сама тянется к стакану. Что происходит, ребята? Неужели бесконеч-

ная война эльфов с орками, идущая в Иррэйне, выплескивается на Землю? Странно. Земля не та территория, за которую им стоит бороться. Здесь одинаково плохо себя чувствуют и те и другие. Здесь плющит. Для эльфов наш мир не более чем зона влияния. Для орков — место изгнания, подконтрольное эльфам.

И все-таки, как орки протащили сюда дракона? Уверен, сами они этого сделать не могли.

* * *

Дракона находят уже на следующий день. Он замаскирован под черного дога. С туго забинтованным основанием хвоста. И выгуливает собачку — ни больше ни меньше полуорк-маг Серега Зацепин. Я его немного знаю, это подручный Вани Колдуна, единственный настоящий практикующий маг среди местных орков. Ой, до чего же все плохо!

Витька отдает мне последние распоряжения, я его почти не слушаю.

— Виктор, скажи, наши разобрались, для чего оркам дракон?

— Колдун, это тебя не касается.

— Слушай, а что сейчас в Иррэйне? Ведь эльфы уже лет десять как окончательно зажали орков. Они победили, разве нет? На фига тогда оркам атаковать их земной форпост? Жили бы себе потихоньку... Ведь если они будут рыпаться, их и здесь раздавят.

— Хватит болтать, колдун. Готовься, через два часа выходишь.

Дурак, он только усиливает мои подозрения. Я звоню Игорю. Долго и прочувствованно унижаюсь перед ним. А потом как бы между делом спрашиваю:

— У меня скоро отпуск. Ты не мог бы организовать заявку на переход в Иррэйн? Хочу там пару недель постажироваться у одного боевого мага.

И размякший Игорь, которому я до блеска вылизал его виртуальную пятую точку, проговаривается:

— Извини, колдун, не выйдет. Там какая-то заварушка, им сейчас не до нас. Может, после...

— Опять крестьянское восстание? — предполагаю я.

— Если бы... — вздыхает он. — Ладно, счастливо, а то я зашиваюсь, тут хренова туча начальства понаехала...

— Начальства — оттуда? — почти успеваю спросить я. Но трубка уже гудит.

Итак, в Иррэйне полномасштабные боевые действия. Но тогда — что делает эльфийское начальство на Земле? Не танки же покупает, они в Иррэйне мигом превратятся в мертвые глыбы металла. Там и порох-то не открыт ввиду того, что он просто не будет работать.

Я вытаскиваю нож и в десятый раз за последние сутки разглядываю его. «Вилка», значит? Ну, будет вам, ребята, «вилка». Глупая идея, опасная для жизни, но собственно — почему бы и нет?..

Через два с половиной часа я уже в засаде. Обдолбанный стимуляторами. Навернувший по самое некуда всю доступную мне защиту. И напрочь отсутствующий в той полосе частот, которую сканирует «глаз мага». Из-за этого полунебытия гадко сосет под ложечкой, по спине бегают мурашки. Все необходимые спеллы уже готовы к работе, и удерживать их в таком состоянии тоже не сахар. Если мои жертвы запоздают, придется «страхиваться» и все кастовать заново.

Снова окраина города, пустынный и запущенный парк. Я, как последний идиот, сижу в кустах и жду. Противно ждать. И еще противнее то, что не видно наблюдателя от Фирмы. Кто-то должен меня контролировать. Но я уже и так и этак обшаривал пространство, а его нет. Это очень плохо. На Фирме я самый опытный боевой маг. Спрятаться от меня почти невозможно. А значит — что? Значит, наблюдатель сидит где-нибудь на крыше, откуда за километр, и таращится на узкую аллею, по которой пройдет клиент, через оптику. Черт с ним, лишь бы не через оптический прицел...

Чтобы расслабиться, сжимаю рукоятку ножа, висящего под мышкой. Как всегда, становится легче. Это не свойство иррэйнской стали, просто я свою игрушку люблю. Придется как-то заслонить собой дракона. Или морок навести, чтобы соглядатаи не поняли, чем именно я его режу.

Как известно, убить дракона нелегко. А вот конкретно этого, упакованного до размеров собаки, — раз плюнуть. Суешь ему автоматный ствол под хвост, нажимаешь на курок и стреляешь до посинения. Если ты эстет — как я, — то же самое, но через пасть. Двадцать — тридцать пуль, в подобных вопросах мелочиться не стоит, дело-то серьезное.

Увы, это теория. На практике такой фортель привлечет слишком много внимания. Грохот выстрелов, зверски изуродованный труп собаки... Фирма прикинула возможные последствия и решила: будем резать. Решение проблем втихую — традиционный эльфийский стиль.

Ну, резать так резать. Туши я разделявал на бойне в Ир-рэйне, специально учили. Полагалось еще на связанных орках тренироваться. Я единственный был из наших стажеров, кто отказался наотрез. Полуэльфы меня чуть не зачморили потом. А чистокровные, как ни странно, нет. Наставник сказал: «Ничего, мальчик. Я понимаю. Ты всего лишь «четвертушка», и у тебя нет такой ненависти к этим... существам». Оставалось только кивнуть. Ну действительно, нет у меня к ним антагонизма.

Жаль, что придется бить Зацепина. Хотя не насмерть, а все равно — бить. Он, конечно, гад такой, бандитский прихвостень. Но в целом вполне приличный мужик. И вообще, кто бандит, а кто не очень, еще надо разобраться. Если вам кажется, что служба безопасности Фирмы никого не убивала, бросайте в меня камень первым. Не может оставаться чистенькой громадная финансово-промышленная группа, представляющая интересы эльфов на Земле... На Земле, густо населенной потомками орков-эмигрантов. Слишком густо, чтобы не сказалось влияние орочьего менталитета и мир не начал взрываться. Я-то знаю, что все ученые теории о якобы истинных причинах мировых войн не стоят ни гроша.

Все-таки от эльфов вреда меньше. Эльфы холодны, жестоки, высокомерны и просто звери в вопросах чистоты крови. Орков — представителей расы туповатой, но все равно вполне разумной — поработили и при необходимости режут как свиней. Однако массовый геноцид и жуткую Вторую мировую на Земле учинили именно два полуорка.

Эльфам на Земле ничего практически не нужно. В первую очередь не нужно жизненного пространства. Технологии наши и полезные ископаемые им тоже на фиг не сдались. Но когда-то они выдавили сюда множество орков, что в итоге здорово переменяло облик Земли. Эльфы посмотрели, чего натворили, ужаснулись и теперь чувствуют себя ответственными за судьбу нашего мира. Поэтому Фирма. Поэтому неусыпный контроль за тем, что здесь творится. С опозданием, но хотя бы так. И ведь действует же, получается! Только у нас президент огромной державы, здоровенный громила-полуорк, мог легко и непринужденно, даже с видимым удовольствием, передать власть прямо из рук в руки шуплому, неказистому белобрысому полуэльфу. А ведь мог бы и Ваню Колдуна на трон посадить.

И все-таки меня что-то грызет изнутри. Как любой опытный колдун — ладно, на самом деле колдун, — я волей-неволей тренирован на обостренное восприятие. Особенно тяжело бывает в такие моменты, как сейчас, когда моя вздрюченная стимуляторами нервная система дышит в унисон с дыханием всего мира. Хотите верьте, хотите нет, но я предчувствую серьезную беду. Такую большую, что хватит на всех. Глобальную. Она еще далеко, но здесь ее предвестники — ложь, пропаганда, манипулирование людьми. Конечно, Фирма занимается этим постоянно. Только вот сейчас она, похоже, впервые раскрутила маховик дезинформации на полную катушку. И более того, начала обманывать своих же. Да так, что до мелюзги вроде меня у нее не доходят руки.

Наверное, во мне говорит обида. Меня действительно утомили и достали. Но я имею право знать, что происходит. Ведь надвигающаяся беда касается меня напрямую, как и всех. И я свое право реализую доступным мне способом.

Сидя в кустах и думая обо всем этом, я распаляюсь дальше некуда. И когда в самом конце аллеи появляется Зацепин со своим догодраконом, я уже о-очень злой. То, что надо для убийства животных и членовредительства коллег по цеху.

Сергея все такой же — широкий, бородатый, лысоватый.

Дракон сильно одурманен наркотиками. Тем лучше. Замечаю, что он иноходец. Забавно.

Проклятие! Только успеваю изготавиться к бою, как шагах в двадцати за моими клиентами вырисовывается юная парочка в обнимку. Довольные жизнью тинейджеры, явно сбежавшие с урока. Перепихнуться в кустики. Фу-у, какой я злобный тип. Может, любовь у них. Но все равно вы, молодые люди, сволочи. Одна радость, что вы чистопородные люди и вас можно завернуть слабеньким и почти незаметным spellом. И есть определенный шанс, что Зацепин его не почувет.

Быстро кастую «закрутку». Серега не реагирует — далеко. Пускаю «закрутку» по высокой параболе и аккуратно кладу ее под ноги тинейджерам. Шаг, еще — школьники вступают в зону действия спелла. Ну?!

Зацепин вдруг оборачивается. Буквально секундой позже, чем надо. Потому что парочка уже стоит и о чем-то совещается. Естественно, дети пытаются себе объяснить, с чего это им вдруг захотелось развернуться на сто восемьдесят и пойти другой аллеей. Простите, юноши и девушки. Но я ведь мог и круче с вами обойтись, правда?

Зацепин юношей и девушек внимательно оглядывает. Нервничает мужик. Драконологу все до фонаря.

Так, детишки уходят. Может, и вправду благодаря мне вспомнили о каком-то неотложном деле. Удаляются они весьма естественно, и Зацепин, похоже, решает, что ему померещилось. Все-таки нет у меня на Земле достойных конкурентов. Я-то «закрутку» вижу отлично, маленький полупрозрачный водоворотик.

Ну, давайте же ко мне! Для Сереги у меня припасено заклинанье средней тяжести, а вот дракона я приморожу страшно. Потому что с драконами не шутят.

Я подпускаю их шагов на тридцать и прямо сквозь кусты бью парализующими spellами.

«Стан» летит довольно медленно, и Зацепин успевает изумленно вскинуться. Еще бы, его атаквало пустое место. Запомнит он эту науку, второй раз не попадется. Нужно будет при случае принести ему извинения. Потом, весьма

потом. А сейчас полуорк опрокинутым шкафом деревянно валится на спину.

Дог стоит на двух правых лапах и медленно, очень медленно с них падает на бок.

Я выпрыгиваю на дорожку и первым делом навожу морок — воздух на месте преступления уплотняется и начинает дрожать. Вторым номером программы идет «закрутка», на этот раз очень сильная, в оба конца аллеи. Ну-с, а теперь пора в мясники.

Подбегаю к Зацепину, оцениваю его состояние. Хорошее состояние, полный аут. И надолго. Перехожу к догу, сажусь на корточки, приподнимаю собаке веко. Тяжелое, не собачье. Тычу пальцем в глаз. Никакой реакции, абсолютная блокировка. Что ж, это приятно, я не люблю никого попусту мучить. Бесцеремонно кантую зверюгу, чтобы было удобнее с ней возиться. Хорошо, что я от природы довольно сильный, но физкультурой заниматься нужно все равно... Уф-ф-ф... Достаяю нож. И начинаю шарить левой рукой по шее зверя. Гляжу в сторону. Потому что глазами увижу только черную кожу, а на самом-то деле она — чешуя.

Чешуя, чешуя, чешуя. Бронированные чешуйки, очень мелкие и плотные. Ага, вот оно, это место у основания шеи. Не слабое место, но по драконьим меркам относительно податливое.

По-прежнему не глядя, на ощупь, я подцепляю две соседние чешуйки остриями своего ножа. Мне удастся приподнять их буквально на пару миллиметров. И я изо всех сил вгоняю лезвия в шею пса.

Конечно, я стараюсь встать так, чтобы не очень испачкаться. Но мне ведь приходится давить на нож всем своим весом, иначе ничего не выйдет, это же дракон!

Да, и еще нужно подставить термос под струю.

Хлещет, аж жуть. Кровь у дракона небесно-голубая. Вытекая на землю, она еще некоторое время остается такой и только потом краснеет. Даже не верится.

Дракон умирает, не шевелясь. Здорово я его пришиб. Сейчас, увидев эту невероятную голубизну, я понимаю: и хорошо, что так. Дело не в эритроцитах, или что там у дра-

кона голубого цвета. Нет, в драконьей крови есть что-то еще. Некий компонент, недоступный моему пониманию. Что-то свыше. И возможно, убивая дракона, я совершаю ошибку. Может, их вообще нельзя убивать и все, кто это делает, — уроды.

Впрочем, главный мерзавец в нашей ситуации тот, кто протащил бедную зверюгу сюда. А я так... Немножко стенкой ее ушиб и слегка перышком чикнул.

Я покидаю место преступления в отвратительнейшем расположении духа. Еще жаль перчатки и очень жалко плащ. Он был не новый, но я к нему как-то привык.

Разумеется, моя следующая остановка — винный.

* * *

Витька приказывает залечь и попусту не светиться. Выполняю. Немного колдую над драконьей кровью, чтобы раньше времени не испортилась, и убираю ее в холодильник. Потом двое суток ничего не происходит. Сажу дома. Тренируюсь с ножом, немного подкастовываю, читаю старые конспекты по магии. Выпиваю. Хорошо в разводе — никаких лишних проблем. Думаю, не выйти ли прогуляться, какую-нибудь милую барышню зачармить. Лень. Устал. Смотрю порнуху. Мастурбрую. Скучно, но гигиенично.

Совсем ничего не происходит. Неужели я ошибся?

Оказывается, нет. Я уже как раз начинаю психовать, и тут звонят друзья. Как ни странно, у такого вот неприятного типа могут быть друзья. У меня их целых трое. Один — мой школьный классный руководитель и учитель химии, старый мудрый полуорк, на многое открывший парню глаза. Он до сих пор преподает и между делом варит стимуляторы на всю местную колдовскую братию. А еще двое — молодые полуэльфы, которых папа с мамой неправильно воспитали, и им не в падлу дружить с «четвертушками». Не случись на Фирме этих ребят, я бы давно с ума сошел от тоски и ненависти. Леха с Андрюхой тоже из нашего цеха, только у них специализация немного другая, они клирики. Врезать могут — кишки наружу полезут, но занимаются, как правило, обратным. Поддерживают сотрудников Фир-

мы в хорошей форме. Они и по человеческому образованию врачи.

— Дим, мы тут сидим в одном заведении... Снаружи, прямо скажем, не «Элита», но кухня та же самая...

«Элита» такой непотребно дорогой кабак, что в него, по моему, никто не ходит. Кроме Вани Колдуна. Он его фактически для себя и открыл. Столовка бандитская, так сказать.

Итак, «кухня та же самая». Вполне прозрачный намек. Вот и Колдун проклюнулся. Он их, что, в заложники взял? Да вряд ли. Сожгут ему парни это его «заведение» — и дело с концом. И голос у Лехи такой... Не веселый, но и не заложнический.

— Ты выгляни, Дим, в окно — там должен стоять черный «БМВ». Вот на нем и подъедешь. Ждем-с.

— Ждите, — говорю. А сам так и вибрирую. Страшно мне. Дело не в том, что Колдун меня пристрелить может. Нет, боюсь я от него услышать, что все катится в тартарары.

В «БМВ» молчаливый индифферентный водила. Едем долго, за город. Паркуемся у какой-то страшноватой забегаловки. Перед входом единственная тачка — милицеевская, и в ней скучает патруль.

Внутри забегаловка еще страшнее, чем снаружи. Приходящая битком набита плечистым мордатым народом орочье-го сословия. Меня прозванивают и ощупывают. Ну, давайте. Металлодетектор пищит, но его не слышат. Проворные руки нашаривают на мне пистолет и нож...

— Проходи.

Ну как я могу не любить свою профессию? Если бы еще не приходилось резать драконов, совсем было бы хорошо.

Леха с Андрюхой пьют шампанское. Не успеваю я сесть, как возникает официант, совершенно несовместимый с убогой обстановкой вокруг, и наливает мне. Не спросясь. Значит, банкет за счет принимающей стороны. Точно не убьют. Ваня жмот известный, чего ему на покойников тратить? Надо же, и официантов сюда приволок, и приборы, и скатерти. Тяжела ты, шляпа Аль Капоне, сильно давишь на мозги.

— Привет, Димон, — поднимает бокал Леха. — Твое здоровье.

— Аналогично.

— Тебе оно больше понадобится. На тебя Ваня обиделся.

— А чего он тут драконов развел?

— А чего ты ему визитную карточку оставил? Твой нож полгорода знает. Что, забыл, кто у нас менты?

Орки у нас менты. А я однажды по пьяни с Ваниными бойцами повздорил. Тоже орками, естественно. Усталый был, не хотел кастовать и просто ножом их отогнал. Запомнили. На что я, собственно, и рассчитывал, когда резал дракона.

Гляжу через плечо. В углу за очень большим, явно специально привезенным столом одинокий Ваня пожирает во-от такого лобстера. Увидел меня, косится, но пока не зовет.

Рожа у Вани страхолюдная, чистокровному орку впору. Легенда гласит, что, когда он водительские права купил, ему старшие товарищи сказали: «Ваня, не надо, разоришься. С твоей ряхой каждый встречный мент будет тебя останавливать и проверять на алкоголь. И не докажешь, что трезвый, скорее решат — прибор сломался». Несколько лет назад ряха не помешала Ване успешно раскрутить депутатскую предвыборную кампанию, но его вовремя Фирма окоротила. Мол, не хватало еще, чтобы такой живоглот законы выдумывал.

А шампанское у живоглота, между прочим, отменное.

— Вы-то почему здесь, господа? — спрашиваю.

— А поговорить.

— С этим чудовищем?

— Да нет... С тобой, Димон, с тобой...

Я смотрю на молчуна Андрюху, тот кивает. Между прочим, он уже вторую минуту полегоньку меня чармит. Не агрессивно, а так, чтобы я расслабился и не принимал решения сгоряча.

— Хватит, — говорю, — Андрей. — Не нужна мне терапия, мне информация нужна.

— Ты поэтому, — тут же встречается Леха, — таким заметным ножом работал?

— Конечно.

— Димон, ты сейчас на хорошем взводе, правда? Ты в таком состоянии кожей должен чувствовать, когда тебе врут.

— Допустим. Вы оба тоже... В хорошем состоянии.

— Значит, можем говорить прямо и без опаски. В Иррэйне у эльфов дела очень плохи, Дим. И давно, мы просто не знали. Орки перешли в наступление по всему фронту еще полгода назад. Они применяют какую-то новую тактику, а наши предки настолько тупы и высокомерны, что до сих пор не нашли способов ей противостоять. И теперь им крышка.

— Ты... — У меня вдруг пересыхает в горле, и я тянусь за шампанским. Господи, как легко он все это сказал! Прямо и не поверишь, что перед тобой полуэльф, да еще и элитный специалист, несколько лет проходивший обучение на исторической родине. Он к Иррэйну должен всей душой, всем сердцем... — Насколько это точные данные?

А сам чую, вижу, чувствую: данные точные. Я действительно здорово на взводе. И ребята тоже — не меньше. Ле-ха что-то начинает объяснять, но я его перебиваю:

— Значит, эта возня с драконом — часть новой тактики орков?

— Да нет же! Совсем наоборот.

Снова оглядываюсь на Ваню. Он жрет. Его защита переливается всеми цветами радуги. Наведенная защита, само Ваня кастовать не умеет. Он и Колдуном стал всего лишь потому, что на него всегда пахал Зацепин и еще пара слабеньких орочьих магов. Орки, в принципе, маги никудышные, они больше насчет подраться. Склонны к насилию. Далеко не каждый земной уголовник — орк, но каждый второй орк — уголовник. Еще из них менты получаются что надо, пожарные отчаянные и офицеры спецназа круче некуда. Только, увы, гораздо реже получаются, чем бандиты. К тому же ментов в основном Ваня перекупил. Они ему легко поддаются, чуют родственную душу.

Любой полуэльф и даже «четвертушка» вроде меня знает про историю отношений Иррэйна с Землей все. А у орков наоборот — в тайну посвящен очень узкий круг. Наши

орки давно потеряли контакт с Иррэйном и оторвались от родной культуры. Эльфы просто заколдовали все стационарные зоны перехода, а Кони Ирумана оркам в лапы не давались отродясь.

И еще мы по-разному подходим к одному и тому же принципу: кто владеет информацией, тот владеет миром. Эльфы хотят на наш мир влиять. А такие, как Ваня, — им править.

Оборачиваюсь к Лехе. Он терпеливо ждет.

— Так что там про дракона?

— Дим, ты хотя бы приблизительно знаешь, сколько эльфов приехало на Землю за последние несколько месяцев?

— Да кто ж мне скажет!

— Вот именно. А мы с Андреем знаем, за нами же медицинское обслуживание всей этой... несусветной толпы. Несусветной, Дим.

— Они бегут?!. Сюда?!. — Я не могу поверить. Я вижу правду у себя под носом, но не хочу в нее этим носом тыкаться. Боюсь, что окажется слишком больно.

— Они даже в Америку бегут... — лениво бормочет Андрей, чем окончательно меня добивает. Америка для эльфа как для юдофоба Израиль. Вообще-то США и Россия две самые орочьи страны на Земле, но у нас хотя бы полуэльф в Кремле сидит. А за океаном последние сто лет рулят только полуорки и квартероны. Американцы поэтому и наглеют так... Мне иногда молиться хочется — господи, дай человечеству еще хотя бы век продержаться! Глядишь, и сойдет на нет влияние орочьей крови, растворится она в крови людской и мир успокоится. А эльфы — вы спросите, — что же эльфы? А эльфийскими генами можно пренебречь, эльфы скрещиваются с людьми очень редко.

И тут мне становится как-то удивительно грустно. Потому что все идет к тому, что пренебрегать эльфийскими генами больше не выйдет.

— Значит, получается... — очень тихо говорю я, — получается, эльфов выдают к нам?

— Уже выдавливают. Как пасту из тюбика.

— Поверить не могу, что эльфы проиграют оркам войну.

— Я сам не могу, — признается Леха. — Но ты же знаешь, как орки пластичны. Они это доказали у нас, на Земле.

Да, орки в подавляющем своем большинстве не умны, но это удивительно податливый и благодарный материал. Я видел в Иррэйне орков-слуг, которых некоторые не очень брезгливые эльфы дрессировали в порядке забавы. Прямо скажу, внушали уважение эти мальчики и девочки.

Вспоминаю смешную орочью девчонку, которая убирала в моей комнате и приносила еду. Мы так сдружились, что я, клянусь, на полном серьезе прикидывал, как увезти бедняжку на Землю. Пусть ее сплющило бы в какую-нибудь страхолюдину, но все равно она получила бы наконец свободу, которой была достойна.

Тут же приходит на ум аналогия с чернокожими землянами, потомками рабов. И все становится намного понятнее. Между прочим, в Лондоне сейчас черных больше, чем белых... Одна радость, что носителей орочьих генов среди нас все равно в десять раз меньше, чем чистокровных людей. Если понадобится, мы их того... Затопчем.

Замечаю, что рассуждаю как эльф. Затопчем! Вот, затоптали уже одни такие. Две тысячи лет топтали, дотоптались. А теперь орки из них шашлык-машлык делают. И, давайте уж признаемся, на вполне законных основаниях. Исторически эльфы хайлендеры, горцы. Жизнь в горах, сами понимаете, не мед. А орки — равнинные земледельцы и скотоводы. Ну и в один прекрасный день... Дальше рассказывать?

Немного прихожу в себя, и изо рта вырывается спонтанно фраза:

— Гарсон! Коньяк, пожалуйста!

Чувствую спиной неприязненный взгляд Колдуна. Да пошел ты! Убью. Ты-то не полноценный орк, несчастный эмигрант. Ты наша земная шваль. Такая же, как и я. И жалеть тебя нечего.

Несчастный эмигрант? А самоубийца — не хотите? Они шли, спасаясь от наступавших эльфов, в основном женщины и дети, но были с ними и мужчины-проводники. Шли к «запретным местам», на которые еще их далекими предками было наложено строжайшее табу. Шли без малейшей

надежды, потому что ступивший в зону перехода бесследно исчезал.

Они же не знали, что это зоны перехода. Им просто казалось лучше сгнуться, чем жить под пятой.

Иногда этот поток иссякал на долгие годы. Иногда струился тоненьким ручейком. На Земле были довольно смутные времена, перемещения граждан почти не контролировались, и появление новых людей в образе беглых крепостных или первопоселенцев никого не трогало. А среди иррэйнских орков о «запретных местах» слагались новые легенды, вокруг них возникали религиозные культы. В конце девятнадцатого века и начале двадцатого было несколько мощных волн эмиграции, которые подтолкнул как раз некий орочий Мессия. Явно не дурак, предположивший, что исчезнуть в коротком сполохе нежгучего пламени вовсе не значит отдать концы. Эльфы почуяли, что рабы малость распоясались, потом — я уже вспоминал — увидели, что творится на Земле их попустительством, и на зоны были наложены страшные заклятия. Которые, между прочим, даже сами эльфы черта с два снимают. Но у эльфов были Кони Ирумана, они могли себе позволить такую роскошь.

То-то они сейчас, наверное, локти кусают и волосья рвут.

— Стационарные зоны перехода все еще заблокированы? — моментально пробуждаюсь к жизни я. Надо же, не заметил, как мне коньяку налили. И ребятам тоже.

— Смешно за тобой наблюдать, Димон.

— Не понял? — Я нюхаю рюмку, и настроение слегка повышается.

— Очень хорошо у тебя мыслительный процесс на лице отражается. Блокированы зоны, все нормально.

— Да что ж тут нормального, Леша? — с вкрадчивостью гадюки интересуюсь я.

— А ты не догадываешься? — Леха делает вид, что удивлен, салютует рюмкой и пьет. Андрей свою дозу крутит в пальцах и по-прежнему старается меня чармить.

Я залпом проглатываю коньяк и говорю:

— Пойду-ка чуток подышу воздухом.

Парни было напрягаются, но я успеваю активироваться первым — меня всего так и трясет, я страшен.

— Не вздумайте, ребята... И мне, правда, нужно отдышаться.

— Ты вернешься? — спрашивает Андрей подчеркнуто спокойным голосом. — Ты нам очень нужен.

— Я всем нужен. Посмотрим. Одно гарантирую — стучать не буду.

— Это ведь не твоя война, правда? Ты же «четвертушка».

— Какой ты сегодня болтливый, полуэльф.

Андрей опускает глаза.

— Расстрелять всех полуэльфов! — говорю я искренне. Встаю и иду к выходу. Спину мне буравит ненавидящий взгляд Колдуна. Не думаю, что он...

А он-то как раз думает. Придурок.

— Взять его! — орет Колдун. Что интересно, не полуэльфам, а шпане своей, которая тусуется у входа.

Высший пилотаж — я выстреливаю сразу в три стороны разными спеллами. Полуэльфов на всякий случай накрываю мощнейшим «станом», а Колдуна, памятуя о его защите от магии, просто и нетактично бью по морде обеденным столом. Вообще-то такая защита мне на ползуба, но я хочу козла унизить.

В прихожую я запускаю легонькую, почти безвредную «цепную молнию», и там начинается тотальная пляска святого Витта. Помню, как мне один тип описывал последствия удара шокером: «Лежишь весь обоссанный, полностью дискредитированный...» Вот пускай и они так полежат. Им полезно.

Леха с Андреем успели закрыться, но все равно их прихватило — сидят и даже не моргают. Колдун в отрубе: стол тяжелый. Сам виноват. Таскаешь за собой большие красивые столы, вот и получай. Охрана в прихожей уже затихла. Я перешагиваю через тела и отмечаю: действительно, полностью дискредитированы.

В дверях сталкиваюсь с давешним милицейским патрулем и легко чармлю всех троих. Я сейчас до того злой, что могу зачармить, наверное, танк. Или вертолет. Вы знаете, что вертолеты — это души умерших танков?.. Загоняю

ментов обратно в машину. Адски хочется выпить. Иду к своему «БМВ». Уже своему.

— В город.

У первого же ларька беру водки и шоколада. Бесплатно, естественно, беру. Сажусь в машину и прикладываюсь к горлышку. Пью методично и целеустремленно, пока не становится немного легче. Сажу и жду, когда же совсем «заберет». Чтобы рассосалась затопившая душу ненависть.

Кого же вы хотите сделать из меня, друзья-товарищи?

Как ни странно, минут через пятнадцать мне уже почти ни до чего. Машина углубляется в город, я счастливо покурываю на заднем сиденье и небольшими глоточками добиваю свои полбанки. Совсем успокаиваюсь, отпускаю машину (точнее, даю водиле задание как можно скорее прибыть в город Лабытнанги) и иду гулять.

Дальнейшее запомнилось смутно. Точно взял еще полбанки. Угощал водкой какую-то молодежь. Пел хором под гитару что-то. Драку небольшую остановил. Девушке какой-то жаловался на беспросветное одиночество. Но не чармил ее, это точно, я, когда пьяный, очень честный. Потом шлялся черт знает где и еще пил. Навстречу девушки шли, я им не уступил дорогу, сообразил, что это не поджентльменски, и долго витиевато извинялся. За девушками топали парни, начали у них выяснять, чего я говорил, а я уже был далеко, и они мне в спину долго кричали: «Иди сюда, пидор! Пидор волосатый!» Помню, мне еще смешно было, волосатых пидоров сейчас днем с огнем не сыщешь, а у меня как раз прическа очень даже мужская, нормальная прическа воина, хотя древние воины, доложу я вам, тоже были те еще друзья... Я над таким парадоксом глубоко задумался и, наверное, только поэтому не кастанул назад фэйрболл, не глядя, на кого бог пошлет, а ведь хотел, но не стал.

Потом, но уже в совсем другом месте, кто-то на меня все-таки полез с кулаками, и я его хорошо приложил рукояткой ножа в зубы. Нож у меня уже давно был в руке, это успокаивало и отгоняло назойливую мысль, которая неожиданно вернулась в голову вслед за окончательным и беспросветным алкогольным опьянением.

Кого же вы из меня сделать хотите, перебежчики?

Потом я, кажется, еще пил и еще кому-то жаловался на судьбу. Но меня, как всегда, никто не понимал. Мелькали неясные лица, вроде бы человеческие, но от этого все равно не выглядевшие родными. Похоже, мое опьянение к тому моменту уже перешло в тяжкую фазу, потому что я почувствовал себя несчастным просто до слез — а что, не так, что ли? Увы, ответить на свое несчастье я мог только привычной злобой. Этот мир, ушербный, перекошенный, испорченный эльфами и изнасилованный орками, не хотел понимать меня и принимать таким, какой я есть. Мир ненавидел меня, а я — его.

Потом я кого-то зарезал.

* * *

Просыпаюсь, как ни странно, не в канаве, а на кровати. В еще худшем настроении, чем вчера. Открываю глаза, вижу над собой незнакомый облезлый потолок. И кровать не моя, чужая. Наверное, к какой-нибудь шлюхе занесло. Хочется надеяться, что в моем вчерашнем состоянии я уже не был способен на интимную жизнь. Заразы только не хватало. И вообще, я частенько бываю чисто по-эльфийски брезглив. Наверное, поэтому до сих пор ничем венерическим не болел.

Лежу голый, в странной распятой позе. Начинаю вертеть головой. Ее от такого обращения корежит, перед глазами все плывет. Моргаю. Ого! Привязали. Веревками. Однако интересный поворот событий. Кто это меня? Банда сатанистов? Тайное общество элфоненавистников? Секта педерастов? Угу, вроде того. Чую руку Колдуна. Похоже, мальчик, ты слегка вляпался. Ладно, давай отскребайся.

В соседней комнате трое, один точно маг. Кажется, все тот же Зацепин. Жив курилка. Не забыть бы перед ним извиниться.

Очень хочется в сортир. Можно попробовать веревку пережечь, но боюсь повредить руку.

— Эй! — кричу хрипло. — Есть тут кто живой?

Открывается дверь, входят двое ментов, полуорк и чело-

век. Глядят победоносно. Хихикают. Чего ржете, это просто утренняя эрекция.

Я уже объяснял, даже на экспертном уровне «чарм» наводится, если можно так сказать, «без рук». А я не эксперт, у меня степень мастера, официально подтвержденная Большим Кругом Магов Иррэйна.

Поэтому я отсекаю комнату от спальни легким барьером, чтобы Серега раньше времени не дергался, а ментам просто говорю ласково:

— Отвязали бы вы меня, парни.

Бросаются отвязывать как миленькие. Прыжками. Сажусь на кровати, кривлюсь от головной боли. Ой, до чего же мне нехорошо. А впереди сплошь труды. Не загнуться бы.

Выхожу в комнату. Хороша картинка — голый мужик, по бокам два автоматчика. Действительно, сидит Зацепин. Тарашится на меня обалдело. И вроде бы даже смущается. А чего, у меня все на месте и как надо, девочкам нравится.

— Привет, — говорю, — Сергей. Ты уж прости за тот случай, ладно? Не хотел я тебя блокировать, но просто выхода другого не было. Ты как, быстро оклемался-то?

— Д-да ничего... — бормочет он. — Все нормально, Дим.

— Я честно больше не буду.

Зацепин только кивает. Спорю, он, когда в парке очухался, первым делом возблагодарил небо за то, что я его не убил. Интересно, как он себе объяснил мой выбор. Припадок милосердия? Корпоративная солидарность? Еще интереснее, понимаю ли я сам до конца свои мотивы.

Серега мог бы сейчас довольно легко завалить меня, если бы догадывался как. Но поразмыслить на этот счет он дрейфит. Даже с похмелья я внушаю ему уважение. Хорошая вещь плохая репутация.

На кухне с отрешенным видом курит смазливая шлюшка, уже с утра покрашенная по-вечернему. Легкая примесь орочьей крови.

— Здорово, — говорю. — Надеюсь, я тебя не обидел вчера?

Ноль внимания, фунт презрения. Обидел, значит.

Ладно, она хотя бы живая. А вот кого и за каким дьяволом я прошлой ночью по горлу ножиком хватанул? Или приснилось мне?

За стеной попискивают кнопки мобильного. Наверняка Зацепин боссу докладывает, что со мной уже можно общаться.

В ванной потрепанное зеркало. Долго разглядываю свою помятую физиономию. Зеркало старается ей льстить, но это сейчас дохлый номер. Хватит ли у меня сил уйти отсюда без нанесения лишних увечий противнику? Под стимулятором, наверное, хватит. Но выдержу ли я стимулятор? И зачем мне, собственно, уходить?

Возвращаюсь к Зацепину и ментам.

— Шмотки мои где?

Вот они, шмотки, в стенном шкафу. Одеваюсь. Карманы одежды девственно пусты. Естественно, нет перевязи с ножом и пистолетом.

— Личные вещи, документы, оружие.

Менты дружно лезут в соседний шкаф. Зацепин опасно фыркает.

— Не беспокойся, Сергей, я остаюсь с вами.

У меня до того убитые интонации, что Серега верит. Мент-человек протягивает большой пакет. С наслаждением влезая в перевязь, рассовываю по привычным местам барахло. Приоткрываю на секунду маленький термос — вроде бы там внутри порядок, — опускаю его в карман. Зажимаю в руке спичечный коробок с зеленым порошком и иду на кухню. Коробок жжет ладонь. Ужас, что сейчас со мной будет.

Шлюшка все курит. В холодильнике нахожу пиво. Откупориваю бутылку, делаю несколько осторожных глотков. Достая из короба щепотку дряни, скатываю в маленький шарик, кладу под язык. Сажусь за стол, руки складываю, поверх них — голову. Жду светопредставления.

Вроде бы и не нужен мне стимулятор, но без него Колдуна встречать боязно. Я с похмелья не боец, а Ване убить что некоторым сплунуть.

Кстати, а мне?... Встрепенувшись, тащу из ножен свою живопыру. Чистенькая.

— Эй, парни! — кричу. — Вы не в курсе, я, случаем, вчера никого на тот свет не отправил?

— Без понятия. — Это мент-полуорк. — В районе за

ночь троих порезали и одного табуреткой насмерть забили. Твой какой?

— У моего горло расписано. Несовместимо с жизнью.

— Может, не нашли еще...

Тут меня начинает выворачивать наизнанку. Не в смысле тошнить, а просто целиком вывертывать, как грязный носок, с таким же примерно запахом по всей кухне. Шлюшка морщится и наконец-то глядит в мою сторону с интересом. Не понимаю, зачем выворачивать грязные носки? Их надо класть в стиральную машину... И меня кладет в стиральную машину. Почему-то сразу на отжим. Оборотов под тысячу.

Более или менее возвращаюсь к реальности опять в лежачем положении. На той же кровати. Рядом сосредоточенный Зацепин, его теплые добрые руки сжимают мои виски. Хороший ты мужик, Серега, хотя и потенциальный враг. Это тебе еще зачтется при случае.

— Хватит... — еле-еле выдавливаю. — Я в порядке, спасибо.

Из-за двери опасно выглядывают сильно встревоженные менты. Зацепин расслабляется и трясет ладонями в воздухе.

— Ты страшно кричал, Дима. Страшно. В жизни такого не слышал.

— Извини. Эй, ребята, там пиво... Дайте, а?

Приносят, я немного отпиваю. Становится еще легче.

— Спасибо, парни. Век не забуду.

— Да мы чего... Ты-то как? — Под «чармом» мои тюремщики донельзя милые и ласковые.

— Нормально. — Пробую встать, но меня шатает. И способность кастовать, чувствую, гораздо ниже привычной нормы. Для ординарной драки вроде хватит, а вот для масштабного побоища — увы. Не хочет психика выходить на режим, не держит она его больше. Допился кудесник. Минимум дня три в себя приходить.

В дверь звонят, один из ментов уходит открывать. Шевеление, приглушенные голоса. Я сижу на кровати и тупо гляжу в стену. Жду.

Появляется Колдун. Морда опухшая против обычного

вдвое, буквально в дверь не лезет. Еще бы, такое механическое воздействие пережить... Защита наворочена круче, чем вчера, она вся искрится и даже вроде бы хрустит.

— А хорошо ты его прикрыл, — говорю Зацепину. — Не всякий мастер пробьет.

— Допустим, не всякий грандмастер! — пыжится Зацепин. Но я вижу — ему приятно.

— Кончай базар, колдуны, — приказывает Колдун. — Ты! — Это Зацепину. — Выйди пока.

Сергея мнется, ему боязно за клиента.

— Иди, иди, — отмахиваюсь я, и Зацепин действительно уходит, притворив за собой дверь. Ваня усаживается на стул и закуривает. Я тоже лезу за сигаретами. Колдун при этом моем жесте слегка меняется в лице, но быстро с эмоциями справляется. Похоже, он на меня за вчерашнее не в обиде. Скорее наоборот, зауважал.

Некоторое время мы молча курим, роняя пепел на паркет и разглядывая один другого. Наконец Колдуна прорывает. Он достает из-за пазухи листок в размер фотокарточки, сует его мне под нос и спрашивает с приторным миролюбием в голосе:

— Зачем ты убил моих людей, Саид?

Вау, у нас, оказывается, есть чувство юмора. Жаль, не помню, что там дальше по тексту. Безмятежно выдаю первое, что приходит в голову:

— Ребята попросили.

Колдун угрожающе сопит. Я забираю у него карточку. Смотрю и с неподдельным изумлением спрашиваю:

— Это что?!

— Не-ет, — тянет Колдун. — Это я у тебя хочу спросить — что? А?!

— Что, что... «Чейн лайтнинг». Цепная молния... погоди, дай разобраться.

Ваня старше меня почти вдвое, ему верный полтинник, но называть такого людоеда на «вы» я органически не в состоянии.

На фотографии мои старые приятели, орки-боевики. Все шестеро. Лежат компактной группой. Обугленные. Чересчур, попросту излишне, демонстративно обугленные.

Как будто маг пробовал силу. Или хотел показать, насколько силен. А силен он весьма. Меня охватывает легкая нервная дрожь. Это грандмастер. Совершенно точно — эльф. Может быть, даже мой иррэйнский наставник. Бр-р-р... Возвращаю карточку Ване.

— Извини, но я тут ни при чем.

Ваня пару секунд пытливо на меня смотрит, а потом отводит глаза и начинает странно жевать губами. Наверное, так ему соображать легче.

— За мной дракон, что было, то было. А тут не моя работа.

— У-у, — говорит Ваня. — У-у, ...!

— Соболезную.

— Помолчи!

— Йес, сэр.

Он размышляет еще полминуты. Бросает окуроч на пол, топчет его ногой. И неожиданно спрашивает:

— Ты чего удрал вчера?

— Мне нужно было все обдумать. А ты наверняка заставил бы меня решать немедленно.

— Ха! Какой, понимаешь... мыслитель. Лови его потом по всему городу. Скажешь, легко? Зацепин с ног сбился, пока тебя вынюхивал. А убытки? Этому плати, тому плати, машины гоняй, ментов подключай, плюс девка не работает, хата простаивает... Ну и чего же ты решил?

— Не вмешиваться.

Ваня начинает картинно закипать. Но я уже сообразил: после вчерашнего шоу он меня не тронет. Достаточно провозгласить нейтралитет, и я уже для Колдуна не враг, а наемник, которому просто нужно предложить хорошую цену. Других категорий Ваня и не знает.

— Пацан, ты хотя бы представляешь, сколько мне должен?!

— За дракона? Представляю. Средних размеров поместье в Иррэйне и рабов душ пятьсот. Стандартная цена.

Ваня было замахивается, но я уже протолкнул сквозь его защиту нож. Слегка щекочу толстое брюхо. Клиент в изумлении.

— Только не сердись попусту на своих людей. Они ничего не могли поделать. Со мной вообще... Тяжело.

Колдун пыхтит. С каждой демонстрацией силы я нравлюсь ему все больше.

— Ладно, спрячь перо, — говорит он. — Понтыршик.

— На себя посмотри. Ворюга.

— Что?! А пистолет?! — неожиданно орет Ваня. — Забыл, да?! Ты в курсе вообще, сколько такой стоит? Сам ты ворюга!

Я к перемене темы не готов и в ответ на претензию глупо ухмыляюсь. Злопамятный тип Ваня Колдун. Хотя «глок-18» действительно стоит денег. Эта модель не поступала в коммерческую продажу, и достать ее сложно. Кому угодно, кроме меня, я ведь просто-напросто отнял пушку у наших бандитов пару лет назад. Чего-то они косо на меня посмотрели, и очень зря — маг был пьян. Ваня потом звонил на Фирму и жаловался. Ваня любит звонить на Фирму и возбуждаться по малейшему поводу. Игорь меня за эту выходку здорово отчихвостили и пистолет сказал вернуть. Но я уперся. А вы бы отдали уркам-оркам автоматическое оружие с темпом стрельбы тысяча триста в минуту? Зачем оно им, поранятся еще...

— Я тебе однажды дебет с кредитом сведу, — обещает Ваня, отдуваясь. — Разозлишь меня как следует — быстро все припомню. Так что фильтруй базар... колдун. Ха! Колдун... Негодяй. Кровопийца. Обидно, но придется дать тебе еще денег.

— За что?

— На работу тебя беру. Десять тысяч в месяц. Нормально?

Медленно засовываю нож на место, застегиваю клапан. Ничего себе, расщедрился жадный Ваня. На Фирме мне платят вчетверо меньше, даже с учетом премиальных за спецоперации. Хорошо же тебя, Колдун, прижало.

— Давай поговорим, — предлагаю я. — Ты ведь хотел говорить со мной?

— Еще машину подарю. Иномарку.

Боже мой, он ведь действительно здорово испуган!

— Зачем тебе понадобился дракон, Ваня?

— Хватит набивать цену, эльфийская рожа. Со мной не торгуются.

Я снова достаю нож и слегка им поигрываю.

— Ошибаешься, Колдун, рожу у меня совсем не эльфийская. Я человек, понял? Я свободен в выборе. Сам решаю, за кого играть. Захочу — и ваши разборки не будут меня касаться.

— Тогда зачем ты убил дракона?

— Повторяю: ребята попросили... Слушай, Колдун, не валяй дурака. Ты хочешь, чтобы я для тебя что-то сделал. Тогда объясни — почему?

Ваня снова закуривает. Видно, что он не привык объяснять.

— Ты по-английски сечешь, эльф?

Я обрубая ему сигарету прямо у самых губ. Один фильтр остается. Сам удивляюсь, как мне с похмелья удалось такое ювелирное движение. Колдун хотел меня разозлить, и это у него вышло.

— Извиняюсь, — говорит Колдун спокойно. Выплевывает фильтр и сует в пасть новую сигарету. Вот почему он у бандитов главный. Ваня, конечно, такой же психопат, как и они все, но у него гораздо лучше самоконтроль. — Не думал, что тебя это так обижает. Ну вот... Неделью уже в «Президенте» живет на вип-этаже один англичашка. И зовут его, представь себе, Элвин Арчер. Не хило?

— Мало ли, какие бывают имена, — говорю я. А про себя отмечаю: фигушки. Эльфийский Лучник — прозрачнее намек не придумаешь. Они всегда так делают, когда идут кого-нибудь чисто конкретно убивать. Вносят в убийство легкий элемент поединка. Дают жертве знать, что охота началась. Так требует их кодекс воинской чести. Прежде чем наступить на таракана, громко сказать ему: «Внимание, давлую!»

Однажды такие пижоны вдруг проигрывают. И по-крупному. Прямо как сейчас. Но изменить манеру поведения не могут все равно. Одно слово — не люди. И между прочим, не орки.

— Ладно, не ври, — советует Колдун снисходительно. — Ты же знаешь их породу. В общем, этот Арчер здесь по мою душу. Проверено. Сто пудов. Я звоню к вам на Фирму и спрашиваю — какого хрена? А мне в ответ: ничего не зна-

ем. Понял? Арчер сидит на этаже и не выходит никуда. А у меня начинают гибнуть люди. Самые лучшие. По одному. Он сидит безвылазно. А люди тью-тью. И не пулей, не ножом убиты — колдовством. Этими, как вы их... Спеллами.

— И что? — спрашиваю я с замиранием сердца. Мне уже все ясно.

— И то, что пару раз он все-таки спалился. Видели его, понимаешь? Я приказал своим не ходить по одному, перекрестное наблюдение установил — и его засекли. На подходе, но все равно ничего сделать не успели. Я опять звоню на Фирму. Ответ тот же. А мы ведь раньше с вашими душа в душу... Что, говорю, самому выкручиваться? Они снова: ничего не знаем. А чего тут не знать-то?! Этот Арчер киллер. Наверное, лучший в мире. И скоро он до меня доберется.

— А ты его не пробовал...

— Еще как пробовал! В последний раз вообще номер его штурмом брали. После того уже, как он, падла, снайпера убил. Чудом отмазались потом, вагон денег заплатили. Я же говорю: лучший в мире киллер.

— Нет такого слова в русском языке! — неожиданно даже для себя огрызаюсь я.

— А какое есть? — удивляется Колдун.

— Убийца.

— Знаешь, мне от этого как-то не легче. Мы всегда с вашими жили душа в душу. — Колдун начинает повторяться, это от волнения, он загнан в угол и не знает, что делать. — И вдруг они начинают козлить. Что творится? Я чуть с ума не сошел...

— А потом купил моих приятелей, узнал, что происходит в Иррэйне, и все понял, — заключаю я.

Ваня смотрит на меня исподлобья и опять жует губами.

— Ну, все не все... — говорит он. — Но кое-что. И между прочим, эти двое сами ко мне пришли.

— Связь наладили, бойцам переход устроили, дракона сюда провезли бесплатно...

— Вот это уже совершенно не твое дело!

— Все-таки для чего тебе понадобился дракон?

— Да натравить на этого ублюдка! — орет Ваня. — Чтобы в мясо его, в мясо! На куски! И сожрать!!!

Мне становится одновременно смешно и грустно. Бедные земляне. Столетия умелой эльфийской пропаганды даром не прошли. С какой-то ящерицей, пусть даже большой и огнедышащей, выходить против грандмастер-мага... Хотел бы я послушать, как хохотали Леха с Андрюхой, узнав, для чего дракон. Естественно, они организовали контрабанду без малейших угрызений совести. Им ясно было, что дракон не создаст на Земле лишних проблем. Не успеет просто. А то, что на него случайно наткнулся я, только сняло еще один вопрос. Как привлечь мое внимание к надвигающемуся кризису и склонить на сторону орков...

— Я думал, это ты их!.. — Ваня, брызжа слюной, размахивает в воздухе давешней фотографией с мертвыми орками. — А это, значит, снова он! Упредил! Драконом его долбать, и все, ничего больше не выйдет! А?!

Я Колдуна почти не слышу, я очень быстро прикидываю расклад сил. Склонить меня на сторону орков... Вообще-то заманчиво. Чисто в теории. Но с чего это ребята взяли, что нам по силам остановить масштабную эльфийскую интервенцию, пусть даже поначалу гуманитарную... По эльфийским меркам гуманитарную, а по людским не очень — вон как этот Арчер разгулялся. Вычищает нишу для своих. Была орочья мафия, будет эльфийская, и в сто раз круче. Не хотят больше эльфы на Землю влиять, они тоже ею править намерены. Был тут худой мир, будет добрая войнушка. Для начала. А потом? Да что потом... Тебе ли не знать, как ведут себя эльфы на оккупированной территории.

А мне-то как себя вести? При орках я хотя бы могу быть человеком. Под эльфами до конца своих дней останусь «четвертушкой». Редкостно гнилой расклад. Вот и накрылась твоя куца свобода, колдун.

Остается действовать строго по плану и стараться как можно больше узнать. Информация мне нужна, информация. А решение — потом. Завтра.

— Успокойся, Ваня, — говорю. — Я, пожалуй, схожу пообщаюсь с господином Арчером.

Колдун светлеет лицом и молитвенно складывает руки.

— Думаешь, у тебя получится? — спрашивает он почти благоговейно.

— А почему бы нам с ним не поболтать? — удивляюсь я.

Колдуна разбивает нервный тик: он уже не только жует губами, но еще и крутит носом.

— Я схожу к нему, мы поговорим. А потом я решу, что делать. Все очень просто, Ваня.

— Да он убьет тебя на хер безо всяких разговоров... — стонет Колдун. — И все дела.

— Ты меня раньше времени не хорони. А лучше дай свой номер. Прямой. Желательно на мобилу.

— На. — Колдун протягивает визитку. На ней только номер телефона, больше ничего. Я прячу бумажку в карман и достаю термос.

— А вот тебе мой подарочек.

Ваня отшатывается от термоса, как черт от ладана.

— Да не бойся! Ты же понял, что когда я резал дракона своим ножом, то нарочно светился, хотел дать тебе знак? Ну вот, в термосе то немного, чем я могу прямо сейчас расплатиться за твое уничтоженное имущество. Это драконья кровь.

Ваня медленным движением, как замороженный, берет термос.

— И... И... — только и удается ему выдавить. Термос Ваня уже не пугает, наоборот — гипнотизирует.

— Ты ведь наполовину орк.

— Угу... — На что угодно спорю, Колдун сейчас лихорадочно вспоминает легенды своего племени.

— Те немногие орки, которым удавалось победить дракона, умывались его кровью и становились неуязвимы. Их кожа оставалась эластичной, но на удар реагировала как броня. Здесь крови немного, но много и не нужно. Просто растереть по телу, и все. Кровь до сих пор хорошая, я за ней следил.

— И ты это мне просто так вот... сейчас вот мне просто так... Это... Отдаешь?!

Хорошо беднягу ошарашило. Прямо не верится, что он когда-то сидел за вооруженное ограбление и на зоне держал масть.

— А мне-то зачем драконья кровь? Она только для орков.

— Ну... Э-э...

— В общем, Ваня, я пойду домой, немного посплю, а вечером отправлюсь к Арчеру. И сразу же тебе звякну.

— Ага. Слушай... м-м... Вот. Я забыл спросить — ты куда тачку дел?

— «БМВ»? — Я прикидываю, как далеко могла уехать машина, но теряюсь. — Понимаешь, Ваня, она движется в направлении полуострова Ямал. Как бы тебе попроще объяснить... В общем, я попросил водителя смотреться туда.

Ваня долго на меня таращится окончательно уже шальным взглядом и неожиданно произносит:

— Спасибо...

* * *

Выйдя на улицу, первым делом ориентируюсь на местности. Ориентиры берутся с трудом, но результат терпимый. Временами я спьяну непредсказуем. Мог бы тоже, как некоторые... В Лабытнанги рвануть. Водилу мне не жаль — чего он на бандитов пашет? — но все равно поступок был некрасивый.

Домой я, конечно же, не пойду — некогда отдыхать. Занятия в школах вроде бы уже закончились. Достая мобильный и звоню своему химику. Есть попадание. Набиваюсь в гости. Заодно отравы прикуплю, деньги после вчерашнего, как ни странно, остались. Побоялась шлюшка покуситься на мой бюджет. А может, ей Зацепин намекнул, как это вредно для здоровья. То-то она морду воротила. Милую, кстати, мордашку. С изюминкой. Вот разберусь с делами... Почему нет? Чем я лучше других, что безгую продажными женщинами? Если все пойдет так, как оно должно по идее пойти, то к завершению кризиса я буду по уши в дерьме. Морально и физически. Ничуть не чище среднестатистической проститутки. Вполне подходящий кавалер для орочьей подстилки.

Только пусть медицинскую справку покажет.

С этими жизнерадостными мыслями бреду ловить такси. Организм более или менее держится, но местами болит. Плохо, что совершенно не хочется есть. Давно не ел по-настоящему, а сейчас заправляться боязно. Сеанс га-

стрита на нервной почве обеспечен. Со всеми делами — изжогой, отрыжкой и заключительным вызовом Ихтиандра, когда надоест страдать. И потом, я жадный. Не хочу терять хороший обед, за который денежки плачены. Может, вам они легко достаются, вы не чувствуете, как каждый заработанный рубль буквально отнимает частицу вашего здоровья. А у магов именно так. Когда Профессор выдумал своего невероятно долголетнего Гэндальфа, он опирался на легенды. А легенды эти складывали древние маги. Нарочно, чтобы их сильнее боялись. Не станешь же обижать человека, который сначала тебя завалит, потом детей твоих зачморит, внукам жизнь изгадит, правнучку изнасилует, а дальше в зависимости от того, насколько у него испорченное воображение.

Сказки. Если обстоятельства вынуждают боевого мага часто и интенсивно работать на пределе возможностей, он вряд ли дотянет до семидесяти. Для эльфа, который (что бы вам ни ввалили околпаченные эльфийским пиаром авторы) генетически запрограммирован лет на сто двадцать активной жизни, это трагедия. Но обойтись без волшебства обделенный высокими технологиями Иррэйн не может. Поэтому даже самые высокородные эльфы склоняют голову перед магами.

И они же, правители Иррэйна, определяют, сколько новорожденных эльфов из низших слоев общества будет лишено свободы выбора и записано в школу магии. Эльфам не нужно искать таланты, они все примерно равны по стартовым возможностям тела и психики. Они просто устанавливают квоту и бросают жребий. Вот и все. Можете себе представить, как плачут эльфийские роженицы, дожидаясь результатов жеребьевки, — и ошибетесь. Не плачут они. Долг превыше всего. Интересы нации.

Из магов долго живут только учителя, которых берегут и привлекают к боевым действиям лишь в крайнем случае. Когда господин Э. Арчер родился, к нему тут же приставили такого бодрого дедушку лет ста, после чего детство Э. Арчера кончилось, не начавшись, и пошла безостановочная прокачка скиллов. Он еще ползать не умел, а над ним ежедневно колдовали и пичкали беднягу снадобьями, за-

дирая крохе жизненно важные для будущей его работы показатели. Чтобы годам к двадцати Э. Арчер вступил в строй и пошел убивать орков. Судя по тому, как он молотит цепной молнией, ему сейчас около пятидесяти. Грандмастер в расцвете сил. Драконом его... Ха-ха. Такой с драконами в принципе не связывается — зачем? — он их просто взглядом отгоняет.

Что я могу ему противопоставить, эльфу и профессионалу? Я, человек и любитель... Ничего не могу, но что-то должен. Терпеть не могу бандитов, но надо ведь их защищать. Орков и уголовников! Тьфу!

А придется, видимо.

Ловлю машину, называю адрес, сажусь — на полном автомате. Я обдумываю решение, которое уже почти сложилось. И очень хочется, чтобы меня кто-нибудь отговорил. Как ни странно, это может сделать один полуорк.

Вдвойне трудно принять такое решение, когда живешь в мире, где почти каждому с детства вбит в голову светлый образ эльфа. Сотни лет эльфы вели здесь разведку и сажали где надо агентов влияния. Думаю, своя небольшая Фирма есть в каждом из ключевых государств Земли. Просто российский форпост очень большой, и особенно он разросся в последние десять лет — эльфы считают, что за русскими теперь нужен особый присмотр. Чем русские потомки эльфов гордятся немерено. Полагая, будто Иррэйн засек некую тенденцию к будущему возвеличиванию нашей родины. Вопрос, что эльфы это возвеличивание могут начать гасить, у наших дураков не встает. Я разох на эту тему обмолвился, и меня почти избили — то есть видно было, что очень хочется, да боязно. Но вонь поднялась до небес. С работы выгнать готовы были.

И раздалось впервые это глупое слово — «предатель».

За окном проплывает город, я думаю об орках. Невезучие ребята. Несмотря на их засилье по всей Земле, орки никогда не занимались контрпропагандой. Даже те писатели, которые возражали Профессору и его последователям, не состояли у орков на содержании и сами не были орками. Просто кто-то должен был прокричать: «Эльфы — козлы!» Из принципа. Это как среди ночи на заборе напи-

сать слово из трех букв. Нарушение культурного табу. Импульс неуправляемый, идущий откуда-то из подсознания.

В отличие от эльфов орки слабы энергетически, и их, прорвавшихся на Землю, глушит по полной. Личность забивается в самый дальний угол мозга, а ее место занимает матрица, сгенерированная Землей. Такая как бы реинкарнация. Возможно — именно она самая. Постепенно, много позже и только у единиц происходит некое сращение двух «я», но наведенное сознание все равно доминирует.

Конечно, это все домыслы и косвенные данные. Я не видел ни одного чистокровного орка-землянина, их просто давно уже нет, они все поумирали. Вот такого орка можно было бы спросить, как идет процесс вставания в нашу цивилизацию, откуда берется человеческое имя и вообще осознание себя человеческим существом. И каково это — понять однажды, что вовсе ты не человек... Увы. Ну, выдумайте что-нибудь сами. Я знаю только одно — легче всего от давления наведенного «я» избавлялись «проснувшиеся» маги. А хороший маг классической школы всегда книжник, исследователь, хранитель знания и распространитель его. А еще публика ему нужна. Инстинкты у него такие. Ну и собственно, не найдись колдунов среди орков-эмигрантов, не озаботься они тем, чтобы разыскать собратьев по несчастью и вырастить смену, не было бы тут никогда орочьей мафии.

И не пришлось бы мне решать теперь, за кого я — за красных или за большевиков.

Приехал. Выхожу. Стимулятор меня окончательно забрал, и чувствую я себя почти нормально.

Грант Геннадьевич Габриэлян моему появлению бурно радуется. Он совсем не изменился с тех пор, как был моим классным руководителем, — все такой же приколист и умница. С кухни, где мужик потихоньку химичит, тянет колдовскими снадобьями. Однажды соседи попытались сдать Гранта ментам — решили, что, раз химик, значит, должен стряпать наркоту. Менты пришли, недолго с Грантом поговорили, основательно зачармились и потом соседям так вломили...

Я с ходу вытаскиваю деньги и начинаю их считать.

— Мне нужно что-то очень сильное. Не такое, как прежде. Есть?

Грант придиричиво меня разглядывает.

— Для тебя — нет. Надорвешься ты, Димка. Зайди в ванную, в зеркало посмотришь.

— Спасибо, уже смотрел. Но мне надо, понимаете?

— Да что случилось? Вообще, ты присел бы, Дима, рассказал...

Я присаживаюсь и рассказываю. Все, от начала до конца. Грант то в стену глядит, то в затылке чешет. Похоже, он все знает про иррэйнские новости. Просто не предполагал, что и меня в этот омут затянуло.

— Да-а, — вздыхает. — Ситуация. И чего ты, Димка, вечно лезешь не в свое дело? Вот с Колдуном связался. Зачем? Мало тебе своих мерзавцев, теперь еще и наши понадобились? Кстати, ты хотя бы приблизительно знаешь, что с Ваней будет от драконьей крови?

— Понятия не имею. А что будет?

Грант опять чешет в затылке.

— Может, и не помрет, — говорит он наконец. — Хотя... Может.

— Вы серьезно?! — Перспектива травануть Колдуна драконьей кровью меня не особенно радует. Я-то всего лишь поиздеваться над Ваней хотел. А ведь если он загнется, местной орочьей тусовке кранты. У них же традиционно запрет на информацию. Подручные Вани считают его и подчиненных ему магов... э-э... ну, вроде как экстрасенсами. А себя — обычными людьми. Кстати, даже вздумай Ваня проболтаться, ему просто не поверят. Тут нужны сосредоточенные усилия нескольких посвященных во все детали старейшин. Значит, пока они нового пахана выберут, пока Зацепин его в курс дела введет... Элвин Арчер может спокойно уезжать домой. Или еще спокойнее поубивать их всех. Нам так надо? Нетушки.

— А зачем мне врать? — удивляется Грант.

В первый момент рука сама выдергивает из кармана телефон. А потом во мне просыпается какое-то странное злорадство. Ну не люблю я Ваню Колдуна, и все тут.

— Вы не хотите ему позвонить? — спрашиваю я.

— Не-а. — Грант хитро шурится. Он тоже бандитов не любит. А кого он любит? Зацепина, бандитского наймита. Такого же своего ученика и отличника по химии, как и я. Ох, сложен мир, непросты люди.

— У Зацепина есть шанс перехватить управление, если Колдун тю-тю?

— Да что ты, Дим! Сережа такой рохля...

— Ладно, — говорю. — Хватит с меня пока что. Как говорила Скарлетт О'Хара — «подумаю об этом завтра». Нынче и так день ответственных решений, и я от них уже устал.

— Ну, и чего же ты решил? — спрашивает Грант. Точь-в-точь как час назад Ваня Колдун.

— А вы бы как поступили?

— На твоём месте? — Грант улыбается довольно грустно. — Мне это сложно, Дима. Я ведь как бы по другую сторону баррикады...

— Ладно, не сочиняйте. Земным магам конфликтовать нельзя, их слишком мало. Иначе я Зацепина давно убил бы к чертовой матери. Но мне действительно кажется, что не стоит делить людей на эльфов и орков. У нас есть конфликт серьезнее — Иррэйн и Земля. И с этим бесконечным давлением Иррэйна что-то пора делать. Кстати, ваш прогноз — чем все закончится? Ну, там, за горизонтом?

— Да ничем хорошим, — вздыхает Грант. — Думаю, через полгода-год эльфов загонят обратно на скалы, в их исторический... э-э... ареал. Полезут ли орки в горы — не знаю. Но в любом случае эльфам понадобится новое жизненное пространство. Много пространства. И новые рабы, много рабов, они ведь по-другому уже не могут, привыкли.

— В общем, они попрутся к нам в гости целыми кланами?

— Именно.

— Вы-то лично как на это смотрите, Грант Геннадьевич?

— Я тут ничего не могу изменить, — отвечает Грант с деланной безмятежностью. — Значит, мне это по фигу. Просто у меня было два рынка сбыта — вашим и нашим, — а останется только один. Зато он основательно разрастется.

— И вам по фигу, как эльфы изменят жизнь на Земле?

Теперь они с нами церемониться не будут, не те у них обстоятельства.

— А ты что предлагаешь? Думаешь, ты в состоянии что-то сделать? И зачем это тебе, эльф?

— Человеку, Грант Геннадьевич. Я же говорю: среди людей больше нет орков и эльфов. У нас проблемы общие. Кстати, вам не кажется, что именно эти слова вы мне неоднократно повторяли? Раз сто, наверное...

Я вижу: Гранту стыдно. Его тоже нужно понять — он не видит перспективы. Как любой наш местный, земной орк, знающий о своих корнях, он ненавидит иррэйнских эльфов. Но... Как любой умный и информированный земной орк, бедняга просто не верит, что с эльфами можно справиться. Печально, но по большому счету это правда. Фантастические успехи орков в Иррэйне ничего не доказывают — в земных условиях эльфы имеют огромную фору. Чтобы хоть как-то изменить положение вещей, оркам нужно перебросить на Землю тысячи воинов. Которых должна встречать прямо у зон перехода без малого сотня опытных магов — дабы новоприбывших не сплющило до потери личности. И как это прикажете делать? Зоны перехода блокированы, да и магов орки могут выставить от силы пятерых, ну, может, десяток, если я чего-то не знаю. А вот Грант знает. Ему известны, наверное, все подробности.

И если он полагает, что ничего поделать нельзя, значит, так оно и есть. Через полгодика эльфы явятся на Землю всем кагалом и учинят тут идеальный порядок. Чисто эльфийский.

Понятия не имею, какие формы примет этот порядок. Но если я, немножко эльф по происхождению, заранее боюсь его...

— Может, я состарился, — вздыхает Грант. — Или поумнел.

— Тогда помогите молодому и глупому. Сделайте хорошей отравы.

— Да нельзя же! Тот допинг, которым ты сейчас пользуешься, для твоей конституции — максимум. Более мощ-

ные препараты тебя просто сожгут. Каждую минуту ты будешь терять месяц жизни!

— Значит, придется действовать быстро, — говорю я. — Слушайте, Грант Геннадьевич, а пожрать у вас ничего нет?

— Какой же ты дурак... — цедит Грант сквозь зубы. — Дима, мне просто стыдно, что я твой учитель.

Но я-то вижу, что в глубине души мужик гордится мной.

Люди мы, люди. Человеки. Земляне. А вы говорите — эльфы, орки, застарелая ненависть, бесконечная война...

Хотя нет, это все я без устали твердил. Виноват, издержки воспитания. Больше не буду.

А еще не буду звонить Колдуну. Пош-шел он!

* * *

Слегка прогулявшись по холодильнику и получив на руки какую-то адскую смесь (деньги взять Грант отказывается наотрез), я выхожу на улицу и понимаю, что домой идти не хочу. Мало ли... Долго мучаюсь сомнениями и наконец рискую позвонить Витьке. Ход не самый умный, но я боюсь что-нибудь важное пропустить. Например, поиски меня.

— Ты где? — спрашивает он. — Почему с мобильного?

— В магазин за пивом вышел. А так дома. Приказ твой выполняю. Долго мне еще тут... лежать?

— Понятия не имею. Я тебя уже обратно Игорю отдал. С ним разбирайся. — И трубку — хлоп. Занятой господин.

Ладно, Игорю так Игорю. Звоню.

— Ты где? — спрашивает Игорь. Так же резко и нетерпеливо, как до этого Витька. Будто я муха назойливая. Ну-ну. Опять вру про магазин.

— Вот дома и лежи, — тараторит Игорь. — В отпуск хотел? Получай. Ровно месяц. Бухгалтерия тебе уже отпускные перевела. Все, гуляй!

— Стой! — кричу. — погоди! А чего я буду дома лежать? Я в Турцию поеду. Можно?

— Да хоть в задницу! Ты здесь сейчас вообще не нужен. Через месяц будет работенка по твоему профилю, а пока — все, свободен!

Ну, свободен так свободен. Вызываю Леху с Андрюхой. Трубку снимает Андрей.

— Привет, — говорю. — Не обиделись?

— Ха... Спасибо, что не убил.

— Как на Фирме делишки?

— Да так... — Он слегка понижает голос. — Готовимся встречать кучу гостей. Ну, ты понимаешь — адаптация, размещение...

— Скоро?

— Где-то через месяц-полтора.

— Я могу с вами увидеться сегодня? И как можно скорее?

Через полтора часа мы уже сидим в грязноватой пивнушке, и я задаю самый важный на сегодня вопрос:

— Что вам известно об Элвине Арчере, парни?

— Да ничего, — говорит Леха. — То есть ничего сверх того, что сказал Ваня Колдун. Я так думаю, даже в руководстве Фирмы о его миссии осведомлен только главный иррэйнский куратор. Видимо, те... э-э... вакансии, которые Арчер открывает, будут замещаться иррэйнцами напрямую, без нашего участия. Они не доверяют полукровкам.

— А полукровки не доверяют «четвертушкам», — добавляю я. — Или?..

— Или. Если б мы тебе не доверяли...

— Тогда вот что, господа. Пойдете со мной к Арчеру?

— Мочить? — быстро спрашивает Андрей.

— Не обязательно. По обстоятельствам.

Клирики переглядываются.

— А какие могут быть обстоятельства? — удивляется Леха. — Либо он тебя, либо ты его. Или, может, ты с ним договориться намерен? Плохо ты знаешь эльфов, дружище. Они на переговоры не идут ни с кем. И никогда.

— Ты вот еще что пойми, — встревает Андрей. — Мы не то что бы трусим, нет. Но ведь если ты не справишься... Короче, только мы сумеем вывести из строя Коней Ирумана. Какая-то часть иррэйнцев сюда, конечно, пройдет, но кони-то обратно не вернутся.

Я слушаю Андрюху и вижу, как он ошибается. Точнее, набивает себе цену. При стартовой в ноль копеек. Чтобы Кони Ирумана не вернулись домой, их достаточно не встречать у зоны перехода. И все, сплющит коняшек, едва всадники спешатся. Как уверял Витька — сплющит в обыкновенных лошадей. Красивых породистых животных, больше не способных проскакать из мира в мир.

А иррэйнские маги, которые могли бы что-то сделать, первыми на Землю не поскачут. Они будут прикрывать отход. Вперед запустят женщин и детей. Хотя в этом наши предки целиком схожи с людьми. Только в этом, наверное.

«Выводить коней из строя» в переводе означает, как я понимаю, «оставить себе». То есть дверь в Иррэйн не закроется навсегда. Рано или поздно кто-то лошадак расколдует — и вперед. Зачем? Чего мы там не видели, в Иррэйне? Волшебства? Обойдемся как-нибудь. Ненависти, зверства, жестокости? Сами умеем. Баб красивых? Свои найдутся, да еще и попокладистее.

— Та-ак, — говорю я. — Понял. Хорошо, ну а самую малость вы можете сделать? Мне не хочется светиться на подходе к отелю. И еще меньше хочется лезть туда впустую. Будьте друзьями, прошупайте издали номер Арчера. Посмотрите, эльф там сидит или его голограмма. А? Он не поймет, кто именно против него работает, так ведь и орки умеют, тот же самый Зацепин, например.

— Димочка, а почему бы тебе и не попросить того же самого Зацепина? Например.

Я внутренне каменею, и, похоже, это отражается на лице.

— Мы тоже не хотим светиться на подходе, — объясняет вкрадчиво Андрей. — На подходе к коням и всему прочему. У тебя своя миссия, у нас своя.

— Не обижайся попусту, Димон, — улыбается Леха. — Согласись, мы ведем себя умно. Нам рисковать нельзя. Ты-то на периферии Фирмы вертишься, а мы в самом что ни на есть логове сидим. Так что ни пуха.

— О'кей, — говорю я очень спокойно, вставая из-за стола. — О'кей, умники. Ну, тогда что же... Тогда к черту вас, и ждите звонка.

— Ни пуха, — в спину мне повторяет вслед за Лехой Андрей.

Друзья, называется. М-да, какой сам, такие и друзья.

* * *

Зацепина найти легко — я просто звоню Колдуну и говорю: — Ну-ка, дай мне Колдуна. Не себя, а который настоящий.

Колдун в ответ на подначку сердится, но Серегу зовет.

Живой еще, Колдун-то.

Зацепин делает вид, будто не может понять, чего от него хотят. Я ругаюсь матом и требую беспрекословного повиновения. Убийство дракона припоминаю и тогдашнюю свою доброту. Еще клянусь пожаловаться Гранту. Серега голосом идущего на собственные похороны обещает все сделать.

Теперь мне нужно где-то залечь, чтобы принять снадобье и пережить момент его усвоения. Если оно усвоится, конечно. Что там Грант сказал — месяц за минуту? Фигово. Боюсь, мне понадобится на Арчера не меньше часа. Это что же... Пять лет собственной жизни — к чертовой матери?!

Да ладно, может, наврал он.

Как ни странно, ближе всего к отелю «Президент» — рабочая точка той самой орочьей шлюшки. Хорошо, что я запомнил точный адрес.

— Кто там? — спрашивает она, и я тут же красиво чармлю ее прямо сквозь дверь. Мое собственное ноу-хау, эльфы так не умеют. Но у них на родине и дверей-то нет, одни занавески. Дурацкая традиция.

Девчонка только что отпустила посетителя. Внешне это заметно лишь по утомленной мордашке и тому, что курит она теперь анашу. Но я-то чувствую — здесь недавно побывал какой-то очень неприятный мужчина. Потный и невымытый. Да, отвратная у тебя профессия. Хуже, чем у меня.

— Иди поспи там, на диванчике, — говорю я. Она послушно гасит свой «косяк», ложится и мигом отрубается. Нахожу и выключаю телефон. На дверь накладываю легонькую «закрутку». В ванной — я помню — было доволь-

но чисто. Поэтому раздеваюсь и быстро принимаю душ. Иду в спальню. На кровати черт-те что. Ужас просто, а не постельное белье. Сбрасываю все на пол, валюсь навзничь, сыплю в рот порошок.

От этой штуки не столько ломает и корежит, сколько глючит. Дело привычное, но все равно мурашки по коже. Самое плохое — что нельзя будет после хотя бы ненадолго заснуть, а придется сразу вскакивать и бросаться очертя голову в авантюру. И значит, дикие видения не превратятся в отголоски кошмара, а останутся навсегда со мной.

На этот раз видения поистине дикие. Будто мое сознание пробило барьер между Землей и Иррэйном и угодило в самую мясорубку. Орки подошли вплотную к поместью в небольшой уютной долине. Сначала я увидел во всех подробностях, как хозяева закалывают рабов, чтобы те не били их в спину. Потом мне показали штурм укреплений — в наимерзейших, естественно, ракурсах. А потом состоялась расправа с пленными, и особенно весело было, как орки колошматили головами о камни детей помещика. Вот такие они хорошие, орки.

Там много еще чего происходило, в моих глюках. Одна радость, что в плоском изображении. Всего лишь до жути натуралистическое документальное кино. Красота — лежишь, смотришь на потолок, будто на экран, и думаешь — ну за что такое наказание, за что? Ведь глаза-то мои закрыты... А с краев экрана в это время на тебя капает голубая драконья кровь.

А под занавес, когда экран начал затухать и я решил было, что пронесло и не судьба мне пока еще свихнуться, в комнату вошел какой-то мужик с перерезанным горлом.

Никогда не убивал людей. Много чего с ними приходилось вытворять по делам Фирмы, только не до смерти. Но этого я моментально узнал. И поверил: убил однажды. Все-таки убил. Ни за что ни про что — зарезал. Спяну затер его образ в памяти, чтобы совесть не мучила. И вот, он ко мне сам заявился. Видно, объяснить решил: допрыгался ты, парень. С кем повелся, от тех и набрался. И от своих, и от чужих, всего помаленьку.

Одно утешение — мужик был такой, что его все равно кто-нибудь пришел бы рано или поздно.

Наконец представление более или менее заканчивается. Сползаю с кровати, трясущимися руками одеваюсь, достаю телефон. Из трубки лезут пауки и тараканы. Стряхиваю. Опять лезут. Игнорирую. Пропадают. Звоню Сереге и говорю:

— Зацепин, только сразу не отключайся, я хочу тебя послушать.

— Он на месте, — рапортует Серега. — Что? В смысле — послушать?

— Спасибо, уже. Жди.

Я действительно хотел прислушаться к его голосу, чтобы понять, не находится ли Зацепин под контролем другого мага. Раньше мне бы такое в голову не пришло. Но раньше я не был таким, как сейчас.

Всемогущим. Ну, почти.

Твердым, уверенным шагом выхожу на улицу и понимаю — все слышу, вижу, чувствую. И все могу изменить. Мир подвластен мне. Вот оно, оказывается, каково быть настоящим боевым магом. Ничего особенного — всего лишь свобода. Наконец-то. Единственная в своем роде взаправдашняя свобода... Четвертушка эльфийской крови будто растеклась по всему телу, до кончиков пальцев, и властно рулит им. Да, она меня сейчас потихоньку выедает изнутри — но до чего же я силен! Элвина Арчера ждет глубокое изумление. Лишь бы он поверил мне.

Машину ловить не приходится — я ее уже метров со ста цепляю взглядом и перед собой причаливаю. Сажусь на заднее сиденье, называю адрес, достаю пистолет, меняю обойму на удлиненную. Она у меня одна такая, но будем надеяться, что тридцати трех пуль Арчеру хватит. В противном случае перезаряжаться времени не будет. Маг уровня Арчера, грандмастер, даже с развороченными внутренностями может еще чуток прожить и утащить меня за собой на тот свет... Втыкаю пистолет обратно в кобуру. С такой хреновиной, торчащей из рукоятки, его особенно не спрячешь. Да и не надо. Арчер наверняка давно работает на

Земле и прекрасно знает, как используют наше оружие. Я могу войти со стволом в руке, направленным эльфу в брюхо, и мне все равно кранты настанут раньше, чем спуск прожмется до срабатывания. У всех модификаций «глока» жать нужно до упора. Отвлекаюсь от грустных мыслей — думаю, какой у меня хороший пистолет. Какой хороший нож. Какой я замечательный.

Глупо будет сегодня погибнуть. Кто сказал, мол, лучше умереть свободным, чем жить рабом? Орк какой-нибудь, наверное. Он только мечтал о свободе. Но никогда ее толком не чувствовал. Не ощущал всем телом, вот как я сейчас. Внутри себя.

Зацепина вижу издали и даю ему почти неощутимый мысленный посыл. Серега оборачивается в мою сторону, кивает — значит, клиент все еще в номере — и тут же прыгает в свою машину. Вот он, «Президент». Мне нужен десятый этаж.

Металлоискатель на входе. Звенит. Личный досмотр. Собираюсь чуток зачармить охрану, но мне просто кивают — проходи, мол. Ну, силен я! Отлично. Совершенно не нужно, чтобы Арчер сейчас унюхал магическую активность. Я даже спеллы не могу подготовить к работе — он почувствует. Лифт. Поднимаюсь. Спектакль начинается. Герой — на сцену!

На ви-ай-пи-этаже неприличная роскошь поражает воображение уже в лифтовом холле. Интересно, что же тогда в номерах? Меня встречают двое плечистых лоботрясов довольно опасного вида. Один держит ручной металлодетектор. Ерунда. Вы, ребята, сунуться ко мне с этой штукой попросту не решитесь. Я сегодня такой, что крутизна из ушей хлещет.

— Вам назначено?

— Я к господину Арчеру. Передайте, что пришел Бэттл Мэйдж.

— Как, простите?

— Бэттл. Мэйдж.

Они слегка отступают и переглядываются. Наконец один уходит по коридору. Я стою неподвижно, гляжу перед

собой, голова пуста. Если Арчер решит меня прощупать, он не должен насторожиться. Он должен заинтересоваться.

Вдруг ощущаю в неподвижном воздухе легкий ветерок. Будто невидимая ладонь оглаживает мое тело. Превращаюсь под этой ладонью в ничто, в пустое место — пусть эльф оценит, какой я мастер. Он меня ощупывает, а я просто стою и думаю, что Бэттл Мэйдж хорошее имя для боевого мага. Как Элвин Арчер для эльфийского лучника. Стою, равномерно дышу. Целую вечность.

Появляется из-за угла охранник, приглашающе манит за собой. Иду. Открывает передо мной дверь.

— Прошу вас.

— Благодарю.

Мама, вот это номерок! Дверей-то, дверей! И гостиная как футбольное поле. Даже Арчер в таком объеме теряется, хотя он заметный дядька. Сухощавый, на вид лет пятидесяти, седовласый, типично эльфийское гордое лицо с эльфийским же надменно-насмешливым выражением. Острые глаза прирожденного душегуба.

Он сидит, нога на ногу, в глубоком кресле и теперь уже не легонько, а во всю ивановскую прощупывает меня. Оп! Чуть дернул глазом — наверное, оружие засек. Я медленно иду к нему, стараясь ни жестом, ни взглядом не показаться опасным. Десять метров. Пять. Два. Хватит.

Эльф слегка улыбается. Что ж, значит, мне удалось произвести впечатление. Я закладывался на более холодный прием.

— Итак? — спрашивает Арчер. Завидую гаду, ему не нужно учить языки. — Чем обязан?

Ошибочка вышла. Прием ледяной. Это была кодовая фраза. Молниеносно распахиваются двери, и по бокам от меня возникают двое с пистолетами в руках.

Адскую смесь нахимичил Грант — только сейчас понимаю, до чего она сильна и насколько меня изменила. Потому что я даже не дергаюсь. Знаю: они не успеют. Они. Леха с Андрюхой, умные ребята.

— Ты уж извини, приятель, — бросает Леха небрежно так. — Мы с Андреем малость того... передумали.

Арчер все улыбается. Я ему нагло подмигиваю и делаю то, чего до приема адской смеси просто не умел. Безо всякой подготовки бью своих коллег «станом», причем избирательно, в пальцы рук. Гляжу в это время только на Арчера. Парни воют, стволы падают на пол. Сдвигаю пистолеты к ногам эльфа, полукровок расшвыриваю по углам, где они и лежат, парализованные уже целиком. И с отрубленным сознанием, чтобы не подслушивали. Вот я какой сегодня, вот. Ни одного звука или движения, только моргнул пару раз. Человеку такое не под силу. Прав, наверное, Грант, заплачу я за это представление несколькими годами жизни.

Арчер тоже не шевельнулся ни разу. Просто наблюдал.

— Разрешите обратиться, мой господин?

— Попробуй.

— Мое имя Дмитрий. Я пришел к вам с просьбой.

— И с оружием.

— Если оно вас беспокоит, я могу оставить его у охраны.

— Хамишь, мальчик.

— Виноват, мой господин. Видите ли, я привык к своему оружию, люблю его и не передаю недостойным даже на хранение.

Нормально сказано. По-эльфийски. Арчеру нравится — он кивает на кресло рядом. Сажусь.

— Итак? — повторяет эльф.

— Мой господин, я сотрудник Фирмы. Увы, опальный сотрудник. В последние годы Фирма всячески унижала и даже отталкивала меня. Не давала возможности учиться дальше. Например, мне запретили ехать на дополнительную стажировку в Иррэйн. Странная политика — ведь, судя по всему, я лучший боевой маг среди родившихся на Земле...

— Кое-что ты можешь, — перебивает Арчер. — Для «четвертушки» это даже неплохо. И чего тебе надо?

— Я закончу, с вашего позволения?

— Наглец. Хорошо, только не вздумай испытывать мое терпение.

— И в мыслях не было, мой господин.

— Можно просто «мистер Арчер» или «сэр».

— Да, сэр. Так получилось, что о моем двусмысленном положении на Фирме узнали местные орки. Думая, что опального мага легко склонить к предательству, они вышли на меня с предложением убить вас.

Арчер на это только хмыкает. Леха с Андрюхой, конечно, все ему рассказали. Я продолжаю:

— Мне показали фотографии уничтоженных вами орков, по которым было видно, какой вы блестящий специалист. Я ведь имею честь обращаться к грандмастеру, сэр?..

— К полному грандмастеру, — цедит Арчер надменно. — Впрочем, такие, как ты, обычно не видят разницы.

— И я понял, что это мой единственный шанс. Не сочтите за неуважение, сэр! Возьмите меня в помощники. Работая под вашим началом, я смогу оказывать услуги несравненному...

Арчер хохочет. Но, кажется, он уже расслабился.

— Вы же знаете, сэр, как важно для ученика быть в услужении у настоящего... — Я униженно несу какую-то чушь, и Арчеру становится окончательно легко. Эльф видит перед собой просто очередную сявку. Талантливую, сильную, но всего лишь «шестерку». Расходный материал.

— Послушай, ты! — говорит он. — Здесь таких желающих сотня. Вот эти двое хотя бы.

— Но я сильнее их, сэр. Я буду служить вам гораздо лучше.

— Да, ты сильнее. Но вам, нечистокровным, всегда не хватает тонкости. Мальчик, из тебя никогда не получится настоящий боевой маг. Тебе, «четвертушке», нужно просто смириться с этим. Но ты не сможешь. Ты, помимо всего прочего, еще и невероятный гордец. А значит, ты не гибок. Зачем мне такой помощник, тем более — ученик?

Прячу глаза, смущаюсь. А сам думаю: знаем мы эти штучки. Понты эльфийские, корявые. Настройка на повиновение. Конечно, я еще не подмастерье сэра Арчера, но уже соискатель должности. Квартерон, забивший полукровок. Аномальное явление, которое не грех прибрать к рукам. Иначе Арчер просто меня послал бы. Эльфы с «четвертушками» попусту языками не чешут.

— Между прочим, ты когда был в Иррэйне последний раз? — вдруг спрашивает эльф.

— Три года назад, сэр. Мне просто не позволяли...

— Покажи нож, — приказывает Арчер.

Я несколько удивлен. Кроме шуток. Вот тебе нож, пожалуйста.

— Так я и знал, — ухмыляется эльф, взвешивая в руке мою игрушку, радость очей моих, и придиричиво изучая лезвия. — Вот ты кто, оказывается. Кузнец потом долго смеялся над тобой.

Ага! Вот это удача. Попался эльф.

— Ну... — бормочу я смущенно. — Тем не менее он выковал его.

— Дурацкий нож, — заявляет Арчер, но расстаться с живопырой не спешит. Примеряет к руке. Понять не может, отчего эта штука ему так нравится. Тормоза вы, эльфы. В чем-то тупее орков. Недаром они вас прижали. — Совершенно дурацкий. И балансировка неважная.

— Простите, сэр, возможно, я слегка нарушил баланс, когда заново перетягивал рукоять. Все-таки стальной тростик...

— Да что ты мне... Здесь ошибка заложена в самом принципе! — Арчер завелся не на шутку. Эльфы просто больные насчет холодного оружия, и их можно понять. Он раздраженно швыряет ножом мне в лицо. А я настолько офигел от стимулятора, что легко достаю нож из воздуха прямо у себя перед носом. Попался эльф, попался! Хотел оценить, как быстро я уклонюсь. Неспроста — это проверка реакции. Тест для потенциального ученика. А я вот не стал уклоняться. Что, съел?!

— Очень удобно под обратный хват. — Демонстрирую, как лучше всего держать мой ножик. — Вы обратите внимание на ударный наконечник, сэр!

Все, это момент истины. Эльфы ножами только фехтуют, лезвием от себя. Либо Арчер сейчас наглеца на куски порвет... Либо не порвет. Что почти наверняка означает — он меня берет помощником. То, как я поймал нож, его поразило. И даже восхитило чуток.

— Нет, вы только послушайте — под обратный хват! — возмущается эльф. — Так держат оружие только идиоты и дикари! Сейчас увидишь! Сейчас я тебе покажу один прием, и ты забудешь про обратный хват до конца своих дней!

Арчер пружинисто вскакивает, поворачивается ко мне спиной и почти бежит к одной из дверей. Роняю нож под ноги, и он бесшумно падает на толстый ворсистый ковер.

Забавно — а я ведь до сих пор ничего до конца не решил. У меня все еще есть выбор. Наверное, подействовало то, как я унижался перед Арчером и как он мне отвечал. Примерно в таком же ключе со мной разговаривал мой иррэйнский учитель. Хорошо, что он не Арчер.

У меня остается выбор, пока рука тянется за пистолетом. Есть какая-то возможность решать, пока разгоняются до полной мощности все резервы, — я ведь не могу сейчас кастовать защиту. И остается крошечный шанс не вступать в конфликт, пока точка прицеливания движется к спине Арчера.

И не остается никаких шансов, когда до Арчера доходит: его обманули. Даже страшнее: предали. Все это время — меньше секунды — он сомневался. Не хотел верить, что в моей руке пистолет. Ждал от меня накастовки защитных полей. Думал, ему померещилось. И тут дуло уперлось черным глазом ему в поясницу.

Мы стреляем одновременно, я — пулей, он — молнией, которая вырывается у него между лопаток. Молния бьет мне в переносицу и уходит куда-то внутрь. Почти не чувствую ее. Арчер не захотел тратить на меня силы попусту, молния слабая. Ну, я-то сегодня, против обыкновения, не жадный.

Я всаживаю эльфу в позвоночник около двадцати пуль, из Арчера летят клочья, и он пашет носом по ковру через всю гостиную. Вскрываю, подбегаю ближе и остальными пулями разношу вдребезги его голову. Есть! И наконец-то можно по-нормальному кастовать. Здесь хорошая звукоизоляция, но лучше перестраховаться. Накладываю сильнейший пассивный «чарм» аж на три этажа. И падаю.

Молния скачет внутри моего тела, то она в пятках, то в

душе — и повсюду делает мне больно. По-моему, это не опасно, я сейчас экстремально силен, она просто жалит, но не ранит. Только больно очень. Кажется, волосы у меня стоят дыбом. Я катаюсь по ковру с диким ревом и стараюсь выдрать эту заразу из себя.

Обезглавленный и продырявленный Арчер умудряется конвульсивно подергиваться. От себя добавлю — отвратительно подергиваться. Случайно вижу это мутными от боли глазами, и меня начинает рвать. Поскольку я все еще кувyrкаюсь по полу, можете себе представить, на что я становлюсь похож.

Через полминуты меня отпускает. Первым делом ползу к своему пистолету, скорее инстинктивно, чем сознательно. Я до сих пор боюсь Арчера. Его тело застыло в странной позе, как будто он пытался встать, опираясь на ноги и то, что осталось от головы. Над ним разлилось в воздухе и медленно затухает холодное сияние. Хватаю было пистолет, но тут вижу свои руки и вообще себя... Одежда в беспорядке, дико перепачкана, а на груди еще и зверски изодрана. Это я молнию наружу тащил. Ф-фу...

Неожиданно принимаюсь идиотски хихикать. Потом ржать. Лежу на спине и дико хохочу. Истерика, наверное. Потом наступает какое-то легкое умопомрачение — «отходит» стимулятор, отработав положенный срок. И дальше я некоторое время действую как в тумане.

Полуэльфы лежат по углам и не шевелятся. Ну, им еще долго так валяться. Жаль, нельзя сунуть в руки одному из них мой «глок», вызвать ментов и уйти. Я сейчас так слаб, что более или менее зачармить охрану гостиницы смогу, но вот стереть из их памяти свою физиономию — увы. И вообще, мое участие в бойне слишком очевидно. Потом, я скорее удавлюсь, чем брошу свое оружие. Я привык к нему, люблю его и не передаю недостойным даже на хранение.

Короче, я вышел на тропу войны. Откопал свой томагавк — головы рубить всяким эльфийским лучникам. И эльфийским магам. Ни хрена им тут. Того-этого. Эльфы должны уйти. А орки местные рано или поздно ассимилируются.

И тогда человечество наконец-то двинется по собственному пути.

Я-то не доживу, но это мой выбор.

Ванная комната в номере у покойника Арчера роскошная. И непонятно большого метража. Кое-как привожу себя в относительный порядок. Но все равно видок кошмарный. Лежа моего роста, с трудом вытряхиваю его деревянное тело из костюма. Переодеваюсь, забираю свое оружие, раскладываю по карманам вещички, снова иду в ванную, гляжусь в зеркало. Глаза дикие. Просто эльфийские глаза. Смотрю в них и чувствую: мне чего-то не хватает. Естественно. Достāju пакетик со стимулятором. Принимаю дозу. И на этот раз организм усваивает ее легко, как так и надо. Меня не глючит, вообще ничего особенного со мной не происходит, только сила, невероятная силища растекается по жилам. Не физическая сила, ментальная, страшнее которой нет.

Пор-р-рядочек! Ну-с, теперь можно и гульнуть слегка, отпраздновать. Пока иду по бесконечному санузлу к двери, ведущей в гостиную, взгляд цепляется за унитаз. Сложная ассоциация выводит меня, ни больше ни меньше, на Ваню Колдуна. Достāju мобильный, набираю его номер. Ваня отзывается, он все еще живой.

— Привет, — говорю, — Колдун.

— Ох, ну, как у тебя дела?

— У меня отлично. И у тебя, кстати, тоже.

— Ой, правда?! Не может быть!

Как ребенок, право слово.

— Слушай, Ваня, — говорю. — Ты драконьей кровью уже натерся?

— Да нет еще... — Колдун сопит и мнется.

— И очень хорошо, что нет. Спусти ее в унитаз.

— Она что, испортилась уже? — расстраивается жадный Ваня.

— Она такая с самого начала была. Видишь ли, Колдун, я ее отравил.

— Чего-о?! Как?! За... За... Зачем?!

— Да не люблю я бандитов. Ну, будь здоров.

Колдун что-то умоляюще кричит в трубку, но я отключаюсь.

На душе наконец-то легко, светло, и ничто меня не беспокоит.

В прихожей висит большое зеркало, и, прежде чем выйти из номера, я зачем-то гляжусь в него.

Ну, хороши глаза! Совершенно эльфийские.

Глаза абсолютно свободного человека.

Москва, 2000

КОММЕНТАРИИ

1. **Спелл** (*англ. spell*) — здесь: заклинание. Возможно, герой употребляет англоязычные профессиональные термины вместо оригинальных эльфийских из нежелания полностью отождествлять себя с носителями языка. (*Здесь и далее примеч. авт.*)

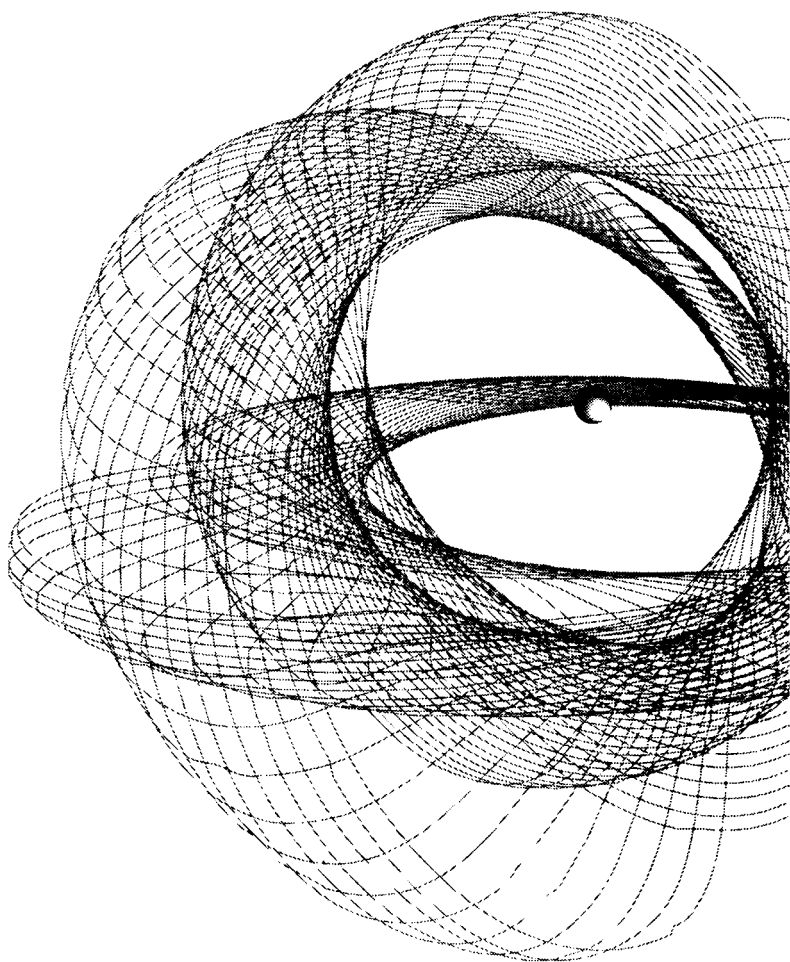
2. **Кастовать** (*англ. to cast*) — здесь: творить заклинание, колдовать. В реальной жизни выражение «to cast a spell upon somebody» носит переносный смысл — «околдовать кого-то».

3. **Скилл** (*англ. skill*) — умение, способность. «Качать скиллы» — наращивать показатели умений (жаргон любителей ролевых игр).

4. **Тэймить** (*англ. to tame*) — здесь: приручать.

МОЛОДЫЕ И СИЛЬНЫЕ ВЫЖИВУТ (ЗАКОН ФРОНТИРА)

РОМАН

Эта история приснилась мне. Конечно, не целиком, только самые яркие моменты. Остальное я реконструировал, а имена героев и названия городов изменил. Но в целом это остался сон. Просто некая оформленная в слова и визуальные образы знаковая система, расшифровывать которую можно по-разному.

Предупреждаю — сон был кошмарный.

ФРОНТИР (англ. frontier):

1) граница, 2) граница продвижения поселенцев в США.

Часть I

ЭПИЛОГ. В ТРЕЗВОМ УМЕ

Хаммер подъехал к Москве с калужского направления в ясный летний полдень. Машина у него была — черный «Хаммер» с тульскими номерами, из-за которого он, собственно, и заработал свое нынешнее имя. Черт знает какое по счету за последний месяц и, как всегда, далекое от истинного.

Одет он был словно только что из салона «Мальборо-классик»: брюки, куртка, сапоги-«казаки» — сплошь кожа и немного замши, добротные и удобные шмотки. Он подозревал, что это не совсем его стиль, но такая одежда ему нравилась. Кроме того, играла на имидж — Хаммер ни на кого не смахивал, всюду и для всех он оказывался человеком совершенно не местным. Отчасти поэтому его никто еще не принял по ошибке за родственника или знакомого. Узнать Хаммера мог лишь тот, кто вспомнил бы его лицо. Или настоящее имя.

Машина ему тоже нравилась. Конечно, дитя американской конверсии жрало бензин галлонами, да и трансмиссия у него оказалась не для «чайников». В экстремальной грязи на этом танке можно было и утонуть с непривычки. Но по буеракам он старался не гонять, а вот способность

машины расталкивать дорожные заторы оказалась весьма к месту. Легковушки просто улетали в кювет, а грузовики он осторожно сдвигал ровно на столько, чтобы просочиться дальше.

Кроме того, при случае диковинный экипаж можно было и обменять на что-нибудь полезное для жизни. А разбойного нападения с целью захвата машины опасаться не приходилось. Те немногие, кого он встретил на своем долгом пути в Москву, были озабочены совсем другим. Конечно, он мог постоять за себя и свое имущество. Но баррахло теперь ничего не стоило. Тряпок и железа всюду было завались. А самое ценное на этот день — информацию — любой раздавал бесплатно.

Он подкатил к мосту Кольцевой дороги, под который ныряла калужская трасса, и убрал ногу с педали газа. Впереди была застава. Первая серьезная застава за всю дорогу. Блокпост. Хаммер выключил музыку и опустил дверное стекло.

— Узнаю земляков... — пробормотал он себе под нос с невеселой ухмылкой.

Под мостом расположилась монументальная баррикада из железобетонных строительных конструкций. Узкий проход справа затыкал, ни больше ни меньше, настоящий «Т-80». А наверху, на мосту, стояла зенитная установка «Шилка», и ее четыре ствола таращились прямехонько новоприбывшему в лоб. Он посмотрел по сторонам в поисках живой силы, но таковой не обнаружил. И чуть влево от «Шилки» заметил массивную башню, подозрительно знакомую.

«Гаубица-пушка сто пятьдесят пять миллиметров, — пронеслось в голове. — Ничего особенного, видел я и побольше. Самоходная база стандартная — «СУ-100П»... Черт поberi! А я ведь, наверное, в армии служил! И похоже, на самоходках. Ну и ну! Ай да я!»

Это открытие настолько его удивило, что он начал притормаживать с некоторым опозданием — до баррикады оставалось метров пятьдесят. И чуть не оглох, когда невидимый динамик проорал на всю округу:

— Стоя-а-ать!!!

Он резко осадил машину и, показывая свои мирные намерения, развернул ее к заставе левым бортом. Он приехал домой и собирался войти. Любым доступным ненасильственным способом.

— Ну и кто тут у вас главный? — громко спросил он, высываясь в окно.

— Тебе что было сказано?! — рывкнул динамик. — Тебе же сказано было не появляться здесь больше! Мы же тебя застрелим к чертовой матери, козел!

— Ничего не знаю! — крикнул гость. — Ничего не помню! И сам ты козел!

Динамик озадаченно умолк. Раздалось неразборчивое бурчание — видимо, у микрофона о чем-то спорили. Гость закурил и приготовился ждать.

— Ну-ка скажи, как тебя зовут! — потребовал динамик уже нормальным голосом.

— Понятия не имею! — ответил гость.

— А приехал зачем?

— Да местный я! Москвич я был в прошлой жизни!

— Эй! Похоже, он проснулся! — крикнули из-за баррикады. — Может, вблизи посмотрим?

— Мужик, ты что, проснулся наконец? — спросил динамик.

— Да я уж больше месяца в порядке...

— Ну, слава богу! Как же ты нас достал, мужик! Эй, ребята, идите взгляните, что он за деятель такой. Ковбой несчастный...

— За ковбоя ответишь! — крикнул гость весело, открывая дверь и выпрыгивая из машины.

Через баррикаду ловко полезли молодые люди с автоматами, одетые в самые замысловатые комбинации уличного камуфляжа с джинсой и кожей.

Гость привычно сунул руку в салон и выволок наружу гладкоствольный охотничий карабин четвертого калибра.

Увидев оружие для стрельбы по низколетящим бегемотам, персонал заставы дружно спал с лица и посыпался обратно в укрытие.

— Пушку на землю!!! — заорал динамик. — Пушку на землю!!! Считаю до трех и огонь!!! Раз!..

Гость не спеша положил карабин на капот и на всякий случай поднял руки.

— Извините! — крикнул он. — Дурная привычка! Больше не буду!

— Ковбой... — прохрипел динамик. — Убили бы!

— Ну все, все! Да не буду я стрелять! Я домой хочу!

— Все домой хотят... Так как зовут тебя?

— Да понятия не имею! Сейчас вроде бы Хаммер. Но ты сам подумай — откуда у русского человека может быть такая фамилия?

Из-под танка, непочтительно волоча за ремень тяжелую снайперку, выполз парень в черном берете набекрень.

— Я его знаю! — крикнул он наверх. — Это же Гош!

Поименованный так удивился, что даже руки опустил.

— Я что, нерусский, что ли? — спросил он обалдело.

Над баррикадой появились заинтересованные физиономии.

— Да нет же! — рассмеялся «снайпер», подходя ближе и стягивая с головы берет. Винтовку он так под танком и бросил. — А меня ты не узнаешь?

— Да знаю я тебя отлично... Ты Рэдди. Игорь Родионов. Херсонская, дом один.

— Ну!!! — обрадовался Родионов. — Ну, видишь! Слушай, Гош, ты Ленку мою не встречал, а?

— Погоди, погоди... Какую Ленку?

— Да жену мою! Во! — Родионов продемонстрировал кольцо на пальце.

— Жену... — Гош зачем-то посмотрел на свою правую руку. — Знаешь, Рэдди, если честно, мы с тобой после школы ни разу не встречались.

— Обидно, — потупился Родионов.

— Извини. Скажи, пожалуйста... Что это за имя такое — Гош?

— Да ты его сам выдумал. Чуть ли не в первом классе. Ты же Георгий. Что, забыл?

— Забыл, — признался Гош. Судя по выражению лица, он сейчас примерял вновь обретенное имя на себя, и, похоже, оно ему не особенно нравилось.

— Бывает и хуже, — сочувственно кивнул Родионов. — Но реже.

С баррикады потихоньку сползали все новые и новые люди, и постепенно вокруг Гоша и Родионова собралась небольшая толпа. Лица у парней оказались симпатичные и донельзя заинтересованные. Им явно хотелось с пристрастием допросить приезжего, но уж больно у него была не приветливая и удрученная физиономия.

— Уникальный случай, — сказал гордо Родионов. — Вы такое видели? Сiju, никого не трогаю, и вот на тебе — одноклассник...

— А ты ошибиться не мог? — вдруг спросил Гош.

— Чего?! — обиделся Родионов.

— Да нет, Рэдди, это я так... Я насчет имени.

— Георгий Дымов, — сказал Родионов с нажимом.

— Час от часу не легче... — пробормотал Гош.

— У тебя прадед был болгарин, — объяснил Родионов. — По фамилии Димов. А здесь его в Дымова переделали. Ты сам рассказывал.

— Родионов, — печально сказал Гош. — А расстояние от Земли до Луны ты, случаем, не помнишь?

Родионов цыкнул зубом и посмотрел на Гоша укоризненно.

— А начальную скорость пули у этой твоей... «СВД»? — не унимался Гош.

— Успокойся, — попросил Родионов очень мягко. — Я не помню совершенно ничего. Я дурак. Кретин. Полный идиот. Помню, что у меня жена была, Ленка. Красивая. А все остальное — забыл.

— А про меня? — спросил Гош с надеждой в голосе.

— Не обольщайся, старик. Детские воспоминания у меня все на месте. Только вот толку от них... Зато наш класс я помню очень хорошо. Ты с Лехой Романовым за одной партией сидел. А я — сразу за вами.

— Кто такой Леха Романов?.. — пробормотал Гош себе под нос.

— В общем, ты — Георгий Дымов, — заключил Родионов. — Отчества не знаю, извини.

— Викторovich! — ляпнул Гош и сам от удивления застыл с открытым ртом.

— Процесс идет! — обрадованно заметил кто-то в толпе. — Видите, мужики, идет же!

— Это у него идет, — хмуро сообщили оптимисту. — А у меня, например, задом пятится.

Гош поднял глаза на собравшихся вокруг молодых людей.

— Мы вспомним, — сказал он негромко. — Мы обязательно вспомним все. Но знаете, коллеги...

— Лучше бы нам и не вспоминать, — заключил все тот же хмурый голос из задних рядов.

— Боюсь, что так, — кивнул Гош.

* * *

У метро «Коньково» под ослепшим светофором прямо в центре перекрестка стоял огромный столб пыли. Даже смерч. Внутри его шла драка — кого-то там волтузили, трепали и рвали на куски. Гош сбросил газ, прижал машину к обочине и попытался разглядеть, что же впереди происходит. При всей своей нелюбви к насилию он даже слегка обрадовался. Все-таки это было первое реальное проявление жизни, которое он встретил в сонном, полумертвом городе. Из сцепившихся на перекрестке особей никто явно не страдал амнезией и уж тем более по этому поводу не рефлексировал. Там шла яростная борьба за жизнь в лучших традициях «постхолокостной» литературы.

В центре пыльной бури здоровенная черная с белым псина, очень лохматая и явно породистая, колотила в одиночку целую стаю ободранных дворняг. Пока еще колотила. Зубами она пережевывала глотку самого крупного противника, а мощной растрепанной задницей по-хоккейному бортовала тех, что поменьше. Из кучи-малы то и дело улетал вверх тормашками очередной зашибленный. От визга и хрипа закладывало уши. В воздухе парила разноцветная шерсть.

Гош осторожно подвел машину чуть ближе, опустил стекло и нашарил правой рукой свою пушку. Лохматая со-

бака билась насмерть, но перевес был явно на другой стороне. Разнокалиберных ее противников Гош насчитал сначала шесть, потом сбился. Наседала стоя по-дворовому крепко и въедливо. Окажись на месте лохматой какой-нибудь метрового роста профессионал-кавказец из питомника «Красная звезда», и то ему пришлось бы туго. Хотя он-то до драки бы дело не довел. Запугал бы дворняжек до нервного поноса и падения на спину, перекусил бы для острастки пополам одного самого мелкого и назойливого да и прошел бы сквозь эту стаю, будто ее и не было... Гош внимательно прищурился, но не для того, чтобы целиться, а вслед своим мыслям, по отработанной за последние дни привычке отслеживая важную информацию. «И о собаках я что-то знаю, кажется, больше, чем положено рядовому гражданину... Черт побери, откуда? А ведь люблю я собак. Опять-таки — кажется». Он высунул ствол из окна, упер приклад в сиденье и выстрелил.

Драку разметало во все стороны, и десяток обалделых морд уставился на непрошеного гостя. Не среагировала только лохматая зверюга. Наоборот, она поймала момент. Подмяла жертву под себя, навалилась всем весом, и в зубах у нее смачно захрустело.

Гош выпрыгнул из машины.

— Убью! — крикнул он, наводя оружие на ближайшую дворнягу, окровавленного и взмыленного отпрыска нескольких овчарок и как минимум одного спаниеля. Пес с визгом бросился наутек. Гош выстрелил поверх голов. Картечь с адским грохотом проломила стену придорожного магазинчика и вынесла ее напроць. Собаки дружно взвыли и растворились в пространстве, только когти шваркнули по асфальту.

— Фу! — рявкнул Гош. — Фу! Фу, я сказал!

Победительница выплюнула изжеванного врага и облизнула с носа кровь. Псину откровенно трясло, лапы у нее подгибались. Помощь явилась в самый подходящий момент — еще минута, и красotka лежала бы распоротым брюхом вверх, и уже другие носы были бы в крови. Жадное чавканье, растаскивание лакомых кусочков по кустам... Что им, крыс не хватает? Гош поежился.

— Молодец, умница, — похвалил он. Лохматая хмуро посмотрела на него и разве что не кивнула.

Из шеи поверженной собаки густо хлестало красным. Она медленно отползала, давясь и захлебываясь.

Гош положил ружье на капот и не спеша направился к лохматой псине.

— Тебя бы отмыть да расчесать... — сказал он ласково. — Цены бы тебе не было, прелесть ты моя.

Псина нервно сглотнула и помотала головой, совсем по-человечески. Даже не присматриваясь, по одному только сложению и форме морды Гош определил, что это сука, лет четырех-пяти от роду, очень дорогой и глубоко несчастный зверь, остро нуждающийся в ласке, расчесывании и средстве от блох. Под растрепанными клочьями на шее виднелся тонкий кожаный ошейник. Как это холеное выставочное животное адаптировалось к самостоятельной жизни на московских улицах, Гош не представлял. Но то, что собака выжила, говорило в ее пользу.

А то, что она не боялась стрельбы и воспринимала человека как союзника, указывало на полный курс дрессировки, включая защитно-караульную службу и отсутствие серьезных психических травм. Последнее Гоша не удивило — вряд ли на такую красивую собаку решил бы поохотиться даже самый отпетый кретин. Скорее он попытался бы ее приручить. Внутренне Гош потирал руки и пускал слюни. Судьба обворовала его по полной программе. Но она же и подбросила в утешение неплохой подарок. В том, что это именно судьба, он несколько не сомневался.

Собака оторвалась от созерцания умирающего врага и медленно повернула голову к человеку. Хвост ее все еще висел безвольно, но, кажется, животное приходило в себя.

— Здорово, красавица, — сказал Гош. — Меня зовут... Кажется, Георгий. А тебя?

Он протянул собаке руку тыльной стороной ладони вперед, сам удивляясь тому, как естественно у него это получилось. Собака обнюхала руку, душераздирающе зевнула и села. Ей было, судя по всему, нехорошо. Гош присел рядом на корточки и осторожно потрепал зверюгу по холке. Сантиметров в этой холке было не меньше семидесяти, вполне

прилично даже для кобеля. Гош откопал под шерстью ошейник и подтянул к себе металлическую пластинку с мелкой гравировкой. Нагнулся, чтобы прочесть, и тут его лизнули в щеку.

— Девочка моя, — пробормотал он растроганно, мягко оглаживая собаку по спине. — Все теперь пойдет как надо, я тебе обещаю. Так... Белла. Значит, ты у нас Белла? Белла! Привет.

Услышав имя, собака вскочила, замахала хвостом и принялась рассматривать Гоша, как будто спаситель повернулся к ней какой-то совершенно новой стороной.

— Белла, — повторил Гош, и тут на него с радостным воплем наскочили и принялись облизывать.

— Спокойно, детка, спокойно! — бормотал Гош, заслоняясь рукавом. — Это у тебя истерика. Это пройдет. Да все нормально! Да погоди ты, дура блохастая... Вот мы тебя вымоем, расчешем, подкормим слегка... Да, да, это я, твой папочка, я вернулся, теперь все будет о'кей...

От заставы послышался надвигающийся басовитый треск — словно оттуда несся на всех парах сильно охрипший «Запорожец». Белла тут же сползла с вновь обретенного хозяина и воинственно гавкнула в сторону непрошенных гостей. Гош оглянулся. По дороге летел ярко-красный «Бокстер».

— Молодцы... — одобрительно хмыкнул Гош, поднимаясь на ноги.

Вместо того чтобы тормозить, как все нормальные люди, водитель для начала поставил свой аппарат боком и, отчаянно дымя резиной, выписал на асфальте замысловатый крендель. Белла гавкнула снова.

— Ну, ты чего?! — крикнул Родионов, осаживая машину в двух шагах от попятившегося на всякий случай Гоша.

— Да вот... Собачку из беды выручил.

— А-а... — Родионов бросил на Беллу пренебрежительный взгляд. — Эта собачка кого хочешь сама выручит. Знаю я ее. Она тут весь район терроризирует.

— Что значит — терроризирует?

— Да жрет всех напропалую.

— Кого это — всех?

— Ну... Кроме людей. Странно, а чего это она одна? Их две таких было. Вторая с ней ходила такая же, правда, больше раза в полтора.

— Такой же расцветки? — уточнил Гош, присаживаясь рядом с Беллой и запуская руку ей под брюхо. Белла сумрачно разглядывала Родионова.

— Один в один. А ты чего там нашарить пытаешься? Вымя?

— Идиот... — прорычал Гош. — Ну вот, сбил меня...

— Да в чем дело-то?

— Да не знаю я!

— А-а... — протянул Родионов понимающе. — Извини, пожалуйста. Со мной тоже бывает. Делаешь что-то на автомате из прошлой жизни, и тут как ляпнут под руку — все, ушло. Зачем делал, чего хотел — совершенно непонятно. Правда, извини. Я не нарочно. А ты, значит, в собаках понимаешь что-то. Оч-чень ты, старик, профессионально ее трогал. Да и вообще, она ведь людей-то к себе не того... Мы ее прикормить сколько раз пробовали — ни в какую. Самостоятельная псина. И этот, здоровый, он вроде как при ней был. Слушался.

— Когда ты его видел в последний раз?

— Неделью где-то. Или две, не помню.

— Бедная ты моя девочка... — пробормотал Гош.

— Себе возьмешь? — спросил Родионов с нескрываемой завистью. — А что тут вообще было-то?

— Дралась она. Против десятерых в одиночку. Я едва-едва успел. Конечно, попробую уговорить пойти со мной.

— Счастливый, — вздохнул Родионов. — Ладно, я парням скажу, они рады будут. Мы все за нее очень переживали. Непростая ведь псина. Что за порода-то?

— Помнишь рекламу «Педигри»? Самую первую?

Несколько секунд Родионов сосредоточенно глядел куда-то в приборную доску.

— Пора мне, — сказал он вдруг. — А то они волнуются.

— Спасибо, что приехал, — кивнул Гош. — Всегда так?

— Считаю, что всегда, — уклончиво ответил Родионов.

— Я хотел спросить... Чуть не забыл. На вашей заставе учет какой-нибудь ведется?

— Кого? — хмуро спросил Родионов, думая о своем.

— Прибывших.

— Ага. С сегодняшнего дня прямо и начнем.

Гош отпустил загривок Беллы, подошел вплотную к приземистому красному родстеру и сел на корточки рядом с открытым настежь окном, в котором угрюмо насупился Родионов.

— В чем дело, старина? — спросил Гош негромко. — Я какую-то глупость сморозил?

— Так что за порода? — поинтересовался Родионов, не поворачивая головы.

— Бернская овчарка.

Родионов уныло кивнул.

— Ничего я не помню, Гош, — сказал он горько. — Ниче-го-шень-ки. Я ж тебе сказал — полный идиот. Вот зачем у меня кольцо на пальце — это помню. А где она может быть сейчас...

— А я не знаю, где мое кольцо, Рэдди.

— У тебя, что, тоже?.. — встрепенулся Родионов.

— Я безумно гордился этим кольцом, — сказал Гош очень тихо. — Куда я его дел? Его могли снять с меня только с мертвого, понимаешь? Я не променял бы его даже на жизнь.

— Ну что за глупости, старик... Кольцо — это символ, да... Но не до такой же степени.

— До такой. Вот именно до такой. Рэдди, я проснулся тридцать пять дней назад. И каждый день я плачу, как ребенок, у которого пропала мама. А на прошлой неделе вспомнил, что у меня была жена, самая прекрасная женщина на свете. И поехал сюда. И теперь уже не знаю — может, не плакать больше? Может, сразу застрелиться?

— Перестань, Гошка. Все плачут. Все хотят с собой покончить. Каждый. Каж-ж-дый. У нас вся застава по утрам ходит с красными мордами и друг на друга не смотрит. А мы-то проснулись кто в начале лета, а кто и весной... Некоторые помнят, что у них дети были... Ты, главное, ищи. Ты плачь и ищи. Мы все ищем. Каждый как может, так и ищет. Иначе нельзя. Иначе ведь никакого выхода, да?

Белла ткнулась мокрым носом в дрожащую щеку Гоша и вздохнула.

— А у нее вот мужика убили, наверное, прямо на глазах, — предположил Родионов.

— Она собака, — помотал головой Гош. — Она умеет забывать.

— Мы тоже.

— Не так быстро. И потом, я не хочу забывать, понимаешь? Я фамилию свою забыл, я не помню, где был мой дом, чем я занимался, тоже не помню. Но любовь... Я не забуду. Ты не забудешь. Нам же тогда жить будет незачем, Рэди. Окончательно незачем.

— Вот поэтому и нужно искать, — сказал Родионов твердо. — Знаешь, Гош, мне действительно пора. То есть я уже на подходе доложил, что все нормально, когда тебя увидел, но тем более мне нужно обратно.

Гош потер ладонью глаза.

— Еще раз спасибо, что приехал. Но ты мне не сказал. Что значит — «считай, всегда» и «с сегодняшнего дня»?

— Ты первый, кого мы пропустили. Единственный пропнувшийся, который пришел с нашей стороны. И, по моему, двадцать пятый, кто вообще пришел. Или двадцать шестой.

— Ясно, — вздохнул Гош. — Это антенна у тебя, это рация?

— Да. Тебе дадут. В Кремле дадут. Поезжай в Кремль прямо сейчас, там все тебе расскажут, что захочешь, и все дадут. У нас каждый человек на вес золота, ты же понимаешь. Даже такие, как я.

— Какие? — усмехнулся Гош.

— А такие, что в ноль, — не очень ясно, но вполне понятно высказался Родионов. — Зомби.

Гош закусил губу, чтобы сдержать улыбку. Уж на кого Родионов не походил, так это на зомби. Эмоции из него перли во все стороны.

— Ты небось заставу строил? — поинтересовался Гош, надеясь если не польстить однокласснику, то хотя бы переменить тему.

— Не-а. Понятия не имею, кто ее строил. Она была уже.

И техника стояла. Откуда взялась... Тоже загадка, Гош. Все подъезды к городу закупорены. Даже наверху, на Кольцевой, все проемы в отбойнике завалены. Как будто здесь кто-то оборону держал. И не пехоту ждал, а танки. Короче, армию.

— Ты, я надеюсь, армию не ждешь? — осторожно спросил Гош.

— Почему? Вдруг припрется.

— Военные мертвы, Рэдди. Все. Поверь хотя бы на слово. Я видел. Я проехал несколько городов и везде первым делом совался в войсковые части. Кругом истлевшие трупы в погонах. И знаешь, Рэдди... Очень истлевшие. Чересчур. А оружейные комнаты вскрыты, причем грубо. И разграблены. Как ты думаешь, сколько мы проболтались без понятия о себе? И чем мы занимались в это время?

— Я не пытался считать, — вздохнул Родионов. — Но с такой информацией тебе, честное слово, обязательно нужно в Кремль. Тебя ждут давно.

— Не понял? — удивился Гош.

— Не знаю, чем занимался я, пока спал. Но чем занимался ты, я в курсе.

— Совсем не понял... — упавшим голосом повторил Гош.

— Ты несколько раз появлялся у нашего поста. Стрелял по нас из этой своей штуковины, требовал, чтоб пропустили, и крыл матом всех московских и Бориса в отдельности. Мы уже совсем было собрались тебя пристрелить, но Борис запретил. Сказал, что нужно ждать, что ты обязательно проснешься, и тогда уж выяснится, откуда ты его знаешь и за что вообще так не любишь москвичей.

Гош ошарашенно молчал. Ему хотелось извиниться — но за что? Никогда он сюда не приезжал, ничего не просил, и никакого Бориса ведать не ведал.

— А этот... Борис, — пробормотал он наконец. — Борис меня помнит?

— Не знаю. Похоже, нет. Так что тебе прямая дорога в Кремль. Там наш комитет, а Борис его председатель. Вот и встретитесь...

Гош помотал головой, стряхивая оцепенение.

— Хорошо. Я буду в Кремле завтра, — сказал он. — Слушай, а если крысы, или собаки те же, или еще что-нибудь?

— Ну?

— Ну, я стрельну, а вы опять на уши встанете.

— Мы не услышим. Ты отъедешь еще на пару километров, и мы просто не услышим. Да, кстати! Точнее, между прочим — так, кажется, надо говорить?

— Смотря о чем.

— О бензине. Водопой с одиннадцати до шести у Христа Спасителя. Помнишь, там была такая ведомственная колонка напротив? Когда еще вместо храма был бассейн? Это если хочешь, чтобы тебе культурно налили. А если готов руками вычерпывать, тогда возьми карту... — Родионов сунул руку в бардачок.

— Не нужно. Сам найду.

— Помнишь, гад? — оскалился Родионов. — Все помнишь, да? Ух, зараза!

— Полчаса назад я не знал своей фамилии, — напомнил Гош.

— Да зачем тебе фамилия, друг ты мой ситный? Да я бы сейчас не то что фамилию, имя бы променял на то, чтобы помнить какую-то там рекламу столетней давности!

— А откуда бензин? — перебил его Гош.

— То есть — откуда? От верблюда. Из колонок.

— А в колонках откуда?

— В прошлой жизни налили.

— А комбинат?

— Какой?

— Нефтепре... пере... Ну, ты понял.

— Я понял, но я понятия не имею. А зачем нам комбинат? В городе от силы триста машин. Мы даже «бэтээры», и те с колонок соляркой заправляем. У нас бензина — хоть ты в нем утопись.

— Бензин не вечный, Рэдди, — объяснил Гош.

— Выдыхается?! — прошептал Родионов с неподдельным ужасом в голосе.

— Хуже. Разлагается. Срок хранения, по-моему, года два. А дальше начинает падать октановое число.

Родионов повернул ключ зажигания, и двигатель басовито затарахтел.

— Детонирует, — заметил Гош. — Легонько, но детонирует.

— От тебя одно расстройство, мужик, — сказал Родионов, нажал на газ и, развернув машину почти на месте, умчался к заставе.

Гош встал, посмотрел на Беллу и невольно приоткрыл рот. Снизу вверх собака испытующе разглядывала свое новое приобретение.

— Хотя тебе-то я еще не испортил настроение? — спросил Гош. — Ну, и на том спасибо. И что у них здесь творится? Храм вместо бассейна... Зачем? Когда успели?

...Собака прыгнула на заднее сиденье уверенно и без раздумий. Гош восхищенно цыкнул зубом. С каждой минутой черно-белая красotka с рыжими подпалинами нравилась ему все больше и больше.

«Хаммер» объехал стеклянный павильон метро, небрежно повалил ограждение газона, потом еще одно и оказался среди торговых палаток, выстроившихся вдоль узкой асфальтовой дорожки. Справа в низине Гош увидел знакомый универмаг и задумчиво сморщился. Он не жил в этих краях, но что-то его с ними связывало. Бывал он здесь не раз, это точно. И отоваривался в местных «точках» неоднократно.

Нужная ему палатка стояла именно на том месте, где и должна была. Стрелять попусту Гош не хотел и просто вышиб запертую дверь углом бампера.

— Сиди пока, — небрежно бросил он собаке, выбираясь наружу.

Внутри палатки оказалось по колено сухого корма вперемешку с крысиными экскрементами. Все коробки и пластиковые мешки были распороты и изжеваны. Самих крыс не было видно — то ли они предпочитали ночной образ жизни, то ли их спугнул шум на перекрестке.

Консервные банки оказались целы. Гош перетащил в багажник несколько ящиков из подсобки (Белла приняла-

лась, и глаза ее вспыхнули голодным огнем), взял набор гребней, большую пластмассовую миску, несколько баллонов собачьего шампуня и антиблошиных средств. Выбрал ошейник и поводок сообразно внушительным размерам и физической мощи Беллы. Некоторое время рассматривал карабин на поводке и решил, что он слишком прочный. Нашел другой, тоже мощный, но помягче, который собака в случае чего смогла бы разогнуть. Задумался над тем, для чего это нужно. Внутренне пожал плечами и махнул рукой. Самой верной тактикой сейчас было не перечить тому, что говорило подсознание, а, наоборот, подсматривать за собой и у себя же учиться. Заново учиться жить.

— Сначала мыться, — сказал он Белле, тоскливо разглядывавшей ящики с собачьими консервами. — А то заснешь еще от удовольствия, буди тебя потом...

Следующей остановкой был универмаг. Здесь тоже не оказалось следов человеческого присутствия, только следы крысиных зубов. Крысы явно переживали трудный период — у них кардинально переменялись условия обитания. Вымерший город вовсе не рай для зверя, вся жизнь которого завязана на отходы жизнедеятельности людей. Исчезли привычные места прикорма, негде согреться зимой. Недаром птиц на улице не видно.

Гош с наслаждением выкинул из машины ящик тульской водки и водрузил на его место упаковку «Смирновской». Разжился вкусными консервами, тщательно обследуя каждую банку на предмет вздутия. С тоской прошелся по отделу, торгующему электротехникой. Покопался в коробке с батарейками, зарядил ими первый попавшийся магнитофон и включил его. Застоявшийся музыкальный ящик радостно взвыл. Гош присмотрелся к сроку годности на упаковке от батареек. «Май девяносто девятого. Интересно, какой нынче год на дворе. Месяц-то август, если часы не врут. А вот летосчисление тью-тью. Мне, наверное, уже за тридцать».

Предаваясь этим невеселым мыслям, Гош взял с полки уют, раскокал им стекло аптечного киоска и набрал охапку дорогих таблеток от всего, чем собирался в ближайшее время болеть. В крайнем случае лекарствами можно было

и отравиться. Панадола набралось как раз столько, чтобы утробить печень. Сутки — и готов. Откуда Гош знал об этом, он понятия не имел. Временами его пугало то, насколько хорошо он разбирается в импортных товарах, коих вокруг имелось выше крыши. Гораздо труднее было найти что-нибудь родное, советское, да и на том стояла надпись «Сделано в России». А на улицах повсюду красовались иностранные рекламные щиты. Похоже, за последние лет десять-пятнадцать родина Октября совершила грандиозный скачок в загадочном направлении. То ли интегрировалась в мировое сообщество, то ли подмяла его под себя. Но в любом случае, как бы ни называлась эта страна, больше ее не существовало.

Магнитофон сладким женским голосом звал по-английски на помощь доктора Дика. Гош прислушался к тексту и чуть не расхохотался во все горло. Замечательная песня. Завести бы ее на какой-нибудь комсомольско-молодежной дискотеке году этак в восемьдесят пятом... И никому, совсем никому не объяснить, что «дик» на американском сленге — член. «Черт побери, какая досада — совершенно не помнить времени, когда прилавки ломились от барахла и звучали такие лихие песенки... Но я ведь жил тогда! Нет, я обязан, просто обязан вернуть себе память. Только вот как?..»

Громкость звука вдруг ощутимо упала. Батарейки испускали дух. Гош печально кивнул своим мыслям. Разумеется, девяносто девятым на дворе и не пахло. Скорее всего давно пора было отметить приход нового тысячелетия. А заодно и свой тридцатник. Может, год назад, а может, и два. «Все равно не застрелюсь. Не дождетесь».

В машину Гош вернулся с щемящей болью в сердце. Он миновал еще один этап на пути к родительскому дому. Можно было, конечно, оттянуть момент возвращения в юность, например, завернуть в «Охотник» и позаимствовать там нарезной карабин — при условии, что никто раньше не подсуетился. Но скорее всего где-нибудь впереди Гоша ждал настоящий «калашников», а не его оскопленный гражданский вариант. Да и воевать сейчас было явно не с кем и незачем. Воевать?

...внутренности тягача наполнил оглушительный звенящий рокот — это по броне ударили пули...

Гош крепко зажмурился и до хруста в пальцах вцепился в руль. Он старался поймать воспоминание за хвост, но оно уже проскочило мимо. Несколько минут Гош пытался сообразить, что за ассоциации навели его на эту картинку из прошлой жизни — полумрак, какие-то механизмы, все вокруг жесткое и металлическое, и этот оглушительный звон, будто колотят молотком по кастрюле, надетой тебе на голову... Гош даже вышел из машины и сел в нее снова, пробуя воспроизвести ситуацию. Белла озадаченно следила за его священнодействием — иначе и назвать было нельзя то, что сейчас делал человек.

Но воспоминание так и не вернулось. Гош сунул в зубы сигарету и вздохнул. Неподалеку отсюда его, возможно, поджидал целый ворох информации о прошлом. Но одно дело читать документы и рассматривать фотографии, а совсем другое — когда к тебе возвращается твоя память, собственная, настоящая...

Кроме того, в привидевшейся Гошу картинке было нечто такое, что имело скорее всего самое непосредственное отношение к периоду «сна», когда он неизвестно чем занимался и неизвестно где разгуливал. Этот запах пороховой гари внутри машины и звонкий грохот пуль по обшивке... Гош был совершенно уверен, что в прошлой жизни ни в каких боевых эпизодах не участвовал. Просто знал это, и все тут. А вот что он делал «во сне»?

— Ладно, — снова вздохнул Гош, поворачиваясь к собаке. — Поехали тебя приводить в порядок. Да?

Собака покосилась на ящики с консервами и плотоядно облизнулась.

Гош провел «Хаммер» напролом сквозь жилые кварталы, распахивая бампером малолитражки и переворачивая мусорные баки. Настроение у него после давешнего приступа хорошей памяти установилось хуже некуда. Но сейчас, миновав широкий проспект, машина должна была углубиться в лес. Гош очень хотел почувствовать себя лучше.

А в лесу, стоит лишь привлечь немного воображения, можно будет запросто представить себе, что ничего особенного и не произошло.

Если, конечно, не обращать внимания на вопиющее безлюдье вокруг.

И если...

Гош нажал на тормоз. Машина выбралась из дворов, впереди был тот самый проспект, за ним раньше начинался лес.

Леса не было. На верных два километра вперед простиралось грандиозное пепелище, слегка поросшее молодой травкой.

— Черт возьми! — пробормотал Гош. — Это кто же здесь так погулял? Годзилла со Змеем Горынычем?.. Бр-р-р... Эй, животное, ты что-нибудь понимаешь?

Животное сунулось носом ему в ухо, как будто на самом деле хотело что-то объяснить. Гош протянул руку и благодарно потрепал собаку по холке.

— Угробили мой город, — сообщил он Белле. — Стоило ненадолго отлучиться — и вот на тебе. Ладно, зверь, поедем все-таки. Очень хочется умыться. Надеюсь, пруды не испарились, как ты думаешь, а?

Машина тронулась с места.

— Знаешь, подруга, а ведь я об этом мечтал когда-то, — сообщил Гош собаке, небрежно подправляя двумя пальцами легкий руль. — Когда совсем молодой был. Чтобы куда-нибудь всех к едрене матери унесло. Просыпаешься однажды, а никого вокруг нет! Всех уродов как языком слизало. Тишина, пустота, чистый, стерильный, яркий, залитый солнцем мир. И вот — пожалуйста... Огреб на свою голову.

Белла нервно зевнула.

— А потом я Ольку встретил, — продолжал рассказывать Гош. — И вдруг оказалось, что жизнь и без того сияет яркими красками. А все, что меня в ней раздражало — люди в основном, — не имеет значения. И что я просто был маленький, глупый и чертовски одинокий. Вот... И стало хорошо. А потом — ха-ха — сбылась мечта.

«Хаммер» выехал на центральную аллею бывшего лесо-

парка и резво покати́л по асфальту, перемалывая колесами головешки.

— И вот мы с тобой здесь, — резюмировал Гош. — Спрашивается, все эти несчастья для чего стряслись — чтобы я в конце концов завел собаку?!

Он свернул направо и таранным ударом прошиб то, что раньше было густыми зарослями боярышника, а теперь превратилось в сюрреалистическое черное месиво. Белла на заднем сиденье едва пошатнулась. Она явно в прошлой жизни много ездила на машинах.

— А вот с другой стороны, — не унимался Гош. — Допустим, что у меня и так была собака. Тогда зачем это все вообще? Чтобы я потерял жену, имя, профессию и обручальное кольцо?! Сомневаюсь. Чтобы я принимал участие в боевых действиях? Слушай, Белла, ведь в меня стреляли! Точнее, я сидел внутри здоровой железной штуковины, а стреляли по ней, но это несущественно. Так зачем все это было? Какой в этом высший смысл? А? Молчишь? Вот то-то. Ладно, выходи, приехали.

«Хаммер» стоял на берегу небольшого пруда. Гош выпрыгнул из машины на песок и выпустил Беллу. За бортом оказалось жарко — Гош снял куртку и небрежно швырнул ее на капот. Подошел к воде, присел и опустил в пруд руку.

— Нормально, — сказал он, выпрямляясь и стягивая через голову футболку. Справа из-за пояса высунулась черная рукоятка. — Градусов девятнадцать. Подойдет нам с тобой, подруга, а?

Белла зашла в воду по брюхо и принялась ее лакать.

— Для середины августа совсем не плохо, — решил Гош, бросая футболку под ноги. Достал из-за пояса небольшой и очень красивый пистолет и уронил его в траву, туда, где она была повыше. Не спеша выбрался из сапог и джинсов. Снял трусы, скомкал их в кулаке и чуть было не швырнул в воду отмокать, но вспомнил, что у Беллы может быть хороший навык апортировки, а белье нужно беречь.

Собака зашла в воду чуть глубже и теперь, стоя в ней по плечи, шумно отряхивалась, вздымая тучи брызг. Гош усмехнулся — эта манера купания была ему хорошо знакома. Так же... «И что так же? Кто-то еще так же стоял на мелко-

воде и отряхивался, поднимая радугу? И что это был за пес? Мой пес? А где он теперь? Тьфу!»

Вода оказалась действительно не слишком холодной. Гош обработал собаку шампунем, от чего та превратилась в уморительную четвероногую снежную бабу, и погнал на глубину, чтобы смыть белые хлопья. Плавала Белла очень хорошо, мощно, но довольно-таки неохотно. Сама процедура мытья была ей явно в кайф, а вот изображать ньюфаундленда Белла не собиралась. Гош очень тщательно промыл ее шерсть и осмотрел те места, откуда дворняги нарвали ключев. Не нашел серьезных дырок, только пару ерундовых царапин, обрадовался и погнал собаку на берег. Вывалил в миску порцию консервов. Белла от возбужденияпустила слюну, вся подалась вперед, но без команды есть не стала. Гош усмехнулся, поставил под миску ящик, чтобы собаке было удобнее, и махнул рукой — давай. Псина бросилась к миске, как будто на ее дне лежал ответ на вопрос жизни или смерти. Некоторое время Гош с удовольствием наблюдал за собачьей трапезой, а потом отметил, что скоро уже вечер и пора заняться собой.

Стирка и мытье не заняли много времени. А вот бриться Гош долго не решался, критически разглядывая себя в зеркалах «Хаммера». Из-под машины доносилось утробное рыгание и дробное пуканье — так организм Беллы реагировал во сне на собственную жадность.

— И все-таки! — провозгласил Гош, добыл из рюкзака бритвенный прибор, зачерпнул воды в кружку, пристроился к зеркалу и, страдальчески кривя лицо, принялся мазать его мыльной пеной.

— Никогда я это дело не любил, — сообщил он.

Собака в ответ всхрапнула.

* * *

Вечером того же дня Гош лежал на диване в комнате, где ночевал без малого двадцать лет, и смотрел в потолок. На письменном столе оплывала свеча.

Здесь он жил с родителями, а потом они жили уже без

него. Здесь оказалось вдоволь фотографий и бумаг, но ни одна из них не отвечала на самый главный вопрос.

Его действительно звали Георгий Дымов. Как и все нормальные дети, он окончил среднюю школу. Судя по завалявшимся на шкафу конспектам, поступил в какой-то гуманитарный вуз. И похоже, очень рано ушел из этого дома. Может быть, иногда возвращался и наверняка вскоре снова уходил. В столе лежал альбомчик, где несколько страниц занимали фотографии смутно знакомых девушек. А на секретере в спальне родителей стояло фото, на котором был он сам и еще одна девушка, знакомая отнюдь не смутно. Его жена.

Гош чуть не взвыл от боли, когда увидел эту фотографию. Выдрал ее из рамки и спрятал в отцовский бумажник, который здесь же нашел.

Ушел в свою комнату, повалился на диван и постарался успокоиться. Надо же было такому случиться! Покидая этот дом всерьез и надолго, он забрал с собой все документы и сколько-нибудь памятные вещи. То, что сейчас могло бы подсказать ему, где он жил последние годы перед обрушившейся на человечество бедой, — отсутствовало напрочь. Он ведь ехал в Москву именно за этими воспоминаниями. Жену искать бросился. А на проверку вышло, что с таким же успехом он мог бы искать ее в каком-нибудь Сыктывкаре. Разумеется, если она вообще жива.

Гош скрипнул зубами. Белла приподнялась на передних лапах и внимательно посмотрела на человека. Решила, что он в порядке, и снова легла посреди комнаты.

Гош почувствовал, что на него давит эта обстановка — полки с любимыми книгами детства, старый добрый стол, зеленые шторы... Он взял свечу, ушел на кухню, встал у окна и закурил. «Что же дальше? Придется, наверное, ехать в Кремль. Там у москвичей штаб — может, этот загадочный Борис расскажет что-нибудь полезное. У москвичей? Интересная мысль — а я-то кто? Нет, что-то недоброе произошло со мной за время «сна». Недаром я очнулся не здесь. Интересно, сколько же времени продолжался этот проклятый «сон»? Неужели целый год? А если больше? Судя по состоянию техники, батареек тех же и аккумуляторов —

гораздо больше. Да и бензин все отчетливее детонирует с каждым днем. Гошка, признайся хотя бы себе — у тебя никаких шансов. Ты ее не найдешь. А может... Ведь я же вернулся. И она вернется, обязательно. Если только цела».

А уцелеть в новом мире, судя по всему, было непросто. Человека, которого не скосила загадочная пандемия, убившая каждого в возрасте примерно до двадцати и после сорока, вполне могли угробить другие выжившие. Гош до сих пор вспоминал момент «пробуждения» с легким ознобом. Он впервые осознал себя в дичайшей ситуации. Именно в этой одежде, на подножке того самого «Хаммера», с тем самым ружьем поперек колен. А неподалеку валялись двое с разmozженными головами. И две огромные гильзы под ногами. И легкий дождичек...

Он чуть с ума тогда не сошел.

Первая мысль была — «хорош кошмар!». Потом оказалось, что вода с неба льется настоящая, а тело буквально деревянное. С превеликим трудом он разогнулся, охая и кряхтя, прошелся вокруг машины, пытаясь узнать места. Стараясь убедить себя, что спит, подошел к трупам и увидел, что им как минимум суток трое. Помотал головой, отгоняя наваждение, забрался в машину и снова уснул. Радостно уснул, надеясь, что утром все образуется. Но вскоре снова проснулся от сильнейшего приступа голода. Опять в той же машине. Высунулся наружу и почувствовал, что перед глазами все плывет. Он был незнамо где, непонятно зачем... И НЕПОНЯТНО КТО!!!

Несколько часов он провалялся в совершенной прострации. Очень уж трудно было привыкнуть к мысли, что все происходит на самом деле. Потом догадался убедить себя, что, раз уж такие дела, пора на разведку. Минимум анализа, максимум информации. И с такой вот позитивной установкой начал жить. Наверное, только это и спасло его от сумасшествия. Испугался-то он почти до истерики. Руки тряслись, ноги подгибались. Даже трупы его не так беспокоили, как отсутствие памяти. Если он сам и застрелил этих двоих, то это был какой-то другой он, прежний. А нынешнему ему требовалось позарез разобраться, что к чему.

Он повернул ключ в замке, и машина неохотно завелась. И поехала.

В машине он нашел запас пищи, одежду, патроны и охапку умело склеенных армейских карт. Судя по картам, он успел изрядно покататься вокруг Москвы, побывать в Твери и Туле. Когда? Зачем? Нынешний город назывался Обнинск, но его карты в бардачке как раз не нашлось. Гош поколесил по улицам, отмечая, что они совершенно мертвы. Зашел на пробу в несколько домов, везде натываясь на истлевшие кости. И как-то тупо, на автопилоте, взял тульскую карту, нашел отмеченный знакомой (своей?) рукой квартал и решил — туда.

Позже он догадался, что на уровне бессознательного воспринимал происходящее как непривычно яркий кошмар. И просто старался вести себя рационально, не визжать и не метаться, чтобы сон не стал еще страшнее. Принял условия игры. А когда пришло время смириться с реальностью, он уже вжился в нее. Поэтому новый мир и не сломал его психику. Согнул ее основательно, но не сломал.

В Туле Гош впервые увидел живых людей, таких же ошарашенных, как и он сам. Потом нашел дом — уютный коттедж в пригороде, где явно прожил несколько месяцев (зачем?). Здесь все было свое, устроенное им (когда? пыль в доме лежала вековая), а в кабинете нашлись толстые подшивки газет. Наверное, он пытался восстановить картину того, что было ДО. Вот если бы он догадался взять карандаш и хоть где-нибудь написать свою фамилию... Да еще черкнуть пару строк о том, каким ветром его занесло в Тулу и почему он тут застрял. Но все равно, обстановка в доме помогла. Он начал вспоминать. Так интенсивно, что просто до боли. И очень скоро эта боль погнала его в Москву.

Он яростно хотел узнать — если не свое имя, то хотя бы каким образом его утратил. Если не найти жену, то хотя бы вычислить того, кому оторвать голову за ее потерю. Сплошные «если». И пока что он нашел только чужую собаку и убитого горем одноклассника.

Но для первого дня поисков этого было даже много.

За окном стало окончательно темно. Гош прошел в большую комнату и огляделся в поисках чего-нибудь инте-

ресного. Зачем-то открыл шкафчик под телевизором. Там навалом лежали видеокассеты. Гош пристроил свечку поудобнее и стал перебирать цветастые коробочки, стараясь не думать, почему его совсем не удивляет то, как небрежно он обращается с заморскими диковинами.

На самом деле никакие это были не диковины. Стоило потрогать вещь руками, и простейшие тактильные ощущения будили в душе столько всего... Похоже, Гош в прошлой жизни был из тех, кто взаимодействует с миром в основном на ощупь. В памяти тут же всплыла соответствующая градация. Люди разные, и, как бы хорошо ни работали у человека все органы чувств, на самом деле один — визуалист, другой — больше слушает, а третий — даже на расстоянии воспринимает в первую очередь фактуру поверхности. Гош положил руку на круглый джойстик видеомагнитофона и слегка усмехнулся. «Помню. Только зачем это мне?» Он вернулся к кассетам и улыбнулся вновь.

Похоже, отец тоже любил вестерны. Или, скорее, заразил этим сына. Подборка была неплохая — «Буч и Санденс», полный комплект фильмов Серджио Леоне, «Непрощенный», «Тумстоун», первые и вторые «Молодые стрелки»... А вот это на любителя — «Пэт Гаррет и Билли Кид». Помнится, в свое время кто-то вывел кодекс чести ковбоя. На основе вестернов, разумеется. Мол, ковбой не бьет женщину, не стреляет в спину, не поднимает ствол на безоружного, и прочая галиматья. А вечный потрясатель основ Сэм Пекинпа, большой охотник замахнуться на святое, отснял вот этот провокационный фильм. Воссоздал, так сказать, реальную обстановку. Ведь действительно, по официальной версии шериф Гаррет, как последний негодяй, пристрелил своего бывшего подельника и лучшего друга Билли, когда тот без сапог и револьвера топал к кладовке положить чего-нибудь на зуб.

Гош усмехнулся, бросая взгляд на «казаки», аккуратно стоящие в прихожей. Дверь выломал, а обувь так снял. «Вот почему я так интересно одет. Видимо, замороженное голливудской кинопродукцией подсознание расстаралось. Интересно, а стрелять в живых людей я тоже из вестернов научился? Да вряд ли. Мы сейчас все будто на погранич-

ной территории. Ни одного безоружного. Хотя никто вроде бы и не проявляет агрессию. Но какой-то атавистический страх подсказывает — в трудное время держи пушку ближе к телу».

...он лежал на столе, руки что-то сдвигало за спиной, наверное, они были связаны. Над ним склонились незнакомые лица...

Гош дернулся, будто его ударило током. «Опять! Господи, когда же это было, и неужели именно со мной?» Воспоминание мгновенно растворилось, но, чтобы успокоиться, пришлось выкурить несколько сигарет. Эта картинка была в чем-то еще страшнее, чем грохот пуль, бьющих в корму.

«Хватит!» — приказал себе Гош. Достал из шкафа старый плед, долго его вытряхивал, потом упал на диван и постарался заснуть. Думал он в это время о чем угодно — например, хвалил отца за то, что в окнах мощные стеклопакеты. Иначе пыли в квартире было бы по колено. Вспомнил, что отца давно нет и мамы тоже, машинально начал копаться в прошлом...

— Семёныч!!! — воззвал на улице металлический трубный глас.

Гош подпрыгнул, Белла тоже.

Осторожно выглянув в окно, Гош увидел, как по проспекту медленно катится автомобиль, а из люка на крыше торчит кто-то с мегафоном и зовет Семёныча.

— Кошмар... — пробормотал Гош.

И впервые за долгое время заснул по-человечески, без слез в подушку.

* * *

Чумазого и веселого Бориса он нашел на берегу Москвы-реки, напротив Кремля. Председатель загадочного комитета стоял в окружении таких же изгвазданных ребят в спецовках и радостно таранился на Гоша, его собаку и «Хаммер».

— Здорово! — сказал он. — Извини, руки не подам, весь в солидоле. Пытаемся запустить эту машинерию, — он махнул рукой куда-то за спину, на неказистое здание вполне промышленного и весьма запущенного вида.

— Знаменитая кремлевская ГЭС-1? — догадался Гош. — А я думал, это просто легенда. Ну, здравствуй. Ты, значит, будешь местный князь?

Борис расхохотался. Его окружение, напротив, грозно насунилось.

Гош пригляделся к Борису и решил, что совершенно не помнит этого человека. Довольно высокий, крепкий, стрижка ежиком, пронзительный взгляд лидера.

— Ребята, — сказал Борис, обтирая руки о замызганную куртку. — Нечего обижаться. Видите же, издалика человек. Вы дуйте пока по местам, а мы с Георгием поболтаем.

— Здесь князей нет, — заметил кто-то из толпы. — У нас все пашут. Не то что некоторые...

«А пулю в голову не хочешь?» — чуть не вырвалось у Гоша, но он вовремя прикусил язык. Сегодня утром на Ленинском проспекте ему загородил дорогу мобильный патруль на двух машинах, и дело чуть не кончилось локальной войной. Совершенно неожиданно для себя Гош озверел и здорово наехал на четверых вооруженных парней. Да так нагло, как будто в прошлой жизни завтракал техасскими рейнджерами. Что интересно, патруль в его крутизну уверовал, попрятался за машинами, стал вызывать по рации подкрепление, и только личный приказ Бориса пропустить «ковбоя» погасил конфликт. А Гош, отъехав подальше, остановил машину и долго приходил в себя, дрожа и всхлипывая. Форменная психопатия — но откуда?

— Тихо! — рявкнул Борис на словоохотливого подчиненного. — Это здесь князей нет. А по матушке-России их, я думаю, предостаточно. Ага? — Он посмотрел на Гоша.

— Не помню. Не видел. Эй, братишка! Извини. Я понимаю, что моя внешность и манеры вызывают законное раздражение. Потерпи немного, привыкнешь...

С этими словами Гош упер руки в бока, полы куртки разошлись, и показалась рукоятка пистолета. Гош сделал это не подумавши, жест устрашения вышел у него вполне естественным. Но возмущавшийся парень тут же ошутимо побледнел и сделал шаг назад.

— Я же сказал — идите! — прикрикнул Борис. Крепко взял Гоша за плечо (Белла в окне машины начала тихонько

рычать) и увел к парапету набережной. Сзади воинственно фыркали и переговаривались.

— Засветишь лампочку Ильича? — Гош мотнул головой в сторону здания ГЭС.

— Хотелось бы. В первую очередь для водоснабжения насосы запустить. Слушай, браток. Ты чего такой злой?

— Понятия не имею. Какая-то истероневротическая реакция. — Гош поперхнулся незнакомым словом и умолк.

— Ты бы придержал эту реакцию, ладно? Народ пугается.

— Честное слово, я постараюсь, — Гош виновато оглянулся на уходящих в здание людей. Многие из них озирались довольно опасливо.

— Убедительно прошу. Я не знаю, может, за Кольцевой дорогой начинается Дикий Запад, но в Москве, ей-богу, воздержись от этих ковбойских шуток.

— Но там на самом деле именно Дикий Запад, — сообщил Гош. — Все нервные, все с оружием, все боятся чего-то. Любой разговор начинается с предложения убрать ствол подальше. Я, конечно, убираю, и сразу все хорошо — любовь до гроба, улыбка до ушей, обмен информацией.

— А ты не пробовал по-нормальному? — спросил Борис, прищурившись. — В смысле — вообще без ствола?

Гош всерьез задумался.

— Да как-то в голову не приходило. А ты не пробовал убрать людей с заставы?

— Пока нельзя. Подумай, что случилось бы, пропусти мы тебя в город пару месяцев назад. Ты был просто сумасшедший. Это — во-первых. А во-вторых, от кого-то ведь эти блокпосты город охраняли! Их же не просто так строили. Значит, была угроза. Кто сказал, что она не появится теперь?

— Резонно, — согласился Гош.

— Ты же ехал через Беляево и Калужскую, должен был видеть...

— Нет. Я ехал лесом. Тем, что от него осталось.

— Н-да... И это тоже... И это тоже важно. Понимаешь, Георгий... Или лучше Гош? Понимаешь, Гош, в Москве немало поврежденных домов. Судя по всему, кто-то упражнялся в стрельбе из танковых орудий. Но мне кажется, это были не враги. Как я думаю, это на самом деле трени-

ровались прежние защитники города. Потому что есть разрушения и совсем иного порядка.

Гош закурил. Борис попросил глазами, и Гош протянул ему сигареты. От набережной отъехало несколько машин, и теперь они остались вдвоем — хозяин города, уверяющий, что он не князь, и его гость, из всех сил изображающий бедную овечку.

— Спасибо. Так вот, Гош. Что я тебе хотел сказать... Да, есть совсем другие разрушения. Окраинные районы кто-то обстреливал из огромной пушки. Мне даже представить страшно, какого она была калибра.

— Или бомбил, — подсказал Гош.

— Вряд ли. Мы насчитали с десятков одиночных попаданий. Несколько на Юго-Западе, несколько на Кантемировской, еще на Можайке. Но каждый снаряд по отдельности либо развалил целый дом, либо оставил такую воронку, что пару трейлеров похоронить можно. На пересечении Можайского шоссе и Кольцевой тоже была застава, нам ее пришлось восстанавливать. Там полмоста снесло, а зенитная установка лежала на боку. Представляешь, что будет, если этот ужас вернется? А кто спалил лес? Что там произошло? Нет, дорогой мой, как ни крути, а мы должны обеспечить хоть какое-то подобие обороны. Вот, стараемся...

— Думаю, это стрелял не я, — сообщил Гош после минутного раздумья.

— Да уж надеюсь! — рассмеялся Борис. — Но какие-то претензии лично ко мне у тебя есть. Из чего можно делать самые фантастические выводы. Настолько дикие, что я от них пока воздерживаюсь.

— Ты был местный князь, а я — варяжский гость... Хватит ржать! Что смешного?!

— Да какой из меня князь?! Я простой физик, кандидат наук. Голодранец, можно сказать...

— Помнишь?! — изумился Гош.

— А ты — нет? — в голосе Бориса послышалось искреннее участие.

Гош отвернулся. Из машины за ним внимательно следила Белла. Гош подошел к «Хаммеру» и выпустил зверя погулять. Белла тут же сунулась к Борису и с грозным кряхте-

нием его обнюхала. После чего, страшно довольная, усе-
лась между ним и Гошем.

— У меня другие проблемы, — негромко сказал Борис.

— Могу себе представить.

— Вряд ли.

Гош бросил на собеседника испытующий взгляд и пове-
рил. За внешней развязностью этот человек скрывал очень
серьезную боль. Прятал ее старательно, чтобы не напря-
гать других. Этакий чрезмерно совестливый Наполеон.

— Хороший ты мужик, Боря. Хотелось бы подружить-
ся, — честно признался Гош. — Я ведь сюда надолго. Чем
могу быть полезен?

— А что ты умеешь?

— Да все. То есть ничего. Но обучиться могу чему угод-
но. Я так мало знаю о своей профессиональной ориента-
ции, что мне просто наплевать, что делать. Главное — как
можно скорее восстановить память.

— Не прибедняйся. Мне сказали, что у тебя колоссаль-
ный объем знаний. А нам сейчас важно знать как можно
больше обо всем на свете. Иногда вскользь брошенное сло-
во будит такие неожиданные ассоциации... Не исключено,
что на ближайшие дни комитет поставит тебе очень инте-
ресную задачу. Ходить и болтать. Просто говорить с людьми.
Как думаешь — получится?

Гош щелчком выстрелил окурок в реку.

— Ну-ну, — пробормотал он. — Допустим. В тысяча семь-
сот первом году некий француз основал в Северной Аме-
рике поселение Вилль-де-Труа. А как была фамилия этого
француза? Время.

Борис нахмурил брови и тяжело задышал носом.

— Ладно, — махнул рукой Гош. — Это трехходовка.
Снимем один ход. Фамилия была Кадиллак. Скажи, как
называется теперь основанный им город. Время.

— Хватит... — задуманным голосом попросил Борис.

— Или вот еще вопрос... — не унимался Гош.

— Хватит! — крикнул Борис. Снизу раздался громовой
рык — это вскочила на ноги и раскрыла пасть Белла.

— А вот такой вопрос, — издевательским тоном сооб-
щил Гош. — Позируя художнику Миллеру, он сказал: «Я со-
вершил в этой жизни немало славного и никого не сделал

несчастливым. Не подписал ни одного смертного приговора. Бывал мал, бывал велик». Ну? Время.

Борис, держа руки на отлете, пытался задом взгромоздиться на парапет. Белла медленно надвигалась на него, выразительно скрежеща когтями по асфальту.

— Может быть, я все-таки не буду ходить и трепаться? — миролюбиво осведомился Гош. — Может, я лучше буду... Ну, хоть на заставе сидеть? А когда понадобится — по мере сил отвечать на конкретные вопросы. Белла! Отставить! Фу! Фу, я кому сказал!

Белла попятилась, не сводя глаз с Бориса. Тот глубоко вздохнул, уселся на парапет и взъерошил рукой волосы.

— Худо с тобой, как я погляжу, — заметил он. — Весьма худо.

— Угу, — кивнул Гош. — Слышал про такую монгольскую сельскохозяйственную газету — «Социализм Худа Ашахуй»?

Борис фыркнул и отвернулся.

— Слушай, что мы с тобой, как ученицы младших классов, препираемся?! — возмутился Гош. — Чем занят твой комитет?

— Не «мой комитет». Наш комитет. — Некоторое время Борис для солидности молчал, глядя в сторону, но потом все же смиростивился: — Мы занимаемся учетом и распределением всех ресурсов, включая людские. Обеспечиваем санитарный контроль, следим, чтобы не было мародерства. У нас централизованная система поиска, складирования и раздачи продуктов. Есть полицейские силы. Есть отдельная служба, которая занимается техникой — ремонт машин, наладка оборудования. К зиме откроем больницу.

— Школа есть?

— Для кого? У нас средний возраст — тридцать. Приблизительно, никто же не знает толком, сколько ему лет.

— Я неправильно выразился. Ты сам хочешь, чтобы я провоцировал людей шевелить мозгами. Так почему бы не организовать что-то вроде психотерапевтической группы? Будет народ собираться и вместе потихоньку вспоминать.

— Они и так вспоминают.

— Только они все травмированы своими воспоминаниями, — покачал головой Гош. — И дальше будет только

хуже. Ты хочешь управлять сумасшедшим народом? Невелика радость.

— Я никем не хочу управлять, — отрезал Борис.

— Не надо ля-ля, — попросил Гош. — Кандидат наук, а туда же, пытается мне очки втирать. Сколько людей в городе?

— Тебе-то что?

— Несколько тысяч?

— Допустим.

— Все они у тебя посчитаны, ты стараешься селить их компактно и пресекать любые самовольные действия, так?

— А ты чего хотел?! Как мы еще можем тут выжить, если не принимать мер?! Если каждый будет шлаться сам по себе?!

— Ладно, остынь, — попросил Гош. — Хватит. Ты не против, если я тихонько покатаюсь сегодня по городу и присмотрюсь, что к чему? Обещаю — никаких эксцессов. Я буду тих и скромн.

Борис неприязненно скривился.

— Вдруг у меня толковые идеи появятся? — предположил Гош.

— Черт с тобой, — процедил Борис. — Если что — пеняй на себя. И к вечеру, будь добр, найди где залечь. Ночью у нас...

— Комендантский час, — подсказал Гош. — Я уже понял.

— А утром приезжай ко мне, — проигнорировал замечание Борис. — Разберемся.

— Ладно. Ну, пока. — Гош повернулся к машине и поманил за собой Беллу. Собака нехотя оставила Бориса и затрусил к «Хаммеру».

— Слушай! — позвал Борис. — Так кто это был все-таки?

— Кто? — не понял Гош.

— Который «бывал мал, бывал велик»?

— А-а... Суворов, — бросил через плечо Гош, открывая Белле дверцу.

— И ты не помнишь, кто был в прошлой жизни? — усомнился Борис.

— Не-а! — усмехнулся Гош. — А вот еще вопрос... Да не дергайся ты! Есть в мозгу такой орган, называется гиппокамп. Если по-простому, то это коммутатор. Посредник

между оперативной памятью и долговременной. Он решает, что именно ты из оперативной памяти запишешь на винчестер. И наоборот, от него зависит, что ты можешь вытащить из запомненного. Также считается, что гиппокамп принимает решения исходя из эмоциональной значимости информации. То есть фамилию чемпиона мира по боксу ты скорее всего запомнишь. А чемпиона мира по плевкам в длину — вряд ли. Конечно, если он не в тебя плевал. Гиппокамп отправит в долговременную память информацию обо всех привычках твоей женщины. О том, как выглядел человек, ударивший тебя по морде. И так далее. Теперь вопрос. Какую задачу ставили заказчики перед разработчиком вируса, частично блокирующего функцию гиппокампа? Почему у большинства пораженных срезало именно ту информацию, которая наиболее близка к сердцу? Хотя при этом мы помним, как едят, ходят, умываются и так далее?

— Не все помнят, что надо умываться... — пробормотал Борис.

— Ты подумай над этим, ученый, — посоветовал Гош. — Сдается мне, была война. Конечно, совсем не похоже, чтобы нас в ней победили. Но кого теперь завоевывать нам?

С этими словами Гош сел в машину и уехал. Борис проводил его напряженным взглядом и неодобрительно покачал головой.

* * *

Полдня Гош колесил по городу, наблюдая за его новой жизнью, вспоминая и удивляясь, снова вспоминая и удивляясь вновь. Иногда он наткался на фуражирские команды (несколько парней с оружием, пара грузовиков, десяток грузчиков), занимающиеся организованным разграблением магазинов и складов. Несколько раз мимо на бешеной скорости проносились стаяй дорогие спортивные машины. А однажды дорогу перебежала странная оборванная компания с туго набитыми мешками. Следом за ней катил, лениво постреливая в воздух, облепленный камуфлированными автоматчиками БТР. Похоже, в хозяйстве Бориса не все обстояло так уж гладко. Кое-кому здесь на лампочку Ильича и водоснабжение было явно наплевать. «Прижмет

вас Боря, — подумал Гош, наблюдая, как один из оборванных мародеров запнулся, упал, растерял вещи, бросился собирать их, ползая на коленях, а на него с БТРа прыгнули несколько человек и принялись деловито пинать ногами. — Ох, прижмет... Боря у нас начинающий Пиночет, вы уж попомните мое слово. Будет вам лампочка и сливной туалет, будет вам за это и диктатура. Эх, куда же бедному крестьянину податься?!»

Гош выехал на Можайское шоссе, намереваясь рассмотреть поближе следы артобстрела, о котором рассказал Борис. В паре километров за Триумфальной аркой его внимание привлек странный знак. Это был огромный щит, с которого оборвали рекламу и написали на белом поле красным вкривь и вкось: «Свободная зона». Корявая стрелка показывала направо. Под щитом стоял джип и загорали трое с автоматами.

— Привет! А это что значит? — спросил Гош, притормаживая.

— А-а, новенький... Туда нельзя.

— Почему? — деланно удивился Гош, кладя руку на карбин.

— Там уроды живут, — объяснили ему. — Ненормальные.

— Анархисты, — вспомнил один из охранников. — Законов не признают, чуть что — стреляют. Мы тут специально, чтобы никто к ним не совался. Они тебя шлепнут и все барахло себе заберут.

Гош покосился в направлении, указанном стрелкой. Дорога уходила к Москве-реке. Из-за мощных зарослей едва виднелись кирпичные дома. Кажется, здесь раньше был правительственный санаторий или что-то в этом роде. «Ненормальные? Анархисты? Почему же за ними не гоняются на БТРах, как за теми оборванцами? Слушай, Гош, а не съездить ли?»

— А я, пожалуй, все-таки загляну туда, — сказал он.

— А мы тебя не пустим, — сообщили ему вполне миролюбиво.

— Мальчики и девочки, — произнес Гош надменно. — У меня личное разрешение Бориса. Если сомневаетесь, вызовите его. Но учтите, я ждать не буду.

Между охранниками завязалась короткая дискуссия вполголоса. Гош подтянул на колени свой карабин и приготовился ругаться матом и бряцать оружием.

— Да проезжай, — сказали ему. — Но мы тебя предупредили.

— Молодцы, — похвалил охранников Гош и двинул машину под стрелку. Над головой тут же сомкнулись зеленые кроны, стало прохладно, уютно и неожиданно легко на душе. Почему-то от ненормальных анархистов Гош ничего дурного в свой адрес не ждал.

Впереди показалась еще одна бывшая реклама. На щите все тем же почерком было написано: «Свободная зона. Друг, пожалуйста, не держи оружие в руках». Гош помотал головой. Ему показалось, что примерно такую же надпись он уже видел однажды.

...небольшой табун лошадей уходил за горизонт, и тонкая девчоночья фигурка, оседлавшая крепкого жеребца, казалась на его широкой спине игрушечной...

— Черт возьми! — почти крикнул Гош.

Белла, как всегда, обеспокоенно ткнула носом ему в шею.

У развилки примостился магазинчик. Перед ним стояло несколько машин, сразу видно — не брошенных, а имеющих хозяев. На ступеньках восседал громадный длинноволосый бородач с внешностью байкера и соответствующим пивным брюхом. А рядом устроился — Гош вытаращил глаза — мальчишка. Подросток лет четырнадцати.

Гош остановил машину, вышел и направился к двери магазина.

— Здорово, брат! — пробасил бородач. — Как это тебя пропустили?

— Уговорил, — небрежно бросил Гош. Он рассматривал подростка. «Обычный мальчишка. Живой. И сумасшедший. Может, поэтому живой? Или наоборот?»

— Что-то я не слышал, как ты их уговаривал, — заметил бородач.

— Я словами, — объяснил Гош.

— Силен! Откуда ты, брат?

— Зюйд-зюйд-вест, сэр. А что это тут у вас?

— Как что — магазин. Да ты зайди.

— Зайди, — неожиданно резким лающим голосом поддакнул мальчишка. — Он и тебе продаст немного жизни!

Гош нерешительно поднялся по ступенькам. Подросток встал и шагнул к нему вплотную. Чувство дистанции у мальчика отсутствовало напрочь.

— А завтра ты будешь? — спросил мальчишка, крепко хватая Гоша за рукав и пытаясь заглянуть ему в глаза.

— Петя! — Бородач протянул руку, зацепил парнишку за ремень и потянул назад. Гош мягко разжал горячие влажные пальцы, впившиеся в локоть. Петя, сопя, пытался вырваться и все шарил безумным взглядом по лицу Гоша.

— Жутко привязчивый, — вздохнул бородач. — Да ты заходи, не стой. Там интересно.

— Там продают жизнь! — выпалил Петя, безуспешно пытаясь вырваться. — Не ходи туда! Не ходи туда-а!!! Не на-а-до!!!

Гош почувствовал, что с него хватит, и шагнул к двери, вытирая на ходу руку о джинсы. Пропустил молодую женщину с большой хозяйственной сумкой. И оказался в магазине.

Это действительно был мини-маркет, небольшой магазин самообслуживания с длинными стеллажами, на которых стояли разнообразные товары. Но в отличие от всех магазинов, которые Гошу попадались на пути, этот — работал. За единственной кассой сидел какой-то парень, и к нему выстроилась небольшая очередь.

— Однако... — пробормотал Гош. У него на глазах старенький механический кассовый аппарат выбил чек, и из рук в руки перешли деньги. Продавец отсчитал сдачу.

Полная иллюзия того, что жизнь продолжается. Безумный мальчишка, как и многие психи, на самом-то деле зрил в корень. Здесь вполне могли продать немного жизни. Вот какие-то девчонки сосредоточенно копаются в ящике с колготками. А вон и грузчик катит на тележке упаковки с минеральной водой...

Гош выскочил из магазина как ошпаренный.

— Вот так и живем, — философски сказал бородач. —

Кто во что горазд. Каждый сходит с ума по-своему. Шиза косит наши ряды. Маразм крепчает. Но если про это не знать, можно долго быть молодым.

Гош огляделся в поисках мальчика Пети и облегченно вздохнул, увидев, что тот выглядывает из-за кустов неподалеку и, кажется, выходить не спешит.

— Вот так сидишь, пьешь свой утренний кофе, читаешь газету и вдруг как подумаешь — а не повеситься ли мне? — сообщил бородач.

— А где твой «Харли-Дэвидсон»? — угрюмо спросил его Гош, просто так, чтобы перебить этот словесный понос.

— Борькины прихвостни раздавили, — с готовностью ответил тот. — В лепешку. Танком.

Гош счел за лучшее промолчать и зашагал к машине.

— Тебе направо! — крикнули ему в спину. — Там все наши. Если дома никого, значит, у реки валяются.

Гош уселся за руль и крепко потер ладонями глаза.

— Долго я так не выдержу, — сказал он Белле. — Ты меня останови, если что. Ладно?

«Дом», где жили «наши», оказался симпатичным зданием гостиничного типа с парковкой, забитой ухоженными машинами. По ступеням, небрежно помахивая цветастым полотенцем, спускалась высокая светловолосая девушка в шортах и короткой майке.

Гош узнал ее сразу, но как-то странно, по частям. Ноги... Грудь... Волосы... Лицо. Есть! Ему вдруг стало очень неуютно, и все поплыло перед глазами. Он съежился на сиденье, пытаясь стать маленьким и незаметным. Зачем? Этого Гош не понимал, но дурное предчувствие оказалось сильнее его.

— Гошка! — крикнула Ольга, роняя полотенце.

У нее даже имя было такое же. И вообще, она чертовски напоминала его жену. Только волосы не бронзовые, а цвета платины. И лицо попроще. И совсем другое отношение к жизни. А так — один в один. Красивый и в свое время очень близкий человек.

Гош вышел (скорее выпал) из машины и попытался хоть

что-то сказать. Но на него уже с криком набросились, крепко обняли, впились в губы, повисли на шее.

— Любимый! — выпалила Ольга, на миг отрываясь от мужчины и слегка его встряхивая, дабы удостовериться, что это не галлюцинация. — Мой! Наконец-то! Господи! Любимый! Как я тебя искала... Как ждала... Гошка! Это ты?!

— Здравствуй, — пробормотал Гош.

Когда они в последний раз встречались, Ольга уже третий год была замужем, а ее дочери исполнилось полтора.

— Единственный мой! — простонала она, сжимая Гошу в объятиях.

«Мама! — взмолился Гош про себя. — За что?! Ее-то за что так?!»

Ольга радостно плакала у него на груди.

— Как ты? — спросил он через силу, чувствуя, что и сам может сейчас разреветься от тоски и безысходности.

— Все... Теперь все хорошо. Ты вернулся. Ты нашелся. Как ты меня нашел? Гошка... Милый...

«Она не помнит, — поставил диагноз Гош, обнимая плачущую Ольгу. — Ни как и почему мы расстались, ни Ваську своего, ни девочку... Как ее звали? Неважно. Остался в памяти только я. И что же нам теперь делать?»

Ближе к вечеру Гош вышел на улицу, сел на ступеньки, закурил и положил руку на крепкое мохнатое плечо доверчиво прижавшейся к нему Беллы. От реки, беззаботно переговариваясь, шли к дому «анархисты» — веселый и приветливый народ, силой вырвавший у Бориса этот клочок московской земли и устроивший здесь нечто среднее между первобытным коммунизмом и пиром во время чумы. На Гоша и его собаку поглядывали с интересом, даже небрежно здоровались, но близкий контакт наладить никто не пытался. Захочет человек — приживется, не захочет — уйдет. Такие здесь были порядки.

Гош смотрел на людей, улыбался им и думал, насколько же их нынешняя расслабленность зиждется на предчувствии скорого конца. Уже через месяц-другой наступят холода и вместо праздника начнется тупое выживание. И рано

или поздно «Свободную зону» раздавит княжество Бориса. Либо поглотит, либо вышвырнет из города. Но это будет завтра. А пока что молодые люди с инфантильным упорством обреченных хотят просто жить.

Гош оглянулся на окна, за одним из которых спала Ольга. Бедная девушка так перенервничала, что у нее начался сильнейший постстрессовый «отходняк». Гош уложил ее и сидел рядом, держа за руку, пока она не уснула. Нервным и тревожным сном, но все-таки уснула. Конечно, она ничего не помнила. И конечно, Гош не нашел в себе достаточно мужества рассказать ей хоть что-то. Но и мужества лечь в постель с остро нуждающейся в ласке женщиной, с которой провел когда-то много ночей, он тоже в себе не чувствовал. Он любил другую.

Означала ли эта негаданная встреча, что у него появился хоть какой-то шанс найти ту, без которой жизнь потеряла смысл? Вряд ли. А скорее всего — нет. Чудес не бывает дважды. А Гош всего лишь за сутки повстречал на своем пути уже трех хороших людей (Беллу за собаку можно было не считать, она стала для него кем-то родным и близким). Лимит удачи исчерпывался. Впереди скорее всего ждали неприятности.

В доме звенели посудой и смеялись. На площадку въехала мокрая автоцистерна, дала гудок, из дверей посыпался народ с ведрами и канистрами. «А может, выкарабкаемся как-нибудь?» — подумал Гош, наблюдая за веселой суетой у крана, из которого хлестала вода.

Он знал теперь очень много о том, что произошло в Москве за последние месяцы, когда люди начали «просыпаться» и сбиваться потихоньку в стаи по интересам. Здесь у каждого была своя история, как правило, очень горькая. Тот же Борис — уникальный случай «пробуждения» с полным объемом памяти и хорошо сохранившейся личностью при этом — сумел найти семью: жену и сына. Мертвыми. Бородатый толстяк, опекавший мальчика Петю, был раньше учителем. Очнувшись незнамо где, он вспомнил координаты летнего загородного лагеря, где должен был по идее находиться, бросился туда и увидел, что в корпусах лежат мирно на кроватях скелеты его подопечных. Ольга

вернулась в дом, который помнила с детства, и нашла останки своих родителей.

Сколько времени прошло с момента, когда мир поразила загадочная пандемия, никто не знал. Назывались разные цифры, от года до трех лет, но считать их достоверными не имело смысла. Чем люди занимались в этот период беспамятства, они тоже понятия не имели.

А многие и просто не хотели знать.

Гош докурил сигарету и тяжело вздохнул. Его так и подмывало спуститься по ступенькам, усесться за руль и бежать, бежать, бежать... Но куда? И зачем? Ему предстояло очень многое вспомнить, а для этого нужно было остаться здесь, в Москве. И терпеть, и ждать, и ежедневно подстегивать непослушную память. В надежде, что появится хоть малейшая зацепка.

— Оля... — прошептал Гош. — Оля, единственная моя... Где же ты?

Собака легла и положила морду ему на колени. Закрыла глаза. Задремала.

— Оля... — прошептал Гош.

Он тихо заплакал, пряча в ладонях горящее лицо.

...а где-то на окраине сознания уходило в поле стадо, и хрупкая девчонка колотила пятками по бокам гнедого жеребца, а кто-то сидел на заборе, держа под мышкой автомат и дуя пиво из бутылки, и играла музыка, и еще кто-то с очень знакомым лицом, гарцуя неподалеку на коне, радостно заорал: «Регуляторы, в седло-о!!!» — и усакал вслед за девчонкой, визжа и улюлюкая. Гош обернулся, рядом стояла громоздкая боевая машина с непомерно толстым стволом, и пожилой мужчина прислонился спиной к броне.

— Кто такие Регуляторы? — спросил негромко мужчина. — Мальчишки теперь себя по-другому и не называют... Что за заразную историю ты им подбросил?..

Здесь, в Москве, на теплых каменных ступенях, Гош не знал, что ответить этому явившемуся из ниоткуда призраку. Но там, в той жизни, он что-то ему сказал.

И сказал, улыбаясь.

Часть II

ГОДОМ РАНЬШЕ. В ПОИСКАХ СЕБЯ

Объездчики вернулись на рассвете. Кряхтя и ругаясь, они волоком затащили добычу в прихожую и кое-как поставили на ноги.

— Ну, Сан Сеич, получите-распишитесь, — сказал Цыган. — Вот и он, неуловимый Джо. Собственной, так сказать, персоной. С вас десять баксов за моральный ущерб.

Пленник обвел помещение мутным взглядом, закатил глаза, выпал из рук объездчиков и с деревянным стуком рухнул на пол лицом вниз.

— Только за моральный? — спросил пожилой мужчина, садясь на корточки и заглядывая потерпевшему за правое ухо. Там густо запеклась кровь.

— Ну, дырок-то он нам в машинах наделал порядочно, — важно заявил Белый. — «Тойоте» вообще, гад, все стекла раскокал до единого.

— И мое колесо, — подал голос Большой.

— И твое любимое колесо, — согласился Белый.

Костя и Цыган зашмыгали носами, но решили пока не смеяться.

— В лохмоты, — горестно вздохнул Большой. — А где я новое возьму?

— Если бы не это колесо у тебя на капоте, ты бы сам был в лохмоты, — сказал Белый. — Перестань ныть, я тебя умоляю.

— Некрасиво без колеса, — объяснил Большой.

— Достану я тебе новое! — утешил его Цыган. — Десять баксов.

— Главное, все живы, — сказал пожилой мужчина. — Чем вы его так?

— Это Костя. Прикладом. Мы его зажали в канаве и не давали подняться, а Костя сбоку подполз.

— Опасный трюк, мальчики.

— Вы же просили живьем. Вот он вам, целый и невредимый. Я, правда, не понимаю зачем.

— Я сказал «по возможности — живьем». Цыган, принеси аптечку, пожалуйста.

— Момент, Сан Сеич.

— Это было дело принципа, — сказал Костя. Он устало присел на край стола и положил автомат на колени. — Застрелить человека может любой недоносок. Особенно такого опасного человека. Его просто грех не шлепнуть, когда он к тебе спиной повернется... А мы его по всем правилам. Блокировали, прижали, стукнули. Знаете, Сан Сеич, есть у меня все-таки подозрение, что я в прошлой жизни воевал.

— И что ты об этом думаешь? — спросил пожилой, внимательно глядя на Костю снизу вверх.

— Ну... Я думаю, что мне это не нравится. Теперь, во всяком случае. Не мужское это дело — война. Там убить могут.

— Хор-рошая философия, — неодобрительно протянул Белый и полез в карман за сигаретами.

— Какая есть, — ответил Костя без малейшего вызова в голосе.

Цыган принес аптечку.

— Может, на стол его? — спросил он. — Неудобно же вам.

— Давайте на стол. Костя, лампу, пожалуйста, сделай поярче.

— Поедем сегодня за керосином, да, мужики?

— Только поспать вам надо, мальчики. Кто у нас дежурит с утра?

— Я, — сказал Большой, нависая над бездыханным телом и примериваясь, как бы его половчее ухватить. Росту в Большом было два с лишним метра, весил он килограммов сто двадцать. Никто в комнате даже не подумал ему помочь. Это считалось в порядке вещей — если нужно передвинуть что-то тяжелое, зови Большого. А то еще обидится, что не позвали.

— Руки бы ему развязать, — задумчиво сказал пожилой,

глядя, как Большой, словно пушинку, отрывает тело от пола и кладет его на стол.

— Черта с два! — с неожиданной злобой рыкнул Костя. — Я бы ему еще и ноги к рукам присобачил. Загнул колени, и за лодыжки — к кистям. И в зубы кляп.

— Да ладно, — Белый положил было Косте руку на плечо, но тот дернулся, уклоняясь.

— Это опасный человек, — с нажимом сказал Костя. — Я его не для того ловил, чтобы он нас всех тут загрыз. А действительно, Сан Сеич, для чего я его ловил? Вы же так и не объяснили толком...

Пожилый раскрыл аптечку, достал ножницы и примерился с ними к ране на голове пленника. Волосы у того были черные, густые, слегка вьющиеся и очень неровно остриженные. Под ярким светом лампы оказалось, что крови на них видимо-невидимо.

— Сильно ты его, — упрекнул Костю пожилый. — Боюсь, не было бы сотрясения.

— Ему выбирать не приходилось, — заступился за Костю Белый. — И вообще, шеф, этому деятелю так и так жить осталось недолго. Туляки уже против него целое ополчение собрали, человек двести, не меньше. Кстати, Цыган, запустил бы ты движок и радировал в Тулу, что он у нас. И не забудь отметить, что с них причитается. Конечно, не десять баксов...

— Сделаем, — кивнул Цыган. — Только зачем движок? Я с машины.

— Не добьет.

— А я попробую.

— Не добьет, — прогудел Большой.

Цыган обиженно хрюкнул, сделал несколько шагов к двери, но потом решил, видимо, что на самом деле не добьет, и пошел на задний двор, к дизелям.

— погоди, — остановил его Белый. — Лучше я. А то у некоторых здесь и руки-крюки, и язык без костей.

Цыган снова хрюкнул, но возражать не стал, а, напротив, с видимым облегчением вытащил сигареты и вернулся к столу. Похоже, его не особенно радовала перспектива об-

щения как с дизельной электростанцией, так и с радистом городских.

— Не сердись, — попросил его Белый, уходя за дверь. — Что-то я злой сегодня. Это все стрельба по людям.

— Нервное занятие, — согласился Цыган.

Костя зевнул. Цыган, выпуская клубы дыма, смотрел на пожилого мужчину. Тот все стоял с ножницами над телом, о чем-то глубоко задумавшись.

— Красивый парень, — заметил Цыган. — Лицо такое... Стильное лицо. Интересно, кто он был в прошлой жизни?

— Сан Сеич знает, — сказал Большой.

— Думаю, что да, — кивнул пожилой. — Но мне даже себе признаться в этом как-то боязно. Вот смотрю на него, а сам думаю — вдруг не выйдет? Очень стыдно мне будет, мальчики, если вы рисковали понапрасну.

На заднем дворе противно взвыл бензиновый стартер. Понадрывался секунд десять и затих. Все дружно повернули головы в ту сторону, где сейчас Белый колдовал у станции электропитания.

Стартер взвыл снова и на этот раз добился своего — в ответ ему раздался глухой тракторный рокот.

— Ф-фух! — выдохнул Цыган. — С каждым разом все хуже, а?

— Чистить надо, — сказал Костя. — Перебирать... И все такое прочее. Я вот думаю, Сан Сеич, неужели мы не сможем развинтить эту штуку по частям и заново собрать? Помоему, снаружи она выглядит не очень страшно. Да и внутри...

— Там форсунки, — сказал Большой.

Все в недоумении посмотрели на него.

— Вот это да! — усмехнулся Костя. — Большой, скажи еще какое-нибудь слово.

Большой смутился и покраснел.

— Давай-давай! — подбодрил его Цыган.

Большой опустил глаза и в полном замешательстве что-то сдавленно промычал. Костя повесил автомат на гвоздь, подошел к столу и осторожно погладил великана по плечу.

— Главное, не думай, — сказал он ласково. — Просто го-

вори. Не держи в себе, когда накатывает. Проговаривай вслух. Слово за слово, что-нибудь полезное да и выскочит.

— Да я... — начал Большой, но тут неподвижно лежащее на столе тело ожило.

Пленник, видимо, дожидался момента, когда все его враги окажутся в поле досягаемости. А еще он явно сумел оценить степень опасности каждого из них. И первый удар схлопотал Костя. Пленник резким движением перевалился на бок и так звезданул ему носком сапога под ребра, что тот отлетел в угол и там замер.

В отличие от многих чрезмерно крупных людей, у Большого реакция была отменная. Но огромный парень оказался слишком погружен в себя и теперь просто растерялся. Поэтому вторым ударом пленник угостил стоявшего с другой стороны Цыгана, лягнув назад той же ногой. Цыган как раз отпрыгивал, но его достали каблуком в живот и вывели из строя.

Большому пленник засветил уже обеими ногами. Целился он, похоже, в горло, но попал в грудь и тоже свалил на пол.

— Георгий! — крикнул пожилой, в ужасе отскакивая от стола.

Пленник стоял на одной ноге, занеся вторую над лицом Большого.

— Вербку! — прошипел он. — Руки!

— Георгий, вы нас не так поняли! — взмолился пожилой. — Мы ваши друзья!

— Не трожь Сан Сеича, гад! — с трудом выдохнул Большой, глядя круглыми глазами в зависшую над своим носом подошву.

— Лежать! Из-у-р-родую! Режь веревку, ты... Сан Сеич!

— Сейчас, — покорно сказал пожилой.

Из-под стола доносились звуки, как будто там орудовали ручной клизмой. Это Цыган пытался набрать в легкие воздуха.

— Вербка толстая, — извиняющимся тоном объяснил пожилой, вовсю работая ножницами.

— Вы кто такие... вообще? — спросил пленник, он же, по мнению Сан Сеича, — Георгий.

— Мы тут живем, — объяснил Большой. — Дурак, мы тебе...

— Заткнись.

— Ну и дурак. На тебя облава. Тебя убьют. А мы...

— Заткнись.

— Готово, — сказал пожилой.

Пленник нагнулся и вытащил у Большого из внутреннего кармана пистолет. Взял курок и приставил оружие к голове пожилого мужчины.

— Все могут встать, — разрешил он. — И пошли вон туда, на диван.

Большой поднялся на ноги, испепелил пленника взглядом и ушел, куда сказали. По пути он демонстративно подобрал бездыханного Костю и аккуратно усадил его в углу.

— Тоже на диван, — распорядился пленник. Уже бывший пленник, а теперь почти хозяин положения.

Цыган на четвереньках выполз на середину комнаты. Дышал он так мучительно, будто вот-вот отдаст концы.

— Ты! — прикрикнул на него пленник. — Медленно достань свою пушку — и под стол ее. Эй, здоровый! То же самое с твоим приятелем.

Цыган со стоном вытащил из-за пояса большой никелированный пистолет, секунду подумал, швырнул его под ноги врагу и уполз к дивану.

Большой достал пистолет Кости и взвесил его в огромной лапе.

— Дурак ты, — в очередной раз сказал он, бросая оружие через комнату под стол.

— Это вы дураки, — сообщил пленник. — Так. Сан Сеич, на колени. На колени! Вот, отлично.

Он уселся на стол, критически оглядел Сан Сеича и сказал:

— А теперь будьте добры, сударь, разиньте пасть.

— Что? — удивился Сан Сеич.

— Рот откройте! Александр Алексеевич?

— Да.

— Ну вот и открывайте.

Сан Сеич покорно открыл рот, и в нем тут же оказался ствол пистолета.

— Вы поняли мою идею... Мальчишки? — спросил ласково молодой человек у собравшейся на диване компании. — Ну и отличненько.

Он нагнулся, свободной рукой взял из-под ног пистолет Цыгана и направил его в сторону двери, ведущей на крытый задний двор.

— Вы меня знаете, — сказал он.

— Ага, — кивнул Цыган. — Мы знаем, что ты сволочь.

Сан Сеич что-то неодобрительно в адрес Цыгана промычал.

— Правильно, — кивнул молодой человек. — Я жуткая сволочь. А еще я очень умная сволочь. Попробуйте теперь в меня выстрелить и узнаете, какой я мерзавец.

— На тебя облава, — повторил Большой.

— Я сам целая облава, — сказал молодой человек очень надменным тоном. — Я один могу взять Тулу. Просто она мне не нужна.

— А что тебе нужно? — спросил Цыган с нескрываемым презрением.

Очнувшийся Костя принялся ворочаться, и Большой обнял его, как ребенка, чтобы с дивана не упал.

— Мне нужно, чтобы меня оставили в покое, — объяснил молодой человек. — Мне нужно, чтобы меня перестали доставать. Что такое, в самом деле, почему я еще ни разу ни с кем не поссорился? Почему я никого не обидел, не тронул, не унизил, не втоптал в грязь его человеческое достоинство? Зато всем позарез нужно поссориться со мной. Даже вам! Я что, такой неудобный? Неправильный? Ненормальный? А?!

Сан Сеич попробовал что-то сообщить, но у него не вышло.

— Потерпи, — сказал молодой человек.

Дизель на заднем дворе умолк.

— Вы же не «тупые»! — чуть ли не простонал бывший пленник, разглядывая собравшуюся на диване компанию. Та дружно ела глазами висящие на стене автоматы. — Вы же люди! Почему вы со мной так... Ну за что?!

Дверь распахнулась, и в комнату вошел улыбающийся Белый. Впрочем, улыбка с его лица мгновенно спала.

— На диванчик, силь ву пле, — усмехнулся молодой человек. — А пушечку — сюда.

— У меня нет, — сказал Белый.

Молодой человек взвел одним пальцем курок пистолета, глядящего Белому в грудь.

— Там патроны — «эф-эм-джей»? — спросил он Цыгана. — Или обычные?

— Не знаю, — сокрушенно признался Цыган. Видно было, что этим вопросом его шокировали не меньше, чем ударом в живот.

— Понятно. В общем, ты, блондинчик! Эта пушка называется «дезерт игл». Больше известна по названию патрона — «магнум». Если я сейчас с-перепугу нажму, ты улетишь обратно вместе с дверью. А я уже здорово напуган твоей несговорчивостью.

— У него правда нет, — сказал Большой.

— У-у... — простонал Костя, обретая дар речи.

— Это тебе за удар прикладом по голове, тульский рейнджер! — объяснил молодой человек. — Ладно, блондинчик, садись на диванчик. Будешь дергаться — увидишь, какого цвета мозги у твоего папочки.

— Скотина... — пробормотал Белый, садясь между Цыганом и Большим и закидывая ногу на ногу.

— Вот теперь мне полегчало, — сказал молодой человек, осторожно возвращая курок «дезерт игл» на место и убирая пистолет за пояс. — А что, братцы, сколько лет батюшке Александру Алексеевичу?

— За шестьдесят, — хмуро сказал Белый.

— Фантастика. И как вы тут с ним?..

Вопрос повис в воздухе.

— Делаете что? — уточнил молодой человек.

— Живем мы тут, — ответил Большой.

— А почему не в Туле? Что это у вас за ранчо такое?

— Мы объездчики, — сказал Цыган. — Пасем. В город парное молоко, свежее мясо. Они нам все остальное.

— Пастухи, значит... Ковбои. И для чего эти гонки за мной, а, мальчики? Что я вам плохого сделал?

— Нам из города сообщили, что ты сюда едешь.

— И что?! — Молодой человек начал злиться. — При чем тут город? Или вы на «тупых» работаете? Да?!

— Они сказали, ты уже десять человек убил.

— Врут! — отрезал молодой человек. — Где мой автомат?

— У меня, — сказал Большой. — В машине.

— Видел на прикладе запилы?

— Да.

— Их тридцать два. Восемнадцать — местные. Столько жизней попросила у меня Тула. Молодых глупых жизней. Что ж, я их взял. А знаете, мальчики, за что?

— Не знаем и знать не хотим, — отрезал Белый. — Отпусти Сан Сеича, гад.

— Ой! — усмехнулся молодой человек. — А я и забыл о нем. Как дела, Сан Сеич? Живой? Ну, потерпи еще немножко. У меня к тебе масса вопросов, долгожитель ты наш. Так вот, мальчики, придется вам узнать, чего от меня захотел славный город оружейников и самоварщиков. Он захотел моей смерти. Просто так, без всяких оснований. Я чем-то ему не понравился. И он решил меня убить. А вышло наоборот. И честное слово, я еще вернусь туда. И убью там всех. Никого не оставляю. Напрасно они выжили. Зря старались.

Костя сел прямее, держась обеими руками за живот.

— Сдается мне, парень, что ты в прошлой жизни тоже воевал, — сообщил он вполне миролюбиво.

— Сомневаюсь. Очень уж мне не нравится это дело.

— Еще один совестливый людоед нашелся, — пробормотал Цыган. — Что делать-то будем, ты, народный мститель?

— Как это что? — искренне удивился молодой человек. — Знакомиться.

— Ну ты, мужик, наглец! — усмехнулся Белый. — Отпусти Сан Сеича, я кому сказал!

— Очень вы странные ребята, — сказал молодой человек, вглядываясь в лица объездчиков так внимательно, как будто хотел запомнить их на всю жизнь.

— На себя посмотри, — огрызнулся Белый.

— Да нет, вы действительно странные. Необычные. Разве вам меня убить не хочется?

— Отпустишь Сан Сеича, тут же и уьем, — пообещал Белый.

Молодой человек посмотрел на Сан Сеича, которому, похоже, здорово надоед заткнувший глотку ствол.

— Н-да, ситуация, — пробормотал молодой человек, доставая из-за пояса «дезерт игл» и небрежно швыряя его в сторону дивана. Если бы Цыган вовремя не дернул головой, тяжеленная пушка расквасила бы ему нос.

— С чего вы взяли, что мое имя Георгий? — спросил молодой человек, вытаскивая пистолет у Сан Сеича изо рта и бросая его Большому.

— Тихо, мальчики! — выдохнул Сан Сеич.

Объездчики рванулись было к автоматам, да так и застыли. Даже Цыган, у которого «дезерт игл» уже был в руках, не поспешил направлять его на врага.

Большой машинально поймал оружие и задумчиво почесал стволом переносицу.

Сан Сеич шумно сглотнул, облизнул губы и поднялся с колен.

— А я вас помню, — сказал он.

— Не может быть! — жестко сказал молодой человек. Объездчики переглянулись. В этих словах на самом деле не прозвучало ни злобы, ни вызова. В них было столько надежды и боли, хорошо им знакомой, что парням стало даже стыдно за то, что еще совсем недавно они воевали с этим яростным, опасным и, судя по всему, донельзя несчастным существом.

— Я вас однажды видел мельком в Туле на рынке и сразу узнал, — объяснил Сан Сеич. — Я хотел с вами поговорить тогда, но вы как раз начали...

— Помню, не надо, — перебил его молодой человек. — Это не я тогда начал. Это недоумки... Значит, Георгий? — Он некоторое время шевелил губами, беззвучно проговаривая это имя, будто примеряя его на себя. — А вот этого не помню. Странное имя. Какое-то... Нерусское. Я не сказал бы, что оно мне нравится. Скорее наоборот...

Объездчики со всех сторон обступили молодого человека, с интересом присматриваясь к тому, как у него идет мыслительный процесс. Они все это уже проходили. Но к

сегодняшнему дню свое имя четко осознал только один из них — Костя. Цыган стал Цыганом потому, что считал, что он — цыган. Масть у него была вполне соответствующая, и говорил он с легким акцентом. Большой вообще не помнил из прошлой жизни ничегошеньки, и Сан Сеич так и не смог ему толком помочь. А Белый просто ничего вспоминать не хотел. По мнению Сан Сеича, у него окопался в сознании какой-то очень мощный блок. Видимо, Белому в подростковом возрасте пришлось несладко.

— Неужели я был каким-то Жоржем или Гошей? — бормотал молодой человек. — Ну, Егор в крайнем случае. Только на Егора я не тяну. Егор — это был Чкалов. А я кто? Джордж? Гога?! Тьфу... Гадость какая.

— Гога-то чем тебя обидел? — спросил Цыган. — Вполне серьезное имя.

— Не монтируется, — помотал головой молодой человек, глядя себе под ноги.

— А фамилия Дымов вам ничего не говорит? — осторожно поинтересовался Сан Сеич.

— Час от часу не легче... — сокрушенно резюмировал молодой человек. Похоже, он совсем упал духом. Костя потихоньку снял с гвоздя автомат. По его опыту вслед за такими минутами депрессии у опасных людей возникали позывы стрелять направо и налево.

— Да не бойся ты, — сказал ему Георгий Дымов, убитый горем человек. — Я тебя уже простил.

— Думаю, мы все сможем поправить, — утешил его Сан Сеич. — Ну, если не все, то многое. У мальчиков были такие же проблемы еще пару месяцев назад. Но сейчас они адаптировались и довольно быстро восстанавливают память.

— Спасибо, доктор! — произнес Георгий весьма саркастически. — Мне вспоминать нечего. Я и так все помню. Кроме сущей ерунды — кто я, чем занимался, где жил, и все такое прочее. Ничего личного, понимаете? Ни-че-го. Георгий... Н-да. И Дымов — тоже не лучше. Эх... Вы психолог, Сан Сеич?

— К сожалению, нет. Я всего лишь детский психиатр.

— Почему вы живы, Сан Сеич?

— Видимо, я еще молодой, — невесело усмехнулся врач.

— Один раз я видел мальчика... Лет четырнадцати-пятнадцати, — сказал Георгий. — Давно. Под Тверью, в Кашине. Но человека старше тридцати не встречал ни разу. А я довольно много ездил по стране. Удивительная картина, доктор. Выжили только молодые и сильные. Но вот что с ними стало...

— Я знаю, — кивнул Сан Сеич. — Плохо с ними.

— Не то слово... Как вы набрали... — Георгий показал глазами на объездчиков, — этих своих ковбоев?

— Им тоже не нашлось места в новом мире.

— Заметно, — согласился Георгий. — Хорошие ребята. Вы простите меня, а? Я не хотел вам доставить неприятностей, мужики, честное слово. Это у меня условный рефлекс такой выработался. Жить очень хочется.

— Да ладно, — ответил за всех Костя. — Что ж мы, не понимаем?

— Значит, Георгий Дымов... Нет, доктор, увольте. Не мое это имя.

— Ваше, ваше.

— Откуда вы меня знаете?

— Видел по телевизору.

— Колесо мне продырявил, — ласково сказал Большой, с умилением глядя на Георгия.

— Заткнись! — Костя пнул Большого коленом в зад. Ему пришлось для этого основательно задрать ногу.

— Мог бы и голову, — огрызнулся Георгий. — Так что там про телевизор, а, Сан Сеич?

— Мне бы хотелось, чтобы вы сами вспомнили. Так будет лучше. Рискнете? Не беспокойтесь, мальчики все через это прошли, и, как видите, никто не жалуется.

— Гипноз? — поморщился Георгий. — А что... Нормально. Слушайте, почему я вам так верю?

— Потому что я здесь, и я живой, — улыбнулся Сан Сеич. — Потому что со мной нормальные ребята. Такие же, как вы.

Георгий крепко сжал кулаки. По лицу его пробежала короткая судорога.

— Не такие же, — тихо произнес он. — Я научился быть жестоким. А они, похоже, нет.

* * *

Судя по всему, ранчо Сан Сеича было в прошлой жизни частным фермерским хозяйством, отлично приспособленным к автономной жизни вдаль от цивилизации. Здесь имелся прекрасно оборудованный коровник, несколько загонов для мелкой скотины, конюшня и вдоволь крестьянской утвари. Вода шла из артезианской скважины, дизельная подстанция обеспечивала ток. Это был суший оазис в сердце вымершей земли.

— Сколько вы тут уже? — спросил Гош у Цыгана.

Его звали Гош. Он сам придумал себе это имя, когда был еще совсем мальчишкой.

— С прошлой осени, — ответил Цыган.

Струйки молока со звоном били из-под его умелых рук в оцинкованное ведро.

— Блестяще ты это делаешь, — сказал Гош. — Профессионально.

— Захочешь — научу. Такса десять баксов. Ты спрашивай, если что, не стесняйся. Никаких проблем. Я сам здесь столько всего узнал...

— Откуда ты пришел?

— Понятия не имею. Откуда-то с запада. Большого из Тулы выгнали, Белого из Серпухова. А Костя говорит, что вроде москвич, как и ты.

— Ну, выговор у него действительно московский. А вот у тебя...

— Ты с Костей помягче, ладно? Он переживает страшно. Хуже всех. Мы как-то свыклись, а ему очень больно. Он плачет чуть ли не каждый день. Забьется в угол и ревет. Прямо сердце разрывается смотреть, как его ломает.

— Я не плакал, — сказал Гош. — Давно.

Сколько он себя помнил, ему не давали плакать. Его так отчаянно пытались уничтожить, что на слезы просто не оставалось времени.

Сначала его вышибли из Питера, где он впервые осознал себя личностью, «проснулся», как это называли выжившие. В первый же день кто-то из местных от широты души подарил ему автомат и уже через пару часов был из этого автомата застрелен. Потом его жутко измордовали в Нов-

городе, и там он тоже стрелял в ответ. У него открылся дар стрелять первым, всегда чуть раньше противника. В Торжке он было прижился, но не смог удержать себя и опять начал молоть языком. Там его ранили по касательной в плечо, и он не успокоился, пока не уложил всех, кого только смог найти.

Его везде ждали одни неприятности, и чем ближе он подъезжал к Москве, тем больше их становилось. В каждом более или менее крупном населенном пункте он наткался на сотню-другую отвязанных молодых людей, пьяных и вооруженных. Совершенно одинаковых.

Потерявших человеческий облик.

Вместе с памятью они утратили личность. Они превратились в зверей, готовых на все ради удовлетворения сиюминутных потребностей. Нет, они не дрались из-за банки консервов или бутылки водки — и того и другого было просто некуда девать. Более того, они любого готовы были принять в стаю. Любого такого же серого, безликого, обходящегося запасом в три десятка слов.

Но любого, хоть чуть-чуть отличного от них, ждала беда.

Они выжили, и все их усилия были направлены на то, чтобы выживать и дальше. И повсеместно закон стаи — убей чужака — всплывал откуда-то из глубин подсознания и подчинял себе все остальные реакции. Тот, кто что-то помнил, раздражал их. Тот, кто помнил много, безжалостно изгонялся. А такие, как Гош, у которых структура личности сохранилась и бросалась в глаза, были обречены. У них для жизни в новом мире оказалось слишком умное лицо и осмысленный взгляд.

Самым обидным было то, что Гош все равно не помнил ничего, что происходило с ним после четырнадцати-пятнадцати лет. Но он остался человеком — и его повсюду встречали с нескрываемым отвращением. Словно чуяли, что он не такой, как все.

В Москве он почти добрался до своего дома, когда дорожку ему преградила шумная банда, развлекающаяся отстрелом ворон. Он довольно ловко сыграл придурка, и его было сочли таковым. Но как только он попытался от новых друзей отвязаться, чтобы продолжить свой путь, возник

конфликт. Этого нельзя было делать, потому что недоумки мгновенно вычислили чужого. На него устроили форменную охоту, и он чудом пробился за город. Вернулся через сутки, но его уже ждали и вышибли за Кольцевую дорогу снова. И тогда что-то в нем сломалось. Гош озверел.

В Туле он с ходу открыл стрельбу поверх голов, чем местное население весьма к себе расположил. При желании он мог бы стать царьком в каком-нибудь небольшом городе, но это ему не было нужно. Он просто завоевал право жить по-своему, убив главаря местной общины, редкостного даже по новым меркам дегенерата. Занял особняк в пригороде с водой из скважины и огромным запасом угля в подвале, выволок на улицу мумифицированные трупы хозяев, натаскал в дом еды и устроился на зиму. Периодически совершал набеги на местную библиотеку. Несколько раз отбивал атаки каких-то проезжих оболтусов. И упорно гонял с крыльца тульских девчонок, которые к нему так и липли. Их к Гошу толкал тот же инстинкт, который мужчин заставлял хвататься за оружие. Девушки бессознательно чуяли в нем личность.

Некоторые из барышень оказались на вид очень ничего, и с одной из них Гош даже попытался наладить контакт, но с таким же успехом можно было завести себе резиновую женщину. Бедняжка с ходу начала раздеваться, и ее тут же с омерзением вытолкали за дверь. Пришлось еще разбираться с ее друзьями, которые явились мстить и чуть было не сожгли дом. Но постепенно жизнь наладилась. Город терпел отшельника-книгочея, а отшельник старался не безобразничать. Его даже перестали задирать на рынке, куда съезжались для меновой торговли немногие уцелевшие деревенские. Такие же, как горожане, безымянные дураки, они тем не менее сообразили, что, во-первых, зимой в деревне выжить легче, а во-вторых, натуральное хозяйство вечно. Жратва в Туле рано или поздно должна была кончиться, жить на одних макаронах и консервированной дряни городским уже обрыдло, и сам по себе возник рынок, где откуда ни возьмись появлялись регулярно мясо, картошка и молоко. Гош ходил по рынку, стараясь не задавать слишком умных вопросов, и с тоской думал, что мясо-

то еще некоторое время будет — оно самовоспроизводится все-таки, а вот растительным продуктам однажды придет конец, потому что их ведь надо сеять, а деревенских выжило слишком мало.

Он привычно думал и сопоставлял. И к весне, когда его погнали-таки из Тулы, он уже более или менее определил критерии, по которым действовал истребивший его земляков вирус.

В том, что это был именно вирус, Гош не сомневался.

Откуда он вырвался на свободу, Гош тоже подозревал.

У него был разум подростка, но мощный, аналитический, въедливый. А память хранила массу разрозненных данных. Он помнил такие вещи, о существовании которых окружающие даже и не подозревали. Но в то же время для него оставались тайной за семью печатями как собственное имя, так и профессия, семейное положение, образование — короче говоря, все сугубо личное. Он был дьявольски одинок. И ждал тепла, чтобы потихоньку незаметно проползти в Москву. Забраться в квартиру, где жил когда-то с родителями, и откопать там что-нибудь мемorableное.

Он помнил в деталях фильм, где прозвучало это слово — «мемorableное». Синхронист не стал его переводить на русский, а просто создал на ходу англицизм. Трогательная история о женщине, страдающей временной амнезией. Она тоже искала старые фотографии, документы...

Это была комедия.

* * *

— Обьездчики, по коням! — радостно заорал Цыган. — Погнали!

— Регуляторы, в седло... — пробормотал Гош. — Ты у нас будешь Чавес. А Костя... Вильям Бонни, он же Робертс, он же Билли Кид. Вполне. Блондинчик потянет на Дока. А кто тогда Большой? Забыл, кто же там еще был в этой банде. Ну и моя скромная персона. Георгий Дымов в роли примкнувшего к ним Пэтрика Гаррета. Тьфу!

— Не скучай, Гош! — крикнул, обернувшись на скаку, Цыган. — Вспоминай!

— Ага, — кивнул Гош. — Размечтался...

Он закрыл ворота и направился к дому. Удаляющееся

стадо бляело и мычало на разные голоса. Обьездчики визжали и улюлюкали. Только стрельбы в воздух не хватало для полного счастья.

Гош представил себе, какую титаническую работу провернули обьездчики на этой ферме, и вздохнул. Очистить стойла от многопудовых трупов, потом отловить по полям ту немногую скотину, которая на момент гибели хозяев оказалась на воле и успела уже порядком одичать... Если бы не руководящая сила в лице Сан Сеича, черта с два мертвая ферма превратилась бы в ухоженное ранчо. Требуемое, между прочим, ежедневного кропотливого труда. Гош откуда-то знал, как тяжела крестьянская работа, даже такая с виду развеселая, как мясо-молочное животноводство на фронтире. А фронтир, увы, проходил буквально у Гоша под ногами. По словам обьездчиков, пока на ранчо налетали местные агрессивные индейцы, все было ничего. Пуля в задницу — и никаких проблем. Куда неприятнее оказались городские вымогатели, которые по весне начали прибирать округу к рукам. Сначала они принялись диктовать цены на рынке, а потом взялись за ненавязчивый рэкет. То, что городские не совались на территорию ранчо, еженедельно обходилось Сан Сеичу в одного барана и флягу молока. Овечье стадо таяло на глазах. И вместе с ним, говорили обьездчики, Сан Сеич тоже начал чахнуть.

Осознав положение дел, Гош надолго задумался. Он был на ранчо уже пятые сутки, и каждый день Сан Сеич устраивал ему сеанс комплексной терапии. Поэтому сообщение о бесчинствах городских не заставило Гоша тут же схватиться за оружие. Но разолился он всерьез. Судя по всему, наезжали на фермеров именно те недоумки, которые выдавили Гоша из Тулы. Хотя теперь обзывать их недоумками (на ранчо предпочитали емкое слово «тупые») было бы не совсем правильно. Что-что, а как устраиваться в этой жизни, верхушка тульской общины уже просекла.

Пару месяцев назад, под конец зимы, Гош проворонил зарождение в городе организованной силы. Он почти не высовывал носа из дому. Читал, занимался физкультурой, помногу спал и готовился к броску на столицу. А Тула не

только пила, гуляла и совокуплялась, но и постепенно обретала зачатки общественного самосознания, что выразилось в тенденции наводить порядок и устанавливать контроль.

У Гоша был «АКС» с кучей запилов на складном прикладе, «моссберг» двенадцатого калибра, «ТТ» и вдоволь патронов. Но займей он даже тактический вертолет или, скажем, подводную лодку, все равно пятьсот человек местного населения были ему не по зубам. И когда к нему в гости нагрянула тяжело вооруженная делегация, он согласился на переговоры.

— Вали отсюда, умник, — сказали ему. — Ты нас достал.

— Чем? — спросил Гош. — Ну чем я вас достал? Сиж, никого не трогаю... Шли бы вы по домам, мужики. Как потеплеет, сам уеду. Дайте хотя бы неделю.

— Нет, — сказали ему. — Вали сейчас. Пока цел.

Гош почесал в затылке. Двигаться в Москву сейчас, по снегу, ему не улыбалось. На рынке он услышал крайне тревожную новость. Там говорили, что в Москве народ вдруг подсобрался и учинил самооборону. То ли в столицу повадились заезжать банды из пригорода, то ли еще что, но москвичи ни с того ни с сего проявили удивительную организованность, забаррикадировали дороги так, что на машине не продерешься, и по всему городу пустили моторизованные патрули. Для Гоша это означало, что двигаться к родительскому дому нужно будет ползком. То есть в первую очередь — ждать лета, потому как зима выдалась снежная и превратиться в сосульку, прятаясь по сугробам, можно было запросто.

— И куда же мне валить? — поинтересовался Гош.

— Куда угодно.

— Слушайте, мужики... — начал было Гош, но его перебили.

— Ты нам не нужен, — сказали ему. — Времени тебе до утра. Потом застрелим.

«Как же они меня боятся... — подумал Гош. — Боятся, что захочу власти и перехвачу лидерство. Дурачье. Во-первых, я уже успокоился. А во-вторых — поздно. У них тут все схвачено, только они сами еще этого не понимают...»

— Хорошо, — сказал он. — Добились своего. К полудню меня не будет.

Глава делегации посмотрел на часы и весь сморщился.

— К двенадцати ноль-ноль, — объяснил Гош. — К двенадцати завтрашнего дня.

— Нет. Когда солнце встанет. И учти — мы проверим.

— Зря это вы, — от души ляпнул Гош. Пожалел, но уже не смог остановиться. — Вам надо водоснабжение наладить. Кто сообразит, как? Рации в машины поставить слабо? То-то же. Карту местности склеить не можете, а там военные склады обозначены. Топливо, оружие, боеприпасы... Кто их найдет? У вас половина девчонок с брюхом. Кто роды принимать будет? Ты, что ли?

— А что, ты?

— Я хотя бы представляю, как это делается.

— Я тебя щас замочу! — рассвирепел главарь. — Исчезни, понял?!

— Понял, — хмуро сказал Гош. — Когда встанет солнце.

— И радуйся, что не убили, — посоветовали ему на прощание.

— Я весь в слезах, — ответил Гош, убрал оружие и захлопнул дверь.

Когда взошло солнце, он погрузил в «Лендровер» свои нехитрые пожитки и выехал за город, так и не решив еще, куда держать путь. В принципе он рассчитывал найти приют в одном из окрестных сел. Деревенские уже почуяли, что от городских добра не жди, и могли бы пригреть беглеца хотя бы в знак протеста. Но все расставила по полочкам засада. Тула решила закрыть проблему раз и навсегда и все-таки убить неудобного парня, который поначалу вел себя как крутой, а потом отчего-то расхотел быть как все.

Машину ему сначала превратили в дуршлаг, а потом окончательно разнесли из гранатомета. Если бы не лес, начинавшийся прямо у дороги, Гош вряд ли ушел бы живым. Проклиная тупых идиотов, он удрал в чащобу и долго плутал, думая, а не расплакаться ли ему. Но вместо этого замерз, обозлился и за считанные часы полностью утратил с большим трудом восстановленное за прошедшие месяцы человеческое обличье.

Дни и ночи он старательно вытравливал из себя агрессию. Применяя немудреные психотехники, учился быть человеком. Оказалось — зря. Как он «проснулся» таким же волчком, что и все остальные, так он им и стал опять. Немного холода и голода, много опасности для жизни и очень горькая обида. Идеальные условия, чтобы действительно стать как все.

К вечеру Гош выбрался на окраину города. Тула что-то шумно праздновала, может быть, даже избавление от него, любимого. По улицам носились машины, поэтому Гош не рискнул идти дальше, а заночевал в какой-то развалюхе. Слава богу, внезапно наступила оттепель, и он не совсем закоченел. Утром проверил оружие и двинулся восстанавливать справедливость, как он ее теперь понимал. Точнее — не теперь, а снова, но особой разницы по результатам эти понятия не имели. Просто в начале пути Гош отмечал, какие вокруг славные лица и как они не вяжутся с кошмарным внутренним содержанием, точнее — полным его отсутствием. Отмечал, даже когда в эти лица стрелял. Тула его от желания вникать в тонкости вылечила.

Еще, наверное, дело было в том, что когда-то в прошлой жизни Гош уже бывал в этих местах и они ему активно не понравились. С верхнего этажа редакционного комплекса, единственного двенадцатизэтажного здания в округе, Гош тогда увидел распластанный по земле городишко под тяжелым осенним свинцовым небом. Впечатление осталось жуткое. Его не исправила даже великолепная коллекция «голландцев» в музее. А удивительный оптимизм и жизнелюбие местного населения только усиливали боль от понимания того, что так жить нельзя. Какого черта Гош делал в Туле, память не сообщала. Она хранила только музейную живопись, обрывки разговоров и тяжкое ощущение того, что места эти прокляты. Дальше на северо-запад лежал отравленный Новомосковск, город большой химии, где каждый пятый ребенок был от рождения болен, а каждый третий заболел потом...

Гош помотал головой, плотнее ухватил оружие и в два прыжка оказался на другой стороне улицы. Воспоминание могло и подождать. Оно все равно ничего не проясняло в

том, кто он был, чем занимался и как его звали. А вот насущная проблема кормления, моторизации и рекогносцировки отлагательства не терпела.

В неприметном гараже он отпер бронированный «Тахо». Завел двигатель, врубил на полную отопитель, вывел машину во двор от греха подальше, чтобы не угореть. Сlopал банку тушенки и блаженно прикорнул чуток. Потом умылся снегом и поехал на войну.

Он терроризировал город, пока не пришли в негодность жесткие вставки в простреленных колесах. А так как по колесам ему в первый раз попали очень не скоро, то успел он оттянуться всласть. Налетал, стрелял, и тут же обратно. Снова налетал, снова бил на поражение и опять скрывался. Вогнал обидчиков в трепет, потом в ужас, потом в настоящую панику. Распустились почки, запели птицы, пробивалась трава. А Гош все отводил душу. Даже сам с собой заключил пари, отгонят его от города до конца весны или нет. И вдруг почувствовал, что устал. Жизнь научила Гоша стрелять и запугивать, но это точно было не его. Он всего лишь хотел, чтобы к нему никто не приставал. А в реальности сам превратился в ходячую проблему для окружающих.

Наступил май, неожиданно жаркий и сухой.

— Что-то я не то делаю, — сказал Гош, выводя напильником очередную метку на прикладе.

Пересел в трофейный «Рейнджровер», лихо пронесся через город, стреляя направо и налево, чтобы не рискнули догонять, и вывел машину на узкую и раздолбанную местную дорогу. Обходной маневр, а то еще догадаться, что на самом деле он скоро повернет к Москве, и придумают какую-нибудь пакость на трассе. Волей-неволей Гош добился прогресса на тульской земле. В захваченной им машине уже стояла рация. К сожалению, разбитая.

Или к счастью. Потому что, если бы Гош смог контролировать эфир, он не попался бы в лапы к объездчикам, которых Тула чуть ли не со слезами умоляла сделать что-нибудь с проклятым умником, окончательно сошедшим с ума.

* * *

— Регуляторы, в седло! — крикнул Цыган. И захохотал.

— Кто такие Регуляторы? — спросил тихонько Сан Сеич. — Мальчишки теперь себя по-другому и не называют... Что за заразную историю ты им подбросил?

— Долго объяснять, — лукаво улыбнулся Гош. — А если в двух словах — Дикий Запад.

Сан Сеич проводил взглядом удаляющееся стадо.

— Похоже, — кивнул он.

— Сюда бы пару-тройку хороших пастушьих собак... Парни делают слишком много черновой работы. Собаки могли бы помочь. Кавказские овчарки или туркмены. Если пошарить по окрестным лесам, наверняка отыщется целая стая. Только вот как к ним подступиться теперь...

— Как бы они сами к нам не подступились, — заметил Сан Сеич. — Знаешь, слава богу, что хотя бы проблема диких собак перед нами не стоит. Я себе представляю, что будет, если на ферму явится банда оголодавших волкодавов...

— Н-да... — пробормотал Гош. — Об этом я как-то не подумал. Слушайте, доктор, а я ведь действительно не видел ни одной серьезной псины. Так, шавки по улицам бродят... Ну, конечно же! Обида какая...

— Что такое?

— Я, кажется, знаю, куда в городах подевались все более или менее опасные собаки. Когда они совались к людям, их просто отстреливали. Горожане для забавы лупят все, что движется. У них просто какая-то неумная страсть к пальбе.

— Подростки, — вздохнул Сан Сеич. — И к тому же круглые сироты. Могут быть опаснее зверей.

— И это говорит специалист по работе с детьми?

— Вот потому и говорю, что специалист.

— Ладно, доктор. Скажите что-нибудь хорошее относительно взрослому человеку.

— Шевели мозгами, — посоветовал доктор. — Как можно больше думай. И все наладится.

— Думать — мое любимое занятие. Жаль, что не умею стоять на голове. Только в такой позиции и думал бы. При-

нудительно усиливая кровоснабжение несчастного серого вещества... Слушайте, док, когда вы мне расскажете, кто я такой? Сколько можно играть в молчанку?

— Потерпи, Гоша, — попросил Сан Сеич. — Я боюсь все испортить. Ты можешь сам. И поверь, так будет гораздо лучше.

Гош скрипнул зубами и отвернулся.

— Извини, — сказал доктор очень кротко.

— Дано: профессионально тренированная память. Гибкий мощный интеллект. Определенная известность. Могу собой гордиться, а? Чем же я занимался... Ох, доктор, жестокий вы человек.

Сан Сеич что-то неразборчиво пробормотал.

— Журналист? — строил догадки Гош. — Нет, это мы уже забраковали. Для репортера я ленив, для комментатора молод. Функционер какой-нибудь? И чего именно функционер... Аналитик? Как же, фондового рынка... Знаете, что такое фондовый рынок, а, доктор? Я про это много читал, но толком все равно не понял. Расскажу как-нибудь. Да... Что я мог анализировать, да так, чтобы меня знал в лицо провинциальный детский врач? Писатель... Сортирных стен маратель. Актер?!

— Интересная версия, — заметил Сан Сеич.

Гош так на него зыркнул, что доктор на всякий случай попятился.

— Розенкранц и Гильденстерн мертвы, — сообщил Гош весьма зловещим тоном. Он действительно начал злиться. — Режиссер-постановщик Стоппард. В ролях Тим Рот, Ричард Дрейфус и другие. Я покупал кассету на Новом Арбате. Помню, как сейчас... — Тут он внезапно осекся и безумным взглядом уставился в никуда.

Сан Сеич подался вперед, стараясь не дышать. Гош сейчас выглядел как человек, счастливо переживший удар молнии в череп, но еще не свыкшийся с мыслью, что остался жив-здоров.

— Я совершенно не разбирался в футболе, — пробормотал он. — Считалось, что это недостаток. Все мужики были помешаны на футболе. Делали очень много вопросов... Не понимаю.

— Что ты не понимаешь? — быстро спросил доктор.

— Улица Новый Арбат — допустим... Может, я видел это название в газетных подшивках за девяностые годы. Неважно. А вот кто делает вопросы, доктор? Вопросы обычно задают. А эти люди, с которыми я общался, их делали.

— Какие вопросы? — подбросил идею Сан Сеич. Заметно было, что внутренне он ликует, но старается держать себя в узде.

— Вопрос можно взять, а можно слить. Есть паленые вопросы... Много. Паленый вопрос — это стыдно. А я делал вопросы? Конечно. Только я это не любил. Были профессионалы. А я... Не уходите, Сан Сеич. Побудьте со мной. Пациент сейчас заплачет.

— Радоваться надо, — не согласился с пациентом Сан Сеич. — Дальше пойдет еще лучше. Погоди, это только начало.

— Хорошо бы, — честно признался Гош. — Ох, Сан Сеич, вы не представляете, как мне страшно.

— Всем страшно. Все боятся этого, Гоша. Посмотри на Белого, у него от одной мысли, что он может однажды вспомнить все, судороги делаются. Но ему, похоже, есть чего бояться в своем прошлом. А тебе...

— А если и мне есть чего бояться, доктор? Знаете, иногда мне кажется, что мы недаром все забыли. Мы совершили что-то настолько чудовищное, что предпочли стереть память...

— К сожалению, нет. Вы как раз ничего не совершили. Я уверен, что это сделали не вы, а мы.

Гош обернулся к пожилому мужчине и посмотрел на него с легкой укоризной.

— Хорошо сказано, — признал он. — Мне нравится это «мы». Но только как пострадавшему. А как просто человеку... Мне, наверное, уже тридцать. Или даже больше. Не мальчик. Значит, я тоже несу часть ответственности. Это был какой-то боевой вирус, да, Сан Сеич? Или отравляющее вещество. Нет, скорее вирус. Хотя я понятия не имею, как можно создать такую фантастическую заразу. Но, судя по всему, ее создали. А что вышло потом? Это была ошибка? Утечка? Или на нас напали?

Сан Сеич тяжело вздохнул.

— Я думаю — утечка, — сказал он. — В противном случае здесь сейчас была бы не одичавшая Россия, а вполне культурный невольничий рынок. Эта, как ты правильно сказал, зараза действует с редкой избирательностью. Ты не пробовал выделить критерии?

Гош достал сигареты и привычно сунул пачку собеседнику. Доктор так же привычно отмахнулся.

— Молодые и сильные, — промычал Гош, закуривая. — Эти придурки городские, которые меня ненавидят, они в прошлой жизни не были придурками. Это были самые что ни на есть русские яппи. Молодые профессионалы. Умные, образованные, состоявшиеся. Я это вижу по лицам. Кое-что заметно из манер. Двигательная память сохранилась в полном объеме, и по тому, как эти люди держат нож и вилку... Моторика рассказала мне очень многое. Страшное дело, Сан Сеич. Просто страшное. Я вам скажу, кто выжил. Тот, кто был физически здоров. А кто был здоров в этой стране?

— Иммунитет, — подсказал Сан Сеич.

— Точно, иммунитет. Выжил тот, кто в последние годы хорошо питался, занимался спортом и витамины принимал. Тот, кто на момент поражения не был в запое и не жрал наркоту. Этот вирус, или как его там, выбил в первую очередь так называемые группы риска. И еще — судя по моим наблюдениям, он уничтожил непобедимую Советскую Армию.

— Российскую, — поправил Сан Сеич.

Гош невольно поежился.

— Вы не представляете, какой это был для меня шок, — признался он. — Я прочел за зиму всю периодику, которую смог найти. Хорошо, я откуда-то знал, что самые лучшие подшивки хранятся в редакциях... Видимо, баловался-таки журналистикой в юности. Все мои знания о России — из старых газет. На самом деле я не помню ничегошеньки. При том, что уверенно обращаюсь с современной техникой... Дё, такой вот парадокс. Но кое-какие ощущения мне удалось разбудить чтением прессы. Так что поголовная гибель непобедимой и легендарной меня не удивляет. Судя

по всему, там было очень плохо с кормежкой. Я другого не понимаю... Где ваши сверстники, доктор? Простите меня, конечно, но разве может быть такое, что вы единственный на всю мою родину абсолютно здоровый взрослый человек? Ладно, Сан Сеич. Извините. Я этого не говорил.

— Ничего, Гоша... Я сам задаюсь этим вопросом каждый день. Могу спросить в ответ — а где дети? Тот подросток, которого ты видел, он ведь тоже был единственный.

— Если это вирус, — сказал Гош с тяжелым вздохом, — его придумал величайший гений. Хотел бы я посмотреть, как моя пуля разнесет его гениальную башку. Невольничий рынок, говорите? Что ж, очень похоже на правду.

— Ты можешь взять Тулу без единого выстрела, — неожиданно заявил доктор.

Гош тряхнул головой, стараясь быстрее переключиться.

— Идиот, — сказал доктор, имея в виду скорее всего свою несдержанность.

— Дайте методику! — потребовал Гош.

— Нет! — отрезал Сан Сеич.

— Дайте! — почти крикнул Гош.

— Извини, — помотал головой Сан Сеич. — Это ты виноват. Ты успел за последние дни буквально приручить меня. Ты прирожденный лидер, Гош. И именно поэтому... Извини. Я сорвался, потому что меня переполняет сострадание и желание помочь. Я не дам тебе методику.

Гош яростно зашипел и с размаху вогнал сигарету в грязь под ногами.

— Во-первых, я ее едва-едва нащупал, — сказал доктор извиняющимся тоном. — А во-вторых, мне страшно подумать, что будет, если она в моей голове оформится до конца. Это будет самый жуткий инструмент порабощения за всю историю человечества. Страшнее легендарного психотронного оружия.

— У вероятного противника эта методика есть, — заметил Гош.

— Была, — поправил Сан Сеич. — Я думаю, что у вероятного противника неприятности покруче наших.

— Судя по газетам, они жили во сто крат более сыто.

А газеты за годы перестройки научились не врать про за-
границу.

— Это неважно, как они жили, — невесело усмехнулся Сан Сеич. — Мне трудно придумать страну, более приспособленную к выживанию в нынешних условиях, чем Россия. Средний американец, европеец, японец — раб высоких технологий. Без них он просто обречен.

— Ближний Восток, — напомнил Гош.

— Сомневаюсь. Мы сильнее всех.

— Ага... Мы сильные, мы русские, мы победим.

— Без сомнения.

— Это цитата, — сказал Гош с плохо скрываемым отвращением. — Патриотический стиль девятьсот сорока-пятидесяти годов. Проклятье, док, ну где у пострадавших кнопка, а? Сильно повышенная внушаемость? Почему тогда они меня не слушаются, прирожденного лидера? Дайте же ключ!

— Регуляторы, в седло, — напомнил Сан Сеич. — Тебя слушаются. Ты просто сам не хочешь заметить, как.

— Я убеждал «тупых». Упрашивал. Давил на них. Стрелял в них. Без толку.

— Регуляторы, в седло, — повторил Сан Сеич. — Кто такие?..

— Не скажу, — отрезал Гош, сплкнул под ноги, круто повернулся и ушел в дом.

* * *

— ...и насколько я смог понять, жизнь как раз начала более или менее налаживаться, — закончил Гош. — Только вы учтите, парни, я за что купил, за то и продаю. Газеты. Обидно — я сделал неплохой конспект, целую тетрадищу исписал на девятьсот шесть листов. Новейший Завет получил, мягко говоря. Всемирная история последних лет человечества. И тоже впустую. Когда «тупые» меня в лесу зажали, сами понимаете, было не до барахла. Спасибо хоть автомат с собой уволок.

— Надо же — безработица! — высказался Цыган. — Демонстрации протеста...

— Танки в городе, — напомнил Костя. — Хорошо зажили, ничего не скажешь. И сколько эта бодяга продолжалась?

— По моим прикидкам, лет пятнадцать. Мои воспоминания четко застопорились на восьмьдесят седьмом году. А сейчас на дворе приблизительно две тысячи первый. Или второй.

— Значит, нам где-то около тридцати, — резюмировал Цыган. — Обидно. Полжизни коту под хвост. Знаешь, Гоша, я тебе поначалу завидовал, а теперь прямо и не знаю. Есть такое ощущение, что я гор-раздо счастливее тебя. Извини, конечно...

— А есть некоторые гораздо счастливее нас, — подал голос Белый.

— Это ты о ком? — спросил Цыган подозрительно. — Думаешь, найдется кто-то и с активным сознанием, и с полным объемом памяти? Так ему вообще...

— Ты не понял, — коротко остановил его размышления Белый и отвернулся к стене.

— А-а... — кивнул Цыган. — Ты про «тупых». Да, я не понял. Ваше мнение, Сан Сеич?

Пожилой мужчина отнял ладонь от лица. Он прикрыл глаза, как только Гош дошел в своем рассказе до начала девяностых, и так до самого конца и просидел.

— Ну, в принципе... — начал он, закашлялся и снова надолго умолк. Белый налил ему воды. Сан Сеич благодарно кивнул, сделал несколько глотков, отставил стакан в сторону и о чем-то задумался. Объездчики и Гош безмолвно ждали. — В принципе мои выкладки подтверждаются. У Георгия память сопротивляется попыткам шагнуть дальше тринадцати-четырнадцати лет. Как раз тот период, когда в жизни человека начинаются первые серьезные потрясения. У меня, не знаю уж почему, какой-то мощный шок приходится на середину восьмидесятых годов, то есть мне уже было далеко за сорок... Теперь, после Гошиного рассказа, я догадываюсь, в чем дело. Я совершенно не помню этот новый мир, который на страну обрушился. А он, судя по всему, действительно обрушился. И меня, я так думаю, очень сильно придавило. Н-да...

— А меня когда придавило в таком случае? — поинтересовался Белый довольно зло. — В день рождения?

— Расслабься, брат, — посоветовал Костя. — Вокруг полно народу, который придавило еще в утробе матери. Если судить по поведению. Ох-ох-ох, что ж я маленьким не сдох...

Услышав последние слова Кости, Гош нервно дернулся. Все тут же, как по команде, повернулись к нему.

— Зацепило, — резюмировал молчавший до этого Большой.

— Ребята! — сказал Костя очень строго. — Знаменитым поэтом я не был точно.

— Но кто-то ведь был! — заметил Цыган.

— Это что, по-твоему, стихи?

— Не стихи, а как его...

— Частушка, — подсказал Сан Сеич. — Мальчики, а не почитать ли нам на ночь вслух? Как вы думаете, осилим страниц десять Фенимора Купера?

— Вполне, — оживился Белый, встал и направился к книжному шкафу в углу гостиной. — Самая лучшая терапия после откровений нашего заморского гостя.

— Я не нарочно, — притворно обиделся Гош. — Сами уговорили.

— Не валяй дурака, — пробормотал Белый, роясь в книгах. — Ну, чем побалуемся? А может, не Купера? Надоело. Очень уж там все на нашу жизнь смахивает. Давайте полегче. Доктор Белый рекомендует что-нибудь психотерапевтическое. И по возможности познавательное.

— Блюму Вульфовну Зейгарник, — скромно посоветовал Гош.

У Цыгана, Кости и Большого поотпадали челюсти, причем у Большого — с отчетливым хрустом.

— Чего? — не расслышал Белый.

— Есть такая роскошная книга, — объяснил Гош. — Учебное пособие. Называется «Патопсихология». А автор — Зейгарник Блюма Вульфовна.

Объездчики начали ржать. Они хохотали так, будто в жизни не слышали ничего смешнее. В принципе так оно и было. Слышать-то они наверняка что-то слышали, а вот помнить не могли.

— Блюма Вульфовна! — патетически возопил Цыган, воздевая руки к потолку. Задохнулся и, не в силах больше смеяться, принялся надрывно стенать.

Костя выпал из кресла. Большой ревел в три ручья. Белый вдруг резко посуровел, утерся рукавом и сказал:

— Не верю.

— Подумаешь! — надменно сказал Гош. — Людей еще и не так называли. Хорошо, когда у человека хватает сил носить такое заковыристое имечко как орден. А если тебя в детстве из-за него как следует затравят — все, конец света. И вообще, есть куча людей, которые не в силах идентифицировать себя с собственным именем. Нестыковка, и все тут. У нас во дворе ошивались две Леси, одна из которых была Лариса, а другая вообще Ольга, и еще одна Полина, которая тоже была Ольга на самом деле. И где-то, я точно помню, был парень, который себя называл Петя, а потом выяснилось, что он по паспорту Стас. О проблеме самоидентификации целые книги написаны.

Белый стоял к Гошу спиной, поигрывая дверцей шкафа. Остальные трое объездчиков, утирая слезы, продолжали сдавленно хихикать.

— Имена, — сообщил Белый кому-то, кто прятался среди книг в шкафу. — И-ме-на, — он вытащил приглянувшийся том и взвесил его на ладони. — Поверь мне, Гош, ты ошибаешься. Нет на свете кучи людей с проблемой имени. Больше нет.

— А я?! — через силу возмутился Большой. — Думаешь, мне нравится ходить в Больших?

— А ты что, Мелкий, что ли?! — проохотал Цыган.

— Вот как дам сейчас! По шее!

Белый нашел силы оторваться от шкафа и повернуться к гостиной лицом. Оказалось, это лицо совсем не веселое.

— Знаешь, Гош, — сказал он негромко. — Знаешь, чего я боюсь давно и упорно? С того момента, как тебя увидел. Нет, ты ни в чем не виноват, конечно. Но как бы ты не принес в этот дом беду.

— Эй, Регуляторы! — позвал вдруг Костя. — А куда это Сан Сеич исчез?

— Плачет на заднем дворе, — сказал Гош очень жестко.

Он сидел, неестественно выпрямившись, уперев руки в бока, и глазами ел Белого.

— Не придуривайся! — рыкнул на него Белый. — Тебе же снизили агрессию, разве нет? И подняли критику. Знаешь, чего тебе не хватает? Попроси Сан Сеича, чтобы на завтрашнем сеансе немножко опустил тебе самооценку. Понял?! Никто тебя не обижал, ты! И не собирался даже! Я просто честно сказал!.. И теперь ты знаешь, что я думаю! Не о тебе, ясно?! Не-о-те-бе! А обо всей этой безумной жизни!

— А я, значит, самое плохое, что в этой жизни есть, — негромко, но с угрозой заметил Гош.

— Нет, друг мой Гошка, ты не самое плохое. Но ты самое опасное.

— Да почему же?! — искренне расстроился Гош. Видно было, что он уже не злится, а именно расстраивается. Только очень уж агрессивно это у него получалось.

— Потому что мы живем этой жизнью, — объяснил Белый, тоже немного успокаиваясь. — А ты в нее играешь. Балуешься. Ты уверен, что она пройдет, как сон. И значит, можно пока немного развлечься. Заодно — поиграть на нервах четверых молодых идиотов и одного старого дурака... А я тебе говорю — не пройдет эта жизнь! И она еще тебя поставит на четвереньки, может, даже похуже, чем нас. Это я так... Не пугаю. Даже и в мыслях нет. Я просто очень хочу, чтобы ты очнулся по-настоящему. Так, как мы.

— Жизнь есть сон, — ухмыльнулся Гош. — Кальдерон. Н-да. Я в нокауте.

— Пирамидон, — срифмовал Цыган. — Что такое?

В наступившей тишине раздался характерный клацающий звук. Четверо обернулись на него резко, как ужаленные. Костя ловко провернул свой «макаров» на пальце и убрал его в плечевую кобуру.

— Сдурел?! — в глубоком изумлении спросил Белый.

— Я в потолок собирался, — объяснил Костя. — В случае чего. Так, для отрезвляющего эффекта.

— Если ты в прошлой жизни действительно воевал, — сообщил Белый, — то армию твою били все, кому не лень.

— Остынь, а? — попросил Костя. — Ты бы себя видел минуту назад. Я думал, сейчас на самом деле война начнется.

— Ни малейшего шанса, — отрезал Белый. — Я себя контролирую. Я просто за Сан Сеича обиделся.

— Почему? — удивился Костя. — Мало ли, зачем он ушел... Может, еще вернется.

— Пирамидон — это таблетки, — вступил Гош невпопад, но примирительным тоном. — Кажется, анальгетик, то есть от боли. По-моему, конкретно от головной. А Кальдерон — это такой очень древний европейский автор, прославившийся небольшой пьесой с символическим названием «Жизнь есть сон». Вот. Если кто-то хочет послушать лекцию про анальгетики — милости прошу. Ну и что, мне теперь застрелиться? Белый, ну как ты не можешь понять...

— Блюма Вульфовна, — попросил Белый, — заткните фонтан. Хотя бы на время. Ну зачем ты это сказал, дурачина? Ты что, забыл, кто такой Сан Сеич? Или ты нарочно — проверить хотел?

Гош на секунду задумался, потом отчего-то через плечо глянул в сторону двери, за которой исчез пожилой мужчина. И вздохнул. Подумал о том, что вздыхает теперь ежеминутно — столько поводов для этого находится.

— Само вырвалось, — признался Гош. — У меня всегда само вырывается. У тебя — нет, что ли?

— У меня и не такое вырывается. А ты бы мог все-таки хоть немного думать, прежде чем молотить языком.

— Да, может, он этой книги в принципе не читал!

— Это учебник-то? «Психопатология»?

— Не так. «Патопсихология». М-да. Нехорошо получилось. Вот обида, я ведь на самом-то деле хотел вам про Евлампия Феофилактовича Говно рассказать....

Объездчики коротко хохотнули, но как-то уже без огонька. То ли Евламгий Говно показался им персонажем менее ярким, чем Блюма Вульфовна, то ли просто разговор подобрался слишком близко к тому, что составляло главную проблему каждого из них.

Кроме Георгия Дымова, который, похоже, с именем своим уже свыкся.

* * *

На утренней дойке заспанный Гош работал вяло. Но на вечерней проявил усердие и неожиданно почти догнал объездчиков.

— Немного еще подучишься и обставишь любого из нас, — заверил его Цыган. — И не забывай, что старый опытный цыганский дояр всегда готов с тобой поделиться секретами мастерства. Всего за десять баксов. Молодец, Гошка. Умелые руки... — За последние два слова он запнулся языком, и на лице его неожиданно заиграла улыбка совсем другого толка.

— Слушайте, Регуляторы! — повернулся он к объездчикам, переливающим молоко из ведер в бидоны. — Мы, конечно, не настоящие индейцы, а даже совсем наоборот. Но! Что нам стоит учинить набег на близлежащие вигвамы и умыкнуть себе по хорошенькой скво?

Большой от неожиданности чуть не уронил ведро.

— Цыган, — сказал он. — Ты не Цыган. Ты Чингачгук. Ты мудр, как Великий Змей.

— Ага, как гадюка, — ехидно поддакнул ему Костя. — А пулю в голову не хочешь?

— За что? — удивился Большой.

— Где ты ее возьмешь, эту скво, так, чтобы без кровопролития? Да с тобой еще и не каждая пойдет...

— Это почему же? — на этот раз Большой даже обиделся. Ведро нехорошо задрожало в его могучей лапе.

— Потому что ты — не-нор-маль-ный! — объяснил Костя.

Большой выразительно сплюнул под ноги и снова занялся молоком.

— Забыл, — признался он. — Каждую ночь девчонки снятся. Какие — непонятно. Но очень хорошие.

— От души соболезную. Нереально это, брат.

— Если правильно себя повести, — сказал Цыган, — можно сойти и за нормального.

— Это на первые десять минут, — помотал головой Костя. — А потом обязательно что-нибудь не то брякнешь, или посмотришь как-нибудь не так...

— За десять минут управиться можно, — мечтательно проворковал Цыган.

— Их всех давно поделили, — сказал Костя. — Держат на коротком поводке. Как ты с ней познакомишься, хотя бы и на десять минут? На квартиру же не зайдешь — братва рога отвинтит. Рынок? Тоже сомнительно. А нас к тому же, с нашими безумными рожами, вся Тула знает.

— Зачем нам Тула? — не унимался Цыган. — К чему нам этот злобный городишко? Надо пошарить по тем местам, где мы еще не успели засветиться. Регуляторы! Даешь экспедицию! Разведку боем! По «белым пятнам» на карте родины!

— Новомосковск! — оживился Большой. — Заодно упрям трейлер стирального порошка!

— Кровь с простыней отстирывать!!! — взревел Цыган.

— Почему кровь? — не понял Костя.

— Георгий! — потребовал Цыган. — А ну-ка, закатай Регуляторам лекцию о женской физиологии! По десять баксов с носа.

— А-а... — Костя слегка порозовел лицом. — По-моему, я об этом что-то помню.

— Я тоже, — признался Большой. — Но мало.

Гош поднялся с низкой скамеечки, на которой до этого сидел, и зачем-то пнул ее сапогом, чуть не опрокинув заодно полное молока ведро. Пестрая корова неодобрительно переступила с ноги на ногу.

— Ты чего? — спросил Цыган. — Я что-то не то сказал?

— Да нет, — соврал Гош. — Так, промелькнуло... Ерунда. Левая передняя, правая задняя, правая передняя, левая задняя... Или наоборот, с правой?..

— Это уже не женская физиология, — заметил Костя. — Так, кто у нас здесь главный по навозу? Опять я?

— В такой последовательности четвероногие перебирают лапами, — сообщил Гош, уходя в глубь коровника, будто бы за вилами. Цыган подобрал его ведро и понес к бидонам. На полпути он оглянулся. Плечи у Гоша были неестественно опущены.

— Вспомнил что-то, — заговорщически прошептал Цыган объездчикам. — Про баб.

— Эй, Регуляторы! — крикнул из-за ворот Белый. — Вы

там заснули? Помогите мне с этой косилкой, а?! Рук не хватает!

— Между прочим, кого в косилку запряжем? — вспомнил о животрепещущем вопросе Цыган.

— Тебя, — сказал Костя. — Чтобы о бабах поменьше думал.

В дальнем углу коровника Гош рассматривал свои руки. Пальцы дрожали. Не от усталости, нет — от внезапно пришедшей и очень сильно ударившей по нервам догадки, что на одном из них могло сверкать золотом кольцо. И не только у него.

Он понимал, что ему не может, не должно быть так больно от этой мысли. Как складывалась его личная жизнь, он совершенно не представлял. Более того, казалось, что это в каком-то смысле удача — не помнить такого. Но все равно ему отчего-то стало вдруг нехорошо.

* * *

— Подгоняй свой грузовик, — сказал Цыган Большому. Тот презрительно хмыкнул. Гош успел рассказать ему, какая это заслуженная машина — «Дефендер», и даже извиниться за испорченное колесо. Этой запаской, расположенной на капоте, Большой отчего-то страшно гордился. Видимо, ему казалось, что у настоящей машины она должна находиться именно там. Иногда в Большом прорывалось обостренное и довольно своеобразное понимание эстетики. А колесо на капоте действительно сглаживало рубленые черты передка «Лендровера», делая машину чем-то похожей на самого Большого с его слегка оплывшей, но внушительной мускулатурой.

А еще Большой в свободное время любил забраться в какой-нибудь живописный уголок подальше от фермы и немного постоять там, оглядывая пейзаж. Обездчики к нему с расспросами не приставали, странности в поведении людей они вполне разумно полагали отголосками прошлой жизни и попытками что-то вспомнить. Гош поначалу тоже старался не замечать, как Большой смотрит на вещи. Но вскоре не удержался, начал думать и сопостав-

лять, и ему пришла на ум неожиданная догадка. Конечно, чтобы ее проверить, нужно было выбраться в город и основательно там покопаться. Гош подозревал, чего именно Большому не хватает. И дал себе зарок обязательно достать ему это нечто.

«Дефендер» задним ходом закатился во двор, в него зашвырнули тюк с мясом и бидоны с молоком.

— А мне с вами?.. — спросил осторожно Гош.

— И не думай, — помотал головой Цыган. — Нас они еще как-то терпят, а вот ты для них, братишка, хуже керосину. И потом, мы же тебя грохнули, ты что, забыл?

— Это вы поспешили, — заметил Гош. — Сказали бы лучше, что на цепь посадили и занимаетесь моим перевоспитанием... Вы этим враньем на себя же беду накличете. Сунется на ферму какой-нибудь тульский пахан, а тут я гуляю собственной персоной... Он вам покажет, что такое врагов народа укрывать.

— А ты спрячешься, — сказал Цыган очень строго. — Понял?

Гош неодобрительно фыркнул.

— У тебя приклад скоро отвалится, так ты его напильником изрезал, — пообещал Костя, издали прислушивавшийся к разговору. — Мало тебе, что ли? Снова пострелять охота?

— Нет, — сказал Гош, и в голосе его прорезалось что-то похожее на смущение. — Больше уже нет. Просто...

— Значит, спрячешься, — повторил Цыган.

— Нужно что-то со всем этим делать, — хмуро пробормотал Гош, сунул руки в карманы и убрел к дому.

— С чем делать? — спросил Большой у Цыгана.

— Да со всем этим, — Цыган кивнул на заваленные дачью внутренности «Лендровера» и с неожиданной злостью захлопнул дверцу. — Правильно говорит. Надоело. Действительно, почему мы должны городским оброк платить, как русские монголо-татарам?!

— Потому что мы русские, — объяснил Белый, показываясь в дверях мастерской и направляясь к машине. На ходу он обтирал руки какой-то ветошью. — И русским позарез нужна бочка солянки. А эти козлы только монголо-

татар к кранику и подпускают. Вот так-то, брат. Хочешь остаться без электричества? Нет проблем. На леднике молоко не скиснет. Но учти, керосин весь тоже у них. Будешь корову при лучине доить, как в каменном веке?

— Крепостное право обречено, — гордо заявил Цыган. Обездчики только что прикончили учебник истории и теперь всю старались перешеголять друг друга вновь обретенной эрудицией. — Рано или поздно мы все равно начнем с ним бороться. Но готовиться к революции лучше загодя. Вот я и говорю — надоело...

— И вообще, — заметил Костя, — сдается мне, что мы на ранчо засиделись. Не пора ли объявить крестовый поход за справедливость, а, Регуляторы? Заодно и мир повидаем. Где моя звезда помощника шерифа?

— А Сан Сеич? — удивился Большой.

— С собой возьмем! Будет в обозе винчестеры заряжать...

Белый подошел к Косте вплотную и посмотрел ему в глаза. Костя сначала пыжился и таранился, но потом все равно отвел взгляд.

— Кто минуту назад Гошку стыдил? — напомнил Белый. — Я?

— Ему надо, — пробормотал Костя. — Сан Сеич говорит, ему надо время от времени напоминать, какой он был. Так ему больнее, но ему же и лучше.

— А тебе?

— А что мне?..

— У тебя у самого на прикладе сколько запилов?

— Я не пижон, — Костя ухмыльнулся одной стороной рта. — Мне это ни к чему.

— Ах, не пижон... Тогда кто ты, если хочешь воевать с этими детьми?

— Да почему воевать?! Просто отвадить. Показать, кто здесь старший.

— Они еще опомнятся, — мягко сказал Белый. — Потерпи. Мы все терпим. Нужно подождать еще немного, и они начнут вспоминать. А когда восстановят личности, мы же еще их и утешать будем. Вот когда придет наше время. Мы будем нужны позарез, Костя. Мы будем учить их жить

по новой. Впереди очень много работы, старик. Только дождись.

— Сколько?

— Откуда ж я знаю... Год. Полтора.

— А сколько уже прошло времени?

— Сам знаешь. Больше года.

— Белый, — сказал Костя с такой интонацией, будто втолковывал малышу, — очнись. Не будет нашего времени. Они не проснутся. Никогда.

Белый пожевал губу, коротко глянул на притихших Цыгана и Большого и задумчиво произнес:

— Тогда... Тогда нам тем более нужно оставаться здесь. Будущее за теми, у кого в руках хозяйство.

— Всю жизнь предлагаешь на бандитов горбатиться? — подал голос Цыган.

— Не обязательно. Мы будем искать. Мы еще найдем таких же, как мы. Сколотим крепкое поселение. И нормально заживем.

— Ты действительно очнись, а? Помнишь, Гошка сказал, куда подевались большие собаки? Их точно отстреляли. Понял, о чем я? Таких, как мы, больше нет.

— Должны быть, — убежденно сказал Белый. — Ладно, закрываем диспут. Берите стволы, поехали к монголо-татарам... Чтоб они все передохли!

* * *

Объездчиков тормознули неподалеку от загородной бензоколонки. Там ни с того ни с сего из легкой заставы образовался настоящий блокпост — строительные конструкции поперек дороги и бронетранспортер. Лица у сидевших на броне парней оказались знакомые, но повадки резко отличались от тех, что были еще на прошлой неделе.

— Разгружай здесь! — скомандовали объездчикам. Те хмуρο вытащили из машины добро и остановились в нерешительности.

— И отваливай! — раздалась новая команда.

— Нам в город нужно, — сказал Белый. — Выменять кое-что.

— В город нельзя.

— Ну хоть до колонки, может, там осталось. У нас солярка на исходе.

— Нельзя.

— А кому можно? Вы что, рынок закрыли?

— На рынок только по пропуску.

— Чего? — изумился Белый.

— Во, — сказал один из сидящих на броне, вытаскивая из-за пазухи маленький кусочек голубой пластмассы. Белый присмотрелся. На карточке была надпись латиницей «VISA», которую Белый прочесть не смог, хотя она и показалась ему смутно знакомой. В углу карточки переливалась объемная картинка с изображением то ли птицы, то ли еще чего-то с крыльями.

— Привезешь столько же, — охранник показал на сваленный в кучу провиант, — дадим пропуск. Но он только до рынка. По центру кататься нельзя. И вообще по городу нельзя. Вот... — Охранник умолк, отдуваясь. Похоже, тирада далась ему с большим трудом. Он и этот-то набор слов выговорил на одном дыхании, как зазубренный урок.

— Сунешься без пропуска, для первого раза отберем машину, — добавил второй и для вящей убедительности треснул прикладом по башне. Та, словно живая, шевельнула стволами в ответ.

— И кто же эти пропуска выдумал? — тоскливо спросил Белый. Хотел добавить что-нибудь обидное, но благоразумно промолчал. «Тупые» от любой колкости взрывались мгновенно.

— Главный, — коротко ответили ему.

Белый залез в машину. Обездчики последовали его примеру, взгляды у них были острее бритвы. Большой, злобно сопя, развернул автомобиль, стараясь не глядеть в сторону охраны. Та довольно ухмылялась.

— Я насчитал шестерых, — негромко сказал Костя. — Кто больше?

— Шестеро, — кивнул Белый. — И минимум один в башне.

— Застава стоит бездарно, — Костя оглянулся на удаля-

ющийся блокпост. — Налетать и трепать... Сколько влезет. Гоняться за нами на «бэтэре» они не рискнут.

— Они-то как раз и рискнут. Они же «тупые», Костя.

— Хоть бы ящиков с песком на него повешали, идиоты. Все-таки подобие активной брони. Один гранатомет...

— Как ты это говоришь, старый... «Сдается мне, что в прошлой жизни я воевал»? Что такое активная броня, ты, Кутузов?

— Честно говоря, не знаю. Но ящики с песком — это вроде нее.

— А ведь перекрыли они нам кислород, братцы, — сказал невесело Цыган.

— Застава обходится элементарно.

— И что с того? Являешься ты на рынок без этого их пропуска, и тут-то начинается самое интересное.

— Н-да, ситуация.

— Что делать будем, мужики?

Большой, до этого момента весь сосредоточившийся на дороге — наверное, чтобы не орать от злости, — неожиданно высказался:

— А Гошка-то прав. Что-то надо делать.

— Гошка, конечно, прав, — согласился Белый. — Он у нас всегда прав. Вот только он был капитально не прав, когда устроил в городе побоище Игоря Святославовича с половцами.

— Ты думаешь, это все из-за него? — встрепенулся Костя.

— Запросто, — вздохнул Белый. — Я же говорю — беду он приносит.

— Нет, — отрезал Большой. — Это из-за москвичей.

— Что ты имеешь в виду? — обрадовался Костя. Он терпеть не мог, когда при нем наезжали на Гоша. А Белый делал это регулярно, и всегда за глаза. Ему, признанному лидеру, видимо, совсем не нравилось, что в группе объездчиков появился второй лидер, скрытый.

— Не знаю, — признался Большой.

— А верно, — сказал Цыган. — Москвичи закрыли свой город, так почему бы и местным не сделать то же самое?

— Мы не о том рассуждаем, мужики, — поспешил сме-

нить тему Костя. — Вы лучше прикиньте, кто придумал, что города вообще надо закрывать? Кто выдумал пропуска? Для этого по нынешним временам нужен приличный интеллект.

— И неплохой объем памяти, — заметил Цыган.

— Поймать бы гада! — выразил общее мнение Большой. Белый привычно жевал губу. Потом он сказал:

— А неплохая идея.

— Правда? — осторожно поинтересовался Цыган.

— Правда, — кивнул Белый. — Этот тип, который выдумал пропуска, может оказаться здорово похож на нас с вами.

Некоторое время объездчики молча обдумывали услышанное.

— Но почему он тогда командует? — не согласился Цыган. — Почему он еще жив вообще?

— Значит, он нашел ключ, — вздохнул Белый. — Тот ключ, что никак не дается нам с вами. И который не может найти Сан Сеич.

— А я думаю, Сан Сеич его нашел, — пробормотал Костя. — Нет, не думаю, уверен...

— Почему?

— Потому что он каким-то образом приручил нас. Вспомните, какая у нас была поначалу дикая агрессия.

Объездчики замолкли снова, на этот раз минут на пять.

— Почему же он тогда не дает его нам?! — первым не выдержал Цыган. — Чего он боится?

— Он боится закрытых городов, — веско ответил ему Белый. — Патрулей на улицах и пропускной системы.

* * *

Гош нашел Сан Сеича в гостиной. Тот сидел, уставившись бессмысленным взглядом в томик О. Генри, и делал вид, что читает. Лицо у Сан Сеича было красное и опухшее.

Гош, не говоря ни слова, присел рядом.

— Какая интересная здесь библиотека, — сказал он просто для того, чтобы сказать хоть что-нибудь. — Большой романтик был этот фермер, мир праху его.

— Угу, — с трудом выдавил Сан Сеич.

Гош покосился на О. Генри и решил старика немного развлечь.

— Невольно вспомнил забавную историю... — начал было он.

— Не стоит, — попросил Сан Сеич.

— Это не из моей прошлой жизни. Из прошлой жизни книги, что у вас в руках. А дело было так. Мотают срок двое грабителей — Эл Дженнингс и Билли Райдер. Днями тачают сапоги в тюремной мастерской, а вечерами от нечего делать сочиняют приключенческий роман «Наездники прерий». И Райдер постоянно требует от Дженнингса, чтобы в каждой главе было как минимум по одному трупу, иначе роман читать не будут. А Дженнингс возражает, что тогда у них к десятой главе ни одного персонажа не останется. «Слушай, — говорит ему Райдер, — а пойдем, что ли, посоветуемся с Билли Портером. Я знаю, он тоже что-то пишет». Являются они к Портеру, тюремному аптекарю, такому же эзку, да к тому же еще и бывшему поделельнику самого Дженнингса. Так и так, говорят, какие будут идеи? А Портер спрашивает — ребята, можно я вам свой рассказец прочту? Только что закончил. Усаживаются налетчики, и он читает им — что бы вы думали? — «Рождественский подарок по-ковбойски». Свой первый рассказ. Вот так-то, Сан Сеич. Между прочим, Дженнингс все-таки стал литератором. Правда, выпустил только одну книгу — документальную повесть о том, как, будучи в бегах, познакомился с О. Генри, потом неожиданно встретил его в тюрьме, а еще позже расхаживал с ним по Нью-Йорку.

Сан Сеич захлопнул томик и положил его на стол.

— Дикий Запад, — произнес он задумчиво. — Молодой и жестокий мир. Вот и думай потом, что судьбы нет. Как нарочно достались ребятам в наследство именно такие книги. Купер, Кервуд, «Сердце Запада» О. Генри... Все бы отдал за хорошую энциклопедию.

— Если слегка напрячься, можно достать, — оживился Гош.

— И не думай.

— Ну хорошо, пусть не я. Пусть ребята в городе поша-

рят. Я им нарисую, как проехать к библиотеке. Будем надеяться, что еще цела. «Тупые» как-то по осени загуляли, так чуть полгорода не сожгли.

— Слово-то какое дивное — «тупые»! — усмехнулся Сан Сеич. — Поверь мне, Гоша, не стоит так резко противопоставлять себя этим несчастным. Вот увидишь, когда они проснутся, им будет куда хуже, чем тебе сейчас.

— Не верю я, что они проснутся, Сан Сеич. Им так уютно в их нынешнем состоянии... Закуленный разум, стертая личность, никаких проблем. Живи и радуйся. Зависнут они в этой ипостаси до самого конца. А конец-то близок. Консервы не вечные, пахать-сеять некому. Через несколько лет мы будем за банку «Вискас» убивать.

— Это что такое?

— Еда для кошек. Что, не верится? Я сам удивился, когда в первый раз увидел. То есть я знал, что за границей такое есть, но чтобы и до нас докатилось... Все-таки удивительно переменялась наша родина за те полтора десятка лет, что выпали из памяти.

— Хотел бы я пожить в эти годы... — мечтательно протянул Сан Сеич.

Гош собрался было возразить, что жили ведь, хотя и не помнят, но тут же одернул себя. «Действительно, — понял он, — не жили. Чего не помнишь, того не было». Он вздохнул и достал сигареты.

— Вздыхаем и вздыхаем, — пробормотал он, закуривая. — Что ни день, то сплошные охи и вздохи. Сан Сеич, а Сан Сеич... Я все забываю спросить — как фамилия-то ваша?

— Корсаков.

— Хм... — протянул Гош. — Знатная фамилия. Случаем не родственник?..

И чудом успел отбить в сторону кулак Сан Сеича, метивший ему в висок. Упал с дивана вперед, перекатился и встал на одно колено, взводя курок пистолета. Ствол глядел Сан Сеичу в переносицу.

Детский психиатр, тяжело дыша, судорожно вцепился руками в диванную подушку. На оружие Гоша ему было, судя по всему, наплевать. Он бы и сейчас на него бросился,

если бы не решил обуздать свой внезапный агрессивный импульс. Гош медленно убрал пистолет за пазуху.

— Я только сейчас вспомнил, — сказал он примирительно. — Ну простите вы меня... Что такое? Опять Блюма Вульфовна покоя не дает?

— Кто ты?! — выдохнул Сан Сеич.

— Это вас надо спросить, кто я, — заметил Гош. — Или вы все придумали? Включая имя и фамилию? А?

— Нет, — помотал головой Сан Сеич. — Но иногда мне кажется... Кто ты, Георгий?

— Да не знаю я! — взорвался Гош, вскакивая на ноги. — Не помню! И нечего меня за провокатора держать! Что, старая перечница, заговор раскрыл?! Какого черта?! Кому ты нужен, педофил несчастный, чтобы к тебе секретного агента подсылать?! Жидомасоны повсюду мерещатся?! Злые козни ЦРУ?!

— Кто-то должен был выжить, — пробормотал Сан Сеич. — Кто-то должен за всем этим ужасом стоять.

— Да я выжил, я!!! — заорал Гош, срывая глотку. — И ты!!! И мальчишки твои несчастные... И уродов сколько влезет! Да все мы тут уроды! И я урод, и ты урод! Понятия не имею, откуда мне известно про династию психиатров Корсаковых! Ну понятия не имею же!!!

За окном послышался шум мотора. Гош сунул руки в карманы и прошелся по комнате туда-сюда.

— Вы же меня под гипнозом обследовали, — сказал он уже нормальным тоном. — Сами знаете, что там у меня в башке...

— Не знаю, — тихо отозвался Сан Сеич. — Мне в последнее время кажется, что не знаю.

Гош внимательно посмотрел на него сверху вниз.

— Что еще за заявочки? — поинтересовался он сварливо.

— Я вам не верю, Георгий, — все так же тихо, чуть ли не извиняясь, сказал пожилой мужчина.

— Что значит — не верите?

— Мне кажется, что вы совсем не тот, за кого себя выдаете, — признался Сан Сеич.

Гош помотал головой, прислушиваясь к своим ощущениям.

— А знаете, — вдруг сказал он, опуская глаза, — хотелось бы. Мне чертовски надоело быть тем, кто я есть сейчас. Откровенно говоря, мне совсем не нравится этот человек. Почти ежедневно я вспоминаю какие-то обрывки, которые все никак не хотят сложиться в целую картину. И это меня...

Он не успел договорить. В дверь ввалились объездчики, бряцающие оружием, возбужденные и злые.

— Сан Сеич! — заорал с порога Цыган. — Вы даже не представляете...

— Тихо, мальчики! — властно распорядился Сан Сеич. И указал пальцем в центр гостиной. Туда, где стоял Гош.

Взгляды объездчиков проследили за перстом указующим. И стволы почему-то тоже.

— Арестовать, — приказал Сан Сеич.

Три автоматных предохранителя и один пистолетный крюк синхронно клацнули.

— Забрать оружие, обыскать тщательно, запереть в чулане. Запереть так, чтобы не выломал дверь. После этого все ко мне.

Объездчики с каменными лицами дружно направились к Гошу. Тот оценил ситуацию и покорно заложил руки за голову.

— Сволочь ты, — бросил он Сан Сеичу. — И дурак.

— Это ты дурак, — ответил тот. — Ты все хотел меня прошупать. А зря. Я тебя сразу вычислил. Еще в самом начале, когда ты так легко согласился на гипноз. Признаюсь, тебя очень хорошо сделали. Я так и не смог разобраться, какая тебе дана установка и каким способом ее ввели. Но я найду как. Обязательно найду. И тогда мы с тобой побеседуем. С настоящим тобой.

— Хорошо бы... — пробормотал Гош.

* * *

В чулане было темно, пыльно и совершенно пусто. До того, как водворить туда арестованного, объездчики не только выволокли из маленькой комнатки все барахло, но даже по совету Кости лампочку вывинтили, дабы узник ее

не кокнул, вознамерившись осколком перепилить себе глотку. Под тем же соусом Костя отобрал у Гоша поясной ремень — хотя вешаться в чулане было несподручно, разве что на дверной петле.

На протяжении всей этой нелепой экзекуции арестованный нагло ржал и давал полезные советы. На прощание ему вручили оцинкованное ведро с крышкой.

— А если я в нем утоплюсь? — жизнерадостно поинтересовался Гош.

Костя молча закрыл дверь. Снаружи раздался стук молотка, косяк задрожал. Гош пинком отправил ведро в угол и принялся на ощупь бродить от стены к стене, дожидаясь, пока глаза не привыкнут к темноте.

— Тихо, мальчики... — бормотал он сквозь зубы. — Тихо, мальчики... Как же я раньше не догадался! Хитер Сан Сеич, параноик несчастный. Ох, хитер! За кого же он меня принял, а?

Глаза к темноте привыкать отказывались. Видимо, темнота оказалась слишком темная. Гош старательно ощупал стены и пришел к выводу, что с голыми руками отсюда не выберешься. Можно было, конечно, попробовать выбить дверь, но такое шумное дело немедленно привлекло бы внимание объездчиков. Непосредственно за дверью предусмотрительный Сан Сеич охраны не выставил, опасаясь, что Гош как-нибудь на нее воздействует. Говорить было не с кем и незачем. Оставалось ждать, теряясь в догадках. Некоторое время Гош пытался смоделировать логику пожилого маньяка, но задача оказалась ему явно не по силам. Единственное, что пришло ему на ум или скорее вспомнилось, — старая идея, что если на тебя наехал маньяк, то его можно «переманьячить». Вычислить, на чем он акцентирован, и гнать пургу в том же направлении. Увы, в нынешней ситуации эта схема не работала. Гош мог, конечно, сыграть роль эmissара таинственных завоевателей, но тогда от него потребуют конкретики, а по части того, чего именно завоевателям надо и какие они из себя, фантазия Гоша давала ощутимый сбой. Он никогда не размышлял на эту тему раньше и не собирался задаваться такими вопросами сейчас.

Кроме того, он просто не хотел играть. Он уже привык к объездчикам, проникся к ним симпатией, и валять перед ребятами ваньку было, на его взгляд, просто нечестно. Да и Сан Сеича ему было по-человечески жаль. Еще более одинокий, чем молодые выжившие, старик (хотя не такой уж он и старик) явно оказался в плену характерных для его поколения бессознательных страхов. Объездчики ничего не боялись, они только переживали утрату. А Сан Сеич именно боялся. Его постоянно мучил страх, что за приключившейся с людьми трагедией стоит нечто большее. Так его воспитала советская пропаганда.

Гош перевернул ведро, уселся на него, ткнулся носом в сложенные на коленях руки и приготовился спать. Если бы он мог хоть что-то предугадать в дальнейших решениях Сан Сеича... Но для этого нужно было понять, чего именно тот боится. А так... Гош слегка напрягся и принялся убеждать себя, что его не убьют. Нашел хорошие доводы, убедил, почувствовал, что расслабился, и действительно задремал.

Разбудил его шорох под дверью.

— Кто там? — спросил Гош хриплым со сна шепотом. — Сто грамм?

— Это я... — пропыхтел Костя. — Не вопи так.

— Я догадался, кем ты был в прошлой жизни, — сообщил ему Гош.

— И кем же? — поинтересовался Костя, что-то там у себя дергая и ворочая.

— Милиционером.

Костя надолго затих. Гош даже начал беспокоиться.

— Это почему же? — спросил наконец Костя. — Из-за ремня, что ли?

— При чем тут ремень? Я все-таки давно за тобой наблюдаю...

— И чего?

— Ты с оружием совсем не так обращаешься, как остальные. И носишь его по-другому, и относишься к нему иначе. Всегда готов вмешаться в любой конфликт разнимающим. Так, как будто имеешь на это право. Как будто тебя никто не тронет, а обязательно послушаются. У тебя в це-

лом манеры человека, которого нельзя обижать, потому что за это полагается срок. Хозяин жизни.

— Может, я как раз бандитом был, — хмыкнул Костя.

— Честно говоря, сейчас это уже не имеет значения, правда? Ты мне вот что скажи — почему вы меня сегодня без малейшего возражения скрутили? Не задумывался над этим? Я же вам, господа Регуляторы, не чужой уже человек.

— Сан Сеич приказал, — ответил Костя, продолжая шуршать. — Ему виднее.

— А тебе?

— А что мне?

— Ты зачем пришел?

— Как зачем — выпустить тебя хочу. Большой уже машину готовит. Свою отдает. Цыган на шухере. Следит, чтобы Белый не проснулся.

— Почему вы это делаете? — спросил Гош вкрадчиво. Ему самое время было от умиления рассыпаться в благодарностях, но он видел перед собой задачу куда важнее, чем удрать.

— Решили, что так правильно.

— Ты понимаешь, что Сан Сеич ошибся? Что ему просто страшно?

— Это неважно, Гошка. Сан Сеич нам как отец. Мы его не обсуждаем. А вот тебя нужно выручать.

— Все гвозди вытащил? — спросил Гош.

— Почти. Сейчас...

— Отложи инструмент на минуту и послушай меня. Костя! Послушай!

— Ну?

— Очень внимательно меня послушай, а затем сам обдумай, что я скажу. Вы меня арестовали не потому, что Сан Сеич так распорядился. Вы подчинились его воле, когда он сказал вам: «Тихо, мальчики!» Я видел это не раз и не два. Стоит ему произнести эти слова, как вы на какое-то время оказываетесь в полной зависимости от его приказов.

— Ерунда. Мы...

— Костя, я видел это не раз. Первый был, когда вы меня привезли сюда. Помнишь? Второй на днях. «Тихо, мальчики!» — и вы действительно становитесь очень тихие и по-

слушные. Вспомни. Постарайся вспомнить, я тебя очень прошу. Вспомни и тщательно обдумай.

Костя снова затих. Гош мучительно прислушивался, стараясь поймать ритм его дыхания. Задышал Косте в унисон. Представил себе, как тот сидит за дверью с клешнями в руке. И произнес, ритмично, мягко, слегка нараспев:

— В следующий раз, когда ты услышишь от Сан Сеича «тихо, мальчики», ни в коем случае не шевелись. Сначала оглядись по сторонам. Испугайся этих слов.

— Как это — испугайся? — вяло перебил Костя.

— Эти слова — знак беды. Когда Сан Сеич их произносит, значит, опасность рядом. И ты легко увидишь, где она. Только посмотри внимательно по сторонам. Посмотри испуганно, готовый защищаться сам и выручить ребят. Запомни, «тихо, мальчики» — это значит, что ты можешь попасть в беду. Разгляди ее и устрани. Разгляди сам. Прислушайся к своим ощущениям. Сам ищи. И ты увидишь, что происходит в действительности.

Костя тяжело вздохнул.

— Я же не дурак, — сказал он обиженно.

— Я в курсе. Ты хорошо от Сан Сеича нахватался — прямо юный друг психотерапевта.

— Не знаю, чего я там должен пугаться, но вот ты меня сейчас здорово... — Костя подумал и вместо «испугал» сказал: — Озадачил.

— Замечательно. А теперь иди и думай. Если понадобится, думай всю ночь. Пока не согласишься, что я все угадал правильно. И пока не подготовишь себя к верной реакции на ключевую фразу.

— Да не может быть такого! — шепотом заорал Костя.

— Это нормально, Костя. Ты слишком много знаешь о психотехниках для того, чтобы предположить, будто они применимы к тебе. Сколько ты взял сеансов терапии у Сан Сеича?

— Вагон.

— И замечательно. Сан Сеич профессионал, он на полном серьезе из вас сделал людей. Он и мне очень помог. Так что я на него не в обиде. Нужно просто осознать — он всего на свете боится. В том числе и нас. Я себе представ-

ляю, какими агрессивными типами вы были, когда он вас отловил. Могу хотя бы себя вспомнить. Как вспомню — так вздрогну... Поэтому Сан Сеич и решил обезопасить себя... Что ж, разумно. Давай относиться к этому его желанию как взрослые и понимающие люди, хорошо?

— Верится с трудом, — признался Костя. — Но я подумаю. Ладно, мне тут еще...

— Не нужно, — мягко попросил Гош. — Воткни гвозди на место, забирай инструмент и иди к ребятам. Поблагодари их от моего имени и перескажи во всех подробностях то, что мы сейчас с тобой обсудили. И думайте — думайте вместе. Сколько будет нужно, чтобы подготовиться, вот столько и думайте.

— А ты? — спросил Костя ошарашенно.

— Ты же сам говорил, что выигранная драка — это та, которую ты погасил в зародыше.

— Ну?

— Если я убегу, это в глазах Сан Сеича подтвердит его подозрения. Тебе нужно, чтобы старик тронулся рассудком? Мне — нет. Я ему здорово благодарен. Так что, когда Сан Сеич захочет меня допросить, я буду разговаривать с ним. И я готов ждать.

— Псих, — заключил Костя.

— Может быть. Но это мое решение. Мой выбор. Я попытаюсь как-то переломить ситуацию. Еще не знаю как, но придумаю.

— Точно решил?

— Поверь, так будет умнее. И лучше для всех. Слушай, ты здесь не засиделся? Вдруг он проснется и явится проверить?

— Ничего он мне не сделает! — заявил Костя. — Где хочу, там и ночую. Слушай, ты, страдалец. Решил сидеть — ладно, сиди. А ты не подумал, что старик с тобой, может, разговаривать не захочет? А решит тебя... э-э... того? Втихую?

— Ну, вы же этого не допустите, правда?

— Мы-то да, а вот Белый... Он на тебя готов все наши беды свалить, вплоть до закрытия Тулы.

— Город закрыт?! — встрепнулся Гош. — Как?

Костя в двух словах описал ему события у бензоколонки.

— Интересный симптом, — пробормотал Гош озадаченно. — Там ведь не было явного лидера. Тем более — достаточно умного. Может, пришел кто-то новенький? Или появился какой-то фактор... Внешняя угроза, а? Странно. Ничего не понимаю. Разведка нам позарез нужна, Костя. Хорошая разведка. А то, не ровен час, явятся сюда какие-нибудь настоящие регуляторы и урегулируют наше ранчо к чертовой матери... Ладно, дружище. Иди к ребятам. Пора тебе.

Костя, недовольно ворча, принялся втыкать на место гвозди.

— А с Белым как разбираться будем? — вспомнил он. — Ему, по-моему, рассказывать про установку на повиновение не стоит.

— Согласился? — удивленно спросил Гош. Такой прыти он от Кости не ждал.

— Угу, — хмуро ответил тот. — Не до конца, но похоже. Я как раз вспоминаю, как сегодня было дело. Знаешь, я даже не рассуждал. Вот чертовщина! Кто бы мог подумать...

— Я представляю, как тебе сейчас неприятно, но ничего не поделаешь. Тысячи людей по всему миру сами просят, чтобы доктор поставил им какую-нибудь блокировку, снял беспочвенный страх, снизил мнительность... Ничего особенного с тобой не произошло. Если произошло вообще.

— Боюсь, что произошло. Так что Белый?

— Не знаю, — Гош в темноте помотал головой. — Сами решайте.

— Он классный парень.

— Я знаю, — согласился Гош. — Вот поэтому сами и решайте.

— Ладно, — вздохнул Костя. — Пойду. Ты голодный небось?

— К утру проголодаюсь. А который час?

— Полтретьего. Ну, утром как раз и принесем.

— Счастливо, Костя, — сказал Гош. — И огромное тебе спасибо. Тебе и ребятам... Вы молодцы.

— Мы просто хотели, чтобы было по справедливости, — скромно ответил Костя, попрощался и ушел. Но через минуту вернулся.

— Вот еще что, — заявил он. — Ты даже и не спросил. А зря. Сан Сеич знаешь, что про тебя выдумал?

— Что я американский шпион, — усмехнулся Гош.

— Если бы!

— Ну, жидомасонский какой-нибудь. Мировой заговор, да?

— Если бы! — повторил Костя. — Он говорит, что еще тридцать лет назад КГБ разработал оружие массового поражения, которое воздействует на психику. И вот теперь они из этой штуки стрельнули. Хотели по Америке, а получилось по своим. Но сами кагэбэшники уцелели, и ты — один из них. Ездишь по стране и оцениваешь уровень потерь. А за тобой придут другие, которые попробуют запрограммировать кого удастся на беспрекословное повиновение и сколотить из них армию. Заэкранировать ее от своей пушки, стрельнуть еще раз, так чтобы всю планету зашибло, и отправиться с этой армией поработать мир. Чтобы не обидно было, понимаешь? Раз с первого захода не вышло, так чтоб уж со второго никому мало не показалось. И Сан Сеич хочет нас от всей этой катавасии защитить. Спрятать. Он говорит, нас все равно либо отстреляют, как слишком умных, либо в «тупых» переделают. Вот такие, брат, дела.

— Поздравляю, Костя, — пробормотал Гош в легком обалдении. — Наш Сан Сеич — полный и безоговорочный параноик!

* * *

Разбудил его Белый.

— Живой? — спросил он не приветливо.

— 3-замерз, — коротко ответил Гош.

— На кухне чайник еще не остыл. Прими стакан водки и запей горячим чаем. Пожуй чего-нибудь и приляг до обеда. А то простудишься еще среди лета, возись потом с тобой.

— Угу, — согласился Гош, ничего не понимая.

— Цыган здесь остается, он за всем присмотрит. Если понадобится на замену, разбудит.

— То есть? — спросил Гош, с трудом вставая на ноги. Под утро внезапно упала температура, и его здорово приморозило. Двигался он сейчас плохо, а соображал еще хуже.

— Может, придется тебя оставить на хозяйстве. «Тупые» Сан Сеича забрали.

— Ого! — пробормотал Гош. — Начинается...

— Вот именно, — кивнул Белый, нехорошо глянул на него исподлобья и ушел.

Гош, зябко обхватив себя за плечи и отчаянно стуча зубами, выбрался на кухню. Там Цыган мыл посуду.

— Живой? — спросил он так же, как минуту назад Белый, только с более дружелюбной интонацией. — Завтрак на столе.

— Я себе налью? — спросил Гош, открывая шкафчик. — Для сугреву.

— Десять баксов, — выдал Цыган свою любимую прищаску. И как-то странно помотал головой, скорее даже покачал ею из стороны в сторону.

Гош сделал выдох, крепко сжал в руке стакан и опрокинул водку в себя. Крякнул, уселся за стол, налил чаю и начал его прихлебывать, чувствуя, как по всему телу расплывается блаженное тепло. За прошедший с момента «пробуждения» кошмарный год он употребил великое множество самых разных горячительных напитков, но только этот оказался горячительным в буквальном смысле.

Неожиданно он вспомнил, как его вышибали из Тулы, и неприязненно скривился. От делегации недоумков тогда разило так, что впору было закусывать. Гош выпивал от тоски и страха. «Тупые» пили для веселья. Поэтому Гош принимал стакан-другой на ночь, чтобы лучше спалось, и принципиально не опохмелялся. «Тупые», напротив, откупоривали пузыри на рассвете и продолжали квасить дотемна. Эта дурная привычка здорово сбивала им прицел и мешала рулить. И она же, на взгляд Гоша, уничтожала все шансы на то, что бедняги когда-нибудь по-настоящему «проснутся».

— Когда Сан Сеича забрали? — спросил он.

— Утром. Человек двадцать приехало. Бояться нас, уроды...

— Вряд ли. Им просто делать нечего.

— Нет, — отрезал Цыган. И кивнул. Гош настороженно прищурился.

— Ты заметил что-то необычное? — спросил он.

— Да, — Цыган мотнул головой. Гош внутренне пожал плечами и решил пока на эти странности не обращать внимания.

— Они все были трезвые и очень настороженные, — объяснил Цыган. Сегодня у него явственнее обычного прорезался акцент. Произносимые им русские слова звенели и играли, потому что мягкие звуки Цыган проговаривал совсем мягко, а жесткие — чересчур жестко. — Знаешь, не злые, как это обычно у них, когда нас видят, а именно настороженные. Внимательные такие... Все озирались, будто ищут кого-то. Я еще подумал сначала — не тебя ли. А потом сообразил — это они, гады, просто к обстановке привыкают. Мы их раньше не пускали сюда. А они же боятся всего нового, непривычного. В следующий раз явятся, озираться уже не будут. Сразу палить начнут.

— Сказали, зачем им Сан Сеич? — спросил Гош, накладывая себе в тарелку каши.

— А то, — Цыган опять изобразил головой загадочный утвердительный жест. — Его главный вызвал. Их главный. Зар-раза...

— Не нервничай, — посоветовал Гош. — Обойдется.

— Ох, не знаю. Белый говорит, если к завтрашнему утру Сан Сеич не вернется, пойдем город с землей ровнять.

Гош поморщился. Еще пару недель тому назад он сам бы первый вызвался на такое заманчивое предприятие. А вот теперь... Во-первых, он не был уверен, что карательная экспедиция что-то даст. Например, оживит Сан Сеича, буде «тупые» вздумают его расстрелять. Во-вторых, при мысли о стрельбе по живым людям, пусть и «тупым», он как-то больше не чувствовал энтузиазма. А ощущал скорее легкое беспокойство. Вспомнилось почему-то, что пуля — дура. И что нормальный человек не развязывает войны, а устраивает переговоры.

И что разговор с позиции силы — прерогатива тупых. Не теперешних, у которых имелся довольно определенный диагноз, а вообще — тупых. А за спинами этих тупых, которые бегают, размахивая оружием, прячутся сволочи и их подталкивают на убийство. И таким образом вместе гробят нормальных спокойных людей.

Цыган поставил сушиться последнюю тарелку, закрыл кран, вытер руки передником, уселся напротив, вытащил сигареты, закурил и как-то очень внимательно заглянул Гошу в глаза. Видно было, что он взвинчен до предела, но пока сдерживается.

— Начинаю верить в судьбу, — объявил он сквозь клубы дыма. — И в то, что история повторяется.

— Какая история? — невнятно поинтересовался Гош, жуя. Ему вдруг захотелось выпить еще.

— История, которую ты принес с собой. История Регуляторов и Линкольнской фермерской войны.

— Давай по стакану? — предложил Гош.

— Мне не стоит. А ты пей, не стесняйся. Условно-досрочно освобожденный... Что это значит?

— Вот это и значит. Кто сказал меня выпустить? Сан Сеич?

— Нет. Он если и хотел, то не успел. Белый сам распорядился. Мы как раз собирались с ним поговорить... Только ты не думай, что он это от большой любви. Он просто считает, что сейчас каждый человек на счету. А уж ты-то с твоим опытом...

— Каким еще опытом? — удивился Гош, доставая из шкафчика бутылку.

— Боевым, — веско сказал Цыган. Услышав это, Гош передернулся всем телом.

— Знобит? — спросил Цыган участливо. — Ты поешь и сразу ложишься. Может, еще и аспиричику? Точно. А то вдруг заболеешь.

— Посмотрим, — сказал Гош, опрокинул второй стакан и, отдуваясь, снова принялся за кашу.

— Ты прости нас, Гошка! — выпалил Цыган.

— Да ладно... — промямлил Гош, краснея.

— Мы ж не ведали, что творили. Костя все рассказал. Знаешь, у меня будто глаза открылись...

— Я мог и ошибиться.

— Если бы! Гош, а ты, случаем, не психолог был, а?

— Кто его знает. У меня такое впечатление, что я всем понемногу был. Это-то и хуже всего. Если б хоть что-то выпирало, превалировало... А так — всего по чуть-чуть и ни-

чего конкретно. Обо всем на свете хоть самую малость, но знаю. Но именно самую малость.

— Н-да... И все-таки — прости.

— Да простил уже, простил. Забудем?

— Забудем, — Цыган удовлетворенно кивнул. На этот раз именно кивнул. — А еще я бы очень хотел забыть твои рассказы про Регуляторов штата Нью-Мехико. Прямо никак из головы не идет. Уж больно похоже.

— Не особенно. Линкольнская фермерская война началась из-за разногласий между ирландцами и англичанами, — возразил Гош. — Ирландцы контролировали рынок сельхозпродуктов в штате Нью-Мехико, а англичанин Танстелл не хотел продавать им свою землю. Вот и весь конфликт, из которого выросли Регуляторы и банда Кида.

— Регуляторы уже есть. Это мы. И если сегодня не вернется наш Танстелл, завтра мы превратимся в банду.

— Тьфу! — Гош даже отвернулся, так ему выкладки Цыгана не понравились. Тем более что правда из них просто сквозила. — Чтоб ему провалиться, этому здешнему фермеру, романтику Дикого Запада! Начитались детских книжек, возомнили о себе, тут и я появился, идиот, со своими байками... Из банды Кида не выжил никто. Заруби себе это на носу, понял? И с нами то же будет, если мы попремся впятером наводить справедливость в целом районе. Все, хватит.

Цыган засопел. Он был не согласен.

— Даже если мы каким-то чудом и справимся с «тупыми», — решил добить его Гош, — мы все равно уже будем не те, что сейчас. Мы действительно превратимся в банду. Нам это надо?

— Если «тупые» убьют Сан Сеича, лично мне будет все равно, — парировал Цыган. — Он вернул мне интерес к жизни. Он дал мне надежду. И я за него...

— Подумай лучше о другом, — посоветовал Гош. — Подумай о том, кто у «тупых» главный. Откуда он взялся. Что он из себя представляет. Как он их умудрился поставить под ружье. Так околдовать, что они на ранчо явились трез-

выми. Когда ты в последний раз видел «тупого», который твердо стоял на ногах?

— Вообще не видел.

— Вот то-то и оно. — Гош встал из-за стола, подошел к мойке, открыл воду и принялся скоблить тарелку. — В нашу жизнь вошел совершенно новый фактор. И если мы завтра с утра кинемся отбивать бранные останки Сан Сеича, не разобравшись, что к чему, то это будет глупо. Надо сначала... — Тут он вдруг осекся.

— Чего? — спросил Цыган.

— Того, — вздохнул Гош. — Никуда не годятся мои выкладки. И твои рассуждения об истории тоже. Если «тупые» убьют Сан Сеича, то сразу же отправятся мочить нас. Сто тридцать лет назад в Нью-Мехико Танстелл набрал Регуляторов, чтобы они его защищали. А сегодня в России усталый пожилой мужик каждый божий день спасал от смерти нас с тобой, здоровых молодых вооруженных балбесов. Все правильно, коллега. Выхода нет. Времени у нас не будет разбираться, что к чему и кто такой этот тульский главный.

— Вот именно, — кивнул Цыган.

— Либо мы с утра пойдем на войну, либо она сама явится сюда, — пробормотал Гош. — Опять ничего от нас не зависит. Сначала какие-то гады отняли воспоминания. Потом бросили на растерзание «тупым». А теперь последнюю надежду отбирают. Знаешь, все это до такой степени несправедливо, что я думаю...

— Что? — подтолкнул его Цыган.

— Я думаю, что Сан Сеич все-таки сегодня вернется, — заключил Гош. — Иначе будет явный перебор.

— Иди спать, — мягко сказал Цыган. — Аспирин в аптечке.

— Сейчас. Оружие только проверю...

— Не надо. Большой еще ночью все твое хозяйство почистил и смазал. А я вещи собрал. Рюкзак у тебя под кроватью. Не знаю только, стоит ли его сейчас распаковывать.

Гош поджал губы, не зная, что сказать. Были ли у него такие верные друзья в прошлой жизни, он не помнил.

Даже не хотел помнить.

* * *

И снова его разбудил Белый. Опять без церемоний. Он грубо тряхнул замотанного в теплое одеяло Гоша за плечо и, едва тот раскрыл глаза, уронил ему на живот четыре с половиной килограмма железа.

— Знакомо? — спросил он.

— В теории, — сонно пробормотал Гош, выкарабкиваясь из-под снайперской винтовки Драгунова.

— Плохо. До кромки леса триста метров. Из автомата ты оттуда всех переколотишь, и тупых, и умных.

— Ну, давай я на чердаке засяду. А что случилось-то?

— Большой от дороги радировал, что везут Сан Сеича. Но больно уж шикарный эскорт. Шесть джипов и БТР.

— Ерунда, — усмехнулся Гош, отбрасывая одеяло и натягивая сапоги. — Маневр устрашения, и не более того.

— Откуда знаешь? Они ж «тупые».

— Тоже верно. Тем более лучше мне идти на чердак. А бронебойного у нас не завалюсь ничего?

— У Большого есть «РПГ». Он сейчас угол срежет, обгонит «тупых», я его на чердак и поставлю. А ты все-таки иди в лес. Вдруг они устроят обыск или еще что-нибудь. Не хочу из-за тебя лишних неприятностей. Давай поторапливайся.

— Бинокль одолжи, — попросил Гош, стараясь не смотреть Белому в глаза.

— Возьми у меня в машине. И через пять минут чтоб был в лесу. Если начнется заварушка, думай, куда стрелять. А лучше всего — долби по «бэтээру». Чтоб у них там внутри уши завяли. «Тупые» легко ударяются в панику, может, и побегут.

Гош тоскливо зевнул и пошел умываться.

Цыган стоял посреди двора с мобильной рацией в одной руке и автоматом в другой.

— Вот удивительно, — сообщил он. — Если что, опять ты окажешься целый и невредимый. Везунчик ты, Гошка.

— Я хотел бы остаться, — с нажимом сказал Гош. — Сами гоните. Хотя могли бы просто вместе со мной уйти в лес. На фига вам эту делегацию встречать? Привезут они

Сан Сеича, выпустят, покрутятся вокруг фермы, ну, пальнут разок-другой для пушей внушительности...

— Ты не понимаешь. Мы должны быть здесь. Это наше место, и мы сюда чужих не пускаем. Все.

— Что-то вы утром их не очень-то не пустили...

— Мы хотели. Но так решил Сан Сеич.

— Христос недоделанный... — Гош сплюнул под ноги. — Помяни мое слово, Цыган, еще два-три подобных выкрутаса, и старик от нервного перенапряжения окончательно сойдет с ума. Он взвалил на себя жуткую ответственность, а вы совершенно не хотите ему помогать.

— Дуй отсюда, пока цел, — посоветовал Цыган.

— Уже дую. Как вы намерены встать?

— Большой на чердаке дома, Костя на чердаке амбара. Мы с Белым прямо здесь, во дворе. Открыто.

— Костя что, стадо бросил?

— Ну. Сейчас прискачет. А ты куда?

— На кромку леса. Видишь холмик с березами?

Цыган внимательно посмотрел в указанном Гошем направлении, затем перевел на собеседника полный сомнения взгляд.

— Ты, конечно, из «калашников» стреляешь обалденно, — сказал он. — Но все-таки... Постарайся не влить мне пулю в зад.

— Я не успею, дружище. Сначала ты схлопочешь от «тупых» пулю в лоб. А потом я буду соображать, имеет мне смысл вообще жать на спуск или лучше уж сразу огородами уходить к Котовскому.

— Это кто еще? — спросил Цыган подозрительно.

— Потом расскажу, — пообещал Гош. — Ну, пока.

— Я буду жалеть, что не узнал тебя лучше, — хмуро сообщил Цыган и отвернулся.

— В могиле? — ехидно спросил Гош.

— Когда ты из леса не вернешься, — отрезал Цыган.

Вдалеке раздался дробный цокот копыт. И почти сразу же его перекрыл рев мотора. Это с двух сторон к ферме приближались Костя и Большой.

Гош в очередной раз сплюнул, решил не говорить Цыгану на прощание гадостей и, прижимая локтем автомат, побежал в сторону леса.

Это оказалось действительно похоже на вестерн. Двое посреди двора, в расслабленных позах, небрежно держащие оружие стволами вниз. И накатывающаяся на них в клубах пыли банда. Первый наезд братьев Клеменсов на заговоренного от пуль шерифа Эрпа. Прилипший к биноклю Гош даже не гадал, какое сейчас у Белого выражение лица. И со спины было видно, что лидер объездчиков здесь хозяин и не потерпит на вверенной ему территории всякий сброд. Если не принимать во внимание, что Белый даже имени собственного не помнит, а «тупые» вообще не личности, то картинка могла показаться вполне правдоподобной.

«Но это всего лишь игра, — напомнил себе Гош. — Да, опасная, но все-таки игра. Обе стороны толком не понимают, из-за чего у них разногласия. Смутная неприязнь, расплывчатые требования. Если б всерьез нашла коса на камень, давно бы уж «тупые» нас поубивали. Или мы их? А так все грозитя оружием, и все стреляют поверх голов. Один я нашелся урод, одержимый жаждой крови... Б-р-р... Откуда она у меня? Кто меня так обидел в прошлой жизни? Хотя в меня-то «тупые» стреляли на полном серьезе. Так я ведь сам их довел, по большому счету».

Гош насупился, раздосадованный на не вовремя проснувшуюся совесть. Отложил бинокль и взял на мушку стремительно приближающуюся тучу пыли, из которой высовывался тупой нос облепленного автоматчиками БТРа. Привычно нащупал пальцем спуск. Почувствовал, что успокоился и готов вести огонь. И в следующий же миг чуть от изумления не выстрелил. Широко открыл рот, оторвался от прицела и вытаращенными глазами обалдело уставился на происходящее впереди. Там вестерн превратился в комедию.

На всех парах влетевшая во двор фермы бронемашина резко дала по тормозам и встала как вкопанная. Нагло рассевшийся перед башней в обнимку с пулеметным стволом «тупой» не удержался и кубарем полетел Белому под ноги. Тот инстинктивно попятился. Шедший в опасной близости за БТром «Ниссан» впаялся ему в зад с таким грохотом,

что даже Гош расслышал. Еще через секунду двор окончательно заволокло пылищей, и вдруг откуда-то слева из нее выскочила громадная «Тойота» с надетым на «кенгурятник» солидным куском забора. Отчаянно вытормаживаясь, машина остановилась в метре перед обалдевшим Цыганом, который даже автомат не поднял. Две мощных перекладки и два обломанных столба по инерции сорвались с передка «Тойоты», опрокинули Цыгана навзничь и буквально вбили бедолагу в ограждающий фасад дома невысокий штакетник.

Гош шумно выдохнул, помотал головой и взялся за бинокль. Как дальше реагировать на происходящее, он попросту не знал. Из пыльной тучи доносилась многоголосая ругань, но даже сквозь нее слышны были частые и ритмичные удары железом по железу. Как будто в продвинутой, но гордой традициями африканской стране лупили в там-там — монтировкой по железной бочке.

На конюшне дико ржали перепуганные лошади.

Через минуту пыль немного рассеялась, и Гош выдохнул снова. На этот раз с облегчением. Поверженного Цыгана «тупые» в несколько рук вынимали из обломков забора. Белый стоял посреди двора и, судя по сотрясению плеч, яростно чихал. За кормой БТРа суежилась целая толпа, видимо, пытаясь вытащить пострадавших из разбитого «Ниссана». А на самом БТРе возвышался, широко расставив ноги, давешний сорвавшийся и упоенно молотил прикладом автомата по крышке люка механика-водителя.

И что особенно Гоша порадовало, из «Тойоты» осторожно выбирался целый и невредимый Сан Сеич.

Бедлам продолжался где-то с минуту, а потом стих. Из-за БТРа появился «тупой» с разбитой в кровь мордой, и еще двое, щедро осыпанные белым. Гош догадался, что это тальк от сработавших подушек безопасности. Цыгана усадили на крыльцо, аккуратно положив рядом его оружие. Разъяренного парня сдернули с БТРа за ноги и принялись бить. Из люка высунулся обрадованный механик-водитель, его немедленно стащили вниз и тоже как следует отметелили. Из дома выскочил Большой с аптечкой в руках.

Сан Сеич постоял немного, приходя в себя, а потом очнулся и начал руководить.

Для начала он что-то сказал Белому, и тот увел Цыгана в дом. Потом каким-то образом заставил «тупых» прекратить мордобой. Умыл раненого водой из принесенного Большим ведра и занялся его физиономией. Гош опустил бинокль и достал сигареты.

Добрых полчаса он наблюдал за тем, как «тупые» бесцельно слоняются по ферме, глупо озираясь и перебрасываясь короткими фразами. За это время между ними возникли еще две короткие ленивые драки. Наконец Сан Сеич закончил обрабатывать пострадавших. БТР, подав задом, вытолкнул со двора раздолбанный «Ниссан». Гости с видимым трудом отодрали разбитый джип от своего броневика и спихнули металлолом с дороги, при этом поставив на крышу. Снова чуть не поцапались между собой, но все-таки расселись по оставшимся машинам и упылили в город.

Гош повалялся немного на мягкой траве под березами, а потом навьючил на себя рюкзак, повесил автомат на шею и неспешно двинулся по направлению к ферме. Домой. Обедать.

* * *

Белый, Цыган и Большой сидели за покосившимся столом в небольшом запущенном садике позади дома. Троица ела консервированные сосиски, по очереди выуживая их пальцами из узкой высокой банки, и запивала холодным молоком.

— Гошка! — обрадовался Большой. — Ну, ты как?

— Ничего, спасибо. Думаю, лучше, чем некоторые.

— Ерунда, — кивнул Цыган с набитым ртом. — Пара синяков. Ваш Цыган — настоящий индеец.

— Я уж думал, тебе конец...

— Я тоже, — согласился Цыган, утвердительно мотая головой.

— Ты чего вернулся? — спросил Белый.

— Не понял, — удивился Гош, присаживаясь на край скамьи.

— Ну-ну... — пробормотал Белый неопределенно и потянулся за очередной сосиской.

— Я не хочу уходить, — сказал Гош мягко. — Я хотел бы остаться здесь. Еще на какое-то время. Мне, конечно, нужно в Москву... Но это подождет. Думаю, я здесь нужнее. Извини уж меня за такую самонадеянность.

— Посмотрим, — обнадежил Белый.

— Я так и знал, что ты вернешься, — сообщил Цыган.

— Жуй, — сказал ему Белый. — Не тошнит?

— Да нет же! — рывкнул Цыган, усиленно кивая.

— Может, и не тошнит, — заметил Белый, — а симптомчики имеются. Опять у тебя началось...

— Чего?

— Ничего. Забыл? Месяц тебя переучивали...

— А-а... — смущенно пробормотал Цыган. — Ты не знаешь, — объяснил он Гошу. — Это у меня странность какая-то. Была. Нужно сказать «да» — я, как дурак, головой мотаю. Нужно сказать «нет» — принимаюсь кивать. Ох, намутились со мной ребята...

— С чего ты взял, что ты цыган? — неожиданно спросил Гош.

Белый под столом крепко въехал ему башмаком в голень.

— В зеркало посмотрел, — ответил Цыган, настораживаясь. — А что?

— Да нет... Может, ты и на самом деле цыган. Одно другому не мешает. Хочешь быть цыганом — ради бога! — Гош хлопотал от Белого еще один пинок, на этот раз такой, что едва не взвыл от боли. — Счастливого пути, как говорится. На добрый път!

Цыган вылупил глаза и резко выпрямился. Слова, произнесенные на странном языке, с неожиданным ударением и преувеличенно звучной артикуляцией, очень похожей на его собственную, ударили объездчика, будто током.

— Какво мислиш, българин-сънародник? — поинтересовался Гош вкрадчиво.

Цыгана форменным образом затрясло. Он неестественно сморщился и вдруг ответил Гошу длинной нечленораз-

дельной фразой, выплюнутой в пулеметном темпе перекошенным ртом. И замолк, дико вращая глазами.

— Говори! — потребовал Гош, подаваясь вперед.

— Заткнись, сволочь! — прошипел ему на ухо Белый.

Цыган медленно поднимался из-за стола, бессмысленно глядя в пространство. Он произнес еще несколько слов, осекся и вдруг закрыл лицо руками. Его зашатало. Большой осторожно придержал Цыгана за штаны.

— Не понимаю, — через силу выдавил Цыган по-русски.

— Вспоминай со мной, — сказал Гош. — Ты это заучил еще в первом классе, а то и в детском саду. Такое не забывается. Ну-ка... Аз съм българче. Обичам наште планини зелени. Българин та се наричам. Първа радост е за мене. Аз съм българче...

Белый вдруг сорвался с места и убежал в дом.

— ...и расна, — негромко подхватил за Гошем Цыган, не отрывая рук от лица. — В край великий. В славно време. Сън съм на земля прекрасна.... — Из-под его пальцев градом покатались слезы. Он умолк и, двигаясь, как лунатик, выбрался из-за стола. Постоял мгновение и, спотыкаясь, бегом кинулся за угол.

— Сън съм на юнацко племя, — заключил Гош. — Вот и все.

— Ну, ты даешь... — выдохнул Большой.

— Это вы даете, — заявил Гош сварливо. — Точнее, ваш обожаемый Сан Сеич. Я говорю — может, Цыган и на самом деле цыган. Но тогда он болгарский цыган.

— Откуда ты узнал? — изумился Большой.

— Есть такая характерная национальная черта у болгар. Цыгану хотелось кивнуть, говоря «нет». Он сегодня с утра был очень задержан и забыл, что вы его переучили. А я случайно заметил. Хотя тоже был... Задержан.

— Ты откуда болгарский знаешь?

— Без понятия. Да и не знаю я его. Так, десяток слов. Вот этот детский стишок, например. У меня примерно в том же объеме английский, французский, итальянский... Даже испанский, кажется. А стихотворение, между прочим, очень хорошее. Очень патетическое и в то же время какое-то интимное. У нас таких нет.

— Ты молодец, — сказал Большой твердо.

— Не уверен, — вздохнул Гош. — Видишь, как я его... Эх, братишка, налей-ка ты мне, что ли, молочка. Напоследок.

— Почему? — удивился Большой, доставая из-под стола бидон.

— Сейчас мне Сан Сеич устроит головомойку, — объяснил Гош. — За черствость и волюнтаризм, несовместимые с профессиональной этикой.

— Он спит. Устал.

— Ничего, Белый разбудит, — пообещал Гош, принимая наполненный до краев стакан. — Вот они мне на пару...

— А я им обоим морду набью!!! — заорал Большой.

От неожиданности Гош крепко зажмурился.

* * *

Драки не получилось. Белый вернулся в сад один и скорее расстроенный, чем злой. Уселся рядом с опасливо напугавшимся Гошем, отхлебнул молока и произнес, ни к кому специально не обращаясь:

— Ускакал.

— Значит, вернется, — довольно ухмыльнулся Большой. — Проветритися и вернется. Захотел бы насовсем уехать — взял бы машину. А как там Сан Сеич?

— Отдыхает. Не стал я его будить. Постоял рядом... И не стал.

— Это правильно, — согласился Большой.

— Гош, — сказал Белый, глядя под стол. — Тебе автомобиль нужен. Хочешь «Паджеро» короткий? Пробег семьдесят пять тысяч.

— Твой, что ли?

— Угу.

— А ты?

— Я себе еще достану.

— Нет, так не годится... — протянул Гош, догадываясь, к чему Белый клонит.

— Ну, давай тогда по окрестностям прошвырнемся, найдем тебе что-нибудь. Тебя же лошадь не устроит, верно?

— Конечно, нет. Даже если вы меня и научите... Куда я

ее дену зимой? В гараж поставлю на консервацию? Слив предварительно воду...

— Ерунда, — отмахнулся Белый. — До зимы вас с ней обоих двадцать раз застрелят. Просто конный ты проживешь немного дольше, чем моторизованный, вот и вся разница.

— Честный ты мужик, Белый, — невесело усмехнулся Гош.

— Какой есть. Ну что, берешь машину?

Гош с сопением потер рукой глаза. Они у него вдруг заболели. Точнее, заломило переносицу, как это с ним бывало иногда от нервной перегрузки. Очень уж непростыми оказались последние сутки.

Белый ждал ответа. Большой задумчиво барабанил пальцами по краю стола. Он явно хотел вмешаться, но не знал как.

Гош отнял руку от глаз, вытащил из-за пазухи «ТТ» и хлопнул его на стол.

— И ты свой достань, — предложил он Белому. — А потом отвалим в уголок, и ты мне там все объяснишь.

Белый хмыкнул и расправил плечи. Мгновение подумал, достал свой «макаров», подбросил на ладони и небрежно швырнул рядом с «ТТ».

— Запросто. Пошли, — сказал он, выходя из-за стола. — Давно я этого ждал. Ох, давно!

— Если с беседы вернется только один, я ему сделаю больно! — пообещал Большой, грозно набычившись.

— Какой ты сегодня разговорчивый! — заметил Белый. — У этого... научился?

Вместо ответа великан треснул кулаком по столу так, что кружки опрокинулись, а пистолеты высоко подпрыгнули. Встал и, не оглядываясь, ушел за дом.

— Ну? — спросил Белый. Сейчас их с Гошем разделял стол, на котором лежало оружие. Как на смертельной, без компромиссов, дуэли. Кто первый схватит и нажмет. Дуло «макарова» смотрело Гошу в живот, а рукоятка была всего в нескольких сантиметрах от нервно шевелящихся пальцев лидера объездчиков. «ТТ» валялся далеко и неудобно. Машинально Гош подумал, что в случае чего нужно первым

делом падать на стол и выламывать руку Белого, которая уже схватит пистолет. В уме он отрепетировал этот свой бросок и понял, что вряд ли успеет.

— Проснись, — сказал Белый. — Ты же сам это придумал. Что, страшно?

Гош медленно поднял руку и почесал в затылке. Так же медленно достал из кармана сигареты и закурил. Белый пожирал его жадным взглядом. «Кажется, я слегка переборщил, — с тоской подумал Гош. — Эх, мне бы какую-нибудь дамскую пукалку в карман... Не для Белого, конечно, а так, вообще, на всякий случай. Останусь цел — добуду. А что сейчас? Проклятье, даже не подозревал, что Белый меня ненавидит до такой степени! И как теперь выкручиваться? Загипнотизировать его я не смогу. Просто одурачить? С Белым это будет словно по лезвию бритвы. Тяни паузу, Гош! Конечно, его желание убийства прямо так не перегорит, но пусть хотя бы начнет тлеть».

— Страшно, — кивнул Белый. — Это ты правильно делаешь, что боишься.

— Сколько знаю себя, меня все хотят убить, — пожаловался Гош. — Тут поневоле научишься бояться. Ты, что ли, не боялся никогда?

— Помнишь, что я сказал тебе на днях? Ты все еще не веришь, что вокруг реальный мир. Ты играешь. Ты вообще по жизни игрок, как я посмотрю. Игрок людскими судьбами, человеческими эмоциями... Конечно, ты боишься. Тебе страшно, что однажды ты доиграешься. А мне бояться нечего. Я эту жизнь принял. Я ею живу, понимаешь?

— Ты не только честный, — сказал Гош вкрадчиво, давая понять интонацией, что произносит оскорбление. Белый в ответ послушно напрягся. — Ты еще и умный. Раз ты такой умный, такой глубокий, так хорошо разбираешься в людях... Тогда объясни — что мне делать?

— Исчезни, — коротко посоветовал Белый.

— Но почему? За что?

— Я повторял сто раз. Ты, конечно, не понял. Куда тебе... Игроку. За тобой ходит беда. Ты появляешься и начинаешь играть людьми. А людям от этого плохо. Что ты ска-

зал Косте? Что ты ему рассказал о нем такое, что он теперь сам не свой?!

Гош очень натурально виновато потупился.

— Посмотри, что ты сделал с Цыганом, — продолжал ровным голосом обвинять Белый. — Посмотри, как ты Сан Сеича разбередил. Он раньше не был такой несчастный. Кто у тебя на очереди, Гош? Я так понимаю, теперь ты взялся за Большого. Честное слово, лучше бы ты у меня на глазах пионерку изнасиловал. Знаешь, что я с тобой за Большого сделаю? Гош, очнись! Я же тебя убью.

Гош на секунду задержался с ответом и вдруг понял, что ему надоело. Расшатать уверенность Белого в своей правоте было бы сейчас не так уж и сложно. Но... В который раз за последние дни Гош почувствовал, как ему противно играть. В одном Белый угадал — Гош умел играть людьми. Во всяком случае, умел в прошлой жизни и что-то от этого искусства сохранил по сей час. Но вот этот Гош, нынешний, обработанный Сан Сеичем и обласканный добрыми людьми, оказался чересчур совестливым парнем для того, чтобы продолжать игры.

— Вы долго и с любовью обустроивали свой мир, а потом явился Гош и все испортил... — пробормотал обвиняемый. — Один-единственный человек, такой же несчастный умственный кастрат, как и вы. Гораздо более несчастный, потому что помнит все, кроме того, что ему позарез нужно. Знаешь, Белый... Конечно, я верю, что, если подступлюсь к Большому, ты меня шлепнешь. Верю в твою решимость защитить его. Но веришь ли ты себе? Разве ты не хочешь, чтобы этот ужас кончился?

— Он кончится, если ты уйдешь, — отрезал Белый. — Мы делали все ровно и аккуратно. Потихоньку вспоминали. Без ломки, без дешевых эффектов, которые так любишь ты. И Сан Сеич — наша единственная надежда. А ты его чуть было с ума не свел. И я говорю — хватит! Я хочу, чтобы, когда Сан Сеич проснется, тебя здесь не было. Я не знаю, как он посмотрит на то, что ты на свободе, и знать не хочу. Ты понимаешь, я тебя выпустил, чтобы иметь лишний ствол. А теперь... Я даже под замок тебя сажать не согласен. Просто убирайся, и все.

— Значит, ты не веришь в то, что Сан Сеич рассказал обо мне? — осторожно спросил Гош.

— Он просто устал. И знаешь, даже если предположить на минуточку, что ты действительно офицер КГБ... Мне плевать. Я просто хочу, чтобы тебя здесь не было. Все, я так решил. Час на сборы. Забирай мой джип и проваливай. — Белый демонстративно взял со стола пистолет и отправил его за пазуху. — Ключи в замке, бак полный. Двигай хоть в Тулу, хоть в Москву, хоть в графство Линкольн, штат Нью-Мехико. Только не возвращайся. Буду стрелять.

Гош понял, что это конец разговора. И почувствовал даже какое-то облегчение. Конечно, очень хотелось остаться, но Гоша до предела раздражал Белый с его диким страхом потерять лидерство. А еще сильнее Белый опасался того, что следующим номером Гош «примется» за его собственное прошлое. «Зря струсил, — подумал Гош не без тайного злорадства. — У тебя прошлого, считай, вообще нет. Одни сплошные глумления и издевательства. Очень надо мне копаться в такой помойке. Да ее вытащи на свет божий — ты же, мужик, просто застрелишься».

— Боюсь, ты напрасно поставил на Сан Сеича, — вздохнул он. — Ему не нужно восстанавливать твою память. Ты ему удобен такой, какой ты есть. А главное — ты себя нынешнего просто обожаешь... Зачем тебе что-то вспоминать?

Белый даже не выругался. Он в ответ зарычал. Гош сгреб оружие со стола, повернулся к Белому спиной и побрел к дому.

Вдалеке слышалась кавалерийская рысь.

— Вот и Цыган, — бросил через плечо Гош. — Уже не цыган-одиночка, а гордый сын болгарского народа. Хочешь — удостоверься.

— Час времени! — напомнил Белый, стремительно обгоняя Гоша и скрываясь за углом. Гош немедленно повернул обратно. Уселся за стол, уронил на него руки, положил сверху голову и принялся думать, как дальше жить и можно ли вообще это светопредставление называть жизнью.

Дробный цокот копыт приблизился вплотную.

— Э! — заорал кому-то Белый. — А ну, стой! Тпру, зараза!

Гош лениво наострил ухо. Проблемы Белого его вроде

бы не касались больше, но на ранчо опять вломился кто-то чужой. И не исключено, что жадный до приключений.

Копыта сбились на шаг, потом остановились.

— Спокойно! — крикнул Белый. — Только спокойно!

— Руки за голову! — отчетливо произнес незнакомый голос. — И ты, здоровый, тоже!

— Ё-пэ-рэ-сэ-тэ... — пробормотал Гош, доставая пистолет. — А вот и искомая пионерка.

Голос у новоприбывшего был хриплый, но явно женский.

* * *

— Ну-ка, ты, белобрысый, — распорядился женский голос, — кидай сюда пушку. Молодец. Теперь здоровый. Так. Умница. Кто еще в доме?

— Никого, — соврал Белый. — Дура рыжая.

Рыжая дура, видимо, на миг задумалась. Или ловчее прицелилась. Гош, который осторожно подбирался к дальнему углу дома, пока что ее не видел.

— Есть. И пить. Быстро, — потребовал женский голос. — Мне. И коню. Знаешь, чем лошадей кормят, ты, ур-род? Давай, шевели задницей. А дружка твоего мордастого я пока тут покараулю. И не вздумай шутить. Продырявлю обоих. Его первого.

Хлопнула дверь. «Кто-то сейчас кого-то пристрелит, — подумал Гош, останавливаясь на краю мертвой зоны и переводя дух. — Голову даю на отсечение, Белый схватит автомат. И шарахнет из окна. А то и через дверь, не глядя».

Лошадь на дворе переступила с ноги на ногу. И совсем рядом с Гошем, прямо за углом, послышались едва различимые осторожные человеческие шаги.

— Тихо! — прошептал женский голос. — Малыш, на месте! А ты, здоровый, даже и не думай...

Гош опустил пистолет на уровень живота. Незнакомка была от него буквально в метре. И тактика ее шла вразрез со всем, что Гош успел к сегодняшнему дню узнать о поведении «тупых». «Господи, ну что за день такой несчастный! — возмутился Гош про себя. — Почему ей попалась именно эта парочка? Разъяренный атаман Белый и не в

меру стеснительный интраверт Большой? Цыган бы давно уже ляпнул что-нибудь типа «виски с водой мне и моей лошади!». Ну же, Большой, переломи себя, постарайся, сделай что-нибудь нестандартное! Или она «тупая» все-таки? Проклятье, как бы мне ее разглядеть...»

— И как вы тут живете... — шепотом задумалась вслух незнакомка. — Тут же работать надо... Или у вас банда? По окрестностям шарите, уроды, честных людей достаете?

Со всей на данный момент возможной прытью Гош кинулся вдоль стены дома назад. Заметил через окно Белого, крадущегося по гостиной с автоматом наперевес. Можно было, конечно, цапнуть по оконной раме, но в ответ — Гош не сомневался — прилетела бы пуля. Слишком уж Белый погано выглядел. Гош поспешно нырнул за следующий угол. Вжался в стену и негромко, но отчетливо произнес самое первое, что пришло на ум.

— О, сколько нам открытий чудных, — продекламировал он, — готовит просвещенья дух! И опыт, сын ошибок трудных! И гений, парадоксов друг!

Вдоль стены, по его следам, зашуршали быстрые шаги. И тут же из гостиной шарахнула длинная очередь со всеми положенными сопутствующими эффектами — грохотом и дребезгом разлетающегося в клочья окна, звоном гильз и воинственным ревом хищника. Гош бросил оружие и приготовился хватать.

Так и вышло. Ударом предплечья Гош отбил в сторону тяжелый ствол и крепко, но не чересчур жестко сжал в объятиях что-то мелкое и трепыхающееся.

— Здравствуйте, девушка! — провозгласил он радостно. — Ох...

Это девушка от всего сердца врезала ему коленом.

— ...и случай, бог изобретатель... — выпуская добычу и хватаясь за ушибленное место, закончил Гош декламацию какой-то незнакомой строфой, выскочившей из глубин подсознания. — У-у... А если бы попала?!

— Уйми своих уродов!!! — проорала девушка, упирая Гошу в бок странного вида ружье с очень толстым стволом.

— Да не уроды они! Что, слепая?! Ой, мама, лучше бы ты на самом деле попала... Это же мениск!

— Вылечу, — пообещала девушка. — Я ветеринар.

И тут Гош засмеялся. Так, что даже колено прошло.

— Бе... лый! — с трудом выдавил он. — Отставить! Наши пришли! Мужики! Все сюда-а!!!

— Это не наши, — хмуро сообщил Белый, высовываясь из-за угла и на всякий случай прицеливаясь в непрошеную гостью. — Это прямо беда какая-то. Точно. Джейн-Беда, кошмар индейца.

— А ты не коси под урода! — посоветовала девушка. — А то вот сейчас выпущу кишки этому красавцу, будешь знать!

— Да я этого красавца сам прикончу! — очень правдоподобно обрадовался Белый. — Только скажи! — и перевел автомат на Гоша.

Девушка сначала вытаращила глаза, а потом вдруг ухмыльнулась и повесила оружие на плечо.

— Убить меня хотел, а, блондинчик? — спросила она, прищуриваясь на Белого и короткими шажками приближаясь к нему. — Стрелял на поражение, гад такой!

— Рыжая дура, — сообщил Белый, довольно ухмыляясь в ответ и тоже забрасывая автомат за спину.

— Чуть не попал, а? Чуть-чуть, — девица подошла к Белому вплотную, разглядывая его снизу вверх. Она действительно была медно-рыжая, с очень белой кожей и массой веснушек.

— Чуть-чуть не считается, — снова ухмыльнулся Белый. В глазах его появился странный блеск. Огонек неприкрытого желания и превосходства. Гош, всюю растиравший колено, почуял неладное и заковылял девице вслед, туда, где в траве валялся «ТТ».

Сзади к Белому, стараясь за ним спрятаться, осторожно подходил Большой. Выглядело это очень комично, но Гошу вдруг стало не до смеха. Он словно бы увидел, что будет дальше.

— Эй, ты, здоровый! — сказала девица, глядя Белому через плечо. Тот машинально обернулся на Большого. В тот же момент девица звезданула ему коленом в пах, на этот раз точнее некуда. И одновременно стремительным движением сорвала у бедняги с плеча автомат.

Белый, не издав ни звука, схватился руками между ног и упал на колени. Девушка сделала шаг назад, отбросила в сторону автомат и врезала Белому еще раз — пыльным сапогом по скуле. Гош подумал, что только в кино после такого удара вскакивают и дают сдачи. В реальной жизни, как он и ожидал, Белый треснулся головой о стену дома и сдурел, будто простреленная шина.

— Большой, тащи аптечку! — скомандовал Гош. — И Сан Сеичу объясни, что все в порядке!

Окончательно потерявший самообладание Большой, у которого разве что слезы на глазах не выступили, с потеряннным видом потопал обратно. Гош поднял с земли свой пистолет и, от греха подальше, автомат Белого.

— Пошли, молока налью с дороги, — предложил он. — Холодного.

— Давай, — согласилась девица, разглядывая поверженного Белого. — Надо же, всего лишь обморок. Ты уж извини. Так бы я ему простила, а вот...

— Я знаю, — сказал Гош. — Не стоило ему на тебя смотреть такими глазами.

— Это какими же? — поинтересовалась девица, осторожно пихая Белого ногой в бок. Сапоги у нее были не «казаки», как у объездчиков, а хромовые, с высоким голенищем, плотно обхватывающим ногу почти до колена.

— Он посмотрел на тебя как мачо, — объяснил Гош. — Знаешь, кто такой?

— Мужской шовинист, — кивнула девушка и бросила на Гоша оценивающий взгляд. Глаза у нее были зеленые-презеленые. Хрупкая на вид, точеная фигурка, росту едва-едва сто шестьдесят пять, джинсы, потертая кожанка поверх грязноватой и насквозь потной белой майки. По-ковбойски повязанная косынка на шее. Девчонка как девчонка. Чуть старше двадцати. И по уши в пылище.

— Меня зовут Гош.

— Я знаю, — кивнула девушка. — Георгий. Вот уж кого не ожидала здесь встретить...

Внутри у Гоша все похолодело. Он вдруг отчетливо понял, какой ужас пережил сегодня Цыган. Гошу не было так страшно, когда его назвал по имени Сан Сеич. Во-пер-

вых, тогда он не верил, что это его имя. Во-вторых, он состоял в те дни наполовину из обиды на весь мир, а на другую половину — из агрессии. Кроме того, Сан Сеич зачем-то отказывался рассказать ему все. А эта девчонка — Гош поверил — зажимать информацию не станет. И если знает хоть что-то...

— Стоп! — приказал Гош, выставя перед собой ладонь. — Пока хватит. У нас и без того день был совершенно безумный.

— Я поняла, — кивнула девчонка. — «Патруль» в канаве свеженький валяется, только-только расколотили. И здесь с «уродами» война?

— Мы их называем «тупые». Так как насчет молочка? Вон, на столе.

— Сейчас подойду. Мне нужно сначала Малыша пристроить. Колодец где?

— Попроси Большого, он тебе все покажет.

— Неужели и этот здоровый не «урод»? — пробормотала девчонка себе под нос.

— Даже этот труп, и тот не «урод». Просто несчастный человек.

— Ладно. — Девчонка ухватила себя двумя пальцами за нос и покрутила его из стороны в сторону. — Сейчас подойду.

Гош без тени сожаления посмотрел на Белого, все еще пребывающего в обмороке, и ухромал в сад. Колено болело. Но в момент удара больше закрыться было нечем.

— Здравствуйте, девушка! — проблеял за домом Сан Сеич.

— Здорово, старый хрен! — ответили ему. — Ты, что ли, тут главный? Ну и команду ты себе набрал...

Гош уселся за стол, разлил остатки молока по стаканам и пригорюнился. Он все думал, что за новости его ждут, и с каждой минутой ему становилось больнее. «Увижу Цыгана — извинюсь, — подумал он. — Обязательно. И перед Костей тоже. Белый, конечно, психопат и дурак, но кое в чем он прав. Нехорошо людей вот так — обухом по голове. Хотя... Сан Сеич даже если и докопается до правды, все равно сто лет будет думать, сказать или не сказать. Черес-

чур осторожен. А пока он будет думать — мало ли что с ребятами может случиться. Что же, так и помирать Иванами, не помнящими родства? Нет, лучше уж по-плохому, в лоб».

Он закурил и принялся ждать.

* * *

— Хорошо живете, — сказала девчонка, усаживаясь напротив и кладя поперек стола ружье. — Богато живете.

— Ты же сама говорила — здесь работать надо. Вот, работаем.

— Неужели и ты?..

— И я... — Гош судорожно втянул в себя воздух и подвинул гостье стакан.

— Меня Женя зовут, — объяснила девчонка в перерывах между глотками. — Уф-ф... Здорово! — Она сбросила кожанку и осталась в тонкой грязной белой майке, сквозь которую отчетливо проступали соски маленьких круглых грудей.

— Очень приятно. Сигарету?

— А у тебя что?

— «Лаки Страйк».

— Нет, спасибо, — Женя выудила из кармана пачку солдатского «Кэмела». Зажигалка у нее тоже оказалась под стать имиджу — «Зиппо».

— А ты, значит... — Она глубоко затянулась и посмотрела Гошу в глаза. С отчетливым состраданием.

— Ну, имя мне сообщили, — понял ее Гош. — Я даже к нему привык уже. А вот остальное... Видишь ли, у меня по нынешним временам колоссальный объем памяти. Но это как библиотека. Ничего личного, понимаешь? Даже не представляю, чем в прошлой жизни занимался. Всю зиму читал газеты за последнее десятилетие, надеялся, там что-то найдется такое, наводящее на след. В итоге окончательно запутался, никак себя не могу применить к этой... Новой России.

— Странно, — пробормотала Женя. — А мама-папа? Дошкольный возраст?

— Обрыв где-то на уровне лет тринадцати. Хотя я вла-

дею кучей разрозненной информации, которую явно приобрел уже во взрослые годы. Сама посуди, зачем мальчишке поздний Гессе? Или, скажем, основы нейролингвистического программирования. О котором я в восьмидесятые годы в принципе ничего прочесть не мог. И это так, самые яркие примеры. Короче говоря, в башке у меня жуткий компот. И я им время от времени поливаю вот этих несчастных...

— У меня все то же самое, — вздохнула Женя. — Один в один. Только я и на самом деле ветеринар. Даже если потом не стала, так долго готовилась. С раннего детства то кружок юных биологов зоопарка...

— КЮБЗ? — перебил Гош. — То-то я смотрю, у тебя произношение московское...

— Проклятье! — воскликнула Женя. — Слушай, ты память свою профессиональную немного попридержи, а? Это же просто обидно!

— Профессиональную? — осторожно переспросил Гош.

— Странно, что ты ничего про себя не нашел в газетах, — сказала Женя извиняющимся тоном. — Вполне могло быть. То есть я-то не видела, но почему и нет?

— И?..

— А кто тебе сказал твое имя?

— Старый хрен.

— А-а... — Тут Женя неожиданно напряглась и привстала.

— Не обращай внимания. Это Костя стадо гонит, — объяснил Гош. — Коровки там, овечки. Доить умеешь?

— А то. Слушай, но, если старый хрен знает твое имя, он мог бы...

— Он не захотел. Понимаешь, Женечка, наш Сан Сеич в прошлой жизни был психиатром. И он уверяет, что я должен вспоминать сам. Кстати, очень полезный человек по нынешним временам — Сан Сеич. Когда я попал ему в руки... Впрочем, расспроси лучше ребят, не буду хвалиться. Здесь было то еще побоище.

— И что? — спросила Женя недоверчиво.

— Ты можешь представить, что на мне висит три десятка трупов?

— Запросто, — кивнула Женя. — Ты в зеркало посмот-

рись... Ален Делон. У тебя и прозвище было соответствующее. Никто по фамилии не звал.

Гош поджал губы, встал из-за стола и, почти не хромая, прошелся из стороны в сторону.

— Ален Делон не пьет одеколон, — пробормотал он себе под нос. — Вот чертовщина... Был же такой вестерн, в главных ролях Делон и Бронсон. Весьма придурковатый вестерн, там еще японец какой-то у них бегал, чуть ли не сам Тосиро Мифуне. И Делон играл бандита по имени Гош... Ну, дела!

— И что этот Сан Сеич с тобой сотворил? — поинтересовалась Женя, бросая окурок в стакан.

— Помог отождествить себя с именем. Снизил агрессию. Поднял критику. Захочешь — сама попробуешь. Мне понравилось.

— Не захочу, — отрезала Женя.

— Твой выбор. Прости, я не хочу тебя обидеть, но будь ты чуточку поспокойнее, сегодняшний брифинг прошел бы в гораздо более непринужденной обстановке.

— И слова «брифинг» ты не мог нигде вычитать при большевиках, — заметила Женя. — Знаешь, будь я чуть поспокойнее, я бы до вас не доехала. Меня бы в каждой подворотне насиловали и убивали. А так — цела и невинна... хе-хе.

Гош покосился на Женю и нервно сморгнул. Может, она и не была ослепительно хороша собой, особенно в нынешней чрезмерно злобной ипостаси... Но почему-то Гошу очень не хотелось, чтобы ее насиловали. Она нуждалась в тепле, участии, ласке. А вовсе не в борьбе за жизнь и скачках с ружьем наперевес.

— А что за пушка у тебя? — спросил Гош, вспомнив про ружье.

— «Винторез». Бесшумная снайперка. Толковая вещь. Против «уродов» лучше не придумаешь. Главное — держаться на открытой местности. Тогда они просто не смогут подойти близко.

— К нам они сегодня подошли на бронетранспортере.

— Так это к вам, у вас хозяйство. Ранчо.

— Угу. Ребята именно так эту ферму и называют. Поме-

шаны на Диком Западе. Слышала, как тебя назвали? Джейн-Беда. Прямо в десятку попадание.

— Ладно, — сказала Женя с легкой усмешкой. — Не уходите от темы, капитан Дымов.

— Всего лишь капитан? — ехидно спросил Костя, появляясь из-за угла. — А наглеет, как полковник. Здравствуй-те, милая барышня. Позвольте уронить к вашим прелестным ножкам...

— Как это — капитан? — изумился Гош.

— Капитан Знатоков, — произнесла Женя. — Ну?

— О-па! — воскликнул Костя. — Елки-палки! Так я же... Гошка! Я же тебя по ящику видел! «Брейн-ринг»! Конечно! Черт побери, а я все думаю — ну где мы с тобой могли встречаться!

Гош сжал руками голову, чтобы она не взорвалась.

— Ты мне очень нравился, — донесся до него, будто сквозь вату, голос Жени. — Ты был после Белкина самый красивый. Ну, может, еще Поташев... Тоже ничего. А я играла два сезона в юниорском чемпионате. Во Дворце пионеров были московские розыгрыши, неужели не помнишь? Я даже тебя видела там. А с Белкиным мы фотографировались. И Петя Кулешов мне автограф давал...

Гош ходил кругами, глядя под ноги, и что-то мычал.

— Зоя нас тренировала, — не унималась Женя. — Помнишь Зою?

Гош поднял на Женю мутный взгляд.

— Все помню, — тихо сказал он. — Все отлично помню. Мне тоже нравились эти игры. «ЧГК», «Брейн», «Свояк»... Все их помню. Себя не помню. Там.

— Ты даже игры называешь, как Знатоки! — напирала Женя. — Кто у тебя был в шестерке... Этот, как его... Бывший капитан. Любимов, вот! Ну, симпатичный такой, с длиннющими ресницами. Зоя, прелестная такая девчонка, корейка наполовину, как ты можешь ее не помнить, ты же все ее обнять норовил!

Гош посмотрел на Женю с таким выражением лица, как будто он сейчас ее убьет и съест. В голове у него со звонками не то щелчками, не то шлепками проскакивали яркие цветные картинки. Статичные кадры. Фотографии. В ос-

новном — с экрана телевизора. Картинки игр. Гош почувствовал, что сейчас или разрыдается, или потеряет сознание от натуги. Он мучительно пытался сопоставить проносящиеся перед внутренним взором кадры с воспоминаниями о бывшем себе, о том, который остался в прошлой жизни. Пытался увидеть себя внутри этих кадров. И не мог. Вообще.

— А что я делал? — с трудом произнес он. — В смысле — кроме игры?

— Понятия не имею, — Женя сокрушенно покачала головой. — Учился, наверное.

— Сколько мне было лет? Когда ты меня видела в последний раз?

— Ну-у... Где-то двадцать пять или немного больше. Ты извини, меня ведь тоже срубает годах на тринадцати-четырнадцати.

— Где учатся в двадцать пять лет? Ничему я уже не учился. М-м... Нет. Не помню. Не мое это, понимаешь? Не мое...

— Твое, — заверил его Костя, присаживаясь на край скамьи. Женя тут же подтянула к себе винтовку. Не демонстративно, скорее по укоренившейся привычке.

Гош опять сжал голову руками и намотал вокруг стола еще несколько кругов.

— Очень даже твое, — сообщил Костя. — Я помню, ты выпендривался дальше некуда. Постоянно глазки строил в камеру.

— Быстро ты со стадом управился, — буркнул Гош в сторону Кости, чтобы хоть как-то его заткнуть. — Большой помог?

— Не... Там этот орудует... Христо Стоичков.

— Он вспомнил имя?! — На радостях Гош даже оторвался от своих горестных раздумий.

— Ты что, Стоичкова не знаешь? — на этот раз удивился Костя.

— Я в футболе ни бум-бум, — отрезал Гош.

— А еще Знаток! — упрекнула его Женя. — Даже я знаю, кто такой Стоичков.

— Он тоже знает, — усмехнулся Костя. — Вспомнил. Между прочим, я Костя. А вас как прикажете?

— Женя.

— Хо-хо! Джейн-Беда собственной персоной! Горжусь знакомством. От имени Регуляторов графства Линкольн позвольте вам...

— Действительно помешаны на Диком Западе, — фыркнула Женя. — Кретины.

— Виноват, мэм. Такие обстоятельства. Привычка-с. То, понимаете ли, индейцы наедут, то мексиканские разбойники. Сегодня вот банда Мерфи нагрянула, еле-еле отбились. Кстати, сударыня, откуда такой роскошный жеребец? Чудо, а не зверь!

— Слушайте, вы... кентавры! — взмолился Гош. — Шли бы вы своими зверьми любоваться, а? Дайте подумать в тишине хоть минуту!

— Кентавры, — заговорщически сообщила Женя на ухо Косте, — это люди такие с лошадиными головами!

— Нет, мэм, кентавры — это люди, которые пашут, как лошади! Позвольте быть вашим оруженосцем?

— Сочту за честь, милорд.

— Милорд? Х-м... Как-то не очень подходит для штата Нью-Мехико. Вашу ручку...

— А откуда в штате Нью-Мехико оруженосцы?

— Тоже верно. Гошка! Ты это... Не помрешь тут от душевного надрыва?

— Оставьте меня, — попросил Гош хрипло, усаживаясь прямо на траву. — Ради бога, оставьте.

— Цыгана тоже ломало, — обнадежил его Костя на прощание. — Ничего, отдышался. Гуртовал стадо, распевая народную болгарскую партизанскую. «Хей, Балкан ти роден наш». Заставлял меня учить текст. Особенно мне понравилось то место, где... Как же это? А! «От Балкана слезнал с пушка във ръка!» С пушка във ръка — какво? И чтоб непременно слезнал?! Что самое обидное — все равно мужик не помнит ни фиги.

— Брысь отсюда! — простонал Гош, заваливаясь на бок, но все-таки еще не падая. Он по-прежнему крепко сжимал руками виски. — Исчезни! У-у, свинарка и пастух...

— Это тебе-то снизили агрессию? — съязвила Женя. —

Пойдемте, Костя. У меня к вам столько вопросов! Я, собственно, так и не поняла толком, что тут у вас творится...

Рассыпаясь в обоюдных любезностях, парочка исчезла за домом. В саду Гош неразборчиво бормотал и качался из стороны в сторону. Ему было плохо. Даже очень плохо. В голове крутился загадочный диалог. «Команда «Юго-Запад» просит разрешения оставить за столом одного игрока!» — «Хорошо. Кто остается?» — «Остается Георгий Дымов». — «Пожалуйста. Внимание! Как вы знаете, согласно правилам, команда имеет право оставить за столом одного игрока. В этом случае для команды разыгрываются два очка. Итак! Если сейчас Георгий Дымов первым найдет правильный ответ, «Юго-Запад» выиграет этот бой. Внимание! «Юго-Запад», Москва, против команды Санкт-Петербурга. Георгий Дымов против Александра Друзя! Счет два-один в пользу команды Друзя...»

И тут чей-то очень знакомый голос негромко произнес совсем рядом:

— Я хотел бы попробовать, как работает кнопка.

Гош подскочил на месте, широко раскрыл глаза и принялся озираться в поисках того, кто это сказал.

Но рядом не оказалось никого.

* * *

Гош распахнул низенькое окошечко, перехватил ловчее вилы и принялся швырять на улицу навоз. Полку объездчиков сегодня ubyло — Белый после давешнего удара шевелился с трудом. Так что заняться было чем. Ворочая комы дерьма пополам с соломой, Гош пытался сообразить — как это парни умудрялись до появления лишней пары рук выкраивать часок-другой под вечерние посиделки с групповой психотерапией и чтением вслух. Выходило, что никак, — но они таки сидели, разговаривали, читали...

— Давай инструмент, — сказал Цыган. — Тебя Сан Сеич зовет.

— Да тут еще кидать и кидать...

— Отдай! — Цыган отнял у Гоша вилы. — А что это у тебя, друг ситный, рожа такая красная? А?

— Так... Понервничал.

— Вспомнил что-нибудь?

— Ни фига, — Гош помотал головой, стараясь не смотреть Цыгану в глаза. — То есть вспомнил-то многое, но вот никак не могу с собой это соотнести. Так, веселые картинки. А меня — нет.

Цыган прислонил вилы к стене и неожиданно крепко обнял Гоша за плечи.

— Ты это... — пробурчал он Гошу в ухо. — Не переживай так, капитан. Я же вижу.

— Да я что... — ответил Гош, окончательно смутившись.

— Ну и молодец, — улыбнулся Цыган, устанавливая Гоша по возможности прямо и одобрительно хлопая по плечу. — И спасибо тебе. За меня. А сейчас — вали в дом.

— Что-то не хочется, — признался Гош. — За тебя — пожалуйста, хотя я и не уверен, что все так уж хорошо получилось. А в дом мне как-то совсем неохота.

— Со мной отлично вышло, — заверил его Цыган, надевая рукавицы. — А Сан Сеич, я так думаю, перед тобой извиняться будет. Так что шел бы ты! Домой.

— И что с тобой отлично вышло?

— Да все! — ответил Цыган уклончиво, отправляя за окно порцию навоза. — Словами не опишешь. Масса туманных обрывков, но в целом ужасно интересно. Ох и ревел же я, доложу тебе! Роба была еще краснее, чем у некоторых. Кстати... То есть насчет обрывков. Ты учти — наша подружка Джейн кое-кому напрочь отшибла память. Захочу чего забыть — сразу к ней...

— То есть как это — напрочь? — изумился Гош.

— Сегодняшний день у мужика почти целиком вылетел. Если наезд «тупых» Белый еще в состоянии как-то смутно припомнить, то все, что дальше произошло, стерлось просто на фиг. Так что вы с ним не ссорились, и вообще... За информацию десять баксов.

— А ты-то откуда знаешь, что мы с ним?..

— Большой наябедничал. Ты уж полегче с нашим громилой, ладно? Думаешь, если он такой здоровый, так у него и психика должна быть как у носорога? Черта с два.

Гош сунул в зубы сигарету. Цыган подцеплял и бросал,

подцеплял и бросал, без видимого напряжения, как промышленный робот.

— Он и к Белому хорошо относится, и тебя полюбил, — объяснил Цыган. — Раньше за Белым шастал, как собачонка, а теперь не знает, кто ему дороже. Учти это, да?

— Очень странный день, — пробормотал Гош. — Ты не заметил — что-то происходит?

— Ага, — согласился Цыган, останавливаясь, чтобы передохнуть. — Все меня сегодня травмировать пытаются. Сначала кусок забора — физически, потом кое-кто — психически. Да, потом еще одна девушка ранила прямо в сердце. Очень славная девчонка. Страшненькая — а что-то в ней есть...

— Не такая уж она и страшненькая, — возразил Гош.

— Не обращай внимания. Мне просто нравятся брюнетки.

— Да нет, я вообще-то о другом. Понимаешь, сегодня все начали вести себя... Наверное, перегрузка сказалась. Перенервничали, и что-то с людьми произошло, будто шлюзы открылись. Очень богатая эмоциональная палитра. И очень много болтовни. Ты бы видел, как наш Костя перед Женей хвост распускал! Я и не думал, что он такие слова знает.

Цыган склонил голову набок и уставился в навозную кучу.

— Так, может, нам полезно нервничать? — спросил он после минутного раздумья. — Психовать? А? Может, войнушку учинить, раз такое дело? Небольшую, локальную. Типа фермерской.

— Насчет войны я скорее против, — сказал Гош. — Но вот новые впечатления нам точно полезны.

— Путешествие? — не унимался Цыган. — Дальняя разведка? Стоп! Гошка! Черт побери, до чего же мы все тупые! Хуже «тупых», честное слово! Ком-пью-тер! Тебе это что-нибудь говорит, а, капитан?

Гош нервно прожевал сигаретный фильтр и выплюнул под ноги измочаленный окурочок.

— А мне говорит, — сказал Цыган. — Я помню, как мои пальцы лежат на клавишах. Вспомнил, между прочим, се-

годня. Я и раньше компьютеры видел и знал, что у меня с ними что-то связано, но вот сегодня...

— И что ты в компьютере найдешь? — спросил Гош. — Это ведь та же библиотека, только к ней еще розетка нужна.

— У нас есть электричество, — напомнил Цыган. — Для такого случая уж расстараемся. Ты сам говоришь — впечатления. Готов поспорить, если откопать работоспособную машину и к ней десяток умных дисков, впечатлений будет уйма. У тебя был свой компьютер дома?

— Откуда ж я знаю... — вздохнул Гош.

— А у меня точно был. И громадная стойка с дисками. Сотня минимум. И не только игрушки, но и кое-что похлеще.

— Что-то происходит, — кивнул своим мыслям Гош. — Что-то началось. Знаешь, меня это даже пугает.

— Начинаем вспоминать, — Цыган снова взялся за вилы. — Очень странно вспоминать, через пень-колоду, но все-таки начинаем. Ладно, капитан, тебе давно пора.

— Капитан, капитан... Тебя-то самого как теперь прикажешь называть?

Цыган хитро прищурился на Гоша снизу вверх и одним легким движением послал за окно без малого пуд навоза.

— Зови меня просто — мистер Иствуд, — молвил он скромно.

Гош не сразу нашел, что ответить. И только у самых дверей коровника вдруг обернулся и заорал:

— А я тогда — Ален Делон!

* * *

Сан Сеич в гостиной пил свою неизменную чашечку кофе с ложечкой спирта. Он уверял, что только этот коктейль помогает ему сохранить ясный рассудок в теперешние непутевые времена.

— Присаживайся, — сказал он вместо приветствия. — Хочешь — налей себе. Чего-нибудь.

Гош не замедлил воспользоваться приглашением и сунул голову в буфет. Откупорил бутылку коньяка и прямо там, в буфете, крепко приложился к горлышку. После чего

уже наполнил рюмку и бережно донес ее до стола. Уселся в глубокое кресло, уютно откинулся и подвинул к себе пепельницу. И уставился на Сан Сеича взглядом, полным ожидания, что сейчас перед ним рухнут на колени и начнут биться покаянной головой об пол.

— Ты прости меня, — пробормотал Сан Сеич, не отрываясь от чашки. — Ты же все понимаешь.

— Угу, — кивнул Гош, закуривая. Во рту скопилась табачная горечь. Он слишком много сегодня дымил и слишком много думал. В итоге и табак не принес расслабления, и идей конструктивных тоже не прибавилось. Хотелось упасть на кровать и вырубиться. Или так крепко выпить, чтобы уже не заснуть, а всю ночь горевать и расстраиваться.

— В какой-то степени ты сам меня спровоцировал, — начал жаловаться Сан Сеич. — Я слишком долго ждал, что произойдет хоть что-нибудь. И вот — дождался...

— Я вас ни в чем не упрекаю, Сан Сеич, — мягко сказал Гош. — Очень рад, что у обеих высоких договаривающихся сторон хватило воли и разума, дабы мирно разрешить давно назревший конфликт.

— Издеваешься? — спросил пожилой мужчина с непередаваемой тоской в голосе.

— Боже упаси. Это я так, в рамках общей культурной ситуации. Все у нас сегодня изъясняются высоким штилем, вот и меня потянуло. А всего-то одна женщина на ранчо появилась.

— И ее вы тоже успели обозвать каким-то заковыристым именем. Просветил бы меня, что ли. А то слушаю ваши разговоры и ничего уже не понимаю.

— Да ерунда, Сан Сеич. Была на фронтире такая женщина-рейнджер. Отличалась феноменальной меткостью и ношением мужской одежды. Звали ее Джейн. А поскольку связываться с ней означало чистую беду, так барышню и назвали — Джейн-Беда.

— Что такое фронтир? — поинтересовался Сан Сеич еще более тоскливо.

— Приграничная территория, — ответил Гош несколько смущенно. Вероятно, он раньше подозревал, что уж такие-

то пустяки Сан Сеич в состоянии осознать хотя бы по контексту.

— Понятно, — кивнул пожилой мужчина, отставляя в сторону пустую чашку. — Тогда понятно. Что ж, умные вы мальчишки... Мальчишки.

— Очень похоже, — развел руками Гош. Будто извиняясь за то, что вся Россия превратилась в один сплошной фронт, где действует единственный закон — и тот из области простейшей баллистики.

— Главного зовут Андрей Николаевич, — сказал вдруг, без перехода, Сан Сеич. — Лет примерно столько же, сколько и мне. Кто такой, чем занимался в прошлой жизни — непонятно. Откуда пришел — тоже. Да, сумасшедший. Разумеется.

Гош цыкнул зубом, почесал в затылке и, не найдя, как прокомментировать новость, потянулся к рюмке.

— День открытий, — вздохнул Сан Сеич. — Хотя бы он кончился поскорее, что ли...

— И чего ему надо? — спросил Гош, ставя опустевшую рюмку на стол и глубоко затягиваясь.

— Счастья для всех, — невесело усмехнулся Сан Сеич. — И порядка. Знаешь... Тебе уже, конечно, ребята пересказали, что я им наврал про тебя? Ну да. Знаешь, если бы этот Андрей Николаевич не был такой откровенный шизофреник, я бы подумал, что так оно все и есть на самом деле. И он — тот самый эмиссар КГБ. Но вот не сходится. Уж слишком болен человек.

— Тем не менее «тупые» его слушаются.

— А он их любит. Вот они его и слушаются. Он им как отец, понимаешь? Один на всех отец взамен тех, родных, которых бедняжки потеряли. Им сейчас очень нужен старший, который бы их любил и оберегал. Который за них бы думал. Организовал бы их. Но главное — чтобы любил.

Гош закусил губу и недобрым взглядом смерил пожилого мужчину.

— Конечно же, — пробормотал он. — Как я сам, дурак, не додумался. Вот она, кнопка. И вы знали. Нужда в родителе — это же общее сейчас для всех, и тупых, и умных. Все мы теперь безотцовщина. И здесь, на ранчо, вы устроили ребятам семью. Ха! А еще удивляетесь, отчего парни так

зациклены на истории банды Кида... Один в один все сходится. Впрочем, это-то пустяки.

— Ты мне расскажешь когда-нибудь? — взмолился Сан Сеич.

— Честно говоря, не знаю. Может же быть у ребят хоть какой-то собственный мир? Тот, который добрый папа не контролирует, в который он не вхож? Им нужно что-то свое. Хоть самую малость, но обрести самостоятельность. Как вы-то, профессионал, этого не видите? Сан Сеич, милый, неужели так сложно понять, что вы цепляетесь за своих Регуляторов куда сильнее, чем они за вас?

— Как мне не нравится это словечко — «регуляторы»! — скривился Сан Сеич. — Что, другого не было?

— Это почти то же самое, что объездчики, — утешил его Гош.

— Ну спасибо, утешил, — вздохнул Сан Сеич.

— Между прочим, — вспомнил Гош. — Отец родной, скажите на милость, почему вы в качестве моей легенды выбрали такую уж совсем откровенную сказку? Психотронное оружие, агенты КГБ... Это же самая дешевая страшилка, которая была в советские времена.

— Вот я и хотел их напугать, — признался Сан Сеич. — Чтобы не разговаривали с тобой лишний раз, прежде чем...

— В расход вывести? — ехидно поинтересовался Гош.

— Да как тебе не стыдно! — Сан Сеич так возмутился, что густо покраснел. — Мне просто хотелось, чтобы ты ушел. Чтобы им не взбрело в голову удерживать тебя. Чтобы они как от чумного...

— Больше не хочется? — спросил Гош вкрадчиво.

— Нет, — помотал головой Сан Сеич.

— Врете, — обвинил его Гош. — Или просто не понимаете. Это вам сегодня не хочется, когда у банды вышел из строя лидер. Завтра Белый оклемается, и вы опять захотите.

— Не так резко, пожалуйста. И мальчики — не банда.

— Станут, — пообещал Гош. — По сценарию положено. Ладно, оставим. Давайте так. Перемирие, идет? Пообещайте, что не будете меня насильственно выталкивать с ранчо. Хотя бы какое-то время. Сами же знаете, я все равно уйду, рано или поздно.

— Теперь знаю, — кивнул Сан Сеич.

— Я понимаю, вы боитесь, что я уведу их с собой...

— Уже нет, — Сан Сеич даже улыбнулся. — Тебе уже есть с кем уйти.

— Ах вот как... — пробормотал Гош. Такого поворота событий он не ожидал.

— Я даже задержу ее здесь для тебя, — пообещал Сан Сеич. — До того дня, когда ты поймешь, что тебе пора. Не стоит меня благодарить, это будет совсем несложно.

— Ну и сволочь же ты! — выдохнул Гош против своей воли. Не собирался он говорить Сан Сеичу таких слов — а вот само выскочило. — Ну и сволочь...

— Да почему? — искренне удивился Сан Сеич.

— А вот так, — отрезал Гош. — Сволочь, и все тут.

Пожилой мужчина смерил Гоша надменным взглядом старшего по званию. Во всяком случае, так его выражение лица оценил Гош. И вдруг на него снова накатило. Именно так — «накатило» — прозвали это состояние объездчики. Тот же термин использовал даже Сан Сеич.

— Что-то происходит... — в сотый раз за день произнес Гош, бессмысленным взглядом обшаривая пространство вокруг себя.

— Давай помогу, — Сан Сеич подался вперед.

— Стоп, — Гош выставил в его сторону раскрытую ладонь. — Все, уже проехали. Впрочем, я это и раньше знал.

— Что?

— Что я в армии служил. Ощущение вдруг налетело. Эмоция. И, как всегда, ничего конкретно. Просто эмоция. Даже никаких визуальных образов. Почему так, доктор?

— Так мозг устроен, — вздохнул доктор. — Это ничего, Георгий, ты не расстраивайся. По идее, вслед за эмоциями придут и факты. Картинки. Просто это затяжной процесс, и тебе нужно быть готовым к тому, что вот так легко, откровением, память на тебя в полном объеме не свалится. Подумай лучше, что это даже хорошо. Если ты в один миг вспомнишь все, может быть такой срыв... Мощнейшую депрессию гарантирую.

— И это психотерапевт, — констатировал Гош. — В радужном ореоле профессиональной этики. Весь такой бе-

лый и пушистый. Мягкий и заботливый. Оберегающий пациента от малейшей травмы.

— А я с тобой на равных общаюсь, — парировал Сан Сеич. — Ты же вздумал терапировать ребят. Хватило смелости. Спрашивается, что я буду тебя жалеть?

— Когда это я их терапировал? — окрысился Гош. — Ну-ка, когда?

— Случается, — отмахнулся Сан Сеич. — Вопрос лишь в том, сознательно ты это делаешь или нет. Хотя в любом случае, если ты и психолог, то дилетант.

— Вряд ли я был психологом. Зачем психологу становиться капитаном Знатоков? Вы бы знали, что там за атмосфера...

— Люди как люди, — пожал плечами Сан Сеич. — Я же видел. Да, с проблемами, но особой патологии не наблюдается.

— Что вы там видели? — Гош презрительно сморщился. — Картинки на голубом экране? Там капитаны умирали от сердечного приступа, кладя палец на кнопку. Там в разгар чемпионата народ выпрыгивал в окна. Семейные пары с грудными детьми приезжали на игру, сдавали малышей на трибуны и садились за стол. Что вы знаете о психике человека, который десять лет кряду только и делает, что играет в эти игры? Так называемые «интеллектуальные»? Какое дикое хамство там процветало, вы в курсе? Что там люди дрались периодически, вы знаете? Два капитана, причем один — женщина, метелят друг друга в фойе «Останкино», редактор бросается их разнимать и зарабатывает сотрясение мозга... А я через все это прошел. Какой я после этого психолог... Это ведь даже неинтересно — за Знатоками наблюдать. Там перестаешь смотреть по сторонам уже через месяц-другой. Такими играми нет смысла интересоваться, находясь внутри. Ими можно только жить.

— Зачем же тогда?.. — задал Сан Сеич вполне резонный вопрос.

— Наркотик, — не менее веско ответил Гош. — Самореализация. Иначе я бы ушел, когда мне сведущие люди намекнули, что в телевизор я больше не попаду ни под каким

видом. Все равно остался играть за кадром, во внутренних чемпионатах. У нас последний состав команды наполовину был из таких же, как я, отставных капитанов. Склочников и белых ворон. Кстати, единственная в своем роде клинически нормальная шестерка подобралась.

— Когда это было? — Сан Сеич опять подался вперед, ловя взгляд Гоша.

— Совсем недавно. Буквально за пару лет до.

— Значит, ты уже и это помнишь...

— Все бы отдал за то, чтобы променять этот кусок своей памяти на любой другой, — очень тихо сказал Гош. — Меняю графу «хобби» на «семейное положение». Или на «род занятий» — хотя бы.

— А ты не мог быть профессиональным игроком? — подбросил идею Сан Сеич. — Я слышал, были такие, которые только играли, и все...

— Да что же я, больной, что ли?! — искренне возмутился Гош.

* * *

Женя мирно сидела на заборе, пыхтя сигаретой и любясь на закат. Неподалеку пасся стреноженный Малыш. Гош бросил на жеребца короткий оценивающий взгляд и пришел к выводу, что имя ему подобрано с большим чувством юмора.

— Можно, я тебе составлю компанию? — спросил Гош, прислоняясь к столбу и уже жалея, что не приволок с собой хотя бы ведро — присесть.

— Забирайся, — девушка похлопала ладонью по перекладине.

— Не выдержит, — засомневался Гош. — Я уж постою. Ну, как самочувствие?

— Да ничего вроде. Сначала думала, разревусь на радостях, что наконец-то людей встретила. Но обошлось. Да и чему радоваться — вон какие у вас проблемы...

— Это точно, — кивнул Гош. — Проблем вагон и маленькая тележка. Все в расстроенных чувствах, каждый что-то вспоминает, работы невпроворот, а теперь вот еще

и шизофреник Андрей Николаевич с огромной бандой «тупых» на нашу голову.

— Я помогу, — сказала Женя. — Чем могу. Если хотите, конечно.

— Спасибо. Хотим, наверное. Знать бы только, чего нам надо вообще. Уж точно не огневого контакта.

— Ты в Москву как, не собираешься?

— С самого начала только в Москву и стремлюсь. Там же мои воспоминания. Документы хотя бы откопать, фотографии. Ты не поверишь, я все еще с собственным именем до конца не смирился. Не по душе — и хоть ты тресни!

— Хочешь, я буду тебя звать Капитан? — предложила Женя.

— Да я недолго был капитаном, — усмехнулся Гош.

— Ничего себе «недолго»!

— Совсем недолго. Первое, что вспомнил, — как я на «Брейне» остаюсь за столом один и прошу разрешения попробовать кнопку. Зачем капитану пробовать кнопку?

— А ты на «Брейне» и капитанил-то всего один сезон. Ты уже потом всерьез рулить начал, на фестивалях и в московском чемпионате.

— Слушай, давай забудем, — попросил Гош. — Конечно, игры — яркая страница моей биографии, ничего не скажешь. Только не хотелось бы, чтобы она заслоняла все остальные. А если мне каждый день будут напоминать, что я Знаток... Мало хорошего из этого получится.

— Да как прикажешь, — легко согласилась Женя. — Я, собственно, хотела тебе сказать... Ты не обижайся, ладно? Нечего тебе в Москве делать.

— Как это — нечего?!

— Убьют тебя, — объяснила Женя просто и доходчиво.

— В прошлом году не убили, в этом точно не убьют.

— Вот в этом-то как раз и убьют. Там, похоже, свой Андрей Николаевич завелся. Московские «уроды» теперь организованная сила. Я ранней весной пыталась домой заглянуть, еле ноги унесла.

— Патрули?

— К сожалению. Так-то в город пройти можно запросто, особенно если пешком. Но не дай бог заметят. Сразу охоту

устроят, не убежишь. Хорошо, я конная была. И то — видишь у Малыша шрамы на правой задней?

— Не-а. Далеко.

— Две по касательной, а одна глубоко засела. Не будь он такой сильный...

— Да уж, тот еще мастодонт. Откуда?

— С самого начала. Я же проснулась на конюшне. В смысле — на «конюшне», на конно-спортивном комплексе. Знаешь?

— Не то слово! — оживился Гош. — Да ты что! Я же местный! Тамошний! С Херсонской.

— Ух ты! Земляк! А откуда именно?

— Номеров не помню, но визуально найду. Знаешь, такой четырнадцатизэтажный дом на перекрестке?

— Ну... Приблизительно.

— Голову дам на отсечение, что детство мое там прошло.

— Хорошо бы. А я с Керченской. Два шага.

— Ну, вернемся, будем в гости ходить!

— Нет, — вздохнула Женя. — Не вернемся мы. Ты хоть представляешь себе, что они там все едят?

— Там консервов лет на десять хватит, — не согласился Гош. — Сколько москвичей сейчас? Несколько тысяч. Понятия не имею, как они держат такой огромный город.

— А они и не держат его, Гоша. Они по нему катаются. И стреляют во все, что шевелится. И если вместо кошек и собак попадает человек, это же праздник для них, как ты не понимаешь?!

— Насыпь Кольцевой дороги не такая уж страшная. Наверняка есть куча мест, куда на танке заехать — раз плюнуть, — кровожадно сообщил Гош. — И передавить всех этих стрелков к такой-то матери.

— А у них свои танки на черный день припасены.

— Сама видела?

— Да. Они как раз стрелять учились, развалили пятиэтажку буквально у меня на глазах. И вот что странно, Гоша. Уроды-то они уроды, а вот танки у них действительно на черный день. Стоят в ключевых точках. Уроды так себя ведут?

Гош сокрушенно покачал головой.

— И не заедешь ты в город без разрешения, — вспомнила Женя. — По центру Кольцевой идет здоровенный отбойник. А на всех развязках — баррикады.

— Забыл, — признался Гош. — Совсем забыл про этот отбойник. В прошлой жизни его не было, а в этой я толком ничего разглядеть не успел. А что за баррикады?

— Хорошо сделано. Строительные конструкции. И узкие проходы, в которых обязательно стоит что-нибудь тяжелое. БТР или все тот же танк.

— Где ты видела нормального «тупого», чтобы умел водить танк? — задал Гош вопрос, который тут же показался ему риторическим. — Или управлять подъемным краном? Совсем с ума посходили...

— Да скорее уж наоборот!

Гош выразительно скрипнул зубами.

— Разведка нужна, — в который раз сказал он. — Хорошая разведка. Ничего не понимаю.

— Ты в этом не одинок, — улыбнулась Женя.

— Как ты выжила, чудо? — поинтересовался Гош.

— А я почти сразу из города ушла. Как только оклемаюсь немного, села на Малыша, остальных разогнала, чтобы в стойлах не померли, и по Москве поехала. Сначала все было вроде ничего, а потом, как разобралась, кто по городу шастает... Хорошо, я мертвых не боялась, сняла пистолет с одного мента. Будто чуяла беду. А то бы... Ладно, хватит. Как вспомню, так вздрогну.

Гош машинально обнял Женю за хрупкие плечи. Она доверчиво к нему прижалась в ответ.

— Вот тебя не боюсь, — сказала она тихонько. — Вообще здесь никого не боюсь. Разве что здорового вашего опасаюсь — уж больно у него вид заторможенный. И этого еще психопата белокрысыго.

— Ты ему правильно врезала, — поспешил заверить Гош. — Я бы на твоём месте то же самое сделал. Хотя нет, я в свое время за такие фокусы между глаз стрелял.

— Ми-луй! — усмехнулась Женя. Слово это вырвалось у нее очень естественно. — Да я в первый же день — четверых. Всех, сколько их на меня полезло, столько и... Они и не ждали. Уроды. Да и я не ждала.

— Ф-фух... Хватит, — попросил Гош. — Даже представить больно.

— Они ведь поначалу такие лапушки, — Женя никак не могла остановиться. То ли раньше об этом никому не рассказывала, то ли хотела именно с Гошем поделиться. — Ну, ты помнишь, наверное. Добрые, ласковые, открытые. На, выпей, на, закуси. Как дела? Пошли с нами... А в глаза надо смотреть. Прямо в глаза. Внимательно. И тогда все понятно становится. Я еще как-то пыталась отбиться, все не могла себя заставить выстрелить. Ты же сам, наверное, прошел через нечто подобное, должен понимать. Все мы прошли.

— Все прошли, — отозвался Гош, кивая. — Все.

— Ускакала, как леди Годива, в одной кожанке, — пожаловалась Женя. — Вот в этой самой. Вот здесь пистолет и был, — она хлопнула себя по левой стороне груди. — Во внутреннем кармане. Сумела руку вырвать. Хорошо, патрон в стволе оказался. У меня с тех пор всегда патрон в стволе. И ты знаешь... Я много позже только поняла одну вещь. Это же так просто — взять и нажать на спуск. Это же не ножом резать, верно? Но до чего трудно в первый раз!

Гош неопределенно шевельнул бровью. Ему в первый раз было нетрудно. Конечно, сначала он пытался отогнать свою невольную жертву, запутать ее. Но оказалось, что это без толку. Ему не оставили выбора. А злобы на весь свет у него хватало, чтобы не миндальничать с тем, кто пытается тебя забить ломом. И кто еще пару часов назад сам от чистого сердца подарил тебе собственный автомат.

Злоба из Гоша поперла буквально на первой же минуте осознания себя в новом мире. Откуда пришла эта первобытная ярость в момент, когда естественнее всего было либо заливаться горячей слезой, либо глупо тарашиться по сторонам, он так и не вычислил. То ли детская психическая травма сказалась, то ли глубоко запрятанный комплекс неполноценности. То ли и то, и другое сразу. И много.

— Если бы хоть один из них сумел, успел — все, мне был бы конец, — продолжала Женя. — Именно конец. Он самый. Бр-р... Я бы просто сломалась. А так... Повезло.

— А зиму ты как пережила? — поспешил сменить тему Гош.

— В деревне. Километров сто отсюда. У меня же Малыш, ему условия нужны. Стоило, корм. Ничего, перезимовали там с одним. Станный он был. Вроде бы «урод», но такой... Блаженный. Совершенно не злой. Слушался меня, как ребенок. И довольно смысленный. Я поэтому сначала как-то не поняла, что он «урод», а потом уже привыкла. Но все равно по весне ушла. Решила, дура, в Москву прорваться и всем тамошним показать, где раки зимуют. Ха! Только «винторезом» и отбилась. Да чудом еще. Хорошо, у «уродов» прицельная дальность метров сто, не больше, из чего бы ни стреляли.

Гош подумал, что Женя преувеличивает. У тех «уродов», с которыми имел дело он, прицельной дальности не было вовсе. Равно как скорости по пересеченной местности, тормозного пути и многих других жизненно важных тактических характеристик. Или москвичей кто-то специально натаскивал?

— И все-таки к Москве придется идти, — сказал он. — Ты же не хочешь оставить все как есть?

— Вот именно так и нужно, — возразила Женя. — Пусть сами вымрут. Потом, в городах все равно жить теперь невозможно. Воду из пожарных колодцев черпать? С крысами за жратву воевать? Покорнейше благодарю. Я тебе скажу, что надо. Ранчо, вот как у вас. Скотину. Лошадей — обязательно. Хорошо бы еще справочник по агротехнике и семена. Команду сколотить из нормальных людей и крестьянствовать. «Уроды» сунутся — поубивать. Только так и выживем. Ничего, вырасту большая, может, рожу еще. И все по новой закрутится. Не помирать же, верно?

— «Уроды» тоже будут рожать, — заметил Гош. — Вся Тула по весне беременная ходила.

— Это не дети получатся, — небрежно бросила Женя. — Это так, одно несчастье. Представить страшно, что из них вырастет. Нормальные младенцы при таких родителях... Я об этом даже не задумываюсь. Уж больно детишек жалко.

— Где бы взять таких, как мы, хотя бы тысячу... — произнес Гош в страшной тоске. — Хотя бы сотню!

— Ты что задумал? Детей у «тупых» отнимать?

— А почему бы и нет? Сам первый в воспитатели пойду. Да ладно, это утопия. Нам бы действительно выкарабкаться хоть как-нибудь.

— Выкарабкаемся, — заверила его Женя. — Молодые еще, сильные. Нам сам бог велел.

— Постоянно об этом думаю, — признался Гош. — Сколько писали фантасты о подобных ситуациях! Кто бы мог подумать... Но в каждом романе у выживших оставался какой-то смысл продолжать жить. Идея. А у нас? Что будет, если «тупые» не проснутся? Кто окажется в этом новом мире — горстка несчастных среди еще более несчастных? Зачем тогда это было вообще? Зачем мы выжили, Женя? Тебе не кажется, что это полный абсурд? Безнадега?

— Дурак, — Женя осторожно потрепала его по волосам. — Живут для того, чтобы жить. Просто жить. И радоваться.

— Какая уж тут радость, — вздохнул Гош.

Некоторое время они молча смотрели, как Малыш щиплет траву. Солнце почти совсем ушло за горизонт. Позади с грохотом захлопнулись двери коровника. Цыган и Костя, о чем-то негромко беседуя, прошли в дом. Гош поймал спиной два завистливых взгляда и невольно поежился.

— Слушай, — произнесла Женя как-то очень застенчиво. — А почему ты меня не спросил, как я... Зимой?

— То есть? — не понял Гош, погруженный в свои невеселые раздумья.

— Ну, как я с этим парнем? Жила?

— А какое мне до этого дело? — удивился Гош.

— Ну и дурак, — вздохнула Женя, прыгнула с забора и ушла вперед, к своему коню, туда, где на землю ложился сумрак.

* * *

После утренней дойки привычно заспанные объездчики прожевали завтрак и принялись бросать жребий, кому сегодня куда. Обычно работы на ферме велись по графику, но визит Жени его поломал. Белому все еще было худо, и Сан Сеич прописал ему постельный режим. Между делом

он внушил Белому, что это именно его, а не Цыгана, зашибло куском забора, отсюда и разбитая морда вкупе с легким сотрясением.

Косте выпало пасти, и он угнал стадо в поля. Большой и Цыган поволокли к «Дефендеру» бидоны с молоком. Гош, сидя на крыльце, задумчиво вертел в пальцах карточку «VISA» — пропуск на рынок, который Сан Сеичу вручил загадочный Андрей Николаевич. Карточка была с логотипом какого-то «Москонсбанка», но совершенно гладкая, без реквизитов владельца. О том, что реквизиты должны быть, Гош откуда-то знал. То ли из прошлой жизни, то ли из газет о ней. В последние дни у него все настолько в голове перепуталось, что он уже и не задумывался, каким путем информация получена, — только кивал очередному воспоминанию, и ничего больше.

Скрипнула дверь, и на крыльцо, потягиваясь, ступила Женя.

— Вы чего так рано? — удивилась она.

— Следуем твоим рекомендациям. Крестьянствуем, — ответил Гош. — С петухами встаем. Доброе утро.

— Угу. Доброе.

— Здравствуй, Женечка! — крикнул из окна машины Цыган. — Чего тебе привезти? Шоколадку?

— Пусть тебя в город сначала пустят! — вместо Жени ответил Гош. — Между прочим... Эй, джентльмены! Ну-ка, будьте любезны, подойдите сюда на минутку. Большой! Карту прихвати.

Объездчики послушно выбрались из машины и подошли к крыльцу.

— Женя, — начал Гош. — Ты ведь Тулу стороной обошла?

— Угу. — Девушка протерла глаза и посмотрела на Гоша более или менее осмысленным взглядом. — Чего я там за была...

— Понимаешь, какое дело... Нас в этом городе знают как облупленных. Мне так вообще туда дорога заказана. Ребятам «тупым» тоже не стоит задавать вопросы или даже просто шляться по улицам. Их опасаются и поэтому следят за каждым шагом. А могут и выстрелить, если решат, что мы замыслиаем что-то.

— Я поняла, — кивнула Женя. — Давай карту. Что тебя интересует?

— Большой, дай барышне карту.

Большой, держащийся в отдалении и все еще поглядывающий на Женю с плохо скрываемой дрожью в коленках, счел за лучшее передать карту Цыгану. А сам за него спрятался. Цыган с учтивым полупоклоном вручил карту Жене.

— А не рискованный трюк? — спросил он. — Как ввалится она к тулякам этакой амазонкой...

— Она умная. Пойдет ножками, — возразил Гош. — Правда ведь, Женя? Ребята тебя высадят за километр до блокпоста и покажут дорогу через лес. А дальше там до центра недалеко.

— Что тебя интересует? — повторила Женя.

— Если честно — понятия не имею. Наверное, атмосфера интересует в первую очередь. Что происходит в городе. Как там живут. Насколько это отличается от того, что ты видела в Москве и в других местах. Ищи любые признаки организованных действий. Любые указания на то, что городом действительно кто-то всерьез управляет. Я думаю, это ты сможешь оценить без особого риска для себя. А если поймешь, что тебе можно свободно перемещаться, тогда вот конкретные задачи. Расставлены ли стационарные посты? Если да, то где. Что осталось в магазинах и осталось ли вообще? Кроме того, посмотри, нет ли шевеления организованных вооруженных групп в ключевых точках. Смотри, — Гош склонился над картой. Женя послушно следила за его пальцем.

— Это вокзал и склады рядом, — объяснял Гош. — Это гостиница, там зимой было что-то среднее между борделем и военной базой. Опорный пункт, короче говоря. А вот это бывший обком-райком. Ты увидишь громадное белокаменное здание, нечто вроде московского «Белого дома». Сан Сеич говорит, что этот Андрей Николаевич засел именно тут.

— Оружейный завод, — подсказал Цыган.

— Там все, что было, растащили. Не стоит. Ты бы еще гармонную фабрику вспомнил.

— Какую-какую?

— Не такую. Не гормональную, а настоящую гармонную. Типа «Подарите мне баян, я порву его к... чертям». Тула вообще своеобразный город. Достойный всяческого уважения. Так, Женечка, вот еще что. Кремль. Он совсем рядом с «Белым домом», не промахнешься. Взгляни, не пытаются ли «тупые» его обжечь. Все-таки крепость. Это тоже может быть интересно. Ну, пожалуй, все.

— Дней на пять заданье, — сообщил Цыган.

— Да ты что! Сутки максимум. Дольше там задерживаться нельзя, вычислят и поймают.

— Тут все близко, — сказала Женя. — Я успею.

— Я буду ждать тебя вот здесь, — Гош отметил на карте небольшой лесной массивчик за городской чертой. — Подъеду уже через пару часов. Вдруг какие-нибудь обстоятельства... Буду ждать, сколько потребуется. Но если не вернешься завтра к полудню — учти, мы начнем войну. Так что постарайся вернуться раньше. И вот еще...

— Неплохо бы связь наладить, — деловито заметила Женя.

— А если тебя обыщут? Нет уж, милая, фигушки. Погоди, не перебивай. На случай, если будешь прорываться, — вот тут в гараже стоит «Хаммер». — Гош достал из кармана огрызок карандаша и поставил на карте аккуратный кружок. — Гараж заперт, но сзади есть окошко. При твоей комплекции в него занырнуть — пустяк. Машина заправлена, ключи под ковриком. Справа от руля просунешь руку и нащупаешь тумблер. Щелкни на себя. Учти, он глубоко стоит, тебе придется далеко тянуться. Да, аккумулятор подсоедини. Я его два месяца назад проверял, не мог он сдохнуть за такой короткий срок. Под верстаком лежит ватник, в него завернут «АКСУ» и подсумок с шестью рожками. Ворота изнутри протаранишь и дуй огородами прямо ко мне, в лес. Ясно?

Женя отчего-то вдруг замаялась и принялась жевать нижнюю губу. Получалось это у нее по-детски очаровательно.

— Хорошо ты в Туле пожил, — оценил предусмотрительность Гоша Цыган. — А что ж ты был тогда на «рейндже», когда мы тебя взяли?

— Этот «Хаммер» дико прожорливый. И вообще, как-то он мне не по душе пришелся. Его водить уметь надо.

— Его уж давно увели, — вступил в разговор Большой.

— Тумблер справа от руля, — напомнил Гош. — Сам поставил. От «тупых» это надежнее всего. Они привыкли жать клавиши на брелоках, а штатную противоугонку я вообще отключил. Ну как, Женя, все запомнила? Пойдешь? Ты учти, тебя никто не заставляет. Даже не уговаривает. Просто ты здесь единственный человек, который может осмотреться в городе. Есть хоть малейшее подозрение, что это не получится, — так и скажи.

— Да получится! — отмахнулась Женя. — Я просто хотела сказать, что не умею водить машину.

На крыльце воцарилось короткое общее замешательство.

— Ты не стесняйся так, это бывает, — утешил Женю Цыган. — У нас Гошка не умеет обращаться с лошадьми — и ничего, живой пока.

— Правда? — удивилась Женя. — Как же ты?..

— Не знаю, — признался Гош немного смущенно. — Они какие-то... Непонятные для меня звери. Толку от них чуть. А возни много. Вот если бы можно было научить лошадь, чтобы она еще дом охраняла...

— Запросто, — сказала Женя.

— Что, серьезно? — удивился Гош.

— Нет проблем. Хорошо обученный боевой конь гораздо лучше самой умной собаки. Да, возни с ним много, конечно. Ладно, Гоша, ты не переживай. Я тебя научу, когда вернусь.

— Ты, главное, вернись, — попросил Гош очень ласково.

— Так! — прервал обмен любезностями Цыган. — Времени мало. Нам пора на рынок. Женя, ты не завтракала, конечно. Давай по-быстрому перехвати чего-нибудь, и двинули.

— Ничего там на твоём рынке за полчаса не случится, — заявил Гош. — погоди. Женя, ты уверена, что все будет нормально?

— Я даже знаю, что «тупым» говорить, — заверила его Женя. — И как.

— Хорошо. Допустим, эту проблему мы решили. Теперь вот еще что... Самооборона. У тебя пистолет есть? «Тупые» девчонки оружия не носят, ты в курсе?

Цыган вытащил из-за пазухи свой «дезерт игл».

— Держи, — он щедрым жестом сунул громадную пушку Жене в руки. — Ствол не хуже, чем у Грязного Гарри. С одного попадания душу наизнанку выворачивает. Только стреляй обязательно с двух рук.

— Ну куда ты ей эту гаубицу? — возмутился Гош. — Нужно что-то маленькое, чтобы не торчало. Если нашей юной шпионке какой-нибудь «тупой» руку под юбку запустит...

— Не запустит, не беспокойся, — заверила его Женья. — Я юбок отродясь не носила.

— Тогда в штаны! — рявкнул Гош. — Отставить разговорчики!

— И в штаны не запустит!

— Женья, ты хоть понимаешь, куда мы тебя отправляем? — спросил Гош, не без труда заставляя себя хоть немного сбавить тон.

— Да я по этой помойке уже год шастаю! — Женья с явным сожалением вернула пистолет Цыгану. — Ладно, расслабьтесь. Я свой «макаров» возьму. Тут важен не размер, нужно уметь обращаться с прибором.

— Хорошо сказано! — усмехнулся Цыган.

— Не девочка уже, — хмыкнула Женья. — А ты чего таращишься?

Гош внимательно смотрел на нее снизу вверх, и в глазах его сквозило глубокое сомнение.

— Сделай мне лучше пожевать в дорогу, — распорядилась Женья. — А я пока с Малышом пообщаюсь, — и ушла к стойлам.

— Супер! — высказался Цыган, восхищенно глядя ей вслед. — Просто супер! Мечта Регулятора.

— Какой же я гад! — пробормотал Гош, поднимаясь с крыльца.

— Не без этого, — согласился Цыган. — Но разведка необходима. Правда, Большой? Чего притих? Не бойся, она не кусается.

— Я ей не нравлюсь, — пробурчал здоровяк и ушел к машине.

— Где у нас термос? — спросил Гош. — И есть ли он вообще?

— В дальней кладовке на верхней полке. Видал, что с Большим творится? Несчастливая любовь. Всю ночь сегодня ворочался.

— А чего он ждал? Что она прямо с коня ему на шею бросится? Стоят двое с отморозженными физиономиями...

— Если бы Белый ее застрелил, — пробормотал Цыган, — я бы ему... Не знаю, что сделал.

— Ее не застрелишь, — сказал Гош очень уверенно. — Выстрела она ждет постоянно и со всех сторон. Но в этом тоже кроется проблема, брат. Потому что есть масса других поганых вещей, которых она как раз не ожидает. И очень хорошо, что о них не имеют представления «тупые».

— Это ты о чем? — спросил Цыган подозрительно.

— А-а... — Гош махнул рукой и ушел в дом.

Цыган состроил ему вслед рожу.

* * *

Женю поймали на складе галантерейного магазина, куда она забралась в надежде разжиться бельем. Сам магазин, как и все попадавшие ей до этого, оказался не то чтобы разграблен подчистую, а буквально вылизан. Для областного центра с населением в пятьсот-шестьсот человек картина была очень странная. Женя прошла на склад и остановилась в немом изумлении. На складе не осталось совершенно ничего, только голые стены и дырявый потолок.

— Руки, — лениво сказали откуда-то сзади.

Для начала Женя, взвизгнув, подпрыгнула на месте. Обернулась и вытаращила глаза. И сразу же себя от души похвалила. С перепугу и от неожиданности она сделала то единственное, что могло ее спасти. Не открыла пальбу, не бросилась наутек. Даже рук не подняла, хотя и просили.

У двери стояли четверо с автоматами наперевес. Все, как на подбор, коротко стриженные, чистые на вид и упакованные в серый городской камуфляж.

— Иди сюда, — еще более лениво приказал тот же голос. Он принадлежал невысокому парню лет под тридцать с довольно симпатичной физиономией, которую, увы, безна-

дежно портил характерный невыразительный взгляд «тупого».

Женя послушно шагнула вперед. Она уже видела издали таких вот патрульных, сразу отметив короткие стрижки под машинку, которые им кто-то сделал, и ухоженную одежду, которую их кто-то заставлял содержать в порядке. Тем не менее, внешне похожие на прежних людей, на самом деле патрульные все еще оставались «тупыми». Как эта компания умудрилась подкрасться к чужаку незаметно, без улюлюканья и беспорядочной стрельбы, Женя понять не могла.

— Мы ж тебе кричали, — упрекнул ее «тупой». — Не слышала?

— Не слышала, — Женя развела руками.

— Мы кричали: «Эй, ты!»

Женя виновато потупилась.

— Я же тебе говорил — кричи громче, — упрекнул «тупой» одного из своих. Похоже, он был в группе старший. — А ты зачем в магазин полезла? Это запрещено.

— Я не знала... — Женя изобразила полную растерянность.

— Как не знала? Ну-ка, пропуск!

— Какой пропуск?

«Тупой» глубоко задумался.

— Вот такой, — сказал он наконец, демонстрируя Жене синий кусочек пластика. — У тебя что, нет?

— Не-а.

— Ты откуда?

— Оттуда, — Женя неопределенно махнула рукой.

— Новенькая, что ли?

Женя сочла за лучшее не отвечать.

— А-а, — «тупой» понимающе кивнул. — Ладно. Тогда пошли.

— Куда? — Женя на всякий случай отпрянула назад.

— К главному. Пошли, — «тупой» шевельнул стволом автомата в направлении выхода.

— Зачем? — уперлась Женя.

«Тупой» снова задумался, даже лоб наморщил.

— Надо, вот и пошли! — выпалил он. — Ну!

Женя вздохнула, и они пошли.

Ближе к центру города камуфлированные патрули стали попадаться чаще. Иногда «тупые» вяло махали издали группой, ведущей арестанта, реже подходили, чтобы получше Женю рассмотреть. Особого интереса она у местных явно не вызывала, разве что нестандартный цвет волос привлекал их внимание. «Тупые» ценили барышень фигуристых, с ярко выраженными признаками женского пола, это Женя давно поняла. На нее, изящную и стройную, в этом новом безумном мире кидались разве что с откровенной сексуальной голодухи или сильно залитых глаз. Обычно такая рыжая девица боящихся всего необычного «тупых» скорее отпугивала, чем привлекала.

Конвоиры между собой почти не говорили, лишь изредка кидая друг другу ничего не значащие обрывки фраз. Жене очень хотелось расспросить этих людей о жизни в городе, но любое проявление интереса могло сейчас только навлечь подозрение в излишнем уме. Нужно было вести себя тупо, как скотина, ведомая на убой. И при этом — смотреть и анализировать. А смотреть было на что. Город оказался странен на вид. В Москве на улицах там и сям валялись скукоженные мертвые тела. Здесь Женя не заметила ни одного. Немногие попадавшиеся горожане выглядели тихими и смирными и тащили куда-то объемистые мешки с бараклом. Движущихся машин не было совсем. Только помятые развалюхи на спущенных колесах, иногда заваленные набок. Судя по всему, их в свое время пихали на тротуары чем-то большим и мощным, освобождая проезжую часть. Да, это была совсем не Москва. Здесь кто-то пытался навести порядок или как минимум создать его видимость.

«Хотя что я так про Москву? — подумала Женя. — Ее ведь тоже кто-то взял в руки. Мало ли, что они там могли успеть наворочать за весну...»

Внезапно сзади раздался свист турбонаддува. К обочине причалил огромный черный джип. В окно высунулась красная опухшая физиономия.

— Поймали? — спросила она.

— Поймали, — ответил старший патруля.

— Водки хочешь?

Женя сначала не поняла, что спрашивают ее.

— Отвали! — старший махнул автоматом и чуть не въехал физиономии стволom в глаз.

— Ты полегче! — обиделась та.

— Я вот скажу, что ты здесь! — пригрозил старший.

— Ой-ой-ой! Даю ящик. За эту.

— Да на фига она тебе?!

— А мне интересно. Эй! Рыжая! Ты чего умеешь?

— Доить умею, — ответила Женя, заметно оживляясь. — Пасти. Дрова колоть.

— Тьфу! — физиономия разочарованно сплюнула, но попала не в Женю, а в старшего. Тот, даже не подумав утешиться, передернул затвор. Джип взревел двигателем и, пробуксовав всеми четырьмя колесами, сорвался с места. Старший прицелился было ему вслед, но все-таки нашел силы опустить ствол. Видимо, стрелять в городе тоже было запрещено, как и лазать по пустым магазинам. В утешение старший несильно съездил Жене по шее.

— За что?! — возмутилась та.

Старший не ответил, достал из кармана тряпку и вытер лицо.

— Пошли, — хмуро скомандовал он.

— Надо сказать, что он здесь ездит, — заявил один из патрульных.

Старший в ответ только фыркнул.

— А чего он? — не унимался боец. — Вообще. Мы чего? А он? Самый умный, что ли? Вообще. Оборзел. Как тупой.

— Закройся! — прорычал старший.

Женя навострила уши. Сказано было эмоционально. Многие из «тупых» умели так. Гош считал, что это явный признак лидера. «Тупой», умеющий проявлять мощные эмоциональные реакции, по его словам, рано или поздно всегда становился во главе общины. Причем двух-трех лидеров банды «тупых» не терпели. Всегда один съедал другого. А здесь в пределах небольшого города только что на глазах Жени сошлись двое таких, и ничего особенного не произошло.

Женя подумала, что в действительности очень мало

знает о «тупых». После самого первого инцидента в Москве она сторонилась их, блуждая по миру в счастливом одиночестве. Ей приходилось видеть городки и деревни, усеянные мумифицированными трупами. Сгоревшие дотла села и мертвые воинские части. Бескрайние поля, которым не суждено быть убранными. Но как только Женя замечала признаки жизни, она первым делом заглядывала в оптический прицел. И, как правило, тут же искала обходной маршрут. Она боялась «тупых», которых сама называла «уродами», не хотела их знать, не собиралась изучать их. Только зима вынудила девушку найти пристанище, и судьба так обернулась, что на ее пути оказался «тупой». Но он был один-одинешенек, несчастный, еле живой и очень милый. Наверное, оттого и милый, что совсем один. Как только потерявших разум и память оказывалось двое, они превращались в опасную компанию, от которой можно было ожидать любых действий, как правило, разрушительных.

Слева, будто в ответ Жениным мыслям, потянулся напрочь выгоревший квартал.

— Надо сказать, — будто очнувшись, сообщил давешний борец за правду.

— Я скажу, — пообещал ему старший. — Обязательно.

«Врет, — подумала Женя. — Однако интересный тип. Может, он еще и шутить умеет?»

Патруль свернул на широкий проспект с трамвайными рельсами посередине. Женя украдкой оглянулась в поисках опрокинутого вагона на обочине. Такового не оказалось — видимо, на момент беды действительно, как и уверял Гош, стояла ночь. Иначе никак было нельзя объяснить удивительно малое количество техники на дорогах. Большинство машин во всех городах было запарковано. Судя по всему, люди действительно заснули еще более или менее нормальными, а вот проснулись уже... Если проснулись. Хотя людей-то мертвых найти можно было где угодно. То ли они бродили, как лунатики, пока не умирали с голоду, то ли их добивал все тот же вирус. Если это, конечно, был вирус. «Какая разница? — подумала Женя. — Главный вопрос — не «как». Главное — «что дальше». Очень

показательно, что Гош не хочет этого понять. Чисто мужское поведение. Интересно, что он будет делать, если я не вернусь через сутки. Капитан Дымов... Очень славный был парень. Да и сейчас ничего. Я все думала — какая у такого может быть жена. Наверное, совсем невзрачная...»

Женя на ходу запнулась и чуть не пропахала носом по асфальту. Старший удивительно ловко поймал ее за шиворот.

— Не падать, — сказал он. — Скоро придем.

Женя кивнула. Ей вдруг стало очень страшно. Вовсе не от того, что ждало впереди. Она была уверена, что справится. В конце концов, «тупые» поленились ее даже обыскать. Женю испугало совсем другое. На нее ни с того, ни с сего навалилась ответственность. Необходимость выбора.

В прошлой жизни юниорскую шестерку Знатоков, где Женя играла, действительно тренировала девушка из команды Дымова. И как-то раз Женя по ерундовому поводу сунулась к игровому столу «взрослых», когда во Дворце пионеров шел московский чемпионат. Подошла, чтобы рассмотреть поближе людей, которых иногда показывали по телевизору. И увидела на руке Дымова яркое и красивое обручальное кольцо.

Теперь этого кольца не было.

Конечно, за выпавшие из Жениной памяти годы Дымов сто раз мог развестись. Но, в любом случае, он этого не помнил. А вот помнил ли, что был женат? Так говорить ему про кольцо или нет?

Женя отлично видела, как больно ударила Гоша информация о его прошлой жизни. А еще Костя успел ей рассказать про явление к нему, занятому мирной пастьбой, совершенно обезумевшего Цыгана на взмыленной лошади. Конечно, уже на следующее утро и Цыган, и Гош выглядели нормально. Но сам момент столкновения с воспоминаниями был настолько болезненным... Гош вряд ли особенно раздумывал, прежде чем заговорить с Цыганом по-болгарски. Хороший капитан Знатоков — не совсем обычный человек, он умеет мгновенно принимать решения и брать на себя ответственность. Делая это до того быстро, что на самом деле ни о какой ответственности и речи нет. Скорее

капитан готов потом схлопотать по морде, если оплошал. Да и рядовой Знаток тоже всегда готов огрести по голове от всей команды, показывая капитану большой палец, что значит: «Я знаю, жми!» В момент выбора он железно уверен, что прав.

Из Жени Знаток получился так себе. Она никогда не была уверена в ответе до конца. Ей каждый раз было страшно подвести команду. Поэтому она перестала играть. И сейчас привычно терзалась раздумьями.

Сказать ему про кольцо или нет?

— «Белый дом», — пробормотал старший. — Так. Я ее отведу. Вы топайте жрать. Встречаемся после обеда у солдата. Все.

Женя подняла глаза. Перед ней высилась белокаменная громада с пандусами, лестницами и каскадами мертвых фонтанов.

— Расскажи, — напомнил старшему все тот же боец.

Старший вздохнул. Совсем как нормальный человек.

* * *

Внутри «Белый дом» оказался непомерно велик, пустынен и безжизнен. Только снизу, будто бы из подвала, тянуло какой-то стряпней. Конвоир долго вел Женю лестницами и коридорами, молча подталкивая в нужную сторону. Через некоторое время он так ее достал этими своими тычками в спину, что Женя принялась размышлять — а не отнять ли у парня автомат, треснуть по голове, да и удрать отсюда подальше. Она как раз уже всерьез озаботилась претворением этого замысла в жизнь, когда впереди показалась массивная дверь с табличкой «Приемная». А из-за двери Жене навстречу выскочил еще один «тупой» в камуфляже. Женя чуть рот не открыла от изумления — в руке у «тупого» была пластиковая табличка с зажимом, а под зажимом — стопка листов. И на верхнем листке «тупой» что-то черкал на ходу фломастером.

Раньше Женя не задумывалась, умеют ли «тупые» читать и писать, ей это просто в голову не приходило.

Грамотей оторвался от своих бумажек и уставился на Женю. Потом на конвоира.

— Олежка! — сказал он. Причем с четко различимой интонацией. — Что, поймал?

— Угу. Новенькая, — сообщил конвоир. — Главный у себя?

— Да. А я вот на склады. Новенькая? Откуда?

— Сама не знает. Тупая совсем. По магазинам лазила.

Грамотей покосился на Женю.

— По магазинам ходить нельзя, — сообщил он. — Да. Олег, а ты где будешь вечером?

— Не знаю.

— Ты подходи. Там этот Вован ненормальный должен подъехать.

— Только что видел. Катается по центру, пьяный совсем.

— Вот ты и подходи. Ага? Разговор есть.

— Сделаем, — кивнул Олег. — Ну, ты, давай вперед.

Женя послушно шагнула в приемную. За столом референта, подпирая рукой щеку, тосковал еще один камуфлированный парень.

— Во! — оживился он при виде Жени. — Ты кто?

— Это я поймал, — объяснил ему Олег. — Новенькая. Доложи главному.

«Референт» неспешно раздел Женю взглядом.

— Так себе, — заключил он. — А откуда?

— Да она без понятия. Деревенская какая-то. Совсем тупая.

— Тебя как зовут? — спросил «референт». — Эй, рыжая!

— Рыжая, — согласилась Женя.

— Тупая, — кивнул «референт». — Ничего. Побудешь с нами — поумнеешь.

— Ты главному доложи, — напомнил Олег.

«Референт» зевнул.

— Может, она голодная? — предположил он.

— А может, тебе челюсть свернуть? — неожиданно вступился за Женю Олег.

— Себе хочешь, — понял «референт». — Ну, как хочешь.

Он встал и подошел к двери, ведущей в кабинет. Осто-

рожно постучал по косяку. Из кабинета в ответ что-то буркнули. «Референт» оправил на себе форму, едва-едва приоткрыл дверь и боком просочился в щель.

Олег у Жени за спиной переступал с ноги на ногу и сопел.

— Никто тебя здесь не тронет, — вдруг пробурчал он еле слышно. — Говори, что ты со мной, ясно? Меня Олег зовут. Так и скажешь: «Я с Олегом». И никто тебя не тронет. А если попоубет — скажи мне. Понятно?

— Ты зачем меня ударил тогда, на улице? — спросила Женья.

— Извини. Разозлился. Я больше не буду.

Жене страшно захотелось обернуться и посмотреть загадочному Олегу в глаза. С каждой минутой ей все явственнее казалось, что этот тип совсем не тот, за кого себя выдает.

«Референт» высунулся из-за двери.

— Заходите оба, — сказал он хмуро.

— Иди, — Олег снова подтолкнул Женю вперед.

— Тили-тили-тесто, жених и невеста, — все так же хмуро сообщил «референт» сзади. Женья опять не рискнула обернуться, но донесшийся из-за спины увесистый шлепок и приглушенное вяканье «референта» кое о чем ей сообщили. «Ох, застряну я тут... — подумала Женья. — Не слезет ведь с меня этот защитничек. Ладно, черт с ним, лишь бы действительно не вскарабкался...»

— Здравствуй, доченька! — очень мягко сказал Жене кто-то большой, сильный и добрый. Женья наткнулась на край стола, подняла глаза и увидела сидящего перед ней в глубоком кресле Главного.

В том, что это был именно Главный, сомневаться не приходилось.

* * *

На рынке Цыган, яростно торгуясь, очень удачно махнул последнюю банку молока на бидон керосина и теперь, вооружившись куском мяса, шнырял по торговым рядам в поисках хороших сигарет. Большой, положив на колени автомат, сидел в машине, охранял товар и привычно нервничал. Ему не нравилось торчать у «тупых» на виду живой

мишенью, он предпочел бы залечь, а то и просто убежать. К нему и так уже добрых минут десять принимовивался вооруженный патруль в количестве пяти скучающих обормотов, ищущих, кому бы отвернуть голову. Цыган этих деятелей быстренько спровадил, пообещав нажаловаться Главному, но осадок в душе у Большого остался.

— Ты будь понаглее, брат, — посоветовал ему Цыган.

— Нельзя же, — сказал Большой. — Прибьют.

— Теперь можно. И даже нужно. У них появился начальник. Они его слушаются. Вот ты и делай вид, что с начальником на короткой ноге и поэтому обижать тебя нельзя.

— Не привык, — вздохнул Большой. — Слишком долго отучали.

— Хочешь, потренирую? Десять баксов. Обнаглеешь в момент.

— Да иди ты...

— А еще Регулятор! — упрекнул его Цыган. — Семь футов роста, триста фунтов веса... Кабан мясной! Вот застрелят меня — кто с тобой нянчиться будет?

— Дурак, — Большой обиделся и покраснел. От одной мысли, что Цыгана кто-то может застрелить, ему стало плохо.

— Ладно, — сказал Цыган. — Ты это... Потерпи еще чуть-чуть. Там один идиот проболтался насчет солярки. Якобы есть склад километрах в двадцати. Попробую разнюхать. Ты не слышал раньше? Жалко. Ну-ка, дай на карту взглянуть. Ага... Где же это может быть?

— Где угодно, — Большой сунул Цыгану карту и отвернулся. — Застряли на ранчо, как дураки, понятия не имеем, что вокруг творится, нос боимся высунуть...

— А толку? — спросил Цыган, водя пальцем по карте. — Мне, братишка, тоже не по душе на одном месте сидеть. Но скакать по окрестностям... Территория громадная, информации никакой. Знаешь поговорку: «Места нужно знать»? Вот то-то.

— Места, конечно, нужно знать, — согласился Большой. — Но как ты их узнаешь, если от дома ни на шаг?

— Сейчас узнаю, — пообещал Цыган. — И будем надеяться, что место окажется далеко отсюда, скучное и беспо-

лезное. Что-нибудь типа цистерны на железной дороге или бензоколонки где-нибудь на отшибе. А то, не ровен час, сунешься без пропуска, а там дурак с пулеметом... Ладно, сиди. И не рыпайся.

— Да я и не собираюсь...

— Я имею в виду — не дергайся. Рыпаться как раз теперь полезно.

— Да понял я...

— Вот и сиди, — Цыган ободряюще хлопнул Большого по плечу и ушел.

Большой сначала задумался, как это — рыпаться, но не дергаться. Потом от греха подальше забросил автомат на заднее сиденье. Но тут же поймал себя на том, что нащупывает под курткой пистолет.

Цыган пропадал долго, Большой весь извертелся и несколько раз покрывался холодным потом, когда мимо проходил все тот же патруль. Наконец Цыган прыгнул в машину и с ходу уткнулся носом в карту.

— Ну? — спросил Большой.

— Ручку! — приказал Цыган. — Так. Кажется, вот здесь. Какой-то поселок. Живых нет. А тут на перекрестке стоит бензовоз. В кабине два трупика в погонах. На прошлой неделе солярка в бензовозе еще была. Мужик нацедил канистру и удрал. Говорит, страшно. Поганое место, повсюду трупика в погонах. Осознал?

— Армия? — оживился Большой.

— Похоже. Ну а если не этот поселок? Тогда вот этот... Ничего, разберемся. Покатаемся.

— Сейчас? — с надеждой спросил Большой, протягивая руку к ключу зажигания.

— Боюсь, что нет. — Цыган очертил на карте предполагаемый круг поисков, воткнул ручку за солнцезащитный козырек и принялся аккуратно складывать карту. — Боюсь, что сегодня у нас проблемы. Хорошее место рынок. Прямо как в Интернете — сплошной треп.

— Где?

— В Интернете. Потом расскажу, утром вспомнил. Было такое изобретение специально для обмена информацией. Подключаешься и читаешь все, что хочешь. В основном

всякую трепотню. Там все только и делали, что болтали. Собьются в кучу и давай трендеть... Ладно, ты меня не слушай, это нервное. Просто один деревенский видел, как «тупые» сцапали какую-то Рыжую.

— Ох... Какую Рыжую?

— А ты их много знаешь?

— Ох... И что же нам теперь делать?

— Уносить отсюда ноги, — веско сказал Цыган. — Уносить отсюда ноги...

* * *

— Они ее сцапали! — крикнуло радио голосом Цыгана, едва Гош успел включить прием. — Что делать будем, а?!

Гош нажал было клавишу передачи и обнаружил вдруг, что пальцы его плохо слушаются. «Как хорошо, что Цыган меня сейчас не видит, — подумал он. — Парень, конечно, умница, но почему-то убежден, что у меня нервы железные. Мог бы здорово разочароваться. Он считает, что для выживания нашей компании позарез нужен лидер с холодной головой. И очень рад, что я встал на место Белого. А какой из меня лидер? Так, видимость одна...»

— Ты уверен? — кое-как совладав с чувствами, спросил Гош.

— На все сто!

— А давно это было?

— Часа полтора-два. Видели, как ее вел патруль. К «Белому дому».

— Не худший вариант, — заметил Гош. Ему немного полегчало. — Не на расстрел же они туда водят... А вы где сейчас?

— Только что миновали блокпост, идем домой. Ну, какие идеи?

— Все те же. Уговор дороже денег — так, кажется, раньше говорили... Будем ждать, как условились.

— Нервы у тебя железные! — восхитился Цыган.

— Какие есть, — скромно ответил Гош. — Если она к рассвету не вернется, увидишь, что у меня за нервы. Ты что думаешь... А, ладно. Мало ли кто сейчас висит на нашей волне.

— Как обычно — ЦРУ и КГБ.

— А если случайно? Ты же сам говорил, у местных теперь в каждой машине рация.

— Так мы подъедем? — с надеждой в голосе спросил Цыган.

Гош почти не колебался.

— Только по-умному, — сказал он.

— Ты с кем говоришь?! — возмутился Цыган. — Я же цыган все-таки... Хоть и бывший.

— Чем выпендриваться, лучше бы воровать научился, — парировал Гош. — Ладно, подкатывай.

Он повесил микрофон на место, перевел радио в «ждущий» режим, закурил и вышел из машины. Безумное одиночество, точившее душу уже несколько часов, постепенно рассасывалось. Только в этот период ожидания Гош понял до конца, насколько же дороги стали ему случайно обретенные друзья.

А еще — что в словах Белого о его привычке манипулировать людьми, не думая о последствиях, очень много правды. Загрузить ответственным заданием несмышленную девчонку и отправить ее почти на верную гибель — это было в его духе. Конечно, Женя сама так и рвалась на дело, мечтая доказать, что ее можно принять в стаю. И конечно, внешне ее поведение свидетельствовало о недюжинной способности ориентироваться в трудных ситуациях. Но Гош должен, обязан был разглядеть, что за этой маской на самом деле стоит всего-навсего остаточная агрессивность человека, пережившего временную амнезию. Желание делать хоть что-нибудь, потому что некуда девать энергию. Та же пружинистая злоба, что еще полгода назад позволила ему самому выстоять, прорваться, выжить. И теперь он, как последняя сволочь, использовал чужой припадок активности, направив его в нужное русло.

Гош размышлял об этом все время, что провел в засаде на кромке леса. Думал, когда маскировал «Паджеро» в кустах. Думал, когда аккуратно укладывал в песок на дороге от города доску с гвоздями. Когда выбирал позицию для стрельбы. Все думал, сопоставлял, анализировал. И при-

шел к неутешительному выводу. Какая бы там напасть ни обрушилась на Георгия Дымова около года назад, раздавить его, подлеца, она не смогла. Память он, конечно, утратил. Но замашки свои прежние сохранил. Искренний и вполне гуманный интерес к тому, что у человека в голове, — раз. Неумную страсть копаться в чужих мозгах — два. И совершенно неуправляемую тягу к тому, чтобы эти мозги подчинять себе, — три. Полегоньку, исподтишка, не насилуя, не ломая — но подчинять.

Он готов был как угодно подставить себя, чтобы в конечном итоге завербовать сторонников. Готов был показаться и даже оказаться слабым, подчиненным, сломленным. Или, наоборот, сильным и мужественным, таким отцом-защитником. Каким угодно — лишь бы его полюбили. Лишь бы готовы стали за него кидаться головой вперед. Туда, куда он попросит.

Гош даже ответ нашел, чем диктовалась такая его манера поведения. Судя по всему, в юности Георгий Дымов был чудовищно, дико, неправдоподобно одинок. Всегда среди людей — и всегда совершенно один. Сам по себе. Как такое могло получиться, он пока не выяснил. Но то, что раньше его по жизни преследовало ощущение собственной брошенности и «никому-не-нужности», он уже понял.

Это знание вряд ли могло пригодиться ему сейчас, когда требовалось в первую очередь действие, а не какая-то там разжижающая волю интеллигентская рефлексия. Но Гош не мог перестать думать. В последние дни озарения следовали цепью, одно за другим. Впору было сойти с ума, ежесекундно подхватывая буквально из воздуха обрывки былых ощущений, кусочки прежних эмоциональных всплесков, картинки минувшего. И чем больше Гош узнавал о своей прошлой жизни, тем меньше ему эта жизнь нравилась. Там не хватало чего-то очень важного.

Может быть, именно того, что он мучительно пытался осознать раньше и элементарно просто вычислил сейчас. Знания о том, что творится внутри, мотивируя поступки и желания. Прежний Гош страшно переживал, что он какой-то не такой, как все. Но и быть «как все» тоже не хотел или

не мог. Наверное, именно это неосознаваемое стремление закрепить свою «особенность» и пригнало его в тусовку Знатоков.

Вспомнить бы хоть что-нибудь из личной жизни... Он точно был гетеросексуальный и достаточно востребованный мужчина. Но в памяти всплывали только разрозненные обрывки. А еще — не складывалась общая картина профессионального становления. Тут все было обрезано на уровне четырнадцати-пятнадцати лет. Судя по всему, работа была для Гоша фактором колоссальной эмоциональной значимости.

Поэтому ее и затерло начисто. Как у бедняги Сан Сеича обрубило личные и профессиональные воспоминания на первом же году так называемой «перестройки». То ли Сан Сеич именно в этот год впервые начал жить по-настоящему, то ли, наоборот, перестройка шарахнула его по голове обухом...

Из глубины леса послышался шум мотора. Гош выплюнул сигарету и шагнул к машине. Рация пискнула. Гош включил громкую связь и взял микрофон.

— Кажется, мы на подходе, — сообщил Цыган.

— Я вас уже слышу. Выхожу на дорогу встречать. Увидишь просвет в деревьях — тут же стоп.

— Он там яму выкопал! — рассмеялся куда-то в сторону Цыган. — Западню на Слонопотама!

— Быстро у тебя прогресс идет, — заметил Гош.

— Я по этой книжке читать учился! — фыркнул Цыган. — Кстати, у вас, у русских, очень простая грамматика. Не то что наша.

— Я помню, — неожиданно для себя вспомнил Гош.

— Кто же ты все-таки? — спросил Цыган.

— Без понятия, — честно ответил Гош. — И вообще, у меня такое впечатление, что я совершенно не знал этого человека. Которым был. И понимаешь...

Он не отпустил кнопку передачи, так что если Цыган что-то и понимал, то сказать ему об этом сейчас не мог.

— И понимаешь, — закончил Гош, — мне кажется, что я и знать этого парня совершенно не хочу!

* * *

— Засада, — признал Большой. — А яма где?

Цыган расхохотался.

— Не надо так серьезно, — попросил Гош. — У меня кое-что попроще. Здоровенная доска с гвоздями.

— А как же, если она поедет...

— Не бойся, там и веревка есть, чтобы доску оттащить.

— Стратег! — Цыган хлопнул Гоша по плечу. — Ладно, ты мне лучше расскажи, в какой разведшколе наш язык учил?

— А ты наш — в какой?

— А я тут родился.

— Чего? — изумился Гош. — А-а... Вот как, значит...

— Я в Москве прожил больше чем полжизни, — объяснил Цыган. — В посольстве. Знаешь, Гошка, сволочь ты, конечно, но спасибо тебе все равно.

— Я просто не ведал, что творил, — Гош виновато склонил голову.

— Так и понял. Но кто бы тогда мне помог? Ты не представляешь, я за сутки вспомнил столько... Ладно, не казись. Тебе еще Костя расскажет, что со мной творилось. Вот тогда слезой и умоешься. А сейчас не надо. Да и тебе, брат, тоже несладко пришлось.

— Я последние дни только и делаю, что вспоминаю, — признался Гош.

Рядом Большой что-то просопел.

— И ты вспомнишь, — успокоил его Цыган.

— Как тебя звать-то теперь? — в очередной раз спросил Гош.

— Я же сказал — Клинт Иствуд. С именем у меня пока что нелады. Зови Цыганом, не промахнешься. Так что ты хотел сказать про свои нервы завтра на рассвете?

— Нервы? А-а... Понимаете, мужики, я ведь так и не придумал, как нам действовать. Пообещать Жене я мог что угодно, лишь бы она в город пошла. А вот каким макаром ее оттуда вытаскивать? У нас же задача не просто набить как можно больше мирного населения. А скорее наоборот.

— Да мы и не сможем, наверное, — заметил Цыган. — Силенки уже не те. Злости не хватит. Когда у «тупых» пос-

ледний налет на ранчо комедией окончился, я знаешь как обрадовался?

— Надоело стрелять, — кивнул Большой.

— Вот именно, — подытожил Гош. — Нам не убивать нужно, а пугать. Чтобы сами Женю под белы ручки привели. Тем более мы не знаем толком, где она. Нужно так войти в город, чтобы все на четвереньки попадали и взмолились — ребята, все, что хотите, только больше не надо.

— Въехать на танках к «Белому дому» и молча встать, — мечтательно произнес Цыган. — Без единого выстрела. Главный на переговоры сам выскочит.

— А ты на танке сможешь?

— А чего бы и не смочь? Припрет — научимся. Был бы танк... — Цыган неожиданно осекся и повернулся к Большому.

— Сейчас! — понял тот и убежал к машине.

Гош весь подался к Цыгану, поедая его глазами.

— Кажется, нащупали войсковую часть, — кивнул тот. — Готовь десять баксов.

Гош сильно потер кулаками глаза.

— Проклятая амнезия, — пробормотал он. — Знаешь, я придумал для нее подходящее название. Пятнистая амнезия.

— Хорошее название, — одобрил Цыган.

— Все не могу свыкнуться с тем, что поражена не только память, но и способность реализовывать абстракции. Действительно — почему я не могу научиться управлять танком? Я уверен, что этого не умею. Но кто мне запретит попробовать, а? Женя говорила, что москвичи учатся. А мы разве хуже?

— Ты чего? — озабоченно спросил его Большой, протягивая Цыгану карту.

— Я много раз проезжал мимо ворот с красными звездами, — объяснил Гош. — Но никогда за них не заходил. Может, из-за того, что патронами еще в Питере у дохлых ментов разжился. А там, за этими воротами, чего только нет...

— Там очень много трупов в погонах, — сказал Цыган. — Так что не переживай, туда никто особенно не сует-

ся. Народу хватает и тех египетских мумий, что по улицам валяются. Кстати, в Туле их разгребли. В этот раз ни одной не видел.

— Показывай карту, — распорядился Гош. — Проклятье, как нас мало, некого здесь оставить. Прямо сейчас бы слетали.

— Я могу остаться, — предложил Большой. Видимо, перспектива увидеть очень много трупов в погонах его не прельщала.

— Ты понадобишься. Там все очень тяжелое.

— Ну, я мог бы, конечно... — протянул Цыган.

Гош, разглядывая карту, скрипнул зубами от досады.

— Некстати Белый скопытился, — признал Цыган. — А из Сан Сеича пастух, как из меня цыган.

— Мы поедем на рассвете, — принял решение Гош. — То есть мы все. Я буду ждать. А вы пока что слетайте и установите место, где это. Если найдете... Если увидите большую технику на гусеницах, танки или самоходки, тогда основное внимание на то, в каком состоянии там ГСМ и артиллерийские склады. Это хозяйство жрет прорву солярки. Да и снаряды тоже могут пригодиться. И вот еще что — аккумуляторы! Тоже проблема. Куча проблем, мужики. Самая ерундовая из которых — действительно научиться управлять танком. Вот ты заведи его сначала...

— Прикурить дадим от «Лендровера», — подал идею Большой.

— Там, по-моему, нужно двадцать четыре вольта. Ладно, на месте разберетесь. Поезжайте, братцы. Сан Сеичу только радируйте и поезжайте. И молитесь по пути.

— Чтобы нам техника не понадобилась? — угадал Цыган.

— Вот именно, — кивнул Гош.

Большой крепко пожал ему руку и ушел разворачивать свой «Дефендер».

— Тебе по дороге машину поискать? — спросил Цыган.

Гош благодарно кивнул.

— Здесь места небогатые, так что хотя бы «Ниву». Только поновей.

— Сделаем. Ты это... — Цыган неопределенно помахал рукой в воздухе, подбирая слова.

— Чего? — подозрительно насутился Гош.

— Ты не переживай так. Ну, из-за Жени. Ее за язык никто не тянул. Сама вызвалась, знала, на что идет. Опыт у девицы есть, постоять за себя умеет. Выкарабкается. Ей же хотелось красиво выступить, ты что, не заметил?

— Еще как заметил. Поэтому и стал уговаривать. А не стоило.

— Да почему? Гошка, не накручивай себя. Ни в чем ты не виноват.

— Даже если она знала, на что шла... — медленно произнес Гош. — Мы все равно знали об этом больше.

— Ну, для меня это уже чересчур сложно. Короче, я дал тебе совет. Не комплексуй. Женя отличная девчонка, и она справится.

Гош снова опустил голову, о чем-то поразмыслил, и вдруг на Цыгана посмотрел его привычный ехидный острый глаз. Тот даже рот приоткрыл, настолько Гош за несколько секунд внешне переменялся.

Гош, не переставая хитро шуриться, ткнул Цыгана пальцем в грудь.

— Они ее изнасилуют, убьют и съедят! — заявил он. Повернулся и ушел к машине, в кусты.

— Эй, мужик! — крикнул обалдевший Цыган ему вдогонку. — Не сходи с ума!

В кустах хлопнула дверца. Цыган постоял на месте в нерешительности, сплюнул под ноги и тоскливо поплелся к «Дефендеру», где ждал Большой.

— Ну, чего он? — спросил великан.

— Переживает дальше некуда, — ответил Цыган. — Прямо так переживает, сил нет смотреть.

— Хороший парень Гошка, — расплылся в улыбке Большой.

— Хороший. И сволочь редкостная, — сообщил Цыган. И хотя Большой немедленно потребовал от него толкования, что бы такая характеристика могла означать, комментировать свой диагноз не захотел.

* * *

— Подойди ко мне, не бойся, — сказал Главный. Женя послушно шагнула вперед. Главный сидел в большом кресле за громадным столом и улыбался мягкой отеческой улыбкой. Очень искренней. Над его головой примерно так же улыбался со стены портрет незнакомого Жене мужика. Судя по всему, портрет остался в кабинете от прежней власти, и Женя с первого же взгляда эту власть невзлюбила. Еще у нее родилась догадка, почему Главный не снял портрет. То есть он, конечно, мог предполагать, что мужик с портрета жив-здоров и скоро вылезет из секретного правительственного бункера руководить. Но на самом-то деле они с Главным просто были весьма похожи. Мордастые лысеющие дядьки немного за пятьдесят. Разве что у Главного физиономия была как-то больше похожа на человеческое лицо, а не на раскормленную харю победившего всех на свете пролетария.

Главный, судя по всему, понял направление Жениных мыслей и коротко глянул на портрет.

— Это не я, — объяснил он.

Женя посмотрела на Главного и согласно кивнула.

— А кто? — спросила она.

— Потом расскажу, — пообещал Главный. «Не помнит», — догадалась Женя.

— Присаживайся, — сказал Главный. — Олежка, помоги девушке сесть. Худенькая-то какая... Голодала?

Женя с трудом удержалась от благодарного кивка Олегу, умело подвинувшему ей кресло. Девушке было не по себе, она терялась в догадках. Судя по интонациям Главного, он до глубины души жалел бедную оголодавшую девчонку. Он мог быть кем угодно, этот долгожитель, но только не банальным «тупым»-переростком.

В ответ на вопрос Женя снова кивнула. «Не привыкнуть бы, — подумала она. — Как, однако, удобно быть тупой. Совершенно не надо соображать».

— Ну, милая, все твои беды позади, — утешил Женю Главный. — Теперь ты всегда будешь сыта, одета и умыта. Давай знакомиться. Меня зовут Главный Андрей Николаевич. Главный — это фамилия такая. А ты кто?

— А я — Рыжая! — жизнерадостно провозгласила Женя и для вящей убедительности выразительно покосилась на Олега. Мол, вы меня обозвали, вы и отвечайте за меня теперь. Вполне «тупая» реакция.

— М-да... — Главный в задумчивости потер рукой переносицу. — Ну, имя — дело наживное. Будет тебе и имя. Все тебе здесь будет. Всем обеспечим. И поверь, никто тебя здесь не обидит. Работу найдем по душе, друзья появятся хорошие... Ты что умеешь делать?

— С лошадьми могу. Коров умею доить. Пасти. Ну, готовить еще. По домам могу лазить.

— Бедная девочка... — пробормотал Главный, и Женя снова отметила — он не играет. Главный действительно переживал. — По домам ты больше лазить не будешь. Договорились? По домам лазить ни к чему, это плохо. Ясно?

— Ясно.

— На кухню? — подал голос Олег.

— Погоди. Слушай, милая, а ты где вообще жила? Что ты помнишь?

— Я в деревне жила. Там лошади были, — сообщила Женя, подумала и добавила: — Много.

— Много лошадей?

— Раньше было, — пояснила Женя. — А теперь остался только... Ну, дом, где лошади живут. И они там лежат все в таких... — Женя руками показала, «в каких». — Я увидела, испугалась и убежала.

— Давно это случилось?

— Давно. Холодно было, — Женя почувствовала, что может переиграть, и добавила: — Осенью.

— И где же ты все это время?..

Женя неопределенно помахала в воздухе руками.

— По-разному, — сказала она. — Так... Со всякими. Меня гонят все. Говорят, рыжая. А я что, виновата?! На себя бы посмотрели!

— Успокойся, — попросил Главный. — Все, больше тебя никто обижать не будет. Считай, ты дома. Умница, что пришла. Кстати, откуда? С какой стороны?

— Оттуда, — Женя махнула рукой, как давеча в магазине.

Главный шевельнул бровью в сторону Олега.

— Мы нашли ее прямо на Московском проспекте. В магазине женской одежды. На склад забралась.

Главный озабоченно посмотрел на Женю.

— Ты читать умеешь? — спросил он с некоторой опаской.

— А чего тут уметь? Там платья были нарисованы, я и зашла.

— Что вот тут написано? — Главный толкнул по столу к Жене толстую растрепанную тетрадь с надписью «Амбарная книга». Ниже кто-то вывел от руки неразборчивыми каракулями: «Сведения по движению продуктов за весенне-летний сезон». Женя для порядка несколько раз пробежала текст глазами справа налево и слева направо, потом обиженно надула губы и отвернулась. Представление начало ее утомлять. Теплый железный «макаров» так и просилсЯ из-за пазухи в руку.

— Там действительно платья нарисованы, — вступился за Женю Олег. — На витрине.

«Какие ты еще слова знаешь?» — подумала Женя. Олег уже не пугал ее. А вот Главный — весьма. Похоже, он здорово боялся грамотных людей. Хотя одного такого Женя видела несколько минут назад выходящим из его кабинета. Или каждый умеющий читать проходит здесь какую-то проверку? На «тупость»? На лояльность? На знание фамилии этого хмыря, который на портрете?

— Жалко, что ты не умеешь читать, — вздохнул Главный. — Ничего, мы тебя научим.

— Я способная, — заверила его Женя.

— Нам очень нужны люди, которые умеют читать. И считать. Ладно, девочка, все образуется. Ты теперь среди друзей, и все у тебя будет хорошо. Кушать хочешь?

— Очень.

— Сейчас организуем. Слушай, Олег, занялся бы, а? Походи с ней, покажи, как мы живем, познакомь с кем надо. И заодно реши там с общежитием, с пайком, ну, все формальности.

— Мне еще до вечера в патруле, Андрей Николаевич.

— А заместитель у тебя на что?

— Понял. Сделаем.

— Ну вот и все, девочка. Пока что до свидания. Выйди на минутку, хорошо? Олежка сейчас тебя догонит.

Женя безропотно встала и вышла за дверь, размышляя о том, что Дымов с идеей разведки прогадал. Ничего она здесь не узнает и не поймет. Здесь творилось нечто загадочное, но чтобы уяснить его суть, пришлось бы основательно вжиться в организованный Главным мирок. Только одно сейчас было для Жени ясно — как именно Главный оказался Главным. Так же, как Сан Сеич завербовал объездчиков. Лаской. Исключительно лаской. Главный действительно хотел «тупым» помочь. Жалел их, оберегал, всячески оглаживал — не столько текстом, сколько интонациями. К тому же он и сам выглядел не шибко-то умным, что тоже, наверное, сыграло ему на руку.

«Ладно, потолкаюсь тут до вечера, — решила Женя, закрывая за собой дверь в кабинет. — А там видно будет. Только бы в баню не погнали. Куда я тогда пистолет-то засуну? Вообще, напрасно я его взяла. Эту братию голыми руками передавить можно. Не такие уж они и страшные».

«Референт» стоял в приемной, оживленно потирая руки.

— Ха-ха! — воскликнул он. — Поматросил ее наш Олежка и бросил! Что, прошла любовь, завяли помидоры? Ничего, не переживай! Слушай, рыжая, пойдем, я тебе одно место покажу. Там хорошо. А потом накормлю. Пошли?

Женя слегка подпрыгнула, занимая удобную позицию, и влепила «референту» свой коронный — с разворота пяткой в глаз.

Из кабинета на шум выскочил Олег. Миновал Женю, будто ее и не было здесь, обогнул стол и уткнул ствол автомата «референту» в ухо. Тот что-то пробормотал, но даже не пошевелился. Видимо, кувырок через стол окончательно вышиб из бедняги всякое желание проявлять инициативу.

— Ф-фух! — Олег защелкнул предохранитель и обернулся к Жене.

— А чего он?! — возмутилась Женя, делая шаг назад.

— Спокойно, — попросил Олег. — Только спокойно.

— А чего он?!

— Все нормально. Ты молодец. Никаких проблем. Только успокойся.

— Убила бы! — от души сказала Женя.

Олег приоткрыл дверь кабинета.

— Все нормально, Андрей Николаевич, — сказал он. — Как обычно. Ну, мы пошли? Ага. До свидания, Андрей Николаевич.

Из-за стола выполз «референт». Лицо у него распухало буквально на глазах. Увидев Женю, он помотал головой и поспешно дал задний ход.

— Пойдем, — сказал Олег. — ...Рыжая. Пойдем обедать. Меня-то бить не станешь?

— Тебя не за что пока, — уклончиво ответила Женя.

— Тогда прошу за мной, — Олег вышел в коридор. Женя у него за спиной поежилась. Этот парень становился все человечнее с каждым словом, с каждым жестом. И Женя подумала, что никогда еще Штирлиц не был так близок к провалу. «Вот только кто из нас Штирлиц, а?»

* * *

Когда со стороны города на проселок выехал какой-то незнакомый джип, Гош схватился за бинокль. В резво пылящей ему навстречу машине сидели четверо, и Жени среди них не было. Конечно, она могла валяться в багажнике, но Гош решил не паниковать и для начала рассмотреть непрошенных гостей вблизи. Он потянул веревку и затащил смертоносную для автомобилей утыканную гвоздями доску в кусты. Убежал в глубь леса, спрятался в густом ивняке у самой дороги, передернул на всякий случай затвор автомата и стал ждать. Гул мотора приближался.

Как по заказу, машина остановилась прямо напротив места, где притаился Гош. Раздался звук открываемой двери.

— Быстрее давай, — сказал кто-то.

— Сейчас, — отозвался другой. — Не буду же я посреди дороги...

Гош начал медленно отходить назад и в сторону. Перспектива обнаружить себя и, может быть, принять бой, ему не улыбалась.

— Жрать надо меньше.

— На себя посмотри!

С этими словами тот, кому приспичило, вломился в кусты. Гош сжался в комок, но было поздно. Они столкнулись нос к носу.

— О-па! — воскликнул «тупой». — Да я ж тебя знаю!

Гош тоже мгновенно опознал этого парня. Один из тех «уродов», которые весной гнали его из города. На этот раз безоружный. Правой рукой он придерживал растянутые штаны, в левой комкал пожелтевшую газету.

— Ты чего там? — спросили из машины.

Гош прижал к губам палец и стволом автомата пихнул «тупого» в грудь.

— Тут один умник спрятался! — радостно провозгласил «тупой», не поняв намека.

— Да ну?! Где?!

Из машины, бряцая оружием, посыпались люди.

Гош заорал что-то нечленораздельное и пинком вышиб «тупого» на дорогу. Тот, пытаясь сохранить равновесие, отпустил штаны, немедленно упавшие к коленям, взмахнул руками и грохнулся в колею.

Шансов убежать не было, тем более что совсем неподалеку стоял прикрытый ветками «Паджеро», терять который очень не хотелось. Гош прыгнул вперед и оказался в крайне невыгодной позиции. Хуже некуда. Противник был всюду. Один вплотную слева, один под ногами, и двое по ту сторону красной «Тойоты».

— Руки!!! — заорал Гош, стволом автомата выбивая зубы тому, что слева. В ответ раздалась короткая очередь — прямо сквозь машину, через открытые настежь окна. Гош плечом сшиб наземь деморализованного врага, зажимающего руками лицо, повалился на него и засадил весь рожок под «Тойоту», молясь, чтобы рикошетом от подвески не задело бензобак.

За машиной кричали, падали и стреляли во все стороны. Из «Тойоты» полетели клочья, в лесу что-то ломалось, сыпалось и гроыхало.

«Тупой», оказавшийся без штанов, вскочил на четве-

реньки и так ускакал за деревья, оставив на дороге большую кляксу желто-коричневого цвета.

Гош отбросил автомат, выхватил «ГТ», звезданул рукояткой беззубому по голове и в один прыжок оказался за машиной.

— Убью! — рывкнул он, направляя ствол ближайшему «тупому» промеж глаз.

— Но-о-ги! — простонал тот. Оружие он выронил и теперь обеими руками держался за окровавленные лодыжки. — Ты мне но-о-ги... А-а!!!

Второй боец, тоже весь в крови от колен и ниже, трясущимися руками пытался отстегнуть магазин «калашникова». Ему очень мешало то, что к пустому магазину зачем-то был вверх ногами примотан изолентой еще один. Гош шагнул к «тупому» вплотную и просто отобрал у него оружие. Поднял второй автомат. Вернулся к лежащему в обмороке беззубому и его тоже избавил от лишней тяжести. Забросил автоматы в кусты.

Первый раненый так орал, что пришлось и ему врезать по голове. Второй, судя по всему, был в шоке и боли не чувствовал, только ел победителя злыми глазами. Гош заглянул в осевшую наземь машину, увидел рацию и тут же оторвал у нее микрофон.

— Эй ты, скотина! — крикнул он в чашу. — Выходи, подлый трус!

Тишина. Гош для острастки пальнул в лес.

— Выходи, гад, а то дружков твоих перестреляю!

— Да иду я! — раздалось из-за деревьев. — Сейчас!

— Бегом!

— Да погоди ты, дай почиститься!

Гош прислонился к машине спиной. У него вдруг отчаянно заболела голова.

— Куда вы ехали? — спросил он у дееспособного раненого.

— Пошел ты... — сквозь зубы выдавил тот.

Гош скривился и прижал рукой ноющий висок.

— Сейчас этого добью, — пообещал он, направляя ствол пистолета в голову безвольно валяющегося на песке тела.

— Пошел ты...

Гош взвел курок.

— Я не шучу, — сказал он устало.

— Послали искать склад горючего.

— Куда? Откуда здесь склад горючего?

— Военный. Сегодня на рынке говорили... Один деревенский нашел.

— Что нашел?

— Видел бензовоз... — Язык раненого заплетался. Похоже, он тоже собирался потерять сознание. Колени ему раздробило основательно. У парня, судя по всему, оказалась хорошая реакция, и, когда Гош начал стрелять по ногам, он уже падал на землю. А надо было прыгать вверх.

— Это совсем в другую сторону, — вздохнул Гош. — Эх, занесло же вас сюда на мою голову... Ну, где ты там?!

— Да здесь я, — сказал «тупой» совсем рядом, опасливо высовываясь из-за березы. — Не стреляй.

— Грузи своих приятелей в машину. Быстро.

«Тупой» в ужасе оглядел картину разгрома.

— Гад, — констатировал он. — Убийца.

— Ух ты, какие слова знаем! Вспомни лучше, когда мы в последний раз встречались! В городе! Что ты мне тогда говорил, а?

— Я ничего не говорил. Я стоял просто.

— А вот теперь не стой! Зар-раза! Складывай заднее сиденье, живо! Вонючка несчастная...

«Тупой» полез в машину и принялся там возиться. Пахло от него действительно как из сортирной дырки.

Гош осмотрел колеса. Пробиты были все четыре.

— Готово, — доложил вонючий.

— Открывай багажник и закидывай туда своих.

— Помоги.

— Я тебе сейчас пулей в голову помогу! Ох, мама, перевязать бы вас... Хоть бы вы, гады, все кровью поистекли! Эй ты, вонючка! Бинт есть? Да вон аптечка! Открывай, доставай бинт, перевязывай их. Только быстро.

На всех бинта не хватило. Понукаемый несильными ударами стволом пистолета, вонючий порвал на полосы свою футболку и рубашку уже очнувшегося, но вконец отупев-

шего беззубого. Вдвоем они кое-как загрузили раненых в багажник и уселись на передние сиденья.

- Разворачивай и пошел отсюда!
- Колеса же... Как мы доедем?
- Медленно. Воткни на раздатке четыре-эл.
- Это как?
- Там цифра «четыре» и латинская буква «эл», дубина!
- Где?

Гош так яростно бросился на дверь, за которой сидел вонючий, что тот в ужасе повалился соседу на колени. Гош с трудом удержался от мордобоя, включил пониженную и, утирая рукой с пистолетом градом катящийся по лбу пот, отошел в сторону.

- Теперь исчезни, — приказал он.

Отчаянно скрежеща дисками, «Тойота» с трудом развернулась, ломая кусты.

— Мы шепя ишшо поймает, — сообщил беззубый на прощание.

— Убийца, — поддакнул вонючий. И укатил, точнее, уполз.

Двигаясь медленно, как тяжело раненный или очень старый человек, Гош восстановил свое противомашинное ограждение и вытащил из кустов трофейные стволы. Долго рассматривал смотанные вместе магазины и неожиданно догадался, зачем это сделано. Вспомнил, что в бардачке видел изоленту. Уселся в «Паджеро», чтобы выгнать его на дорогу кормой к городу — чего уж теперь маскироваться, если приедут народные мстители, нужно будет стрелять и драпать. Повернул в замке ключ. Никакой реакции. Только едва моргнули лампочки на приборной доске.

Гош с замиранием сердца дернул ручку открывания капота и мешком вывалился в дверь, едва не упав. Ноги его не слушались. С трудом он обошел машину и увидел то, что и ожидал, — развороченное пулями крыло. «Вот что, оказывается, в лесу грохотало...» А еще он учуял характерный запах электролита. Открыл капот и уставился на свороченную пулей клемму. Машинально восстановил контакт, стараясь не разглядывать особенно пристально вдребезги разбитую у самого дна стенку аккумулятора. Вернулся в

машину и обнаружил, что «Моторола» все-таки подает слабые признаки жизни.

Уже понимая, что все равно конец, Гош набросился на рацию. Оставался еще шанс что-то исправить. Но рация умирала буквально на глазах. Может быть, на приеме она еще могла что-то выдать из остатков аккумулятора, но для передачи не хватало мощности.

Некоторое время он тупо глядел в никуда, ритмично ударяя кулаком по баранке. Потом нашел в бардачке изоленту, соединил два рожка и принялся на своем автомате тренироваться в быстром их перестегивании. Учился, пока не отточил движение как следует.

Его ждала масса дел. Нужно было каким-то образом связаться с ребятами и поторопить их в поисках войсковой части, о которой прознали «тупые». И вопросом жизни или смерти было предупредить Сан Сеича, чтобы был готов к визиту из города — ведь объездчики сообщили «тупым», что Гош ими застрелен. Нужно было что-то делать.

Но Гош щелкал замком, переворачивал магазины, снова щелкал, опять переворачивал... Его будто заклинило. Он понимал, что, отпустив этих «тупых» живыми, создал большую проблему для людей, которые к нему хорошо относились. Но все щелкал замком. Голова просто раскалывалась, и пот заливал глаза. Очень хотелось выпить.

Ужас, что он натворил. По его вине над ранчо нависла серьезнейшая угроза, и Гош был не в силах ее предотвратить. Но главное, что свербило в мозгу и занимало все мысли, относилось сейчас лично к нему.

Он выжил чудом. И почему-то не убил этих четверых. Взял и не убил. Отпустил. Пожалел.

* * *

Экскурсия по городу оказалась увлекательной и невнятной. За несколько часов Женя узнала о жизни тульской коммуны «тупых» очень много, но по-прежнему ничего толком не поняла. Сначала ее отвели в столовую на первом этаже, где пришлось, имитируя волчий голод, сожрать, давась и пуская слюни, две тарелки недоваренной гречневой

каши. В столовой оказалось людно, в основном это были парни в камуфляже, но попадались и цивильно одетые. Лиц женского пола среди кормившихся Женя не заметила. Разве что в окне раздаточной мелькали какие-то закопченные мордашки, да еще посуду со столов убирали девицы, выглядевшие в массе своей довольно запущенно, и все заметно беременные. Парни на Женю таращились, как на заморскую диковину, но знакомиться не подходили. Наверное, мешало присутствие Олега.

На заднем дворе «у солдата», оказавшегося допотопной скульптурой, изображавшей красноармейца с винтовкой, Олег приказал своему патрулю двигаться без него. Женя тем временем не без опаски посетила колоссальных размеров дощатый сортир дырок на пятьдесят, разместившийся на газоне у местной кремлевской стены. Могучее сооружение на ветру поскрипывало, и через щели видно было намалеванное на кирпичах древней тульской крепости не менее древнее русское слово из трех букв. Желтой аэрозольной краской здесь кто-то провел связующую нить между благословенными старыми временами и проклятыми новыми. Женя задумалась было, кто это сделал, но почувствовала, что голова пухнет, и решила не анализировать, а только запоминать.

А запоминать было что. Олег показал ей школу, где «тупые» под руководством продвинутых соплеменников дружно и старательно вспоминали, как пишутся слова. Отвел в женское общежитие, где уши закладывало от голодного детского рева. Объяснил, не подбирая слов и все более становясь от этого загадочным, как работают в городе похоронные и трофейные команды. Даже показал святая святых — огромные склады, доверху забитые провиантом, одеждой и самым дефицитным товаром на сегодня — годными к употреблению батарейками. Повсюду, как муравьи, суетились «тупые», они были деловиты и, похоже, довольны собой. Город активно готовился к зиме.

Олег показывал и рассказывал, а вопрос о размещении в общежитии и постановке на довольствие повис в воздухе. С каждой минутой такая забывчивость гида Жене нрави-

лась все меньше. И разгадка пришла, стоило лишь ей самой форсировать события.

— А где я буду жить? — спросила Женя, стоя у открытой танцплощадки. Вечерами сюда подгоняли «БМВ» с мощной аудиосистемой и принимались веселиться. В пределах ста граммов водки на лицо. Спиртное в городе лимитировалось даже строже, чем еда. И, судя по всему, сухой закон уже вызвал к жизни черный рынок. А скоро мог и поставить крест на владычестве Главного, железной рукой толкавшего подопечных к тому, чтобы они увидели следующую весну.

— Хочешь? — спросил Олег, доставая сигареты. И подмигнул хитро-хитро.

— У меня свои.

— Ну и замечательно. Пойдем сядем? Вон, на лавочке. Покурим.

Они уселись на облезлые крашенные доски, и Олег небрежно отложил автомат. Далеко от себя. Пожалуй, дальше, чем нужно. Демонстративно.

— Пойдешь снова к Главному? — спросил он, глядя в сторону.

— Не понимаю.

— Все ты отлично понимаешь.

Женя нащупала под курткой пистолет. Так ей показалось спокойнее.

— Главный тебя расколол, — сказал Олег просто. — Ты не думай, что он какой-то там старый шизофреник. То есть он, конечно, старый шизофреник и есть. Но здесь оказался к месту. Котелок у деда варит. Организовал себе... Феодалное владение. Со всеми сопутствующими делами. Включая женское общежитие. Знаешь, временами мне так смешно бывает... А временами грустно.

— Почему ты не уйдешь? — спросила Женя, крепче сжимая рукоятку.

— Куда? — спросил Олег в ответ. И в голосе его прозвучала дикая тоска, хорошо Жене знакомая.

— Куда-нибудь. Просто отсюда подальше.

— Тяжело одному. Я слишком долго был один. А здесь... Во-первых, я им нужен. Во-вторых, они с каждым днем

становятся умнее. Постоянная работа, пусть и механическая, занятия в школе, ответственность — люди растут на глазах. Это ведь очень приличный был народ в свое время, разве ты не заметила? Неважно, кто — работяга, автослесарь, менеджер, секретарша, но все они в прошлой жизни что-то из себя представляли. Чего-то хотели добиться. Это видно даже по лицам. Как будто тот, кто учинил над нами этот дикий эксперимент, ставил задачу отобрать лучших. Когда они проснутся... Это будет хороший мир. Что, не убедил?

— А зачем ты меня убеждаешь?

— Не знаю, — вздохнул Олег. — Просто хочется поболтать с нормальным человеком.

Женя расслабилась и убрала руку с оружия.

— Как они тебя не вычислили? — спросила она.

— Играю. Позволяю себе не больше, чем остальные. Вместе с ними расту. И потихоньку запускаю новые слова в обиход, новые для них манеры, поступки какие-то. В том, что это уже не банда, а почти настоящее общество, в некоторой степени и моя заслуга. Извини за громкие слова, но так оно и есть. Я пришел зимой с юга. Откуда-то с юга, сам не помню точно. И сейчас мне действительно будет не просто уйти, потому что я же вижу — они меняются. В том числе и под моим воздействием. И я уже почувствовал ответственность. А то, что здесь рулит Главный... Смешная фамилия, правда? Так вот, я думаю, на данном этапе даже хорошо, что он командует. Есть издержки, зато перезимует без проблем.

— Издержки — это пропускная система, это рэкет, которым он крестьян задавил, это диктовка цен на рынке, да? — спросила Женя агрессивно.

— Приходится мириться. Все для блага города. Потом, какие еще крестьяне? Мародеры. Уцелевшую скотину отстреливают.

— А молоко ты парное тоже из уцелевшей скотины пьешь?

— Настоящих крестьян единицы. На всю округу один колхоз и двое фермеров. И то вряд ли зиму переживут. Над ними... Тебя как зовут-то?

— Не твое дело.

— Как хочешь. Так вот, над крестьянами нужен контроль, чтобы они свое дело не забросили. Если ты их видела, знаешь — они же сумасшедшие. Так что о ракете говорить не приходится. Это именно контроль. Мы таким образом заставляем их наращивать производство.

— Сам придумал? — спросила Женя безглаголиво.

— Да что ты! Это все Главный. Я так, подай-принеси. Он и не знает, что я давно «проснулся». Думает, я просто самый талантливый его ученик. Перспективный мальчишка.

— Наследник? — усмехнулась Женя.

— Все может быть. — Олег затоптал окурки и достал из пачки новую сигарету. Он заметно волновался. Не наслаждался общением, а решал какую-то задачу.

— Чего ты хочешь? — не выдержала Женя. — Убежища на крайний случай?

— Ну, это вряд ли. Даже если Главный и догадается, что я вожу его за нос... Хотя кто его знает. Понимаешь, у старика есть своя концепция того, что в мире произошло, но он о ней не распространяется. Однако в эту концепцию четко укладывается то, что каждый по-настоящему «проснувшийся» для Главного — потенциальный враг. Только не оттого, что он угрожает его владычеству в Туле, вовсе даже нет. Главный чего-то очень боится. И его страх напрямую связан с нормальными людьми, теми, кто сохранил и личность, и память. Тут был один такой. Жил на отшибе, в наши дела не совался, но Главный заставил меня по весне его выгнать из города. А я потом узнал, что одному придурку старик приказал убить парня на дороге. Я пошел разбираться, и Главный сказал — этот тип не тот, за кого себя выдает. А кто он на самом деле, по его мнению, я так от старика и не добился... Может, он тебе расскажет?

— А потом меня на дороге застрелят?

— Тебя он не тронет, — сказал Олег твердо. — Я тебя сам провожу, отвезу туда, куда скажешь. Людей возьму.

— Что это ты со мной так цацкаешься? Влюбился?

— Хотя бы! — заявил Олег с вызовом.

— Ладно, проехали. Так все-таки чего тебе от меня надо?

— Главный будет с тобой говорить. Выбей из него мак-

симум. Пусть он расколется, в чем его страх. А ты расскажешь мне. Поверь, это в ваших же интересах.

— В наших?..

— Ты ведь не просто так в город зашла, — улыбнулся Олег, — правда ведь? Ты и попалась нарочно. Значит, представляешь чьи-то интересы. А я единственный человек в Туле, который может повлиять на то, что здесь происходит. И в случае чего перехватить инициативу. Ты хоть отдашь себе отчет, сколько здесь народу сейчас? Тут одних стволов без малого пятьсот. А если девчонок вооружить? Они у нас боевые.

— И брюхатые, — ввернула Женя. — Это Главный себе молодую смену выращивает? А евнухов он кастрировал, или как?

Олег поморщился. Видимо, насчет гарема Женя угадала.

— Короче говоря, — сказал Олег, — мне нужна информация. Я хочу знать, чего можно ожидать от старика. В обмен я дам тебе пропуск и объясню, как меня найти в случае чего. Мне не нужно здесь кровопролитие, понимаешь? И вообще происшествия не нужны. Любой спорный вопрос можно будет урегулировать.

— Черт с тобой, — сказала Женя. — Пропуск вперед. И я тебе ничего не обещала. А если старик меня загрызть попытается...

— Так у тебя же пистолет, — улыбнулся Олег. — И я буду рядом. В приемной.

— Как он меня раскусил? — спросила Женя, поднимаясь на ноги.

— Это не он, — снова улыбнулся Олег. — Это я.

Женя презрительно фыркнула.

— Помнишь, я заглянул в дверь и сказал, что все нормально, как обычно? «Как обычно» — это условный сигнал. А он мне просто в ответ кивнул. У нас все обговорено заранее. Конечно, я с самого начала тебя подозревал. Но, подай я сигнал раньше, могли бы всплыть мои недюжинные умственные способности. А ты сама мне подыграла. Запомни, солнышко, «тупой» не бьет «тупого» просто так, за нескромное предложение. У «тупых» все просто. Они друг к другу хорошо относятся. За очень редким исключе-

нием. Это простые добрые ребята. А вот вы, раньше времени «проснувшиеся»...

— Мы, — поправила Женя.

— Я научился держать себя в узде. Я научился их понимать и даже любить такими, какие они есть. А вы этого не можете. Когда я выгонял из города того умника... Видела бы ты, как у него руки тряслись! Я думал — все, одно неловкое движение, и мне каюк. Слушай, подруга, откуда такая ненависть, а? За что?

Женя закусила губу, рассматривая Олега сверху вниз. Тот все еще улыбался.

— Может быть, это ты один так счастливо устроен, что живешь среди них и тебя не пытаются съесть, — пробормотала Женя задумчиво. — Не знаю... Но мне кажется, братец, что ты просто банальный подлец. Торгаш. Ради будущей выгоды готов на любые унижения. Готов терпеть, что у тебя на глазах ласковый дядя заводит гарем. Что тысяча свободных людей пашет на него и выполняет любые его приказы. Как хочешь, это твой выбор. Теперь легко быть подлецом, отмываться ведь незачем. Стыдиться уже некого, мама с папой не расстроятся. Только вот я так не могу. Извини. Очень рада была познакомиться с главным циником планеты.

— Дура ты, — сказал Олег печально. — И слабачка. Это новый мир, неужели ты не понимаешь? Здесь выживают только молодые и сильные. Будешь рассуждать, как старая брюзга, — тебе конец. Ладно. Наше соглашение работает?

— Работает, — кивнула Женя. — По мне лучше молодой циник, чем пожилой маньяк.

Олег хмыкнул. Не без гордости.

* * *

Пять километров лесом с двумя автоматами на загривке, шестью запасными магазинами, пистолетом и биноклем Гош преодолел за неполные тридцать минут и выскочил к блокпосту на Московской трассе взмыленный, как скаковая лошадь. Не догадайся он с утра вместо любимых сапог обуть кроссовки, задача могла бы оказаться ему не по си-

лам. Но все равно пришлось долго валяться в траве, переводя дух. Впору было умереть, так сердце прыгало.

На блокпосту орала музыка. Отдуваясь, Гош лежал, глядя в небо, и пытался расшифровать загадочный смысл фразы «...где разбитые мечты обретают снова силу высоты». Признал, что не выходит, и взялся за бинокль.

Знакомый БТР куда-то пропал. Боком, перегораживая дорогу, стояла теперь другая машина, в которой Гош опознал гусеничный тягач «МТ-ЛБ». В принципе это было все равно, главное, что над тягачом красовалась длинная антенна.

Трое бойцов сидели на броне, еще один устроился в невесть откуда взявшемся шезлонге прямо на осевой линии. И как минимум один человек должен был скрываться внутри машины. Гош быстрым шагом по кромке леса выбрался заставе в тыл. Сотню метров по открытому месту преодолел на четвереньках, благо трава в этом году уродилась что надо, просто мечта крупного рогатого скота. По глубокой сухой канаве подполз к «МТ-ЛБ» вплотную. Принял решение и оставил в канаве лишний автомат. Ранее планировавшаяся стрельба временно отменялась, намечалась диверсия. Одна из кормовых дверей машины была чуть приоткрыта.

Магнитофон на броне, дорогая мощная CD-магнитола, которых Гош в прошлой жизни не застал, но в этой уже освоил, истошно орал про то, что, не зная броду, в воду соваться не стоит, но если очень хочется... «Тупые», ритмично покачиваясь в такт музыке, тарасились на дорогу. Гош сделал несколько глубоких вдохов, стараясь не удивляться своей отчаянной наглости. Еще пару месяцев назад он бы на такое не решился. Но сейчас нужно было не думать, а просто делать, и все. Крадучись, он подобрался к двери, осторожно приоткрыл ее и нырнул внутрь.

На сиденье командира некто в камуфляже упоенно ворочал туда-сюда пулеметную башню, неплохо отслеживая ритм песни. Музыка было слышно и здесь, через открытый настежь люк механика-водителя. Гош прикрыл за собой дверь и повернул задрайки. Проверил вторую, она была заперта. Верхний люк тоже. Стараясь не топтать, Гош двинул-

ся вперед. Отметил, что лобовые стекла прикрыты бронешитками, а сиденье механика опущено по-боевому, и это здорово сэкономит ему время. А на сиденье валялся — о, счастье! — шлемофон.

Уже привычным движением он треснул стрелка рукояткой пистолета в висок. Тут же перехватил ручки пулемета, чтобы резко задравшийся в небо ствол не привлек внимания тех, что на броне. Прислонил к стенке обмякшее тело. Походя отметил, что в пулеметной ленте от силы десятков патронов. Уселся на место водителя. Над головой был открытый люк, небо и враги. Но зато совсем рядом имелась вожденная армейская радиостанция.

Почти минуту Гош, держа на всякий случай пистолет стволом вверх, рассматривал панель управления. Ничего сверхъестественного она собой не представляла. Гошу даже показалось, что когда-то он с этим хозяйством общался, только рычаги вместо руля его немного смущали. Уверенно врубил питание. Машина ожила. Тогда Гош убрал пистолет за пояс и надел оказавшийся впору (еще одна удача, не нужно возиться) шлемофон. Надел уверенно и почему-то только на одно ухо. Это было очень интересно, но Гош благоразумно решил, что все обдумает потом. Он выжал сцепление и положил одну руку на стартер, а другую медленно, очень медленно протянул к стопору люка. И рванул.

Двигатель за спиной взвыл, а потом взревел. Рукоятка над головой повернулась до упора. Гош воткнул передачу, уперся лобным валиком в мягкую накладку на триплексе, пожалел, что здесь нет ремней безопасности, и дал по газам.

Наверное, со стороны это выглядело комично — пляшущий на месте гусеничный транспортер и одуревшие парни с автоматами, бегающие вокруг. Наконец Гош разобрался с проклятыми рычагами, и машина покатила от города прочь, рывками набирая скорость.

Сзади раздался оглушительный звон, как будто по тонкой броне принялись лупить кувалдой. Чтобы не оглохнуть, Гош приоткрыл рот. «Тупые» стреляли не туда. Куда нужно стрелять, чтобы пробить из «калашника» броню

«МТ-ЛБ», Гош не помнил, но задние двери в число слабых мест транспортера, похоже, не входили. Хотя уж лучше бы пули машину дырявили, может, было бы потише. Гош натянул шлемофон на оба уха и опять схватился за управление.

Минут через десять, успешно пройдя несколько пологих длинных поворотов, Гош остановил машину. В ушах звенело так, как будто в корму все еще стреляли. Между прочим, «тупые» вполне могли пешком броситься за транспортером в погоню, и, хотя Гош выжал из аппарата целых тридцать километров в час, уверенности, что враг не висит на хвосте, у диверсанта не было.

Гош остановил машину, открыл люк и осторожно из-за него высунулся. Сзади было чисто. Тогда он не без труда выволок через корму на дорогу потихоньку оживающего стрелка, вернулся на свое место и поехал дальше. Через пару километров свернул на проселок, загнал «МТ-ЛБ» поглубже в лес и с наслаждением заглушил двигатель. Не веря еще толком в свою удачу, закурил и пересел к рации.

Армейская многодиапазонная радиостанция тоже показалась ему странно знакомой. Гораздо более знакомой, чем управление гусеничной машиной. Если в последнем он так до конца и не разобрался, то вот радио... Гош постарался максимально отключить сознание и отдаться голой моторике. Поставил станцию на прогрев — это получилось совсем естественно. Размотал шнур и воткнул в гнездо тангенту — свисавший на грудь эбонитовый параллелепипед с клавишами приема и передачи. Опять сдвинул шлемофон на одно ухо, все еще не понимая зачем, скорее по старой привычке. Рация, прогреваясь, тихонько пела. Гош быстро нашел гражданский диапазон и рабочую волну объездчиков. Вздыхнул — теперь от него уже ничего не зависело. Он сделал для победы все.

— Сан Сеич, родной, подойди к рации! — умолял Гош, давя кнопку тонального вызова. — Белый, дружище! Милый, хороший, я тебя умоляю... Костя, а ты где?! Ну кто-нибудь, сволочи, уроды, кретины, вашу мать!

— Кто это?! — отозвался в ухе далекий голос Большого. — Кто вызывает?

— Большой, я Гош! Как слышишь меня, прием!

— Здорово! Что случилось? А мы знаешь, где сейчас? Ух, чего тут только нет...

— Заткнись и слушай! На меня случайно наткнулись «тупые»! Почти час назад. Опознали меня. Понял? Я отпустил их живыми. Потом обнаружил, что у меня пробит аккумулятор и связи больше нет. Пришлось идти к блокпосту и угнать их тягач. Говорю из него. Я в нескольких километрах от города. Как понял меня, прием!

— Да, все понял! А что делать? Слушай, Гошка...

— Я вызываю ранчо, там никто не отвечает! Немедленно, повторяю, немедленно дуйте туда! Бросайте все! По дороге вызывайте ранчо, пока кто-то не отзовется. Будьте очень внимательны по пути. Сто процентов, что «тупые» явятся к Сан Сеичу выяснять, какого черта я живой! Понял, что будет? Прием!

— Да, да, понял, — затараторил Большой. — Сейчас, Гоша, мы быстро. А как ты? Не ранен?

— Дуйте на ранчо, идиоты! — заорал Гош, срывая голос. — Спасайте наших! Мне домой ходу два часа, я не умею на этой штуке! Спасайте наших, их же убьют! Прием!

— Да мы едем, едем, не переживай, я вот только Цыгана найду, он ушел куда-то...

— Ищи его! Скор-р-рее!!! Бегом! Вы-пол-нять!!!

— Да-а!!! — заорал Большой, видимо, прочувствовав командную интонацию и осознав, что выполнять надо любой ценой.

— Сколько вам до ранчо? Прием!

— Не больше часа! Я сейчас!

— Я подъеду так быстро, как смогу! Там и встретимся! Прием!

— А если там...

— А мне плевать! — отрезал Гош. Ему действительно было плевать, что может быть «там». Окажись на ранчо даже целая армия «тупых», он был готов давить их гусеницами, пока не подбили бы. — Я остаюсь на приеме, докладывать мне регулярно! Обо всем! Конец, я поехал!

Посреди необъятного парка военной техники Большой

судорожно вдавил кнопку сигнала. Высунулся в окно машины и, перекрывая могучим ревом вой клаксона, заорал:

— Цы-га-а-ан!!! А-та-а-ас!!! На-а-ших бью-у-ут!!!

* * *

У «Белого дома» толпился вооруженный народ, то и дело подъезжали и отъезжали машины.

— Что-то случилось? — поинтересовалась Женя.

— Погоди, — сказал Олег. — Я сейчас.

Женя на всякий случай остановилась подальше от толпы. Олег быстро переговорил с каким-то типом в камуфляже и вернулся слегка озадаченный.

— Ничего страшного. Так, небольшая войсковая операция.

— Объявили войну Англии?

— Да нет. Ерундовая стычка на Московской трассе. Давно уже нарывался один психопат. Терроризировал здесь всех, потом вроде бы залег на дно, говорили даже, что убили его. Ничего подобного, опять высунулся. Троих наших искалечил. Ладно, отловим. Пошли?

— Пошли, — кивнула Женя, подумав, что из города нужно выбираться как можно скорее. Фраза о том, что психопат «терроризировал здесь всех», сильно ее встревожила.

— Это не тот умник, о котором ты мне рассказывал? — спросила она.

— Он самый. Я так понимаю, вернулся мстить. Знаешь, он действительно сумасшедший. Людоед. Ты бы его видела! Глаза совершенно безумные. Опаснейший тип.

Женя с трудом удержалась от стона.

Главный по-прежнему сидел у себя в кабинете под портретом мордастого политического деятеля. Одной рукой он листал страницы «Амбарной книги», а другой стучал по клавишам бухгалтерского калькулятора.

— Вот, подсчитываем, — сказал он Жене. — Кажется, всего должно хватить. На год примерно мы обеспечены, а если не роскошествовать, то и на полтора. Но ведь это не основное, правда? Нужно поднимать сельское хозяйство,

без него страна обречена. Пахать нужно и сеять. Ничего, следующей весной попробуем. Ну, как вам у нас, понравилось?

Женя неопределенно хмыкнула.

— Мы стараемся, как можем, — вздохнул Главный. — Пройден самый первый этап — внушить людям, что жизнь не кончилась, что она только начинается. Объяснить им, что они люди и существовать должны по-людски. Это было самое трудное — объяснить. Но получилось, кажется. Получилось?

Женя хмыкнула снова.

— Вот и я думаю, что не все у нас еще в порядке, — согласился Главный. — Но мы готовы признать ошибки. Готовы принять любую помощь, особенно грамотные консультации. Ребята так и горят желанием работать. Нужно только направить это желание в правильное русло.

Женя сочла за лучшее кивнуть.

— Вы понимаете, что я имею в виду? — спросил Главный почти заискивающе.

Женя склонила голову набок.

— Я аккумулировал в городе максимум людских ресурсов. Сохранил всех, кого удалось, и привлек новых. Здесь собрана отличная команда. Люди готовы, понимаете? Уже готовы. Можно начинать. Я заявляю об этом со всей ответственностью.

Женя молчала, рассматривая хмыря на портрете.

— Я же все понимаю! — почти взмолился Главный. — Я же главный инженер! Я в курсе! Только скажите — нам еще долго ждать?

Женя почувствовала, что устает от этого человека, и решила сыграть по-крупному.

— Продержитесь до весны, — сказала она со всей возможной строгостью. — Можете считать, что зима — экзамен для вас. За это время произойдет необходимый отсев.

Главный благоговейно внимал. От усердия у бедняги налилась красным лысина.

— Простите... Как мы узнаем о вашем приближении? — спросил он.

— Будет слышно, — заявила Женя, изумляясь своей наглости.

— Да, я понимаю... К северу от города есть хорошая площадка, большое ровное поле километр на полтора. Вам хватит столько?

Женя на секунду задумалась.

— Должно хватить.

— Если будет темно, мы сможем обозначить кострами посадочный знак.

— Не стоит, — смиростивилась Женя.

— Как вам угодно.

— А теперь мне пора.

— Да-да, конечно! — Главный вскочил. — Не смею задерживать. И простите за причиненные неудобства. Я распоряджусь, чтобы вам немедленно выделили охрану и автомобиль. Вас доставят, куда прикажете. Мне только не хотелось бы, чтобы ребята удалялись от Тулы больше чем на сто километров. Но если возникнет необходимость...

— Мне только выехать из города. Дальше я сама.

— Как прикажете. Олег!

Главный суетился, Олег кивал, Женя старалась не рассмеяться. На прощание она допустила Главного к руке, которую старик долго и вернопоподанно лобызал.

У подъезда Женю ожидали два белых «Гранд-Чероки». В первый уселись они с Олегом, во второй погрузился все тот же патруль. Вид бойцы имели воодушевленный — им явно сообщили, что придется сопровождать особо важную персону. То, что персоной оказалась тощая рыжая девчонка, которую они арестовали в обед, «тупых», похоже, не смущало.

— Куда едем? — спросил Олег.

— Километр от блокпоста. Там я сойду. И пускать за мной «хвост» не советую.

— Они не умеют. А я сам не пойду. Убьешь еще.

— Запросто.

— Верю. Ну, что расскажешь?

Машина тронулась. Женя оглянулась на громаду «Белого дома» и мысленно пожелала Главному поскорее отдать концы.

— Он аккумулирует в городе людские ресурсы, — сказала Женья.

— Это я и без тебя понял. Только вот зачем? На убой?

— К северу от города есть поле. Главный считает, что это хорошее место для посадки. Он даже предлагал в ночное время обозначить его кострами.

— Место посадки... Кого?! — судя по тону, Олег даже испугался.

— А вот это ты гадай, — мстительно усмехнулась Женья.

За окном проплывал мертвый пустой город. Жене очень хотелось попросить Олега, чтобы ехал быстрее, но она не решалась. Момент встречи с Дымовым ее пугал. Во-первых, того могло просто не оказаться на месте. Во-вторых, он мог там лежать мертвый.

— Место посадки инопланетян... — пробормотал Олег упавшим голосом. — Чует мое сердце...

— Или американского десанта, — подсказала Женья.

— Да что ты! — махнул на нее рукой Олег. — Какие там американцы! Не тот масштаб. Ты учти, у нашего Главного два высших образования. Он был главным инженером на каком-то оборонном заводе. И между делом изобрел гениальный способ получения натурального молока из молока сухого. Улавливаешь?

— Нет, — честно призналась Женья.

— Повторяю. Следи за мыслью. Он изобрел, как из сухого молока получать мокрое.

— А-а...

— Долго носился с этой идеей, но проклятые бюрократы не хотели принимать заявку. Тогда он изобрел еще более гениальную вещь — как пополнить бюджет страны, одновременно резко повысить нравственность и спасти от вымирания малые народы Севера. Понимаешь, у чукчей завалялось по карманам золотишко. Я уж не говорю о пушнине. Куда девать это богатство, они не представляют. А вот с женщинами у чукчей проблемы. Так вот, по Главному, надо было отловить в Москве всех проституток, которых там видимо-невидимо, и принудительно раздать их чукчам. И все довольны, понимаешь? Шлюхи получают свои деньги, чукчи получают своих женщин. А уж женщины-то

мигом потратят деньги, которые, разумеется, поступят в казну.

Женя постаралась осмыслить гениальный план. Ее разобрал давно сдерживаемый хохот.

Олег не смеялся. Лицо его выражало крайнюю степень озабоченности.

— Ты откуда это все знаешь? — спросила Женя, немного успокоившись.

— Да был однажды разговор... В женском общежитии. Расслабился старик, выпил лишнего, и начал мне историю своей жизни рассказывать, благо я вроде бы ничего не понимаю. Он много еще чего напридумывал. Так что я себе более или менее представляю, как у него голова работает.

— Ох, сомневаюсь я, что ты знаешь, о чем думает Главный, — сказала Женя.

— Ну, хотя бы в общих чертах. И поверь мне, подруга, встречать хлебом-солью американцев — это не для нас. Мы с Америкой, считай, в состоянии войны. С Америкой, с евреями и еще, по-моему, с японцами. Если бы старик заподозрил, что ты из японской разведки, — мы бы сейчас тебя на расстрел везли.

— Так и расстреляли бы?

— Не надейся. Помнишь уroda пьяного на черном «Мерседесе»? Я бы тебя ему за ящик водки продал. А он тебя куда-нибудь в деревню толкнул бы. В обмен на поставки свежего мяса. В городе, знаешь ли, очень модны шашлыки. Совсем недавно ребята научились.

— Верю, — кивнула Женя. — Вполне на тебя похоже — торговать людьми.

— Да что ты обо мне знаешь! — воскликнул Олег. — По-была бы в моей школе!

— Что-то не хочется.

— Вот именно. Особенно теперь. Проклятье! Да, если мы готовы обозначить место посадки кострами — все, конец. Значит, ждем инопланетян. Елки-палки! Что же мне теперь делать, а?

— А ты убей его, — лениво посоветовала Женя. — Отрави.

— Думаешь? — спросил Олег с надеждой. — А как?

— Сам догадаешься. Учи еще тебя.

Олег раздраженно засопел.

— Я тебе не нравлюсь, — сказал он. — А жаль. Мы бы с тобой могли отлично сыграть в паре. Ты подумай.

— Кем ты был в прошлой жизни, игрок? Карточным шулером?

— Поступал в военное училище. Даже не помню в какое. Ни города своего не помню, ни родителей. Ни-че-го. Ты маму помнишь?

— Допустим.

— А я нет. А дом ты свой помнишь?

— Не твое дело.

— А я не помню! — в полный голос крикнул Олег. — Можешь ты это понять, ты, чистюля?! Не помню! Ничего!

— Успокойся, — попросила Женя.

— Да я спокоен! Я только здесь и успокоился! Меня знаешь сколько били? Знаешь, через какие дела я прошел?! Хочешь, шрамы покажу?! — Олег бросил управление и рванул на груди куртку.

— Тихо! — рявкнула Женя, упирая Олегу в бок ствол пистолета. — Машину води.

— Извини, — Олег мгновенно сбавил тон и послушно взялся за руль. Контроль над собой у него был потрясающий. Среди «проснувшихся» Женя такого еще не видела.

— Это все нервы... Устал я, — тоскливо протянул Олег. — Все, можешь убрать пушку. Я уже в порядке. Я не опасен. Ты мне нужна, понимаешь? Я тебе не причину вреда.

Машина выехала на перекресток. Внезапно слева мелькнула тень, и «Чероки» подрезал угловатый черный джип.

— Ну вот, легок на помине! — воскликнул Олег. — Теперь начнется... А ну, давай на заднее сиденье и лежать! Двери заблокируй.

— Что будет? — спросила Женя, ныряя между сиденьями назад.

— Тупая болтовня, — Олег аккуратно запарковал машину у тротуара. — Не паникуй, справимся. Но это может быть надолго. Лежи тихо, хорошо? И ни в коем случае не стреляй. Я все устрою. Со мной этот кретин считается.

— А с Главным? — поинтересовалась Женя, утрамбовываясь под дверь.

— Хватит язвить, — посоветовал Олег и вышел наружу.

Вдоль обоих бортов «Чероки» протопали тяжелые башмаки и остановились. Патруль занял оборону.

* * *

Гош остановил тягач посреди двора, заглушил двигатель и с трудом выбрался наружу. От рычагов очень устали руки, и снять шлемофон оказалось неожиданно сложным делом, а закурить — и подавно.

Большой сидел на подножке «Лендровера» и громко всхлипывал. Цыган с потеряннным видом бродил среди развалин коровника. Внутри сгоревшего дома что-то с грохотом упало и чертыхнулся Костя.

Гош устало присел на башенку транспортера. Он был готов увидеть вместо фермы пепелище. С того момента, как отпустил «тупых», — готов. Плакать не хотелось, было просто невообразимо пакостно на душе. Оказывается, и так бывает — пожалел нескольких чужих и этим фактически убил двоих близких.

Большой поднял зареванное лицо.

— Что же теперь делать? — спросил он.

— А? — не расслышал оглохший Гош.

— Я говорю — что делать теперь?

Гош прыгнул на землю и, неловко ковыляя — оказывается, болели не только руки, — подошел к Большому.

— Это все моя вина, — сказал он, глядя великану прямо в глаза. — И ничего уже не поправишь.

— Оставь, Гошка. Ни в чем ты не виноват.

— Я отпустил их. Понимаешь, отпустил.

— И правильно... — Большой снова всхлипнул. — Отпустил — и правильно. А что ты должен был сделать? Расстрелять на месте только за то, что они тебя почему-то не любят?

— Не знаю...

— Все к этому шло, — подал голос Цыган, выбираясь из коровника с парой обугленных лопат в руках. — Так и так. Неделей раньше, недель позже, какая разница. Не забыть бы только Косте морду набить.

— Да что же мне теперь, повеситься, что ли?! — плачущим голосом взмолился из дома Костя. — Ну заснул я, заснул! Да! А эти?.. Кто их просил рацию на столе бросать?

— Заткнись, — попросил Большой. — А то я тебе... Ох, не могу... Не смотрите на меня, ребята.

— Да мы и не смотрим. — Цыган протянул Гошу лопату. — Где?

— В саду, наверное, — понял Гош его немой вопрос. — Фермера где хоронили?

— Там. Под забором.

— Вот и пошли.

— Эй, Большой! Кончишь плакать, найди лопату и присоединяйся.

Большой в ответ что-то промычал сквозь обильные слезы.

— Тоска, — пробормотал Цыган. — Какая же тоска, мужики! Снова мы осиротели. Это что, судьба? Карма?

— Если Женя не выберется из города, — сказал Гош, взвешивая лопату в руке, — я им покажу, какая у меня карма!

Могилы копал в основном Гош. Цыган то и дело отходил в дальний угол сада покурить, и слышно было, как он там давится слезами и бормочет проклятья. А у Гоша внутри будто застыло все. Он методично копал, совершенно механически, так же, как учился перезаряжать автомат несколькими часами раньше. И думал о том, что теперь осталось чуть-чуть до самого дна. Совсем чуть-чуть. Еще вот потерять Женю — и все, конец. Можно будет честно признать, что становится человеком ему, Георгию Дымову, не стоило. Лучше бы он очнулся «тупым».

Убитый горем и раздавленный чувством вины Костя, добровольно взваливший на себя обязанности похоронной команды, выволок в сад два завернутых в брезент тела. Вернулся в дом и принялся там забивать гвозди. Принес два грубо сколоченных из обгоревших по краям досок креста с табличками.

— Что написать? — спросил он хрипло.

— Просто имена. Корсаков Александр Алексеевич, Филин Николай Иванович. Выпить у нас есть?

— В подвале осталось.

— Давай, тащи. Выпить и закусить на всех. Ох, нажрусь я сегодня...

Костя ушел. Гош продолжал копать. Цыган не появлялся, Большой тоже. Гош кидал землю и размышлял, что же такое пережил Белый, если отказывался признать свое имя, при этом таская постоянно в нагрудном кармане собственные водительские права. Необычные права, новые, российские, с цветной фотографией.

— Эй! — закричал во дворе Цыган. — Малыш!

— Это не Малыш. Это Генри бродит, — сказал Большой. — Убили гады Малыша.

— Точно, Генри. А я-то обрадовался... Будет нам от Рыжей на орехи.

— Ты ее из города вытащи сначала.

Гош забросил наверх лопату и выбрался из могилы.

— Костя! — позвал он.

С пепелища вышел и двинулся к столу нагруженный выпивкой и закуской Костя.

— Генри — твой. Значит, ты у нас остался единственный наездник. Регулятор графства Линкольн... Хочешь послушать обществу?

Костя в ответ только вздохнул.

— Как наших похороним, тут же собирай манатки, прыгай в седло и скачи к городу. Туда, где я Женю собирался встречать, тебе ребята покажут. Осторожно покрутись там, посмотри, что и как. На засаду только не наткнись. Хотя для «тупых» засада — это перебор. Сделаешь?

— Запросто.

— Не очень это рискованно будет?

— А мне теперь все равно.

— Вот тебе-то как раз не все равно. Ты нам еще понадобишься.

— Не бойся, я аккуратнo.

— Женькино барахло сгорело?

— Начисто. Даже винтовка и та никуда не годится.

— Проклятье! Ладно, вернется живая, я ей платье от Кардена подарю.

— Мне подождать ее до рассвета?

— Если это окажется реально — да. Часов до девяти.

— Так я вас там и встречу...

— Мы не пойдем в Тулу, Костя, — сказал Гош.

— Это как? — не понял Костя. Лицо его окаменело.

— Сначала мы поедем в войсковую часть и найдем что-нибудь большое и страшное. А потом уже в Тулу. Расслабься.

— А-а...

— Кому бы скотину уцелевшую отдать...

— Некому. Ты не о том сейчас думаешь. Ты лучше прикинь, что делать, если «тупые» вернутся на добивание.

— Мы уйдем сразу же после того, как наших похороним. Ждем тебя к часу дня в парке техники у первого бокса. С Женей или без нее, все равно. Ладно, зови ребят.

Костя покорно ушел во двор. Гош сидел на краю могилы, свесив ноги вниз. Он сегодня вычерпал себя до конца. А впереди был еще гусеничный марш километров на шестьдесят. И очень много всевозможных сложностей и неприятностей, предсказать которые Гош пока не брался, но чувствовал, что без этого не обойдется. Жить не хотелось, а хотелось заснуть и не проснуться. Или все-таки проснуться и обнаружить, что весь этот безумный год был просто кошмаром. Тяжелым, мучительным, но всего лишь сном.

Объездчики без лишних церемоний опустили тела в могилы, засыпали их и воткнули в землю кресты. Белого застрелили в коровнике, где он работал. Сан Сеича взяли в саду и забили насмерть. Мобильная рация лежала в доме на столе, как раз на таком расстоянии от обоих погибших, что они не могли слышать ее сигнал. А уставшего от пастьбы в одиночку Костю просто разморило на солнышке. Да так крепко, что отчаянные вызовы Цыгана подняли его слишком поздно. Он увидел столб дыма и бросился на вырубку, но все уже умерли и пожар догорал. Судя по следам, на ферме побывал давешний БТР и человек двадцать народу. И в любой момент они могли вернуться. Но Гош больше не в силах был спешить. Он устал. И ему хотелось выговориться перед Сан Сеичем — хотя бы на прощание.

— Так, — сказал он, когда объездчики выпили по стакану и дружно закурили. — Объявляю порядок движения. Костя задачу свою знает. Цыган, покажи ему по карте все места. Боеприпасы накрылись, так что патроны делим по-

ровну. Мои тоже. Сейчас, пока Костя здесь. После этого провести ревизию того, что в подвале не сгорело. Вы лучше меня знаете дом, вам и карты в руки. Отберите что нужно, особенно провиант. Грузитесь и зовите меня. Я вообще голый остался, так что пока здесь... посижу. Вопросы?

— А если Женя все-таки сюда придет? — спросил Цыган.

— Значит, ей не повезло.

— Может, знак какой-нибудь оставить?

— Среди «тупых» попадаются довольно умные. И грамотные. Что ты предлагаешь?

— Если найдется краска... Или просто нацарапать на фасаде. Пусть ждет нас у перекрестка. Мы же пройдем через него на Тулу. Спрячется в кустах, любое движение увидит издали. По-моему, это безопасно.

— Согласен. Делай. Еще вопросы?

— Никак нет... Старший, — ответил за всех Костя.

— Регуляторы, по местам, — Гош отвернулся и ушел к могилам. Присел у креста Сан Сеича. Закурил.

— Я так и не успел рассказать вам, — пробормотал он себе под нос. — Вы столько раз меня спрашивали, а я все отмалчивался... Но понимаете, Сан Сеич, это действительно очень странная история. Я постоянно сталкивался с какими-то ее проявлениями, и каждый раз они пугали меня. Не может ведь одно и то же повторяться с периодичностью раз в сто лет и с такой удивительной точностью! Хотя люди, по сути, одинаковы. Какая разница, американцы или русские. Главное, наверное, условия. Правда?

Сан Сеич не ответил. Наверное, согласился с тем, что именно внешние условия порождают занятные истории, а не наоборот.

— Это было в штате Нью-Мехико, в окрестностях города Линкольн. Там жил фермер Джон Танстелл, английский эмигрант. Занимался скотоводством. А в помощники себе набирал молодых ребят, которые по тем или иным причинам не ладили с законом. Человеческая жизнь тогда не стоила ни гроша, прямо как сейчас, и стать убийцей было элементарно. В порядке вещей. Любой, кто носил оружие, потенциально оказывался и жертвой, и хищником. А ору-

жие носил любой конный пастух. Фронтир — опасная территория, граница освоенных земель и совсем еще диких, неизведанных. То индейцы, то мексиканские бандиты, то свои местные угонщики скота. Так что не такие уж и плохие были эти ребята Танстелла. Он дал им главное, в чем они нуждались, — убежище. А еще он заботился о них. Учил грамоте, хорошим манерам, — короче говоря, помогал стать людьми, адаптироваться к нормальной жизни. Простого человеческого участия, вот чего им еще не хватало. И это тоже он им давал. Короче говоря, парни любили мистера Танстелла. Почти как отца. А может быть, и куда больше. Своих-то отцов они, как правило, не помнили. Не помнили...

Гош прикурил от окурка новую сигарету.

— У Танстелла был сильный конкурент, — продолжил он. — Некий Мерфи, крупный землевладелец, из ирландского лобби, которое почти все контролировало в штате. Мерфи потихоньку скупал земли в округе, используя для этого любые доступные методы. У него была своя небольшая армия, и он мог запросто сгонять мелких фермеров с их участков, выплачивая им чисто символические суммы. Это был настоящий рэкет, очень мощный и жестокий. И к Танстеллу Мерфи тоже подъезжал неоднократно с деловым предложением убраться подальше. Но Танстелл упорствовал, а его команда... Да, они называли себя Регуляторы. Это просто слово, ничего больше. Фактически «регулятор» и есть объездчик. Человек, отвечающий за порядок на вверенной ему территории. Так вот, команда не давала Танстелла в обиду. Но в один прекрасный день Мерфи в открытую атаковал их превосходящими силами. И Танстелл погиб. А мальчишки оказались предоставлены сами себе.

Так получилось, что последним, кого Танстелл подобрал, был некий Вильям Бонни, он же Робертс, по прозвищу Билли Кид. Мелкий такой парень, объявленный в розыск за угон скота и убийство. Он быстро прижился у Танстелла и постепенно захватывал в группе Регуляторов лидерство. Говорят, именно он в первую очередь выступал за то, чтобы отомстить банде Мерфи. Адвокат Танстелла добился от окружного прокурора выдачи повесток в суд для убийц.

А Регуляторы получили звезды помощников шерифа и как судебные исполнители вызвались доставить повестки адресатам. Конечно, все понимали, что это пустой номер. Суд оправдал бы людей Мерфи. Но Регуляторы хотели попытаться. Хотя бы попытаться сделать все по закону. Только ничего у них не вышло. Первым, кто доставил повестку по назначению, был именно Билли Кид. Он сразу опознал человека, стрелявшего в Танстелла, и без долгих рассуждений убил его на месте. После чего Регуляторы сами оказались вне закона, и с этого момента началась история банды Кида.

Через несколько дней в перестрелке был убит их лидер, и Кид возглавил Регуляторов. Они еще не стали преступной группой де-факто, хотя и были таковой де-юре. Они еще не грабили на дорогах и не воровали скот. Нет, Регуляторы просто начали планомерный отстрел людей Мерфи. Кровь за кровь, вполне естественный ход событий для пограничных территорий. Они убивали своих врагов до тех пор, пока на них не устроили облаву все, кому не лень, включая охотников за премиальными и регулярные войска. Некоторые из Регуляторов графства Линкольн погибли, а остальные разделились. И в конце концов Билли Кид из благородного мстителя превратился в то, чем и был с самого начала. Он стал обыкновенным бандитом, пиратствующим на границе с Мексикой. Угонял в Мексику скот, продавал, снова угонял... Дальше история трактуется по-разному. В какой-то момент Киду пообещали, что он будет прощен, если сдастся властям и на суде выступит свидетелем по делу Мерфи. Он согласился, потому что все еще лелеял надежду, что его обожаемый мистер Танстелл будет отомщен. Но, уже оказавшись под арестом, узнал, что оправдательного приговора для него самого не последует. И суд будет не над Мерфи и его бандой, а над самим Кидом. Тогда он бежал и снова занялся разбоем. В итоге Билли оказался убит неким Пэтом Гарретом, бывшим Регулятором, которого власти просто купили. Заплатили денег и вручили шерифскую звезду, чтобы он избавил штат от чересчур опасного человека, который к тому же слишком много знал.

Но вот что интересно... В пятидесятые годы нашего века в одну адвокатскую контору обратился дряхлый старик по фамилии Робертс. Он сказал, что долго уже не проживет, а ему хотелось бы перед смертью получить свое помилование, обещанное когда-то. И хотя несколько человек признали в Робертсе того самого Билли Кида, прокурор округа не согласился с ними, потому что считалось, что Кид давно мертв. Через месяц Робертс скончался. И если это был действительно Кид, значит, он до конца своих дней пронес в сердце признательность Танстеллу и желание восстановить справедливость. Он хотел быть помилованным за убийство двадцати одного человека, потому что считал, что эти люди заслужили смерть. Но умер он непрощенным...

Гош с тоской посмотрел на стол, откуда уже унесли водку. Понятно было, что второй стакан окажется лишним, не восстановит силы, а, наоборот, подкосит усталого человека. Но выпить хотелось все равно, и Гош с трудом подавил желание пойти отыскать еще чего-нибудь на добавку. Он услышал дробный цокот копыт и понял, что Костя отправился к городу.

— Вот такая история, Сан Сеич, — заключил он. — Я сначала думал, что Билли Кид — это не я, а кто-то другой. Но получается именно так. История Регуляторов повторяется шаг в шаг. И поверьте, мне ужасно не хочется умирать непрощенным. Ведь если я теперь кого-нибудь отправлю на тот свет, это будет уже вполне сознательное действие, не то что раньше... Только ведь нужно что-то делать. Нельзя все оставить так, как есть. Глупое решение. Детское. А кто мы, если не дети? Мы родились-то всего год назад. Правда?

Сан Сеич опять промолчал. Гош поднялся на ноги.

— Вы уж извините, — сказал он. — Мы как-нибудь... Ну, придумаем, что делать. Тем более у нас там Женя. Вы с ней и поговорить даже не успели толком. Она бы вам понравилась. И главное, Сан Сеич... Вы простите меня. Это я виноват. Такая вот глупость. Не знаю, что еще сказать. Но мы постараемся все исправить.

— Регуляторы, в седло! — крикнул во дворе Цыган. — Эй, Билли! Гошка! Мы готовы.

— Вот так, — сказал Гош, печально улыбаясь. — Поедем

раздавать повестки. Спасибо вам, Сан Сеич. И до свидания. Пока, Белый! Там увидимся.

Пока он шел вдоль обгорелой стены до двора, слезы высохли.

* * *

Женя висела головой вниз на толстой водопроводной трубе и грызла собачий поводок, которым ей скрутили руки. Наверху оглушительно гремела музыка — там гуляла тульская мафия.

Бандиты одолели городской патруль с феноменальной легкостью. Сначала Олега зазвали поболтать в черный «Мерседес». Разговор затянулся, и патрульные, окружившие свои машины, начали скучать. Тут из окон соседних домов повысовывались стволы и раздался приказ бросить оружие и лечь на землю. Патруль, даром что «тупой», проявил слепую преданность делу Главного и открыл пальбу. И уже секунд через десять все бойцы лежали-таки на асфальте, истекая кровью.

Женя рискнула высунуться и посмотреть, что происходит, когда из «Мерседеса» выкинули Олега с разбитой головой, а через окна на улицу высыпала банда человек в пятнадцать. Жене хватило ума спрятать пистолет под сиденье и прикинуться все той же идиоткой, какую она днем разыграла перед местным крестным отцом. Тем более что тот ее мгновенно узнал.

— Ага! — обрадовался главный тульский мафиозо, пошатываясь и отдуваясь. Водкой от него шибало за километр. — Здорово, Рыжая! Куда это тебя Олежка тащил?

— В деревню куда-то, — нашлась Женя.

— Вот подлец! — возмутился мафиозо. — В обход меня? Значит, правильно я ему вломил! Знаешь слово такое — «конкуренция»? Ну ладно, в деревню так в деревню. Грузи ее, ребята!

Женю без церемоний затолкали в багажный отсек уцелевшего «Чероки». Судя по всему, банда давно точила зуб на красивые белые джипы, перекупить их не сумела и тогда решила просто отнять. Двадцать минут бешеной гонки по улицам — и Женя оказалась в подвале какого-то особняка

в пригородной зоне. Там ее старательно обыскали, связали руки поводком и свободный его конец прикрутили к трубе над головой. Отняли сапоги. Пообещали, что это ненадолго, потому что скоро придет за ней покупатель, и ушли пить водку. Женя подтянулась, забросила ноги на трубу, повисла и начала грызть узел. С одной стороны, быть проданной крестьянам означало свободу — Женя была уверена, что из деревни мгновенно убежит. Но встречать покупателя связанной ей как-то не улыбалось — слишком велик был риск того, что новый хозяин захочет на пробу испытать покупку «в деле». Пока что рыжее счастье хранило Женю от сексуальных домогательств, но девушка чересчур хорошо помнила, с какого печального эпизода начались ее странствия по новому миру. И вообще, для чего тогда ее, такую покладистую, связали?

«Тупые» гуляли, Женя терзала узел, чувствуя, как наливается кровью лицо и гудит в ушах. Наконец поводок развязался. По трубе Женя добралась до подвального окошка, легко открыла его и просочилась наружу.

Были уже сумерки. Во дворе стояло штук пять разномастных машин и лениво прогуливались двое с автоматами. Женя ужом проползла до глухого кирпичного забора, не без труда его одолела и встала на ноги посреди незнакомого тульского предместья.

Первым делом нужно было найти какую-нибудь обувь и бежать, бежать, бежать. Женя, не раздумывая, кинулась через дорогу в первый же подвернувшийся дом. Заскочила в висящую на одной петле дверь, споткнулась и упала на четвереньки во что-то мягкое и трухлявое. И в ужасе вскочила, подавив рвущийся из груди крик. Мертвецы Женю не особенно пугали, в населенных пунктах они валялись на каждом шагу, но этот попался под ноги слишком неожиданно. Женя перевела дух, напомнила себе, что эмоциям сейчас не место, и осмотрелась.

В доме основательно потрудились мародеры, но стоптанные кроссовки всего на размер больше, чем нужно, Женя нашла. Обулась, выскочила с черного хода и побежала огородами непонятно куда, но лишь бы подальше отсюда. Мелькнула идея свернуть в центр и добраться до Глав-

ного, но город настолько Жене осточертел, что она продолжала бежать прямо. Ей позарез нужно было сориентироваться, понять, куда ее завезли, чтобы успеть к рассвету на место встречи. Или хотя бы добраться до указанного Дымовым гаража, где под верстаком мог до сих пор ждать своего часа «АКСУ». Сдаваться в плен и изображать дуру Женя больше не хотела. Просто не осталось сил. Она слишком привыкла жить свободной, не ожидая ни от кого поддержки, но зато и не принадлежа никому. Ей всегда хотелось выбирать самой все в этой жизни — работу, друзей, мужчину. Но получилось так, что настоящую самостоятельность Женя обрела только вместе с частичной амнезией. Не то чтобы это ее полностью устраивало, но... Встреча с парнями, которые называли себя Регуляторами, кажется, примирила ее с действительностью. И теперь больше всего на свете Женя хотела поскорее вернуться к ним.

Еще хотелось нырнуть с головой в мокрое и теплое, смыть этот дурацкий, полный напряжения и опасности день. Если верить календарю часов, двадцатое мая. Какого года, Женя точно сказать не могла. Но это ее и не особенно волновало. В новом мире имел значение каждый год, который удалось прожить. А что у него за порядковый номер от Р.Х., будет разбираться следующее, более счастливое поколение.

«Если оно, конечно, будет».

С этой мыслью Женя нырнула в очередную калитку, сильно треснулась плечом о косяк и поняла, что, во-первых, уже почти совсем темно, а во-вторых, ее на бегу основательно заносит. Да и бегом это судорожное переступание ногами сложно было назвать. Девушка перешла на шаг и, не раздумывая, взошла на крыльцо дома, который только что собиралась обогнуть. Нашла пару одеял и подушку, выбралась в запущенный сад, забралась в густой малинник и устроила на земле импровизированную постель. В доме оставаться ей и в голову не пришло — нежилые помещения давно облюбовали крысы. Женя крыс не очень боялась, но вот мыши, которые в доме тоже могли быть, до сих пор приводили ее в ужас.

Стараясь не думать о еде, которой в доме не нашлось,

она завернулась в одеяло и почти мгновенно заснула. При-
снилась ей огромных размеров вкусная морковка, которой
они сочно хрумкали на пару с Малышом. Аппетитно жуя,
огромный жеребец человеческим голосом рассуждал о
транзакционном анализе, и Женя с изумлением поняла,
что это вовсе не Малыш, а капитан Дымов, и дело не на ко-
нюшне происходит, а у дверей первой студии «Останки-
но». «Мы с тобой оба классические Непобедители, — втол-
ковывал Гош. — Мы не ищем оправдания своим ошибкам,
но и не склонны долбить стену головой, чтобы непременно
добиться успеха. Просто люди, нормальные средние
люди. Так что, солнышко, в высшую лигу мы, конечно,
пробьемся, опыта хватит, но потом нас все равно сомнут».

Женя грызла морковку и все думала, как бы поумнее
возразить, но вдруг заметила, что говорит Дымов совсем не
с ней, а с какой-то другой женщиной. Это было чертовски
обидно, и она чуть не расплакалась во сне. Но подсознание
чутко среагировало, и Дымов превратился в теплого и силь-
ного Малыша, который уже ничего не говорил, а только
косил на Женю большим ехидным глазом.

В нескольких кварталах к центру взревели моторы и на-
чалась стрельба. Женя на секунду проснулась, выплюнула
изо рта изжеванный край одеяла и перевернулась на дру-
гой бок.

* * *

На рассвете Гош заткнул ненавистный будильник и не-
которое время соображал, куда это его занесло. Посмотрел
на фосфоресцирующие стрелки и в который раз подумал,
что хорошо бы найти работоспособные часы, которые по-
казывали бы полную дату, включая год. Это желание гло-
дало его уже почти месяц, с момента знакомства с Сан Се-
ичем и обретения имени.

— Подъем, Регуляторы! — хрипло скомандовал он, рас-
пахивая кормовой люк тягача и выбираясь наружу. — Эй!
Кто не спрятался, я не виноват!

Вместо ответа ему плеснули в лицо водичкой. Гош не-
медленно сунул обидчику под нос пистолет.

— Сдурел? — поинтересовался Цыган. — Проснись, отец! Свои!

— Черт побери, ничего не вижу... — пробормотал Гош, опуская руку с пистолетом и шурясь на утреннее солнце. — Извини. Условный рефлекс.

— Хорошо, что не безусловный. Давай я тебе полью. Десять баксов.

— Момент... Сначала по доброй привычке нужно помыть траки... — Гош исчез за бортом тягача.

— Это что, танкистский фольклор?

— Не знаю, как у танкистов, а у нас говорили именно так. А нагло заснуть на боевом посту означало «люком удариться» или «сознание потерять». Это парня одного командир спалил прямо в машине, а тот ему сонным голосом заявляет: «Я, товарищ капитан, не виноват. И не спал я вовсе. Забирался в машину, тут люк расстопорился и как даст мне по башке...» Капитан со смеху чуть не помер и всем этого бойца ставил в пример — мол, если врете, так хотя бы изобретательно.

— Я в армии не служил, — уверенно заявил Цыган. — Я вообще пацифист.

— Скажи лучше «папенькин сынок». Будь у меня отец посол, я бы тоже отмазался.

— Не посол. Рангом пониже. Не помню еще, кто. В отличие от некоторых. Счастливый ты, Гошка. И за что тебе столько памяти?

— В наказание, — объяснил Гош, выходя из-за тягача. — Ну-с, плесни балтийцу... А где Большой?

— Купается. Вон... Слышишь?

— В горюче-смазочных материалах?

— Да нет, там у заправки большой отстойник. Вода хорошая, дождевая. Масляных разводов нет.

— А ты купался?

— Да боязно как-то. Еще лишай какой-нибудь подхватишь, а чем лечиться?

— Не дай бог теперь заболеть. Все, что страшнее простуды... Уф! Спасибо. Хватит.

— Пошли завтракать.

— Минуту, — Гош нацепил темные очки, чтобы так не слепило, и огляделся.

— Вспоминаешь? — завистливо спросил Цыган.

— Угу. Даже страшно. Ты держи меня, чтобы в депрессу-ху не ударился.

— Как держать?

— Ну, говори о чем-нибудь отвлеченном. Так, слева у нас пункт техобслуживания. Кстати, здесь же и аккумуляторная. Вот кочегарка. Понял. Грузовики стоят на консервации, там ничего интересного нет. Ох, что-то мне этот парк не нравится. Очень уж знакомо...

— Я вот думаю... — начал говорить об отвлеченном Цыган, выплескивая под ноги воду из котелка.

— Помолчи, будь другом. Не сбивай меня. Э! Что ты с водой так обращаешься?

— Так ее здесь видимо-невидимо.

— Это что, из той лоханки, где Большой плавает?

— Ну...

Гош фыркнул, но от язвительного комментария удержался.

— Вы боксы не вскрывали? — спросил он.

— Мы сюда вчера даже не заходили. Мы только у ракетчиков были.

— Ракеты отставить. Нам что-нибудь попроще нужно. Знаешь, старина, ты давай накрывай на стол, а я минут через десять подойду. Хочу осмотреться.

— Да, наверное, лучше до еды, — согласился Цыган, кивая на будку КПП. Через пыльное стекло на объездчиков таранилась мумия в погонах. — Дальше может быть еще хуже.

— Это хорошие мертвецы, — сказал Гош. — Это, дружище, не мертвецы, а спасение наше. Я когда сообразил, что армию выкосило начисто... Нехорошо так о людях, но ты даже представить не сможешь, какой беспредел учинили бы в наши дни истосковавшиеся по воле солдатики.

— Да ну... Чем они хуже нас?

— Это оказались бы самые опасные «тупые», поверь мне. Была одна история... Черт, откуда я ее знаю? Народ из университета поехал на картошку. Историки, кажется.

Знаешь, что такое «картошка»? Так вот, жили они в пустующей общаге. В нескольких километрах размещался стройбат. Однажды после отбоя всех парней угнали на какую-то срочную работу. Девчонки остались. Среди ночи подъехал стройбатовский грузовик... Одна девица потом с собой покончила, еще одна с ума сошла, а остальные... Как ни крути, а травма на всю жизнь. Вот так-то, брат. Советская армия — это лишение свободы и больше ничего. Тебя ни за что ни про что на два года сажают. Знаешь, кому больше всего в армии завидуют? Тем, кто занят боевой учебой. Какое-никакое, а серьезное занятие. Когда мы раз в полгода выходили на полигон... Н-да. Хватит, наверное. Так и прет из меня, так и лезет. Нужно будет все-таки в Москву идти. Я себе представляю, что начнется, когда я дома окажусь. Неужели я все смогу вспомнить? Знаешь, сейчас верю. Все получится у нас, дружище. Будь спок.

— Я с тобой пойду, — сказал Цыган. — И в Москву, и сейчас. Что бы ни случилось, я с тобой. Понял?

Вместо ответа Гош благодарно склонил голову и ткнул Цыгана кулаком в плечо.

— Большой! — крикнул он. — А ну, выныривай!

...За первым же боксом их взору открылась удивительная картина.

— Вот это да! — восхищенно пробормотал Цыган. — Это какой у нее калибр? Голова пролезет...

— Можно посчитать, — небрежно бросил Гош. — Калибр двести три и две.

— Твоя?! — взвился Большой. — Твоя, да?!

— Нет, — Гош помотал головой и улыбнулся. — Эта не моя. Вон та.

— Какая?! — заорали хором объездчики.

— Молитесь, Регуляторы, — попросил Гош. — Молитесь, кто как умеет. Разрешаю встать на колени.

Цыган немедленно бухнулся на шершавый бетон и принялся мелко креститься.

На бетонной площадке между боксами лежало великое множество истлевших мертвых тел. Но главное — вокруг

стояло вразброс целое подразделение боевых машин. Четыре огромных, каждая с два танка размером, несущая на спине чудовищной длины ствол. Несколько коробочек-тягачей без вооружения. Пара грузовиков. И в последнем ряду еще четыре пушки очень странного вида с несуразно большой, плотно зачехленной казенной частью. У этих ствола были просто безобразной толщины.

— Такая если стрельнет — развалится, — сообщил Большой, тыча пальцем.

— Молитесь! — повторил Гош, исчезая среди машин.

Цыган вскочил и бросился за ним следом.

— Какая мощь! — крикнул он Гошу в спину. — Это надо же, какая мощь! Я и не думал, что такие бывают.

— Вот эта, — Гош показал на самоходку с длиннющим стволом, — с двадцати километров запросто попадает в футбольное поле.

— Так возьмем! — потребовал Большой, тут же сворачивая к такой меткой и дальнобойной пушке.

— Не спеши! — Гош подтянулся и заглянул в кузов одного из грузовиков. — Мама! Это мне снится... Так, ладно, дальше, дальше! А где у нас лючник?

Он подошел к ближайшему транспортеру, уверенно сунул руку в пазуху на его борту и вытащил нечто, похожее на гаечный ключ. Удовлетворенно хмыкнул и ловко вскарабкался на одну из машин в последнем ряду, ту, что с огромной казенной частью. Спихнул на бетон тело в черном комбинезоне. Зацепил ключом небольшой граненый выступ, провернул его, поднатужился и откинул люк. Нырнул головой вниз в недра машины и заорал так, что Цыган с Большим даже испугались.

— Мама!!! — крикнул Гош. — Разбудите меня кто-нибудь!!! Этого не может быть!!!

— Батяню-комбата встретил, — объяснил Цыган Большому.

— Идиот, — сказал Гош уже нормальным голосом, высовываясь наружу. — Ты даже не представляешь, как нам повезло. Там полный боекомплект! А каждая дура, между прочим, весит по сто восемьдесят кило. Чем бы мы их ворочали, а? Большим и толстым?

— Я не толстый, — обиделся Большой.

Цыган забрался на броню и заглянул в люк. Его взору открылся громадный барабан наподобие револьверного. В захватах барабана лежали продолговатые серые металлические тела с небольшими хвостиками, как у авиационной бомбы.

— Двадцать, — сказал Гош так гордо, будто сам эти штуки сюда загрузил. — А в грузовике заряды. Если поднажмемся, и взрыватели найдем. Секундочку... — Он вскрыл соседний люк, свесился вниз, пошарил и выволок наружу деревянный ящичек. Откинул замки и любовно погладил лежащий внутри замысловатый прибор.

— Прицел? — догадался Цыган. — А что это вообще такое?

— Самоходная установка два-эс-четыре «Тюльпан». Калибр двести сорок миллиметров. Вот в ее ствол голова наверняка пролезет.

— Да нет, вот это, в барабане.

— Мины. Это самые что ни на есть мины, дружище. Фугаски. Воронка останется такая, что два грузовика закопать можно. Теперь нужно эту штуку завести, найти взрыватели, и Тула наша. Да что Тула, бери повыше. Никогда не хотел Мавзолей Ленина стереть с лица земли?

Цыган поморщился.

— Нет, если хочешь, можно и мавзолей Димитрова тоже, — щедро пообещал Гош. — Лишь бы оно поехало.

— Не мы строили, не нам и рушить, — сказал Цыган.

— Как вам угодно. Главное другое. Из этой штуки я гарантированно с пяти километров попаду в Тулу.

— Тула сама не больше пяти километров в поперечнике, — заметил снизу Большой.

— Так я же и сказал — га-ран-ти-ро-ван-но.

Цыган осторожно погладил толстенный ствол.

— И как она стреляет?

— Увидишь. Мы справимся. Большой, не в службу, а в дружбу, подгони сюда тягач.

Большой кивнул и ушел. Заметно было, что он старается не глядеть на лежащих там и сям мертвецов.

— Откуда ты знаешь, что он может водить тягач? — спросил Цыган, провожая Большого взглядом.

— А я и не знаю, — радостно ответил Гош, откладывая прицел и ныряя внутрь машины. — Вот сейчас и посмотрим, что он умеет, а чего нет.

Цыган опять поморщился.

— Ствол откидывается, да? — спросил он. — Встает почти вертикально, опирается на плиту. Вон она, под чехлом, я понял. А как заряжать?

— Умница, — донеслось снизу. — Заряжать элементарно. Ствол переламинается, как у охотничьего ружья. Мина специальным толкателем подается снизу на направляющие и досылается в ствол. Все на автоматике, наше дело только обвязать мину зарядами. И по высокой параболе — бух!

— Я себе представляю, как сложно наводить. Ты поэтому не хочешь брать пушку? С ней еще труднее?

Гош высунулся из люка и положил на броню три шлемофона.

— Это безумно трудно, — сказал он уже без прежнего радостного пафоса. — Я на пушке вообще не умею, а миномет... Видишь эти «МТ-ЛБ»? Ну, транспортеры? Они под завязку набиты аппаратурой наведения. Здесь команда должна суетиться — человек двадцать. И я в их работе ни черта не смыслю. Но ты не беспокойся, мы на глазок наведем.

— И прямо в «Белый дом».

У ворот части взревел двигатель тягача. Потом раздался громкий рокочущий лязг.

— Умеет Большой, — улыбнулся Гош. — Наверняка когда-то шуровал на тракторе.

— Ты знал?

— Мне казалось, что он вырос в деревне. Уж больно ловко парень со скотиной обращался. А вообще-то наш Большой... Нет, не скажу. Есть догадка, но потом. Все потом. Где взрыватели?

— Хочешь, посмотрю в грузовике?

Гош кивнул. Железный лязг приближался.

— Знаешь, дружище, — сказал Гош. — А нам ведь дико повезло. Безумно. Патологически. Эти ребята отправлялись на полевой выход. И стрельбище у них совсем рядом.

Иначе черта с два машины несли бы боекомплект. И черта с три мы бы смогли закинуть мины на броню. Подели сто восемьдесят кило на восемь рук. И два метра погрузочная высота. Да еще полдня шарить по артиллерийским складам. Мы бы просто умерли.

— А пушка? — в очередной раз спросил Цыган.

— Да что ты заиклился на этой громадине? Ствол длинной тринадцать метров покоя не дает? Фаллический символ разглядел?! Там вообще самый легкий снаряд тянет на двести. И не умею я из пушки, сказано же тебе!

— Прости. Очень уж она... Внушительная.

— Скажи прямо — красивая. Разве нет?

— Красивая, — согласился Цыган.

— Она жутко красивая, — мечтательно произнес Гош. — Знаешь, как называется? «Гиацинт». Но нам она ни к чему. А вот по артскладам все равно придется лазить. Нужно пулемет на башню. И для тягача патроны не помешают. Ох и муторное же это дело — война...

Тягач, надсадно ревя, подкатился к миномету с тыла. Гош бросил Цыгану шлемофон, и тот его поспешно надел.

— Идиотизм, — сказал Гош. — Я — командир самоходной минометной установки сержант Дымов. Какой идиотизм...

* * *

Серый от усталости и поэтому еще более хмурый, Костя швырнул седло и уздечку под забор. Вороной Генри мирно пощипывал травку подальше от свиста турбодизелей, не ведая, что сейчас его бросят. Цыган уселся за руль «Ленд-ровера», Большой за рычаги миномета. Костя взобрался на башню самоходки и под руководством Гоша наладил связь. Можно было двигаться. Гош махнул рукой — поехали! — и убежал в тягач. Моторы взвыли. Генри шарахнулся в сторону и вопросительно заржал. Костя поспешно скрылся в башне. Машины тронулись. Вслед за ними поскакал жеребец. И отстал только километров через десять. То ли отчаялся учуять хозяина, то ли понял, что случилось.

В башне Костя сначала методично бился лбом о броню, а потом обгрызенными ногтями принялся сдирать с железа

мутную черно-белую фотографию некрасивой голой девчонки с широко раздвинутыми ногами. Отодрал, порвал в клочки и стал искать, что бы еще изничтожить. Вчера он выбился из сил, переживая свою ошибку, из-за которой погибли Сан Сеич и Белый. Сегодня винил себя в том, что Женя к месту встречи так и не пришла. Конечно, в первом случае он был не совсем прав, а во втором не прав вовсе. Но так мог считать кто угодно, только не Костя. А еще он страшно расстраивался из-за брошенного коня.

К перекрестку они вышли только в девять вечера. Жени поблизости не оказалось.

— Привал, Регуляторы! — распорядился Гош. — Сколько до города? Пять километров? Шесть?

— Четыре, — сказал Большой, разминая усталые кисти. — Точно четыре.

— Вот отсюда и будем стрелять. Утром.

— Может быть, тогда сразу? — робко спросил Костя. — Чего откладывать?

— Утром, — отрезал Гош. — А сейчас всем ужинать и спать. Подъем в шесть, в семь тренировка. К девяти с божьей помощью начнем.

Костя заерзал у себя на башне, но промолчал.

— А что, если я по-быстрому смотаюсь на ранчо? — спросил Цыган.

— И я! — поддакнул Костя. — Вдруг она там?

Гош прикрыл глаза.

— Вам от этого будет легче?

— Тебе ведь тоже, — заметил Цыган.

— Поезжайте. Только осторожно, я вас умоляю. Вплотную сразу не лезьте. Бинобль возьмите. Два часа на все. Успеете? Да, и вот что. Если на ранчо окажется тихо — покопайтесь, может быть, найдете что-нибудь длинное, железное и острое. И побольше.

— Устал ты, Гошка, — улыбнулся Цыган. — Что тебе? Ломы? Вилы? Грабли?

— Вагон арматуры, — подсказал Костя.

— Да гвозди ему нужны, гвозди, — проворчал Большой.

— Гвозди, скобы, что угодно. Только покрепче. Видите сосну? Придется кому-то лезть наверх с биноклем. Кор-

ректировать огонь. Мы на пригорке, город можно будет разглядеть. Набьем в дерево железа, получится лестница. Молоток у нас есть.

— Метров двадцать, — прикинул Костя. — Значит, еще на всякий случай веревку и перчатки.

— Если не сторело.

— Посмотрим, — кивнул Цыган.

— Я бы тоже поехал, — сообщил тихонько Большой.

— Нет! — сказал Гош очень строго.

— Почему?

— В одиночку из этой штуки очень муторно стрелять. И встречать парламентаров тоже неудобно.

— Останься, Большой, — попросил Цыган. — Кто его знает, что там...

— Гранатометы не забудьте, — только и сказал Большой. — Гош, пусть возьмут сразу четыре. Вдруг там этот треклятый БТР? Хорошо бы его... того.

— Лучше бы его там не было, — вздохнул Костя. — А она — была.

* * *

К девяти утра миномет стоял к городу кормой, приведенный в боевое положение. Его импровизированный экипаж, совершенно замороженный, курил, торча из открытых люков. Гош расхаживал вокруг с сигаретой в зубах, по минутно смотрел на часы и хмурился.

— Все, хватит отдыхать! — потребовал он. — Еще раз! Отделение, стой! По местам! Слушай мою команду... Сворачивай!

Объездчики с перекошенными от натуги лицами забежали по броне. Гош, стоя поодаль, жал на кнопки пульта дистанционного управления. Провалилась обратно в барабан мина. Цыган рванул на себя привод досылателя. Костя подхватил направляющие, готовясь завалить их набок. Массивная плита, на которую опирался ствол, оторвалась от асфальта и пошла вверх. Ствол лег на палубу машины. Опоздай Цыган с Костей на пару секунд с отброской досылателя, им бы стволом отдавило руки.

— Станину не зачехлять! — крикнул Гош, закидывая

пульт в лючок на борту самоходки. — Обойдется! Теряем время. Большой! Рычаги! Заряжающие! В машину! Стоп! Отбой...

— Ну? — спросил Костя, утирая пот. — Рекорд мира установлен?

Гош скептически посмотрел на него.

— Жить захочешь, — сказал он, — еще быстрее свернешься. Главное для самоходчика — вовремя смыться. Пальнуть и драпать. Средний ресурс минометной батареи в условиях реального боя — три часа. Средний, понимаешь? Кого-то засекут уже на первом залпе и в ответ саданут ракетами. Ладно, мужики. Как-нибудь уложимся. Из центра города сюда езды пять минут. Вот через пять минут эта штука и должна стоять к городу носом. Причем с зачехленной кормой. Стоять и изображать из себя танк.

— Что они, танков не видели? — усомнился Большой.

— Таких страшных — не видели, — отрезал Гош. — Как самочувствие, Регуляторы?

— Краше в гроб кладут, — фыркнул Костя.

— Для себя же стараемся, не для коммунистической партии большевиков... Давайте, переводим в боевое. Потихоньку.

«Потихоньку» у объездчиков заняло искомые пять минут. Работать на броне не спеша они уже просто не могли. Гош взял в руки прицел и, скептически оглядев его со всех сторон, пристегнул к станине. Уткнулся глазом в почти бесполезную сейчас оптику и начал крутить маховики. Задранный к небу под углом градусов в шестьдесят толстенный ствол медленно ходил из стороны в сторону.

— Большой, тебе пора, — заметил Гош, не переставая колдовать с прицелом.

Большой нацепил на пояс мобильную рацию, повесил на плечо бинокль и ушел к пригорку, где высилась громадная сосна. Конечно, умнее было бы отправить на дерево кого-нибудь полегче. Но в команде Регуляторов только у этого здоровяка отношение мышечной силы к весу было достаточным, чтобы после таких акробатических этюдов, как подъем и спуск с двадцатиметровой высоты, не сидеть, отдуваясь, с языком на плече.

Гош еще немного покрутил рукоятки, то и дело оценивая взглядом положение ствола. Посмотрел в ту сторону, где затаилась в ожидании экзекуции Тула. Снова посмотрел на ствол. Цыган с Костей переглянулись.

— Нервничает... — шепнул Цыган. Костя согласно кивнул.

— Нет, это чересчур сложно для меня, — ровным голосом сообщил Гош, снимая прицел с креплений и зашвыривая его в канаву.

Объездчики вобрали головы в плечи. Гош снова немного подвинул ствол. Потом наклонил его. Чертыхнулся, ушел к канаве и принялся там шарить.

— Глубже, — посоветовал Цыган.

Гош молча забрался глубже, нашел прицел, вернул его на место, и ствол опять шевельнулся. Теперь наводчик внимательно смотрел на короткие стеклянные трубочки, в которых плавали воздушные пузырьки.

— Уровень, — объяснил Гош. — У-ро-вень. Ладно, господа, заряжаем. Костя, сам нажимай там, на пульте. Учись без меня.

Костя ткнул кнопку, и продолговатая серая штуковина выскочила из железной спины машины, ложась на направляющие. Костя нажал еще, ствол миномета переломился, готовый к заряданию. Гош закурил. Руки у него дрожали.

— Авантюра, — сказал он тихонько себе под нос.

Наверху Костя и Цыган обвязали мину зарядом. Досылатель толкнул ее в ствол, и громадное «ружье» с громким лязгом захлопнулось.

Гош опять подкорректировал направление.

— Чего сидите? А шапки говорящие?

Объездчики натянули шлемофоны. Костя подключился к рации.

— Большой на месте, — доложил он.

— Ушли с брони!

Цыган спрыгнул вниз и протянул Гошу пульт. Костя отстегнул тангенту рации и последовал за ним.

— Кто-нибудь хочет нажать? — спросил Гош, озираясь в поисках добровольца.

— Э, нет, батенька! — рассмеялся Костя. — Кто первый встал, того и тапки!

Гош посмотрел на кнопку электростартера.

— Порох сто раз мог отсыреть, — сказал он голосом, в котором слышалась неясная надежда. — Хорошо. Подальше от машины. Советую открыть рот. Шлемофоны на оба уха. Ох, мама, что же я такое делаю... А если попадем, а?

— Может, она еще не взорвется, — обнадежил его Цыган.

Гош задумчиво поскреб щетину на подбородке.

— Исторически этот город был оборонительным рубежом, — сообщил он объездчикам. — Так что ему не привыкать. А вот людей жалко.

— Ты долго будешь готовиться? — спросил Костя. — Давай уж лучше я нажму, раз такие пироги. Что с тобой происходит, а?

— Наверное, человеком становлюсь, — ответил Гош. — Расту. Ну, господа Регуляторы, на кого бог пошлет!

И нажал кнопку.

Звук выстрела был такой, будто гигантской пустой кастрюлей шарахнули по огромной пустой голове. Миномет тяжело просел. Гошу показалось, что из-под гусениц брызнула асфальтовая крошка. Что-то продолговатое с дымом и пламенем выпрыгнуло из ствола и умчалось в небеса.

Костя, отплевываясь, высунулся из канавы. Глаза у него были в пол-лица.

— Я торчу от этой штуки! — заявил он. — Я люблю самоходную артиллерию! Вот это дура! Вот это сила! Что? Не слышу?!

Цыган сдвинул шлемофон на затылок и тряхнул головой, будто ему в уши попала вода.

— И как тебе не страшно было, Гошка? — спросил он. — Ты же знал, что это такое. Мы-то не знали...

— Ну, что? — крикнул с обочины Костя. — Промазали? В белый свет как в копеечку?

— Почему? — Гош посмотрел на часы. — Она летит уже секунд тридцать. Сейчас жახнет. Где-нибудь.

Вторая его словам, где-то далеко-далеко жახнуло. Не взорвалось, не гроыхнуло, а именно так, как сказал Гош.

И с дерева, игнорируя радиосвязь, благим матом заорал Большой.

— А-а-а!!! А-а-а!!! У-у-у!!! Ё-о-о!!!

— Контузило, — заключил Костя.

Цыган запрыгнул на миномет, поймал свисающий из башни шнур и воткнул штекер своего шлемофона в гнездо.

— По-па-али!!! — разорялся Большой.

— Да заткнись ты! — потребовал Цыган. — Куда попали?

— Ларингофон прижми к горлу, — посоветовал Гош. — Он же не услышит ни фиги.

Костя подошел к нему и осторожно потряхнул за плечо.

— Ты как себя чувствуешь, командир?

Гош не ответил, но в его глазах Костя разглядел что-то похожее на гордость.

— Он говорит, мы попали в город! — провозгласил Цыган.

— Очень интересно. Куда именно?

— На два пальца левее центра.

— А куда мы еще могли попасть? Шоссе прямое, как стрела, — заявил Гош сварливо, засовывая руку под шлемофон и расчесывая потный лоб. — Меня интересует — как глубоко? По окраине или глубже?

— Ему не видно. Слишком далеко. Но он считает, что накрыло горелый квартал.

Гош снова почесался, на этот раз за ухом.

— Полезли на броню, — скомандовал он. — Помогу вам заряжать. Давайте сейчас поработаем в темпе. Зарядили, пальнули, зарядили, пальнули. Нужно закрепить успех.

Когда в город улетела четвертая фугаска и экипаж совершенно оглох, Большой сообщил, что над тающим в мареве силуэтом виден какой-то не то туман, не то дымок.

— Хватит, слезай! — потребовал Гош.

— А еще одну?! — прокричал ему в ухо Костя.

— Да! Как раз он спустится!

— На кнопку дашь нажать?!

— Да ради бога!

Хр-р-рясь!!! Большой, зажимая уши, подбежал к миномету.

— Сворачивай! — орал Гош. — В походное! Все по местам!

Через пять минут самоходка уже стояла к городу носом, и Большой цеплял на ствол брезентовую заглушку с красной звездой.

— Убери, — сказал Гош, утираясь грязным носовым платком. — Без нее страшнее. Все, Регуляторы, отдыхаем. Наломали дров, теперь ждем делегацию.

Делегация прибыла только на двадцатой минуте. Первым шел черный джип «Мерседес» с тонированными стеклами. За ним катился битком набитый вооруженными людьми большой американский пикап.

Миномет и тягач с наглухо задраенными люками загораживали дорогу. «Лендровер» от греха подальше Цыган загнал за необъятную плиту на корме самоходки, которая скрыла его от посторонних глаз.

Когда «Мерседес» подъехал метров на сто, Гош из тягача старательно прицелился и дал короткую очередь, расковыряв асфальт чуть ближе, чем на полпути. Он не хотел, чтобы рикошетом зацепило машину.

«Тупые», похоже, тоже этого не хотели. «Мерс» резко затормозил, пикап остановился рядом. Автоматчики начали прыгать из кузова, и тогда Гош выстрелил снова. «Тупых» будто ветром сдуло — они мгновенно попрятались за машины и больше не выглядывали.

Дверь «Мерседеса» отворилась, и на дорогу вышел широкоплечий детина, почти с Большого ростом. Гош откинул люк над головой, чтобы лучше слышать.

— Эй! — крикнул детина. — Не стреляй! Мы не будем! Давай базарить!

Гош повернул башенку тягача, через перископ оглядываясь на миномет. Костя в ответ шевельнул пулеметом на своей башне. Они это движение отрепетировали заранее. Гош хорошо помнил, какое пугающее впечатление производит боевая машина, живущая своей жизнью. И точно — детина шарахнулся к «Мерседесу». Гош мысленно перекрестился и по пояс высунулся в люк.

— Чего тебе? — крикнул он. — Ты кто?

— Я? Вован! А ты?

— Гош!

— Кто?!

— Пошел на фиг, вот кто! Чего приперся?! Работать мешаешь!

— Хорошенькая работа! Весь мой город раздолбал!

— Чей город?!

— Мой!

— А ты что там, главный?!

— А ты что думал?!

— Тогда иди сюда! Один!

— Сейчас!

Гош спустился вниз и нажал клавишу передачи.

— Кто это? — спросил он. — Что еще за Вован на нашу голову?

— Понятия не имею, — ответил Костя. — Машину эту мы раньше видели, а его самого — никогда. Мафиози какой-нибудь.

— Мафиозо, грамотей! Окончание на «и» в итальянском означает множественное число. Ладно, следи за его бандой.

Гош быстро обмотал клавишу изолентой, чтобы была прижата и ребята в самоходке могли слышать, что он говорит. Высунулся снова и закурил в ожидании, пока Вован, которого малость пошатывало на ходу, подойдет.

— Стой вот так, — приказал он, когда детина приблизился метров на десять.

Вован остановился и с неподдельным интересом уставился на миномет.

— Охренительная штука, — признал он. — Сколько попросишь за нее?

— У тебя столько нет.

— А зачем ты стрелял тогда? Учти, мужик, я из-за тебя в убытке. Ты же от рынка живого места не оставил! Хорошо, народ разбежаться успел...

— Ты мне что тут, права качать будешь?! — заорал Гош в полный голос, сам от себя не ожидая такого командного рева. Видимо, натренировался, гоняя заряжающих. Вован попятился.

— Оборзел?! — надсаживался Гош. — Под центрального

косишь, зараза?! Я сейчас тебе покажу, кто тут главный! Я сейчас как шарахну из этой штуки, вся твоя гоп-компания разлетится к такой-то матери! Руки-ноги собирать будешь! А тебя, паскуду, зажарю и съем!!!

Обескураженный Вован попятился еще. Он, безусловно, не сомневался, что «эта штука» способна шарашить прямой наводкой. И, судя по всему, угрозу «зажарить и съесть» тоже принял близко к сердцу. Гош решил его добить. Главное было не рассмеяться. Давно он мечтал запугать такого вот чрезмерно уверенного в себе типа до нервной трясушки. И капитана Дымова, известного болтуна, понесло. Даже чересчур.

— Мне жратва нужна! — заявил он. — Ты центральной?! Под тобой весь город?! Тогда отдай мою Рыжую!!! Я жрать хочу!!!

Вован так вытаращился, как будто его самого уже начали грызть.

— Ты это... — пробормотал он. — Ты чего... Рыжую?

— Видел?!

— Ну...

— Где она?!

— Сбежала... — Вован потихоньку начал отползать задом.

— Как это — сбежала?!

— Ну, как... — Вован судорожно потряс в воздухе руками.

— Всё!!! — истерически взвыл Гош, хватаясь за голову. — С этого момента назначаю тебя ответственным за Рыжую! Найдешь ее и привезешь мне целую и невредимую! Вежливо привезешь, чтобы ни царапинки, понял?! И пока ее здесь не будет, каждый час на город полетит двести кило взрывчатки! Кто не спрятался, я не виноват! Ищи Рыжую, понял?! Дай ее мне! А теперь...

Гош махнул рукой. Миномет взвыл стартером, завелся и с оглушительным лязгом прыгнул на метр вперед. Оглохший Вован затравленно охнул.

— А теперь бегом отсюда! Даю минуту, чтобы убраться! Через минуту начинаю стрелять! Пошел!

Гош провалился вниз, захлопнул люк и ткнулся глазом в

перископ. Вован удирает с такой прытью, с какой, наверное, в жизни не бегал.

— Что я натворил?! — не сбавляя тона, проорал в свой адрес Гош. — Ох я, идиот! Господи! Ну почему я такой кретин?!

И дико захохотал.

Банда в минуту уложилась. Но, отъехав совсем недалеко, почему-то свернула с дороги и ломанулась через поле в лес. Рация пискнула.

— Ты живой, людоед? — спросил Костя. — Там очередной хозяин города пилит. На трех машинах с белым флагом. Видал, как эти стрелкача задали? Не хотят пересекаться. Слушай, Гошка... Было весело, конечно, но зря ты этот спектакль учудил.

— Сам знаю. Прости. Истерика. Я больше не буду.

— Хочешь, я теперь поговорю?

— Я справлюсь.

— Ну, смотри...

Следующая делегация прибыла на трех разноцветных «Чероки» и остановилась сама, без приглашения. Из передней машины выскочил парень в камуфляже с забинтованной головой и быстрым шагом направился к тягачу. Гош и Костя разыграли давешний фокус с пулеметами, и раненый тут же встал как вкопанный. Гош вздохнул и полез общаться.

— Иди сюда! Чего надо?!

— Ты зачем стреляешь? — крикнул раненый, подходя ближе. — Ты... Ёлки-палки!

Гош сжал кулаки. Он тоже узнал собеседника. Именно этот парень явился к нему весной с требованием убираться из города.

— И что я такого сделал? — поинтересовался Гош самым невинным тоном.

— Когда ты нас оставишь в покое?

— Кого это — «нас»? Твой, что ли, город?

— Допустим, мой.

— Ты главный, да?

— Предположим.

— Ого! Наш лексикон богатеет не по дням, а по часам! До чего же приятно видеть, дружище, что тебе кто-то звзданул по голове! Как жаль, что не насмерть!

— Чего ты хочешь? — спросил раненый, морщась.

— А ты чего хочешь?

— Чтобы ты исчез. Убрался. Испарился. Сгинул.

Гош задумался.

— Белый флаг... — пробормотал он. — Кто тебя надоумил про белый флаг?

— Сам знаю.

— Как тебя зовут, чудо в перьях?

— Сам ты чудо. Я Олег.

— Из темного леса навстречу ему идет здоровенный кудесник... — продекламировал Гош. — Значит, ты у нас будешь тульский князь? Разрешите представиться, ваше величество. Меня зовут Георгий Дымов. И я наконец-то могу стереть с лица земли ваши удельные владения. Что, дружок, не стыдно за бесцельно прожитые годы? Зачем ты меня убить пытался? Ну ладно, выгнал из города. Устранил конкурента. Но стрелять-то зачем было?

— Это не я. — Олег прижал руку к сердцу. — Клянусь, не я.

— А-а... — Гош чуть было не махнул рукой, но в последний момент от условного сигнала воздержался. — Неважно. Вот что мне скажи. Ты уверен, что контролируешь город?

Олег слегка замялся.

— Да, — кивнул он наконец.

— А тогда кто тут пять минут назад выпендривался? На черном «Геландевагене»?

— На «мерине»? Это так... Мафия.

— Так у вас, ребята, двоевластие?

— Чего ты хочешь?! — взмолился Олег. — Аннексию и контрибуцию? Учти, город тебе не взять. Мы будем драться за каждый дом.

— Зачем мне твой город? Я просто развалю его к едрене матери и уеду себе. Можешь потом драться хоть за каждый битый кирпич.

Олег покосился на миномет.

— Что это? — спросил он.

— «Два-эс-четыре». Калибр двести сорок миллиметров. Фугаска весит сто восемьдесят кило. И между прочим, дальность активно-реактивного снаряда двадцать километров. Выберу открытое место, встану на пригорочке и начну кидать, пока не оглохну. Прочищу уши и снова буду кидать. Боеприпасов хватит, у меня в лесу целый грузовик. А вы ко мне даже приблизиться не сможете. Даже на своем поганом «бэтээре». Знаешь, что случается с «бэтээром», когда фугаска взрывается метрах в десяти? Он летит кубарем. Не советую оказаться внутри.

— И что я должен сделать? — Олег нервно покрутил носом. — Я могу как-то остановить это? Или ты совсем рехнулся и с тобой бесполезно договариваться?

— Ты можешь остановить это, — утешил его Гош. — Следующая порция уйдет на город через... пятьдесят минут. Я буду стрелять каждый час. И ты сможешь это остановить в любой момент. Только поспеши, а то я начну стрелять прицельно.

— Что я должен сделать? — повторил Олег.

— Отдай мою Рыжую.

— Черт побери... — Олег прикрыл глаза.

— В чем дело?! — рявкнул Гош. — Что с ней?!

— Да не знаю я! Видишь? — Олег ткнул пальцем в забинтованную голову. — Ее Вован забрал. Ну, мафиози.

— Мафиозо, — автоматически поправил Гош.

— Какая разница... Я вез ее к выходу из города, дальше она собиралась идти сама. Тут налетела банда. Отбила наши машины. А заодно прихватила ее. Мы всю ночь город прочесывали, я не спал ни минуты... И ничего. Пусто, как сквозь землю провалились. Мы бы и сейчас за ними погнались, я же видел, как они свернули, но я к тебе ехал.

— Вован уверяет, что она сбежала.

— Ее счастье, — вздохнул Олег. — Этот козел людьми торгует. Фермерам рабов продает.

— Найди ее. Поднимай всех, кто у тебя есть. Прочесывайте город и окрестности. Кричите. Ее зовут Женя. Кричите, что ее ждет Гош. Может быть, вам повезет и она поверит. А если вам не повезет... — Гош посмотрел на ча-

сы. — Я от графика отступать не намерен. Ребята получают дикое садистское удовольствие от расстрела вашего гадюшника.

— Я не знал, что она с тобой. А то...

— А то не отпустил бы?

— Попросил бы тебя урезонить, — соврал Олег. — Как тебя зовут, я не понял?

— Гош.

— Да нет, фамилия.

— Дымов.

— Конечно же! Вот откуда я помню твое лицо. Георгий Дымов. Я тебя по «ящику» видел. В «Своей игре».

— А весной ты этого не помнил? С-с-скотина...

— У меня не было выбора.

— Ах, значит, ты помнил... Ты уже тогда «проснулся»? Интересное кино. Ну что же, Олежка. Тогда у тебя не было выбора, теперь у меня. Там, в машине, сидят парни, которые мечтают тебя угробить. Это хорошие парни, и я не буду им мешать.

— Кто они? — спросил Олег, глядя на миномет. Выдержка у него была неплохая, но Гош видел — Олег боится.

— А тебе какое дело? Проваливай. И вот еще что. Попробуешь взять Женю в заложницы — пеняй на себя. Я радую на базу, и мне подвезут ядерный боеприпас. Десять кило тонн тебе хватит, как ты думаешь?

Лицо Олега на глазах посерело.

— Это блеф! — выдохнул он. — Не бери меня на пушку.

— Дубина! — усмехнулся Гош. — Ты что, ничего еще не понял? Я окопался в войсковой части. Там артсклады — заблудиться можно. Радуйся, что мы не приехали на установке залпового огня. То, что было, — и не стрельба вовсе, так, мелкий дождичек. Сейчас я тебя всего лишь пугаю. Мне нужна моя Рыжая. Тебе нужно, чтобы я уехал. Значит, можем договориться. Но если ты решишь меня обмануть, начнется война. Я раздавлю тебя, Олег.

Олег напряженно думал.

— Время идет, — напомнил Гош.

— Мы попробуем найти ее, — вздохнул Олег. — Но она могла уйти из города.

— Покатайся вокруг. Я тебя не тороплю. Моему экипажу не помешает репетиция.

— Не надо, а? — робко попросил Олег.

— Надо, Федя, надо.

— Сволочь ты, Дымов. Пижон и сволочь.

— Отдай мою Рыжую.

— Да нет ее у меня, сказано тебе! — взвыл Олег. — Что я ее, рожу?!

— Все, — сказал Гош. — Я устал. У тебя минута, чтобы убраться. Не успеешь — выстрелю раньше времени прямой наводкой тебе в лоб. Уверяю, хоронить будет нечего.

— Сволочь... — прошипел Олег и ушел.

Гош сполз на сиденье, устало привалился лбом к железу и освободил клавишу передачи. Костя тут же вызвал его.

— Очень ты с ним откровенно, — упрекнул Костя.

— Все тебе не нравится... И так плохо, и этак нехорошо. По-моему, он мне поверил.

— А правда, мы можем и на двадцать километров?

— Активно-реактивной миной. Но я не умею с ней обращаться. Да и нет ее у нас. Хотя если поискать...

— А чего мы атомную не взяли?

— Костя, это же с контейнером пятьсот кило... И зачем она тебе неокснаренная? Ну, без взрывателя. Не окончательно снаряженная.

— А зачем она мне со взрывателем?

— Резонно, — согласился Гош. — Ну что, Регуляторы, вылезайте. Что-то мне есть хочется. Перекусим? И через полчаса — очередной сеанс.

— Будем все-таки еще стрелять?! — обрадовался Костя.

— Обязательно! — заверил его Гош.

* * *

— Ну и тип этот Олег! — возмущился Цыган, ковыряя складным ножом в банке с паштетом.

— Не осуждай его, — сказал Гош. — Он выбрал свою тактику выживания. Совсем непростую. Это называется «Лучше быть первым в деревне, чем последним в Риме». Должен признаться, меня давно интересовал этот фено-

мен. Советник крестного отца, серый кардинал, идеолог фашистского движения... Они всегда на вторых ролях. И, как правило, никого своими руками не убивают. Но власть их огромна, и чаще всего, когда банда терпит поражение, такие люди успевают вовремя исчезнуть... Мне кажется, что в этом и кроется ответ. Понимаете, мужики, скрытый лидер имеет больше шансов остаться в живых, чем лидер формальный.

— А ведь это не лишено смысла, — поддержал его Цыган. — Мартин Борман... Да что там Борман! Помнишь Джонни Ротена?

— «Секс Пистолз»? — несмело спросил Костя.

Гош в раздумье покачал головой.

— Сдается мне, Регуляторы, — сказал он, — что еще через месячишко мы с вами начнем цитировать античную классику.

— Насчет классики не знаю, — усмехнулся Костя, — но растем не по дням, а по часам.

— Так вот, — продолжил Цыган. — Правильно, «Секс Пистолз». Кто там помер молодым? Знаменитый Сид Вишес, лицо группы. А Ротен, который однажды сказал: «Будь мужчиной, убей кого-нибудь, убей себя», в итоге остался жив-здоров и счастливо женат.

— Они записывались в одной студии с «Куин», — вспомнил Гош. — И был случай...

— «Куин» писали «Джаз», — подал голос Большой. — Семьдесят седьмой год.

Все перестали жевать и завороченно уставились на него.

— Со мной тоже что-то происходит, — объяснил Большой и густо покраснел. — Я помню, я читал.

— Впору с ума сойти. Хочу водки! — объявил Костя.

— Потом обмоем, — заверил его Гош. — Когда Женя вернется. Так вот, как-то в перерыве Вишес сунулся к «Квинам» и прямо с порога заорал: «Ну че, Фред, как дела, несем балет в массы?» А тот ему отвечает: «Да уж, стараемся, дорогуша...»

— Но у «Куин» сгорел именно Меркьюри, — заметил Цыган. — А скрытого лидера там не было вообще.

— Ну, вообще-то скрытый лидер — это не должность, а

тип психики. Знаешь, какова его истинная мотивация? Боязнь неуспеха. Именно так это называется — не страх поражения, а боязнь неуспеха. Страх поражения рождает тех, кого американцы обзывали неудачниками. А скрытый лидер просто боится однажды проиграть. И очень часто выбирает такую позицию, когда за него и побеждать, и терпеть поражение будут другие. Выгодная позиция. Так что Олег... Не судите его строго, мужики.

— Может, он и скрытый лидер, — сообщил Костя, — но все равно подонок.

— Рано или поздно «тупые» его вычислят и удавят, — высказался Большой. — Не протянет он долго.

— Протянет, — не согласился Гош. — Он хороший актер. Хотел бы я только посмотреть, как он лезет на стенку, когда остается в одиночестве... Эй, Регуляторы! Давайте закружаться. Пора напомнить о себе.

— Интересно, мы никого там?... — задумался Большой.

— Сообщений о жертвах не было, — успокоил его Гош. — А теперь уж точно не будет, все попрятались. Но мы сделали главное, то, на что я рассчитывал с самого начала. Мы не просто развалили несколько домов. Мы взорвали их жизнь, раскатали основы системы. И давайте-ка еще немного ее пошатнем. Уж больно она тупая.

И все-таки снова выстрелить они не успели. Как раз дожевывали остатки перед тем, как разворачивать миномет к городу задом. Исполнявший обязанности впередсмотрящего Большой вдруг опустил бинокль и сказал:

— Едут.

— По машинам! — невнятно распорядился Гош с наби-тмом.

Через несколько минут у невидимой черты за сто метров от позиции остановился «Чероки» с белым флагом, торчащим из окна. И вышел из него уже не молодой человек, а мужчина в годах. При ближайшем рассмотрении оказалось, что он грузен и лыс. А еще уверен, что все его должны слушаться. Не высунься Гош пораньше, Главный бы принял требовательно стучать по броне. В том, что это именно Главный, тот самый, Гош не сомневался.

— Здравствуйте, Андрей Николаевич, — скромненько поздоровался Гош.

— Немедленно прекратить! — вместо приветствия возмущенно потребовал Главный.

— Что прекратить?

— Мальчишка! — заорал Главный. — Хватит валять дурака! Убирайтесь отсюда!

Такого поворота событий Гош не ожидал. Он надеялся на серьезные переговоры с крупным начальником, а перед ним оказался просто до смерти перепуганный человек. «Мы взорвали их жизнь», — вспомнил собственную фразу Гош. — Не знаю, как насчет «их», но, похоже, жизнь этого господина мы точно взорвали. Ишь, как старика несет! Что у него там, бунт намечается? А похоже. Для «тупых» он наверняка отец-заступник. Еще пара выстрелов, и бедолаги поймут, что это не так. Ай да Регуляторы, потрясатели Вселенной! Чего творим...»

— Назад! — орал в это время Главный, размахивая кулаками и брызжа слюной. — Кто вам дал право?! Я тебе приказываю!

Гош растерянно оглянулся на миномет. Похоже, в отличие от предыдущих визитеров, Главного зловещий вид боевой машины совершенно не впечатлил. Он миномета будто не замечал. Вряд ли ему было известно, что у «Тюльпана» минимальная дальность выстрела почти километр. Скорее всего пожилого дядьку разобрала давняя психопатия. Гош задумался над смыслом этого слова, погрузился в воспоминания и окончательно перестал вслушиваться в крики Главного.

— Вы за это ответите! — разорвался Главный. — Вы...

— Психопатия, — мягко перебил его Гош, — это нарушение взаимоотношений чувственных и волевых свойств при сохранности интеллекта. Вот.

Главный поперхнулся и умолк.

— Конституционально-генетически обусловленная дисгармония личности! — выпалил Гош зазубренное когда-то определение. — А? По-моему, я крут. Я велик и могуч.

— Мальчишка! — возопил Главный, врезал кулаком по броне и даже не поморщился.

— Вы заткнетесь когда-нибудь? — спросил Гош. — Хотелось бы поговорить как нормальные люди.

— Я сейчас тебя заткну! — объявил Главный. — Я сейчас тебе уши надеру, шенок!

Гош подумал, что раз нестандартные решения не дают эффекта, нужно брать инициативу в свои руки. А еще надоело слушать крик. Он вытащил из-за пояса «ТТ», свесился из люка прямо Главному под нос и пальнул у того над ухом.

Результат превзошел все ожидания, причем с явным перебором. С одной стороны, Главный заткнулся. С другой, он вовсе не стал покладистее, а, напротив, схватил Гоша за воротник.

Гош вырвался и поспешил нырнуть в транспортер. Главный, рыча, полез на броню. Гош задраил люк, и тут же на крышке принялись отплясывать каблуки. Потом дернулись рукоятки пулемета, да так сильно, будто разъяренный мужик решил завязать ствол узлом.

Гош резко крутанул башню. Снаружи раздался такой вопль, что его не заглушила даже броня. Гош сунулся к перископам, но Главный куда-то исчез. Только из «Чероки» выглядывали испуганные лица. Тогда Гош вызвал миномет.

— Ты ему ноги подсек, — объяснил Костя. — Похоже, он сейчас у тебя под гусеницей валяется.

Гош снова открыл люк и свесился вперед. Главный как раз вставал на ноги, и поэтому любопытство было немедленно вознаграждено крепким ударом кулака в лоб. От тяжелой контузии Гоша спас только шлемофон. Он возмущенно рывкнул и уткнул ствол пистолета Главному в зубы.

— Слушай меня! — приказал Гош.

Главный врезал ему снова, на этот раз в ухо. Гош поспешил спрятаться. Через триплекс было видно, как Главный скачет перед транспортером и машет руками своим помощникам. Вероятно, призывает их отдирать машинам гусеницы.

— Костя! — позвал Гош. — Я в смятении. Этот деятель неуправляем. Ты видел, как он меня?..

— Первый человек в этом городе, который оказал нам

достойное сопротивление! — рассмеялся Костя. — И каким образом!

— Хватит ржать! У меня уже голова кружится. Что делать, Костя? Не убивать же его...

— Я думаю, — сказал Костя, — нужно просто вылезти наружу и как следует надавать гаду по морде.

— У него вооруженная охрана.

— Ну, пока что она не высовывается. Хотя ему и очень хочется. Видишь, как прыгает? Ого, уже к ним побежал!

— Может, он уедет, а? — пробормотал Гош с надеждой.

— Как бы не так... Слушай, давай я на самом деле пойду ему на костылях?

— Уверен, что получится? — спросил Гош недоверчиво.

— Не помнишь, кто тебя скрутил?

— Так это меня... Я драться вообще не умею.

— А ты и не дрался. Ты стрелял. Продырявил любимое колесо Большого. И «Тойоту» мою угробил. Век не прощу.

— Это был не я.

— Понимаю. Эй, погляди-ка!

— Что еще такое... — Гош повернулся к триплексам, глянул на дорогу и облегченно вздохнул. «Чероки» уезжал. И главное — увозил Главного. Можно было выбираться наверх и думать, как вести себя дальше.

— Ты что-нибудь понял? — был первый вопрос, которым встретил Гоша Цыган.

— Я уже окончательно ничего не понимаю, — сознался Гош. — Но отступать некуда. Давайте разворачивать машину.

— Давай, — согласился Цыган. — А то еще подумают, что мы слово не держим. Эй, Патрик!

— Я не Патрик, — обиделся Костя. — Сам ты Патрик.

— Хорошо, ты страшный и бесстрашный Арканзас Дэйв.

— А кто его играл, кстати? Такая знакомая морда...

Цыган оторопело присел на башню.

— Костя, — сказал он. — Это все очень хорошо, даже замечательно, главное, чтобы у тебя не съехала крыша. Нельзя такими безумными темпами вспоминать.

— Тем более ты милиционер, — поддакнул Гош. — Тебе вообще не положено.

— Уроды, — сказал Костя с достоинством. — Что вы знаете о милиционерах?

— Что они берут взятки и творят произвол.

— Я и говорю — уроды, — вздохнул Костя.

— Так ты на самом деле мент? — удивился Большой.

— А что, нельзя?!

— Да нет, я так...

— Я манкурт. Зомби. Господи! — возопил Костя, вздев к небу сжатые кулаки. — За что?! Ну за каким дьяволом мне нужно помнить, что «Детройт ред уингз» вышли в финал Кубка Стенли в девяносто восьмом году?! На фига мне состав группы «Иванушки Интернэшнл»?! Зачем мне фамилия Кудрев, хотя... Хотя это и моя фамилия!!!

— Костя Кудрев... — пробормотал Цыган печально. — Регулятор графства Линкольн. Вот и все, мужики. Кончилась легенда, начались реальные имена. А так хотелось еще немножечко поиграть. Самую малость...

Гош вскарабкался на миномет и положил Цыгану руку на плечо. Тот посмотрел на Гоша тоскливыми собачьими глазами.

— Я хочу знать, кто моя жена! — потребовал Костя. В его голосе, прежде звонком и яростном, начали пробиваться тревожные плачущие нотки. — Где мои дети! И какая дрянь устроила нам это все, я тоже хочу знать! Мне нужно, понимаете?!

— А нам что, не нужно? — осторожно спросил Большой. — Костя, ты здесь не один такой.

— Ты вспомнишь, — пообещал Костя. — Ты очень много вспомнишь. Так много, что не сможешь вынести. Столько, что впору пулю в лоб!

— Сколько же у нас горя впереди, ребята... — прошептал Цыган. — Кончаются веселые детские игры в ковбоев, наступает просто жизнь.

— Костя, не форсируй события, — попросил Гош. — Может, ты еще не успел жениться.

— Как же! — раздраженно фыркнул Костя. — Не дожидесь!

Большой вдруг наострил уши.

— Это у меня слуховая галлюцинация? — спросил он. — Или кто-то скачет?

Все повернулись к лесной дороге, выходящей на перекресток под острым углом. Из леса действительно раздавался цокот копыт.

— Галопом шпарит, — определил вернувшийся к действительности и немного успокоившийся Костя. — Лезем внутрь! Мало ли кто там...

— Черт возьми! — Гош хлопнул себя рукой по лбу. — Конечно же! «Молодые стрелки»! Костя, твоего Арканзас Дейва играл Кристиан Слейтер! А Билли Кида — Эмилио Эстевес! А Дока Скурлока... Ой, правда, на самом деле полезли внутрь!

— Вот именно, — согласился Костя, исчезая в башне. — Но все равно, спасибо за информацию.

— А музыку ко второй части писал Бон Джови! — радостно крикнул Гош, убегая к транспортеру.

— Я же говорю — крыша едет, — печально сообщил Цыган, опуская ноги в люк. — Эх, Гриша, залатай мне крышу! Черт бы вас побрал, русские! У меня ведь должна быть своя национальная культура, богатая и древняя. Кирилл и Мефодий, все такое... А я только и помню, что переход Суворова через Альпы да «болгарский слон — младший брат русского слона»...

— Какой ты болгарин! — пробурчал Костя снизу. — Ты по национальности москвич!

— Я по национальности Регулятор! — ответил Цыган. — А ты ренегат. Променял светлую мечту о Диком Западе на дурацкие воспоминания о «Ред уингз». Кстати, они взяли Кубок тогда?..

* * *

На горизонте Тула ждала очередной плюхи, но миномет так и не был развернут в боевое положение.

— Тут деревня есть недалеко, — сказал Цыган, разглядывая карту. — У озера. Поехали?

— В баньку... — мечтательно промурлыкал Большой. — Хорошо бы.

— Как с лошастью разберемся? — деловито спросил Гош.

Генри, снова оседланный и, похоже, абсолютно счастливый, мирно пасся на обочине. Костя, хмуро разглядывая вновь обретенного друга, курил неподалеку.

— Я тебе разберусь! — пообещала Женя.

— Он нам руки связывает, — объяснил Гош. — Мы же на технику пересели.

— А я на него пересела. Все!

— Как знаешь, — Гош повернулся к карте. — Хорошо, двинем потихоньку. В любом случае, на ночь умнее будет с перекрестка убраться. А баня нам тем более не помешает.

Часом позже машины остановились на берегу озера. Большой тут же отправился искать баню поприличнее. Костя вышел на мостки и сунул руку в воду.

— Теплая! — воскликнул он. — Градусов восемнадцать! Ну ее в баню, вашу баню! Я так полез! Дайте мыло!

Цыган тоже забрался на мостки и недоверчиво потрогал воду.

— Точно, — кивнул он. — Лучше спать пораньше ляжем. Эй, Большой! Иди сюда!

Гош бросил на землю черную куртку. Хорошая была идея пожалеть свои последние шмотки и переодеться в танковые комбинезоны. Стрельба — дело грязное и потное. Забраться в воду хотелось еще с обеда.

— Купалась раньше сразу с четырьмя голыми мужиками? — спросил он Женю.

— Я, конечно, девочка не стеснительная, — ответила та. — Но лучше уж пока на солнышке погреемся. Как-нибудь после вас.

— На солнышке... — Гош провел ладонью по борту миномета. — Знаешь, какой самый острый кайф я испытал в армии? По весне, когда выглядывает первое солнце, улечься на теплую броню. И попробовать отогреться. Сразу за все лазанье по снегу, за все караулы при тридцатиградусном морозе... Зимой в армии очень трудно спрятаться от холода. На гражданке ты всегда можешь куда-то зайти. А в армии даже если и есть теплые места, не всем положено там находиться. Помню один зимний полигон, я тогда сидел в машине на наблюдательном пункте. Отличный ком-

бинезон с ватной подстежкой, большой пушистый воротник, рядом гудит отопитель, в зубах сигарета... За бортом минус пятнадцать и сильный ветер, а мне хоть бы хны. И решил я высунуться в люк, чтобы слегка проветриться. Выглядываю, а рядом из окопа торчат наблюдатели от прицепной артиллерии. Двое в шинелях таращатся в стереотрубу. Рожи красные, под носами, пардон, сопли примерзли... И дикая обреченность на лицах. Из которой подвиги рождаются. Хоть грудью на амбразуру, лишь бы все поскорее кончилось. Посмотрел на ребят, и стало так безумно стыдно, что я поспешил спрятаться обратно. Кто это сказал: «Нельзя привыкнуть к холоду, можно только научиться терпеть его»?

— По-моему, Амундсен.

— Что мы будем делать зимой, а, Женя?

— Зависит от того, куда ты нас приведешь.

— Я не знаю, — Гош отвернулся. — Больше не знаю. Конечно, хочется съездить в Москву. Есть у меня смешная надежда, что там отыщется какой-нибудь смысл жизни. А больше нам ехать, кажется, и некуда. Все обрушилось, все провалилось и, как ни печально, по моей вине. Еще вчера у нас был дом. А сегодня нет вообще ничего.

С озера донесся плеск и радостный вопль.

— Эй, капитан! — проорал Костя. — Чего застрял! Давай к нам! И мыло захвати!

— И полотенца! — добавил Цыган. — Эх, красотища!

— Все, что осталось, — пробормотал Гош, кивая в сторону озера. — Люди, у которых я отнял будущее. Жили бы себе — не тужили, пасли скотинку, культурно развивались...

— А потом вспомнили бы, кто они такие, и разъехались по родным местам. Не переживай, Гоша. Конец все равно один — каждый отправляется туда, куда его тянут воспоминания. Так что у нас впереди Москва. А потом ты что-нибудь придумаешь.

— Умная, — сказал Гош. — Аж противно. Как самочувствие?

— Ничего. Пореву еще немного и совсем успокоюсь.

— Ты уж прости меня...

— Да за что?

— Капитан! — требовали из воды. — Где заказанное мыло?!

— Иди к ним, — сказала Женя, мягко толкая Гоша ладонью в грудь. — И помни, что ты ни в чем не виноват. Так получилось. Все, убирайся.

Гош тяжело вздохнул и ушел к транспортеру за мылом и полотенцами. А Женя присела у гусеницы, положила голову на колени и подумала, что плакать больше не хочется, и это хуже всего. Разгром фермы, смерть обожаемого Малыша, гибель людей, к которым она уже начала привыкать, — все события прошедших суток не столько расстроили Женю, сколько ожесточили. И то, на что сейчас жаловался Гош, она тоже отчетливо чувствовала.

Жизнь в очередной раз потеряла смысл. Куда бы Дымов ни повел свою команду, впереди ждала только беспросветная тоска. Новые места, новые встречи, даже новые воспоминания не сулили ничего хорошего. Слишком много горя осталось позади для того, чтобы ждать от будущего чего-то необыкновенного. Каким бы ни оказалось завтра, оно принесет только новые потери.

Женя подняла глаза на вороного красавца Генри. «Первый, с кем придется расстаться. Может, и к лучшему. Все равно он не заменит Малыша, с которым вместе прошли огонь и воду». Бедный Генри очень по-человечески бродил потерянно среди развалин фермы, когда из леса вышла и в ужасе остановилась Женя. Как он к ней тогда бросился! Несчастное существо, умоляющее защитить его от одиночества... Еще неизвестно, кто горше плакал, увидев содеянное «тупыми», человек или конь.

И кто его знает, что бы успел натворить Гош, не приди Генри к родному пепелищу. И за то, что вороной стрелой домчал Женю до перекрестка, его завтра ожидала награда — снова оказаться брошенным... Женя понимала, что иначе никак, Генри действительно сковывал подвижность группы. Решение оставить коня было правильным. И сколько еще таких же безусловно правильных, но чересчур жестких решений предстояло вынести...

— Но баню растопим, — донеслось из-за машины. — Я бы не прочь кое-что простирнуть.

— Так, может, все-таки попаримся тогда? Эй, барышня! Ваша очередь.

Женя взяла мыло и полотенце из числа награбленного на армейских складах и ушла за камыши. Едва она скрылась из виду, Костя метнулся к «Лендроверу», схватил бинокль и уполз вслед подсматривать.

— Как не стыдно! — напутствовал его Большой.

Гош закурил и попросил карту.

— Значит, так, — сказал он. — Завтра первым делом идем обратно в часть. Возьмем другой миномет, с полным боекомплектом. Попробуем завести бензозаправщик. Или, в крайнем случае, зальем под завязку и на жесткой сцепке возьмем на буксир. В тягач погрузим консервов сколько влезет. Патроны, разумеется. Хорошо бы найти еще зимнюю танковую форму — пригодится. Затем двигаем в Тулу. Выколоти́м из Олега выпить и закусить повкуснее. И нормальное белье, не хочу я в семейных трусах ходить. Женю тоже нужно одеть подобающе. Вообще, много нам чего нужно. Вплоть до зубных щеток. Думаю, Олег нам все это организует, лишь бы мы его не трогали. Вот так, господа Регуляторы.

— А дальше? — спросил Цыган.

— На Москву. Больше некуда.

— Согласен, — кивнул Большой. — Ну что, я пошел топить?

— Давай.

От камышей, пригибаясь, вернулся Костя.

— Красиво, — доложил он. — Все очень упруго, четко обрисовано, и такая, знаете ли, ровная гладкая линия... Тела немного, но качество высокое. Будем атаковать. Только чур без обид. Кого выберет, того выберет.

Гош смерил Костю оценивающим взглядом и едва заметно улыбнулся.

— Ты чего? — насторожился Костя. — Я ничего такого... Просто собираюсь поухаживать за милой барышней. Кроме шуток, нравится она мне. Прямо так и скажу. А дальше по обстановке.

— Да ради бога... Желаю удачи, — Гош снова улыбнулся.

— Он что-то знает! — сообщил Костя Цыгану встревоженным шепотом. Не на шутку встревоженным.

— Ничего я не знаю. Ты давай, старик, не стесняйся. Не вижу, с чего бы благородному дону не упасть к ногам милой его сердцу девушки. Ты ей тоже, кажется, не противен.

— Правда?! — расцвел Костя.

— Ага, — согласился с Гошем Цыган. — Только не до такой степени.

— Это до какой не до такой?

— До такой, как ты подумал.

— Увидите! — Костя потряс в воздухе указательным пальцем.

— Конечно, увидим, — кивнул Гош. — Что-нибудь мы обязательно увидим. Рано или поздно. А пока что бинокль в машину положи. Она сейчас придет, и, если заметит этот бинокль, твои шансы здорово пошатнутся.

— А может, и наоборот, — предположил Костя, но все-таки пошел к «Лендроверу». — Девушки ценят внимание.

— Думаю, не такое откровенное. Костя, ты пойдешь с нами на Москву?

— Интересное кино! А с кем тогда, если не с вами?

— Вот и молодец. Клади бинокль на место и доставай пайку.

— Прикажете водочки?

— А почему бы и нет... — Гош сложил карту. Лицо его помрачнело, он снова о чем-то задумался.

— Не повезло Косте, — сказал Цыган. — Тебе он не конкурент. В данном конкретном случае — точно.

— Нам всем не повезло, — заметил Гош. Заметил по какому-то совсем другому поводу.

* * *

На военных складах они возились очень долго, запасаясь провиантом и боеприпасами. Завели и наполнили соляровкой автоцистерну. Между делом любопытный Цыган уговорил Гоша показать народу «атомную бомбу». Тот долго отнекивался, но потом все-таки отвел друзей к при-

мостившейся под ветхим навесом шеренге цилиндрических контейнеров.

— Вот это?! — не поверил Цыган.

— Оно самое. Тактическая ядерная мина. Не помню, какой там заряд. Я такие штуки только с места на место перетаскивал. У меня единственная благодарность в личном деле была как раз за это. Погнали на склады и говорят — будь любезен, чтобы к обеду двадцать мин переехали до во-он того столба... А это метров триста. И рабочей силы десяток салабонов. Ну, думаю, кранты, у кого-то сегодня точно пупок развяжется. Не у меня, понятное дело, но жалко парней все-таки. Сели, закурили, смотрим на эту погибель нашу. А контейнеры, видишь, на салазках. И мы как нарочно на грузовике приехали. Я говорю прапорщику — а? Будем цеплять крюками к грузовику по две штуки и не спеша волоком... Между прочим, у меня к этому моменту пятнадцать суток ареста набежало и шесть строгих выговоров с занесением. Даже разжаловать обещали. Говорят, командир дивизиона чуть с ума не сошел, когда явился прапорщик и стал распинаться, что я стратегический гений не хуже Кутузова. Но благодарность все-таки нарисовал. Ох, ребята, сколько же я вспомнил за последние дни...

Цыган осторожно погладил теплый серый бок контейнера. Большой ухватился за одну из рукояток, поднатужился, но мина даже не шелохнулась.

— Полтонны, — напомнил Гош. — И как минимум три Хиросимы. А может, и все десять.

— Давай погрузим, а? — предложил Костя, закрываясь рукой от яркого солнца. Его весь день ломало с похмелья. Этой ночью Костя после душевной беседы с Женей выдул от разочарования бутылку водки. — Вон и подъемник. У лебедки есть ручной привод.

Гош оглянулся. Неподалеку стояла конструкция, напоминающая мостовой кран.

— Зачем? — спросил он. — Хочешь облучиться? Ее же придется достать из контейнера.

— Хорошо, возьмем прицеп и в него погрузим.

— Зачем? — повторил Гош.

— На всякий случай, — подсказал Цыган. Он никак не

мог отлипнуть от мины, придирчиво рассматривая маркировку.

— Вы что, сговорились, что ли? — догадался Гош.

— Это не так уж глупо, — негромко вступила в разговор молчавшая до того Женя.

— И ты с ними?!

— Гош, она же совсем безвредная сейчас, разве нет?

— Вредная или безвредная, это ядерный боеприпас.

— Вот именно, — кивнул Цыган. — Пусть без взрывателя, но это атомная бомба. О чем на ней вполне доходчиво написано. Даже «тупой» догадается.

— Зачем-ем?! — пролаял Гош неприятным визгливым голосом.

— У москвичей танки, — сказал Костя. — И они умеют с ними обращаться. Ты же хочешь, чтобы нас пропустили в Москву?

Гош присел на контейнер и достал сигареты. Такого поворота он не ожидал.

— Танки... — пробормотал он, закуривая. — Шарахнем пару раз по Ленинским горам, все их танки хваленые разбегутся.

— А ты не хочешь без выстрелов?

Гош неприязненно покосился на Костю.

— Шантажировать «тупых» — опасное занятие, другой мой.

— Но в Туле у нас получилось.

— В Туле мы едва-едва начали. Кто его знает, как бы все потом обернулось.

Костя возвел глаза к небу и патетически всплеснул руками. Цыган сплюнул. Большой вздохнул. Женя раздраженно притопнула ногой.

— Почему ты так упираешься? — спросила она.

Гош снизу вверх посмотрел на Женю. Угольно-черный танковый комбинезон, высокие ботинки (битый час искали нужные размеры), темные очки (свои отдал). Все это не должно было ей идти, ан нет — шло. Выглядела барышня донельзя воинственно и очень уверенно.

— Умная, да? — спросил Гош язвительно.

— Сколько раз ты мне это уже говорил?

— И еще скажу. Не жарко?

Объездчики переглянулись. Они понимали, что происходит нечто интересное, но вот что именно...

— Не жарко, — помотала головой Женя. — Удобно.

— Пуговку расстегни.

Женя чуть заметно улыбнулась и медленным движением расстегнула пуговицу куртки, открывая ложбинку на груди. Объездчики переглянулись снова, на этот раз почти испуганно.

— Так лучше, — кивнул Гош. — Всегда так ходи. Эй вы, заговорщики! Регуляторы хреновы... Двигайте в парк, ищите прицеп. Накачивайте колеса, гоните сюда. А мы пока тут... На бомбах поваляемся.

Объездчики расплылись в довольных улыбках и повернулись к тягачу.

— Интриганы закулисные, — напутствовал их Гош. — Я знаю, это все ты, българче! Командир на отряд славен партизански...

— Ну Гоша, ну ведь хорошая идея же! — взмолился Цыган. — Чего ты ее так боишься, этой бомбы?

— Я послежу, чтобы не взорвалась, — заверил Костя.

Большой завел тягач. Костя и Цыган что-то издали объясняли, активно жестикулируя, но их стало не слышно. Гош махнул рукой, слез с контейнера и ушел в тень, под забор. Повалился на траву. Женя присела рядом.

— Что с тобой? — спросила она.

— Да ничего. Был бы ключ от контейнера! Пока они там бегают, дернуть минометом, завалить на бок, выкатить эту проклятую мину, отпихнуть подальше, загрузить уже пустую коробку...

— Тебя ведь не только это тревожит, правда?

— Умная, — в сотый раз сказал Гош. — Конечно, не это. Я думаю, что будет в Москве. И главное — после Москвы. Куда мы пойдем и зачем. Да, зачем.

— Нужно искать наших. Таких, как мы.

— Белый все мечтал дождаться, когда «тупые» «проснутся»... Хотел стать великим учителем и отцом народов. А мы, значит, будем собиратели разрозненных племен. Тупик это, Женечка. Тупик. Допустим, на зиму найдем в приго-

роде особняк с печным отоплением. Будем читать книжки, рубить дрова и устраивать вылазки за продуктами. Потом будет еще одно лето. Еще одна зима. И так до самого конца. Тебе это нравится?

— Ты устал, Гоша. Ты просто устал.

— Наверное, — Гош выбросил окурок. — Знаешь, я очень хочу добраться до Москвы. Но этого же я и боюсь. Вдруг там найдутся для меня воспоминания, которые сделают мою жизнь окончательно бессмысленной? Ведь если что-то было там, в прошлом... Большое, серьезное, настоящее. Теперь уже ничего не вернешь. Ни малейшего шанса воссоздать или повторить. Слишком изменился мир. Он совсем другой.

— Ты устал, — раздалось у самого уха, и ласковая рука погладила его по волосам. Гош повернул голову и увидел совсем рядом ярко-зеленые глаза, замороженно рассматривающие его, и чуть приоткрытые, ждущие поцелуя губы. «Да, это можно. Это, наверное, будет совсем не плохо. Но и в этом тоже нет ни малейшего смысла. Зачем я ей? Ей нужен кто-то, готовый в новом мире выживать. Молодой и сильный. Не потерявший надежды. Кто угодно, только не я».

Кончиками пальцев он осторожно погладил девушку по щеке. Женя вздохнула, прикрыла глаза и безвольно уронила руки. Гош нагнулся, мягко поцеловал ее в шею, потом в то место, где шея смыкалась с плечом. Расстегнул на девушке куртку и сбросил ее с хрупких плеч, обнажая молочнок-белую грудь. Слишком белую, чтобы ее жгло такое яркое, жестокое солнце. Заслонил ее своей тенью. Поцеловал напрягшиеся розовые соски — один, другой... Восхитился тем, какой удивительной внутренней чистотой веет от этого тела. Он готов был любоваться им бесконечно. На руках носить. Только вот...

Гош отстранился, пораженный.

Это была не его женщина. Все равно что резиновая, которая лежала там, в его тульском доме, за шкафом. Хотя с резиновой он что-то еще смог, чисто из спортивного интереса. Не то что с «тупой», которую выгнал, даже толком не ощупав.

Нет, он вовсе не утратил мужские инстинкты. Он хотел,

желал безумно прямо сейчас, любил, боготворил... Совсем другую. Ну совершенно. Единственную и неповторимую. Свою.

Гош судорожно зажмурился.

— Милый... — еле слышно позвала Женя.

Гош заткнул уши, чтобы не слышать. «Хоть бы врезала мне, что ли... Умная-то она умная, поймет, а все-таки нельзя себя так вести, как я сейчас. Просто отвратительно. «Пуговку расстегни...» Скотина! Зачем тебе это было нужно?! Вспомнить решил, как ловко умеешь людьми манипулировать? Отыгаться за этот их примитивный заговор с бомбой? Подлец... Господи, о чем я думаю?!»

— Гошка! — Женя прижалась к нему и с неженской силой рванула за руки, чтобы уши не зажимал. — Посмотри на меня! Вернись! Где ты?!

Гош поднял на нее глаза, полные с трудом удерживаемого безумия.

— Извини... — пробормотал он.

Женя отпустила его и медленным движением натянула куртку.

— Ты вспомнил... — выдохнула она. — Боже мой, ты вспомнил...

Гош с трудом встал на ноги.

— Что же нам теперь делать? — спросила Женя непонятно кого. Голос у нее был такой, что вот-вот заплачет.

— Извини, — повторил Гош. Повернулся и чуть ли не бегом направился к унылым сараям артиллерийских складов.

— Я люблю тебя! — простонала Женя ему вслед. — Я же тебя люблю...

Может быть, Гош ее услышал. А может, и нет. В любом случае он нырнул в разбитые таранным ударом тягача ворота ближайшего склада и пропал.

Женя встала и пошла неведомо куда, на ходу непослушными пальцами застегивая куртку. Уткнулась в какой-то проволочный забор. Кровь бешено пульсировала у Жени в висках, перед глазами все плыло. Девушка положила ладони на проволоку и медленно сжала кулаки. Острые шипы пробили кожу, но боль не принесла облегчения. Это была совсем не та боль, которой она хотела.

Издевка судьбы. Всего лишь колючая проволока.

Гош явился через полчаса. Из нагрудного кармана у него торчал серебристый длинный ключ.

Женя невидящим взглядом буравила контрольно-следовую полосу и время от времени слизывала с ладоней кровь. Выражение лица у нее было такое, что трижды задумаешься, прежде чем спросить, который час.

— Как ее звали? — поинтересовался Гош у Жениного затылка. — Как она выглядела?

— Идиотка... — пробормотала Женя.

— Помоги мне! — потребовал Гош.

— Я не знаю...

Гош взял девушку за плечи и развернул к себе лицом.

— Не знаешь?!

— У тебя было кольцо... Я видела...

— Когда? В каком году?

— В девяносто седьмом... Кажется.

— А сейчас какой?!

— Откуда я знаю...

— И я не знаю, — согласился Гош, отпуская Женю и внимательно разглядывая свою правую руку. — И куда я его дел, это кольцо?!

— Да отстань ты от меня! — взмолилась Женя. — Ну что мне теперь, со стыда утопиться?!

— С какого еще стыда? Это мне хоть в петлю. Женька! Ты прости меня, ладно?!

Вместо прощения Гош схлопотал увесистую пощечину.

— Слава богу! — облегченно воскликнул он, хватаясь за щеку. — Пациент скорее жив, чем мертв. А это что еще такое? Покажи!

— Пошел ты!!!

— Тихо! Возьми аптечку, обработай ладони. Или сильно вымажу зеленкой. Бегом!

— Скотина!!! — заорала Женя, врезала было обидчику с другой руки, но только ушиблась о ловко подставленный блок. Гош схватил ее за руки. Отбил коленом удар в пах. Еще один. Притянул девушку к себе вплотную. И провел ее ладонью по своей щеке, украсившись кровавой полосой.

— Вот так, — сказал он.

Женя не выдержала и разрыдалась. Гош крепко обнял ее.

— Это безумие... — простонала Женя, глотая слезы. — За что?!

— Безумие, — отозвался Гош.

— Я не знаю, как она выглядела. Не знаю, была ли она вообще. Может, ее и не было... Гошка, а если вы развелись... Как это можно — потерять обручальное кольцо? Может, ты с ней развелся, а? — бормотала Женя, всхлипывая.

Гош снова поднес к глазам правую руку.

— Зачем же я тогда женился? — спросил он.

— Ну разводятся люди, бывает...

— Сомневаюсь, — пробормотал Гош. — Что я, совсем ребенок, что ли?

— Ты не думай, — попросила Женя. — Ты опять думаешь. Ты все время только и делаешь, что думаешь... Переживаешь. Зачем?

— Такой на свет уродился. Солнышко, пойдем к машине. Возьмем аптечку, залижем ранки... Не хочу я тебе потом руки ножовкой отпиливать. И кормить с ложечки остаток дней.

— Другие найдутся. — Женя достала из кармана грязноватый платок и утерла слезы. — Желающие.

— Ну вот и замечательно, — Гош мягко тащил девушку к машине.

— Да что замечательно?! — взорвалась Женя. — Ты вспомнил или нет?!

— Ты чего на меня орешь, чудо? — спросил Гош почти ласково. — Я не буду сейчас с тобой ссориться. И потом не собираюсь.

— Конечно, не будешь! Потому что я уйду. Сегодня же!

Гош не стал комментировать это заявление. Он просто сунул руки в карманы и отошел к «Лендроверу». Забрался внутрь, покопался там и выбрался наружу с аптечкой в руках. Поманил Женю пальцем. И она подошла. Ей действительно хотелось убежать немедленно хоть к черту на рога, лишь бы подальше от этого человека. Но в то же время что-то ее удерживало от такого опрометчивого шага. То ли смутная надежда, что Дымов опомнится и перестанет жить воспоминаниями, то ли обычная жалость. Кроме того, совер-

шать резкие движения было страшновато. Гош только с виду казался милым и ласковым. На самом деле в каждом его жесте сейчас проскальзывала едва сдерживаемая злость. Вечером Костя во всех подробностях рассказал Жене, как Гош себя вел при обстреле города и переговорах с местными. И кое-что об этом человеке Женя поняла.

Он не мог и не хотел командовать людьми просто так, для удовольствия, из желания лидировать. Ему обязательно нужна была цель. И только что она у Дымова появилась. Фактически Женя сама накликала весьма опасное развитие событий. Час назад Гош побаивался ехать в Москву, не зная, какого рода воспоминания его там ждут и как они изменят его жизнь. А вот теперь он уже не боялся ничего на свете. И если его не сдерживать, он пройдет сквозь все препятствия, как нож сквозь масло. Весело размахивая атомной бомбой. А если «тупые» в нее не поверят, то постреливая из всех доступных видов оружия. И никакие горы трупов на этом пути к воспоминаниям о потерянной любви Дымова не остановят.

Гош сел на подножку машины, протянул Жене мыло и бутылку с водой, и та принялась мыть руки. Порезы щипало.

— Когда Би-би-си сообщила о том, что принцесса Диана и принц Чарльз подали на развод, — сказал Гош негромко, — по всей Великобритании был зафиксирован беспрецедентный скачок нагрузки на сеть энергоснабжения. Что бы это значило? Время.

Женя сунула ему под нос кулак с оттопыренным большим пальцем.

— Ну?

— Англичане в ужасе бросились к своим электрическим кофеваркам.

— Умница. Один-один.

— Почему?!

— Держи зеленку. Потому что очко ты мне должна за сегодняшнее.

— Что, прощение выпрашиваешь? — догадалась Женя. — На коленях?

— А ты у меня?

Женя не удержалась и поцеловала его в макушку. От мягких черных волос пахло баннным мылом.

— Почему ты мне раньше не сказала?..

— Извини. Я в городе была, когда вспомнила про твое кольцо. У меня просто времени не было. И... Сам понимаешь, я тоже на нервах. Мне всю ночь Малыш снился. И ты. Гош, как же мы теперь будем, а?

— Не уходи, — попросил Гош. — Только не уходи, ладно? Ты мне нужна. Ты единственный человек в нашей банде, который имеет надо мной власть.

«Угадала, — подумала Женя. — Но он... Все понимает. Столько эмоций и такой при этом жесткий самоконтроль. Мне бы так научиться. Господи, ну почему такие парни всегда достаются кому-то еще? Чем она лучше меня? Стерва».

— Я останусь, — кивнула Женя, с сомнением разглядывая пузырьки зеленки. — Пока что.

— Спасибо.

— Ты не переживай так, Гош. Ну дура я, что уж теперь.

— Почему дура? Все было очень хорошо. Кто же знал, что меня так скрутит... Извини.

— Я могу хотя бы надеяться?.. — неожиданно для себя выпалила Женя с отчаянием смертника. Раздиравшая душу обида куда-то улетучилась, осталась просто горечь и острое желание все исправить. «А потом — куда он денется, когда поймет, что прежнюю жизнь не вернешь? Ко мне. Кто еще пережил весь этот ужас с ним рука об руку?»

— А почему бы тебе не надеяться? — Гош смешно вынул глаза. — Если, конечно, я не застрелюсь. Только куда мне... Воспитание не то.

— Ты уже все просчитал... Капитан, — Жене даже стало немного обидно за ту, которую она про себя не очень-то справедливо обозвала стервой.

Гош заложил руки за спину и прошелся вдоль борта машины. Вернулся. Лицо его совершенно ничего не выражало. Снова ушел. Женя, воспользовавшись моментом, спрятала зеленку в аптечку и забросила коробочку через окно в салон.

— Весь этот год она была со мной, — сказал Гош, тоскливо кивая своим мыслям. — Незримо присутствовала

рядом. Я даже не помнил о ее существовании, а она — была. И вставала между мной и любой женщиной, которая попадалась на моем пути. Я просто этого раньше не чувствовал. А ты для меня значишь... Много. Да, много. Пони-маешь, Женя, наша амнезия как-то связана с эмоциональ-ной значимостью событий и переживаний. Я бьюсь над этим феноменом очень давно. Пытаюсь разгадать, и ниче-го не выходит. У нас стерто из памяти все то самое главное, без чего мы не люди, а так, двуногие прямоходящие. Гума-ноиды. Как это вернуть? Будить старые эмоции новыми, такими же сильными? Всем поголовно влюбиться, чтобы потом осознать, что у нас за плечами осталась другая лю-бовь? Слуга покорный... Убивать людей, чтобы понять, как это дурно? Ты хоть представляешь, что нас всех ждет?!

Он снова повернулся к Жене, глаза его неестественно блестели, и Женя поняла, что это слезы.

— Нет, — честно сказала она. — Не представляю. И не хочу представлять. А ты не думай о плохом. Думай о хоро-шем. О том, что у тебя в этом мире нашлись замечательные друзья. О том, что я рядом, например. О том, что ты совер-шил очень мужественный поступок, спасая меня от «ту-пых». Знаешь, как я тебе за это благодарна? И ребята тобой жутко гордятся.

— Это когда — поступок? — удивился Гош.

— Когда по городу стрелял.

— И что, спас? — Гош коротко хохотнул. Довольно виз-гливо; он то ли был на грани истерики, то ли уже эту грань давно проскочил.

— Какая разница? Ты это сделал. И спасибо тебе. Рань-ше из-за меня никто такого не совершал. Ты первый.

— ...и герой получил заслуженную награду! — Гош до-стал сигареты, руки у него заметно тряслись. — Ладно, за-будем. Впереди масса приключений! Это вы хорошо при-думали с ядерной миной. Чья идея? Твоя?

— Да что ты! Это Цыган.

— Тьфу! Славен момък се явил...

— Что?

— Славный парень объявился. Блин, ну откуда из меня лезет эта болгарщина, откуда?! Цыган сам таких слов не

знает... И не надо ему, из него болгарин, как из меня индеец! А мне все надо! И чем больше, тем больше! Костя тут разорился, какого черта, видите ли, вспомнил про «Красные крылья» и Кубок Стенли! Понятно, какого черта. Потому что на фиг ему сдались эти «Крылья», вот какого...

Зажигалка не работала, и Гош в сердцах швырнул ее оземь.

— Численность пожарной команды в Древнем Риме достигала пяти тысяч человек! — прокричал он куда-то в небо. — Цезаря считали парнем со странностями, потому что не любил мужиков! Анализ фекалий из оборонительного рва показывает, что основной пищей легионеров был хлеб грубой выпечки с большим содержанием отрубей! Плиний Младший... Чтоб он провалился! Знать не хочу Плиния Младшего! Хочу знать, когда меня в первый раз ударили по морде! Когда невинность потерял! А вдруг у меня дети были? А?! Но главное всего, оказывается, знать, что Алан Александр Милн отвечал на вопрос о причинах своей женитьбы! А о причинах моей женитьбы кто-нибудь что-нибудь может рассказать? Черта с два! Почему тебя в Древнем Риме нельзя было бы казнить удавкой?! — Тут Гош поперхнулся и умолк. Перестал размахивать незажженной сигаретой, подобрал зажигалку и наконец-то закурил. Измазанная кровью щека нервно подергивалась.

Женя задумалась.

— А почему? — спросила она.

Теперь задумался Гош.

— Ты о чем? — поинтересовался он с неподдельным интересом.

— Почему меня нельзя было бы казнить удавкой?

— А-а... Ну, я даже толком не знаю. Какие-то религиозные мотивы.

— А как же тогда женщин казнили?

— Головы рубили, — не моргнув глазом, соврал Гош. Он спустил пар, ему уже стало легче, и очень не хотелось малокорректными намеками портить с трудом налаженные отношения. Он действительно не хотел терять Женю. Впервые, после истории с вылазкой на разведку чувствовал

себя ответственным за ее безопасность. Во-вторых... Просто не хотел, и все тут.

Из-за бетонного забора послышался рев и лязг.

— Наконец-то! — воскликнул Гош с облегчением. — Не прошло и месяца.

У самых ворот двигатель тягача взревел оглушительно и вдруг тихо зарокотал на холостых оборотах.

— Деликатные! — усмехнулся Гош.

Женя подошла к нему вплотную и крепко взяла обеими руками за отвороты куртки.

— Знали бы они, что тут на самом деле произошло... — сказала она. — Гош, ты только обещай, что не прогонишь меня.

— Да зачем же мне тебя гнать...

— Тогда и я не уйду, — пообещала Женя. — Все, договорились?

— Конечно.

Женя коротко чмокнула его в ту щеку, на которой не было крови, и ушла за водой. Не хватало еще отважным Регуляторам графства Линкольн застать их лидера в таком состоянии. Ошарашенного его здесь видели частенько. А вот окровавленного... Хватит с них.

Тягач снова рыкнул и заполз в ворота. Гош затоптал сигарету, расправил плечи, сделал глубокий вдох и пошел руководить.

* * *

На въезде в город стоял до боли знакомый БТР с четырьмя автоматчиками на броне. Гош решил не пугать местное население попусту и заблаговременно сбросил газ. Тягач сбавил ход и остановился в нескольких метрах от заставы. Один из «тупых» прыгнул на асфальт и неспешно подошел к машине. Гош, разминая налившиеся свинцом кисти, выбрался наверх.

— Вызови мне Олега, — распорядился он. — Скажи, это срочно.

«Тупой», не говоря ни слова, ушел обратно. Гош обернулся и неприязненно поджал губы. Регуляторы в полном составе, включая Женю, облепили миномет. Они курили и

что-то бурно обсуждали, время от времени бросая неодобрительные взгляды на БТР. Вспомнили, наверное, сколько крови выпила у них эта машина за последние дни. И не только в переносном смысле.

Гош вышел на корму тягача, посмотрел вниз, проверяя, как себя чувствует сцепное устройство. Спрыгнул на асфальт и заглянул под цистерну с соляркой — вдруг потекла. Техника беспокоила его постоянно, он слишком плохо разбирался во всем этом железе, для того чтобы полностью ему доверять. Когда у тебя на хвосте болтается здоровенный бензовоз...

— Едет! — крикнули с БТРа.

— Спасибо! — машинально ответил Гош и ушел к миномету.

— Ты еще поцелуйся с ними, — посоветовал Костя. — Слушай, капитан, мы тут думаем — на фига «тупым» эта железяка с колесиками? Еще поранятся...

— Давай ее задавим, — предложил Большой.

Гош сбросил шлемофон за спину и разлохматил пальцами взопревшую шевелюру. В какой-то степени идея была неплохая. Судя по всему, из имеющегося в Туле парка бронетехники завести «тупым» удалось только две единицы — этот БТР и угнанный Гошем тягач. Потеряв боевые машины, «тупые» расстались бы и с лишним гонором. Могло в значительной степени ослабеть давление города на окрестные села. Хотя... «Олег и Главный, вот кто здесь страшнее танка, — подумал Гош. — И еще этот, как его, Вован. Сковырнуть бы эту троицу! Как-нибудь походя. Чтобы не задерживаться. Нам тормозить некогда, впереди Москва».

— Сколько весит миномет? — деловито поинтересовался Костя.

— Пустой двадцать семь тонн. Не дуриите, мужики, там стрелок в башне. Видите, стволы шевелятся? Тот, что побольше, — двенадцать миллиметров. Расковыряет нам броню, что делать будете?

— А «мухи» на что? — Костя похлопал ладонью по притороченным к броне зеленым цилиндрам одноразовых гранатометов.

— А ты раньше стрелял из «РПГ-18»? Я, например, ни разу.

— Не уходи от темы, капитан.

Гош достал сигареты.

— Ситуация невыгодная, — сказал он уклончиво.

— Да не сейчас! Когда в тыл ему зайдем.

— Эта штуковина давно нарывается, — поддакнул Цыган.

Гош нервно затынулся. Еще несколько минут назад ему и в голову не приходило озаботиться восстановлением справедливости в отдельно взятом городе. Но сейчас как-то все свалилось в одну кучу — проклятый бронетранспортер, ущербное местное троевластие, желание дать объездчикам разрядить накопившуюся злобу... «А почему бы и нет?»

— Ладно, господа Регуляторы, — пробормотал он. — Будь по-вашему. Имеете право. Урегулируем этот городишко. Запомнит он нас.

Олег подъехал к заставе на все том же «Чероки», только уже без белого флага и с треснутым лобовым стеклом. А когда он открыл дверь, в ней обнаружилась пара характерных дырок.

— Я так и думал, — сказал он горько, разглядывая сидящую на миномете компанию. — То есть я сначала догадывался, а потом мне объяснили.

— Что еще тебе объяснили? — не понял Гош.

— Что вы заодно, — Олег вяло махнул рукой в сторону дружно набычившихся Регуляторов и устало привалился к броне плечом. — Закурить не найдется?

— На, — Гош протянул ему пачку. — Неужто совесть заедает?

— Ты же в это не поверишь, — вздохнул Олег.

— А мне все равно. Есть факт — зверски убиты два ни в чем не повинных человека.

Регуляторы согласно закивали.

— Старика-то нашего за что? — спросил Костя. Пока что очень вежливо, даже как-то вкрадчиво.

— Клянусь — не знал! — взмолился Олег. — Это все Главный. И вообще, ты виноват! — он ткнул сигаретой в сторону Гоша. — Главный с самой весны как про тебя услышит, тут же на уши становится.

— И тебя на уши ставит, — заметил Гош.

— Да, ты мне не нравишься, — с вызовом заявил Олег. — Но не до такой степени, чтобы убивать. Ни тебя, ни других. Ребята, я правда тут ни при чем.

— А говорил, что все под контролем, — вспомнил Гош. — И между прочим, тебя, дорогуша, тоже не все любят. С кем воевал?

— Да с мафией... Всю ночь за ними гонялись. Удалось-таки рассеять банду. И главное, Вован накрылся. Без него уже не облагают.

«На треть меньше работы, — про себя отметил Гош. — Молодчина Олег. Пожалуй, это тебе на расстреле зачтется».

— Молодец, — вслух подтвердил он. — Сам-то как? Удивился небось, что я слова не сдержал?

— Не-а. За вами наблюдали. В подозрную трубу. Видели, как Рыжая прискакала.

— Тем лучше. И все-таки, дружище, есть мнение, что ты меня недооцениваешь.

— То есть? — Олег напрягся всем телом и положил руку на автомат.

— Видишь прицеп? Загляни. Да не бойся, не обижу. Я сегодня добрый.

Олег фыркнул и ловко взобрался на борт прицепа. Лицо его вытянулось.

— Открыть? — предложил снизу Гош.

— Не стоит... — протянул Олег задумчиво. — Не стоит...

— И то верно. Излучает она едва-едва, но все равно — зачем впустую подставляться.

— Сколько здесь? — Олег медленно спустился вниз. Лицо его выражало крайнюю степень озабоченности.

— Десять килотонн.

— И что ты собираешься делать с этой... — Олег замаялся. — Вещью?

— Точно сказать не могу. Понимаешь, с ней работать непросто, хорошо бы потренироваться. Может быть, перед

Москвой я проведу небольшое показательное выступление. Сооружу, так сказать, действующую модель в уменьшенном масштабе. Гриб поднимется на несколько километров, как ты думаешь, москвичи увидят?

Олег рассмеялся. Довольно нервно.

— Меня утомил твой постоянный блеф, — сказал он. — До предела утомил. Ты, конечно, сволочь и псих, но все-таки не настолько.

— Конечно, я не сумасшедший, — поддержал его Гош. — Машины герметичные, есть системы очистки воздуха, я их проверял, все в норме. Наденем ОЗК, перед выстрелом заберемся внутрь, а потом, когда проскочим развалины города, откатимся к реке и устроим дезактивацию согласно инструкции... Нет, Олежка, я-то как раз в порядке.

Олег рассмеялся снова. Поймал было взгляд Гоша, но тот оказался абсолютно стеклянным.

— Не сбрасывай эту возможность со счетов, — посоветовал Гош.

— Чего тебе надо? — спросил Олег деловито. — Когда ты оставишь нас в покое? Что мне нужно для этого сделать? Водка, провизия, женщины — что? Ни черта не получишь — Главный не даст. И не пойдут с тобой наши девки, удавят-ся скорее.

— Да зачем мне твои девки?! — ошарашенно возмутился Гош. — Тем более они все от Главного поголовно беременные...

На миномете обидно захохотали. Даже Женя.

Олег судорожно глотнул воздуха.

— Тогда что?! — рявкнул он.

— Отдай мне Главного, — предложил Гош.

У Олега сделалось такое лицо, как будто он сейчас одно- временно потеряет сознание и наложит в штаны. Никогда еще Гош не видел такого вдребезги обескураженного чело- века.

— Отдышись, — посоветовал Гош. — И подумай.

— Дай еще закурить... — хрипло выдавил Олег.

— Обойдешься.

— Ну дай!

— На, подавись.

Олег в несколько затяжек буквально проглотил сигарету, и ему вроде бы полегчало.

— Ну и аппетит, — пробормотал он, мотая головой. — То ему Рыжую, то ему Главного... А Диего Марадона тебе случайно не нужен?

— Я в футболе ничего не понимаю. А вот в феодальных княжествах понемногу научился. Жизнь заставила. Дурак, он же тебе самому поперек горла! Неужели не хочется решить эту проблему чужими руками?

— Хочется! — жадно выпалил Олег. — А как?

— Элементарно. Вызови его сюда. И я вас обоих возьму в плен. Тебя за городом выкину. А его увезу. Не бойся, он не вернется. Никогда. У ребят на него во-от такой зуб, — Гош на руке отмерил какой. — Да и мне он не нравится. Тебя, дурака, я прощаю. Не от широты души, а потому, что ты дурак. А вот его, гада, пусть бог простит.

Олег злобно прищурился, и Гош похвалил себя. Фраза «потому, что ты дурак» была произнесена как нельзя к месту. Надо бы еще раз акцентировать внимание Олега на этом радостном факте. Чтобы он не думал, а злился. Чтобы уверился — Гош смотрит на него сверху вниз. И утвердился в своем мнении, что Дымов может все. Просто дабы потешить самолюбие. Чего бы ему, Наполеону этакому, не прикончить Главного? Да запросто.

— Не пройдешь ты через город, — заметил Олег. — Вон у тебя — прицеп, заправщик, «Лендровер». Расстреляют, как только шум поднимется.

«Попался! — возликовал про себя Гош. — Ура! Ай да Дымов! Ай да сукин сын!»

— Придумай как, — он сделал рукой приглашающий жест. И Олег действительно попался. Вляпался.

— Какие гарантии? — спросил он.

— Никаких.

— Рыжую в заложники.

— Пулю в задницу! — раздалось с миномета. Женя не хотела в заложники, и Гош ее понимал.

— Тогда не получится.

Сказано было очень твердо.

— Тогда пулю в голову, — мирно предложил Гош.

— Не понял, — напрягся Олег.

— Тогда я вас обоих просто так сцапаю. И вот тут-то вам будет весело!

— Э! — Олег подался назад, поднимая ствол автомата.

«Зря ты это сделал!» — подумал Гош секундой позже, ныряя под гусеницу.

Оба собеседника — и провокатор, и склоняемый к измене, стояли вплотную к борту миномета. И легкое шевеление на броне игнорировали. А там за последние минуты успело произойти много интересного. Костя, например, забрался в башню. Цыган, спрятавшись за лежащим на крыше машины толстенным стволом, что-то мудрил с одним из гранатометов.

Женя как бы невзначай положила автомат на колени.

А Большой пересел на край брони, поближе к Олегу, и вполне дружелюбно рассматривал его сверху вниз.

Он-то и звезданул несговорчивому парню сапожищем по забинтованной голове, когда тот поднял оружие и Цыган, решивший, что пора действовать, крикнул: «Хоп!»

Олег упал как подкошенный, слава богу, не успев выстрелить. Наверху ухнул гранатомет, и тут же по бронетранспортеру так шандарахнуло, что заложило уши. Гош, проклиная все на свете, пульей метнулся за тягач и спрятался под гусеницу. Над угловатой башенкой миномета скакал и дергался, плюясь огнем, пулемет Калашникова танковый. И даже сквозь дикую канонаду слышен был оглушительный звон, с которым сыпались на броню гильзы и пустые секции пулеметной ленты.

Внезапно стрельба утихла.

— Бросай оружие! — проорала Женя. — Хочешь жить — бросай! Выкидывай пушки так, чтоб я их видела! На дорогу кидай!

Гош осторожно высунулся из-за гусеницы — сначала пистолет, за ним уже глаз. И поразился количеству разрушений, произведенных Регуляторами за какие-то секунды.

БТР тяжело оседал на простреленных в решето колесах. Башню ему не своротило, но от стволов осталось мало что. А из-за машины на асфальт летели автоматы. Один, вто-

рой, третий... Четвертый. «Да, с инстинктом самосохранения у ребят все в порядке».

— Руки за голову и выходи по одному! Медленно!

На дорогу спрыгнул Цыган, склонился над бездыханным Олегом, перевернул тело носом вниз, деловито пощупал на шее пульс, отстегнул ремень от его автомата и принялся вязать пленному руки.

— Ну и сволочи же вы, Регуляторы! — сообщил из-за гусеницы Гош.

— Извини, — сказал Цыган. — Кровь в голову ударила. Должок был за ними, понимаешь? И совсем не десять баксов...

— Сволочи, — повторил Гош. — Еще раз меня не слушаетесь — уйду.

— На землю! — командовала сверху Женя. — Ложись!

Гош встал, убрал пистолет в нагрудный карман и взобрался на тягач. Впереди на асфальте лежало четверо «тупых», один местами в крови, остальные — ничего. Поодаль валялись автоматы. К «тупым» подошел Большой и принялся их вязать, так же, как Цыган Олега, — ремнями.

— Проверь, что там в машине! — подсказал ему Гош, усаживаясь на башню и закуривая. Деваться было некуда, оставалось безобразие возглавить. — Женя! Хватай бинокль и следи за дорогой.

Большой закончил свою работу и стволом автомата приоткрыл кормовую дверь БТРа. Изнутри тянуло легким дымком.

— Чего там смотреть... — проворчал Большой, но все-таки полез внутрь.

— И кто это придумал? — осведомился Гош.

— Я, — отозвался Костя, высовываясь из башни. — А что, плохо вышло? Если враг не соглашается, ему дают по рогам!

— Идиоты, — вздохнул Гош. — Я бы его за пять минут сломал. А вы... Еще раз дернетесь без команды — пеняйте на себя.

Из покосившегося БТРа выпрыгнул Большой.

— У стрелка хорошая контузия, — сказал он. — Но жить будет. Я его тоже связал. Что дальше?

— Бери лючник. Закидывай этих деятелей внутрь, задраивай люки.

— Я ранен! — подал голос один из «тупых».

— Не хнычь, перевяжем. Большой, что там у него?

— Да ничего он не ранен! Ободрался, наверное, когда с брони падал. Ты видел, Гошка? Ух, как они сыпались... Как в кино! С полными штанами! Ни один даже не выстрелил!

— Давай быстрее поворачивайся. Цыган, Костя! Олега ко мне в тягач и привяжите к чему-нибудь. Будем надеяться, что вы его не убили. Женя, какие новости?

— На дороге чисто, капитан.

— Судя по вашему поведению, капитан я хреновый.

— Ты помог бы... хреновый капитан, — попросил Цыган снизу, отдуваясь. — Задний люк открой хотя бы. Тяжелый, сволочь! И с чего он так отожрался...

— У начальников всегда пайка особая, — пропыхтел Костя. — Гош! Ну правда, открой же люк!

Гош спустился в люк, не спеша прошел в корму и отворил тяжелую бронедверь. Снова забрался наверх. Олег висел на руках объездчиков, как тряпичная кукла.

— Давайте, Патрик, — скомандовал Цыган. — Головой вперед... И-и р-раз!

— Сам ты Патрик! — рыкнул Костя. — Юморист нерусский...

— Это кто тут нерусский? Я?! — возмутился Цыган. — У меня по сценарию мать индианка, а отец мексиканец!

Гош лег на живот и свесился вниз, наблюдая, как парни кантуют в проеме люка неподатливое тело.

— Эх, вы... — сказал он негромко. — Регуляторы. Думаете, когда беда придет, все тоже по сценарию будет?

— Какая беда? — удивился Костя.

— Ребята, вы на самом деле не понимаете, что так нельзя? Или дурака валяете? Был совершенно четкий план. Зачем эта самодеятельность? Ладно, привязывайте его...

— Гоша, мы не могли иначе, — вздохнул Цыган, вытаскивая у Олега из брюк узкий ремень. — Понимаешь, не могли. Нужно было поставить точку на этом безобразии.

— На этом беспределе, — поддержал его Костя. — Мы

ведь уходим отсюда навсегда, правда? Ты что, хотел бы, чтобы «тупые» продолжали свой рэкет? Верно, не хотел бы. Давай уж тогда на прощание сделаем так, чтобы им нечем было на людей наезжать. В память о наших потерях. Что, я не прав?

— Можно было все сделать гораздо тише и проще, — отрезал Гош. — Конечно, я тебя понимаю, Костя. Но только не выдавай желаемое за действительное. Тебя в меньшей степени заботит то, что будет твориться вокруг Тулы, когда мы уйдем. В первую очередь ты хотел отомстить. Вот Цыган тебя подначивает насчет Пэта Гаррета, а ведь зря. Ты не Патрик. Ты самый что ни на есть Билли Кид. Инфантильный и психопатичный. Не отвечающий за себя. И всегда готовый других втянуть в авантюру. Хочешь нами покомандовать? Нет проблем. Запросто уступлю тебе место. Но когда ты приведешь нас в могилу, ребята тебя спросят — зачем? Что ты им тогда ответишь? И ты, Цыган, тоже вовсе не подарок, между прочим. Не надейся, у тебя мать не индианка. Она у тебя идиотка.

С этими словами Гош демонстративно плюнул, спрыгнул на землю и ушел к миномету.

— И чего его так разобрало? — удивился Цыган, затягивая узел покрепче.

— Чего, чего... Ничего! — огрызнулся Костя. — Что дальше-то будем делать?

— Он придумает, — сказал Цыган убежденно.

На носу миномета крепился «отвал» — некое подобие бульдозерного ковша. Теоретически умная машина умела самоокапываться. На практике Гош с этим не сталкивался — командиры полагали, что с ковша облезет краска и проще дать минометному расчету лопаты в руки. Но сейчас «отвал» пригодился.

— Взяли! — скомандовал Гош. — Отстегнули замки. Подняли. Осторожно, тяжелый. Есть! Большой, заводи.

Миномет всхрипнул, окутался сизым дымом и бодро покати к БТРу, в котором сейчас, наверное, яростно пытались развязаться и включить рацию «тупые». Впрочем, ес-

ли они это делали, то зря — аккумулятор у них реквизиrowвала победившая сторона.

Тридцатитонная зеленая коробка с толстым стволом на спине и потешно вздернутой кормой лихо крутанулась на одной гусенице и поддела низко опущенным носом злосчастный БТР под бок. Пихнула раз, пихнула другой, но бронетранспортер на ровном месте переворачиваться не хотел. «Тебе же хуже», — подумал Гош и показал рукой направление. Большой согласно кивнул и расплылся в довольной улыбке. Миномет с удивительной легкостью принялся толкать жертву к придорожной канаве. На самом краю БТР на миг уперся, а потом тяжело повалился на бок и кувыркoм ухнул вниз. Сделал полный оборот через крышу и замер.

Большой по пояс высунулся из люка, глянул в сторону «Чероки», на котором приехал Олег, и выразительно ткнул пальцем.

— Дай уж ему поразвлечься, — сказала Женя. — Там ничего особенного, я смотрела.

— Ну почему же — ничего особенного? — усмехнулся Костя. — А порнографический журнал, густо покрытый следами греха и разврата? Видела?

Женя слегка порозовела лицом и отвела глаза.

— Где порнографический журнал?! — взвился Цыган.

— Да он весь склеился, — разочаровал его Костя. — Я же говорю тебе — густо покрыт следами...

Гош покачал головой и махнул Большому, чтобы не стеснялся. Миномет снова крутанулся на месте, поддел краем «отвала» джип под брюхо и швырнул бедную машинку в кювет. «Чероки» потешно дрыгнул лапами и улетел в кусты.

— Цепляем бомбу, — сухо приказал Гош. — Порядок движения прежний. Женя, пойдешь ко мне на пулемет. И молитесь, сволочи, чтобы пронесло. Солярка! Бензовоз ведь продырявят! А если топлива не будет впереди, а?! Застреляем в каком-нибудь, блин, Расторгуеве! Или нет, это в сторону... Так... Секундочку!

Цыган и Костя озабоченно уставились на своего командира. А Женя даже рукой его потрогала. Безрезультатно. Гош опять что-то вспомнил.

— Кто такой Черномырдин?! — спросил он после минутного раздумья. — Костя, ты у нас самый продвинутый, выручай.

— Кажется, премьер-министр, — неуверенно сказал Костя. — Был.

— У него в Расторгуеве здоровенная дача. Записана на сына, но на самом-то деле... А я что там делал? Буквально через дорогу я что-то делал. Жил? Зачем? Н-да, история!

Большой развернул миномет и покатил обратно, к прицепу. На какое-то время разговоры прекратились за полной всеобщей глухотой. Наконец двигатель умолк.

— Я крутой! — радостно объявил Большой. — Я большой и страшный! Да здравствует хеви-метал!!! Эй, вы чего?..

— Гоша, — Женя тихонько дернула его за рукав. — Может быть, чуть попозже, а?

— Угу, — кивнул Гош. — Знаете, там на даче жил очаровательный пес. Серый такой кавказец по кличке... Почему-то Форд. Так его и звали местные — Фордик-Черномордик. А когда приезжал этот самый Черномырдин, ментов сбегалось видимо-невидимо... Надо же, какие глупости в голову лезут! Соседи по даче Черномырдина любили. Он, понимаете ли, однажды застрял минут на двадцать у железнодорожного переезда. Гадкий был переезд. А уже на следующий день там работал экскаватор, рыл тоннель... Эх, Россия-матушка! Цыган, будь добр, сообрази-ка мне бумагу и ручку.

— Мемуары писать?

— Нет, дружище. Ультиматум. Костя, а ты, пожалуйста, займись прицепом с бомбой. Мне нужно, чтобы золотники из колес выворачивались легко и быстро. Чего смотришь? Голыми руками Главного не возьмешь. Не высунется он из «Белого дома» просто так, чтобы какого-то Олега выручить. А вот спасти город... Так что не удивляйтесь, господа Регуляторы. Знаете, какое у маньяка слабое место? Если поднапрячься, то его можно переманьячить. Я попробую использовать против Главного его собственные заморочки. Буду по капле выдавливать из себя шизу. Лишь бы поверил, старый черт...

* * *

Колонна вылетела к «Белому дому» на полном ходу, с лязгом и скрежетом, чуть не раздавив несущий службу на площади камуфлированный патруль. «Тупые» широко открыли рты и ошетинились стволами. В таком положении они и смотрели, как четверо сумасшедших в черных комбинезонах отдирают от диковинной боевой машины прицеп и рвут из его колес ниппеля.

— Ко мне! — заорал самый жуткий из сумасшедших, наверное, главный псих. — Бегом!

Старший патруля, опасливо приседая, двинулся к безумцу.

— Через минуту эта записка должна быть у Главного! — проорал ненормальный ему прямо в ухо. — Город в опасности! Выполнять!

— Почему? — обескураженно пробормотал старший.

— Беги к Главному! — только и ответил псих, бросился к тягачу и исчез вместе с колонной, оставив на площади медленно оседающий дымный шлейф.

Старший патруля развернул записку и углубился в текст, но мало что понял. Читал он пока что с большим трудом, что его жутко травмировало. На днях бедняга вспомнил, что в прошлой жизни его основным занятием было писать.

— Стойте здесь, — приказал он своим людям. — К этой штуке не суйтесь и другим не позволяйте. Кажется, она может взорваться. А я сейчас Главного приведу.

Блокпост на другом конце города представлял собой два ржавых грузовика на спущенных колесах. В узкую щель, оставленную для легковушек, миномет все равно не пролез бы, так что баррикаду пришлось снести, а личный состав блокпоста запугать беспорядочной стрельбой и разогнать. Колонна вырвалась на Московское шоссе, безумно ухабистое и колдобистое, и бодро покатила от города прочь. Гош так переживал за свою емкость с соляжкой, что Женя, прикрывая отход, выполнила акробатический номер. Ей пришлось на ходу вылезти наружу и поверх елозящего на сцепке бензовоза запулить два рожка в сторону оставших-

ся в тылу перевернутых грузовиков. Героическая охрана блокпоста и без таких намеков залегла по канавам, но зато Гош остался совершенно доволен тем, как четко выполнен его приказ. Он все еще кипел после несанкционированной выходки Регуляторов, и перечить ему было просто бессмысленно.

Через несколько километров справа открылась широкая асфальтированная площадка, на которой гнили магистральные тягачи с длиннющими фурами. Здесь можно было развернуться. Колонна съехала с шоссе и встала в уже привычном боевом порядке, к опасности носом. Командир милостиво разрешил курить. Над его злой физиономией деликатно посмеивались.

Костя решил проверить ржавые грузовики на предмет трофеев, но тут же бросил это занятие — в кабинах застыли мертвые тела, а в кузовах засохли фрукты. Почему-то именно мумифицированные апельсины напомнили Регуляторам, что надо бы все-таки определиться с тем, какой год на дворе. Цыган сказал, что это сделать несложно. Он вспомнил, что была в прошлой жизни замечательная вещь — электронная записная книжка. Сошлись на том, что у мертвых шоферов ее искать бессмысленно, но постановили непременно такую найти где-нибудь в городе. В каком именно городе, никто не уточнял. Подразумевалось, что это Москва.

— Двадцать три минуты, — сказал издали Гош. Все это время он расхаживал по шоссе с биноклем в руках, то и дело поглядывая в сторону Тулы. — Неужели Главный не поверил?

Женя подошла к нему и в который раз за этот день взяла за рукав.

— Скорее бы все кончилось, — вздохнула она. — Хочу тишины. Домик на берегу озера. Книжки при свечах. Купаться под луной. Рыбу ловить. Ты любишь рыбалку?

— Шумное дело, — отозвался Гош.

— Шумное?!

— А что, по-твоему, граната тихо взрывается?

— Слава богу! Капитан Дымов изволит шутить. Что, полегчало?

— Как сказать... В принципе, да. Если Главный не придет, мы за бомбой возвращаться не станем. Опасно. А я только сейчас понял, с каким облегчением расстался с этим куском железа на прицепе. Жалко, конечно, что Главный... Погоди, — Гош отнял у Жени рукав и снова припал к биноклю.

— Регуляторы! По местам!!! — рывкнул он так, что Женя зажала уши.

Главный приехал, как ему и было приказано, без эскорта, с одним водителем. Судя по всему, тульский князь считал ниже своего достоинства крутить баранку.

— Я опоздал! — заорал он, выпадая из дверцы. — Не было машины! Скорее! Она взорвется через полчаса! Вы должны успеть! Я на все согласен! Ради бога! Сволочи, негодяи, подлецы! Террористы! Грязные подонки! Жиды пархатые!

Больше он ничего интересного сказать не успел, потому что ему в рот, ломая зубы, воткнули автоматный ствол — Костя постарался. Водителя уложили на асфальт и обезоружили. Через минуту все трое арестованных, включая очнувшегося, но совершенно косого Олега, были накрепко привязаны к бамперу одного из грузовиков на площадке. Разумеется, с кляпами во ртах.

— Кого оставим сторожить? — поинтересовался Костя. — Можно не меня?

— Слушайте, Регуляторы! — взмолился Гош. — Ну ее на фиг, эту бомбу! Давайте не будем возвращаться. Основное мы сделали — город обезглавлен и заживет теперь естественной жизнью. Все, хватит, видеть его больше не желаю!

— Оставайся тут, — предложил Цыган. — Даже вдвоем оставайтесь, с Женей. И с тягачом. А мы по-быстрому слетаем на миномете.

— И на бензовозе, — напомнил Большой. — Там же компрессор, шины у прицепа накачать.

— И на бензовозе, — кивнул Цыган. — Отдохни, командир. Можешь пока расстрелять тех, кого сочтешь нужным.

Услышав слово «расстрелять», Главный судорожно за-

дергался. Водитель покосился на начальника и вдруг расплылся в улыбке, насколько позволял ремень между зубов.

Любопытный Костя тут же развязал ему рот.

— Ты чего лыбишься, чмо тупое? — спросил он.

— Давно пора его шлепнуть, — сообщил водитель. — Сам ты чмо. А он вообще...

— Поменьше эмоций, — посоветовал Костя. — Ты же все-таки «тупой»!

— Всех наших девок перепробовал. Стакан водки по субботам. Вози его туда-сюда. Жратвы в обрез. Того нельзя, этого...

— О господи! — Костя заново лишил водителя дара речи. — Слушай, Гошка, может, зря мы это? Не перестараемся?

Гош склонил голову набок и критически оглядел арестантов.

— Знаешь, — сказал он, — мне уже все равно. Как хотите, так и делайте. Нужна вам бомба — ради бога. Решите, что Главного лучше в Тулу вернуть, — скатертью дорога. Хочу домик у озера, книжки при свечке и купаться под луной.

— В проруби! — развил тему Цыган.

— По-моему, Гоша, ты устал, — резюмировал Большой.

— Согласен, — Гош кивнул. — Ну что, едете?

— Едем! — твердо сказал Костя.

...Водителя пришлось домой гнать пинками. Он был страшно расстроен, что машине прострелили колеса, и все норовил над убиенной поплакать. Олега и Главного закинули на тягач и крепко привязали, чтобы по дороге не отвалились. Гош скалил зубы и молчал. Женя пересела к Цыгану в «Лендровер».

— Поссорились? — спросил тот, едва колонна тронулась.

Женя удивленно подняла брови:

— Ты о чем?

— Гошка мрачнее тучи. Я думал, у вас что-то не так. Извини.

— У нас все нормально. Лучше и быть не может. И не будет очень долго, — туманно ответила Женя и вздохнула.

— Извини, — повторил Цыган. — Глупый я все еще. Вроде бы с каждым днем умнею, а как присмотришься — Любен и сейчас тупее всех «тупых».

— Любен? — переспросила Женя.

— Это имя мое. Косте только не говори. Обязательно кликуху дурацкую выдумает.

— Красивое имя.

— Наверное. Только зачем оно мне без фамилии?

— Знаешь, а у тебя все меньше слышен акцент. Я всего-то несколько дней с вами, и то заметила.

— Прогрессирую, — усмехнулся Цыган. — Становлюсь взрослее, превращаюсь в то, чем был на самом деле. В москвича превращаюсь. Который по-болгарски вообще не говорил. Эх, песню спеть, что ли? Родную народную... Хей, поле широко, широко, зелено, хей! Тьфу! И Балкан ти роден, хей, Балкан ти наш! Два раза тьфу. Женечка, солнышко, пошарь в бардачке, там кассеты лежат. С ума сойти можно на такой черепашьей скорости. Даже пятидесяти нет! А ребята сейчас в этих коробках глохнут...

Пискнула рация, Цыган взял микрофон.

— Я Цыган.

— Это Гош. Ты можешь лидировать, если хочешь, — сказал из динамика с трудом узнаваемый голос. — Только далеко не отрывайся. И посмотри заодно, как там у меня на броне, не трупы лежат?

— Мне и отсюда видно, — Цыган двинул рулем вправо, смещая машину к обочине. — Знаешь, может быть, и трупы. Но это несущественно, правда?

— Согласен. Протухнуть не успеют. Привал и дозаправка километров через сто. Если у меня, конечно, руки не отсохнут раньше. Засеки по верстовым столбам, о'кей? И вот что. Знаешь, не стоит тебе лидировать. Побудь-ка сзади. У нас впереди населенные пункты, а мне теперь повсюду Главный мерещится и пропускная система. Не хочу, чтобы ты на пулю нарвался. Лучше уж мы без дозора обойдемся. Все, до связи. Женю поцелуй.

— Заботливый, — без тени иронии сказал Цыган, подал-

ся к Жене и чмокнул ее в щеку. — Ваше приказание выполнено, шеф!

Женя рассмеялась и протянула ему несколько магнитofонных кассет. Цыган ткнул пальцем в верхнюю. Женя подивилась странной надписи «Baba Yaga», но кассету зарядила. В салоне заиграла музыка, совершенно необычная, красивая и в чем-то тревожащая.

— Никогда бы не подумала, что можно так обращаться с русской песней, — заметила Женя. — Удивительно. Здорово! Слушай, Любен...

— Только Цыган. Мне так больше нравится. Я с этим именем еще не сжился. И потом, я похож на цыгана, разве нет?

— Обожаю цыган. У них все так ярко, так... Экспрессивно — есть такое слово?

— Есть. А вот Гошка их терпеть не может, включая музыку и танцы. Станный он парень. Необычный. Сплошные противоречия.

— Нет, — Женя грустно покачала головой. — Он как раз самый обычный. Ты просто не знаешь, что такое Знаток.

— А что такое Знаток? — тут же поинтересовался Цыган.

— Это тот, кто с раннего детства слишком много знает. Слишком много для того, чтобы быть как все. И его за это не особенно любят другие ребята. Причем с годами он по уровню знаний все дальше и дальше отрывается от сверстников и оказывается в таком вакууме... Я думаю, что интеллектуальные игры придумал какой-нибудь страшно одинокий эрудит. Просто чтобы создать приманку для таких же. Чтобы они сбежались все в одно место и можно было наконец-то от души пообщаться с братьями по разуму. Хотя, знаешь, немногие Знатки между собой по-настоящему дружат. Там конкуренция.

— Бедный Гошка. Хорошо, что ты появилась.

Некоторое время Женя молча обдумывала это заявление.

— Почему? — спросила она наконец.

— Потому что теперь он не один, — объяснил Цыган.

— Ты даже не знаешь, до какой степени он один, — сказала Женя горько и отвернулась.

* * *

— Уфф... До чего же этот день затянулся! — вздохнул Гош и пинком сбросил Главного с брони на асфальт. Низложенный тульский князь гулко ударился оземь и противно взвыл.

Они прошли на гусеницах уже больше ста километров. Техника пока держалась бодро, а вот людей здорово пошатывало. Особенно плохо выглядел сам Гош.

Олегу он помог спуститься и устало сполз за ним следом. Регуляторы, потные и злые, собрались у тягача, наблюдая, как Главный пытается встать на ноги. Зрелище было тяжелое, старик падал раз двадцать. Гош заглянул ему в глаза и подумал, что где-то уже такие видел, причем неоднократно. Не эти глаза конкретно, а очень похожие. Безумные глаза человека, полностью утратившего контроль. Гош был готов побиться об заклад, что, если Главному вытащить ремень изо рта, мужик зарычит и начнет кусаться.

Гош развязал Олега, и тот сразу же со стоном ухватился руками за виски.

— Лучше бы расстреляли! — заявил он сварливо. — Фашисты недобитые...

— Чего он так орет? — поморщился Костя.

— Это нормально, — отмахнулся Гош. — У нас на самоходках было похожее наказание для молодых бойцов. По дороге к огневой у тебя отбирают шлемофон. Я однажды так прокатился десять километров. Полчаса со мной после этого вообще не разговаривали — без толку было.

— Сволочи! — рывкнул Олег, сгибаясь пополам.

— Только не на гусеницу! — попросил было Гош, но опоздал.

— Фу! — Женя спряталась за спину Большого. — А почему нельзя на гусеницу?

— Не знаю, это я машинально. Наверное, примета дурная.

— Интересно, чего это деда не тошнит? — поинтересовался Костя, брезгливо разглядывая катающегося по асфальту Главного.

— А ему уже все равно, — объяснил Гош. — Мы его, кажется, довели.

— Гавкнулся?

— Хорошее слово. Видишь ли, Костя... Я так понимаю, что мы его вырвали из той единственной среды обитания, где он мог сохранять хотя бы относительную адекватность. Он ведь этот тульский мирок сам выстроил. Сообразно бредовым идеям, которые ему в прошлой жизни адаптироваться мешали. Стал наконец-то полностью счастлив. А тут какие-то идиоты с атомной бомбой... Я, собственно, только на это и рассчитывал — что он бросится защищать свой мир. Свой внутренний мир в первую очередь, понимаешь? А в итоге мы его схватили за шкуру и уволокли в другую реальность. С которой бедняга смириться не может... Н-да. Поставьте его кто-нибудь на ноги, что ли...

— Бедняга? — переспросил Большой с глубочайшим презрением в голосе.

— Ты же видишь, — мягко сказал Гош. — Он уже не может нам ответить за то, что натворил. Хочешь — застрели его, но это будет ошибка. Перед тобой уже совсем не тот человек, который приказал убить наших. Это вообще больше не человек. Так, безобразие.

— И все-таки! — произнес Большой, насупившись.

— Дружище, посмотри сюда! — попросил Гош. — Ты же знаешь, он и меня хотел убить. Но... Здесь некого судить. Больше некого.

— Человечный, падла, — заметил Олег, безвольно сидящий у гусеницы и утирающийся рукавом.

Большой вдруг повернулся и ушел к миномету.

— Ну, по-моему, все ясно, — подытожил Костя. — Большинство голосов при одном воздержавшемся решено помиловать. Да?

Цыган и Женя согласно кивнули. Гош открыл задний люк тягача и принялся копать внутри.

Главный сполз в придорожную канаву и там сумел наконец встать на ноги. Кое-как выбрался наверх и побрел, шатаясь, куда-то в поле. Места для прогулок здесь было хоть отбавляй — плоская равнина тянулась аж до горизонта.

— Догнать? — спросил Цыган.

Гош высунулся из люка, посмотрел Главному в спину и покачал головой.

— Олег разберется, — сказал он. — Это же его приятель.

— Сволочи, — вздохнул Олег.

— Угу, — согласился Гош. — На, держи.

Он бросил Олегу несколько коробок из грубого картона, пластиковую бутылку с водой и армейский штык-нож.

— В коробках сухпай. Ножом можешь кого-нибудь зарезать, если силенки остались. Вот еще анальгин. Ужасно вредная штука, по воздействию на кровь аналогична угарному газу. В развитых странах применяется только клинически. Но тебе боль снимет. Все, пока. Если, не дай бог, встретимся, с тебя бутылка.

— За что?! — Олег презрительно скривился.

— За то, что не убили, друг мой!

Олег на это только фыркнул.

— От гусеницы! — скомандовал ему Гош. — Регуляторы, по машинам! Успеем до темноты отмахать еще километров тридцать.

Олег, прижимая к груди коробки и штык, уполз на обочину и там прилег.

— А как же Главный? — спросила Женя в легком недоумении. Гош оглянулся. Безумный старик ушел недалеко. Теперь он выписывал по полю замысловатые кренделя, оживленно трясая головой и странно притопывая ногами.

— Да ну его к лешему! — Цыган обнял Женю за плечи и увлек к «Лендроверу». — Проверим Олега на человеколюбие.

— Не дождетесь, — сообщил Олег, переворачиваясь на спину и глядя в сумеречное небо.

— Ты идти-то сможешь? — поинтересовался Гош почти ласково, забираясь на тягач.

— Пошел вон, — ответили ему.

— Всенепременнейше. Костя! Поехали.

Машины дружно рывкнули, окутались синеватым дымом и укатили к Москве. Олег долго смотрел им вслед. Потом встал, поморщился от боли в голове, проглотил две таблетки анальгина, запил водой.

И, шатаясь, ушел в поле ловить Главного.

Гош проснулся на рассвете. Эта привычка выработалась у него давно, с тех пор, как исчезло электричество. Теперь все так спали — ловили световой день. «Ничего, зимой отдохнем, — подумал он. — А сейчас нужно открыть глаза и разобраться, кто это у меня тут под боком».

Под боком обнаружилась посапывающая Женя. Гош не стал удивляться, а первым делом приподнялся на локте и окинул взглядом окрестности. Это тоже вошло у него в привычку. Все оказалось на месте — техника, люди, рукоятка пистолета, торчащая из-под расстеленного на броне матраса. Спать в машинах было уже невозможно из-за духоты. Гош тут же вспомнил, что дальше будет еще хуже — под летним солнцем температура внутри бронированной коробки запросто достигает пятидесяти градусов. «Ничего, это ненадолго, — утешил себя Гош. — Все равно скоро минует развалится, а потом и «МТ-ЛБ». Без должного ухода... А ведь жалко машинки. Послужили они нам».

Гош заглянул под одеяло. Короткая черная майка и узкие черные трусики подчеркивали снежную белизну кожи девушки. «Нужно будет что-нибудь достать ей от солнечных ожогов. Надо же, а я и не почувствовал, как она пришла. Хотя бы лечь рядом с любимым человеком, раз ничего больше не получается. А снилось мне что-то такое неопределенно-сексуальное. Кончится тем, что мы сделаем это прямо во сне. Эх, Женька... Оставила бы ты меня в покое. Хоть на время. Мало я тебя обидел? Неужели ты не понимаешь, что едва я вспомню... Понятия не имею, что тогда будет и как дальше жить. Но вспомнить нужно. Обязательно нужно. Я самозванец, я живу в кредит. Это вообще не я пока еще — без памяти о самом главном. Как обидно, черт возьми».

Гош осторожно выбрался из импровизированной постели, натянул брюки и кроссовки, сунул пистолет за пояс. Не удержался и снова заглянул под одеяло. Покачал головой. Он чувствовал, насколько соскучился по ласке, но она должна была исходить от какой-то другой женщины. Совершенно конкретной. Родной и близкой. Высокой и стройной, исполненной яркой, дерзкой красоты. С волосами

цвета бронзы... «Оп! Только спокойно... Ты вспомнишь, Гош. Ты обязательно вспомнишь. Ты уже начал вспоминать».

В расстроенных чувствах Гош сполз на землю, едва касаясь десантных скоб. Он уже лазал по боевой технике, инстинктивно ставя ногу, как будто это делал всю жизнь.

Костя и Большой дуэтом храпели у себя на миномете. А вот Цыгана в «Лендровере» не оказалось. Гош напрягся было, но тут на обочине раздвинулись кусты и к дороге вышел Цыган. В одних трусах, с полотенцем на шее и зубной щеткой, торчащей из угла рта. Трусы — это была дань присутствию дамы. Раньше объездчики в жаркие дни шлялись где попало голыми.

— Привет, — сказал Цыган сквозь зубы. Руки у него были заняты мылом и тубиком с пастой. Лицо казалось странно розовым. Вряд ли от воды. — Там ручей. Два шага. Настоятельно советую. Вода холодная, но терпимо. Я в нее целиком падал.

— Отлично! Буди ребят.

— Сделаем, — Цыган подошел вплотную, бросил взгляд на тягач и заговорщически подмигнул.

— Ты чего? — не понял Гош.

— Тихо у вас было, — объяснил Цыган и подмигнул снова.

Гош выдержал короткую паузу, соображая, как себя вести. Цыган смотрел на него открыто и по-доброму.

— Вас что-то интересует? — спросил Гош вкрадчиво и слегка отстраненно. Как парикмахер спрашивает клиента: «Не беспокоит?»

— Боже упаси! Вы меня не так поняли, капитан! Виноват. Допустил бестактность, паскуда этакая. Кстати, а что такое «паскуда»? Вертится на языке с самого ранья...

Гош фыркнул и примирительно хлопнул Цыгана по плечу.

— Сейчас вернусь и расскажу. Извини, могу лопнуть.

Он убежал в кусты. Цыган неспешно пошел к «Лендроверу», что-то напевая себе под нос. Сегодня он в который раз проснулся совершенно новым человеком. Видимо, процесс возвращения памяти активнее всего шел у него во

сне. Этим утром Цыган, умываясь, обнаружил, что помнит чертову уйму интереснейших вещей. Слава богу, он встал задолго до Гоша и успел, сидя на корточках у ручья, вволю наплакаться.

— Ревел? — спросили над самым ухом. Цыган от неожиданности подскочил. Оказалось, что он стоит, уткнувшись носом в дверцу «Лендровера». А Гош совсем рядом, уже при туалетных принадлежностях, и очень внимательно его рассматривает.

— Маму вспомнил, — признался Цыган. — И папу. И бабушку. Всех. Хорошая была семья. Ч-черт... Прости.

— Ерунда. Я просто испугался — ты очень долго стоял неподвижно. У меня тоже по утрам всплывают какие-то обломки прежней роскоши. Наверное, мы днем напиваемся визуальными образами и эмоциями, а ночью то, что совпало с былыми ощущениями, фиксируется. Мне на самом деле больше всего помогают запахи. Сегодня вот Женькина туалетная вода поработала. Вспомнил, что у моей жены роскошные бронзовые волосы.

— Жены? — переспросил Цыган очень слабым голосом. Он вдруг почувствовал, что у него подкашиваются колени. «Бедный Гошка, — подумал он. — Какой же я идиот! Ведь Женя мне намекнула, а я не понял... Бедная Женя. Бедные мы все».

— Я сначала думал, что мы зря перестали заниматься групповой терапией, — заметил Гош. — А теперь мне кажется, что на нынешнем этапе она только помешала бы. Спасибо мудрому Сан Сеичу, но его методики уже себя исчерпали. У каждого слишком много собственных воспоминаний для того, чтобы смешивать их с чужими. Пора было зауклиться и работать индивидуально.

— Скоро кончится сказка про Регуляторов, — вздохнул Цыган. — А я так сжился со своим образом...

— Сказка не скоро кончится, поверь мне. Целая страна живет по законам фронта. И нам от этого никуда не деться. Тем более что мы носим оружие, а значит, всегда можем рассчитывать на агрессию в свой адрес. Увы, Цыганище, нам еще долго ходить в Регуляторах.

— Так что там про паскуду? — вспомнил Цыган, прерывая тягостные раздумья о предстоящем.

— А-а... Если расскажу, пойдешь будить ребят?

— Конечно.

— В Древнем Риме был такой обычай — девственницу нельзя казнить удавкой. Не помню, отчего возник запрет, но так было. А девственницы время от времени напрашивались на то, чтобы их придушили. Римляне нашли вполне элегантный способ. Перед казнью палач девушку э-э... растлевал. И как-то мне один знакомый историк сказал, что такого палача-растлителя называли «паскуда». Только учти, я не нашел этому документального подтверждения. За что купил, за то и продаю. Растлевали точно, а насчет «паскуды» историк мог и соврать.

— А почему они просто не рубили им головы? — вполне резонно удивился Цыган.

Гош усмехнулся:

— Решили, наверное, — зачем добру пропадать?

— Точно. Мудры были древние. Гошка, сколько же ты знаешь...

— Я ужас сколько знаю. Только все не по теме. Ладно, труби подъем. Нас ждет довольно неприятный день. Нужно подобраться к Москве вплотную и аккуратно залечь где-нибудь. Так, чтобы не слишком близко и не очень далеко.

— А потом?

— А потом все по-армейски. Разведка и принятие решения. Найти бы опять какую-нибудь войсковую часть, раздобыть карты. По идее неплохо бы нам свернуть на Калужское направление. Понимаешь, я точно помню — неподалеку от Хованского кладбища стояли танкисты. Заодно оценим, много ли там успели наворочать москвичи. Откуда-то они танки взяли, правда?

— Кошмар, — покачал головой Цыган. — До меня вдруг дошло, в какое опасное место мы суемся головой вперед. Прямо на плаху.

— На родину, — поправил его Гош.

Через двое суток Гош и Костя лежали под кустом у пересечения Калужской трассы с Кольцевой дорогой и разглядывали в бинокли мощную заставу, оседлавшую транспортную развязку. Зрелище было впечатляющее. Гош так и не смог понять — то ли московские «тупые» просто вдребезги тупы, то ли они, наоборот, какие-то продвинутые мудрецы, логику которых простому смертному не осилить.

Фортификационные работы, проведенные здесь с непонятной целью, по нынешним меркам тянули на линию Маннергейма. Виадук, уходящий вправо на насыпь Кольцевой, был наглухо завален разномастными строительными конструкциями. Массивные бетонные надолбы перегородивали дорогу, уходящую под мост. Из узкого прохода торчал, ни больше ни меньше, «Т-80». А с моста на трассу глядела четырьмя стволами зенитная установка «Шилка». Чуть левее торчала еще одна здоровая башня, сразу показавшаяся Гошу знакомой. При ближайшем рассмотрении оказалось, что это стопятидесятипятимиллиметровая гаубица, самоходка, на том же шасси, что и миномет Регуляторов.

— Интересно, — сказал Костя. — Если они пригнали сюда все это хозяйство, нужно так понимать, что они умеют им пользоваться?

Гош что-то неразборчиво проворчал. Они лежали в кустах уже второй час и за все это время не разглядели толком ни одного живого человека. Только пару раз мелькнуло за баррикадой что-то похожее на серый городской камуфляж. Да облезлая дворняга пробежала. Увидев ее, Гош и Костя сразу инстинктивно напряглись, ожидая, что с заставы по собаке кто-нибудь стрельнет. Но москвичи то ли наелись бессмысленной пальбой, то ли у них завелся свой Главный, покруче тульского.

А еще над городом висел смог, как в старые добрые времена. Правда, запах был другой — едкий, дымный, запах пожарища.

— Я отдохну чуть-чуть, — сказал Гош. — Глаза устали. Он отложил бинокль и перевернулся на спину.

— Это от дыма, наверное, — предположил Костя. —

Что-то у ребят капитально сгорело. Может, они поэтому и не высовываются? Залезли в свой танк, он как раз в тенечке стоит... И нагло дрыхнут. Слушай, давай провокацию учиним. Гранату бросим, например.

— Далеко.

— А по фиг. Лишь бы рвануло. Ты же хочешь, чтобы они проявили себя?

— Не знаю. У меня такое впечатление, что я сейчас понимаю о творящемся вокруг примерно столько же, сколько в день, когда проснулся.

— Аналогично, — признался Костя.

Они уже знали, что москвичи основательно пошарили вокруг столицы, таща в нее все, что плохо лежало или стояло. Запомнившаяся Гошу из прошлой жизни войсковая часть у кладбища была разграблена на корню. Правда, карты в секретной комнате нашлись, и Гош склеил отличную схему Москвы. Но толку от этого было пока что никакого. Оставалось лежать, присматриваться и гадать, как ловчее проникнуть в город.

— Опять едут!

Гош рывком перекатился на живот и схватил бинокль. Слева к заставе приближались какие-то машины. Две. Снизу, да еще и через ограждение на насыпи, сложно было разглядеть, кто в них сидит. Но зато над каждой болталась длинная антенна. Машины подъехали ближе и остановились.

— Разрыв между патрулями час пятнадцать, — сказал Костя, глядя на часы. — Ладно, подождем следующего. Или это тот же?

— Нет. Здесь первая машина — «Альфа-Ромео Спайдер». А вторая... Не узнаю. Видишь, красная?

— Да это другой патруль. Что же, они так и крутятся целыми днями по внешней стороне Кольца? А ночью?

— Вот именно, — кивнул Гош. — Ночью! Костя, будем лежать. До посинения. Хочешь, я сгоняю к ребятам за жратвой?

— Да погоди ты. Ага! Один вылез.

Гош присмотрелся. В громадной башне самоходной пушки откинулась дверца, и из нее показалась чья-то голова.

— Хорошие тачки у ребят, — мечтательно произнес Костя. — Сразу видно, не Тула задрипанная.

— В Туле дороги такие, что только на джипах и можно. Потом они часто выезжали за город. А эти, похоже, на вылазки не ходят. Кстати, может, они просто бензин экономят. Ты вспомни, сколько ела твоя «Тойота».

— Ты мою любимую машинку не трожь, убивец! Расстрелял бедную и молчи теперь.

— Извини, больше не буду.

Сзади тихонько свистнули. Гош оглянулся. Из зарослей выползла Женя. Растрепанная, с ног до головы в земле и местами почему-то в саже. Гош молча подвинул ей бутылку с водой. Женя благодарно кивнула и надолго припала к горлышку.

— Все нормально, — сказала она, утолив жажду. — Цыган к нашей стоянке пошел. Хотя нет, вру, ничего там, в этом городе, не нормально! Гошка, ты не поверишь.

— Что случилось? Вы не смогли пройти?

— Да как сказать. Гош, Битцевского лесопарка больше нет. Хочешь, сам в ту сторону прогуляйся.

— Как это нет? — удивился Гош. — А... Понял вас. Ага...

— Сгорел, — заключил Костя. — Я так и думал, что это какой-нибудь лес так надымил. Женечка, держи бинокль. Посмотрите направо! Последняя достопримечательность родной столицы. Мобильный патруль уходит на патрулирование.

— Советские губные гармошки самые губные гармошки в мире, — съязвил Гош.

— А куда еще, по-твоему, уходят патрули? Разумеется, патрулировать. Отстань. Жень, ты их видишь?

— Угу, — кивнула Женя, провожая взглядом резво уносящиеся по Кольцу машины. — И часто они так?

— Пока что с интервалом чуть больше часа. А дальше посмотрим.

Женя вернула Косте бинокль и достала сигареты.

— В общем, это какой-то ужас, — подытожила она. — Мы перешли дорогу в районе Ясенева. Там небольшая развязка, она не охраняется, вся завалена бетонными глыбами. Рядом лежит на боку автокран. Опрокинулся, навер-

ное, когда эти чушки ворочал. Мы побежали вглубь, а дыма все больше. Один раз видели, как проехала какая-то банда на двух машинах. Поднялись на горку, к универмагу, знаешь?

— Конечно. И?..

— Рядом с универмагом околачивается еще один патруль. Тоже две машины, пять человек. Я не понимаю, их что тут, миллион? Короче говоря, мы проскочили задворками и вышли к лесу. А его нет. Вообще, ни листочка, одни стволы обугленные. Похоже, сгорел буквально на днях. Я от страха чуть не разревелась. Ну, мы и повернули.

— Обидно. Значит, лесом не пройти...

— Только по дороге, Гоша. Там еще земля тлеет.

— Я вот думаю — они нарочно лес спалили? — поинтересовался Костя. — Если у них такая мания преследования, вполне могли его специально поджечь. Я бы на их месте точно поджег. Очень уж лесок удобный для скрытного накапливания и перемещения живой силы.

— Хочу водки, — сказал Гош. — А потом домик у озера и книжки при свечах.

— И купания при луне, — напомнил Костя. — С голыми бабами. Ох, виноват, леди Джейн, вы уж простите меня, старого похабника.

— Да я не против, — улыбнулась Женя. — Все лучше, чем за ними из камышей в бинокль подглядывать.

Костя поперхнулся и с нарочитой старательностью принялся шарить линзами по заставе. Гош молча показал Жене большой палец.

— Может, попробуем другое место? — спросил он. — Допустим, вдоль железной дороги. Там, за Варшавкой.

— Далеко идти. Протопаем несколько часов, устанем, и тут патруль. Что дальше?

— Вот именно, — заметил Костя. — Даже если сможешь завести какую-нибудь машину и на ней поедешь, все равно хана. У них тачки быстрые. И вообще, Регуляторы, пешком в город соваться бессмысленно. Мечтать об этом не вредно, но реальная обстановка не располагает. Слишком у них высокая плотность охраны.

— Чего они так боятся? — спросила Женя. — Есть идеи?

— Себя, — коротко ответил Костя. — Вспомни Тулу.

— Самодовлеющий тоталитарный режим? — вслух задумался Гош. — По нынешним временам ничего странного. Очень даже может быть.

— Я вот думаю — одолеем мы этот город впятером или нет? Все-таки Тулу мы уконтрапупили.

— Знаешь, Костя, на самом деле главный мечтатель у нас именно ты. Кто тебе сказал, что мы Тулу одолели? Мы пробежали сквозь нее, распугав ничего не подозревающее мирное население. Задали собственный темп. Здесь этот номер не пройдет. Москва готовится к войне. Или уже воюет. Пусть даже, как ты правильно заметил, с собой. Но в любом случае она готова к хорошей драке. И темп жизни в этом городе не тульский. Москвичи, пусть даже и «тупые», будут реагировать очень быстро.

— Да я так... — вздохнул Костя.

— Пятеро идиотов с атомной бомбой без взрывателя — это Москве на ползуба, — добил его Гош.

— А что же тогда?

— Понятия не имею. Ближайшие сутки — лежать. Собирать информацию.

— Как же мне все это не нравится! — возмутился несправедливостью мира Костя. — И ведь не прошу ничего особенного — дайте пройти в родные Кузьминки! А тут на тебе — заграждения, танки, самоходная артиллерия...

— А ты сходи и попроси, чтобы тебя пустили, — невинным тоном посоветовала Женя.

— Это как? — изумился Костя, поворачиваясь к ней лицом.

— Просто, — сказала Женя. — Сходи и попроси.

* * *

Гош неспешно брел по осевой линии шоссе походкой усталого и совершенно не опасного человека. Между лопатками буквально жгло от взгляда Жени, которой вручили бинокль и определили в наблюдатели. По лбу пробегал нехороший холодный ветерок, навеваемый стеклянным равнодушием чужой оптики. Спине было легче — по ней

градом катил пот, немного уравнивая температурный режим. До заставы оставалось метров сто. Гош почувствовал, что невольно сбавляет шаг.

Застава не подавала ни малейших признаков жизни. Гош приблизился шагов на пятьдесят, остановился и закурил. Упер руки в бока, изобразил на лице небрежную ухмылку и принялся разглядывать технику и фортификацию. Нагло таращиться, демонстративно ворочая головой. Страх куда-то исчез — наверное, Гош уже тут освоился. В жизни ему так долго не приходилось стоять, глядя в чьи-то потенциально враждебные стволы. Да еще такие здоровые. Хотя вряд ли танковая пушка могла представлять для него какой-то вред. Гораздо опаснее мог оказаться танкист с автоматом, который сейчас откиннет люк, и...

Задымился сигаретный фильтр. Гош выплюнул окуроч на асфальт и затоптал его. Дальше по сценарию полагалось лезть к заставе вплотную и требовать объяснений. Но было в этой идее что-то изначально ущербное. Гош и так уже должен был озадачить москвичей дальше некуда. Одинок-кий парень в футболке и джинсах, без оружия и поклажи, да еще и пеший. Явление Георгия Дымова Непобедителя обалдевающему народу. Гош подумал, что он, со своей темной шевелюрой, редкий тип Георгия — так называемый «черный». Обычно Георгий Победоносец изображался на белом коне. А на черном почти никогда. Мысль привычно уцепилась за мелкие детальки и пошла копать глубже, выясняя, откуда могло в этой голове взяться такое знание. Пришлось немного себя осадить и вернуться к реальности.

Застава молчала и не шевелилась, Гош тоже. Первому игра в гляделки надоела гостю. Он наконец-то догадался, что правильнее всего сделать теперь. Правильнее всего было красиво выпендриться.

Гош сунул руки в карманы, повернулся к Москве спиной и двинулся по шоссе обратно.

Реакция не заставила себя ждать. На мосту что-то громко лязгнуло, и оглушительный металлический голос из невидимого динамика рявкнул:

— Сто-я-а-ать!!!

Гош остановился. Невольно он похвалил себя за то, что не позволил никому другому занять свое нынешнее место. Костя так и рвался идти на переговоры. Да и Цыган был не прочь. Женя уверяла, что лучше ее просто никто не справится. Но Гош их всех задавил одним простейшим аргументом. «У меня, конечно, выдержка не идеальная, — сказал он. — Нервишки пошаливают, да и трусоват, честно говоря. Но согласитесь, Регуляторы, что объем знаний мой раза в три больше, чем ваш суммарный. Поэтому и выдумать я могу все, что угодно. А там придется быстро соображать». Вот и сообразил. Дождался.

— Руки!

Он медленно вытащил руки из карманов и поднял раскрытые ладони на уровень плеч.

— Сюда иди!

«Выполняем. Только не дрожать лицом. И не улыбаться. А то еще спросят — чего лыбишься, скотина? Знаем мы эти штучки. Стандартная прелюдия к удару в душу. Ничего, сейчас оценим, как тут у вас с глумлениями и издевательствами. Как это было у Кнышева? На пятнадцатом месте по степени удовольствия — трогательное умиление незащищенностью божьей твари. На шестнадцатом то же для лиц старше шестидесяти пяти лет. На семнадцатом то же, сжимая в руке тяжелый металлический предмет, например, монтировку... Кажется, с местами я что-то напутал. Конечно, на семнадцатом месте — глюки! О чем это я? Нет, ребята, не по зубам вам будет парень, который помнит, что он сержант-самоходчик. И у которого за поворотом спрятались тяжело вооруженные друзья. Удивительно: у меня — друзья. Да еще какие!»

На башне танка открылся люк, и из него выбрался совсем даже не страшный танкист с автоматом, а кто-то гибкий, дочерна загорелый, в одних шортах и кроссовках. Гош подошел вплотную и окинул взглядом местного представителя высокой договаривающейся стороны. Довольно симпатичный молодой человек лет двадцати пяти. «Чем-то похож на Белого, только волосы не от рождения светлые, а выгорели на солнце. Интересно, как это он умудрился, ес-

ли круглые сутки в башне прячется. Хотя нет, у них, конечно же, пересменка».

— Привет, — сказал парень. Действительно вполне приветливо. Глаза у него оказались живые и веселые. Совсем не «тупые».

— Привет, — отозвался Гош.

— Чего надо?

— Меня зовут Гош. А тебя?

Парень вдруг напрягся.

— Ты чего, нерусский, что ли? — спросил он настороженно.

— Почему нерусский? — удивился Гош. — Издеваешься? Хватит с меня и того, что я с поднятыми руками стою.

— Ничего, авось не развалишься. Как тебя зовут, повтори.

— Георгий.

— Ну, так-то лучше. Грузин?

— Еврей.

Парень смешно вытаращил глаза. Нет, определенно этот тип вызывал у Гоша необъяснимую симпатию. Так и хотелось его поддеть.

— Послушайте, юноша, — сказал Гош, стараясь, чтобы это прозвучало внушительно. — Меня зовут Георгий Дымов. Отчества не помню, виноват. По паспорту русский. А что касается нерусских, так лично я ненавижу уро-дов, какой бы национальности они ни были. Чего и вам от души советую.

Парень впал в окончательный ступор. «Неужели все-таки обыкновенный «тупой»?» — с тоской подумал Гош.

— Руки можно опустить? — вежливо поинтересовался он.

— Не спеши. И учти, тебя слушают. Вон, — парень ткнул пальцем вверх. Гош посмотрел и увидел наконец-то вблизи странную штуковину, свисающую с моста на длинном шнуре. Конечно же, это был микрофон. Причем концертный.

— Это вы молодцы, — одобрил он. — Не то что в Серпухове.

— А что в Серпухове? — оживился парень.

— Да то же, что и в Подольске, — принялся импровизировать Гош. — Стоит штук пять танков, да пара десятков идиотов с автоматами. Ближе ста шагов не подпускают.

Всю глотку изорвешь, пока докричишься. А в Туле вообще мосты повзрывали и лесополосу сожгли. Вплавь добирался, а потом на пузе по углям. Совсем освинели. Вы тоже, я смотрю, леса жжете. Конечно, идея хорошая, но уж больно расточительно. Чем зимой-то отапливаться будете?

— Так паркета же завались, — небрежно ответил парень.

— Не бол-тать!!! — распорядился сверху железный голос.

Парень и Гош одинаково присели от неожиданности.

— Круто у вас тут, — посочувствовал Гош.

— Не то слово, — заявил парень. В голосе его прорезалась угроза. — Сунешься — оценишь. Я повторяю, чего тебе надо?

— Я тут живу недалеко.

— Вот и дуй туда!

— Ты не понял. Я тут живу, — Гош показал в направлении Беляева.

Парень чуть было не оглянулся, но пересилил себя.

— А почему не показываешь свой пропуск?

«Опять двадцать пять!» — Гош начал помаленьку злиться. Он был уверен, что построенная им тактика беседы позволила бы в считанные минуты вытянуть из парня немало информации. Очень уж не хотелось угрожать, требовать прохода, не зная толком, с кем имеешь дело. Но проклятый контролер на мосту чересчур давил собеседнику на нервы.

— Я жил здесь в прошлой жизни, — объяснил Гош терпеливо. — Пришел домой. Разрешите пройти?

— Чем докажешь, что ты — москвич? — тут же парировал местный. И весь надулся. Видимо, от гордости, что ему доказывать уже нечего.

— А что бы вас устроило, сударь?

— Ну... Документ.

«Вы же неграмотны, зачем вам подорожная?» — всплыло в памяти.

— Какие у меня документы, — вздохнул Гош. — Усы, лапы, хвост... Ты сам откуда?

— Отсюда, — парень надулся еще больше.

— Москва большая. Откуда конкретно?

— Ну, допустим, из центра.

— И что тебе про центр рассказать?

— Ты не рассказывай. Ты доказывай.

«Все, приехали. Это тупик. Придется играть по сценарию».

— Не буду я тебе ничего доказывать, — вздохнул Гош, без команды опуская руки. — Ты решил меня не пускать, и ты меня непустишь. Скажи хоть на прощание, кто вы такие? По какому праву?

— Мы — оборона, — гордо сказал парень.

— Печально, — снова вздохнул Гош. — А знаешь, что на каждую хитрую оборону есть нападение с винтом?

— Чего?

— Того. Бачьямо ла мани. Ариведерчи, Моска.

Гош не успел отойти и на десяток шагов, когда очнулся начальник с моста.

— Стоять!!! — очень грозно потребовал голос сверху.

— Зачем? — бросил Гош через плечо.

И тут оседлавшая мост «Шилка» дала короткую. Залп не длился и секунды. Но Гошу, который такое видел только на экране телевизора (с перепугу тут же об этом вспомнил), мало не показалось. Во-первых, гулом забило уши. Во-вторых, на шоссе, метрах в трехстах, дыбом встал маленький торнадо из асфальтовой крошки. А с моста будто из ведра сыпанули гильзы.

— Назад! — приказал голос.

Гош, тряся головой, послушно вернулся. Раскрылась еще одна тайна — происхождения странных проплешин на шоссе. Похоже, здесь не в первый раз окорачивали строптивых визитеров. «Какие, на фиг, танки! Эта штука на прямой наводке танк запросто остановит. Ничего ему особенного не будет, но экипаж весь размажется по броне. Еще в войну какой-то пушке кусок ствола отпилили. Потому что она «Тигр» насквозь пробивала, а он после этого счал. Тут упор важен, останавливающий момент. Нет, ребята, против вас только миномет. Издали да аккуратненько».

— Ну, как? — язвительно спросил парень, выходя из-за баррикады. Туда он, наверное, сбежал от железного дождя гильз. Валялось их под ногами видимо-невидимо.

— Не хило. Хотя я слышал, что «Тунгуска» круче.

— Ты кто?! — снова напрягся парень. — Откуда?!

— Товарищ! Я из КГБ! — сказал Гош с нажимом.

«Мама родная, что же это такое из меня прет?! Как сейчас помню: «Вы в каких войсках служите, сударь? — В гинекологических! Направлен командованием в ваше расположение на предмет полного гинекологического осмотра замка! Имею документ!» Вот ка-ак ляпну сейчас...»

Парень ничего путного на это заявление ответить не успел.

— Ну-ка, давай его сюда! — потребовали сверху.

Карабкаться на насыпь пришлось на четвереньках. Наверху Гоша уже встречали. Четверо полуголых и загорелых, кто с «макаровым», кто с «АКСУ». Тоже вполне симпатичные лица, только повадки не особенно дружелюбные. Гостя ткнули стволом в живот и тщательно обшарили.

— Ну-с, — спросили его. — А где остальные? За поворотом спрятались?

Гош присмотрелся к начальнику заставы. В том, что это был именно начальник, он не сомневался. От парня так и веяло пожизненной доминантой. Наверняка бывший первый ученик, он же первый драчун. Бывают такие. В Советском Союзе из них вырастали комсомольские работники, а в России они быстренько стали банкирами и крупнооптовыми торговцами. Гош уже и это помнил.

Начальник заставы был не самый главный человек в городе, разумеется. Так — князек. Ровесник Гоша, чуть за тридцать, крупный, рельефно накачанный, с большим никелированным револьвером в нарочито отставленной руке.

— Тебе не идет «кольт пайтон», — небрежно бросил Гош. — Не монтируется. Поперек образа. Тебе нужно что-то вороненое и автоматическое. В тон волосам и мускулатуре. Разрешите представиться — Георгий Дымов.

— Еще одно лишнее слово, и ты уговоришь меня, что работаешь на КГБ. И тогда, дружок, у тебя будут серьезные проблемы.

— А что, кагэбэшники все такие болтливые? — невинно поинтересовался Гош.

— Здесь вопросы задаю я. А ты отвечаешь, — жестко

сказал начальник. — И если мне покажется, что ты врешь... Будет очень больно.

Гош посмотрел на часы.

— Давай, начинай, — разрешил он. — Только без резких движений.

Начальник хмыкнул. И тут же Гошу сзади врезали стволом автомата по левой почке. Слава богу, попали чуть выше. Но все равно это было действительно очень больно, как и обещали. Гош взвыл, картинно дернулся и упал на колени.

Начальник посмотрел удивленно — избиваемый явно переигрывал. Высказаться по этому поводу он не успел. Потому что где-то вдалеке гулко ухнуло.

Застава среагировала незамедлительно, хотя и не по делу. Из всех наличествующих стволов она принялась долбить туда, где шоссе уходило за горизонт. Получилось оглушительно и снова больно, потому что Гош не успел спрятаться, и его окатило гильзами из проклятой зенитки. Правда, часть дождика принял на себя начальник. От чего очнувшись, нырнул в самоходку и заорал в микрофон:

— Пре-кра-ти-ить!!!

Громадная многоэтажная колонка, прячущаяся в тени зенитной установки, перекрыла шум пальбы, и застава действительно прекратила. Стреляла она, разумеется, впустую. Даже угадай москвичи точное направление, все равно миномет от попадания заслоняли два пятиэтажных дома. А Женя засела совсем в другой стороне.

Огонь стих очень вовремя. Даже совершенно оглохший Гош услышал далекий свист мины, прошедшей апогей траектории и лениво падающей на столицу родины Георгия Дымова город-герой Москву.

Начальник буквально выпал из люка наружу.

— Что это было?! — крикнул он. — Слышали?

— Слышали, — хмуро ответил ему один из подчиненных, заноса ногу, чтобы пнуть разлегшегося на асфальте Гоша под ребра.

— Отставить! — рявкнул начальник. Опоздал.

Гош от пинка кувыркнулся, вскочил и снова упал.

— Дубль второй! — объявил он. — Ждите.

Москвичи принялись растерянно вертеться на месте.

— Туда смотрите, — подсказал Гош.

И словно по мановению его руки, фугаска жახнула в Беляево. С моста было отлично видно, как из жилого квартала полетели клочья. Наверное, попало в дом. Гош приподнялся на локте, держась за ушибленный бок, и отметил, что вленили Регуляторы очень эффектно. Куда внушительнее, чем если бы мина упала просто на землю. Не грех и пострадать за такое. Хотя чего-чего, а уж битья по живому человеку, особенно если это ты сам, Гош просто не выносил. Как минимум — с тех пор, когда Сан Сеич подлечил его от навязчивой агрессивности.

— Елки-палки... — высказался начальник, хватаясь за голову.

Башня «Шилки» нервно дергалась, высматривая цель.

Вдалеке опять бухнул миномет.

— Не стрелять! — взвыл начальник. — Ищите его, ищите!

— Это был обещанный дубль второй, — напомнил Гош. — Кто-нибудь еще хочет меня ударить?

— Наблюдателя ищите! Он где-то недалеко!

— Обижаешь, начальник, — Гош поднялся на ноги. Бок здорово болел, мешая нормально дышать. — У нас два наблюдателя. И оптика что надо.

— За машину его! Быстро!

— Ошибка, — констатировал Гош. — Тогда концерт вообще не закончится. Ни-ког-да. Придется вам, братушки, выбраться из города и искать нашу огневую. Тут-то вам и поплохеет...

Тем не менее его волоком утащили за самоходку. В небе свистела вторая мина.

Начальник, весь покрывшись каплями пота, взвел курок револьвера и приставил его ко лбу пленного.

— Останови это! — приказал он. — Считаю до трех. Раз...

— Элементарно, Ватсон. Тащи меня обратно. И больше не трогай.

Тут в Беляеве садануло так, что только дым столбом поднялся. Застава дружно взвыла. Начальник с перекошенным лицом оглянулся назад, потом схватил Гоша за шкуру и выволок на божий свет.

— Разумно, — согласился Гош. — Хотя третий выстрел ты все равно уже заработал.

Начальник замахнулся было револьвером, но передумал.

— Скотина... — прошипел он. — Кто ты?

— А ты кто?

— Я? Кто я?! Ах, ты...

— Удивительно, — вздохнул Гош. — Откуда столько ненависти? Что за позорная ксенофобия, недостойная представителей великого народа, а также носителей великого и могучего языка. Что за претенциозное название — оборона? Чего оборона? И от кого? Пришел безоружный человек, вежливо представился, искал понимания и сочувствия...

Бу-бух!

— Да где же?! — Казалось, что начальника сейчас хватит апоплексический удар.

— Не видно!

— Хреново чувствовать себя беспомощным? — ласково осведомился Гош. — Привыкай. Ты ведь об этом не думал, когда меня били. Побудь на чужом месте разок.

Начальник тяжело дышал и не реагировал.

— Кстати! — оживился Гош, оглядываясь на перекошенных ребят с оружием. — Ты мне стволом врезал? Поздравляю. Не жалец. И ты. Аналогично.

«Между прочим, мог бы об этом и промолчать. Не перегибай палку, Дымов. Хватит злиться. Работай».

— Мы тебя еще достанем, — пообещал ему тот, что пинал.

В небе засвистело. Все посмотрели вверх.

— Расстрелять, как собаку! — начальник потряс руками. — Душу выну! Удавлю!

— Ты лучше готовь тезисы, — посоветовал Гош. — А если сам не уполномочен вести переговоры, организуй мне связь. Кто тут у вас командует?

— Я тебе организую связь. Я тебя свяжу так, что кровью умоешься!

— Старшего поста к рации! — крикнули из самоходки. — Комитет вызывает!

Начальник тоскливо застонал. И тут на город свалилась

третья мина. Гош удивился перелету — долбануло где-то в районе метро «Калужская». Наверное, Регуляторы перемудрили с зарядами.

— Глаз. С него. Не спускать! — выдавил из себя начальник и полез в самоходку.

— Закурить можно? — спросил Гош. Не дождался ответа и закурил-таки. «Как там Женя? — подумал он. — Испугалась, наверное, когда застава стрелять начала. Ты ведь сначала не понимаешь, куда летит, — может, и в тебя. Самое развеселое дельце — сидеть под огнем на дереве с биноклем и рацией в зубах. Да еще и смотреть, как бьют любимого человека...»

— Иди сюда, урод! — крикнули ему. — С тобой говорить будут.

— Фигушки! Говорить буду я! — огрызнулся Гош.

* * *

Машина за ним пришла роскошная, «Линкольн»-стретч. Гош сначала удивился, чего это ему, как принцу заморскому, подают этакое крокодила с баром и угловым диваном. Заглянул внутрь и сразу понял. В салоне вольготно разместились аж четверо с автоматами, один другого здоровее и, судя по глазам, тупее.

Его снова обыскали. Пришлось расстаться с зажигалкой и сигаретами. Коротко посоветовали не дергаться. Пришлось кивнуть. Машина тронулась.

Гош поверх монументального плеча охранника смотрел в окно и не узнавал свой город. В детстве ему случалось мечтать о том, чтобы проснуться однажды в пустой Москве. Чтобы улетучились куда-нибудь толпы смрадно дышащих машин и грубо толкающихся людей. Выйти на улицу, вдохнуть полной грудью... Хотя бы раз в жизни.

Потом Гош прочел рассказ Брэдбери, где такая ситуация была смоделирована, и призадумался. К мнению «величайшего поэта среди фантастов» глупо было не прислушаться. Но только сейчас Гош увидел, насколько же это страшно — обезлюдевшая Москва.

Ее будто пылью слегка присыпали. Она потускнела. Она умерла.

Ни малейшего движения. Казалось бы, город, утратив население, должен был погрузиться в состояние величественного покоя. Как бы не так. Просто тоскливое погружение во тьму. И даже тонул этот странный город вовсе не как «Титаник», чего можно было ожидать от такой махины, — наводя ужас и потрясая воображение. Скорее ржавая баржа, кряхтя, оседала на мелководе. Чтобы потом годами торчать на видном месте, напоминая: и ты, дружок, не вечен.

Здесь не было видно даже ворон. Город перестал вырабатывать отходы, служившие им пищей. Все правильно, мертвые не гадят.

Лимузин сразу забрал влево, уходя на проспект Вернадского. Гош догадался — не хотят, чтобы он видел следы обстрела. Загадочный комитет подтвердил, что готов к войне в любых ее проявлениях. Включая не только переговоры, но и даже подготовку клиента к ним.

По улицам сновали мобильные патрули. Как правило, две машины и четыре-пять человек. На всех более или менее серьезных перекрестках стояли пешие заставы. Гош насчитал больше десятка таких групп и задумался — сколько же в городе народу, если он без проблем может накрыть себя частой сетью вооруженных дармоедов. Ведь кто-то должен сейчас ишачить в водопроводах, прачках, кашеварах, обслуживающих эту несметную по теперешним временам армию. Фуражиры и прочие мародеры должны шарить по складам, ремонтные мастерские — заниматься обслуживанием техники, кому-то приходится ведром черпать бензин из хранилищ. А еще кто-то должен всех сторожить, чтобы не ударились в анархию. Сторожить не физически, разумеется, а идейно. Допустим, в Туле с ее населением от силы пятьсот человек (ну, тысяча, если не врут) идеологический прессинг обеспечивала сама фигура Главного. И несколько прихлебателей, включая хитреца Олега, запросто могли проводить генеральную линию в жизнь. Но Москва была населена куда плотнее. В прошлой жизни по городу шло до пятнадцати миллионов человек. А выжил минимум каждый тысячный. Даже если каждого третьего из них застрелили еще в прошлом году, в пору бурной молодости, то сегодня...

— А это что еще за кусок торта? — изумился Гош. — Не было же!

Лимузин ехал по Комсомольскому мосту. Сам мост находился явно в состоянии полураспада, зато четко в створе проспекта красовалась белокаменная громадина с золотыми куполами. Такая безумно тяжеловесная, что под ней, казалось, сейчас земля разверзнется.

— Было, — прогудел охранник справа. — Это храм. Не разговаривать.

— Это что, на месте бассейна?!

— Да. Не разговаривать.

Гош от удивления чуть глаза не протер. Грязноватый бассейн, он же фундамент несостоявшегося Дворца Советов, Гош помнил отлично — сам в нем учился плавать. Однако реконструкция храма как-то из его памяти выпала. Наверное, внутренне Гош не был согласен с идеей — восстанавливать несуразную церквищу точь-в-точь по бесталанному оригинальному проекту. Никакого сомнения — это был знаменитый храм Христа Спасителя, который разграбили и взорвали большевики. Фамилию архитектора Гош забыл, но точно помнил, что этот деятель был автором проекта типовой армейской церкви. А царствовавший тогда император (какой?) оказался, как нарочно, совсем не эстет, а солдафон.

Остаток пути Гош размышлял о превратностях работы памяти. Не уставая при этом считать мелькающих за окном патрулей. Храм вблизи оказался не так уродлив, но все-таки на психику давил. Машина, как Гош и предполагал, шла в Кремль. Разумеется — когда вокруг натуральный Дикий Запад, начальству умнее поселиться в форте.

«Только от минометного обстрела форт не защитит, — подумал Гош. — Интересно, как там мои Регуляторы? Где вы сейчас, ребята? Будем надеяться, что все прошло гладко».

Оказавшись внутри огромного здания, где заседал и, наверное, проживал комитет, Гош первым делом принимался. Без малого взвод охраны, валяющийся на диванах по

углам необъятного вестибюля, хором вытаращился на странного гостя.

Ничем особенным здесь не пахло. Наверняка кто-то таскает с заднего хода воду, чтобы сливная канализация продолжала оставаться таковой. Этому Гош не удивился. Его поразило другое — полное отсутствие каких-либо примитивных светильников. Электрические лампочки здесь были. А вот импровизированных кострищ, гнезд для факелов, подсвечников наконец — ни следа.

В коридорах оказалось чисто, окна сияли. Гош с каждым шагом мрачнел. Впервые за свои долгие странствия он увидел реальные признаки силы. Организующей и управляющей силы, уверенной в себе и наверняка жестокой. Силы, которую перешибет только огромная сила.

— Ждите, — приказали ему. Один из охранников скрылся за массивной дверью. Гош уныло разглядывал приемную. Взгляд его задержался на столе референта, с которого так и не удосужились скovyрнуть ненужный теперь компьютер. Стол был явно рабочий, уставленный оргпринадлежностями, с аккуратно сложенными бумагами в лотках. Вместо телефона — рация. Гош лениво проследил, куда уходит шнур питания, и нервно сглотнул. Шнур был воткнут в розетку! Двести двадцать вольт...

«Вот и дождались. Электричество смотрит мне в лицо... Что же, капитан Дымов, пожалуй, ты столкнулся с таким чудовищем, которое не стоит дергать за усы. Попробуй-ка, брат, лучше с ним подружиться. А то ведь сглотнет оно твоих Регуляторов и не поморщится. Это тебе не штат Нью-Мехико... Как возьмут за глотку — чем будешь в ответ угрожать? Распроклятой атомной бомбой? Ладно, будем надеяться, что местные боссы ничего не понимают в минометах. Технику на заставе они скомбинировали довольно грамотно. Но стреляют из нее только прямой наводкой. Ох, до чего же мне не нравится это слово — оборона!»

Из кабинета вышла какая-то женщина в строгом деловом костюме, с толстой красной папкой в руках. Очень красивая. И очень рассерженная. Властно отодвинула плечом охранников и затерявшегося среди них Гоша заодно, уселась за стол, раздраженно швырнула перед собой папку

и взялась за рацию. Гош остолбенел. Он знал эту женщину. Или другую, очень похожую на нее. Типаж совпадал удивительно. Высокая, чуть крупнее знаменитых модельных размеров, холеные платиновые волосы до плеч. И лицо... Редкое сочетание красоты и благородства. Гош остолбенел, мучительно напрягая память.

— А вы чего стоите?! — рыкнула красавица на охранников, набирая на панели рации какой-то длинный код. — Привезли? Ведите.

Тут она посмотрела на Гоша и переменялась в лице. Наверное, в прошлой жизни она его тоже знала. Или кого-то, очень похожего на него. Видимо, опять типаж совпал.

Гош едва успел красотке подмигнуть. Его взяли за шкуру и уволокли за дверь.

В кабинете оказалась, как и положено, Т-образная комбинация из стола для совещаний, упертого в стол руководителя. Стулья, кресла, шкафы, — все дорогое и не в помпезном кремлевском стиле «памяти расстрелянных Юровским», а функциональный и красивый модерн. Никаких тебе гнутых ножек и позолоты. Видимо, новый хозяин переменял обстановку. Или это был не президентский кабинет.

Еще здесь горели лампочки. Вентилятор компьютера не гудел, но это могло просто означать, что машина очень хорошая.

— Оставьте нас, — приказал охране мужчина за столом — невзрачный, с мятым лицом, затянутый в городской камуфляж. — А ты садись. Ближе.

Охрана почтительно испарилась. Гош сел.

— Сигареты отобрали, — пожаловался он.

— Какие тебе? — хмуро спросил мужчина, выдвигая ящик стола.

— «Лаки Страйк».

Мужчина посмотрел в ящик. Гоша он не боялся, это было совершенно ясно. Или его просто безоружные люди не беспокоили.

«А зря, — подумал Гош. — При такой комплекции в новом мире выжить непросто. Сколько в тебе, сто семьдесят?

А щуплый-то какой... Впрочем, Брюс Ли тоже на вид соплей перешибался, а врезать мог от души. Господи, ну почему я-то такой обыкновенный? Вот не удался бы ростом, тоже глядел бы в Наполеоны. В харизматические лидеры, чтоб им всем провалиться».

— «Ротманс» будешь?

— «Ротманс»? — Гош выдержал паузу, копируя интонацию какого-то забытого им актера. Правда, тот говорил о водке. Гениальная была интонация, неповторимая. — Буду.

— На! — мелкий с отвращением на лице швырнул Гошу пачку.

— А зажигалочку?

— Держи.

— Спасибо.

— И откуда ты свалился на мою голову? — спросил мелкий, упирая локти в стол и кладя подбородок в ладони. Смотрел он на Гоша, без преувеличения, как на пойманную в трусах вошь.

Гош закурил и отвернулся. На его памяти такого омерзения он еще ни у кого в новом мире не вызывал.

— На твою голову свалился не я, а «тупые», которые держат Калужское направление. Я пришел говорить. Мне врезали автоматным стволом по почкам. Дальше рассказывать?

— Сколько вас?

— Трое. Еще Отец и Святой Дух.

— Всего?!

Гош усмехнулся. Потом от души заржал. У мелкого на щеках заходили желваки.

— Шутка, — объяснил Гош. — Расслабься. И поверь, наша численность тебя не должна волновать. Твоя основная забота на сегодня — сколько у нас грузовиков с боеприпасами.

Мелкий скривился. Наверное, как и все наполеончики, он терпеть не мог терять инициативу.

— Какая у тебя дальнобойность?

— Пятьдесят километров, — не моргнув глазом соврал Гош. — Конечно, есть проблемы с точной наводкой. Но

сейчас они в мою пользу. Догадываешься, почему? Между прочим, мог бы представиться.

Мелкий представляться не считал нужным. Вместо этого он добыл из ящика пачку «Собрания» и зажигалку, блеснувшую начищенным золотом. Гош хмыкнул. Ему-то бросили одноразовое дерьмо. Попытка указать на место самым жлобским способом.

— Этот фокус с хаотичным обстрелом сработал уже в двух городах с тоталитарными режимами, — продолжил Гош. — В первый раз местный князек сам ко мне приполз на карачках. Во второй — население своего босса принесло. Впереди тащили его, связанного, а за ним — хлеб-соль, ящик водки и голую бабу.

Мелкий курил, глядя в потолок. «Ладно, пусть накапливает информацию. Нам поболтать не запаadlo. В который раз мозги пудрим».

— И вот что обидно — я же не первый начал. Мы всегда стреляем только в ответ на прямую и явную агрессию. Это правило — впереди идет один человек. Идет, чтобы разговаривать. Но случается так, что его обижают. Тогда мы начинаем стрелять. И все проблемы разрешаются сами.

— А бывает так, что вашего человека убивают? — осведомился мелкий.

— Только один раз. Самый первый. Теперь это слишком дорого встанет городу.

Мелкий ткнул сигарету в пепельницу и откинулся на спинку кресла. Гош стремительно просчитывал варианты. Развитие событий могло быть каким угодно, и все, что сейчас приходило в голову, кончалось нехорошо.

— Значит, если ты не выйдешь на связь в шестнадцать-ноль...

«Шестнадцать-ноль, ишь ты! Армия. Или притворяется? Допустим, военный. Что нам это дает? По годам — капитан. Но ты же не строевой, ты штабист. А то бы загнулся, как все остальные».

— Они подождут минут десять-пятнадцать и бросят несколько снарядов. Поменяют дислокацию и снова бросят. И так — пока я не выйду в эфир. Что самое интересное, я

даже не знаю, где сейчас мои самоходки. А то еще пыток не выдержу...

Мелкий презрительно улыбнулся, давая понять — конечно, не выдержишь. Теперь он глядел на Гоша в упор, облокотившись локтями на стол. Гош тут же подался к нему ближе, скопировав его позу, и заглянул прямо в крошечные глазки, которые вдруг забежали.

— Они будут кидать и кидать, — сказал Гош мягко и вкрадчиво. — И кто его знает, куда ляжет следующая фугаска... Четкой зоны обстрела не получится. То и дело тебе на голову будет валиться двести кило взрывчатки. И каждый раз именно тебе на голову. Потому что каждый раз ты будешь знать — именно этот снаряд может оказаться твоим. Ты представь — первая на Кремль, вторая на Арбат, третья на Лубянку. Только передохнул, и тут снова — первая на Пушки, вторая по Маяковке, а третья — ба-бах, и прямо в этот кабинет! Я специально ребят просил не восстанавливать прицел. Они будут стрелять и кататься вокруг города. Кататься и стрелять. А ты будешь искать их, выбиваясь из сил. Нереально прочесать такую огромную территорию. Подумай, ведь стрелять можно из Мытищ, а ухнет на Кантемировской. И однажды снаряд найдет тебя. Хотя может статься, что гораздо раньше тебя найдут собственные подчиненные. Эта ваша хваленая оборона. Скрутят и зададут вопрос — за что? Неужели ты сам отказался договориться? Навязал на нашу голову этот кошмар? Значит, ты во всем виноват... Ты же знаешь, на что способны «тупые». Знаешь?

Мелкий на глазах терял самообладание. Он начал мерно раскачиваться на краю своего кресла вперед-назад. А Гош вбивал в него слова ровным вкрадчивым голосом. Так же раскачиваясь, так же дыша и даже мигая в такт. Собеседники превратились в одно целое, и из той половинки, которой был Гош, в мелкого вливался страх. Таким бурным потоком, что впору захлебнуться.

— «Тупые» легко утрачивают контроль в нестандартных ситуациях, — вещал Гош. — И через несколько часов обстрела вся твоя оборона потеряет рассудок. И обернется против тебя. Поэтому тебе лучше меня выслушать. Тебя

ждут неожиданно приятные новости. Я пришел сюда, чтобы найти понимание. И мы легко можем договориться.

— Ладно, хватит! — раздалось от дверей. Мелкий очнулся и вскочил. Гош разочарованно откинулся на стуле и потянулся к сигаретам.

— Нехорошо подслушивать, — заметил он.

— А вы чего ожидали? — спросил настоящий хозяин кабинета, выдворяя мелкого из-за стола.

— Да мне, по большому счету, все равно. Этого загипнотизировал, теперь вами займусь. Если попросите, всю Москву обработаю. Я на что угодно согласен, лишь бы не было войны.

— Интересное заявление для агрессора, — улыбнулся хозяин кабинета. Этот оказался гораздо крупнее мелкого. Темные волосы, стрижка ежиком, пронзительные серые глаза, почти такие же, как у Гоша. Строгий двубортный костюм с хорошо подобранным галстуком. Наконец-то достойный соперник, с которым можно будет не придуриваться, а говорить в открытую. Почти в открытую.

— А это кто? — Гош ткнул пальцем в спину уходящего за дверь мелкого. Беднягу слегка пошатывало. — Ваш министр обороны?

— Борис, — представился хозяин, протягивая Гошу крепкую узкую ладонь. — А это... Да, примерно. Курирует оборонное направление.

— Плохо курирует. Это пародия на оборону. Френк Скаттл, эсквайр, хед оф секьюрити-ти-ти-ти.

— Не помню, — сказал Борис, насупившись. — Откуда?

— Любимый персонаж Бенни Хилла. Такой жизнерадостный идиот. Выступал в разных ипостасях, но особенно хорош был в роли шефа безопасности-ти-ти-ти.

— Хорошо. Что вам нужно, Георгий? Считайте, я ваши угрозы принял близко к сердцу. Постарайтесь теперь убедить меня, что вы действительно не хотите войны.

— Примерно так же со мной разговаривал начальник заставы. Вы не родственники?

— Вы же понимаете, Георгий, ребята обезьянничают. Издержки.

— Издержки чего? Давайте в открытую, Борис. Как

взрослые. Никаких вопросов о численности, дислокации, методах снабжения, кодах, паролях и так далее. Я просто не отвечаю, да и вы, наверное, вряд ли. Но о стратегии мы поговорить можем запросто. Расскажите мне, пожалуйста, от чего у вас этакая оборона? И для чего комитет.

— Сильно, — признался Борис. — Вы мне нравитесь... Дымов. Ха! Да вы мне и раньше нравились. Расскажите потом, за что вас из телевизора выгнали?

— За пререкания с ведущим. Тут все просто — любой капитан отчаянно держится за свое место. Особенно провинциальный. На них же обрушивается слава, их на улицах родных городов узнают. Появляется вдруг ответственность, все-таки представляешь свое Гадюкино на национальном телевидении. И не мелодии угадываешь, а берешь сложные вопросы. Приходится оправдывать народное доверие, а значит — слушаться руководства. Это я к тому, что не все Знатоки такие уж отчаянные честолюбцы. Со временем становятся. Я не успел. Показал себя неуправляемым человеком. И непредсказуемым. А там ведь существует определенный сценарий. «Брейн-ринг» вовсе не безупречно честная игра. Особенно на уровне отбора. Ну и отказали нам в эфире. Можно было, конечно, сменить меня на кнопку. Но у нас и так половина шестерки из отставных капитанов. И за каждым — история.

— Н-да... Неуправляемый. Зачем стрелять-то по городу? Да еще из такого безумного калибра?

— А бить человека железом по почке? Оборона, да?

— Георгий, ну это же издержки.

— У вас сплошные издержки, как я погляжу. Вы запомните, Борис, с моей командой шутки плохи. В ответ на замах рукой отрываем голову. Извините, не для удовольствия придумали. Жизнь заставила.

— Я слышал. Что это были за города?

— Новомосковск и Тула.

Борис потер рукой подбородок.

— Много там народу?

— В Новомосковске от силы пятьсот, — сымпровизировал Гош. — Тула — почти четыре тысячи. Они засосали всех пришлых и активно привлекают в город фермеров.

— Фермеров?!

— А вы тут что, от консервов еще не офонарели? Да и сожрете вы их скоро, если на военные склады не наткнетесь.

— Военные склады мы уже нашли. Сейчас проблема другая. Видите — есть электричество. Теперь пытаемся запустить насосы. Дать воду хотя бы сюда.

— А электричество откуда?

— Слышали про ГЭС-1? Кремлевская станция. Здесь все автономно, нужно только знать, куда руки приложить. А руки, к сожалению, крюки...

— Мало «проснувшихся»? — участливо спросил Гош.

— Мы же договорились, о численности ни слова. Кстати, здесь тех, кто в порядке, называют просто людьми.

— А тех, кто не?..

— А это народ.

— Символично, — признал Гош. — Москва всегда славилась жесткими терминами. О! Вспомнил! Слушайте, Борис. Правительство нашей многострадальной родины вы нашли? Тела? Останки? Кто у нас был президент?

— Вот, — Борис достал из ящика фотографию. Гош присмотрелся, не вспомнил, фыкнул:

— Ну и рожа... И фамилия соответствующая.

— Скажу честно, мы его не искали. Будем надеяться, что он не в секретном бункере сидит, а где-нибудь на загородной даче ворон кормит.

— А то как выскочит!

— Не пустим, — заверил Борис.

— А за город вы, значит, не высовываетесь...

— Георгий!

— Все, проехали. Виноват. Так расскажите мне все-таки о вашем государственном устройстве.

— Да тут все просто. Комитет заботится о народе. Следит, чтобы каждый был сыт, здоров, не представлял опасности для соседей. Обеспечивает рост уровня жизни. А народ под руководством комитета обороняет город от возможной агрессии извне, добывает продукты, занимается санитарными работами... И по ходу дела учится жить. Пришлось начинать с самых азов — зачем нужны семьи, откуда берутся дети... Элементарную гигиену и ту пришлось бук-

важно насаждать. Вы, Георгий, не судите нас строго. Мы только в самом начале пути.

— А была агрессия извне? — спросил Гош и вдруг понял — теперь была. Сами того не желая, Регуляторы превратили оборону из психологического трюка в реальный механизм защиты города.

— Теперь есть, — в тон его мыслям кивнул Борис. — Раньше мы просто отгоняли банды оборванцев, стремившиеся прорваться в Москву. Приезжали иногда такие панк-рокеры... Круче любого фантастического кино. А вы, дорогой Георгий, устроили нам серьезную проверку. И смею вас заверить, оборона теперь крепка, как никогда, — он слегка ухмыльнулся.

— Еще крепче сплотилась вокруг Центрального Комитета, — подсказал Гош. — Хорошо вы придумали с этой обороной. Ход стандартный, его применяют сейчас повсюду. Главное «тупым» руки занять и головы забить. Внешняя угроза... А рэкетом ваши солдатики тоже занимаются?

— Так некого рэкетировать. Георгий, вы серьезно насчет фермеров? Они... э-э... бывают?

— Их немало. И есть рынки, где они сбывают продукцию. А раз имеется спрос, будет и товар. Я знаю, сам почти месяц жил на скотоводческом ранчо. А потом так случилось, что местная военщина сожгла его и убила двоих наших. С этого наш путь и начался, — честно ответил Гош и прикусил язык. Ему показалось, что он косвенно намекнул на численность Регуляторов.

Борис задумчиво теребил бумаги на столе.

— Неужели получится? — спросил он несмело, с затаенной тоской. — По новой, а? Ведь без крестьянства — тупик.

— Не знаю. Сеять они точно не будут. А скотина... Главное, чтобы догадались к коровам быка пустить. И кабана к свиноматкам. Овцы-то сами плодятся, их никто отдельно не содержал.

— Да... — Борис снова закурил и сквозь дым пристально уставился на Гоша. — Ну что, поболтали?

— Допустим. Слушайте, Борис, я не опасен. Я по делу к вам.

— Хорошенькое дело... Где вы откопали эти пушки свои?

— Далеко. Там еще много чего есть, но без меня вы не разберетесь. Гарантирую. Я по нынешним временам редкий специалист.

— Это намек? Учтите, Георгий, мы не принимаем наемников. Здесь только единомышленники. Те, кто готов послужить народу. Не уверен, что после такой демонстрации силы, какую вы устроили, комитет сочтет вас подходящим для наших целей.

— Вы меня не так поняли. Давайте проще. У вас есть то, что мне нужно. А у меня есть то, что может сломать нынешнее хрупкое равновесие сил в Москве. Сделка очень простая. Я возьму свое и уйду. Если решу остаться, это будет отдельный пункт. Но в любом случае я больше не трогаю вас, а вы не трогаете меня. Ага?

Борис снова потер ладонью подбородок.

— И что же такое у меня есть? — спросил он. — Оружие, наркотики, проституция?

— Издеваетесь... — вздохнул Гош.

— Конечно, — Борис слегка улыбнулся. — Вы недооцениваете силы комитета, друг мой. И то, насколько предан ему народ. У меня больше пяти тысяч бойцов готовы выступить хоть сейчас. А у вас, Георгий, просто банда. От силы десятков, ну, два.

— И калибр двести сорок миллиметров, — напомнил Гош.

— Какая разница? Ну, ухлопаешь ты сотню-другую моих терминаторов. А остальные только окрепнут в вере. Неужели ты еще ничего не понял? Ты залез на мою территорию, друг. НА МОЮ ТЕРРИТОРИЮ.

Гош взял со стола пачку «Ротманс» и аккуратно забросил ее в невидимый ящик стола. Пачка легла точно. За ней полетела зажигалка. Борис, тоже не глядя, ящик задвинул.

— Я не хочу с тобой мериться силами, — произнес Гош очень медленно. — По одной причине — мне искренне жаль твой... э-э... народ. Он-то ни в чем не провинился. Знаешь, чем лучше я узнаю «проснувшихся», тем больше начинаю любить «тупых». Пойми, Борис, я готов уговаривать. Мне нужно совсем немного. У меня в команде четве-

ро москвичей. Дай им войти в город на полдня. И выйти. Можешь приставить к каждому охрану.

— Не-а, — Борис улыбнулся с ласковой издевкой на лице. Как мальчишка, который другому пацаненку не дает прокатиться на велосипеде.

— В чем дело? Что тебя беспокоит? Мы не будем здесь вести пропаганду.

— Дурачок. Ничего меня не беспокоит, — Борис явно наслаждался. — Я же сказал — это моя территория. И все. Здесь я решаю, что можно, а чего нельзя. И мое слово — нет.

— Почему? — тупо спросил Гош.

— Потому что тебе очень надо. Так надо, что расплатиться готов. А я не дам. И никаких объяснений. Ну что, заплачешь?

— Скорее зарычу, — Гош смотрел на Бориса исподлобья, стараясь на самом деле не рычать.

— Я же знаю, чего тебе нужно. Воспоминания. Документальные свидетельства того, что ты на самом деле был на этом свете. Пока что тебя еще нет. Так, мираж, зыбкая иллюзия Георгия Дымова. А знаешь, что бывает с человеком, когда он находит свой дом? Бумаги, фотографии? А? — Борис наклонился вперед, ловя ускользящий взгляд Гоша.

Тот молчал.

— И не узнаешь, — констатировал Борис.

— Господи! — взмолился Гош. — Ну за что такое наказание?! Кем же ты был в прошлой жизни, а?

— Да так, — Борис мило улыбнулся. — Ничего особенного. Не расстраивайся, Дымов. Ты просто опоздал. Я уже здесь. Место занято. Надо было тебе оставаться в Туле. Конечно, если ты на самом деле там был. Впрочем, это мы выясним. Посидишь в холодке, отдохнешь, соберешься с мыслями. Недолго, обещаю. Сутки, не больше, и мы устроим тебе очную ставку со всей твоей бандой оптом и в розницу. А пока... — Борис нажал одну из кнопок на небольшом пульте слева от стола. — А пока свободен.

Гош подумал — а не сломать ли нос этому деятелю на прощание, но на него вдруг навалилась такая безумная усталость, что сил хватило только криво улыбнуться. «Фаль-

старт. Ох, как же мне за фальстарты доставалось на «Брейне»... И вот — опять. Ладно, гад. Сейчас ты у меня попрыгаешь».

В кабинет вошла охрана. Борис улыбался.

— Напрасно радуешься, — заметил Гош. — Ты оставил мою команду без лидера.

— Правильно, — кивнул Борис. — Так оно всегда и делается. А ты чего хотел?

Гош вздохнул и потупился.

— Ты же ничего не знаешь об этих людях, — сказал он с тоской. — Они без меня не продержатся больше суток.

— И замечательно... — В голосе Бориса прорезалась настороженность. Охранники топтались у Гоша за спиной, ожидая команды.

— Ты не понял. Я не смогу отвечать за их последующие действия. Я даже предугадать не смогу, что им в голову взбредет.

Борис сел прямо и забарабанил по столу пальцами.

— У-умник, — протянул он. — Хитрец. Кого ты хочешь напугать?

— Я просто тебя предупредил. Может случиться все, что угодно.

— Ага. Твое хваленое войско прорвется в город и затащит на Красную площадь атомную бомбу! Ха! Эй, ребята! Ну-ка, быстренько — в подвал этого юмориста. Только глаза ему завяжите. И так уж он слишком много видел.

Гош почувствовал, что его опять хватают за шиворот и накидывают на голову что-то, пахнущее застарелым потом. Судя по всему, это была куртка одного из охранников.

Снаружи зрелище было что надо, и Борис посмотрел на пленника чуть ли не с умилением. Тут под курткой фыркнули, и замогильный голос произнес:

— Был я буйный, веселый парень. Золотая была голова. А теперь пропадаю, барин, потому — засосала Москва!

— В подвал! — рявкнул Борис, наливаясь кровью.

— Эх, сглодал меня, парня, город! — завыл Гош, которого волоком тащили к двери. — Не увижу родного месяца! Распахну-ка пошире ворот, чтоб способнее было повеситься!

* * *

— Или паны, или пропали! — хрипло заявил Костя, подкручивая колесики. Ствол миномета наклонился под сорок пять градусов. — Цыган!

— От машины! Огонь!

Бухнул выстрел, и мина ушла в рассветное небо. Цыган тут же снова переломил ствол. Очередная мина выскочила на направляющие.

— Заряжай! — Костя вскарабкался на броню. Ноги опасно скользили по мокрому от росы металлу. Цыган оказался наверху первым и сейчас подключался к рации.

— Что на НП?

— Говорит, надо ближе! Метров на триста! А вправо-влево нормально!

Регуляторы давно уже перестали разговаривать между собой. Теперь они перекрикивались надорванными истеричными голосами. Позади осталось два удачных обстрела города с разных точек, и ни одного часа сна. А впереди была игра ва-банк. Точнее, она уже шла.

— Застава стреляет! — Цыган отпустил клавишу приема и раскрыл ящик с зарядами.

— Отлично! Паника! Сколько мин осталось?! Пять?!

— В барабане четыре! Это пятая!

— Мало! Обвязывай! Большой! Иди сюда, у меня руки уже дрожат!

Бум!

— Почти идеально! Чуть влево снесло, и нужно еще ближе!

— Скажи Женьке, чтобы не очень высовывалась!

— Женя! Не торчи на виду! Что?!

Костя стянул с головы шлемофон и вытер тыльной стороной ладони взопревший лоб, украсив его широкой черной полосой.

Цыган настороженно прислушивался к тому, что говорила Женя со своего наблюдательного пункта. Закашлялся. И почти нормальным голосом сказал:

— Танк. Один танк. Пошел к нам. Только что.

— Ага-а!!! — заорал Костя. — Большой! Гранатометы к бою! Цыган! Ствол! Ствол переламайвай! Успеем!

Большой схватил в охапку несколько гранатометов и опрометью кинулся в сторону Можайского шоссе. Костя и Цыган лихорадочно принялись обвязывать мину зарядами.

— Успеем, — бормотал Костя. — Две успеем.

— Что?!

— Две успеем, говорю!

— Запросто! Давай, наводи!

— Если бы я умел... — Костя прыгнул вниз. — Ах, если бы, ах, если бы, не жизнь была б, а песня бы...

— Да никто не умеет! — крикнул сверху Цыган. — Не комплексуй! Гошка тоже не умел!

— Как это — не умел?! Очень даже умел... — Костя понял, что имеет в виду Цыган. Гош успел весьма обстоятельно рассказать им, как на самом деле осуществляется стрельба. И то, что они сейчас умудрялись попадать по заставе хотя бы приблизительно, объяснялось только безумным везением. Да еще тем, что Костя, расстреляв больше десятка мин, вроде бы уловил какие-то скрытые алгоритмы. И Женья со своего чертовски опасного поста на радиорелейной вышке четко передавала целеуказания.

— Цыган!

— От машины! Огонь!

Бум!

— Так, меня уже шатает! — сообщил Костя.

— Попа-али!!!

— Куда?!

— По Кольцевой! Правее заставы полста метров! Там все лежат! Не стреляют уже! Танк проходит наш НП!

— Успеваем! Заряжай!

Перед следующим выстрелом Цыган крепко сжал обеими руками пульт дистанционного управления и что-то прошептал, глядя в небо.

— Он не слышит тебя! — успел проорать Костя. — Он больше не любит нас!

Бум!

Цыган забросил пульт на броню и, распуская на ходу зажим стянувшего горло ларингофона, кинулся догонять Костю.

Они упали в канаву рядом с Большим, когда приближа-

ющийся танк был уже слышен. Неподалеку дорогу перего-
раживал «МТ-ЛБ».

— Тягач жалко, — сказал Большой. — Он бы нам еще...

— Плохо лежим! — перебил его Костя, цепляя на пояс
мобильную рацию. — Нужно ближе к городу! Мужики, ка-
жется, у нас есть шанс! Женька говорит, мы все-таки попа-
ли! Разнесло заставу! Вдребезги!

— Регуляторы, в седло! — радостно воскликнул Цыган,
вскакивая на ноги.

— Ты лучше еще раз богу помолись... — выдохнул Костя
уже на бегу. — У тебя получается!

* * *

Когда железная дверь в очередной раз открылась, Гош
лежал на топчане, мучительно пытаясь заснуть. У него ото-
брали часы, но по субъективной оценке в заточении он
пробыл около суток. Дважды его скудно кормили и выво-
дили в туалет. Ни разу даже не замахнулись. Не задавали
вопросов. Все бы ничего, только спать он почему-то не
мог. Перенервничал. Давно ему не приходилось оказы-
ваться в положении, настолько похожем на безвыходное.
Даже глубоко уважаемый Гошем литературный персонаж
Winnie-the-Pooh, известный в народе как Винни Пух, ни-
когда не застревал так круто.

Гош представил себе черную-пречерную доску и белую
точку на ней. Представил ясно и отчетливо. Сосредоточил-
ся на маленьком белом кружочке. Разглядывал его, разгля-
дывал... Надоело. «Бука — это Wizzle. Бяка — Woozzle.
Слонопотам — Heffalump. Помнится, исследователи залез-
ли даже в «Толкование сновидений» Фрейда, чтобы разо-
браться, откуда взялся Heffalump. И даже притянули за
уши один классический случай. А еще считается, что по
типу нервной организации ослик Йо-Йо удивительно бли-
зок к Федору Михайловичу Достоевскому. Ф. М. Достоев-
ский. По утверждению Филиппа Киркорова, его любимый
писатель. Идиот. Зайка моя. Тварь я дрожащая. Ф. М. До-
стоевский. А. К. Троицкий. А. К. Кто писал, что «АК» — ору-
жие, устаревшее морально и технически? «АК» — лучший

подарок «тупому». Лучший подарок, по-моему, мед. А я сошла с ума!»

Тут-то дверь и отворилась. Гош открыл глаза и посмотрел на вошедшего. И совсем не обрадовался.

— Здравствуй, — сказала женщина негромко. — Ты как?

— Когда бы мы были Медведи, Пчелой, — лениво продекламировал Гош, — мы все бы деревья спилили пилой. И, запахом меда влекомы, не лазали б так далеко мы.

Женщина осторожно присела на край топчана. Дверь захлопнулась.

— Тогда бы Пчела, она же Медведь, уставши все время жужжать и лететь, себе бы отрыла берлогу и в ней бы жила понемногу... А я думал, опять на расстрел.

— Они тебе угрожали?! — встрепелась женщина.

— Шутка. Как ты сюда прошла?

— Ну, я все-таки референт председателя комитета. Сказала, чтобы пропустили... Извини, Гоша, я не смогу тебя отсюда вывести.

— Да я и не прошу...

— Но ты можешь выйти сам.

— Как же... Сейчас ты достанешь из-под юбки пистолет, и я возьму тебя в заложницы. Потребую, чтобы подогнали к Мавзолею полностью заправленный трамвай с десятью чемоданами долларов в мелких купюрах. И открыли нам коридор на Чечню.

Женщина протянула руку и несмело погладила его по волосам.

— Все такой же, — вздохнула она, мягко улыбаясь. — Все тот же Гошка Дымов. Ты совсем не изменился.

Гош судорожно вздохнул и отвернулся к стене.

— Прости, — сказал он. — Я тебя не вспомнил. У меня поражена эмоциональная сфера. Нет, что за чушь я несу! Эмоциональная сфера в порядке. Скажем, так... У меня выбиты любые воспоминания, серьезно эту сферу затрагивающие. Особенно за последние десять лет. Знаешь, Борис прав. Я всего лишь фантом. Мираж. Имитация. Голографическое изображение Георгия Дымова. Временами я даже не уверен, что это мое настоящее имя.

— Оно настоящее. Гоша, выслушай меня, пожалуйста.

Гош с кряхтением перевернулся, спустил ноги с топчана и сел рядом с женщиной так, чтобы ее даже ненароком не коснуться. Но вот глазами... Не любоваться ею было выше его сил.

— Ты красивая, — сказал Гош. — Безупречно стильная. И очень... Черт побери, мне нужно побольше на тебя смотреть. Мне это полезно.

— Если захочешь, будешь видеть меня каждый день.

— Скажи мне вот что. Ты сама пришла?

— Гош! — Взгляд женщины грозно сверкнул. Да, она умела быть сильной. И при этом оставаться удивительно женственной. Гош зажмурился. «И все-таки есть на свете лицо еще прекраснее. Ближе. Роднее. Вспомнить бы черты! Волосы цвета бронзы...»

— Ольга, — сказал он.

Женщина схватила его за плечо и властно развернула к себе лицом.

— Ну же! — почти крикнула она.

Гош мягко разжал судорожно вцепившиеся в него пальцы.

— Это всего лишь имя. Оно тебе идет. Тебя должны звать именно так. Прости.

— Встань, — тихо сказала Ольга. Гош послушно встал. Ольга подошла к нему вплотную. Закинула руки на шею. Прижалась всем телом. И заглянула в глаза.

— Поцелуй меня, — прошептала она.

— Вспомни, как ты вспоминала, — попросил Гош. — Нельзя форсировать события. Память должна вернуться сама. Зря ты это...

— Поцелуй меня.

«Какая разница?» — подумал Гош. Наклонился к ее губам. Поцелуй вышел долгим, но, увы, несколько односторонним, потому что Гош сразу почувствовал — не то. Оказывается, он прекрасно знал, что такое это самое «не то». В свое время они с Ольгой вели достаточно свободную жизнь — то он шлялся по своим Знатокам, то она разгуливала по театрам с друзьями. У нее были такие — мужчины-друзья. Симпатичные ребята, влюбленные в бронзово-рыжую красотку еще со школы. Потом у мальчишек появи-

лись семьи, но возникла потребность иногда по душам поговорить с умной женщиной. Поговорить так, как с женой не получится. Гош им от души сочувствовал. У него-то с женой все получалось. Иначе бы и брак не состоялся в принципе. В этом Гош оказался максималист.

Между ними существовало глубочайшее доверие. Они просто знали, что на стороне ничего криминального случиться не может. Даже не потому, что интрижка могла развиться в «изменнике» комплекс вины и этим подорвать гармонию, сложившуюся в их отношениях. Вовсе нет. Просто ничего «такого» быть не могло в принципе. За ненадобностью. Однажды после дичайшей попойки Гошу, которому начисто отшибло память, друзья рассказали, как его некая влюбчивая барышня за штаны тащила в постель, а он сбежал на четвереньках (иначе падал), да еще и с извинениями.

Но целоваться-то к нему по пьяни лезли неоднократно. Как правило, очень милые, симпатичные, привлекательные женщины. Других просто вокруг не было. И прежде чем Гош научился выходить из ситуации так, чтобы не обидеть хорошего человека, пара-тройка забавных эпизодов приключилась. Вот откуда он знал, что такое «не то». И нынешний поцелуй оказался «не то» типичное. Маленькая, вполне простительная ошибка. Дань вежливости. А во все не жест отчаяния, как с другой стороны. «Бедная... Неужели у нас что-то было? Вполне могло быть. Очень даже. И я уже подозреваю, из-за чего произошел разрыв. Она ведомая. А мне всегда была нужна женщина — достойный соперник. Женщина во всех своих проявлениях, умеющая и любящая уютно сворачиваться у меня на груди. Но при этом — очень яркая и цельная личность. Да, нам с Олькой было вместе чертовски интересно. Стоп! Минуточку!..»

— Ты вспомнишь... — прошептала Ольга, сладко жмурясь, когда Гош отстранился — не грубо, но уверенно. — Ты обязательно вспомнишь...

— Минуту, — Гош аккуратно высвободился из объятий. — Момент... Так... Да, разумеется.

Он уже стоял в дальнем углу комнаты без окон, приспособленной под камеру. На стене кто-то, видимо предыдущий узник, нацарапал короткое русское слово. Гош и сам

бы тут с удовольствием отметил в знак солидарности, да нечем оказалось.

— Хорошо, — сказал он, глядя в стену. — Ты... Ты прими мои извинения пока что. А там разберемся. Память ко мне возвращается. Медленнее, чем хотелось бы, но... Кстати, мы когда с тобой?..

— Мы же работали вместе, Гош.

— Где?! — От неожиданности он чуть не подпрыгнул.

— Рекламное агентство «Магия желания». Помнишь, на Солянке? Креативный отдел.

— «Магия желания»? — пробормотал Гош. — Ничего себе имечко. И все московские сумасшедшие были наши.

— Именно так. И в огромном количестве. Не сразу, конечно, но потом начался такой вал... Гош, это же была твоя идея.

— Моя?!

— Бедный Гошка... — прошептала Ольга и закрыла руками лицо.

— И что я там еще делал?

— Ты был ведущий разработчик... — Ольга начала тихонько всхлипывать. — А я организовывала фокусные группы...

— А где я учился? — спросил Гош без особой надежды на ответ.

— Не знаю. Тебя все равно с третьего курса отчислили. Но ты был социальный психолог...

— Я?! — На этот раз Гош действительно подпрыгнул.

— Угу...

В комнате воцарилось длительное молчание, прерываемое сдавленным плачем. Гош с размаху сел на топчан и схватился за голову. Через несколько минут Ольга успокоилась, села рядом, достала из кармана пудреницу и носовой платок и, отвернувшись, занялась собой.

— Ладно, — пробормотал Гош. — Оставим это. Все равно не помню. Да и не верю. Веду я себя, мягко говоря, не очень профессионально. Слушай, Оля. Ты ведь что-то мне хотела предложить.

— Да! — встрепенулась Ольга. — Гош, оставайся с нами.

— Нереально. Во-первых, этот ваш наполеончик не позволит. А потом, извини, у меня же команда.

— Борис тебя жутко боится, — подтвердила Ольга. — Но у него духу не хватит причинить тебе вред. И я не позволю. Я заставлю его, не беспокойся. Он для меня на многое пойдет.

— Пока не догадается, что между нами что-то было. У вас с ним?..

— Если честно, на грани. Не обижайся, Гоша. Я искала тебя, как могла. Ждала, сколько могла. И вот ты пришел. Теперь все будет по-другому.

— Да с чего же мне обижаться, милая...

— Правда? Гошка, ты правда не сердишься на меня?

— Конечно.

Этот поцелуй оказался еще более страстным, но и еще более односторонним.

— Ты вспомнишь! — выдохнула Ольга с убежденностью фанатика. Глаза у нее так и горели. — Ты обязательно вспомнишь.

— Разумеется. А сейчас нам что делать?

— Ну... — Ольга двусмысленно улыбнулась. — Я могла бы сказать, что именно, но я тебя понимаю. Честное слово, любимый, я не буду на тебя давить. Ты прав, все должно само вернуться.

Гош вздохнул с некоторым облегчением.

— А сейчас от тебя ничего особенного не требуется. Просто останови свою артиллерию, и все.

— Значит, они стреляют... — пробормотал Гош. У него сразу отлегло от сердца. Но в то же время проснулось беспокойство за Регуляторов, которое он до этого изо всех сил подавлял.

— Понимаешь, милый, тут непростая ситуация. Москва бурлит. Твои пушки обстреляли спальные районы, сначала на Варшавке, потом где-то в Солнцева, по-моему. Но слышно было по всей Москве. Борис выслал людей на поиски, и все группы вернулись ни с чем. А час назад твоя команда страшно изуродовала Можайское шоссе. Разбили заставу, есть погибшие. И в городе началась паника. Народ буквально обезумел. Все ждут, что следующий залп будет

по центру. Ты ведь этого хотел? Чтобы тебе принесли шкуру Бориса? Так вот, ты своего почти добился. Но Борис не уступит. Прежде чем народ возьмет штурмом Кремль, тебя силой заставят прекратить стрельбу.

— Борис мог бы уже сто раз спросить меня, на какой волне говорить с Регуляторами. И начать переговоры сам.

— Регуляторы? Это твоя команда так называется? Милый, Борис на переговоры уже не пойдет. Он же был уверен, что поймает их. Представляешь, какой удар по самолюбию?

— Ну и что дальше? Он пришлет меня любезиями к Кремлевской стене?

— Ох, Гошка, не говори так... Он все может. У него есть гвардия, человек двести, преданных, как собаки. Если понадобится, они начнут стрелять в толпу.

— А есть толпа? — оживился Гош.

— Будет. Скоро будет. Гоша, пожалуйста, останови это. Предложи сам. Все сразу придет в норму. Ты только согласишься. А все остальное я устрою. Поговорю, с кем надо. Борис не рискнет пойти наперекор мнению всего комитета. И ты сможешь остаться дома. В Москве. И твои люди наверняка тоже не откажутся. Правда?

— Комитет... Сколько вас?

— В самом комитете десять человек. А всего людей в городе пятьдесят восемь.

— Как пятьдесят восемь? Ах да, людей... А народу?

— Двенадцать тысяч шестьсот два. Не считая новорожденных. Милый, соглашайся. Хочешь для начала министром обороны? Это будет совсем легко организовать. А дальше посмотрим. Я ведь здесь время зря не теряла...

Наверное, Ольга могла бы очень красочно описать Гошу, как ему хорошо будет в Москве. Но за дверью вдруг поднялся шум, и замок лязгнул.

* * *

— А я думаю — куда ты делась, — сказал Борис Ольге. — Кое-кто из охраны об этом здорово пожалеет. Романтическая сцена? Ну-ну. Слушай, Дымов! Я, кажется, возьму об-

ратно пару слов. Ты не умник и не хитрец. А просто идиот. Кого ты набрал себе в банду?!

— Боря, — тихо позвала Ольга. — Это он.

— Что — он?! — взорвался Борис. — Какого черта?! А?! А-а... Так. Понятненько. Ну-ка, радость моя, выйди на минуточку.

— Нет, — отрезала женщина. — А то ты еще сделаешь какую-нибудь глупость.

— Все глупости уже сделаны, — отмахнулся Борис. — Вот, полюбуйся. Не знаю, чем тебе приглянулся этот тип в прошлой жизни, но сейчас... Поднимись наверх, посмотри, что там вытворяют его сумасшедшие друзья!

Гош почувствовал, как часто-часто забилося сердце. «Вернулись за мной. Надо же! А чего я ждал? Да этого самого и ждал. Надеялся, во всяком случае». Он сделал глубокий вдох и приготовился играть.

Борис сунул палец за воротник рубашки и покрутил головой. Выглядел он до крайности взвинченным. Куда-то делась его барская уверенность в себе, теперь это был просто задерганный мужик, над которым нависла увесистая проблема.

— Мне все равно, — сказала Ольга. — Я останусь здесь.

— Как же — все равно! Никому больше не все равно! Всех касается! Знаешь, Дымов, а ты везунчик. Я ведь тебя пожалел. А зря. Возьмись я устроить тебе допрос с пристрастием, ничего бы этого не было.

— Народец взбунтовался? — спросил Гош с ехидцей.

— Да народ бежит из города!!! — заорал Борис, сжимая кулаки и наливаясь кровью. — Скотина, кого ты с собой привел?!

— Не такие уж они и страшные, — заметил Гош самым невинным тоном.

— Как это — бежит? — удивилась Ольга. — Почему бежит?

— А потому, что на Красной площади стоит какая-то громадная самоходная пушка! Сзади у нее прицеп! В прицепе ядерная боеголовка! А на этой боеголовке сидит рыжая психопатка и держит кнопку! И говорит, что если через полчаса ей не отдадут ее любимого Дымова, то подо-

рвется! Ей, видите ли, все равно без Дымова жизнь не мила! И я ей верю!!!

Борис вдруг перестал кричать и сбился на хриплый то-ропливый шепот. Даже присел от натуги.

— Потому что она сумасшедшая, ну абсолютно сумасшедшая, — протараторил он. — Это надо видеть, у нее просто крыша съехала. Там еще какие-то безумные танкисты, один другого хуже, и боеголовка самая настоящая, я смотрел. Оля, ты не понимаешь, это просто надо видеть. Они взорвут город к чертовой матери, и себя тоже, им все равно, они больные, понимаешь? Он нарочно взял себе таких маньяков, чтобы они его вытащили любой ценой. Дымов, я все про тебя знаю теперь. И сегодня я, может быть, тебя отпущу. Но если сунешься в Москву еще раз — тебе конец. Обещаю. Клянусь. Сейчас тебе дадут рацию, скажешь этой ненормальной, что ты живой. И будем решать, как дальше.

Ольга внимательно посмотрела на Гоша.

— Это что еще за рыжая? — спросила она подозрительно.

— погоди. Борис, ты подходил к боеголовке вплотную?

— Да я залез на этот прицеп! И мне все очень понятно объяснили! Дымов, ну зачем?! Ты же мог сказать раньше! Или ты нарочно? Или ты хотел причинить городу максимальный ущерб? Скотина! Господи, какая же ты скотина!

— Гоша, мы же больше года здесь работаем, — сказала Ольга с укоризной.

— Проклятье! — Гош очень натурально изобразил на лице смущение и отвернулся. — Я ведь спрятал взрыватель...

— А они, значит, нашли! Ублюдки!

— Там аккумулятор есть у них?

— Не знаю, я не заметил! Но какие-то провода точно, а у этой дуры в кулаке чека зажата! Если отпустит — что будет?

— В принципе, может и рвануть... — застенчиво признался Гош. — Конечно, если они правильно все подсоединили.

— А мне плевать! — крикнул Борис. — Пусть неправильно! У меня народ разбегается! Я должен устранить эту угрозу! А как? В твою рыжую десятку снайперов целится. Ну выстрелит один, ну попадет, а дальше что? А если взрыв?! Сколько там у тебя?!

— Нам хватит. Десять. Кремль сроем до основания. Может, наконец-то библиотека Ивана Грозного найдется.

— Он еще издевается! — Борис лягнул каблуком дверь. — Эй, несите рацию!

— Подожди!

— Чего еще ждешь?! Дымов, эта соплячка уже двумя руками чеку держит!

В дверь сунулся охранник. Борис сделал знак рукой, и дверь закрылась снова.

Гош замаялся. Очень важно было не переиграть. Но и испуг Бориса мог вот-вот пройти. Мало ли, что ему в голову взбредет, когда минует непосредственная угроза? А Гош хотел выжать из ситуации максимум. Он побаивался вести с этим человеком переговоры. А вот сделать так, чтобы его немедленно вышибли из Москвы безо всяких условий...

— Нужно как-то устроить, чтобы они ушли, а я остаюсь, — задумчиво произнес Гош.

— Чего-о? — вытаращился Борис. И тут же перевел взгляд на просиявшую Ольгу.

— Боеголовки в наших планах не было. Мы ее совсем не для того готовили. Но... Понимаешь, Борис, Регуляторы на нее буквально молятся. Гордятся тем, что обладают самым мощным оружием на свете.

— Ах, еще и Регуляторы... Дымов, ты сволочь. У тебя магия величия.

— Что ты знаешь о Регуляторах? — искренне удивился Гош.

— То, что они приволокли к Мавзолею атомную бомбу, кретин!

— А-а... А я тебя предупреждал. Их нельзя оставлять без контроля. Ты меня не послушался и создал большую проблему для нас всех. И для меня в особенности.

— Я устал от твоего словоблудия! В чем дело?

— Они могут и не послушаться меня, — вздохнул Гош. — Даже если ты отдашь им заложника... Черт, Борис, ты очень правильно охарактеризовал эту девчонку. Если она взяла в банде верх, меня ждут большие сложности.

Борис довольно осклабился.

— Приятно слышать! — прорычал он.

— Погоди... Ты же умный, ты целый год держал в повиновении огромное количество «тупых». Придумай что-нибудь, а?

— Это как? — вытаращился Борис.

— Ну... Я не знаю, как теперь вести переговоры. В смысле — чтобы не отдавать меня им.

Борис остолбенел.

— Боря! — взмолилась Ольга, заламывая руки.

— В общем-то, я им больше не нужен, — тихонько сказал Гош, старательно придавая глазам влажный собачий блеск. — Если они разобрались со взрывателем...

— Боря! — повторила Ольга.

— Я-то знаю эту рыжую, — с похоронным лицом вздохнул Гош. — Сейчас ей понадобится я. А завтра ей может захотеться чего-нибудь еще. И вряд ли мне удастся восстановить над ней контроль.

Борис, тяжело дыша, строил жуткие гримасы.

— Мне казалось, что я держу их крепко, — продолжал Гош. — Я бы иначе сам в город не пошел. А ты все сломал. Вот и доигрался. Круче всех теперь не ты, а девчонка с бомбой.

Борис наконец обрел дар речи. Зарывав, он схватил Гоша за грудки, сдернул с топчана и принялся мелко трясти.

И потащил к двери.

Гош начал вырываться, бормоча: «Да постой ты... Ну придумаем что-нибудь... Да постой же, я сказал!» Подскокившая Ольга вцепилась в Бориса.

— Охрана! — заорал тот.

В камеру вбежали несколько автоматчиков.

— На площадь его! — приказал Борис, толкая Гоша им в руки. — Поставить у Мавзолея и ждать команды!

— Не смей! — крикнула Ольга.

Гоша скрутили и поволокли наверх. А Борис от души залепил Ольге пощечину.

— С тобой мы еще поговорим! — зловеще пообещал он.

И тут же схлопотал по физиономии в ответ.

— Тогда я с ним! — прошипела Ольга. — С ним уйду!

Борис схватил ее за руки.

— Нет!

— Да! Пусти меня!

— Оля! Ну, извини... Погоди, остынь. Зачем тебе это? Ты же видишь, он не в себе.

— Он вспомнит! — крикнула Ольга. — Он вспомнит меня!

— Да посмотри же ты правде в глаза! Ему это не нужно! — произнес Борис мягко, но настойчиво. — У него банда, а в банде одни сумасшедшие. Это только кажется, что он человек... На самом деле он так и не «проснулся». Ну, Оленька... Прости меня!

Ольга рванулась, но Борис не пустил ее. Притянул к себе и крепко обнял.

— Я же так люблю тебя... — прошептал он. — Подожди чуть-чуть, и все наладится. Все будет как прежде. Единственная моя... Как он себя вел! Ему больше ни до кого нет дела, только бы выжить. А я... А я на все готов ради тебя.

Ольга перестала вырываться и заплакала.

* * *

Женя сидела на мостках, болтая ногами в теплой воде, и смотрела, как носится через Волгу туда-сюда маленький желтый скутер. Иногда Цыган закладывал такие виражи, что казалось — вот-вот перевернется.

С другой стороны реки вниз от моста спустился Гош. Женя подняла бинокль и разглядела у него на плече большой светло-коричневый ящик. Цыган лихо подрулил к берегу, обрызгав друга с ног до головы. Женя рассмеялась.

Она перевела взгляд на мост и увидела, что с баррикады на нее тарашатся в стереотрубу. Показала «тупому» кулак. Тот в ответ радостно помахал рукой.

Скутер подлетел к мосткам, и Женя взвизгнула, когда ее окатил душ. Цыган кровожадно ослабил. Гош спрыгнул в воду, дошлепал до берега и поставил на песок свой ящик. Кроссовки висели у него на шее, связанные шнурками.

— Ты как? — спросила Женя. — Нормально?

— Да, — ответил Гош с легким удивлением в голосе. — А что могло случиться?

Он сел на мостки рядом с девушкой и принялся обуваться. Женя незаметно придвинулась к нему поближе.

— Я всегда беспокоюсь, когда ты ходишь в город, — призналась она. — Пусть ребята нам друзья, но все-таки — «тупые».

— Отвыкай! — посоветовал Цыган и крутанул ручку газа. Скутер встал на дыбы и унесся в сторону моста. Сверху в него полетели банки из-под пива. Цыган принял вызов и начал крутиться на месте, ловко уворачиваясь от обстрела.

— Правильно сказал, — кивнул Гош. — Эх, сестренка, если бы не эта безумная агрессия, с которой мы проснулись... Столько всего можно было бы изменить с самого начала! Как вспомню — сердце разрывается. И Сан Сеич мог бы уцелеть, и Белый... А главное — руки могли остаться чистыми. Жили бы сейчас на ранчо, ты бы меня учила с лошадьми обращаться. Ладно, ничего уже не вернешь. А насчет города ты зря. Мне там ничего не угрожает. И вообще — никому из нас. Больше не угрожает.

— Зачем тебе этюдник? — Женя кивнула на ящик. — Будешь рисовать?

— Ага, — Гош, прищурившись, окинул девушку взглядом. Кожа Жени была уже не белой, ее теперь покрывал ровный и очень красивый загар. По обнаженной груди скатывались капельки воды. Чуть-чуть макияжа на лице, стильно уложенные волосы, почти невидимые трусики... и новенькая, но хорошо пристрелянная снайперская винтовка под рукой. Амазонка. Джейн-Беда никак не хотела расставаться со своим имиджем грозы фронта. Она все еще боялась «тупых».

— Я напишу чудесную вещицу, — проворковал Гош. — Назову ее «Обнаженная с ружьем». И повешу над камином. Пусть согревает наши души тоскливыми зимними вечерами... Будешь мне позировать?

— Совсем обнаженная и с ружьем? Это вам недешево встанет, сударь!

— Н-да... А жаль, что я не умею рисовать.

— Тьфу!

— Пардон. Разбил я девичьи надежды... Извини. Мне просто захотелось проверить одну старую догадку. Полгорода облазил, пока не догадался в музей зайти.

Женя покосилась на этюдник и вздохнула.

— А где у нас Большой? — поинтересовался Гош.

— Обед готовит. Костя в мастерской с «Лендровером» возится.

— Не доломал бы... Ох, Женечка, сколько же проблем нас ждет впереди... Сползание в каменный век. Аккумуляторы дохнут, бензин найти все сложнее. Ну, допустим, перейдем на дизели, будем машины с горки толкать. А дальше что? Как представлю, так за голову и хватаюсь. Никуда не денешься, придется организовывать крестьянское хозяйство.

— Ты для этого «тупых» приручил?

Гош сделал неопределенное движение бровью.

— Вряд ли это можно назвать «приручил». Скорее попытался выстроить нормальные отношения. Но в перспективе — да, рабочая сила понадобится. Только учти — если увидишь, что получается тульский или московский вариант, хватай берданку и стреляй мне в лоб.

Женя протянула руку и взъерошила его волосы.

— У тебя не получится, — улыбнулась она. — Ты хороший.

— Хороший, плохой, злой. Клинт Иствуд, Ли Ван Клифф... А кто же в роли злого? В роли злого будет Костя. По-моему, он скоро начнет кусаться.

— Ему в Москву хочется. Пожалей ты его.

— Кому не хочется? Осенью посмотрим. А сейчас, радость моя, придется вам заняться делом. Как только будет машина — черт с ним, с «Лендровером», «Жигули» какие-нибудь заведем. Сориентируйся по карте и наметь район поиска. Я уже спрашивал в городе, они не знают. Придется самим искать.

— Коневодческое хозяйство? — Женя вся подобралась.

— Я точно помню, здесь в окрестностях было что-то похожее. Кажется, на том берегу. Несколько дней еще отдохни, и давай. Я выхода другого не вижу, понимаешь?

— Да его и нет. Скоро все на лошадей пересядут. Тут-то мы и подсуетимся. Я как раз собиралась тебе сказать. Не переживай, справимся.

— Ловить, заново приручать... А дальше само пойдет — коровки-овечки, сено, навоз... Куры! Свиньи! Будь она

проклята, эта технологическая цивилизация! Ну почему я так не люблю крестьянскую работу?!

— Ты вообще работать не любишь, — утешила его Женя.

— Угу. А чего я люблю?

— Ничего. И никого! — Женя встала, подобрала свою винтовку и пошла наверх, к коттеджу, над которым поднимался легкий дымок. Спина ее выражала крайнюю степень неодобрения.

К мосткам подрулил Цыган. Заглушил двигатель, прыгнул в воду и накрепко привязал скутер к поручням.

— Тоска, — сообщил Гош.

— Не обижай девочку. Кончится тем, что она уйдет.

— Вряд ли. Ее ждет громадный табун лошадей.

— А немного любви ее не ждет? — прищурился Цыган. — Хотя бы капельку?

Гош с кряхтением распрямился и повесил этюдник на плечо.

— Не трогай меня, ладно? — попросил он. — А то уйду я.

— Что еще за глупости... — Цыган смутился и отвел взгляд.

— Это серьезно. Думаешь, мне легко? Думаешь, я не чувствую, как всем после Москвы тошно? Называется, прогулялись за воспоминаниями... Навели дикий шухер и еле ноги унесли.

— Ближе к осени просочимся, — сказал Цыган убежденно. — Ползком, на брюхе. По сантиметру в час. Но пройдем.

— А может, не надо? — спросил Гош. Цыган удивленно на него посмотрел и увидел, что тот говорит на полном серьезе.

— Как это — не надо?..

— Вообще. Начать с чистого листа. Забыть к чертовой матери все из прошлого, что нас беспокоит. Сделать вид, что этого прошлого не было. Перестать выживать. Начать жить... Хорошая была формула. Вот только мы не успели...

С этими словами Гош повернулся и начал взбираться на гору по извилистой тропинке. Цыган пристроился ему в спину.

— Какая еще формула? — спросил он, пытаясь и оскальзываясь.

— В девяностые годы... впервые прозвучала... мысль о том... — Подъем был крут, и Гош слегка задыхался. — Чем

наше поколение... отличается принципиально... от поколения наших родителей... Они привыкли выживать... а мы собирались нормально жить... К сожалению, не успели... Может, теперь начать?

Цыган обогнал Гоша и открыл ему калитку.

— Разве это жизнь, — пробормотал он. — Форменное выживание.

— Значит, не судьба?

— Похоже. Карма у нас поганая. Наверное, платим за грехи предыдущих генераций.

Они миновали сад и подошли к коттеджу. Во дворе зеленой угловатой глыбой понуро жарился на солнце миномет. Вид у машины был заброшенный и усталый.

— Слушай, Любен... Вот ты, образованный человек, настоящий европеец. Неужели не задумываешься над тем, что будет дальше? Ну подскажи ты мне хоть что-нибудь! — взмолился Гош. — Какой у всего происходящего смысл? Может, есть какая-то сверхзадача, которой я не вижу?

— Меня зовут Цыган, — сказал Цыган. Как отрезал.

— Значит, ты готов остаток жизни выживать?

Цыган шевельнул плечами. Не то пожал ими, не то поежился.

— А я — нет! — выпалил Гош.

Цыган усмехнулся.

— Тем не менее ты нашел эту штуку и приволок ее сюда, — заметил он, указывая на этюдник. — Хватит, Гошка. Хватит себя обманывать. И у тебя все тоже перегорит. Может, позже, чем у остальных, но все равно — перегорит.

— И что тогда? — осведомился Гош холодно.

— И тогда Женька наконец-то будет счастлива.

— А я?

— Поменьше думай о себе, — посоветовал Цыган. — У тебя люди еле дышат. Молодая интересная женщина скоро с ума сойдет. Черт побери, у тебя целая община «тупых» на шее повисла! Сам напросился, никто не заставлял. Кто сказал, что ты имеешь право ударяться в депрессию? Нет у тебя этого права. Так что давай... Выработывай позитивное мироощущение. Лидируй. Рули.

Гош подошел к стене дома и уткнулся в нее лбом. Кирпичи оказались теплые, и легче не стало.

— Если бы я хоть приблизительно знал, где можно искать... — прошептал он. — Цыганище, ну как же ты не понимаешь! Я умираю по сто раз на дню. И ничего не могу с этим поделать. Вся моя жизнь сосредоточилась в одной женщине. И теперь ее нет. Если бы мы расстались по доброй воле, если бы она сама ушла... Тогда я еще мог бы как-то смириться с потерей. А так — никакого просвета впереди. Никаких шансов! Один на миллион. Все равно что ноль. И как же мне жить теперь? Зачем? Ради вас? А вы этого стоите? А я? Я стою того, чтобы вы меня терпели, жалели, такого... Меня же нет больше, Цыган! Это вообще не я, это моя пустая оболочка.

— Гошка, не дури, — раздалось из окна.

Гош отлип от стены, подошел к окну и, не глядя, сунул деревянный ящик на подоконник. Уселся на бетонный фундамент коттеджа и спрятал лицо в трясущихся ладонях.

— Мы будем тебя и жалеть, и терпеть, — сообщил из окна Большой, громыхая кастрюлями. — Ты же нас терпишь? Вот. А это что еще? Консервы? Ну-ка...

Раздался шорох — Большой легко, как пушинку, взял с подоконника ящик. Шелкнули отбрасываемые крючки. И воцарилась тишина.

— Стоять! — крикнул Цыган. — Не падать!

— А что это? — очень тихо спросил Большой.

— Ты же догадался. По глазам вижу.

— Я не знаю, — сказал Большой почти шепотом. — Я не знаю...

Он медленно закрыл этюдник, аккуратно поставил в угол и вернулся к плите. Цыган сплюнул под ноги и скрылся за углом.

Под окном тихонько всхлипывал Гош.

Женя сидела на крыльце, нервно жуя сигаретный фильтр. Гардероб девушки обогатился солнечными очками. На Цыгана она никак не отреагировала. Из гаража доносился металлический лязг.

— Эй, кто-нибудь! — позвал Костя голосом утопающего.

Цыган заглянул в распахнутые настежь гаражные ворота.

— Чего? — спросил он у конвульсивно дрыгающихся ног, торчащих из-под «Лендровера».

— Там ключ лежит с трещоткой. Будь другом...

— На.

— Да нет, мне рук не хватает. Затяни тут пару гаек!

Цыган нырнул под машину.

— У этой хваленной британской техники... — пожаловался Костя. — Уфф... Возможности двигателя в несколько раз больше, чем то, что может трансмиссия. Когда на таком вот «Дефендере» наши лезли на Эльбрус, у них тоже привод рвался несколько раз. А инженеры с «Ровера» сказали — мол, сами виноваты, ездить нужно уметь. Интересно, как это мы так ездим? Ох, спасибо. Дальше я сам. Ну, какие новости? Грустные и ужасные?

— Примерно. Женька психует. Гошка совсем от тоски извелся.

— Еще бы... Цыган, ты поставь себя на его место. Так, на минуточку.

— Да не могу я.

— Рассказать, что это такое?

— Не стоит.

— Ну и пошел отсюда! — взорвался Костя. — Теоретик!

Цыган надулся и выбрался из-под машины.

— Мне каждую ночь моя Ленка снится! — донеслось ему вслед. — Я в прошлой жизни, между прочим, вообще не плакал! Никогда! А теперь реву ежедневно! Детский сад, вторая группа... Тебе здесь что-то не нравится?! Ну и вали в свою Болгарию!

— И уеду! — пригрозил Цыган.

— Давай! И эту... нудистку с винтовкой забирай! Чего она к Гошке пристала, видит же — и так погибается человек! Счастливые, одинокие, холостые, незарегистрированные, безлошадные... Не мозольте глаза!

— Юпитер, ты сердисься — значит, ты не прав.

Костя что-то со скрипом повернул и высунул из-за колеса чумазое лицо.

— Я не Юпитер, — сказал он веско. — Я Костя Кудрев из Кузьминок. И чего-то сверхъестественного не прошу. Оставьте богу, что ему там полагается, а мне, пожалуйста, верните мою любимую бабу. Я за нее на дуэли не хуже

Пушкина дрался. Три зуба потом вставил. Ясно тебе? Пошел отсюда, кому сказано!

Цыган выскочил из гаража как ошпаренный. Ему захотелось кому-то пожаловаться на всеобщую несправедливость и объяснить, что он ничего худого и не думал. Поэтому он отправился искать Женю, которая ушла с крыльца, против обыкновения забыв на нем снайперку.

Женя нашлась под кухонным окном, где все еще сидел Гош. Он уже не всхлипывал, но лицо его было усталым и мертвенно-бледным, а остекленевший взгляд уперся в никуда. Женя обнимала его за плечи, гладила по голове, целовала в волосы и что-то шептала на ухо. А через подоконник свисал Большой и понуро рассматривал эту душераздирающую картину. Цыгану стало окончательно стыдно и тоскливо.

— Я на мост, — буркнул он. Ушел за гараж, снял с подножки мотоцикл, пнул ногой стартер и с места дал полный газ, ставя машину на одно колесо.

Баррикада на мосту (всего-то перевернутый грузовик и сдвижной шлагбаум) встретила его громкой музыкой и радостным воплем. В первые дни всеобщего пробуждения здесь образовалось подобие таможни, где встречали приезжих со стороны Петербурга. В зависимости от поведения гостя его с равным энтузиазмом могли и приветить, и ухлопать. Конец работе чек-пойнта настал год назад, когда на мост въехал некий Георгий Дымов, тогда еще совсем безмянный и неумеренно злой человек. Он местным как-то сразу очень не понравился, о чем они поставили его в известность, не стесняясь в выражениях. Гош принял обиду близко к сердцу. А поскольку он уже стоял ногами на грузовике, обозревая противника сверху вниз, и чей-то ствол как раз поворачивался в его сторону... Гош справедливо предположил, что его сейчас могут убить, и одной длинной очередью завалил четверых, а остальные разбежались сами. До сих пор Гош заметно менялся в лице, глядя на эту баррикаду. По его словам, он потом несколько часов весь трясся. Чудом ведь уцелел... У Цыгана на этот счет было свое мнение. Он хорошо помнил себя едва очнувшимся и легко мог представить, с какими мыслями Гош лез на грузовик. Увидев препятствие, Дымов пошел его устранять.

А бедолаги «тупые» первым делом хотели познакомиться. И пока они разглядывали чужака, тот прикидывал, как ловчее расчистить себе дорогу. Так что уцелел Гош вовсе не чудом, а, если можно так выразиться, злом.

Теперь на чек-пойнте несли службу просто так, на случай непредвиденных обстоятельств. Гостей со стороны Питера не было уже сто лет. Но месяц назад через мост лопнула банда вооруженных оборванцев, промышлявшая до этого на той стороне реки и даже спалившая зачем-то пустую бензоколонку. Налет удалось отбить, банда, похоже, рассеялась, а на баррикаде шел повальный кутеж, стихавший только при появлении лидера общины, который дисциплину насаждал с помощью кожаного ремня. Звали лидера Дядя Федор, и самой яркой его чертой было удивительное, православное какое-то добродушие вкупе со стремлением ко всеобщему порядку. «Тупые» Дядю Федора обожали. А Георгия Дымова, слава богу, в лицо здесь никто не запомнил. Так что он слегка поднапрягся — и его тоже полюбили. А заодно и всю команду Регуляторов. Особенно после того, как тверские девчонки переняли у Жени ее манеру загорать.

Цыган отдал мотоцикл покататься, за что был вознагражден бутылкой теплого пива. Уже через минуту он отплясывал некое подобие канкана в обнимку с хохочущими девицами, и очень скоро одна из них, стройная и черноволосая, увела его в город, туда, где знала подходящий дом с подходящей кроватью.

Прежде чем ему окончательно полегчало, Цыган успел подумать, какой же он был раньше дурак. Конечно, «тупые» за прошедший год основательно подросли, они стали человечнее и многое вспомнили. Но все равно, на самом деле проблемы общения между «тупыми» и «проснувшимися» не было и раньше.

Просто, в отличие от «тупых», «проснувшиеся» чувствовали себя обманутыми, брошенными, несправедливо обделенными. И «тупые» оказались для них болезненным напоминанием о том, что когда-то этот мир был совсем другим.

А нужно было всего лишь поменьше задирать нос.

* * *

На высоком холме стоял раскрытый этюдник, а перед ним огромный мужчина задумчиво грыз черенок кисточки. Неподдалеку пасся стреноженный конь.

Вдалеке над дорогой появилось облако пыли. Через несколько минут облако приблизилось, и стало видно, что его тянет за собой маленький красный джип. Машина подкатила к холму, притормозила, облако догнало ее и заволокло до полной невидимости.

— Здравствуйте! — раздалось в эпицентре облака. — Извините! Кхе! Тьфу! Ой, минуточку!

Из пыли выскочил, отплеываясь и тряся головой, молодой человек в камуфляже.

— Извините, что побеспокоил! Вы не скажете, далеко еще до поворота на Камыши?

— А зачем вам Камыши? — пробасил Большой подозрительно. Одну руку он сунул в этюдник и что-то там сжал.

— Ого! — воскликнул молодой человек. — Какая встреча! Собственно, чего я ждал... Здравствуйте! Пардон, так и не знаю вашего имени.

— Игорь. Но лучше — Большой. Не ошибетесь.

— Да уж. Слушайте, э-э... Большой. Отпустите вашу пушку, я безоружен. Я, собственно, в гости к вам. К Георгию. Мне Дядя Федор сказал, как проехать.

Большой медленно вынул руку из этюдника. В кулаке у него оказалась пачка сигарет.

— Видите ли, Олег, — произнес он менторским тоном. — Нездоровая подозрительность... Да, именно так, нездоровая подозрительность. В наших местах не одобряется. Здесь оружие носят открыто. Или не носят вовсе. Закон фронта.

— Закон чего? — переспросил Олег.

— Фронта. Приграничной территории. Если ходишь с пушкой — будь готов к тому, что другой такой же может в тебя выстрелить.

— А если без пушки?

— Значит, до тебя нет дела вооруженным людям. У них свои разборки.

— Узнаю мечтателя Дымова! — хохотнул Олег. — Как он?

— Плохо. — Большой закурил и отвернулся к этюднику.

— То есть? — насторожился Олег. — Болеет?

— Тоскует. А вы-то зачем сюда?

— Ищу друзей, — сказал Олег с подкупающе искренней интонацией. И широко улыбнулся. Чуть виновато — будто извиняясь за то, что до сих пор не нашел.

Большой удивленно на него покосился.

— Здесь-то откуда? — пробормотал он. — Вам разве в Твери не сказали? Нас всего-навсего восемь человек. Правда, к осени некоторые собираются жениться...

— Вы не поняли, — снова улыбнулся Олег. — Я не занят поисками кого-то особенного. Я просто ищу друзей.

— А-а... — протянул Большой глубокомысленно. — Не понял. Но все равно. А на Камыши вы едете правильно.

— Значит, там увидимся? — спросил Олег полуутвердительно. — Конечно, если Георгий меня не прогонит.

— Сразу — не прогонит. — Большой взял кисть в руки и склонился над работой.

— Посмотреть можно? — Олег попытался заглянуть Большому через плечо, но задача оказалась ему не по росту.

— Нельзя, — отрезал Большой.

— Ну, тогда до свидания.

— Угу.

Олег пожал плечами и ушел к своему джипу.

Большой повернулся ему вслед.

— Ты это... — сказал он. — Олег! Слушай, я тебя здорово стукнул тогда. Извини. Так получилось.

— Да ничего, бывает. Ты, старина, ударил совсем другого человека. Это был не я. Поэтому извиняться тебе незачем. Но все равно — спасибо.

— Я больше не буду, — пообещал Большой.

Олег снова поднялся на холм и протянул ему руку. Большой крепко ее сжал, повернул Олега к этюднику и великодушно разрешил:

— Смотри.

Олег глянул и обомлел.

— Какой чудесный портрет... Да у тебя, однако, талант, дружище! А я думал, ты пейзажами балуешься, — Олег махнул рукой в сторону живописного перелеска.

— По-моему, неплохо, — согласился Большой, с нежностью разглядывая свое творение.

Олег посмотрел на него снизу вверх и усмехнулся.

— Она мне тоже сразу понравилась, — сказал он. — Удивительная девчонка.

За поворотом на Камыши, примерно через километр, обнаружился пограничный столб, раскрашенный в красно-белую полоску. Венчала его табличка. Олег затормозил, переждал небольшую пыльную бурю, опустил стекло и высунулся наружу.

«Друг! — гласила надпись. — Приветствуем тебя на земле Регуляторов. До ранчо «Камыши» три километра. Если ты едешь к нам — пожалуйста, не держи оружие в руках. Тебя могут неправильно понять».

— Узнаю Дымова... — пробормотал Олег.

Судя по всему, в прошлой жизни ранчо «Камыши» было коневодческой базой и развлекательным центром для состоятельных господ. За высоким забором из металлической сетки стояли аккуратные коттеджики и высилось административное здание весьма прихотливого дизайна. Вдалеке просматривались какие-то загоны и длинные приземистые строения барачного типа, как предположил Олег — конюшни. Замка на воротах не оказалось, Олег въехал на территорию и неспешно покатил вперед.

Перед одним из коттеджей оказалась запаркована понурая кляча. Олег подрулил к крыльцу. В распахнутом окне шевельнулась занавеска.

— Бонжур! — крикнули из-за занавески. — Привьет! Момент, я сейчас!

Олег подобрал отвалившуюся челюсть и счел за лучшее пока что машины не покидать.

На крыльцо вышел некто лет сорока в классической одежде американского ковбоя. Вплоть до шпор и кожаных накладок на джинсах. Разве что без «кольта», зато с «калашниковым» под мышкой.

— Чьем могу быть польезен? — осведомился ковбой. — Меня зовут Морис.

— Э-э... Меня зовут Олег. Не подскажите, где я могу найти Георгия Дымова?

— Третий дом отсюда, пожалуйста.

— Ага... Спасибо. То есть мерси.

— SVP, — небрежно бросил ковбой. Шагнул с крыльца, обошел машину и, помахивая автоматом, направился к дрыхнувшей у забора кляче. Олег, чувствуя себя полным идиотом, вывел джип на дорогу. Сзади раздался воинственный клич Мориса и дробный цокот копыт. Олег бросил взгляд в зеркало. Там уходила за горизонт дохлая лошаденка. Разгонная динамика у нее оказалась на уровне гоночного болида.

— Ничего не понимаю! — сказал Олег громко. — Ничего не понимаю!

В третьем коттедже дверь была заперта.

— Эй, есть кто-нибудь дома?! — крикнул Олег. — Ау! Георгий!

Он обошел здание и оказался в небольшом уютном садике.

— Здравствуй, — раздалось сзади.

Олег подпрыгнул и обернулся. В тени под стеной дома стоял небольшой столик, а рядом в шезлонге сидел Гош. На коленях он держал пухлую тетрадку, заложенную перьевой ручкой.

Олег поставил на стол бутылку коньяка.

— Здравствуй. Вот, пришел должок вернуть.

Гош внимательно разглядывал Олега. Видимо, осмотр его удовлетворил, потому что он отложил свою тетрадь и взялся за бутылку.

— Экстра олд. Коньячные спирты шестнадцатилетней выдержки. Ну что же... Давно тебя жду.

— Дядя Федор радировал? — догадался Олег.

— Конечно. Заходи в дом, — Гош ткнул пальцем в сторону черного хода, — бери шезлонг. Стаканы в кухне на столе.

Олег принес стаканы и легкое кресло. Гош откупорил коньяк.

— А что за должок? — спросил он, разливая выпивку.

— Ты же сказал — если снова встретимся, с меня бутылка. За то, что не убили.

— Разве? Умный я. Ну, будь здоров.

Они чокнулись и пригубили напиток. На несколько

минут воцарилось молчание. Гош потягивал коньяк и искоса присматривался к Олегу, тот его не торопил.

— Ты какой-то не такой, — не выдержал Олег наконец.

— Да и ты на себя похож не особенно, — парировал Гош.

— Мемуары пишешь? — Олег кивнул на тетрадь.

— Да. И собираюсь заставить остальных. Мало ли что. Мы очень быстро меняемся. Я начал писать, когда понял, что стоит мне вспомнить, как я вел себя в Туле той памятной весной, тошнить начинает от отвращения к себе. Решил зафиксировать историю своего квеста, пока не поздно. А то вдруг не смогу восстановить? Из-за отвращения...

— Квест — это такая компьютерная игрушка?

— Квест — это поиск, но в широком толковании. Рыцарский подвиг, например. Странствие, тесно сопряженное с познанием.

— Как ты изменился, Дымов... — пробормотал Олег.

— На себя посмотри. Чего приехал?

— Ты же знаешь.

— Верно. Знаю. Ну что же, попробуй задержаться тут. Надеюсь, ребята не будут возражать. Они тоже... изменились.

— А что это у вас за прибавление семейства? Долгожители какие-то бродят... Нерусские.

— Видел Мориса? — оживился Гош.

— Да уж. Что такое SVP?

— Силь ву пле. Колоритный тип этот Морис. Фамилия у него хорошая — Мутон. По-нашему Баранов. Полковник французских ВВС, между прочим. Летчик-космонавт, отличный мужик. Я бы на его месте с ума сошел. Вот представь — сидишь ты на орбитальной станции. Точнее, вишишь на стенке. Давишь храпака. Утром проснулся, а Земля молчит. Смотришь вниз и видишь, что там горит очень мало лампочек. А потом и вовсе темнота. Жуть. Болтаешься неделю, две, пытаешься сообразить, что происходит... Наконец садишься на ручном управлении в эту темноту. И видишь, что кругом одни мертвые. Весело, да?

Олег подавленно кивнул.

— Хорошие мужики космонавты, — вздохнул Гош. — Жалко, уйдут завтра. У них уже самолеты запропалы. Все не могут успокоиться, скачут на двух «Сесснах» целый год

по планете... Сначала детей искали, потом уж не знаю что. Смысл жизни, наверное.

— По планете? — Олег налил себе коньяку и залпом выпил.

Гош зевнул.

— Теперь в Америку, — сообщил он. — Через Берингов пролив. Отговаривал, как мог, но это же взрослые люди, кто я им? Наоборот, еще других соблазняют. Дядя Федор чуть было не согласился. Зачем я ему, дураку, про Диснейленд рассказал...

— Безумие! — воскликнул Олег. — Безумие... Господи, неужели по всему миру то же самое?!

— Расслабься, — посоветовал Гош. — Бери пример с меня. Видишь, сижу, никого не трогаю.

— Ты что делаешь-то?

— Сижу, — повторил Гош. — И даже почти не пью. Учусь ездить на лошади. Три раза в неделю катаюсь в Тверь, веду там группу. Помогаю ребятам вспоминать. У них получается. Вот так. Расскажи лучше о себе.

— Да у меня все нормально. Езжу, ищу симпатичных людей. Пару раз приставал к командам наподобие твоей, но все было не то.

— В Тулу не вернулся?

— Там хорошо теперь, — вздохнул Олег. — Примерно как в Твери, только, может, организации побольше. От Главного кое-какие навыки остались. Перезимуют нормально. Только мне там... больше не место.

— А что Главный? — спросил Гош.

Олег с кряхтением отвернулся.

— Понятно, — Гош потянулся к бутылке.

— Что тебе понятно? — рыкнул Олег. — Я догнал его! Развязал! А потом мне стало плохо. Он ушел. Все, я больше его не видел. Может, он до сих пор где-нибудь... По деревьям прыгает.

— Ты как Москву обогнул? — сменил тему Гош, пододвигая Олегу стакан. — Без эксцессов?

— Машину пришлось менять. Радиатор вдребезги. Даже рот открыть не дали. Подъехал метров на триста, а они как из пулемета врежут... Такой, знаешь, очень ненавязчивый предупредительный огонь. Ушел пригородами на север, а

потом думаю — съезжу-ка на родину! Вот, собственно, и все.

— Ладно. — Гош поднял стакан: — Забудем прошлые обиды?

— Забудем, — Олег чокнулся с ним и снова опрокинул стакан залпом.

— Мы в Москве не справились. Московский лидер сильнее меня, — признался Гош. — А ты, выходит, питерский?

— Из Сестрорецка.

— Значит, тебе Москва ни к чему, — произнес Гош с непонятной интонацией.

— Собираешь экспедицию? — усмехнулся Олег. — Расскажи, как там, в Москве. Глядишь, на пару что-нибудь и придумаем.

Гош снова зевнул.

— Давай нажремся! — вдруг предложил он. — У меня завалялись батарейки, так что можно организовать музыку. Водки море, закуска тоже есть. Нажремся, а?

— Ты что?! — обеспокоенно спросил Олег, заглядывая Гошу в лицо. И тут понял, какая именно перемена в Дымове так его поразила с самого начала. Дымов размяк. Прежний Гош, собранный и резкий, энергичный, готовый к защите и нападению, острый на язык и артистичный, — исчез. За одним столом с Олегом сидел некто очень плавный в речах и движениях, ленивый, неповоротливый. То ли просто смертельно усталый, то ли вообще уже мертвый.

— Очнись, Дымов! — попросил Олег. — Я же тебя знаю!

Но Гош только посмотрел, и у Олега сразу пропала всякая охота чего-то добиваться от него. Олег совсем не знал этого человека. Больше не знал.

* * *

Регуляторы вернулись на закате. Олег, сидя на крыльце дымовского коттеджа, слышал, как они разводят по стойлам лошадей, о чем-то устало переговариваются... На ранчо царил удивительный покой. Такой атмосферы Олег еще нигде не встречал. Невольно он задумался — а каково было на ТОМ ранчо, уничтоженном по приказу Главного. И в который раз к горлу подкатил комок. Если бы Олег тогда

вмешался, хотя бы просто отправился на ферму Корсакова вместе с карательной группой, многое сложилось бы иначе. Во всяком случае, так Олег думал теперь.

За конюшней визжали и брызгались водой. Олег, борясь со смущением, закурил. Он был уверен, что сейчас в этот дом придет Женя, и понятия не имел, как с ней говорить. Ему было стыдно. За все — начиная с того, как по-хамски он читал ей мораль в Туле, и кончая гибелью невинных людей. А еще он помнил, с каким омерзением девушка смотрела на него, требовавшего «рыжую в заложницы».

— Ну, мы подойдем! — крикнул вдалеке кто-то.

— Давай! — отозвался до боли знакомый голос. Олег зябко поежился и отполз по крыльцу на самый краешек. «Не положено незваному гостю по-барски рассиживаться в вальяжной позе. Незваному гостю следует быть скромным и застенчивым...»

На дорожке показалась Женя — в майке, джинсах и тапочках, с мокрым полотенцем на шее. Волосы у нее теперь были гораздо длиннее, чем в дни тульского противостояния, и Олег восхищенно охнул. Женя тоже переменялась, как и все вокруг. А может, просто немного повзрослела.

— Здравствуй, — тихонько сказал Олег.

— Привет. А... Ничего себе! — Женя остановилась и зачем-то взяла полотенце в руку.

— Вот, приехал... С извинениями. Пытаюсь набиваться в друзья.

Женя медленно намотала полотенце на кулак, и Олег вобрал голову в плечи.

— Я теперь совсем другой, — сообщил он на всякий случай. — Ты даже не представляешь, насколько.

— Да это видно, — Женя подошла ближе и уселась на крыльцо рядом с Олегом. — Ну, раз приехал — здравствуй. Надолго к нам?

— Как получится. Гош сказал — если вы не против...

— Кстати, где он?

— Здесь, — сообщил Олег дипломатично.

— Спит?

— Да. У него был очень усталый вид.

— Опять напился?

Олег смущенно развел руками — мол, это ваши дела, а я здесь ни при чем.

— Плохо с ним? — спросил он осторожно. — Я заметил, Гош теперь совсем другой.

— Да он никакой! — зло сказала Женя и надолго замолчала. Видно было, что в дом ей идти уже не хочется.

— А где обещанные космонавты? — поинтересовался Олег в надежде переменить тему.

— Морис пасет, Серебряков с Димой сено возят. А вечером хотят в ночное уйти, посидеть напоследок у костра. По-моему, им с нами тоскливо. Здоровые дядьки, у каждого дети были наших лет. Мы для них как немой укор, что своих не уберегли.

— Ну разве они виноваты...

— А какая разница?

— Наверное, да, — согласился Олег. — А что, пусть летают. Может быть, они в конце концов и докопаются до правды. Расскажут нам, что же это все-таки было. Война, авария, диверсия...

— Какая разница? — повторила Женя. Встала и медленно пошла от дома. Олег удивленно смотрел ей вслед. Он-то думал, что это и ее дом тоже.

На дороге показались старые знакомые, имен которых Олег не запомнил.

— Ты куда? — спросил Женю смуглый и черноволосый.

— К себе, — хмуро ответила девушка. — Полежу немного. А вы идите. Там Олег приехал. Олега помните? Ну, из Тулы.

— Ого! — Смуглый бросил короткий взгляд в сторону крыльца. — Здорово, вражья морда!

— Салют победителям! — отозвался гость.

— Понимает! — заметил второй мужчина. — Это правильно. А Гошка, значит, того-с... Ладно, Женечка, мы потом тебя позовем, хорошо? Между прочим, Регуляторы, а где наш Большой друг?

— Так у него же выходной.

— Все равно пора бы вернуться.

— А пойду-ка я в город звякну. Может, он там с очередной Джокондой застрял.

— А рация у него зачем?

— Костя, это же художник. Творческая натура. Порыв вдохновения, красивая модель. Бывает.

— Я схожу позвоню. А вы пока гостя развлекайте, — сказала Женя и ушла к административному зданию. Мужчины переглянулись и направились к крыльцу. У смуглого в руках оказался пакет, судя по очертаниям, набитый бутылками и консервными банками.

— Цыган, — представился он. — А это Костя.

— Вот и познакомились, — улыбнулся Олег, пожимая им руки. — Господа, я перед Георгием уже извинялся, как мог. И вы тоже, будьте добры, не держите зла. Со мной за последний месяц столько всего произошло... Как заново родился. Считайте, что в Туле имели дело с кем-то другим.

— Я так понимаю, со всеми что-то происходит, — Костя зевнул. — Наверное, вирус проклятый наконец-то выдохся. Мы тоже, Олег, уже не те, что прежде. То есть голову оторвать можем. Но почему-то больше не хотим.

— Пора обмыть это дело, — заметил Цыган. — Ну-с, уважаемый коллега, где наши десять баксов? Где аннексии и контрибуции?

— Сейчас! — Олег почти бегом кинулся к машине.

Костя и Цыган переглянулись.

— Похоже, Гошка опять запил.

— Ну, все-таки повод, — Костя ткнул пальцем через плечо, туда, где в багажнике Олег звенел посудой.

— Сегодня повод, а кто завтра проследит, чтобы он с утра не начал?

— Ты что, перетрудился?

— Костя, милый, ходить на работу в его же интересах. Он просто на глазах себя убивает.

— Если тебе за него так больно, подойди и скажи: «Капитан, через неделю готовы идти в рейд на Москву. Какие будут предложения?» Увидишь тогда, что в его интересах, а что нет.

— Ну какая еще Москва?! — взмолился Цыган. — Жить надоело? Договорились же — переждать до весны.

— Он не может ждать, — сказал Костя очень жестко. — Я все еще могу, как ни странно. Вы с Женькой тоже. Большому и так хорошо, у него живопись. А Гошка ждать не может. Такой вот человек. Оказался.

Рядом скорбно вздохнул Олег. Цыган взял у него бутылку и присмотрелся к этикетке.

— Ты к Москве подъезжал? — спросил его Костя.

— Угу. Больше не хочется. Там глухо. Стеляют без разговоров.

— Это мы их так напугали, — гордо заявил Цыган. — Идиоты! Ладно, за зиму подмерзнут, глядишь, и поумнеют.

— Кто идиоты? — сухо поинтересовался Костя.

— Мы, конечно. Ты посмотри, какой замечательный коньяк!

— Мы не идиоты, — насутился Костя. — Это москвичи козлы.

— А ты сам что, из Люберец, что ли?

— Ой, только не ссорьтесь, горячие техасские головы! — попросил Олег. — Может, откупорим и сядем?

— Пора, — кивнул Цыган. — Не знаю, как там у вас, в Техасе, а у нас, в штате Нью-Мехико, вставать приходится на заре. И ложимся, как ненормальные, в одиннадцать...

— Эй! — крикнула издали Женья. — Ребята! Дядя Федор говорит, Большого в городе не было! Что делать?

Воцарилось молчание.

— Я видел его днем, — вспомнил Олег. — Рядом с дорогой, километрах в двух от поворота.

— И что он там делал?

— Рисовал. Мы немного поговорили, все было нормально...

Цыган сунул бутылку Олегу в руки.

— Рисовать ему слишком темно уже часа полтора, — вслух прикинул Костя. — Где же он, зараза, болтается?

— Регуляторы, в седло! — неожиданно резким голосом скомандовал Цыган. — Женья! Свяжись с космонавтами, пусть двое скажут к перекрестку, там встретимся. И коня седлай! Костя, ты тоже. Я на «Лендровере». Сейчас по карте прикинем, разобьем местность на квадраты.

— Гошку будить? — деловито спросил Костя.

Цыган посмотрел на Олега.

— Он выпил литр, — доложил тот.

— Значит, до утра свободен. Костя, перед выездом проверь Женькину рацию. По-моему, у нее батарейки садятся. Все, готовность через пять минут. Олег, сможешь показать на карте, где ты видел Большого?

— Конечно. Но лучше я поеду с вами, — твердо сказал Олег.
— Что у тебя за машина? «Сузуки»?
— Короткобазник. По холмам скачет — лучше не придумаешь.

— Хорошо. Доведешь нас до места, а дальше посмотрим. Здесь нужно рельеф знать, местность сложная.

— Слушай, Цыган... — У забора показалась Женя.

— Что с космонавтами? — перебил ее Цыган. — Сказала им?

— Да погоди ты! Я спросить хотела — мы не спешим? Давайте Гошку разбудим, посоветуемся.

Цыган агрессивно выпятил челюсть.

— Женечка, — сказал он с преувеличенной мягкостью. — Во-первых, наш капитан сейчас вне игры. Дисквалифицировался. А во-вторых, нужно двигаться. Как можно быстрее. Пожалуйста, сделай то, о чем тебя попросили.

Женя переменялась в лице, и Олег подумал, что она сейчас что-то такое скажет, после чего бывает драка.

Но Женя только презрительно фыркнула, повернулась и ушла.

Большого они нашли на том самом месте, где с ним разговаривал Олег. Свернувшись калачиком, художник лежал на траве, а его конь, награжденный за сволочный характер кличкой Мистер Мерфи, лизал хозяина в лицо и печально всхрапывал.

При ближайшем рассмотрении оказалось, что храпит сам хозяин.

— Скотина! — заорал Цыган, подбегая к Большому и пиная его сапогом в бок.

Большой продолжал храпеть. Цыган отогнал коня и присел рядом.

— Ну? — требовательно спросил Костя. Цыган пожал плечами. Костя спешился и тоже пнул Большого, куда менее ласково, чем до этого Цыган.

— Однако, — пробормотал Олег. — А ну, пустите.

Он задрал спящему веко и посветил фонариком в глаз.

— Да живой, живой! — сварливо отмахнулся Цыган. — Плохо дело, Регуляторы. Кто-нибудь что-нибудь понимает?

— Это не кома, — сказал Олег убежденно. — Коматозники не храпят. Это просто сон, только неестественно крепкий.

Прискакала Женя.

— Ну?! — крикнула она. — Что?!

— Труби отбой, сестренка, — успокоил ее Костя. — Это не труп. Просто наш коллега решил поиграть в Илью Муромца.

— Вот именно, — кивнул Цыган. — Грузи его теперь, надрывайся... Триста фунтов парной свинины.

— Ты чего такой злой, мужик? — спросил Костя.

— Чего, чего... Взяли!

Они действительно чуть не надорвались, запихивая Большого в «Лендровер». Спасенный дрых без задних ног.

— Ох, как мне все это не нравится! — высказался Цыган и укатил.

— Что это с ним? — поинтересовался Олег.

— Откуда я знаю... Спит. — Костя закурил и прыгнул обратно в седло.

— Да нет, я про Цыгана.

— Смысл жизни потерял! — усмехнулся Костя. — Со всем недавно, еще не привык. Не то что мы. Ладно, поехали домой. Будь другом, забери его причиндалы.

Он ухватил за повод Мистера Мерфи и рысью двинулся в сторону Камышей. Женя, что-то бормоча в мобильную рацию, ускакала следом.

Олег закрыл этюдник, сложил телескопические ножки и повесил тяжелый ящик на плечо. Его терзали дурные предчувствия. Здоровые люди, молодые и сильные, не засыпают просто так богатырским сном. «Наверное, вирус проклятый выдохся», — припомнилась Олегу фраза Кости.

В машину он сел с очень напряженным выражением лица.

* * *

Гош, с похмелья сосредоточенный и мрачный, сидел на крыльце и поедал из банки консервированную фасоль. Над ним, сунув руки за пояс и раскачиваясь с пятки на носок, монолитной глыбой нависал полковник Серебряков. Легчик-космонавт едва доставал Гошу до плеча, но он был настоящий полковник и нависать над человеком умел.

Гош прикончил фасоль и швырнул банку на дорогу. Банка ударилась в припаркованный у забора джип Олега, и машина обиженно вякнула. Гош взвесил в руке ложку и запустил ее вслед банке, уже прицельно. Машина вякнула снова.

Серебряков все топтался на крыльце. Его экипаж уже погрузился в «Лендровер», и даже издали слышно было, как Морис звучно чмокает Женю в обе щеки, а бортинженер Дима Локтев подначивает Цыгана лететь с ними за компанию. Настроение у всех было хуже некуда. В соседнем коттедже лежал Большой. По-прежнему в коме.

— Чего вы ждете, Леваневский? — спросил Гош, не глядя на полковника. — Из графика выбьетесь. Решили лететь — дуйте. Там уж, наверное, «Н-209» совсем застоялся. Приятного вам обледенения и семь футов под килем.

Серебряков обиженно фыркнул. Не долетевшего до Америки Леваневского Гош упоминал к месту и не к месту, едва услышав, что космонавты собрались на другой континент. И настоятельно советовал лететь не блошиными прыжками на спортивных аппаратах, а взять сразу «Боинг», залить баки под завязку и рвануть через полюс напрямик. При этом Гош сыпал такими подробностями о трансарктических полетах, что Серебрякову просто муторно становилось от его разнузданной и язвительной эрудиции.

Сначала, когда Дядя Федор сообщил, что на военный аэродром под Тверью сели трое взрослых дядек, Гош обрадовался. Потом, когда дядьки оказались космонавтами, обрадовался вдвойне. Но при ближайшем рассмотрении догадался, что экипажу Серебрякова с Регуляторами совершенно не по пути. У этих людей был собственный квест, и сворачивать они не думали. Хотя две недели на ранчо провели с огромным удовольствием и здорово разгрузили объездчиков, взяв на себя заготовку сена.

Гош сразу понял, что эти люди уйдут. Но выбрать такую линию поведения, чтобы космонавтов после расставания не грызла совесть, оказалось выше его сил. Фактически сейчас взрослые, опытные и хорошо подготовленные к выживанию в экстремальных условиях мужики бросали остро нуждающуюся в поддержке крошечную группу молодых людей. Побыли немного рядом и укатили дальше — большие, сильные, уверенные в себе. Тоже чертовски одино-

кие, пусть и втроем. Куда больше травмированные нынешней ситуацией, чем молодежь. Но все равно — могли бы и остаться.

Серебряков пробормотал: «До свидания, Георгий» — и ушел к машине. Захлопнулись дверцы, Цыган нажал на газ. До вечера космонавты будут заниматься самолетами, потом как следует отдохнут («Девчонки из города помогут, не упустят такой шанс», — усмехнулся про себя Гош), и на рассвете — вперед. «А куда мы — на рассвете? В кому? В петлю? Головой в колодец?»

Понурая Женя подошла к крыльцу и остановилась, глядя вниз. Сзади встал Костя и положил ей руки на плечи. Женя прижалась к нему спиной и закрыла глаза. Рядом переминался с ноги на ногу Олег. Даже он, пока еще чужой здесь, ждал, что скажет лидер.

Гош взял со ступеньки бутылку с водой и, морщась, сделал несколько глотков.

— Значит, так, Регуляторы, — сказал он хрипло. — Есть проблема, которую нужно было обязательно решить еще сто лет назад. Но все занимались другим. Теперь придется всякие глупости отложить. На ближайшее время объявляю чрезвычайное положение. Кони, пони и остальные лошади Пржевальского как-нибудь пару дней в загоне перебьются. Сена пожуют. Я сейчас, подождите минутку.

Гош ушел в дом и действительно через минуту вернулся. В руках у него оказалась пачка ученических тетрадей и несколько шариковых ручек. За время его отсутствия у крыльца никто не проронил ни слова.

— Олег, тебя это тоже касается, — заметил Гош, протягивая ему тетрадь и ручку. — В твоих же интересах.

— Я понял, — кивнул Олег, принимая дар. — Мне только раньше не приходило в голову...

— А я ничего не понял, — заметил Костя.

— Это очень просто, — заверил его Гош. — Даже у тебя получится, хотя ты и неграмотный. Или ты был тот самый милиционер, который умеет читать?

Костя хохотнул.

— Я знал дорогу домой, — сказал он.

— Это вы о чем? — спросил Олег заинтересованно.

— Анекдот времен Олимпиады, — объяснил Костя. —

Почему менты ходят в Москве по трое? Потому что один умеет читать, другой считать, а третий знает дорогу домой. Гошка, ты хочешь заставить нас писать отчеты?

— Умница, — кивнул Гош. — И прямо сейчас. Каждый садится, где ему удобно, и записывает все, что помнит. Всю историю своих злоключений с того дня, как «проснулся». Между прочим, когда покончите с фактической частью — ну, координаты всяких полезных мест, ареал распространения «тупых» и все такое, советую дальше нажимать на эмоции. Что почувствовал, как себя вел... Про нездоровую агрессивность и прочие асоциальные тенденции не забудьте отметить. И, разумеется, во первых строках — имена, адреса, явки, пароли.

— Догадались, — фыркнул Костя.

— Про то, как реагировать на «тупых», — детально. Во избежание новых эксцессов. Записи упаковать герметично и держать при себе. Женечка, бери.

Женя молча взяла тетрадь. Глаза у нее были мокрые. Гош воткнул ей ручку в карман и раздраженно клацнул зубами.

— Не падай духом, солнышко, — посоветовал он. — Может, еще обойдется. Вдруг Большой не выйдет из комы, а просто тихо помрет. Тогда и нам писанина никакая не понадобится. Можно будет спокойно взять по ящику водки на лицо, отправиться к Москве и запузырить последнюю мину в Кремль. Если, конечно, мы не заснем прямо сегодня.

Костя зевнул.

— Я тебе! — пригрозил Гош, показывая кулак.

— Да это шутка, капитан.

— Шутки кончились, — сказал Гош очень твердо, как в прежние времена, когда Регуляторы были войском, а не просто группой товарищей.

— А вдруг мы проснемся с полным объемом памяти? Или вообще не заснем? — предположил Олег. — Может, с Большим — какой-то частный случай?

— Знаешь, почему Регуляторы графства Линкольн так долго продержались? — усмехнулся Костя. — Они понимали, что рано или поздно им все равно конец. Были готовы к худшему. Думаешь, мы из пижонства обозвали себя Регуляторами? Как же! Это нам твои дружки-«тупые» устроили

такую веселую жизнь. Научили уму-разуму. Так что, дорогуша, если приказано готовиться к худшему — будь готов!

— Забудь ты про «тупых», — посоветовал Гош. — Это не они, это Олежка из нас банду сделал. И его пахан Главный. «Тупые» — хороший, благодарный человеческий материал. Что хочешь, то и лепишь. Мы сами были не особенно острые, когда нас Сан Сеич подобрал.

Олег насупился и раздраженно хлопнул себя тетрадью по бедру.

— Если твой прогноз не сбудется, — пробормотал он, — я тебе за эту нервотрепку морду набью. Подумать страшно — неужели опять...

Гош тоскливо посмотрел в затянутое облаками небо.

— Дрянь погода, — сказал он. — И дело тоже дрянь!

Гош сидел в административном здании, на коммутаторе. Сюда был протянут из Твери армейский полевой телефон. Аккумуляторы мобильных раций неумолимо вырабатывали ресурс, загибались батарейки кварцевых часов, и оставалось только ждать, что же случится раньше — то ли машины придется «с толкача» заводить, то ли просто бензин окончательно выдохнется. И значит, машины накроются, а с ними и радиосвязь.

У подоконника Цыган старательно выводил в тетради слова. Даже язык высунул от усердия.

— Ты по-каовски пишешь? — встрепенулся Гош. — Ты же наверняка опять цыганом проснешься. Если проснешься, конечно...

— Да что ж я, полный идиот? По-русски пишу. Отстань.

— Какая потрясающая жареная рыба продавалась в Несебре! — вспомнил Гош. — Крошечные такие рыбешки, на один укус. Как жаль, что я был маленький и не пил еще пива! Боже, а до чего хорошо было в Албене!

Цыган раздраженно засопел.

— Нет, вот ты мне скажи! — не унимался Гош. — Почему если ты болгарин, или, скажем, какой-нибудь итальяшка, или даже француз, то обязательно живешь в благодатном теплом краю? А если русский, то у тебя на родине больше половины года холодно, кругом грязища, тоска и дураки?

— Можем съездить в Болгарию, — предложил Цыган. — Дороги у нас были ничего, а дураки, я надеюсь, вымерли.

— Далеко. Огромный крюк получится вокруг моря.

— Поехали через Одессу. Пароходик какой-нибудь раскочегарим. До Варны плыть меньше суток.

— Я не умею на пароходике. Утонем еще.

— Справимся.

— А ты на самом деле хочешь?

Цыган замялся. Похоже, ему было все равно. Гош подумал, что болгарин из него так и не получился, а русским быть Цыгану скучно. Поэтому, наверное, и Цыган. Перека-ти-поле. Rolling stone.

Коммутатор шелкнул. Гош машинально вернул на место заглушку с надписью «Федя», передернул тумблер и воткнул штекер в гнездо.

— Танки в городе!!! — проорал Дядя Федор звонко и радостно.

— Ты сколько выпил сегодня? — спросил Гош с завистью.

— Танки!!! — крикнул Федор еще веселее.

Гош взял со стола второй наушник и, не глядя, бросил им в Цыгана. Тот поймал наушник на лету и прислушался.

— Какие еще танки? — спросил Гош.

— Большие! Зеленые!

— Откуда? — Гош почувствовал, как замирает сердце.

— Из Москвы!

— И?!

— И «бэтээры»!

— А что им надо? Много их?

— Куча! Вагон! Человек триста! Армия! Город уже в кольце, все дороги перекрыты. А начальники ихние стоят в центре, всех ловят и допрашивают!

— Никого еще не расстреляли? — осведомился Цыган как бы невзначай.

— Никого еще не шлепнули? — крикнул Гош.

— Пока нет!

— Так чего им надо?

— Расспрашивают о подозрительных личностях!

— Ой-ей-ей... — пробормотал Гош. Сердце уже не замирало, оно медленно съезжало в пятки. Если экспедиция

московская (а какая еще?), дело швах. Московская оборона не станет шутить с Регуляторами. А с космонавтами?

— Тебя уже сдали! — кричал Федор. — Космонавтов тоже! Но я раньше успел! Сразу, как о танках услышал, послал человека! Они улетели! Им только вслед залупили из пулемета, но это фигня! Один самолет ушел!

— А второй?! — почти взвизгнул Гош.

— Взорвался!

— Господи, за что?!

— Не знаю! Они, по-моему, тогда не разобрались еще. Подкатили к городу, видят — кто-то взлетает, ну и врезали ему.

— Ты почему звонишь так поздно?! — взорвался Гош. — Сколько времени уже это творится?!

— Да меня захомутали сразу же! Сейчас только отпустили! Два часа дурака валял, идиотом прикидывался! А про тебя наврал, что ты ушел в Питер! Но они, по-моему, не поверили. Гошка, конец света, они всего-то два часа в городе, а тут уже комендант имеется и вооруженная охрана. Моих гавриков разоружили, а эти остолопы и сами рады, им лишь бы поменьше работать...

— Теперь они будут работать, — пообещал Гош зловеще. — Как лошади.

На тверском конце провода раздалось какое-то шебуршание. Послышались неразборчивые голоса. Звякнул металл. Наконец Дядя Федор появился в трубке снова. И голос его стал ощутимо строже.

— Гошка, у тебя времени до рассвета, не больше, — сказал Федор. — Ты же знаешь моих болтунов.

Цыган отложил наушник и встал. Гош кивнул, и Цыган выбежал на улицу.

— Сумерки, — заметил Гош. — Думаешь, они не сунутся ночью?

— Я слышал, они заночевать тут хотят. Разведка донесла. Гош, я тоже ухожу. Москвичи уже проникли, что я здесь был центровой. Возьму человек пять-шесть, кого уговорить смогу, и вниз по реке смоюсь.

— Бог в помощь, Федя. Может, еще свидимся.

— Как Большой?

— Спит пока.

Слышно было, как Федор вздыхает.

— Не свидимся мы, Гошка, — сказал он. — Добьет нас зараза проклятая. Эх, пожить бы еще хоть самую малость...

— Уходи от телефона, — посоветовал Гош. — Провод лежит открыто, найдут тебя по нему.

— Добрый ты человек, Гошка, — снова вздохнул Федор. — Но совершенно тупой. Не-по-нят-ли-вый.

И связь оборвалась.

Почти минуту Гош сидел неподвижно, остановившимся взглядом уткнувшись в коммутатор. «Непонятливый. Пожить бы еще. Не свидимся». Федор что-то хотел сказать, очень важное, но ему не дали. Кто не дал? Каким образом? Ты живой еще, Федя, или уже нет? Это мое больное воображение породило слуховую галлюцинацию — глухой удар на том конце провода? Или так оно и было?»

Гош вызвал коттедж Жени. Ответа не было. Тогда он поднялся и вышел на улицу.

Женя, Цыган и Олег сустились у машин.

«Молодцы, — подумал Гош. — Какие все-таки молодцы! Бедная Женя, мы опять бросаем лошадей. Большой нас сковывает, да и не уйти на лошади от танка. Разве что лесом? Глупо. Если уцелеем, черта с два потом найдем машину, которую можно завести. Даже у «Жигулей» и то ручку вставить некуда. Так. А миномет? А наша любимая атомная бомба? Надо же, я к ней, кажется, привык. Тоже бросить?»

Цыган увидел Гоша и опрометью бросился к нему.

— Гошка! — выдохнул он. — Все правильно?

— Да. Я уверен, что последние несколько минут Федор говорил со стволом в ухо. И держал этот ствол кто-то из москвичей.

— Гош, послушай... Я знаю, интимный вопрос, но все-таки!

— Да? — Гош удивленно поднял бровь.

— Взрыватель! От бомбы! — выпалил Цыган.

— Ты с ума сошел?

— У тебя что, нет?..

На лице Цыгана отразились разом глубочайшее разочарование и серьезное недоверие.

— Даже если бы я знал, где его взять, — сказал Гош твердо, — я бы его там и оставил. Какая-никакая, а это моя земля. И устраивать на ней ядерные испытания мне не по душе.

— Тебе все равно на этой земле не жить, — процедил Цыган. — Просто не выжить. А так бы хоть замочили гадов.

— Неужели ты не понял с самого начала? — спросил Гош с мягкой улыбкой. — У меня нет взрывателя. И вообще нет права размахивать таким оружием. Это же моя родина, Цыганище.

— Уродина, — отрезал Цыган и отвернулся.

— Пошли грузить Большого, — распорядился Гош. — Все, хватит трепаться. Регуляторы, в седло!

— Ненавижу! — рявкнул Цыган.

И вдруг протяжно зевнул.

* * *

Машины стояли на берегу озера. Солнце было в зените, палило нещадно, и Гош с Олегом курили, стоя по шею в воде. Далеко впереди рассекал кролем зеркальную гладь Костя. Женя у костра что-то вкусное сооружала в котелке. А под кустом, в тенечке, спали Большой и Цыган.

Идея Гоша с записями провалилась — все, будто по команде, оставили тетради на ранчо. Точнее, им не дали забрать их. Регуляторы вообще не успели взять личные вещи. Сейчас у них был с собой только НЗ, хранившийся в машинах, и кое-какое оружие, по стволу на брата.

Еще имелось разбитое заднее стекло «Сузуки», пулевая царапина у Олега на плече, Женины хронически зарезанные глаза и очередной выбывший игрок — Цыган.

Костю бесило то, что непобедимые Регуляторы драпали от танковой колонны без единого выстрела. Больше он ни о чем не рассуждал, всецело полагаясь на мнение Гоша. Женя оплакивала забытых в стойлах лошадей, справедливо рассудив, что москвичи либо спалили их вместе с ранчо, либо просто не удосужились отпустить на волю. Гош молчал. Ему все окончательно надоело. Хотелось либо вдребезги напиться, либо поскорее заснуть. А в сотый раз спасаться бегством и заниматься тупым выживанием непонятно для чего — не хотелось вовсе.

Поэтому идею подал Олег.

— Давай снова обойдем Москву и вернемся в Тулу, — предложил он. — Люди знакомые, места хорошо исследо-

ваны, жилья до черта. Обоснуемся на краю города и будем ждать развития событий. Контакты с местными теперь не проблема.

— Не вижу особой разницы, где помирать, — заявил Гош. — Но, может быть, ты прав. Тула даст нам определенный шанс, если мы все-таки проснемся и будем хоть что-то соображать. Действительно, просыпаться лучше в знакомых местах. Только у нас очень мало времени. И бензина.

— Я хорошо помню обходной путь, бензин мы там достанем. Если поднапрячься, можно пройти весь маршрут за сутки. Ну что, перекусим и рванем?

Гош кивнул.

— Я все думаю, — пробормотал он. — Костя уплыл метров на пятьсот. Если он там сейчас начнет зевать, уснет и потонет, мы ведь не успеем его вытащить!

— Хороший ты парень, Дымов, — сказал Олег. — Просто удивительно — неужели это я всего-то несколько месяцев назад попер тебя из Тулы?

Через сутки они были от силы на полпути. Машина осталась только одна — «Лендровер», и в его багажном отсеке лежали штабелем четверо спящих — Большой, Цыган, Олег и Костя. Лежали голые на клеенке, потому что кишечник и мочевой пузырь у каждого функционировал нормально и проще было окатывать их водичкой и протирать губкой, чем пеленать.

Меньше всего беспокойства в этом плане доставлял Большой, организм которого уже вывел из себя отходы жизнедеятельности. Но по той же причине Гош волновался за великана все сильнее с каждым часом. Увы, хваленая эрудиция капитана Дымова на методы подкормки коматозников не распространялась. От одной мысли, что еще денек, и пора будет колоть ребятам какую-нибудь глюкозу, или черт его знает, что им там колют, Гоша начинало трясти мелкой дрожью. Тем более что даже глюкозы не было все равно. Видеть, как твои друзья во сне погибают от голода... Потом Гош вспомнил про тюремный метод кормления голодающих принудительно через прямую кишку. Хотя технику этого дела он представлял себе плохо, и в особеннос-

ти не знал, применим ли такой метод к спящему нездоровым сном человеку, Гошу все-таки немного полегчало.

Ненормальные москвичи со своими проклятыми танками все-таки остались далеко позади. «Лендровер» тянул неплохо, Женя уже не плакала, и можно было бы слегка расслабиться, но ожидание беды сделало дело — Гош впал в тоску.

Вечером, когда до Тулы осталось по прямой не больше пятидесяти километров, Гош свернул с дороги и через поле выехал к небольшому озерцу. Вдвоем с Женей они, пыхтя и ругаясь, выгрузили (точнее, выпихнули) из машины своих коматозников, в очередной раз помыли всех нуждающихся, разделись, схватили по куску мыла и упали в теплую воду.

— Какой ты сильный, Гоша, — заметила Женя. — Я думала, с Большим мы вообще не справимся...

— Я не сильный, — ответил Гош, старательно намыливаясь. — Это просто нервное у меня. Если к утру немного успокоюсь, придется Большого тащить на буксире. Или лебедкой в багажник тянуть.

Женя протянула руку и провела ладонью по его скользящей от мыла груди.

— Не-ет, ты сильный. Гоша, мы тоже уснем?

— Когда сломался Большой, этого нельзя было сказать наверняка. Теперь я уверен.

— И что тогда будет?

Гош вместо ответа с головой ушел под воду.

— Ничего не будет, — сообщил он, выныривая и бросая мыло на берег. — Ни-че-го. Понимаешь?

— Нет. — Женя шагнула к нему вплотную, обняла за шею и заглянула в глаза.

— Понимаешь, — кивнул Гош. — Отлично понимаешь.

— Ты чего такой злой?

— Я не злой. Я просто думаю — неужели все по новой? Опять просыпаться агрессивным болваном, заново узнавать мир... А следующий цикл сколько продлится? Знаешь, иногда мне хочется, чтобы мы не проснулись больше. Конечно, я верю в чудо, надеюсь на что-то. Может, в следующий раз ко мне вернутся новые участки памяти. Но... Зачем? Куда нам с тобой еще больше горя, чем мы уже пережили?

Женя крепко прижалась к нему, уткнувшись носом в шею. Дымов мог говорить что угодно — жаловаться, радоваться, даже ругаться, а ей просто было хорошо с ним.

— Ты посмотри, как ведут себя те, кто проснулся с нормальной памятью... — бормотал Гош. — Они дергаются, рвут жилы, чтобы создать какое-то подобие того, что уже было здесь. Да еще и гордятся тем, как умело занимаются выживанием. А вот «тупые» — просто живут и радуются этому по мере сил. Знаешь, где «тупые» несчастнее всего? Там, где они находятся под пятой всяких Главных, Борисов и иже с ними. А я не хочу становиться главным ни над кем. Очень хочется жить, понимаешь? И совершенно не хочется выживать. Бесперспективное это занятие. Только сейчас до меня дошло, что возрождать погибшую цивилизацию имеет смысл при одном четко определенном условии. Когда это занятие действительно имеет смысл. Для отдельно взятого человека. И честное слово, этот человек — не я.

— Ты уверен, что мы проснемся и опять ничего не будем помнить?

— Я неисправимый оптимист. Так что я уверен, что мы проснемся снова. А что тогда будет, ты уже слышала. Ничего не будет. В смысле — ничего хорошего. Точно будет меньше еды.

— Еды навалом. Вон на том берегу картошка растет. А вдоль дороги пшеница.

— Ну, значит, консервированных ананасов будет меньше. Загнутся машины, не станет батареек, и так далее. Знаешь, в чем этой планете здорово повезло? Я еще не видел людей с признаками радиационного поражения. Наверное, защита на атомных станциях хорошо сработала. Хотя, может, где-то в Америке и были выбросы.

— Значит, мы не вспомним друг друга? — гнула свое Женя.

— Да откуда я знаю...

— Начнем с белого листа?

— Да о чем ты? — забеспокоился Гош, деликатно вырываясь.

— Гошка, ты же меня хочешь. Что тебя держит? Нам, может, жить осталось до утра.

Гош раздраженно крикнул.

— Я еще не засыпал, — сказал он по возможности мягко.

— Ты хочешь, чтобы в этот наш вечер, последний, я была счастлива?

— Да отчего же последний...

— Я чувствую, Гош. Так же хорошо, как чувствую то, что ты тоже этого хочешь. Ты же добрый, Гош. Сделай женщину счастливой. Она так любит тебя! Забудь обо всем. Хватит себя мучить. Ну же, поцелуй меня...

Вода была теплая, а они — почти совсем голые и чересчур близкие люди, чтобы не выполнить последнюю волю друга. Гош понял: она действительно чувствует, что завтра — все, конец. Или, по крайней мере, вбила себе в голову, что этот аргумент подействует. И объяснять, что он хочет совсем не ее, а всего лишь соскучился по женской ласке... «Дурак, что с тобой? Это же так просто. Она права — забудь. Рассуди здраво — у тебя не осталось никаких шансов найти свою любовь. Не будь эгоистом».

Женя обвила его ногами за поясницу и целовала, целовала...

— Возьми меня! — хрипло выдохнула она.

«...Так пусть будет хоть что-то хорошее. Разве преданность этой девчонки не стоит того, чтобы быть вознагражденной? Какое я право имею ее мучить? Она такая славная...»

И тут же пришла мысль — а как там ОНА? Может быть, тоже сейчас думает о нем. Думает, что не встретит его больше никогда, что настоящая жизнь кончена и остается лишь прожить отпущенные дни по возможности нормально.

«И все-таки куда же я девал свое обручальное кольцо?!»

И Гош, еще секунду назад отвечавший на поцелуй девушки, застыл. Опустил руки. Посмотрел куда-то вбок отсутствующим взглядом.

Женя прыгнула с него и, не говоря больше ни слова, ушла на берег.

Гош вдохнул полную грудь воздуха и сделал единственное, что было сейчас уместно, — исчез. Вынырнул на пределе, секунд через сорок, и поплыл, не оглядываясь, вперед.

На берегу хлопнула дверца «Лендровера».

«До чего же стыдно! Господи, Дымов, ну как ты мог? Что

тебе, трудно было? А вот не мог! А вот трудно, и все тут! Полное размежевание тела и души. Тело исправно реагирует, а душа не хочет. И черта с два ее заставишь... Утопиться, что ли? Вот нырну сейчас со всей дури и выдохну. Да нет, здесь, похоже, неглубоко. Успею выскочить наверх. Инстинкт выгонит. Эх, Дымов, сколько тебя жизнь ни ломает, а ты все нормальный и нормальный... Порядочные люди давно шизофреники, а с тебя как с гуся вода. Кстати, очень теплая вода. Обожаю».

Когда он приплыл назад, Жени у машины не было. Не было еще одного автомата, пары магазинов, нескольких банок консервов, любимого пистолета Цыгана и его же рубашки, в которую Женя, похоже, завернула поклажу. Еще пропала Костина финка.

Гош сел в машину и врубил дальний свет. На миг ему показалось, что где-то у дороги мелькнул расплывчатый силуэт. Гош завел мотор и поехал к дороге, внимательно разглядывая траву. Но следов не нашел. Он еще покрутился для порядка, но быстро сообразил, что Женя нарочно ушла лесом, вовсе даже не к шоссе, и искать ее ночью по кустам бесполезно.

Тогда он вернулся на берег, к распластанным на одеялах телам, заглушил двигатель, сунул руку под сиденье и достал литровую бутылку водки. Нашел пластиковый стаканчик, распорол штык-ножом банку тушенки.

— Ваше здоровье, Регуляторы! — сказал он спящим, поднимая стакан. — Дай бог вам проснуться такими же славными парнями, какими вы были.

Выпил и закусил губу, чтобы не заплакать.

Наплакался он уже в этой жизни — дальше некуда.

Достал пистолет, взвел курок, поднял ствол к небу. И трижды выстрелил.

— А вот и салют по тебе, Георгий Дымов, — сказал он. — Ты жил как придется, но умер достойно.

Убрал оружие и снова потянулся к бутылке.

Выпил, отдышался, устало зевнул. Почувствовал, что вымотался до упора, физически и эмоционально. И с наслаждением подумал, что сейчас уснет. Будет спать и видеть сны о чудесной прошлой жизни.

Так и получилось.

Часть III

ПРОЛОГ. В ЗДРАВой ПАМЯТИ

Когда к длинной каменной штукатурине напротив фасада Дворца пионеров — не то трибуне, не то просто ступеньке — пришел Дымов, его шестерка была уже не только полностью в сборе, но и хорошо подготовлена к игре. Даже чересчур хорошо. Рогалик оказался просто в зюю. Лешечка делал вид, что нет. Зойка, неприязненно кривясь, сидела к ним спиной и глядела на Дворец, как будто там нарисовали что-то новенькое. Ирина и Любимов, наоборот, укоризненно рассматривали перестаравшихся игроков.

Дымову все ужасно обрадовались, Рогалик от полноты чувств даже чуть не упал с трибуны.

— Ты посмотри на этих гавриков! — воскликнула Ирина.

— Твоя работа? — спросил Гош у Любимова.

— Хотел подготовить команду, — авторитетно заявил тот. — Слегка. Но сам видишь, какая погода. Развезло молодых людей. Ничего, оклемаются.

— Ясен пень! — кивнул Лешечка.

— Дымов, тебя похмелье мучает?! — воинственно поинтересовалась Ирина.

Гош хмыкнул, разглядывая пустую бутылку из-под «Метаксы». Он бы сейчас с удовольствием выпил, но давно было замечено, что самое продуктивное для него состояние — именно с похмела. Как минимум двадцать раундов Дымов будет злой и сообразительный.

— Мы тебе потом нальем, — пообещала Зойка. — Но сейчас не пей.

— Так нету же у вас.

— Вот именно.

— Любимов, тебя убить мало! — высказалась Ирина.

— Андрюха хороший! — вступился за благодетеля Рогалик.

— Мерзкий паршивец! Как мы будем играть?!

— Успешно, — процедил Гош. — Кто-нибудь уже зарегистрировал нас?

- Любимов.
- Ну вот, а ты говоришь — мерзкий... Не пора нам?
- Пусть еще посидят.
- Так их окончательно развезет.
- Я чувствую себя отлично, — сообщил Лешечка. —

Просто замечательно.

- Может, разомнемся? — с горя предложила Ирина.
- Красненьким? — съязвил Гош.
- Ты бы хоть помолчал. Есть вопросы с телефонного

чемпионата.

- Почему бы и нет?

Ирина достала из сумочки несколько листков.

— Так, — сказала она. — Слушаем. Позируя художнику Миллеру...

- Мюллеру?!

— Борману!!! Миллеру. Позируя художнику Миллеру, он сказал: «Я совершил в этой жизни немало славного и никого не сделал несчастным. Не подписал ни одного смертного приговора. Бывал мал, бывал велик». Ну? Время.

— Ребята! — воскликнул Рогалик, патетически воздевая руки к небу. — Ребята! Да это же Зигмунд Фрейд!

У Зойки сделалось такое лицо, как будто ее сейчас вырвет. Любимов заржал. Ирина закатила глаза. И только Лешечка блаженно улыбался.

— Так, — вздохнул Гош. — Отставить разминку. Пошлика, друзья мои, в тенек. Знатоки!

- Ничего, — повторил Любимов, вставая. — Оклемаются.
- Так кто же это все-таки был? — спросила Зойка.
- Тебе же сказали — Борман.
- Это был Потемкин, — уверенно заявил Гош.
- Точно Потемкин? — строго переспросила Ирина, заглядывая в ответ.

- Ну, может быть, Суворов. Хотя сомнительно.
- Гошка, это был Суворов.
- Обидно. Не взяли.

Позади Лешечка и Рогалик, хихикая, поддерживали один другого.

— Господи! — простонала Ирина. — Там же в вестибюле карась! Они давно грозились его поймать...

Слава богу, знаменитый карась из Дворца пионеров (чу-

довишно разжиревшая оранжевая рыба, в молодые годы бывшая золотой) куда-то спрятался, и на дне бассейна красовались только груды ветхозаветных медяков. Любимов увел ребят умываться холодной водичкой, а оставшаяся половина команды вошла в шумный зал, уселась за один из столиков и принялась рвать на куски бумажки для ответов. Вокруг галдело больше двадцати московских команд, и к Зойке тут же начали подходить здороваться мужики. Гош, как всегда, пытался их сосчитать, но потом ему надоело. Появившиеся к самому началу игры «подготовленные» выглядели получше, но, увы, только выглядели. Ирина показала Любимову кулак.

Они сыграли три тура по двенадцать раундов, и сыграли даже неплохо. Правда, Лешечка после каждого «взятого» вопроса с громким хаканьем бил себя по сгибу руки, демонстрируя всему залу высоко поднятый средний палец. А Рогалик строго через два вопроса на третий орал в полный голос: «Ребята! Да это же Зигмунд Фрейд!» Лешечку быстро уговорили не махать руками. А вот Рогалик не успокаивался. Кончилось тем, что после очередного выкрика Гош сказал ему: «Заткнись, урод!» Это в команде было не принято, и Рогалик так удивился, что немедленно замолчал и вообще избегал подавать реплики до конца игры.

Гош сольно «взял» пять вопросов, два — по афоризмам Ларошфуко, два из братьев Стругацких (тут он был эксперт), и еще один — про антиквара по имени Рассел Нэш, которого ФБР заподозрило, что он не тот, за кого себя выдает. На самом-то деле антиквара звали Коннор МакЛауд. Любимов «взял» семь вопросов, девчонки — по три, и еще пять верных ответов нашлось коллегиально. Остальное, что называется, «слили» — вопросы были на удивление легкие, но команда решительно не могла напрягаться. Лешечка и Рогалик, под конец игры мучительно переживавшие свою умственную дисфункцию, старались не мешать, но что-то уже пошло боком, и шестерка отчаянно зевала прямо за столом.

В итоге они зависли в районе с девятого по шестое место — результат неплохой, но отнюдь не блестящий. Вышли из Дворца, уселись на давешнюю трибуну, закурили и принялись решать, как жить дальше.

— Любимов, где ты купил эту отраву? — спросила Ирина, внимательно приглядываясь к Рогалику. Тот спал.

— В магазине. — Любимов посмотрел на Рогалика и зевнул. — Ну что, поехали ко мне?

— Я — нет, — сказала Зойка.

— Зоенька, ну что ты злишься? Плохо отыграли? Ничего, в следующий раз...

— Плохо отыграли, — кивнул Гош. — Я кольцо дома забыл. Снял, наверное, прежде чем бриться. А потом в спешке забыл. То-то чувствую — я будто голый. Идиот!

— Мы плохо отыграли, потому что ты забыл кольцо? — ехидно поинтересовался Любимов.

— Я плохо себя чувствовал, потому что забыл кольцо. — Гош двинул плечом, чтобы падающему на него Рогалику было удобнее спать.

— Гошка, ты видел когда-нибудь влюбленного пингвина? — спросил Любимов.

— К чему бы это вдруг?

— Тогда посмотри в зеркало.

— Тьфу! Почему именно пингвина?

— Выражение такое. Ладно, не сердись. Это нормально. Со всеми бывает. Со мной тоже было, первые года два.

— Дурак ты, Любимов, и ничего не понимаешь! — сообщила Ирина.

— Как скажете. Ребята, поехали, а? Пока и я не заснул.

— Точно в этой бутылке какая-то отравка была. Смотрите! Леха! Хватит спать! Очнись! Любимов, гад, угробил двух игроков!

— Иришка, я же не нарочно!

— А еще капитан!

— Да моя шестерка никогда трезвой не играла! Ты сама капитан, не знаешь, что ли? Кто играет трезвый?

— Дымов!

— Он с вечера пьет!

— Зойка!

— Я вообще не пью, — гордо сказала Зойка и прикрыла рот ладонью, зевая. — Сегодня точно.

— Поехали с нами, Зочка, — попросил Гош. — С тобой хорошо. Уютно. Ты такая дружелюбная, теплая и приятная на ощупь...

Зойка фыркнула и зевнула снова.

— Хватит зевать! — рявкнул Любимов. — А то куда уже не уедем. Эй, растолкайте Леху кто-нибудь!

— Леха, очнись!

Лешечка что-то пробормотал, сладко чмокнул, прилег на трибуну и свернулся калачиком. Рогалик уже лежал. Ирина принялась яростно тормозить обоих. Никакого эффекта.

— Поиграли... — заключил Гош. Его тоже вдруг размогло. Он чувствовал себя усталым и невыспавшимся. — Проклятое солнце... Андрюха, что делать?

Любимов не ответил. У него слипались глаза, и он яростно тер их ладонями.

— Так, — сказала Зойка. — Вы как хотите, а я пошла. До свидания.

— Да погоди ты! — крикнула Ирина, но Зойка уже шла, спотыкаясь, к Дворцу. Похоже, она тоже решила лечь, только в более комфортных условиях.

— Ребята, — сказал Любимов. — А ведь это все неспроста. Гош, ты же не пил с ними. Посмотри, как она идет. Э! Оглянись-ка. По-моему, не мы одни падаем.

— Не спать! — рявкнул Гош командным голосом, и ему сразу полегчало. — Тьфу, что за наваждение! А ну, подъем!

— Еще минуточку... — сонным голосом попросил Рогалик.

— Ага! — торжествующе крикнула Ирина. — Давай, вставай!

Лешечка уже сидел.

— Черт возьми! — сказал он. — Нужно выпить. Немедленно. Чего-нибудь со льдом. А где Зоя?

— Ушла во Дворец. Наверное, искать сказочного принца. Кто еще живет во дворцах? Андрюха, что ты имел в виду? Кого еще зацепило?

— Да нет, показалось, наверное. Это меня шатнуло вдруг, я и подумал — а что это все качаются? Очень странная история, тебе не кажется?

— Какой-нибудь информационный фантом мимо пролетал. Сонный. Наверное, в соседнем доме экстрасенс зевнул.

— Н-да. Хочется надеяться.

— Предлагаю другую версию. Из секретной лаборатории

утекло секретное отравляющее вещество. А лаборатория здесь, под землей.

— Интересно, чем эта отравка выводится из организма. Как стронций? Рогалик! Доброе утро, радость моя!

— Виноват, — мотнул головой Рогалик. — Исправлюсь. Что это было?

— Это даун, сэр! Мы к Любимову едем?

— Безусловно.

Из Дворца вышла Зоя. Уже не шатаюсь.

— Ну, что? — спросила она, подходя к трибуне. — Едем?

— Ура!!! — хором заорали мужчины.

У Любимова на квартире, под звон посуды и шипение чайника на кухне, Гош снял трубку и набрал свой номер.

— Здравствуй, родная! — сказал он. — Как ты?.. Да ничего. Средне. Да, у Андрея. Ну, ты же знаешь. Нет, я думаю, сегодня не очень долго. Хорошо, ты отдохай. А я приду и буду тебя очень-очень любить. Угу. Представляешь, а я кольцо забыл! Чувствую себя отвратительно. Будто голову снял. Вроде бы разумная идея — надоело из-под него мыло выковыривать, — а как ошибся на самом деле! Знаешь... — он машинально понизил голос до шепота, — вот в такие моменты я еще острее, чем обычно, понимаю, насколько же тебя люблю.

— Гош! — крикнул ему из комнаты Лешечка. — Оленьке привет!

— И от меня! — поддержал Любимов.

— От всех! — резюмировала Ирина.

— Тебе здесь все кланяются. Что там наше животное, как оно себя чувствует? Под столом? Н-да. Слушай, Оль, вы без меня гулять не ходите, я вернусь, пойдем вместе. Ну ладно, милая, я поскакал. А то все греется. Ужасно жаркий день. Целую. До вечера. Пока.

— Внимание! — скомандовал Любимов. — Явление народу влюбленного пингвина! Ур-р-ра-а-а! Разве не похож?

— Ты дурак и ничего не понимаешь! — в который раз сказала Ирина.

— Это я от зависти, — честно признался Любимов. — За что пьем, Знатоки? Гошка, бери посуду.

— Как обычно, — улыбнулась Ирина. — Да, Гош?

Гош поднял стакан.

— Разумеется, — сказал он серьезно. — Ну, за любовь!

— За любовь! — дружно подхватила команда.

Некоторое время шестерка сосредоточенно закусывала.

— Мальчишки, но если вы будете так надираться в Питере...

— В Питере сам бог велел. А что, во Владимире мы трезвые были?

— ...тогда я с вами не поеду.

— Да ладно тебе!

— Кстати, пьяницы несчастные, где ваши деньги на билеты?

На какое-то время беседа перетекла в деловое русло, и за столом все как-то подтянулись, а некоторые даже слегка протрезвели. Но вскоре формальности были улажены, «прикончилась» бутылка, откупорилась новая, и команда ударилась в привычный треп. Ирина с Гошем заговорили о собаках, Лешечка с Рогаликом — о компьютерах, а Любимов и Зойка наперебой предавались воспоминаниям о питерских фестивалях «Что? Где? Когда?», в которых им довелось участвовать. Постепенно темы исчерпались, водка тоже, сходили за добавкой, и после очередного стакана все почему-то вернулись мыслями к сегодняшним играм. Лешечку и Рогалика заклеили позором, безобразнику и провокатору Любимову вынесли порицание. Отдельно досталось Гошу за то, что не разбирается в футболе. По этой теме вопросов делалось немало, Знатоку традиционно полагалось футбол любить.

— Ты хотя бы спортивные новости смотри, — посоветовала Ирина.

— Да я не запомню, — отмахнулся Гош. — Мне это не близко. Я даже если захочу, у меня насчет футбола ассоциативные связи не образуются. Голова — не компьютер, ей не прикажешь.

— Вообще, удивительная штука наша память, — философски произнес Рогалик.

— Чья бы корова мычала, — фыркнула Ирина. — «Ребята, это Зигмунд Фрейд...»

— Удивительная штука память, — кивнул Гош. — И мы о ней очень мало знаем. Меня немного этому учили... Вы только представьте, сколько информации она за доли се-

кунды обрабатывает! И сколько всего хранит! Вот, допустим, решу я с Лешечкой пойти выпить пива. Думаете, это так просто? Мне потребуется вывести в оперативную память, во-первых, целый набор звуков и грамматических конструкций. Во-вторых, данные о том, как выглядит Алексей Попов и какие у него вкусовые предпочтения. В-третьих, схему города, расположение известных мне пивных баров и предполагаемый маршрут... Это вам не шутки.

Команда невольно задумалась. У всех присутствующих, несмотря на разницу в возрасте, образовании и так далее, было нечто общее — способность запоминать и перерабатывать большие объемы информации.

— В принципе, — объяснил Гош, — у нас такое же деление на оперативную память и долговременную, как у компьютера. И большая часть того, что мы воспринимаем, помещается в оперативку, а потом улечучивается. Ну, вот, допустим, ходили мы сейчас за водкой. Когда считали деньги, проводили несложные вычисления, работала только оперативная память. А когда выбирали, что именно купить, уже пришлось обращаться к долговременной, где лежит запись о том, какая бутылка содержит нормальный продукт. Там десять миллиардов нервных клеток...

— И все о бутылках, — ввернула Ирина.

— Меня вот что всегда интересовало, — вступила Зоя. — Почему я запоминаю одно и не запоминаю другое? Или запоминаю, но ненадолго?

— В принципе, информацию можно зазубрить элементарным повторением. Но в любом случае решение, хранить ее или стереть, вряд ли принимается сознательно. Понимаешь, Зойка, есть в глубине мозга такое загадочное образование — гиппокамп. Это коммутатор. Нейроны коры, получая информацию, передают ее гиппокампу. Если тот ответит, нейроны образуют прочную сеть и информация закрепится, если нет — впечатление навсегда исчезнет. А вот чем руководствуется гиппокамп, принимая решение, — до сих пор загадка. Есть мнение, что все дело в эмоциональной значимости. Если информация имеет эмоциональную окраску, скорее всего гиппокамп откликнется. Например, на имя близкого человека он среагирует. А на

имя какого-нибудь чемпиона мира по плевкам в длину — вряд ли.

— Если он не в тебя плевал, — заметил Любимов.

— Точно. Кроме того, видимо, гиппокамп реагирует на информацию, которая имеет отношение к тому, что тебе уже известно. Тогда мозг начнет генерировать ассоциации. Допустим, нейронные цепи Рогалика постоянно замыкаются на компьютерах, это его работа. Соответственно, все новое, что он узнает по этой теме, вызовет у гиппокампа отклик и будет помечено как подлежащее хранению. То есть каждое новое понятие мы ловим на крючок старых впечатлений. А поскольку жизненный опыт и прочие обстоятельства у всех разные, то и запоминается одно и то же каждым отдельным человеком по-своему. Вот, собственно, Зойка, тебе и ответ.

— Ну, — сказал Лешечка, — за память!

Дружно налили и выпили.

— А почему мы тогда запоминаем всякую ерунду? — спросила Ирина. — И надолго, если не навсегда?

— Наверное, мы просто очень впечатлительные, хотя по некоторым этого и не скажешь.

— Я ужасно впечатлительный, — пожаловался Рогалик.

— Я тоже, — вздохнула Зоя.

— Наверняка. Поэтому у нас возникает эмоциональный отклик на гораздо более широкий круг информации, чем у нормального человека. А это ведь как снежный ком. Нейрон за нейрон цепляется, и пошло-поехало. Чем больше ты знаешь, тем легче образуются все новые и новые ассоциации. Хотя есть и области, каждому из нас совершенно недоступные. Я, например, в гробу видел этот ваш футбол. У меня к нему стойкое отвращение. Или, допустим, стоит мне посмотреть на двигатель внутреннего сгорания, я сразу пойму, зачем какая штука к нему привинчена. Но если она будет отдельно лежать — не факт, что я вспомню, как она называется. Хотя у меня во дворе гниет и разлагается личный автотранспорт, и, как вы помните, я неплохо с ним управлялся.

— Ой, не надо! — взмолилась Зоя. Прошлой зимой, по дороге во Владимир, Гош поймал колесом гвоздь, и компания загремела в канаву. Никто не пострадал, в том числе и

машина — глубокий снег выручил и ремни безопасности, но впечатлений у Зойки, Ирины и Лешечки осталось масса. Тем не менее во Владимире они заняли шестое место. С учетом того, что на фестиваль съехалось восемьдесят сильнейших команд со всего бывшего Союза, результат впечатлял.

Из них вообще могла бы получиться очень мощная команда, если бы на каком-то этапе желание просто общаться не пересилило желания играть. Уже совершенно ясно — питерский фестиваль в следующие выходные станет для шестерки Дымова последним. Дальше они будут сколько угодно встречаться, трепаться и пить водку. Но на игру не выйдут.

— Самый знаменитый человек, полностью утративший память, — Рейган, — вспомнил Лешечка. — Болезнь Альцгеймера.

— Да минует нас чаша сия! — провозгласил Гош, откупоривая свежую бутылку.

На улице солнце опускалось за дома. Посреди собачьей площадки стоял молодой человек и, мучительно кривя лицо, рассматривал своего пса, резвящегося поодаль. Он хотел позвать собаку, но почему-то никак не мог вспомнить ее имя.

Просто вылетело из головы. Просто вылетело.

Если бы не Белла, Гош мог бы запросто упасть со ступенек. Собака лизнула его в ухо, и наваждение прошло. Кажется, он задремал, но таких отчетливых и детально прорисованных снов в его жизни еще не было. Нет, он действительно это вспомнил!

Ошарашенно приоткрыв рот, Гош принялся себя обшаривать в поисках курева. Сигареты оказались в том же кармане, где и всегда. И мир вокруг был все тот же — безумный новый мир. Разве что немного стемнело. Наверное, он больше часа просидел вот так на ступенях дома, в глубокой прострации. «Ну, попробуем восстановить, что же я там разглядел, внутри себя. Совершенно верно — сначала было видение девушки, скачущей вдаль на здоровенном гнедом коне. Какие-то парни рядом, потом миномет — конечно, это был самоходный миномет! Пожилой мужчина, лет

за шестьдесят, очень знакомое лицо... «Кто такие Регуляторы, Гош?» Так... Если он имеет в виду тех, кого называли *Regulators*, то, разумеется, я отлично знаю, кто это такие. Позже из них образовалась банда Кида. Интересно, какое отношение имеют Регуляторы графства Линкольн к нынешней ситуации и каким боком в нее вписываюсь я. Хорошо, а дальше? Дальше, Гош! Неужели ты на самом деле это вспомнил?!»

Он выкурил подряд три сигареты, пока не поверил в то, что действительно помнит тот день, несуразный и смешной, последний день нормальной жизни. Помнит целиком, от начала и до конца. Усмешка судьбы — ведь это, без сомнения, был день, когда смерть пошла гулять по свету, медленно, но верно подминая людей под себя. И оказывается, она наступала не сразу, ей сопротивлялись, каждый в меру сил... Гош пошарил в опустевшей пачке, смял ее в кулаке и чуть не бросил под ноги. Вспомнил, что он не дома, а в гостях, встал и медленно спустился вниз, к парковке. Забрался в машину, нашарил в кармане на двери новую пачку, распечатал ее, швырнул мусор через плечо. Взял очередную сигарету, но понял, что курить больше не может — перебрал табака.

Белла сидела у раскрытой двери, испытующе разглядывая хозяина снизу вверх. То ли привыкала к его внешнему облику, то ли просто насмотреться не могла. А Гош откинулся на сиденье и по новой переживал только что всплывшее в памяти. Чтобы уже точно не забыть. Ни взгляда, ни слова, ни жеста.

Увы, после того злополучного дня его память запечатлела только смутные обрывки — домашние заботы, привычная суeta на службе... И постоянное ощущение, что голова чугунная, как будто здорово недоспал. Тревоги не было. Гош списывал все на магнитную бурю. И ни за что не догадался бы увязать свое недомогание с промелькнувшей в новостях информацией о резком скачке числа пропавших без вести — людей, которые просто ушли из дома и не вернулись назад. Ему только отчего-то все меньше и меньше хотелось ехать в Питер. Но тем не менее в пятницу вечером он поцеловал жену, потрепал по холке верного пса и отправился на вокзал, где собиралась команда. Битком наби-

тый московскими Знатоками вагон «Красной стрелы»... Холодное пиво и теплая водка... Разговоры, разговоры... И все — как отрезало. До Санкт-Петербурга они, судя по всему, доехали — ведь не разбился же Гош на том поезде... Но дальше были только капли дождя на лице, ружье на коленях, жесткая подножка «Хаммера» и два распухших трупа неподалеку. Примерно месяц назад. А куда же делись годы?

Годы, внутри которых спрятался образ девушки на коне. А еще самоходный миномет. Не подводная лодка, не летающая тарелка, а именно этот отлично знакомый аппарат. Впору поверить, что на самом деле приснился. Но кто же был тот пожилой мужчина? И что еще за Регуляторы? А может, это на самом деле был только сон?..

— Дымов! — раздалось откуда-то издалека. — Георгий! Это вы?

Белла предупреждающе рыкнула, и Гош очнулся. В нескольких метрах от машины, благоразумно не подходя ближе, стоял какой-то незнакомый молодой человек. Основательно запыхавшийся, мокрый и растрепанный.

— Ну? — спросил Гош не приветливо. Очень уж этот парень смахивал на того гонца, которому голову рубят.

— Я от Бориса! — выдохнул молодой человек. — У нас проблема. Только вы можете разобраться. Будьте добры!

— Что такое? — удивился Гош. — У царя Бориса мания величия обострилась? Возомнил себя Иваном и хватается за посох?

Гонец всхрапнул, как запаленная лошадь. «Не от Кремля же ты сюда бежал! — машинально подумал Гош. — А действительно, что это он пешком?»

— У нас проблема на южном направлении. Приехали какие-то странные люди... Мы их в город пустить не можем. Но они спрашивают капитана Дымова. Борис подумал — может, это вы?

Гош вытаращил глаза и все-таки сунул в рот сигарету. Хотя следовало, наверное, не закурить, а выпить. И побольше.

— То есть он думает, это точно вы! — Гонец наконец-то перевел дух и перестал судорожно хвататься за селезенку.

— Час от часу не легче... — пробормотал Гош. — А что за люди, ты их видел?

— Не-а. Вы поедете? Они стоят у заставы на Варшавском шоссе.

— Угу. И как только я за Кольцевую выйду, мне тут же ствол в затылок и приказ — ни шагу назад.

Гонец очень натурально вытаращился, не хуже, наверное, чем минуту назад сам Дымов. «А ведь может случиться, что это и к лучшему, — подумал Гош. — Выгонят меня из города — и отлично. В Москве слишком много проблем накопилось. Рано или поздно здесь будет заварушка, мне, конечно, придется в ней участвовать на той или иной стороне... Убьют еще. А я, можно сказать, только пару минут назад жить начал. Ольга... А что Ольга, собственно? Этой Ольге я не муж, не брат и даже не сват. Черт побери, если у самого духу не хватает ни на что, так святое дело подчиниться обстоятельствам. А ведь так и сделаем! Все, решено».

— Ты откуда бежал? — спросил он у гонца.

— Я машину у поворота оставил. Сюда лучше пешком, кустами вдоль дороги, а то и тачку отнимут, и самого убить могут запросто. У нас с анархистами не то чтобы война, но...

— Заткнись, — перебил его Гош. Достал из-за противо-солнечного козырька блокнот и ручку. Вышел из машины и выплюнул гонцу под ноги изжеванную сигарету. — Я здесь уже полдня и не видел ни одного ствола. Ни у кого, понял?! Там же русским языком на щите написано — не держи оружие в руках! Не размахивай им! Конечно, если ты сюда с автоматом наперевес полезешь, тебе его в задницу вобьют. Решил носить пушку — стал мишенью. Закон фронта. Специально выдуман для таких мест, где никакие законы не действуют. Ладно... Стой здесь. Я буду через пять минут.

Гонец что-то обиженно пискнул вслед, но Гош не стал отвлекаться. Ему сейчас нужно было в нескольких фразах на бумаге сказать очень много и по возможности не заронить в чужую душу сомнений... «Про ее мужа и ребенка — забыть, — решил он. — Напишу просто — ты не помнишь, что мы расстались, а я успел с тех пор найти свою единственную любовь... Нет, не то. Слишком обидно для нее. Допустим, так — мы тогда по-хорошему разошлись, и потом я узнал, что ты встретила замечательного человека, да и мне тоже вскоре повезло, и мы даже звонили друг другу иног-

да... Да, нечто в этом роде. Какую-нибудь муть нужно выдумать, совершенно не трагическую. Давай, Гошка, ты же был рекламщиком, ты умел поворачивать факты так, чтобы не поймали на вранье».

Ольга все еще спала ровным и глубоким сном, и Гош, стараясь не смотреть на нее, оставил записку на столе. Во время поймал Беллу, сунувшуюся было к кровати пообщаться с хорошим человеком, и выскочил из комнаты, торопясь, чтобы не успела заесть совесть.

Гонец сидел в машине, опасливо поглядывая на лужайку перед домом, где местный народ потихоньку складывал костер и кто-то уже перебирал гитарные струны. Гош пустил Беллу назад, уселся за руль, сделал глубокий вдох и повернул в замке ключ. «С этого момента — только вперед. Кто бы там ни спрашивал капитана Дымова... Капитана? Неважно. В любом случае, будут новые впечатления. Хороший знак, чтобы начать следующую главу. К черту отсюда. К черту. Если вспомню потом что-то важное... Ну, вернусь. Ничего они мне не сделают. Пустят как миленькие».

У поворота с Можайки, где по-прежнему валялись на траве вооруженные опричники Бориса, гонец с видимым облегчением пересел в свою машину. Гош даже присвистнул — парень ездил на «Мазерати». Всю последующую дорогу гонец ему об этом напоминал — то давил на газ так, что великолепная «итальянка» растворялась в сумерках, то притормаживал, дожидаясь, пока его догонит угловатый джип. И снова топтал педаль. Гош плелся в хвосте и посмеивался. Ему очень нравилась эта «Мазерати», она была и внешне дивно хороша, и ездилась сильно, но стоило представить ее на тульских колдобинах... А Гош очень сомневался, что впереди его ждут хорошие дороги.

Участок Варшавского шоссе сразу за Кольцевой оказался ярко освещен — видимо, застава на всякий случай решила ослепить гостей прожекторами. «На динозавре они приехали, что ли?» — подумал Гош. Он подрулил вплотную к заграждениям, почесал Беллу за ухом и, решив, что умнее будет оставить ее в машине, выбрался наружу.

- Эй, Дымов! — крикнули ему. — Гошка! Сюда иди!
- А ты чего здесь? — удивился Гош, узнав Родионова.
- Борис прислал. Сказал, пусть будет у тебя с нашей

стороны хоть одно знакомое лицо. Чтобы потом было кому вернуться в Кремль и доложить, наверное. Ха-ха-ха!

— Очень смешно, — хмуро сказал Гош, благодарно толкая Родионова в плечо. — Ну, показывай.

— Давай сюда, налево, здесь проход. Дико прикольные чуваки приехали, в жизни таких не видел. А знаешь, классная у тебя команда!

— У меня? Команда? — усомнился Гош, карабкаясь через надолбы. — У меня пятнистая амнезия, вот что у меня точно есть. А команды не помню.

— Вспомнишь! — пообещал Родионов, поддерживая его под локоть. — Такое не забывается. Так, извини, теперь придется через танк...

Гош легко вспрыгнул на броню, миновал громадную башню и остановился на носу танка, одной рукой держась за ствол. Перед ним было залитое светом шоссе. И там стоял...

— Регуляторы, в седло-о!!! — заорал, надсаживаясь, какой-то смутно знакомый голос. — Капитан! Гошка-а!!!

Гош спустился на асфальт и медленными осторожными шагами пошел вперед, поедая глазами огромную боевую машину, которую совсем недавно видел — то ли во сне, то ли в короткой вспышке памяти. Никаких сомнений, это был «Тюльпан».

И четверо мужчин в черных комбинезонах что-то кричат непонятное, машут руками, улыбаются... Гош почувствовал, как шаги становятся все короче, потому что поднимаются ноги. А перед глазами плывут круги. Наверное, от яркого света. Чересчур яркого. Слишком.

— Я же вас не помню, ребята... — пробормотал Гош. — Я вас совершенно не помню...

— Гошка! — Кто-то непомерно большой схватил его и так сжал в объятиях, что кости затрещали. — Гошка, родной! Ну, ты как?! С Женькой не встретился?! А?! Нет?! Она где-то здесь должна быть, мы найдем ее обязательно...

— Отдай капитана, зараза толстая! Гош, старина, неужели это ты?! Живой! — Смуглый черноволосый парень мертвой хваткой вцепился в руку и заглянул в глаза.

— Зловещие Регуляторы возвращаются! Капитан... — Невысокий крепкий мужчина с простым и открытым ли-

цом четким движением отдает честь и тут же принимается хохотать.

— Здравствуй. Ну, почти все в сборе! — Еще один парень без особых примет, только взгляд натуру выдает — острый, умный, бесстрашный.

Гош крепко зажмурился, стараясь понять, что с ним происходит. Голова будто взрывалась изнутри.

— Ненормальный, ты куда из города делся?!

— Женька, понимаешь, чуть грыжу не нажила, пока нас до Тулы доперла, и тут на тебе!..

— Вообще-то, Дымов, сволочь ты порядочная. Если проснулся раньше всех, мог бы не растворяться в пространстве, а за бутылкой сбегать...

— Откуда ты знаешь, может, он и побежал, только остановиться не сумел!

— Да ладно, Регуляторы, перестаньте! На нем же лица нет!

— Эй, Гош! Очнись! Мужики, да что это с ним?!

Медленно, очень медленно Гош закатил глаза и повалился вперед, прямо Большому в руки.

— Аптечку! — крикнул заставе Родионов, все это время стоявший рядом и с умилением наблюдавший за сценой встречи. — Эй, там! Чего-нибудь! Человеку плохо!

Регуляторы уже тащили Гоша к спрятавшимся за кормой миномета джипам. Точнее, Большой его нес, а остальные так, придерживали.

— Не надо аптечку! — бросил через плечо Олег. — У нас есть. И вообще, мы его коньячком...

— Вы это, мужики... — нерешительно сказал Родионов. — Может, встанете тогда на ночь тут, в отстойнике? А я вам Гошкин «Хаммер» выгоню. Чтобы уж вместе.

От суетящейся компании отделился Цыган и вернулся назад.

— Слушай, — тихонько сказал он Родионову. — Строго между нами. Здорово Гош успел дров наломать? Или так, простительно?

Родионов поперхнулся. Видно было, что Цыган не шутит, а на самом деле интересуется, много ли Гош в Москве набезобразничал.

— Да нормально... Жертв и разрушений нет, — выдавил он. — А что?

— Ну и слава богу. Понимаешь, мы в конце прошлого лета ехали в Тулу. И по пути заснули все. Только девчонка одна с нами была, вот ей и удалось нас до города донести. А очнулись мы более или менее только сейчас, но все в пределах Тулы, не разбежались за зиму. И с очень хорошей памятью. Тут же вспомнили друг друга и бросились на поиски. Все нашлись, а Гошка пропал. Исчез бесследно. Вот мы и...

— Гошка зато тут возникал, — сообщил Родионов. — На протяжении нескольких месяцев. И как раз очень старался наломать дров. Приезжал, стрелял, ругался матом. Если бы не Борис, давно бы шлепнули. Потом он исчез, а возник только вчера и сказал, что месяц назад проснулся. Тихий был и скромный. Так, напугал кое-кого, но без кровопускания. Зато успел завести собаку. Кстати, она у него в машине сидит.

— Ладно, — кивнул Цыган. — Не нравится мне этот его обморок, но будем надеяться... Давай гони сюда его «Хаммер» вместе с собакой. А утро вечера мудренее. Нам еще Женьку искать, она тут рыщет где-то по его душу, неугомонная. Вперед рванула, не дождалась. Не видел рыжую такую на коне? Амазонку со снайперской винтовкой?

— Не-а, — помотал головой Родионов. И улыбнулся.

— Ты чего? — прищурился Цыган.

— Любен! — крикнули ему из-за миномета. — Откачали, кажется!

— Иди, — кивнул Родионов. — Иди к нему. А я так... Ничего. Хорошая команда у вас. Аж завидно.

— Хочешь — смейся, хочешь — нет, дружба в боях закалилась, — гордо сказал Цыган. — Ну, до утра. Встретишь нашу Рыжую, не пугайся, она на самом деле золотая.

— Мне своя нужна, — тихо произнес Родионов. — Единственная. Тьфу! Валите в отстойник, сейчас подгоню машину. Собаку только не обижайте.

— Ты говоришь так, будто Гош умер, — заметил Цыган. — Оклемается, сам займется своей псиной.

— Он теперь уйдет с вами, — сказал Родионов еще тише.

— Ну... На какое-то время мы бы хотели тут задержаться.

— Но потом-то он все равно уйдет.

— Если Гошка решит, что это правильно, ты сможешь пойти с нами.

— А-а!.. — Родионов как-то скованно махнул рукой, повернулся и зашагал в город. Цыган побежал к миномету.

Гош, бледный и взъерошенный, сидел в «Лендровере». Олег массировал ему виски и приговаривал: «Ну вот и все, уже все прошло, мы тебя сейчас уложим баиньки, и утром ты будешь как новенький, сейчас приедет твоя машинка...»

«И придет твоя собачка», — чуть было не ляпнул Цыган, но решил на всякий случай повременить. И угадал.

Гош повел глазами в его сторону и вздохнул.

— Простите, ребята, — через силу прошептал он. — Понятия не имею, что со мной такое. Устал я. Жутко устал. Как во сне. Туман сплошной. Цыганище, ты покомандуй тут... Обеспечь. Слушай, где это мы? Как нас сюда занесло? Это что, опять Москва?.. Зачем? Все, сломался. Устал. Олег, хватит, оставь меня в покое, ради бога... Ничего не понимаю. Слушайте, на самом деле, я посплю немного, ладно? Вот прямо здесь и посплю...

— Спи, братишка, — мягко улыбнулся Цыган. — Но чур, только до утра. Не больше.

— Ага, — кивнул Гош.

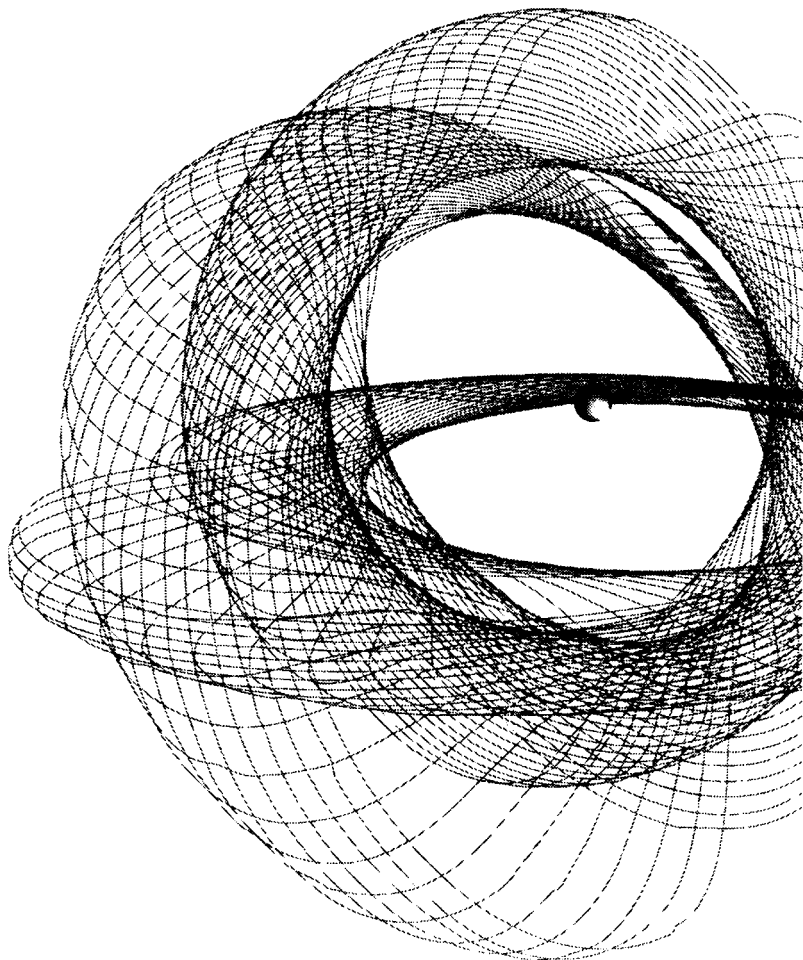
Уронил голову на грудь и мгновенно заснул.

На этот раз — только до утра.

Москва, 1998 г.

ТОЛКОВАНИЕ СНОВИДЕНИЙ

РОМАН

ПРОЛОГ

Когда остается дюжина пар до конца, на финишной площадке уже плюнуть некуда, не то что эффектно развернуться. Прессу отсюда вежливо гоняют, но она вновь обратно просачивается. Еще бы, здесь же все фавориты — толпятся у бортика, нервно переступая с ноги на ногу. Лыжи поставили вертикально, головы дружно повернули к табло. На каждой лыже крупный логотип производителя, на каждом лице непередаваемое словами полуобморочное выражение. У меня в альбоме куча таких снимков. «Элан» и я маленький, «K2» и я постарше, «Хед» и я, уже похожий на себя нынешнего. Теперь акценты немного другие — скорее это я и «Россиньоль». Все-таки если раньше фирма получала меня оптом, в пакете со всей командой, то сейчас я — лыжник эксклюзивный и сам могу выбирать. Как это называет Илюха — «мальчика произвели из шлюх в куртизанки». Ничего, пусть издевается. Он на самом деле не завистливый, просто хамло.

Вот мы, «призовые пары», смотрите на нас, восхищайтесь. Болгары уже скатились до бронзы, но все еще надеются, что выйдет дубль. Стоят, пыхтят, быстро переглядываются между собой, перебрасываются короткими фразами — и снова глазами к табло. Не дай бог кто-то сейчас прискачет с лязгом и скрежетом и «разломает» пару. Болгарская команда вся сидит внизу, поправить ситуацию некому. Да и нет таких героев все равно, лучшие их лыжники застыли у бортика, впившись глазами в цифры. Еще одна пара наверху у американцев, но им тоже вряд ли светит. А вот чехи, которые только начали разминаться, меня слегка нервируют.

В принципе мы профессиональные горнолыжники. Но обычно про нас говорят — «челленджеры». Формулу «Ски Челлендж» придумали двадцать лет назад, и с каждым го-

дом число делающих ставки возрастает на миллион человек. Удлиненная трасса, очень злая, очень быстрая, флаги разнесены почти как в слаломе-гиганте¹. Требуется в первую очередь выносливости и отваги, причем в количестве поболее, чем у обычного мастера спорта. А условия выигрыша на тотализаторе — как везде, нормальные коэффициенты по ставкам. И лишь для тех, кто ставит на пару, — супервысокие. Казалось бы, ерунда, подумаешь, мужчина и женщина из одной команды должны взять одно и то же призовое место. Две бронзы, два серебра... А ты угадывай и ставь денежки. Но в том-то и фокус, что за всю историю наших тараканьих бегов по снегу «золотых пар» сложилось лишь девятнадцать. Иногда аж по три за сезон. А иногда три сезона кряду вообще без дублей — одни поломанные ноги...

Я же говорю — злая трасса. Сегодня еще ничего, тошнотная, но проходимая. А бывает, такую отгрохают, что только на схему посмотришь и думаешь — все, пардоннэ муа, я здесь не поеду. Но потом вспомнишь, что в «Ски Челлендж» не каждого обладателя Кубка мира приглашают, а тебя вот позвали, соберешь душу в кулак, перекрестишься — и на старт. Безумие. Экстремальное шоу с непредсказуемым исходом. Раз в месяц по одной и той же горе несутся парни и девчонки, снося флаги, вылетая, кувыркаясь, сшибая иногда публику... На видео очень зрелищно. Диски с записью самых эффектных моментов идут нарасхват. Даже я там отметился — это когда у меня от перегрузки лыжа расслоилась. Тьфу! Зачем мы это делаем? А все гордыня неумная. В том же самом Кубке мира я ни разу выше третьего места не вскарабкался. Тамошняя слаломная трасса для меня — частокол. Теряю на каждом флаге по одной-две тысячных просто из-за того, что темпераментом не вышел.

Бешеные деньги сегодня получит тот, кто поставил на нас с Машкой. Если, конечно, результат продержится.

Жжжах! Вздывая снежный бурун, разворачивается девчонка из Лихтенштейна. Четвертый результат. Теперь можно и расслабиться, ее напарник в этом сезоне ни разу больше пятого места не привозил. Фавориты переводят дух.

Особенно глубоко дышат болгары. Кто-то истерически хихикает. Но впереди еще чехи и австриец. При жеребьевке их отнесло в конец, трасса ребятам достанется разбитая, но и ноги у этой компании золотые. Будем надеяться... Шмяк! В пролете Лихтенштейн. Трибуны визжат. Одного из букмекеров схватили под руки и понесли — сердечный приступ. Наверное, впарил лихтенштейнца какому-нибудь азартному мафиозо за «темную лошадку». Ну и дурак.

Вокруг девчонки из австрийской команды выются репортеры. Знаю я эту Ханну, слова из нее не вытянешь. Вся она сейчас там, наверху, где уперся палками в снег ее возможный напарник. Привезет он ей серебро или нет? Второй мужик-австрияк висит на бортике и с отрешенным лицом тарашится, куда и все. Откатали хорошо, выложились до последнего, но... Впечатление такое, что цифр на табло ребята не видят. Просто смотрят. Устали. Ни мышц, ни нервов, ни воли. Оставили на трассе себя целиком. Мне их жаль. Почти как себя.

Эттеншн! Гоу! Снежная пыль, кланяющиеся до земли флаги. Один не удержался в «стакане», намертво вмороженном в покрытие, и улетел куда-то в толпу, когда его срубил австриец. Отменно парень атакует. Отменно. Но серебра ему не видать. Слишком лихо начал — до того за здоровье, что с середины трассы начнется упокой. Дружный вздох на трибунах — промежуточный финиш у этого деятеля лучший. Ерунда, сейчас он начнет уставать и ошибаться. Машка сильно толкает меня плечом. Я на миг оборачиваюсь и дарю ей взгляд, полный вдохновенного пренебрежения. Это не для нее, для камер, что впились объективами в мое лицо, ищут отголоски страха. Машка фыркает. Глаза у нее блестят — на подходе слеза. Ничего удивительного. Закрытие сезона. Полный моральный и физический износ. В таком состоянии не то что расплакаться — застрелиться впопору, когда твои основные конкуренты съезжают.

Вжжжж!!! Австрияк первым делом срывает лыжи и ставит их торчком, честно отрабатывая контракт. Да, с нервной системой у парня все нормально. А может, понял уже, как обманул со своим резким стартом. Чуть-чуть ему по ровнее съехать, придержать себя поначалу — было бы се-

ребро. А так — спекся на второй половине трассы. Ханна качает головой. В женском зачете второе место, в мужском третье. Австрийского серебряного дубля не сложилось, зато бронзовый сломан, болгарский. Опять. Как в прошлый раз и позапрошлый. Братья-славяне затравленно озираются. Нет, коллеги, жесткий слалом не для честолюбивых. Он только для лучших. Для таких, как мы с Машкой. Кстати, пора бы ей и разрыдаться. Телевидение обожает такие штуки. И спонсоры, те просто тают. Боссы корпораций, как правило, малость сумасшедшие, и истеричные натуры им близки по духу. Садомазохистское занятие жесткий слалом. Что кататься, что инвестировать в него, что делать ставки. Одна фигня.

А я спокоен как вымерший динозавр. Я совершенно чужой на этом празднике жизни. Парю над ним и удивляюсь — какого черта меня сюда занесло? Мне ведь не нужно себе ничего доказывать, мне отлично известно, что я лучший. Для чего же я здесь? Деньги зарабатываю? Ох, вряд ли. Горжусь тем, что если в классическом слаломе торможу, зато тут молодец? Застарелый комплекс неполноценности залечиваю? М-м... Нет, конечно, приятно стоять у бортика и ждать, когда принесут медаль и чек. Но это совсем не главное. Дело просто в том, что я люблю съезжать. Так мы это называем — «съезжать». Богатая формула. На трассе случаются иногда моменты временного умопомешательства, когда ты становишься богом. Не с заглавной буквы, конечно, а вроде того придурка из Старшей или Младшей Эдды, который ходил с кувалдой и всех лупил по головам. Да, именно съезжать. Катаются чайники.купаются э-э... купальщики. Хард-слалом задает лыжнику слишком жесткие рамки, чтобы называть сие действие «катанием». Вот мы и съезжаем потихоньку. Это как в F1, где нет водителей, только пилоты. Кстати, у нас и задача та же самая — носиться по узкой дорожке, которую тебе навязали.

Так стартовала наша Мисс Америка. Злосчастный флаг, убитый австрийцем и наспех засунутый в «стакан», опять летит кому-то в морду. Нет, Штаты сегодня явно не в форме. От напряжения в горле пересохло, свистну-ка я ребятам, чтобы подбросили водички. Мне самому к бортику

отходить нельзя, маркетинговая стратегия не велит. Обязан красоваться перед объективами, возвышаться и царить. Машка что-то говорит нашему комментатору, и интонации у нее на грани срыва. Бедная Машка. Когда она объяснялась мне в любви, у нее был примерно такой же голос. Если ей вступит в голову, что заполучить меня удастся, только убив Кристи, она это сделает без промедления. Хотя вру. Мы с Марией оба страдаем комплексом превосходства. Убивать какую-то мелкую и худосочную француженку, которую в наш лихой «Ски Челлендж» никогда не пригласят, это, по Машкиным понятиям, моветон. Примерно то же, что для меня ревновать Кристи к ее прежним любовникам. Поэтому Маша искренне считает, что я просто временно заблудился, и это скоро пройдет.

«Ну что, Павел, как вы думаете, вас уже можно поздравить?» — «Нет». — «Это горнолыжное суеверие или вы просто ждете выступления чехов?» — «Да». — «Сейчас на старте лучшие спортсмены чешской команды, вы полагаете, они могут улучшить ваши результаты?» — «Сомневаюсь. Золотой пары у чехов не будет. А вот Боян, в принципе, может разломать наш дубль. Конечно, трасса очень сильно разбита. Но вы же знаете, Влачек уже несколько раз из безнадежных внешне ситуаций вывозил отличное время. Это, безусловно, талантливый лыжник. Горжусь, что могу назвать его своим другом». — «Он лучший на сегодня, как вы думаете?» — «Я не сказал, что он лучший. Сегодня лучшие — Мария и я. А Влачек просто талантливый. Он еще не так ровно выступает, чтобы считаться лучшим. Извините, мы следим...»

Вот так, и только так. Спонсоры плачут. Народ стонет. А что же ты, милая Кристи? Что ты скажешь мне после? «Поль, ты неисправимый пижон». Умница. «Но я все равно тебя люблю». Правильно. Я тоже.

Нужно будет потом извиниться перед Бояном, если мое заявление пойдет в эфир. Потому что наврал я, ох наврал... Ладно, через несколько лет я сам буду носиться с микрофоном, и мне будут врать другие лыжники. Элементарная физика — закон сохранения вранья в информационном поле.

Мисс и Мистер Америка, он четвертый, она пятая, вне себя от раздражения, но все равно с улыбкой идут к нам говорить комплименты. Злы они не на нас с Машкой, только на себя. «Пол, Мэри, сегодня ваш день». Ну, это мы еще посмотрим... «Когда сделаете круг почета, не целуйтесь слишком долго, можете замерзнуть! Ха-ха!»

Ха-ха-ха. Машка уже передумала рыдать, она хищно буравит глазами мой висок. Круг почета — забавная церемония. Но при этом удивительно торжественная. Представьте себе окружность. Нижняя ее точка — финишный створ, верхняя у подножия центральной трибуны, возле пьедестала. Золотая пара встает спина к спине в нижней точке и разъезжается коньковым ходом в разные стороны вдоль бортика, чтобы в верхней точке встретиться. По дороге победители радостно машут толпе, а им на головы сыплются градом примороженные цветы, очень жесткие и травмоопасные от холода мягкие игрушки, какие-то флажки дурацкие и прочая дребедень. Под трибуной победители на приличной скорости заходят друг другу в лоб, но в последний момент чуть подтормаживают и мягко въезжают один другому в объятия. Вот, собственно, и все. А дальше уже всякая ерунда типа пьедестала, медалей, дипломов, чеков и душа из шампанского. Главное — круг почета. В жизни «челленджера» он случается только раз. Во всяком случае, пока исключений не было. Тяжело это сделать — чтобы два золота в одной команде. Чересчур жесткие трассы, чересчур мощная конкуренция.

Я кошусь на столпотворение у букмекерских терминалов. Ставки, которые собираются прямо с трибун, ничто по сравнению с денежными потоками, идущими по сети. Но для серьезных контор эти кабинки — элемент престижа. А лыжнику они напоминают: ты на ипподроме. Ты скаковая лошадь и жокей в одном лице. Десятки миллионов людей надеются на тебя, и миллиарды юро стоят на кону. Боян как-то признался, что иногда ему бывает стыдно. В самом деле, вот ты привез себе медаль, а в каком-нибудь Гондурасе у человека инфаркт. Я ему в ответ: а сто инфарктов не хочешь? А двести? Он даже в лице переменялся.

А вот, кстати, и пошел Боян Влачек. Наши шибко обра-

зованные комментаторы, уверенные, что как пишется, так и слышится, упорно называли его «Влчек», пока я им не сделал внушение. По-русски фамилия Бояна будет Волков. М-да, стильно шпарит господин Волков. Тресь! Опять этот флаг улетел.

Машка инстинктивно жмется ко мне вплотную. Есть чего бояться, дружище Боян опасный соперник. В будущем сезоне он меня точно сделает. А если поднапряжется как следует, то и сейчас все может быть. У мужика на самом деле талантище не хуже, чем в свое время у Стенмарка или нашего Жирова. «Продвинутый интеллект нижних конечностей», как это называет острослов Илюха. Для Бояна фактически нет чрезмерно разбитых трасс. Он в любой канаве выписывает идеальную траекторию. Мне часто приходится драться с горой, Бояну никогда. Я побеждаю не столько мышцами, сколько бешеным напряжением мозгов. А этот талантливый чех подкачал мускулатурку — и ездит себе, посвистывая. Сам видел. И слышал. Пока что моя голова умнее, чем его ноги. Пока еще... Ох, красиво чешет! Впрочем, ему же хуже. Старый уговор — если разобьет мой золотой дубль, подарит мне свой «Порш». Уговору лет десять, мы тогда еще ни о каком золоте и ни о каких «Поршах», естественно, не мечтали. А сегодня все реально. Ох, как прет! Лучший результат на промежуточном. Машка шмыгает носом. Эй, старик! Полегче! Да что же ты делаешь?!

Казалось, мир взорвался, когда он упал.

За последними стартами уже никто особенно не следил. Боян, хромая, протолкался ко мне сквозь толпу репортеров, и я его расцеловал. «Катайся пока на «Порше», старик. Я еще подожду». — «Договорились. В будущем сезоне он тебе достанется». — «Что с ногой?» — «Ерунда. Давайте, мои хорошие. Круг почета. Эй, Мария! Мысленно я с тобой! В смысле — на месте Павела. Ха-ха-ха!»

Ха-ха. Бронзовые и серебряные призы уже начали распахивать толпу. Самые титулованные в мире «челленджеры», невзирая на прошлые заслуги, бегали по финишной площадке, оттирая прессу к бортику. Тоже в некоторой степени ритуал. Для золотой пары стараются все. Ну, вот и занавес. Финита. Поднимайте флаг. В году две тыся-

чи двадцатом русские сделали «трижды двадцать». Мы — юбилейная, двадцатая золотая пара за всю двадцатилетнюю историю жесткого слалома. И Машка вовсе не собирается плакать. Она уже представляет, как мы обнимемся там, в верхней точке окружности.

Как это было красиво, наверное, со стороны! Чуть подтанцовывая, чтобы движение казалось легким и естественным, я пошел «коньком» вдоль бортика, хлопая рукой по подставленным мне ладоням. Лыжи скользили так легко, будто меня толкала в спину невидимая крепкая длань. Я разогнался даже больше, чем нужно, и не хотел ни останавливаться, ни даже немного подтормозить. Я хотел, чтобы это длилось вечно.

У Машки в руках набрался огромный букетище, и она небрежно отшвырнула его. Вороная грива, яркий чувственный рот, огромные зеленые глаза, полыхающие неземным огнем. Мы все-таки чуть-чуть погасили скорость. Но все равно наши тела грубо столкнулись, и у обоих перехватило дыхание. Машка впилась в мои губы, мы плавно заваливались набок, это падение оказалось бесконечным — наверное, из-за поцелуя, в который моя партнерша вложила все то, о чем уже тысячу раз мне говорила. Наконец мы, не разжимая объятий и не размыкая губ, рухнули, и сквозь вселенский рев толпы пробился восторженный щенячий визг. Это русская команда рванулась от бортика — у каждого в руках целый сугроб — и принялась исступленно нас хоронить. Ритуальное омовение снегом. Не захлебнуться бы. Хуже, чем утонуть в снегу, наверное, только в песке. Я в снегу тонул. Мерзейшее ощущение.

Я открыл глаза и увидел сомкнутые длиннющие Машкины ресницы. Я оторвался от нее на миг, перевел дыхание и чуть не поцеловал снова. Она была прекрасна. А вокруг плясали люди.

Вот сказать бы сейчас: «Мария, я тебя люблю». И все. Преданная, верная, готовая для моей пользы любому голову оторвать, рожать от меня детей, вести хозяйство, глядеть собачьими глазами... Впрочем, можно не говорить ничего, все так и есть на самом деле. Только руку протяни. Но в том-то и дело, что мне нужно произнести эти слова в пер-

вую очередь для себя. Это как обменяться кольцами. Просто символ. Но в нем чертовски глубокое содержание. Во всяком случае, так это я понимаю. Наверное, поэтому я еще ни с кем не обменивался кольцами.

А с другой стороны — ведь когда придет время расставаться, Машка отвернет голову мне. Наверное, поэтому, как я ни старался, мне так и не удалось проникнуться к ней ответной глубокой и всепоглощающей страстью. Мария лгнула ко мне с самого начала, еще в юниорской группе. Потом демонстративно шастала по мужикам с таким видом, будто назло. Пару раз я пытался с ней серьезно поговорить, но все мои аргументы разбивались об ее уверенность в том, что рано или поздно мы будем вместе. Ужасная женщина. Никто меня не заставлял так угрызаться совестью. Вот Боян из-за каких-то инфарктников казнится, а мне перед Машкой стыдно. За то, что хоть зарежусь — не смогу я ее полюбить. Мне с ней даже насчет переспать, и то подумать страшно. Даже спьяну. Знаю, чем это кончится. А потом, я такой странный тип... Кто это сказал, мол, умри, но не дай поцелуя без любви? Не помню, но это про меня. То ли молодой еще, то ли слишком романтик, то ли все тот же комплекс превосходства во мне играет. Вообще-то, сами подумайте, какой смысл в сексе с человеком, который тебя не интересуется как личность? Может, тогда за деньги честнее будет? А резиновых женщин сейчас насобачились делать таких, что от живой не отличишь.

Короче говоря, так я ее и не поцеловал. Наоборот, даже слегка встряхнул. А она наконец-то заплакала. Все решили, что это на радостях, и бросились нас откапывать.

И тут наступил какой-то провал в сознании, потому что вдруг оказалось, что я сплю и вижу удивительный сон. Мы с Кристи бок о бок неспешно катились по одному из знакомых мне с раннего детства склонов в подмосковном Туристе, и вокруг были люди, вынырнувшие откуда-то из далекого прошлого, те, кто учил меня, совсем несмысленно, стоять на лыжах — в основном родственники и их друзья. Что удивительно, все они были молодые, какими их запечатлело мое детское «я». Светило яркое солнце, и ноги сами писали дугу, и совершенно неожиданно я по-

чувствовал скользящей поверхностью какую-то жидкость. Опустил глаза — под лыжами действительно плескалась абсолютно прозрачная вода, тонкой пленкой лежащая поверх непрочного льда. Это был замерзший пруд, слегка подтаявший сверху. Я не испугался, инерции вполне хватало, чтобы докатиться до берега. Кристи тоже не выглядела беспокойной, только чуть нахмурилась, стараясь держать баланс. В принципе катание по воде совсем не такая отчаянная забава, как это выглядит со стороны. Мне довелось однажды присутствовать на зимнем альпийском карнавале, и черт меня занес посмотреть, как подвыпивший народ штурмует с разгонной горы вырубленную в реке полынью. В этом трюке главное — трезво оценить, каким окажется перепад в скольжении, когда ты вылетишь со снега на воду, и не потерять равновесия. Трезвых на карнавале днем с огнем не сыщешь, так что зрелище выходит презабавное. Недаром большинство стартующих из одежды на теле оставляют только лыжи и трусы. Я тоже был тогда, признаться, здорово навеселе. Слово за слово, ну и... И ничего особенного не произошло. Холодный расчет, обжигающий глинтвейн (а в нем лошадиная доза русской водки) — и мне пришлось даже активно тормозить, когда полынья осталась позади. А опыт запомнился, поэтому и во сне я скользил по воде смело, дотянул до берега и даже выскочил на него почти на полную лыжу. Пришлось толкнуться палками, чтобы выдернуть задники, и все проблемы. А Кристи уже стояла впереди и улыбалась мне.

Почему-то были сумерки, и я сразу узнал это место — родная территория Московского университета. Слева ощущается громадина того, что понимающие люди зовут «ГэЗэ». Вот первый гуманитарный, а вот и спорткомплекс. Дорожки оказались залиты льдом, слегка припорошенным снегом. Я оглянулся — пруда уже не было, да и негде ему здесь поместиться. Но тем не менее мы это сделали. И Кристи уже стояла у меня за спиной. Ну что ж, на перекрестке особенно не разгуляешься, так ведь и мы не Наполеоны — верно, Кристи? А то, что почти голый лед под ногами, это ерунда. Канты такие, что бриться можно. Гоу! Круг почета. Не знаю почему, но чувствую — мы его заслужили.

И мы степенно, не спеша, заложили круг. Мягко, с ювелирной точностью сошлись грудь к груди. Я заглянул в ее глаза и чуть не задохнулся от прилившей к сердцу нежности. У вас бывало так — всем телом вдруг ощутить, насколько же ты любишь? И насколько любят тебя... Мы даже не поцеловались, мы просто обнялись, прижались друг к другу, вложив в это объятие столько доверия и верности, сколько бывает лишь между самыми близкими людьми. «Я люблю тебя, Кристин». Во сне мой французский оказался гораздо чище, нежели на самом деле. «Я люблю тебя, Поль». Вот так. Именно так. И никак иначе.

Тут-то я и проснулся.

И ничего не понял. Ну совершенно.

Я сидел на жесткой табуретке в лифтовом холле какой-то провинциальной гостиницы. В аккурат между двумя лифтами, прижавшись щекой к холодной стене. Перед носом торчала старомодная пластиковая кнопка вызова. Неподалеку стояла еще одна табуретка самого простецкого вида.

Я не без труда отодрал щеку от стены и попытался разобраться, что, где и когда. Сразу испытал некоторое облегчение — на мне оказался мой любимый джинсовый костюм от Манчини, в карманах прошупывались документы, кредитки и наличные. Уже проще. Только как-то непривычно в ногах. Я посмотрел вниз — ого! А ботинки? Ладно, хотя бы не совсем босиком, все-таки в носках. Но э-э... м-м... почему? Зачем?

Послышались шаги. Повернуть голову оказалось неожиданно трудно, поэтому я решил просто дожждаться развития событий. «Лифта ждешь?» — деликатно поинтересовались сверху. Ну, глаза-то меня слушались.

Совсем молодой парнишка, стажер, только что перешедший к нам из юниорской лиги. Взяли на пробу. Черт побери, ну почему явился этот салажонок, который просто не поймет, что я не в себе? Из деликатности, так сказать... Почему не Генка? В крайнем случае Илюха или Димон... Что же мне теперь делать?

Он утопил кнопку вызова и присел на табуретку напротив, стараясь не глядеть на мои ноги. «Я с тобой прогуля-

юсь, ладно?» — вот и все, что пришло в голову. «А?.. Да, конечно». Ну и отличненько. Мне бы только оценить для начала обстановку, там уж я как-нибудь... Ничего не понимаю. Неужели меня накачали какой-то дрянью? Кто? Где? Чего ради?

Подошел лифт, парень встал и шагнул в кабину. Я тоже поднялся, довольно легко, и последовал за ним, какого-то хрена ради прихватив с собой обе табуретки. Их оказалось совсем не трудно пристроить сиденье к сиденью и ухватить одной рукой. Новобранец по-прежнему старательно отводил глаза. Ладно, малыш, не тушуйся, сейчас выберемся на улицу, там я мигом сориентируюсь.

Черта с два! Как только двери на первом этаже открылись, у меня перед глазами все поплыло. И очнулся я уже посреди здорового супермаркета, по-прежнему босой и с дурацкими табуретками под мышкой. Н-да, положеньице... Где-то впереди маячит салажонок, и даже по спине его понятно, до чего он рад от меня отделаться. Удрал? Или я его того... попросил? Не помню. Ничего не помню. Мама! Куда это меня занесло? Ну-ка, оглядимся. Медленно. Не упасть бы с перепугу, оглушительно грохоча табуретками, — поджилки так и трясутся. О-о! У-у... Молодец, Поль. Это ж надо так надраться! Чудовище ты горнолыжное!

Продавцы в мою сторону подчеркнуто не глядят. Да идите вы! Зато теперь я знаю, куда меня забросило. Наверное, пока сюда шли... Шли? Ноги сухие, носки чистые. Ну ладно, пока мы сюда э-э... перемещались, я сумел-таки шестым чувством просечь рельеф местности. И как только до меня дошло, какой это город, сразу пошли на ум и некоторые подробности. Итак, я торчу с этими кретинскими табуретками прямо в геометрическом центре задрипанного, но милого австрийского городишки Кица (то есть Китсбюэля, но русские между собой говорят «Киц» — видимо, бессознательно уходя от рвотных ассоциаций). Хоть какая-то явная сцепка с реальностью. Уффф... В целом не худший вариант. Случись со мной такой конфуз дома — сидел бы уже в ментовке. Проба на наркотики, вежливый звонок менеджеру... Б-р-р! А Киц все-таки Европа, место культурное, граждане уважают право личности на самовы-

ражение. Выйду сейчас на улицу, влезу на табуретки, будь они неладны, и стихи начну читать — никто глазом не моргнет. Хотя к русскому горнолыжнику могут и сбежаться послушать — нас в городе знают, мы поблизости арендуем тренировочную базу. И вообще, Киц только лыжами и живет. Так, а что, собственно говоря, тут сегодня делают русские? Тренируются? Ага, в употреблении психоактивных средств! Ладно, подключим голую логику. Если зеленые юнцы лазают по дорогим магазинам, а я достаточно косой, дабы разгуливать босиком... Естественно! Финальный этап «Челлендж»! Мы просто закрыли сезон. И сегодня... Ой, сегодня приезжает Кристи. Да, это будет, как говорит Илюха, «пассаж»! В хор-рошеньком состоянии встречу я свою возлюбленную. Клянусь, не виноват. Но кто меня так накачал?.. И чем?! В жизни ничего крепче пятидесяти градусов в рот не брал. А уж про коноплю или там галлюциногены всякие разве что понаслышке знаю. Впрочем, разберемся. Да и Кристи не девочка, поймет.

Теперь два неотложных вопроса. Табуретки эти мне, судя по всему, очень дороги, так что расставаться с ними подождем. Вдруг на самом деле пригодятся. Обстановка-то непредсказуемая. Черт его знает, куда меня через минуту забросит и какие чудеса я там обнаружу. Может, пресс-конференцию, а может, и групповую драку наших с ихними. В обоих случаях лучше приходить со своими табуретками... И обязательно добыть что-нибудь приличное на ноги. Конечно, если ты в джинсе от Манчини, то можешь, наверное, и с расстегнутой ширинкой по улицам фланировать, сочтут за экстравагантного миллионера. Но я не люблю босиком, мне дай волю, всю жизнь бы в горнолыжных ботинках рассекал. Так, где тут обувной?..

Следующий всплеск сознания оказался гораздо ярче предыдущего. Если в первый раз я очнулся просто невменяемым, а во второй был все-таки здорово ушиблен, то сейчас я чувствовал себя приблизительно на четыреста граммов крепкого. То есть сильно пьяным, но никак не сумасшедшим. Мягко расслабленным и на своем месте. Место являло собой уличное кафе, где столики размещались прямо на мостовой, отгороженные легким барьерчиком.

Я сидел, развалиясь, в пластиковом кресле и боролся с желанием пойти за сигаретами. Трезвый я не курю, да нам и не положено, но вот когда выпью — обожаю это дело.

Оглаживаться было страшновато, но пришлось. Табуретки мои драгоценные обнаружили неподалеку, рядом с сервировочным шкафчиком. На ногах ощущалось что-то мягкое, но прочное, наверное, какие-нибудь новомодные мокасины. А вокруг смутно угадывались знакомые лица. Наши. Русские «челленджеры». Я огляделся снова, на этот раз намного увереннее. Было очень тепло — какое, на фиг, закрытие сезона, больше похоже на альпийские тренировочные сборы, — но мне уже надоело удивляться. Ребята вокруг оживленно беседовали. То, что я пребываю в совершенно зоологическом состоянии, их никак не трогало. Это слегка обнадежило — значит, при беглом поверхностном осмотре у меня все в порядке. Что ж, тогда не будем форсировать события. Посидим, оглядимся, покурим, а там посмотрим.

А может, это глюки у меня были? И на самом деле пребывал я здесь, за столом, в полном ферфлюхтере, то есть отрубе. Сначала просто спал — кстати, нужно будет обсудить с Генкой этот сон про катание по воде, — а потом радостно галлюцинировал. Бывает. Но какой же, извините, дряни я накушался? И кто мне ее подсунул? Вычислю кто — удавлю паразита.

А сон был интересный. В общем-то, я и без психолога могу разобраться в его знаковой системе. Катание по воде... Момент преодоления. И заслуженная награда потом. Так, а что же я такое, собственно говоря, преодолел? Сделал золотой дубль? Не то. Не было там никакого чрезмерного напряжения. Само вышло. Просто удачно карта легла, особенно Боян подыграл с этим своим падением. Классический поворот «оверкант», коронный номер самоуверенного чайника. О собственную лыжу споткнулся. Нет, хоть убей, не помню ничего особенного в ближайшем прошлом, что могло бы инспирировать этот сон. А если он, что называется, вещий? Может же быть такое в принципе... Во всяком случае, Генка это не отрицает. Носятся в воздухе сгустки информации, и остро восприимчивые натуры вро-

де меня их отлавливают. Но тогда получается, что ничего хорошего впереди не ждет. И чтобы произошло то блаженное воссоединение, которое мне приснилось, нам с Кристи придется основательно упереться. Во что? Какие такие преграды у нас на пути? Да никаких. Пусть хоть война с Францией. Эмигрируем в какую-нибудь Новую Зеландию, и все дела.

Курить хотелось дальше некуда. Ребята оживленно болтали между собой и меня по-прежнему не замечали. Я встал, пошатнулся, но быстро поймал равновесие и тут же всей стопой прочувствовал новую обувь, буквально каждый миллиметр. Нет, уважаемые коллеги, не опустился я до ультрамодных мокасин, фигушки. Конечно, не так удобно, как «Россиньоль-Про», но все же совсем недурно. А стоит небось... В который раз пришлось опустить глаза и посмотреть на ноги. Действительно, стоит определенной суммы. Короткие остроносые сапожки из темно-синей замши, мой любимый фасон. Ну-ка чуть шевельнем нашим золотым голеностопом, застрахованным на пятьсот тысяч «юриков» от потери трудоспособности... Судя по колодке, сапоги явно итальянские. Лень снимать, чтобы разбираться, угадал я фирму или нет. Успеется.

Я подошел к загородке, шагнул через нее и оказался на улице — хотя какая улица, мы и так на ней сидим. И остолбенел. Навстречу мне, сияя, как рождественская елка, топал по осевой линии Илюха. Сначала я не понял, что с ним такое, — он весь переливался и сверкал. Приглядевшись, я увидел, в чем дело. Наш главный хохмач и «вечный третий» русского жесткого слалома был облачен в наимоднейший вечерний туалет, и с каждой из многочисленных деталей костюма свисала бирка, украшенная огромным радужным логотипом Юденофф.

На почтительном расстоянии за Илюхой крался розовощекий юноша с сантиметром на шее — приказчик. Увидев, что к Илюхе подхожу я, приказчик мгновенно затормозил и уткнулся в витрину ювелирной лавки. Молодец. Ценю профессионалов. Другой бы на его месте бросился и меня окучивать, но этот, хотя и молод, четко знает, что парень в джинсах от Манчини не оденется в Юденофф даже задар-

ма. И даже в классический смокинг. Да какой там смокинг, я у него и трусы-то не куплю. Хотя шьет мужик толково, но все равно это одежда русских нуворишей. Впрочем, подобные тонкости Илье не по зубам, а костюмчик ему и на самом деле к лицу.

Правда, не исключено, что приказчик элементарно напуган. Меня сейчас знает в лицо вся планета. Мало ли, какого выкрутаса могут ждать в провинциальном Китсбюэле от сильно пьяного молодого русского, который недавно хапнул одним махом полмиллиона. Вдруг бросится на товарища по команде тельняшки рвать? Между прочим, на самом-то деле сильно пьяный молодой русский заработал почти вчетверо больше, я ведь пристроил через подставных лиц всю свободную наличность на наш с Машкой дубль. Мы не были в фаворе, все считали, что наш сезон — будущий, а в этом победят чехи, так что коэффициент выигрыша оказался что надо. И тут мне Боян подыграл. Не забыть ему коньяку поставить. Ящик «Курвуазье». А то еще обидится.

«Салю, вьё! — орет мне Илюха на всю улицу. — Коман са ва?» Я беру его за рукав и медленно поворачиваю из стороны в сторону. Он не сопротивляется, наоборот, знает, с кем имеет дело. Ко мне и шел, судя по всему. «Са ва бьен. Ну-ка издали посмотрим... А ничего. Хорошо шьет Юденофф». Илья улыбается просто до ушей. Приказчик мучительно сдерживает радостные повизгивания. Впрочем, лицо его, за которым я слежу боковым зрением, резко мрачнеет, когда я распахиваю пиджак и начинаю придиричиво изучать подкладку. Значит, что-то не в порядке. Как обычно. Аж зло берет — ничего мои соотечественники не могут нормально доделать до конца. Слишком талантливая нация, черт бы ее побрал, чтобы обращать внимание на мелочи... Тут уже Илюха не выдерживает: «Да ладно, Поль, не надо так строго. Могу я, трам-тарарам, взять и поддержать трудовой копеечкой русскую прет-а-порте?» — «Можешь-то ты можешь, только вот не хочу я, чтобы эта самая прет-а-порте наглела в ущерб качеству». — «Так что, берем?» — «Пожалуй. Только я бы на твоём месте выпустил чуть-чуть рукава. Буквально на пять миллиметров. И будет самое

оно». Приказчик по-русски не понимает, но в витрине целая система зеркал, поэтому ему отлично видны наши жесты и выражение лиц. Он расцветает на глазах. А Илюха, тот просто фонтанирует: «Спасибо, Поль. Век не забуду. Ты сам-то куда намылился?» — «Да вот, на угол, в табачку. Хочу приличную сигару». — «И мне! Сейчас вернусь, учиню банкет. Конец сезона уже отметили, твое золото обмыли, теперь пропишем мою обновку». Он убегает, приказчик мгновенно прибирается к ноге и забавно семенит рядом, кивая, словно заведенный. Илюха показывает на рукава — внял моему совету, умница.

Я бреду на угол. С каждым шагом мне легче, легче, легче... Значит, это мы так весело закрыли сезон. Что аж на улице потеплело. Хочется надеяться, без жертв и разрушений — не как в прошлый раз. Ну правильно, наш с Машкой золотой дубль пришелся на последний этап розыгрыша. Закрытие само по себе большой праздник, а уж «трижды двадцать» — вполне уважительный повод радикально улучшить погоду. Кстати, где моя боевая подруга? А, неважно. Будем надеяться, что пока меня глючило, я не успел ее обидеть ни словом, ни действием. А к обиде бездействием Машке не привыкать.

Выхожу из табачной лавки, сую в один карман пачку «Голуаз» на черный день, в другой — упаковку голландских сигар «Даннеман». И нос к носу сталкиваюсь с Кристи. Она с ног до головы охватывает меня одним взглядом, все тут же понимает насчет моего состояния, подходит вплотную, прижимается — как в том сне, ей-богу, — а теперь поцелуемся... Буднично так, будто час назад расстались, но с чувством. Просто для затравки. Главное и самое интересное еще впереди. «Крис, ангел мой, я так скучал...» — «Я тоже. Здравствуй, любимый». Здравствуйте, мадемуазель Кристин Килли. Она смотрит на меня снизу вверх все понимающими глазами и улыбается. «Я сезон закрыл», — говорю. «Ага, вижу. Пойдем?» Конечно, пойдем. Куда скажешь, туда и пойдем, родная. Ты, главное, скажи. Надо же — вот она, моя Кристи, собственной персоной и в натуральную величину. Правда, величина небольшая, Машке на один укус, но зато фигура — как у той рыжей девицы, которая в рако-

вине стоит. В смысле — на картине Боттичелли. Волосы у Кристи черные, прямые, до плеч, чуть подвитые на концах, личико из категории хитрых смазливых мордашек, только попородистее, со смыслом. Когда она задумается о чем-нибудь, ее лицо становится донельзя одухотворенным, иногда настолько, что хочется залезть в каталог хорошей картинной галереи и посмотреть — не оттуда ли. А еще говорят, француженки сплошь некрасивые. Как в таких случаях многозначительно заявляет Илюха: «Это вам только так кажется». Он умеет произносить эту дебильную по сути фразу с неповторимой мрачной угрозой в голосе.

Честно говоря, мне неинтересно, какие из себя француженки. У меня есть Кристи, все остальные ее землячки — свободны. Можете верить их алгеброй, раскладывать по полочкам или по коечкам, это как вам нравится. Я свое урвал. Не завоевал, не заполучил, а именно урвал. Дело в том, что мы с Крис буквально с первого взгляда прониклись друг к другу необъяснимой симпатией, не имеющей ничего общего ни с зовом пола, ни с крепкой дружбой. Я бы назвал это «родством душ». Ласковые улыбки, милая болтовня, но все с каким-то подтекстом, расшифровать который совершенно невозможно. Как говорится — неумолимо потянуло друг к другу. Вот, дотянулись.

Она берет меня за руку и ведет. Из-за угла выскакивает Илюха, выпучивает глаза, я сую ему в руки сигары. Он что-то галантное бормочет на своем чудовищном французском в адрес Крис и чуть ей в пояс не кланяется. Учтивая Кристи по-английски обещает ему меня потом вернуть. Илья радостно блеет что-то типа «нет-нет, вовсе и не хотелось, даром не надо, забирайте его насовсем, он и так уже все у нас выпил». Я краем сознания припоминаю, что нужно будет, однако, выяснить, какой отравой меня угостили и кому по этому поводу устроить выволочку. Очень тихую и незаметную, чтобы тренер не пронюхал. Он за галлюциногены обоих лыжей забьет — и того, кто давал, и того, кто принял. В Димона, помнится, за один-единственный косяк так ботинком засандалил, что откачивать пришлось.

«У вас планы не переменились, вы уезжаете третьего?» — спрашивает Крис. Я задумываюсь о том, какое сей-

час число, и понимаю, что это не имеет значения. «Я уеду, когда уедешь ты. И если захочешь, мы поедем вместе. Туда, куда ты скажешь». Крис вся подбирается, и я знаю цену этому напряжению — она ждала таких слов несколько лет, но, кажется, не особенно надеялась их однажды услышать. «Кристи, ангел мой, давай на минуточку остановимся». — «Конечно, Поль». В глаза не смотрит, прячет лицо. Маленькая... Трогательно маленькая, всего сто семьдесят. И худенькая, легкая. Конституция, мягко говоря, совсем не горнолыжная. Ни золота, ни даже бронзы на серьезных трассах ей не взять никогда, это Крис знает отлично. Техника у девочки филигранная, но одной лишь техникой золото не берут. Кристин просто физически не может так отчаянно по-мужски, на голой атлетике «ломать склон», как это делает Машка, которая на десять сантиметров выше, гораздо тяжелее, а сильнее, небось, вдвое. И конечно, в сто раз отчаяннее. Поэтому на стандартном Кубке у бедной Крис шансов немного, а к нам, в формулу «Ски Челлендж», где делаются по-настоящему большие деньги и добывается оглушительная слава, ей путь вообще был закрыт с самого начала. И слава богу. Нечего ей делать в нашем безумном конкуре, где ты сам себе и лошадь, и жокей (а все-таки какого черта Боян упал, да еще так по-дурацки? Неужели...). Зря она вообще пошла в спорт. Хотя, когда тебя поставили на лыжи, едва ты начал говорить, другого пути и не мыслишь. И то, что Кристи в свободное время балуется спортивной журналистикой, очень хорошо. Я слежу за ее работой и знаю, что из девочки получится толковый комментатор. Не такой блестящий, каким буду я, но все-таки очень приличный. И это замечательно.

У Машки волосы тоже черные и тоже до плеч, только от природы кудрявые. Ростом почти с меня, сложение атлетическое, при этом фигура вполне женская, неперекачанная, все как надо, хоть ты лепи с нее женщину с веслом. Или, если очень хочется, с лыжей. Очень приятное открытое лицо, все находят его красивым, даже я. Но вот не то, совсем не то. Черт побери, да что же я их все время сравниваю?! Наверное, мне просто нужна точка отсчета, чтобы

лишний раз увериться в своей абсолютной правоте, в том, что выбор сделан верно. Тогда простительно.

«Послушай, Кристи, давай трезво взглянем на вещи...» Смеется. Милая. «Погоди, Крис, я еще не настолько плох. Слушай. Ты заканчиваешь кататься года через два». Кивнула. «А мне уже сейчас нужно что-то решать. В слаломе я добился максимума. Значит, если по-прежнему работать в команде, путей только два — либо в «Даунхилл Челлендж»...» Крис невольно вздрагивает, она боится за меня. Умница. Я тоже. Скоростной спуск по нашей экстремальной формуле — это вам не классические гонки с отдельным стартом. Недаром мы обзываем эту дисциплину простым емким словом «даун». В «Ди Челлендж» убиваются запросто, пачками. «Вот именно, милая. Тогда что — подвизаться в младших тренерах, пока наш старик не отойдет от дел? Не худший вариант, но команда связывает по рукам и ногам, тебе это отлично известно. Мы не сможем подолгу быть вместе, все останется так, как сейчас». Опять кивает. Я прислонился спиной к фонарному столбу, мне так легче, физически я все еще пьян в зюю, хотя голова довольно ясная. «Но выход есть, — продолжаю. — У меня лежат черновики контрактов с тремя российскими телекомпаниями и Си-Эн-Эн-Спорт. Они еще не знают, что я решил зачехлить лыжи, но уже за меня потихоньку грызутся. Нужно использовать этот момент, пока я, извини за пафос, в зените славы. Репортерские деньги совсем не те, к которым я привык, но все же приличная кормушка на много лет. И главное — свобода. Такая, какой я раньше и не знал. Я ведь смогу ездить вслед за тобой по всему свету и на каждом этапе Кубка быть рядом. Мы сможем все, понимаешь?»

Крис смотрит на меня и часто моргает. Конечно, ей все понятно. Нам при таком раскладе будет самый резон пожениться. До сих пор любовь была отдельно, а пироги отдельно, ведь с нашими тренировочными сборами и выступлениями в разных формулах — какая тут, к чертовой матери, семья? Дай бог раз в месяц, образно говоря, э-э... за руки подержаться. Мы и не обсуждали никаких перспектив, все-таки оба взрослые люди и реалисты. А вот если я пошлю на фиг этот распроклятый спорт... В кото-

ром увяз по уши, потому что угодил в элитную формулу, чтоб ей ни дна ни покрывки! И это Кристи тоже понимает. Род занятий у меня просто-таки на морде оттиснут. Разве что нет стартового номера. Но его с успехом заменяют любимые шмотки. Достаточно взглянуть на мои джинсы, а теперь еще и сапоги — сразу видно, что за фрукт. Парень вкалывает, как маленькая куколка, но за это ему обламывается жирный кусок. Только псих из формулы «Челлендж» отвалит две тысячи за ковбойские штаны с пятью заклепками. Позволь любому моему одногодку, не нюхавшему снежного пороху, заработать те же деньги где-нибудь на бирже или в рекламном бизнесе, да где угодно, только не на трассе — он за тот же двушник купит отличный костюм. Потому что он не псих. Но он и не может выкамаривать на лыжах то, что умею я. И такое распределение жизненных ролей, наверное, справедливо.

«Слушай, Поль, — говорит Крис тихонько, вглядываясь мне в глаза. — Только не обижайся, но... Ты уверен, что именно это тебе нужно? Я хочу сказать — именно так? Ведь один сезон без тренировок, и ты уже не сможешь вернуться. Может, подождем немного? Ты еще прекрасно катаешься в «Ски Челлендж». Ты же профессионал, зачем себя губить в самом расцвете? Столько лет, столько здоровья мы кладем на то, чтобы выбиться в люди... Я понимаю, второй золотой дубль вещь нереальная, но одиночное золото еще долго будет твоё». Милая Крис... Я мягко улыбаюсь. «Ты не знаешь всего, солнышко. У меня больше не будет золота в слаломе. С будущего сезона все золото в «Челлендж» соберет Боян Влачек. Хотя он мог бы и с прошлого начать. Откровенно говоря, я не уверен, что Боян просто так упал, по глупости. И не буду уверен, пока с ним не поговорю тет-а-тет. В общем, лучше мне уйти непобежденным. Это и для бизнеса хорошо, я ведь стану легендой, почти как твой дедушка Жан-Клод. Надоест журналистика — буду приторговывать инвентарем, связи есть... Ой, неважно это все. Главное — уходить нужно прямо сейчас. Иначе меня это болото засосет. А я не хочу. Я хочу быть с тобой. Всегда». И по глазам ее вижу — поверила. Даже с учетом скидки на мой пьяный вид. Или наоборот, ведь что

у трезвого в голове... Короче говоря, поверила в искренность моих слов. Решение-то действительно непростое, я ведь еще года три могу ого-го как... Если, конечно, не принимать в расчет друга Бояна и дышащих ему в затылок молодых штатников и австрияков, коим несть числа. Так что выбор мой — единственно верный. Я на самом деле хочу и могу зачехлить лыжи. Почему нет? Забрал суперприз — уходи! Ох, подозрительно легко я его забрал... С Бояном придется очень серьезно поговорить. Если он по заказу упал, тогда я ни при чем, у меня своя игра, у него своя. Но вот если это он лично мне решил по старой дружбе подарочек устроить такой ценой, что нога чуть винтом не пошла, тогда я... Не знаю, что сделаю. Возьму кувалду и так его любимый «Порш» измордую, что в металлолом не примут.

А может, он действительно скорость не рассчитал?

На этом мой поток сознания обрывается, потому что Крис прижимается ко мне крепко-крепко и говорит: «Поль, мой единственный, я понятия не имею, как дальше сложится наша жизнь, но если я могу быть с кем-то счастливой, то это только с тобой. Я тебя люблю. Я знаешь, о чем мечтаю весь последний год? Чтобы мы могли жить по-человечески, как все нормальные люди, вместе...» И дальше неразборчиво, ведь голос у нее звенит, как струна, она же всю себя вложила в эти слова. А я смотрю на часы и говорю: «Родная, если ты не против... Я в этих формальностях не разбираюсь, у нас, кажется, вероисповедание разное, и все такое, но если мэрия в столь поздний час еще функционирует, то брачное свидетельство нам выдадут сегодня же. И праздник выйдет дай бог каждому, одна из сильнейших команд в истории горнолыжного спорта будет нас по всему городу на руках носить. Собственно, я что имею в виду... Мадемуазель, вот моя рука, а вот и сердце. Выходите за меня замуж».

Она улыбается и говорит почти шепотом: «Я согласна». Так просто и естественно, что всем нутром чувствую — это от души. «Только знаешь, — говорит, — все-таки не сегодня. Во-первых, ребята пусть хоть немного проспятся, они же на ногах не стоят, а во-вторых, мы уже пришли, вот дверь, я тут квартиру сняла, как раз ужин должен разо-

греться, тебе ведь позже нельзя, у тебя режим». Я в ответ замечаю, что какой теперь режим, нет у меня больше режима, на фиг он мне не нужен, я же из спорта ухожу. А Кристи начинает-таки плакать, карабкается ко мне на шею и бормочет: «Господи, неужели это все на самом деле? Поль, у меня такое ощущение, что это сон, в жизни так не бывает, чтобы такое счастье, Поль, я люблю тебя, Поль, милый, единственный...» А я, очень гордый и немного растерянный, потому что наконец-то сжег все мосты и впереди настоящая жизнь, а не беготня за деньгами наперегонки с компрессионной травмой позвоночника, к тому же почти совсем уже трезвый, говорю: «Нет, любовь моя, ты не спишь. Мы сделали это. Понимаешь? Мы сделали это!!! Круг почта, Кристи! Все сбылось».

И вот тут-то я проснулся по-настоящему.

ГЛАВА I

Я лежал в постели, глядя в потолок. Не то чтобы громом пораженный или еще как-нибудь ушибленный, но, признаться, малость не в себе. Первое, что подсказала интуиция, — заново прокрутить сон в голове, что называется, по горячим следам, пока ничего не забыл. Чем я и занялся немедленно, старательно отделяя слой от слоя и фиксируя подробности. Сон при ближайшем трезвом рассмотрении показался мне еще поразительнее, чем во сне (ничего каламбур?), даже возникло желание присесть к компьютеру и по-быстрому все записать. Впрочем, я сразу вычислил, что фантазмагория потянет страниц на двадцать, а это с моим темпом часа три уродоваться. Кстати, о часах... За шторами угадывалось нечто похожее на утро, причем уже не раннее. А в квартире имело место бодрое шевеление. Ладно, скажем моему подсознанию большое спасибо хоть за то, что не запугало меня до потери ориентации в пространстве. Окончательно проснувшись, я легко сообразил, не только кто я такой, но и где нахожусь. И даже вспомнил, куда через сутки отправлюсь. К очередной, трам-тарарам, горе. Эх, гора, шла бы ты к Магомету... Ничего в жизни толком не видел, кроме клонов. Да, мой дом там, где снег, но кажется, я немного от всего этого устал. Ничего удивительного, психика «челленджера» быстро изнашивается, работа такая.

Парадоксально, но я не очень люблю горы. Скорее даже вообще не люблю. Они меня нервируют тем, что такие большие и твердые. В принципе это естественно — я встал на лыжи в Подмоскovie и привык, будучи наверху, видеть ровную поверхность вокруг и обрыв под ногами, а оказавшись внизу, обнаружить над собой просто склон здорового оврага, ничем не примечательный земляной бутор. И когда передо мной впервые обрисовался Чегет — мама!.. Вроде

бы ничего такого страшного над головой не нависает, довольно пологие и безопасные склоны, а вот не мой размерчик, и все тут. Хотя ты внизу, хоть наверху трассы — обязательно что-то еще выше торчит. Каменное, жесткое, внушительное. И можешь вскарабкаться хоть до самого пика, все равно это больше, чем ты. По моему скудному разумению никакой альпинист, даже трижды «снежный барс», ни одной горы по-настоящему не покорил. Как они это говорят небрежно — «сделал». А вот фигушки. Это гора тебя «сделала», приворожила, заставляя лезть на себя еще и еще, каждый раз по все более сложному пути. Достаточно лишь раз поддаться очарованию гор, осознать, какая это поистине чудовищная мощь и величественная красота — и конец, ты погиб. Недаром один пожилой мастер сказал мне, что мечтает умереть на маршруте. Есть что-то извращенно-сексуальное в этих взаимоотношениях горы и альпиниста. Нет, ребята, я уж лучше буду съезжать потихонечку. И каждый раз подсознательно верить, что попираю скользящей поверхностью не гигантскую злую каменюку, а мирную плодородную землю, как в родном Туристе. Конечно, странный я тип. Ненормальный слегка. Вон, sny какие вижу...

Кстати, о сновидениях и их толковании. Уж если я намерен и дальше нарушать режим, валяясь допоздна в постели, так хоть совмещу приятное с полезным. Что-то меня в этом сне насторожило. И кажется, я уже понимаю, что именно. В том, как интересно там повернулись наши отношения с Крис — это мне, пожалуй, самому не разобраться. Это мы обрушим на голову нашему штатному брэйнфакеру, сиречь психологу Генке. Авось разгадает. По идее, сон в руку, под конец сезона что-то придется всерьез решать, дальше так нельзя. И Крис, и я, оба мы хотим большего, нежели затянувшийся до неприличия роман. Хотим друг от друга, только вот гора проклятая не отпускает. И фактически я во сне проиграл сюжет того, как именно сильные духом молодые люди поступают в такой ситуации. Допустим. Логично. И симпатично. Молодец, весьма достойно повел себя. Но как прикажете интерпретировать весь предшествующий сумбур? Одна толчея на финишной площад-

ке чего стоит. Не бывает такого, просто не может быть. В нормальных лыжах площадка вообще чистая — приехал очередной спортсмен, минутку покрасовался, надписями на лыжах посветил и ушел за бортик, освобождая следующему место для разворота. В «Челлендж», где ради зрелищности на многое закрывают глаза — и на технику безопасности в том числе, — выделяют небольшую зону для возможных призеров. Чтоб удобнее было снимать, как они все скопом нервничают и потеют. Но микрофоны к нам все равно тянут из-за бортика, и до самого конца никого лишнего на площадке не будет. Не ровен час, промажет финиширующий и пару-тройку репортеров красиво искалечит. А в «Ски Челлендж» живых людей переезжать лыжами не положено, для этого «Ди Челлендж» есть.

Впрочем, это все цветочки. Технических несуразностей в любом сне хватает с избытком, на то и сон. Илюха, например, постоянно ночами летает, обгоняя аэробусы и корча рожи их обалдевающим пассажирам. Выходит, ему и разреженный воздух нипочем, и перья у него из крыльев не сыплются на околосвуковых скоростях. Если бы он с горы съезжал, как летает, давно был бы миллионером. А так — просто счастливый человек, которому ничто не мешает жить. Не то что некоторым. Мне, например. Ведь размечталось мое подсознание драгоценное, раскатало губишу дальше некуда! Сплошное вранье, картинки с выставки, а не сон. Ну-с, займемся самоуничтожением.

Во-первых. Заткнуть фанфары, овации прекратить. Да, стояли мы с Машкой у бортика на ватных ногах, потные и взъерошенные, нервно толкаясь локтями, причем не раз. Кстати, и букмекеров у меня на глазах выносили, не без этого. Но с таким же успехом на том же месте стоял Димон, и даже Илюха однажды стоял, от натуги чуть не помер. И вместо Машки бывала Ленка, и ничем особо героическим наши топтушки не увенчались — не брали русские золота. Пока что. Да, предположим, в этом сезоне рубиться за первое место намерены действительно мы с Бояном. В чем, правда, активно сомневаются тренеры, а менеджеры помалкивают, но я их вижу насквозь. Хорошо. Главная загвоздка в другом. С какой стати такой непомерный па-

фос? Такое дикое самолюбование? Допустим, многие в «Ски Челлендж» искренне полагают, что наша формула гораздо серьезнее классической. Но только не я. Покажите мне хоть одного нашего, кто привез бы золото на этапе Кубка мира. Увы. Да большинство вообще не выступало в Кубке никогда! Ни-ког-да! Кстати, и я в том числе, вся бредятина насчет каких-то там моих третьих мест — фокусы обиженного подсознания, и ничего больше. Вот так и узнаешь, чего тебе на самом деле хочется... Перехочется. Заберите свиное рыло и валите из калашного ряда, молодой человек. Потенциальные «челленджеры» отсеиваются, как правило, уже в рамках национальных юниорских первенств. Мы не то что бы какие-нибудь там отбросы тренировочного процесса, нет. Мы просто совсем другие. Вот, к примеру, моя Крис, у которой были серьезные взлеты в классической формуле. По самой простенькой трассе «Челлендж» она проедет в лучшем случае где-нибудь во втором десятке. Без малейших перспектив роста. И здоровья ей не хватит, и ногу побоится на склоне оставить. Реально. Общепризнанно. Как я сейчас понимаю, тренеры даже нарочно культивируют в нас такую уверенность, чтобы самооценка не падала. Хотя на самом-то деле...

А что на самом деле — это уже «во-вторых». Горные лыжи всегда были чертовски популярным зимним видом. Зрелищное, яркое, недешевое, пижонское занятие, к тому же весьма травмоопасное. Но в один прекрасный день выяснилось, что внимание аудитории потихоньку оттягивается на фристайл, акробатический сноубординг и всякие экстремальные выкрутасы. Нет, кататься-то и съезжать горнолыжники-любители отнюдь не перестали, наоборот, число их росло год от года. А вот наблюдать за профессиональными соревнованиями в старой доброй классической формуле — увы. Потому что разрыв между золотом и серебром в классике сократился до сотых. А значит — пропал элемент шоу. Там оказалось совершенно не на что больше смотреть. Разве что тарашиться на склон в надежде, что кто-нибудь красиво упадет. Но опытные спортсмены падают редко... И ставки делать народ не желал. Ведь классические горные лыжи — это вам не гонки F1. Факто-

ров, определяющих фаворита, примерно столько же. Но в F1 они, как правило, на виду — вон пимпочку какую-то новую к машине присобачили, вот пупочку, наоборот, отвинтили, а этот мотор трижды горел, поэтому черта с два он нормально поедет, и так далее и тому подобное. Любой мало-мальски толковый мужик, умеющий водить машину с ручной коробкой, может худо-бедно прогнозировать результат. В горных лыжах такой номер не пройдет. Нужно очень, очень, очень глубоко вникать в тонкости. При том, что даже о наличии большинства этих самых тонкостей информированы немногие. И все равно, будь ты хоть профессор горных лыж — не зная, какую именно мазь наколдовали тренеры к очередному заезду, рискуешь оказаться дурачиной и простофилей, отпустившим золотую рыбку.

Первыми неладное почуяли медиакорпорации. Потом спонсоры — упала отдача от рекламы. Положение нужно было как-то спасать: прямо на глазах самопроизвольно рушился громадный сегмент рынка, казавшийся до этого незыблемо стабильным. Вернуть потребителей к экранам могло только что-то свеженькое и с перцем. Некое яркое и опасное шоу, похожее внешне на классические горнолыжные дисциплины, но гораздо более динамичное и злое. Признаться, мне до сих пор страшно интересно — какие такие пляски на снегу могли бы выдумать кровожадные толстопузые менеджеры, не загреми тогда в больницу один ничем не примечательный человек.

Как раз в то время некто Фрэнк Макнамара, второразрядный американский лыжник, валяясь в очередной раз на растяжке, призадумался, как дальше жить. Поломанный Маркер в аналогичной ситуации выдумал свой гениальный крепеж. Украв таким образом возможность обесмертить свое имя у всех, кто сломался позже, несмотря на маркеры. В палате ведь мысли невольно обращаются к безопасным креплениям. Посмотришь на гипс, и давай выдумывать. Только выдумал, тут вспомнил — мать честная, они ведь и так уже есть! Капитально поломанный Илюха, как ни тужился, ничего умнее безопасных горных лыж не придумал. Оказалось, что это лыжи, которые стоят у печки. И желательно — цепями к ней, цепями прикованы...

Так вот, в отличие от Маркера — и тем более от Илюхи, — у Макнамары имелся дядюшка, владелец задрипанной букмекерской конторы. Пришел он навестить племянника, и слово за слово возник разговор — почему больше не принимаются ставки на горнолыжные соревнования. «Так никто и не ставит», — усмехнулся дядя. «Сам знаю, что не ставит. Ты мне объясни — почему?» Дядюшка ответил разумно и четко: крошечный разрыв между результатами, трудно предугадать раскладку мест. Очень мало заметных глазу внешних факторов. Фрэнк резонно поинтересовался, что же нужно сделать, чтобы горные лыжи возбудили в зрителе азарт. Тут дядюшка ответил еще конкретнее. Возьми трассу, на которой лыжник не ломится сквозь частокол, а красиво и опасно съезжает. Нечто среднее между обычной слаломной и трассой слалома-гиганта. И сделай ее такой, чтобы до конца съехало из ста участников не девять, а, скажем, пятьдесят. «А куда остальные денутся?» — спросил обалдевший Фрэнк. «Да хоть сюда, — небрежно ответил дядя, ласково хлопая племянника по гипсу. — И еще, Фрэнки, подумай... Я люблю бордеркросс* — зрелищно и шекочет нервы. А ты представь, что это будет за шоу, если нечто подобное учинить на горных лыжах! Например, выгнать пять-шесть человек разом на трассу скоростного спуска... Нет, лучше целую дюжину!» Тут Макнамара, по собственному признанию, слегка от дядюшкиной кровожадности устал и вежливо попросил родственника ту фак офф энд гет аут. Но к вечеру у Фрэнка начало яростно чесаться под гипсом, отчего он впал в мизантропию и до мельчайших деталей продумал два лихих мероприятия. Изобрел две абсолютно сумасшедшие дисциплины. «Ски Челлендж» — экстремальный полугигант, где доезжает до финиша, конечно, не каждый второй лыж-

* Бордеркросс — экстремальная дисциплина в сноубординге. На достаточно скоростную и насыщенную препятствиями трассу выходят сразу четверо «досочников». Разрешена контактная борьба — толчки руками, захваты и т.п. Из четверки двое, показавших лучшее время, проходят в следующий круг соревнований. Б. считается наиболее зрелищным видом сноубординга, призовые фонды современных бордеркросс-туров достигают полумиллиона долларов (по состоянию на 1999 г.).

ник, а все-таки два из трех, хотя с трудом. И «Даунхилл Челлендж» — вот уж действительно полный даун, — скоростной спуск с общим стартом (видели автогонки на выживание? очень похоже). Так и живем с тех пор. Нормальные лыжники соревнуются за деньги, славу и адреналин, а мы — за деньги с нехорошим душком, нездоровую славу психически больных и вагоны адреналина. Точнее, наверное, цистерны. И все потому, что нас в нормальные лыжники не берут. Мы как на подбор — крепкие, отважные и выносливые. Качества сии у нас представлены в количестве гораздо большем, нежели требуется лыжнику классической формулы. Но увы, за счет той самой филигранности, которая позволяет на каждом флаге отыгрывать тысячные.

Конечно, мы им завидуем. Вот судьба! Мой друг по песочнице, Игорь с десятого этажа, «чемпион по прыжкам в канаву», как он себя называет, никогда даже не мечтал о болиде F1. Парень — хороший раллист, это его призвание, он жизнь положил, чтобы научиться грамотно водить WRC², и на формульной трассе ему искать нечего, кроме позора. Две стихии внешне схожие, но по сути полярные. Как «Субару» и «Феррари». Спрашивается, о какой зависти тут может идти речь? А лыжники все-таки не машины и даже не автогонщики. И временами предаются несбыточным мечтаниям. Помню, в прошлом году подвалил к нам чемпион мира Стив Малкович. Мы как раз в Шамони откатались, хмурое утро, трасса распахана как форменный танкодром³, obsлуга готовится ее зализовать и флаги переставлять для этапа Кубка. Все «челленджеры» уже разъехались, только мы в себя приходим и чехи. Тут к нам в гостиницу Стив является, на плече чехол. «Здравствуйте, коллеги, — говорит. — Не прогуляетесь со мной до вашего склона? Что-то мне в голову вступило, хочу разок съехать. А вы, будьте добры, объясните, как это по всем правилам делается». — «Вы что, — спрашиваем, — от тренера сбежали?» — «Угу, — кивает. — Проболтаетесь — из могилы достану. Ну помогите Христа ради, что вам, жалко? Когда мне еще такой случай представится?!» Дали мы ему легенду, проводили на склон, внутренне хихикаем — надо же как мужика

разобрало! Если узнает его тренер, скандал будет на всю Европу. А не дай бог еще кувыркнется чемпион... Это у меня, самоубийцы, голеностоп на пятьсот тысяч застрахован, а у Стива, наверное, миллионов на десять. Вот будем переоформлять свои полисы, тут-то «Ски Иншурэнс» и припомнит нам, как мы ее на десять «метров» возмещения обрадовали...

Оставили в гостинице молодых, чтобы внимание отвлекали. Конечно, дико их обидели — кто же согласится в засаде сидеть, когда такой бесплатный спектакль! Впрочем кому бесплатный, а Малковичу развлечение в копеечку влетело. Мы ведь за его счет дали на лапу зрителю, чтобы подъемник запустил и помалкивал. Отдельно бригадиру «топтунов» и водителю ратрака⁴ приплатили за незапланированный перерыв на ланч. Стив размялся, еще раз в легенду заглянул, мы ему места показали, где совсем уж неприличные рытвины образовались. «Ну ладно, я пока без секундомера, для пристрелки. А вы, — «топтунам» кричит, облепившим трассу с вытаращенными глазами, — увидите кого-нибудь с видео, так сразу бейте ему в морду и картридж ломайте! Судебные издержки за мной!» И пошел вниз. Ох, изящно съехал! Как протанцевал. Однако чувствую — не то что-то. Поднимается чемпион, в глазах неземное сияние. «Вот это да! — говорит. — Очень все разбито, но какой восторг! Попробую слегка наддать». Мы его, понятное дело, отговариваем, но у Стива, похоже, на самом деле в голову вступило. Оказалось, что он впервые за последний год на целых полдня без нянек остался — тренер с менеджером поехали какие-то бумаги подписывать. Ладно, каждый сходит с ума по-своему.

Наддал Малкович. Еще красивее прошел. Опять чувствую — впечатление обманчиво. Как нашего легендарного Жирова тренеры ругали — почему, мол, едешь медленно? А посмотрят на таймер — обалдеть можно, он же на самом деле лучшее время привез! Вот и тут нечто похожее, только с обратным знаком. Но все-таки психую слегка, да и остальные мнутя. А если он попросит секундомер включить? И на ухадаканной трассе первый результат выдаст?!

Тут как раз Боян Влачек ко мне подходит. Злой как черт,

заранее расстроенный. На этой трассе первое время — его. «Знаешь, что сейчас будет?» — «Ну, что?» — «Уделает он нас, вот что. Секундомер попросит и уделает». — «Спорим на десять шелбанов, что нет. Секундомер-то он попросит. Но привезет двадцатое время, страшно обидится и больше никогда не подаст нам руки». Про руку я нарочно придумал — знал, что сразу будет второе пари на те же десять шелбанов насчет подаст или не подаст, и оба выигрыша погасятся. Боян страшно азартный, легко поддается, а я терпеть не могу, когда мне принародно по лбу шелкают.

Так и вышло, Илюху подрядили разбивающим, чуть пальцы нам обоим не переломал. Снова поднялся Стив, по лицу видно — окончательно сбрендил. «Можем секундомер запустить?» Отчего же не можем, на гору уже весь обслуживающий персонал сбежался, вплоть до последнего разносчика конфет. Разве что секьюрити не видно — понятное дело, кто ж им скажет, что чемпион мира угробиться решил... И тренерам вряд ли стукнут. На этот счет у обслуги круговая порука, знают, в каких строгих ошейниках мы живем. Хотя если, допустим, попросить бутылку пива на склон пронести... Сомневаюсь, что получится.

Запустили нам систему. Тоже фактически задарма — выпросили только пару автографов и несколько фотографий с чемпионом в обнимку на фоне стартовой будки. Стив был не против, разве что куртку набросил — фиг докажешь, при каких обстоятельствах его шелкали. «Только не снимайте, как еду». Нет проблем. Стартовую рейку настроили, Малкович уперся, выпрыгнул и улетел. Как он на этот раз прошел — ни в сказке, ни пером. Летит — хоть для учебного пособия снимай. «Как съехать с горы, чтобы твоя девушка, наблюдая, испытала оргазм». Талантливейший мужик. Стоим, пускаем слюни, по-черному завидуем, ждем, чем сердце успокоится. Заодно боимся как бы не поломался, — уж очень гонит.

Тридцать второе место он изобразил. В наших рядах полное замешательство. Боян шапку тянет с головы, трясет лохмами, уверяет, что я все нарочно подстроил, но подставляет лоб. Я говорю — не торопись, концерт только начался. А у самого в душе форменный салат оливье из глу-

бокого переживания насчет чемпионской психики, искреннего сожаления, что так получилось, и дикой гордости за наших.

Снова Малкович тут как тут. «Ничего, — заявляет, — не понимаю. Я же по вашей канаве ехал! В чем загвоздка?» Точнее, в чем уловка? — «What's the catch?» Мы его как могли утешили — мол, в канаве все и дело, тут даже господь бог время лучше тридцатого не покажет. Стив головой мотает: «И не такие канавы видал. Слалом-гигант на этой самой горе хожу. Вот разноска флагов у вас ненормальная. А ну, еще!»

Ладно, давай еще. Ка-ак он ломанулся! Совсем по-нашему, учел прежние ошибки, пересмотрел тактику. Стоим, переживаем больше прежнего. Двадцать седьмое время. Народ хохочет, сам себе аплодирует. Объехал чемпион господи, но не более того. Боян лезет за проигранными шелбанами и весь светится. Я отмахиваюсь — погоди.

Появляется Стив, зеленый и пупырчатый от злости, как жаба экзотическая. Без единого слова лезет к стартовой рейке. Тут мы не выдержали, стеной встали. И страшно нам, и обслуга уже извертелась, боится, что начальство прибежит. Малкович кричит — пустите, мелочь пузатая, я уже все понял! Черт с тобой, дуй, раз все понял. Расступились. Стив дунул, чуть не упал пару раз, в финишный створ на заднице въехал. Сорок первым. Илюха говорит: он же теперь скажет, что мы виноваты — с темпа сбили! Еще раз полезет и точно навернется! Боян: ничего подобного. И машет обслуге — ратрак и топтунов на склон! Бояна тут хорошо знают, любят, слушаются мгновенно. Все, накрылась трасса. Кончен бал, погасли свечи. Ждем чемпиона — извиниться хотя бы.

Смотрю, возносится на подъемнике Малкович, ногами болтает, смеется. «Что, — говорит, — мелкие пакостники, испугались — разобьюсь? Я же не то имел в виду, когда сказал, что все понял. До меня дошло, что мне здесь ловить нечего. Извините, если нервишки потрепал. Спасибо большое, теперь знаю, почему на вас ставки делают. Потому что вы психи и герои. У кого тут первое время? У вас, господин Влачек? Крепко жму руку. Восхищен. По завершении сезона всех милости прошу в гости».

Вот так мы и разошлись со шелбанами. А когда Малкович нас позвал остаться посмотреть этап Кубка и потом их трассу походить — вежливо отказались. Даже очень вежливо. Только Илюха не выдержал. «Вы, — говорит, — общепризнанная звезда, вас никакое позорище не сдвинет с пьедестала. Особенно если вы сами в чужой монастырь полезете. Мало ли, какие у чемпионов мира бывают заскоки? А мы ребята, подающие надежды, отчего крайне мнительные. Повыдираем ваши флаги с корнем, попадаем, лыжи погнем и от стыда ночами в подушку будем плакать. Нам это надо?»

Стив на минуту задумался, осознал, что это такой витиеватый комплимент, окончательно растаял, сфотографировался с нами — три «Полароида» расщелкали, потому что он непременно каждому хотел на память фото подписать — и ушел к себе нянек дожидаться. Причем несколько групповых снимков за пазухой унес. А на следующий день смотрим — громадное интервью в «Ски Экспресс». С теми самыми фотографиями и кучей дифирамбов в наш адрес. Не вынесла душа поэта. К интервью подверстали колонку — заявление тренера и менеджера, что они, когда узнали, где великий Малкович покатался, чуть не поседели в одночасье. Что ж, очень грамотный маркетинговый ход. Я выяснил потом — у Стива после этой публикации моментально продажи выросли на десять процентов. И его самого лично, и всего, что с чемпионом Малковичем хоть как-то связано. Вот какие удивительные вещи творит со спортсменами простое человеческое любопытство. Происходящее из зависти, той самой черно-белой зависти.

Но все-таки он, сволочь, глядел на нас свысока. И это тоже естественно. Неспроста мое бессознательное вздыхает о том, что я ни разу не выступал на Кубке. Очень хочется дорогому бессознательному стряхнуть с моих неслабых плеч комплекс вины перед мамой-папой. Вины за то, что уродился непутевым и вместо того, чтобы стать звездой большого спорта, блистаю в уродливом шоу наподобие гонок на разбивание машин. Знай мои предки драгоценные, чем все кончится, черта с два бы они ребенка отдали в спортшколу. Но ребенку нужно было укреплять опорно-двигательный аппарат, и он любил горные лыжи. Забота о

моем здоровье пересилила глубокую уверенность, что спортсмены вырастают безмозглыми идиотами. Впрочем, никому и в голову не приходило, что я действительно пойду по этой стезе. Талантом великим мальчик не отличался, а формула «Ски Челлендж», которая для меня оказалась тем, что доктор прописал, тогда еще только набирала обороты. В России о ней даже профессионалы мало знали и относились к жесткому слалому, мягко говоря, презрительно. Отсюда и русское прозвище «жесткий», хотя на самом деле наша дисциплина официально — *hard slalom*.

Короче говоря, это называется повезло — случись мне полюбить вместо горных лыж классическую музыку, вырос бы хлюпиком и бездарным пианистом.

...Я лежал, смотрел, как за занавесками становится все ярче, и продолжал анализировать сон. Некоторые моменты определенно мне нравились, другие вызывали недоумение, а в целом... У меня бывают удивительные сны. Не часто, примерно раз в месяц — и слава богу, а то бы давно с ума сошел. Честно говоря, я люблю их смотреть и до какой-то степени научился не теряться там, внутри. Могу, например, усилием воли загнать себя обратно в тот эпизод, который уже вроде бы закончился, но очень хочется развития темы. Могу, наоборот, не просыпаясь, выскочить из неприятного сюжета в какой-нибудь другой. А с нынешним сном мухлевать не понадобилось, все эпизоды имели четкое логическое завершение, и оставалось только с диким удовольствием и легким ужасом смотреть. И все же душу глодало беспокойство. Этот сон вполне мог сбыться, причем по всем позициям. Допустим, в большинстве своем они меня устраивали. Если не считать все того же катания по воде — недаром оно меня даже во сне (!) насторожило. И еще первые ощущения, испытанные мной в виртуальном Кице... От них пахло нехорошим пророчеством, особенно когда возник отчетливый знак потерянной растерянности — дурацкое хождение босиком с дебильными табуретками под мышкой. А я не люблю быть потерянным и растерянным. Я в такие моменты слишком управляем. И почему все безымянно? Этот парень молодой, который нашел меня в лифтовом холле, — я даже не смог толком запомнить, как он выглядел. И ребята... Да, наши ребята, что

выпивали в уличном кафе! Всего лишь абстрактные наши ребята, ни имен, ни физиономий. Недаром Илюха ворвался в сон ярким радужным пятном — я соскучился по знакомому лицу. А если это намек на предстоящее одиночество?!

Слишком много намеков. Слишком много слоев для одного-единственного сна. И нечеткая, размытая, но прущая из всех щелей тревога. Почему именно так? Эта-то ситуация меня и дергала больше всего. Дело в том, что мои сны всегда полны конкретики. А тут какой-то неясный (или чересчур мудрено зашифрованный?) сигнал. Допустим, принял я информацию о надвигающейся беде и перевел ее в визуальный ряд. Но почему, извините, такая форма? Хотя, если подумать — а какая еще? По большому счету, жизнь моя протекает в уютном замкнутом мирке, довольно бедном на новые впечатления. Одни и те же лица, одни и те же города, один и тот же спонсор третий сезон, даже снег везде одинаковый. А то, что со мной собиралось приключиться, вполне могло оказаться чересчур нестандартным и потребовать таких выразительных средств, какими я просто не владел в силу личной культурной ограниченности. Обидно, но факт. Ладно, Поль, не переживай. Вспоминай этот сон почаще, думай о нем — и однажды ты все поймешь. Лишь бы поздно не оказалось...

Мне ведь чего только не снится. Как-то пригрезилось кино, и в нем мы с Крис играли пару контрразведчиков, осматривающих транспортную развязку под Гагаринской площадью на предмет закладки бомбы диверсантом. Сюжет как сюжет, бывает. Двадцать первый — век терроризма, раз в неделю что-нибудь должно рвануть, а коли не рвется, значит, где-то уже взяли заложников... Место действия — тоже ничего особенного, развязка эта мне с раннего детства запала в душу. Никак сообразить не мог, почему, когда ныряешь под землю, видишь один магазин, а когда вынырываешь — другой. История простейшая: ребенок в машине сидит низко, угол обзора сужен, подголовник мешает обернуться и все понять. Но едва я подрос и разобрался, что к чему, — начало сниться это место. Как символ загадки. Так вот, в том самом кино с нами третьим играл такой антикварный голливудский актер, Берт Ланкастер. Поче-

му — не знаю, видел Ланкастера два раза случайно и фамилию-то запомнил, потому что был такой бомбардировщик. А по фильму моему сонному его героя звали Коркрен. И я, проснувшись, как последний идиот мучился — какого черта он Коркрен? Никогда такого имени не слышал. Ладно, проходит неделя. Дают по «Классике» старый вестерн с таким же раритетом Истом Клинтвудом. Этот хоть познменитей будет. Я, естественно, сажусь культурно развиваться. И что бы вы думали? Минут пять один из героев распинается в подробностях о том, как именно был застрелен некто Коркрен-Два-Револьвера. Тьфу! Вот и не верь после этого в существование единого информационного поля. Ну, всплеснул руками, принялся рассказывать. Парни на смех подняли. Ты, говорят, слишком много читаешь, а еще больше из прочитанного намертво забыл. Сунулся к Генке. Он меня выслушал и примерно то же ответил — старик, эксперименту недостает чистоты. Вот когда тебе приснится то, не знаю что...

Ну, приснилось. И как мне с этим дальше жить?

А никак. Только быть дважды, трижды внимательным. И все.

О! Вспомнил! Не Ист Клинтвуд, а Клист Интвуд. Или по-другому?... Нет, извините, не бывает таких имен. Это все подлец Илюха, он как на легендарного актера посмотрел, так сразу его и обозвал: «Глист Дриствуд». Попробуй запомни фамилию в эдаких условиях. Хотя на Глиста Дриствуда мужик здорово смахивал. Правда, в столь преклонном возрасте я тоже буду отнюдь не фотомодел ь. И вообще, актеры мне сегодня не снились. А пригрезилась тревожная история под названием «Те же и Ещё Хуже». История, полностью расшифровать которую мне пока что явно не по уму.

Пришлось закусить губу, чтобы не взвыть от бессильной злобы. Пожалуй, Генке я про этот сон не расскажу. Он мне сразу все на пальцах объяснит, и тогда может забыться что-то главное, очень важное, что я еще не распробовал на вкус или не разглядел толком. Генка хороший человек, но психолог он средненький. Узкий специалист, довольный своим местом в жизни, — что с него возьмешь. Снимает не-

нужные стрессы, заряжает нас на победу, и все дела. Один вот тоже зарядил так... Кого же он зарядил? А! Знаменитого хоккейного вратаря Третьяка. Наверное, полвека назад это было или лет сорок как минимум — подсунули лучшему вратарю страны блестящую по идее методику и хорошего психолога. Третьяк сначала заиграл еще лучше. Потом совсем хорошо. Потом стал вовсе непробиваем. А кончилось все тем, что он в свою непробиваемость уверовал и вышел на ответственнойшую игру в состоянии бога. Того, что с маленькой буквы, но все равно мощи неопишуемой. И по словам Третьяка, пока четвертая плюха в его ворота не залетела, так и не понял, что он малость не тот бог. Ему шевелиться надо было, а он все пытался шайбы взглядом отводить...

Тут мои размышления прервали — в дверь стукнул папуля. Никогда бы не подумал, что он это умеет. Может, стряслось что? Вчера мы толком не поговорили, я слишком поздно явился.

Оказалось, что ничего особенного не случилось, но, во-первых, давно пора завтракать, а во-вторых, на мое имя пришла куча мыла. Я спросил, нет ли весточки от Крис, отец моментально надулся и сказал, что не имеет обыкновения лезть в чужую почту, даже листать адреса. Наглое и циничное вранье. Еще как он лезет, а уж адреса смотрит непременно. Просто ему обидно, что ребенок «связался с какой-то нерусской». Папина неприязнь к Крис меня забавляет. По-моему, это отголоски тех времен, когда Россия пыталась закуклиться и послать всю планету на, а папуля вместе с другими молодыми бездельниками ходил швырять тухлые яйца в американское посольство. Так он с тех пор и не вырос толком, хотя пузо отрастил изрядное. Сразу видно — состоятельный мужчина.

Мы немного поболтали насчет его арт-бизнеса, в котором у меня тридцать процентов акций и ни цента дивидендов за последние несколько лет, то есть с самого начала. «Я тут раскручиваю один проект... Успех гарантирован. Будет тебе на кусок хлеба с маслом, когда помру». О, как мне это надоело! Вечная присказка — мол, когда загнусь, все тебе останется. Для тебя стараюсь, дорогой сынуля, а

ты меня за это слушайся. Тысячу раз я вполне прозрачно намекал, что в гробу видел его наследство, мне гораздо важнее живой отец. Но папуля — хоть ему кол на голове теши. Система кондовая, апгрейду не поддается. Ежегодно раскручивает очередной «проект века», и каждый раз с превеликим трудом выходит по деньгам «в ноль», успев только украсть тышчонку-другую себе на зарплату. Он из тех людей, которым процесс важнее результата. Да и я в этом плане от родителя недалеко ушел, только малость поциничнее, отчего не веду себя так, будто собираюсь жить вечно. И некоторая сумма у меня на черный день отложена, и страховок опять-таки вагон. Кстати... «Па, все хотел узнать — ты коммерческие риски страхуешь?» Папуля сделал значительное лицо и сказал, что все под контролем. Понятненько. Ничего он не боится, дорогое удовольствие. Да и не всякая компания возьмется обслуживать риски по авантюрным художественным проектам. Или потребует бешеный процент. Ладно, мое дело — сторона. Я в культурной жизни родины не понимаю совершенно ничего. До сих пор не могу разобраться — то ли мы по части живописи и прочего впереди планеты всей, то ли, наоборот, хуже не придумаешь.

«Какие у тебя перспективы на конец сезона?» — «Нормальные. Боюсь сглазить, но подворачивается реальный шанс сделать наконец-то золото». Про себя думаю — и последний. К тому же не такой реальный, как хотелось бы. Нехорошо думать гадости о друзьях, но будет здорово, если Боян на самом деле упадет. Лишь бы не сломался, я тогда со стыда удавлюсь. «И сколько получишь?» — «Если золото? Двести. Конечно, может быть еще дубль, но это химера, сам понимаешь. О дубле все мечтают, только не надеются. Глупо. А потом намечаются показательные выступления в параллельном хард-слаломе, это тоже прилично оплачивается». — «А если все-таки дубль? Кто там у вас, эта Мария, как ее...» Я отрезал, что никак ее, ни так, ни этак, и полез из кровати. Что-то слишком папуля беспокоится о моих деньгах, которых я еще не выиграл. Золотой дубль, господа, это достойная сумма. Ровненько миллион юро на двоих: по триста на нос собственно за результат

плюс еще двести каждому — спонсорская премия. Зачем отцу пятьсот тысяч? В чем дело? Может, он заболел чем-нибудь смертельно опасным? Вряд ли, мама сказала бы. «Па, если нужны средства... Могу немного подбросить». Улыбнулся, головой помотал. Но почему-то я ему не особенно поверил.

Хотелось слегка размяться — как всегда, с утра тело просило движения. За последние лет пятнадцать я так себя выдрессировал, что без зарядки мышцы толком не просыпаются. То есть на самом-то деле одного моего пинка сейчас хватило бы, чтобы отправить в глубокий нокаут любого кикбоксера, но субъективно мне казалось, будто едва дышу. Чисто спортивное похмелье — эндорфиновая наркомания так проявляется. Легкая наркомания, и прыгнуть с нее не проблема, но по молодости очень засасывает. Вроде бы мышцы стосковались по нагрузке. А на самом деле это мозг дозу требует. Пришлось немного помахать руками и повисеть на турнике. Полегчало. Я умылся, натянул джинсы и футболку и пошел на кухню здороваться с мамой. После завтрака отец, естественно, принялся зазывать меня к себе в офис. Он любит сыном хвастаться. При всяком удобном случае шпыняет и учит жизни, а внутренне — гордится. Никогда в этом не признается вслух, но я-то знаю.

Отказался. Все-таки у меня выходной. Имею право забраться в свою любимую комнату, полазить вволю по старым добрым полкам, битком набитым любимыми книжками детства. Пройтись, руки в карманы, по родным улицам. Потоптаться у своего детского садика, возле школы повертеться, в которой целых три класса отучился. Мне это во сто крат дороже, чем отцовская арт-торговля, пусть он хоть всю Третьяковку продаст и купит с Лувром в придачу. Я тоже в какой-то степени э-э... художник. Творец. Настоящий деятель культуры — честный наемник, создающий духовные ценности. Какие ценности? А вечные. Я провокатор эмоциональных всплесков. Миллионы людей присасываются к экранам, когда я съезжаю с горы, и визжат от азарта. Это что, не творчество? Да идите вы!

Короче говоря, я папулю вежливо послал, а сам уселся за компьютер и принялся копать в мыле. Первым делом

нашел письмо от Кристи и убедился, что у нее все в порядке. Решил позвонить, когда разберусь с остальной писаниной. Корреспонденции набежало изрядно — в основном узкопрофессиональная реклама, кое-какие свежие каталоги, сводка последних новостей из штаб-квартиры Федерации хард-слалома и прочая муть, которую нужно регулярно просматривать, дабы быть в курсе. Была и нормальная почта. Тренер прислал свою дежурную картинку в виде громадного волосатого кулака с подписью «Ты смотри там у меня!». Ему уже полагалось всюю крутиться на месте, оценивая трассу в Кортина д'Ампеццо. Судя по отсутствию подробностей, трасса либо ерундовая, либо такая, что нет смысла пугать нас раньше времени, а то еще не приедем. Из-за этого тренер ненавидит давать нам короткие отпуска на пару дней. В периоды легких передышек у хард-слаломиста начинается едва выраженный адреналиновый голод — не настолько дикий, чтобы захотелось прыгнуть вниз головой с Останкинской башни, забежать обратно и снова прыгнуть, — а как раз такой, от которого люди становятся трусоваты. Обычно нас поддерживают в состоянии баланса на грани между откровенным стрессом и небольшим привычным напрягом. Крошечную паузу в разгар сезона русской команде подарили не от хорошей жизни, а из полной безысходности. Мы плохо выступаем, нарушился внутренний климат, и старик решил нас хоть таким образом встряхнуть.

Илюха с Димоном сообщали, что они в воздухе, и стараются не открывать глаза, потому что мимо то и дело носят алкоголь. Я сбросил им короткое приветствие. Фэн-клуб в сотый раз умолял меня приехать свадебным генералом на какие-то любительские соревнования. Пришлось витиевато извиниться. Две просьбы об интервью в двух московских газетах — это можно было сделать и по сети, но только после согласования с менеджером, так что журналистов я оставил на потом.

Общаться с Крис через отцовский сетевой выход за папулины же деньги мне показалось не очень корректным, поэтому я достал свой телефон. Интересно, кто-нибудь еще, кроме русских, называет эту штуку телефоном? Со-

мневаюсь. Хотя тем же чехам, полякам, болгарам слово «хэнди» вряд ли ближе, чем нам. Я как-то об этом Попангелова спросил, а он мне в ответ: какая разница? Почему у вас, русских, лифт, а у нас асансьор? Хотя это мы вам кириллицу подбросили. Я говорю — при чем тут кириллица? Он — да при том, что не Иван ее придумал. Если вещь приходит из-за рубежа, она приносит название с собой. Откуда пришла, оттуда и принесла. Я ему — то-то вы галстуки врытоврзками называете. Он — видишь, значит, мы не только азбуку изобрели...

Посмотрел я на свой хэнди — ну вылитый телефон. И позвонил Крис. Девочка как раз пришла со склона, взмыленная, злая, и жутко мне обрадовалась. Минут десять мы очень мило беседовали, обсуждая, как нам ловчее пересечься в Кортина, чтобы не вывести из себя тренеров. Получилось, что минимум одна ночь у нас будет, да еще и полдня в придачу. При вечной обоюдной занятости расклад просто царский. В Шамони мы, увы, не стыкуемся, потом короткая встреча в Валь д'Изере, затем поодиночке Шладминг, Гармишпатер... тьфу! Гар-миш-пар-тен-кир-хен! И наконец, закрытие «жесткого сезона» в Китсбюэле — Крис через сутки подъедет. «Вот там и поговорим всерьез, — подумал я. — Пусть лучшая часть сна непременно сбудется». И снова про себя отметил — Поль, дружище, хоть сломайся, но золото возьми. Именно в этом сезоне, потому что в следующем тебя зажмут. Попробуй! С золотом на шее тебе все пути открыты — и из спорта, и под венец. Появится наконец-то моральное право зачехлить лыжи и стать нормальным человеком. Иначе до конца своих дней будешь дрыгаться и локти кусать. Тебе это надо? Тебе надо, чтобы Крис мучилась — у нее ведь примерно та же проблема? А так будет победа, которой вполне хватит на двоих.

Может, все-таки поговорить с Бояном начистоту? Ох... Никого я так не боюсь, как этого славного парня и единственного моего по-настоящему опасного конкурента. К любому другому в такой ситуации я бы запросто подошел и сказал за пару минут до старта: «Сдается мне, что ты сегодня прекрасно съедешь и ни в коем случае не упадешь. Слы-

шишь — ни в коем случае!» Хорошо, не подошел бы — тренеры не позволят, они этот фокус знают. Но пересечься еще в отеле как бы невзначай... Так, может, и лучше — дольше будет нервничать, а перегореть не успеет. В позапрошлом году примерно таким образом один француз пытался из-за бронзы Илюху завалить. Но, во-первых, чересчур поспешил, с вечера ему на мозги капнул. Во-вторых, не учел, что он для Илюхи авторитет сомнительный. И в-третьих, переоценил способности жертвы к иностранным языкам. Илюха по-французски говорит так себе, а понимает на слух вообще одно слово из десяти. По чистой случайности эта история всплыла — Генка докопался.

А вот у нас с Бояном полный контакт — он при таком раскладе мгновенно сообразил бы, чего от него хотят. И если я выберу правильную интонацию... Да, он догадается. Поймет, что это не попытка завалить, а просьба. И не кинется к психологу, а всего лишь сделает выводы. Либо внять слезной мольбе, либо потерять друга.

К сожалению, друзья о таких вещах не просят. Даже глазами не намекают. И вообще — чего я, собственно говоря, разнервничался? Я приличный лыжник, меня даже на улицах иногда узнают — правда, не здесь, а только в Европе, но все-таки... К тому же на пике своей формы. Впереди четыре старта, четыре возможности привезти золотишко. Если Мария не будет тормозить — сделаем и дубль. А уж коли Боян его все-таки разломает... Что ж, буду катать свою возлюбленную на дорожном полноприводном аппарате, заряженном по полному опциону. Делать красивые репортажи, иногда съезжать по легоньким трассам просто так, для души. И ни о чем не сожалеть.

И ни о чем не сожалеть?

ГЛАВА 2

Валь д'Изер — легендарное место для тех, кто знает и уважает французскую горнолыжную школу середины двадцатого века. Здесь блистал Жан-Клод Килли, дед моей Кристины, будущий мэр Альбервилля, города белой Олимпиады. Знаменитые французские «зимние» спортсмены

почему-то обязательно становились градоначальниками на склоне лет. В Шамони, где тот же Жан-Клод родился и встал на лыжи, одно время командовал Морис Эрцог. Вам что-нибудь говорит это имя? Хм-м, не очень-то и хотелось. К тому же Шамони мы уже проехали — именно проехали, во всех смыслах. Позорно завалив итальянский этап чемпионата, во Франции русские лыжники уперлись и задрали гордое знамя раздолбайства просто-таки на недостижимую высоту. Так погано мы давно не съезжали. В команде шел какой-то загадочный и явно деструктивный процесс. То ли все хором начали взрослеть, то ли не менее дружно задумались о вечном. Почти у каждого вдруг обнаружились тяжкие личные проблемы, и бедный Генка с ног сбился, психотерапируя направо и налево. Машка ходила смурная и опухшая, даже в мою сторону против обыкновения не глядела. Ленка, по ее собственному определению, «так втрескалась тут в одного, что почти забеременела». Другая на ее месте выдала бы от радости блестящее время, но Ленка, напротив, бесстыдно привозила в своем коронном скоростном двадцатые места. Димон вдруг перестал со мной разговаривать, а Илюха по большому секрету выдал страшную тайну — у нашего записного лузера окончательно прорезался давно наточенный на меня зуб. Сам Илюха оставался непоколебимо стабилен, то есть стабильно посредствен, и в ус не дул. Тренер с каждым днем все отчетливее багровел и обещал скорую раздачу оплеух. Менеджер, напротив, выглядел крайне легкомысленно — похоже, нашел куда удрать, буде команда окончательно утробит сезон. Младший командный состав в виде помощников и заместителей лавировал, как мог, промеж двух огней. Массажисту Димон без видимой причины съездил по уху, и тот едва не уволился. Мне сразу пришло на ум, что неплохо бы поставить массажисту от себя бутылку — но тогда пришлось бы объяснять, в кого Димон целил на самом деле.

Среди этого всеобщего бардака один я старался как-то держать себя в руках и более или менее прилично выступать на трассе. Но когда такая атмосфера вокруг — сами понимаете, особо не разъездишься. Тем более что тоскливые флюиды и миазмы, источаемые русской командой, на-

чали поражать и соперников. В Валь д'Изере с трассы вылетали через одного, а американец Фил, взявший золото, пересек финишный створ в положении лежа. Неожиданно засбоил Боян Влачек — застрял, как и я, в четвертых-пятых, сопровождая это пространными жалобами на какие-то свои загадочные «критические дни».

И все же в моей памяти эти дни, несмотря на дрянное катание, остались удивительно счастливыми. Пусть даже лучший наш с Машкой результат заключался в пятиминутном удержании бронзового дубля на трассе Кортина д'Ампеццо. Зато там, в Кортина, случилась волшебная ночь с Кристин. А в Валь д'Изере получилось совсем трогательно: Боян со словами «Ты привыкай, скоро он будет твой» вручил мне ключи от того самого «Порша», стоящего между нами на кону. И мы с Кристин спустились в долину и сняли номер в отеле совсем как нормальные люди, не спортсмены какие-нибудь, и снова любили, и долго разговаривали, и горечь предстоящего расставания на целых три этапа показалась мне не такой острой, как обычно, потому что в конце сезона что-то важное между нами должно было произойти... Именно тогда я узнал, насколько это серьезно для Крис. Даже не узнал — выяснил до конца. Она вдруг в меня вцепилась, прижалась лицом к моей груди и сказала: «Извини, Поль, некрасиво говорить такие вещи, но какое же счастье, что ты стал медленнее ездить!» Кажется, у меня от неожиданности рот открылся. А Крис шепчет: «Ты не представляешь, как я боялась все эти годы, что ты угробишься на одной из ваших чертовых трасс!» Насчет «чертовых» я перевожу как могу, ведь мы обычно говорим по-английски, и она употребила гораздо более крепкое выражение. Все, для кого инглиш второй язык, запросто ругаются на нем как сапожники. Оно понятно — не родной ведь. Недаром англичане уважают русский мат и с удовольствием его практикуют.

«Я смотрела, как ты едешь, и каждый раз мне хотелось закрыть глаза. Отвернуться от монитора и даже уши заткнуть. Но я не могла, я должна была оставаться с тобой, рядом, там, на вашей факин блади трассе, — сказала Крис. — Я люблю тебя, Поль. И ненавижу «Челлендж». Честное сло-

во, я буду терпеть до конца, пока ты не зачехлишь лыжи. Я счастлива уже тем, что ты не ходишь ваш сумасшедший, ненормальный скоростной. Но каждая твоя новая хард-слаломная трасса... Знаешь, мне даже не так страшно, что она может искалечить тебя физически — прости, конечно. Есть вещи хуже. Ты никогда не задумывался, что хард-слалом — этот огромный риск и эти большие деньги, за которые вы рискуете, вытравляют из лыжника все человеческое? Погляди хоть раз со стороны, как вы едете! Это уже не спорт, это война. Я смотрю на расстановку флагов и ненавижу тех, кто ее придумал. Каждый флаг ненавижу. Мне иногда кажется, что если вместо флагов поставить живых людей, вы и их посрубаете на корню. Как сшибают друг друга лыжники в «Ди Челлендж». Извини, Поль. Вырвалось. Я просто очень тебя люблю».

Пришлось закрыть рот, чтобы не выглядеть совсем уж ошарашенным. Горнолыжники люди дико суеверные, хуже нас в этом смысле только летчики и спасатели. Никогда не скажем «последний раз съедем», обязательно «еще разок, и все». Раз пошли разговоры о том, как я езжу и как меняет человека хард-слалом (и ничего он меня не изменил, ни капельки), значит, у бедной Крис всерьез наболело. Самое приятное — любимая меня поняла. «Ты не волнуйся, — улыбнулась она. — С тобой ничего не случится. Я знаю. Просто знаю. Ты вырос, Поль. А это лучшая гарантия от любых неприятностей. Поэтому я буду спокойно ждать тебя. Ждать того дня, когда ты примешь решение. Сама еще поезжу немножко. А потом... Будем просто жить, правда? Жить, как все нормальные люди живут. И получать от этого дикое удовольствие...»

«Вот оно, — подумал я. — То, что называется «момент истины». Решайся, Поль. Дерзай. Бери золото и немедленно лыжи — в чехол, а Крис — под венец». С такими конструктивными мыслями я вышел на трассу — и поехал еще хуже, чем раньше, откатав Францию заметно ниже своего нормального «крейсерского» уровня. Однако меня не покидало ощущение, что это временный спад. Я накапливал силы для решающего броска на последних двух этапах. Обычно такого не бывает, да и не должно быть, нужно

плавно наращивать темп, а потом, на пике физической и психической формы, выстреливать как из пушки. Но я чувствовал: происходящее со мной естественно. Организм адекватно оценил свои возможности и боялся раньше времени перегореть. Мы с ним нацелились завершить сезон с золотой медалью в зубах и были полны уверенности не упустить свой шанс. Именно под занавес, когда фавориты устанут рвать жилы, я поеду в полную силу. И либо в Гармишпатер... уффф... — Гармишпартенкирхене! — либо в Кице золото будет мое. Жаль только, что Машка расклеилась. Красивее золотого дубля отходной для «челленджера» не придумаешь. А я ведь на самом деле собрался уходить. И очень хотелось, чтоб случился у меня на прощание с большим спортом круг почета. Будто в том самом ярком и красочном сне.

Проклятый сон! Я ведь знал, что он сбудется. Но мне и в голову, в дурацкую мою умную башку, не приходило, насколько жесткой окажется стыковка с реальностью.

Сжатая до упора пружина начала раскручиваться в Шладминге. За пару дней до старта меня поймал Генка, совершенно затурканный и очень злой. То есть смотрел-то он как всегда молодцом, на то и психолог, работа такая, но меня ему не провести, слишком давно знакомы. Да и специалист он так себе. В противном случае команде не удалось бы его разжевать и проглотить, вобрать в себя, поставить на одну доску с лыжниками (это мое тогдашнее мнение, гораздо позже я сообразил, что именно из такого погруженного состояния Генке было сподручнее рулить нашими эмоциями). Короче говоря, он отловил меня в спортзале, где я блаженно разгружал позвоночник, болтаясь сосиской на турнике, и завел со мной нудную беседу на отвлеченные темы. Я висел и пытался сообразить, к чему мужик клонит. Догадался, прыгнул вниз и прямо спросил: «Геннадий, ты в своем уме?» — «То есть?» — очень натурально удивился Генка. «Ты же знаешь мои обстоятельства. Ну и какого черта тебе взбрело в голову выяснять, способен ли Поль, влюбленный по уши в другую женщину, переспать с Машкой?» Все-таки умный я. Генка немного подумал и сказал: «Только по лицу не надо, я им ра-

ботаю». Мы вместе от души посмеялись. «Что, плохи дела? — спросил я. — Ты учти, Ген, мне эта красавица нужна позарез. Строго между нами, я могу на ближайших этапах довольно красиво выступить. Но чтобы получилось действительно красиво, нужен круг почета. Нужен дубль. Есть хоть малейший шанс как следует Марию раскочегарить, только без постельных сцен?» Глаза у командного психолога стали вовсе тоскливые. «Понимаешь, она сейчас что-то решает для себя... Очень важное. Поэтому и ездит плохо. Но когда она все окончательно решит, то просто уйдет из команды. Вообще. Поль, она ведь здесь только из-за тебя. Ты для нее важнее лыж». Я не удержался и ляпнул: «До сих пор?!» Последние год-два мне казалось, что Машкина влюбленность несколько поослабла. Стала больше привычкой, нежели действительно острым желанием близости. Не мешала ей хоть как-то строить личную жизнь. «Она уйдет и погубит блестящую карьеру. В будущем сезоне ей для золота понадобится бы ящик». — «Это тренер говорит?» — «Это я говорю». — «И что же делать?» Генка принялся вздыхать и прятать глаза. По его словам выходило, что он не может снять Машкину зависимость от меня, это нечто на уровне влюбленности в киноактера, недостижимого, но желанного — может пройти только само или перебиться более сильным чувством к реальному человеку. Такого человека в Машкиной жизни пока не случилось, а вот иллюзии уже начали рушиться...

Насчет человека я был в курсе. Марии исполнилось семнадцать, когда она явилась на сборы какая-то другая, не такая, как раньше. «Ага! — Илюха по-собачьи вывалил язык и тяжело задышал. — Наша Маша поломала-таки себе целку. Ну и дурак же ты, Поль! Такой случай упустил...» Я очень сильно дал ему по шее. Не за себя — за Машку. Ударил гораздо сильнее, чем хотел, даже сам удивился. После такого зачина обычно случается титанический мордобой. Вместо этого, на наше счастье, из-за угла случился тренер. «Чего на полу валяешься? — спросил он Илюху, глядя куда-то мимо и думая о своем. — Пойдем-ка, там на разгрузке людей не хватает. И ты, Павел, не расслаживайся. Бери в мастерской набор торцевых ключей, надевай лыжи

и дуй к нижней опоре подъемника. На всякий случай захвати нормальную обувь». Тренер был еще молодой и очень заботливый, старался все предусмотреть. Не скажи он про обувь, мне бы пришлось тяжело — подъемник так и не запустили, а карабкаться полтора километра вверх в профессиональных горнолыжных ботинках то еще развлечение. Зато я с чистой совестью полдня болтался у нижней опоры и имел время подумать.

Вспомнить, например, как это было, когда мы с Машкой столкнулись на безлюдном вещевом складе и принялись яростно, до одури целоваться. Стоило мне только захотеть, я взял бы ее прямо там, на сваленных в кучу матрасах, и она, а не другая была бы у меня первой... И конец. Гроб. Вся распахнутая мне навстречу, радостно отдающаяся и требующая взамен меня без остатка, Мария застряла бы в моей жизни, как кость в горле, на долгие годы. Я просто не смог бы выпутаться — благодарный за любовь, но не любящий по-настоящему сам. Это страшное дело, когда девушка тебя всерьез, от души хочет, без всяких обиняков. Это вам не «может быть надо бы и хорошо бы вроде бы... ой, мама!» — то, от чего я, честно отыграв свою роль в течение двух летних месяцев, сбежал и был на прощанье без особого сожаления поцелован в щечку. Нет, увы, на молодое искреннее чувство невозможно хотя бы не попытаться ответить. Это чувство прет изо всех дыр, обтекает тебя и захватывает, и на какое-то время ты даже можешь вообразить, что тоже действительно любишь. А потом? Я откуда-то знал, что будет после. Если выражаться по-мужски скупно и конкретно, понимал, что Мария с меня очень долго не слезет. А я ведь ее обожал. Машка уже тогда была мой верный боевой товарищ — она съезжала лучше всех девчонок, я — лучше всех парней. Мы целили во взрослую сборную, наша генетически заложенная тормознутость еще не вылезла наружу так явно, до поры до времени перевешенная молодостью лыжников и амбициями тренеров. Это потом будет все плохое — и ощущение своей второсортности, и отбор в «челленджеры», и один долгий-предолгий вечер, когда мы с Машкой танцевали на открытой веранде, и с

моря дул легкий бриз, и я почувствовал: теперь — можно. Но совсем не нужно.

Кретин! Урод! Обожает он ее, видите ли! До чего же глуп бывает человек в двадцать лет! Ну переспали бы несколько раз, а потом я, почти в слезах, объяснил бы — все хорошо, Маша, но не могу я с нелюбимой женщиной, не могу и не буду, у меня такое ощущение, словно я и тебя, и себя предаю, обманываю, продаю по дешевке. Она бы поплакала, а бы совестью помучился — и все. Была проблема — нет проблемы. Наверняка остались бы друзьями. Но я был жутко принципиальный тогда. Индюк. И спихнул ее Илюхе. А тот сбежал, не мог больше, и она ушла с кем-то из немцев, как уходила до этого с нашими тыщу раз и с ненашими две тыщи. В том самом году, когда я бил Илюху по шее, защищая Машкину честь, ее прозвали «Машка-Сексапилка». За какие-то полсезона она методично и целенаправленно перетрахала большую часть мужской команды, причем каждому из своих кавалеров если и не разбила сердце, то основательно его помяла. Машка ведь на самом деле вещь, это не та женщина, которой вслед швыряют грязью. Ее совершенно невозможно представить жертвой сексуального насилия или вообще хоть как-то подавленной кем-то. Сама кого хочешь подавит — тем же Димону и Илюхе досталось по первое число. Но это был и их выбор тоже. Забавная оказалась последующая реакция в мой адрес — Димон меня возненавидел, Илюха только больше зауважал.

Как странно, уже десять лет прошло! Мне было семнадцать, и я — глаза в кучку, язык на плече — взобрался на гору и потопал к базе. Илюха ждал меня во дворе. Человек с горными лыжами в руках — смертельно опасный противник, мы оба это знали, и я деликатно поставил лыжи к стенке. Рюкзак с ботинками пристроил рядом. Повернулся лицом. А он сказал только: «Поль, извини, я ничего такого не хотел». Мы разве что не обнялись. Но руки жали крепко. «Поль, скажи, ну почему?!» — «Что почему?» — «Я вас случайно видел один раз. На складе. Почему не ты? Она же такая... такая... И с каким-то ненашим козлом черт знает с каким...» — «Илья, дружище, поверь, тот раз на складе был

единственный. Ну не люблю я ее, и все тут. Если бы любил — никому не отдал бы». Вот такой получился разговор. Семнадцать лет, врать еще не научились. И до сих пор, кажется, не умеем. И слава тебе, господи, что не умеем. «А у тебя уже... было?» — спросил он. «Этим летом». — «И как?» — «М-м... Э-э... Интересно. Здорово. Но, в общем, ничего особенного». В целом верный ответ. Тоже честный. Сейчас оглядываюсь назад и вижу — я уже тогда мечтал о настоящей любви, которая затмит все предыдущие увлечения. Можно сколько угодно влюбляться по мелочи, это даже хорошо: удобно и ничего не меняет в твоей жизни. Танцуй, пока молодой. Потому что вслед за большим чувством крадутся на мягких лапах огромная зависимость, громадная озабоченность и здоровенная ответственность. Ка-ак набросятся, ка-ак скрутят — и уже надолго.

А потом мне было двадцать, и мы танцевали. Машка выросла в настоящую красавицу, я привычно раздевал ее взглядом и думал — вот стоит только крохотной искорке проскочить, и уведу Марию отсюда. А она глядела на меня откровенно и чуточку устало, она просто сыпала этими самыми искрами, но ни одна из них меня, прикурка, в тот вечер не обожгла. И все — последний шанс растворился в воздухе. Потом начался «Челлендж», да такой сногшибательный, что телячьи нежности по боку — дай бог здоровья до койки доползти, и не дай бог там кто-нибудь еще разлежся. Мы очень трудно вкатывались в хард-формулу. Сказался невиданный уровень нервных перегрузок — в те редкие моменты, когда мы вспоминали о сексуальной жизни, то просто мастурбировали у себя по комнатам и валились спать. Даже половой гигант Димон перестал бегать в самоволки. Вместо того чтобы красться, аки диверсант, по направлению к ближайшему населенному пункту, он рысью неся в спортзал и там уродовался до посинения на тренажерах. «Хочет ли побеждать скаковая лошадь? — спрашивал Илюха, глядя на его самоистязание. — Она бы хотела, да мозгов не хватает!» И тоже лез на тренажер. Молодая русская команда очень хотела побеждать. И хотя объективные условия были против — слабая подготовка, нехватка опыта, малая численность, — нас уже в первом сезоне за-

метили. На русских начали ставить деньги. Через год — большие деньги, потому что мы прочно окопались в первой десятке «Ски Челлендж» и иногда блистали в дауне. Появился транснациональный спонсор. На следующий год мы привезли ему первые медали. Еще годом позже Ленка с Димоном сделали бронзовый дубль в скоростном, Илюха подобрался вплотную к хард-слаломному пьедесталу, а я взял одиночное серебро. Потом был наш с Марией серебряный дубль. Команда уверенно набирала очки, в карманы лыжников потекли юрики. Кто бы мог подумать, что тот дубль в самом начале останется нашим единственным, а сам я выше серебра уже никогда не поднимусь?! Никто не мог. Наоборот, даже вялая и консервативная Россия начала проявлять интерес к своей команде и тоже делать ставки. Президент — Президент! — обмолвился, что надо бы команде расширить состав. Не секрет, что для стабильной команды половина успеха зарыта в тактике, а значит, и в численности. На каждую хард-слаломную трассу разрешается выходить четверым от страны-участника, и если нацеливаешься на дубли, этот лимит нужно выбирать до упора. Плюс резерв — «челленджеры» ломаются часто. Нас было пятеро, и только двое из пяти ходили скоростной. Вскоре нас стало десять, потом вообще дюжина. Мы подвинули фаворитов, намечался перманентно золотой сезон. И тут — бац! На первом же этапе сломался Димон, потом ушибся Илюха. Пополнение съезжало неровно, где-то во второй десятке, и часто вылетало с трассы. А у нас с Марией вдруг объявились сильные конкуренты среди австрийцев, чехов и американцев, которых мы раньше легко обходили. Все моложе нас на год-два, они просто выросли и набрались силенок. Особенно негодяй Боян — несколько раз он вынимал золото у меня буквально из-под носа. А если это был не он, так находился другой. Машку тоже задвинули. Все-таки нам чего-то по жизни не хватало для настоящих горных лыж. Или это было чистое невезение — способные, но не более того, мы оказались в толпе откровенных талантов. Неудачно по времени легли. Я из того периода вывез прозвище «Князь Серебряный» и паршивую репутацию лыжника, который дальше второго места

продвинуться хочет, но не может. С Машкой судьба обошлась попроще, о ней говорили как о все еще подающей надежды. Было очень неприятно. И все-таки мы упирались как могли. Вся команда вплоть до самого распоследнего тормоза.

Сейчас нас девять, я просто не упоминаю здесь остальных ребят поименно. На самом деле они всегда были рядом и принимали какое-то участие в событиях, хоть косвенное. Это все равно как с тренером. Когда я говорю «тренер», не стоит думать, что он с нами возится один-одинешенек. Просто если бы тот же Димон треснул по уху не массажиста, а тренера Саню, вы бы о его существовании узнали. А массажиста, кстати, звали Арнольд. Мастер он был замечательный, но как ни старался, быстрее мы от этого не ездили. И, в общем, золотого сезона не получилось. Русские «челленджеры» завоевали репутацию крепких середнячков, да так при ней и остались. Стареть на трассе. И вот мне уже двадцать семь, и никакого от меня толку, даже хорошего человека Машку приласкать не могу, когда это для команды жизненно важно. Потому что в тот раз искра не проскочила, а уже через пару месяцев я увидел Крис. Она мне и до этого нравилась — в записи, — а тут я встретил ее, что называется, онлайн и влюбился. До того, что сам теперь не пойму, для кого именно я намерен совершать большой и ответственный поступок, в смысле — красивый уход из спорта...

Мы стояли с Генкой в спортзале, и я смотрел мимо него, захлестнутый по горло воспоминаниями. А Генка сказал: «В общем, если ты нацелился на круг почета, тогда иди и как следует замотивируй Марию. Доступными тебе средствами. Дай ей понять, что она для тебя не совсем пустое место. Не как женщина — черт с этим, — а как человек и лыжник».

Я кивнул и отправился в душ. Может, побриться еще? Ладно, и так сойдет. Все-таки не предложение делать иду, а всего лишь мотивировать боевую подругу Марию, человека и лыжника. Ничего другого мне просто не остается. Генка топал позади и давал полезные советы, которых я все равно не запомнил. Шел и размышлял о том, до какой

же степени мы все друг другу осточертели. За последние несколько лет внутри команды не случилось ни одного романа — это несмотря на ротацию кадров и появление вполне симпатичных новых лиц. Пора зачехлять лыжи, пока и мне кто-нибудь в ухо не двинул. Вот, прямо сейчас и начнем.

Машка, кутаясь в халат, сидела с ногами на кровати и таранилась в монитор. Там дрыгалась покадровая раскладка — вечная Машкина соперница и личный враг австрийка Ханна проходила шпильку*. «Вот как у нее получается так загружаться? — спросила Машка, останавливая изображение. — Ну как?» Интонация вопроса была донельзя будничная. Как будто я каждый день стучусь в дверь ее номера. «Так же, как и ты. Просто она ниже ростом». Машка просверлила картинку ненавидящим взглядом, тяжело вздохнула и повернулась ко мне. Красивая. Но уже совсем не такая, какой я ее помню. Опять другая. «Садись, рассказывай». Я сел. «На что спорим, тебя Генка прислал». От такой фразы внутри стало как-то неуютно. «Почти угадала. Генка печется об интересах команды...» — «Шел бы он с этой командой...» — «...а я о своих». Машка разинула было рот, но осеклась. Наверное, интонация меня спасла — заговорщицкая. И я рванул с места в карьер, похлеще, чем лыжник из стартовой кабины. «Осталось три этапа до конца сезона. Фавориты устали, верно? Самое подходящее время для нас. Давай здесь, в Шладминге, раскатаемся, а в Гармише или Кице сделаем дубль. Чтобы я мог спокойно уйти».

О-па! Какая, на фиг, психология! Мы ребята конкретные. С нами лучше всего — прямо в лоб. Машка еще молчала, но я ее уже поймал. «Маш, тебе же ничего не стоит объехать всю эту... женскую гимназию. На чистом драйве. Выйти на гору, увидеть, какая замечательная жизнь кругом, обрадоваться как следует — и объехать». Закусила губу. Что-то прикидывает. Ханна действительно техничнее. Но Мария зато гораздо злее. Один раз в жизни это плюс. Одна-единственная трасса будет твоя.

* Шпилька — несколько флагов, выстроенных на одной прямой строго вниз по склону.

«Ты уходишь — точно?» Ах, вот что ее заботит. Чтобы выложиться не впустую. «Точно. Нет смысла оставаться, в будущем сезоне меня Боян Влачек раздавит». — «Ты с ним говорил? Обсуждал эту... свою идею?» Тут я всерьез задумался. Поговорить с Бояном мне приходило в голову сто раз. Но с каждым разом крепла уверенность: даже если он согласится чуточку уступить, я-то сам как к этому отнесусь? Как буду жить, пройдя круг почета, который достался мне согласно позорному и неспортивному сговору? Наверное, Машка прочла эту мысль в моих глазах, потому что отвела взгляд и буркнула: «Извини». — «Ничего. Я и так возьму золото. Главное, ты возьми». — «Можно. Реально. Когда?» — «Здесь просто раскатываемся, а дальше... Уговоримся так. Тот, кто выходит на трассу первым, топит вовсю. Как в последний раз... — насчет последнего раза я нарочно сказал, и Машка в ответ даже не поморщилась. — Второй уже пляшет от времени первого». — «Нет». Я немного удивился — чего она хочет? Какой смысл второму гнать, если первый не смог показать хорошего времени? А если «догоняющий» в Гармише просто сломается? Тогда ведь улетит псу под хвост последний шанс в Кице. Это тактика, это классика... «Второй тоже едет как в последний раз, — сказала Машка твердо. — Иначе я не участвую». — «Что за игры, Мария? Чего ты хочешь?» Она криво усмехнулась. Не понравилась мне эта усмешка. «Допустим... Допустим, я хочу увидеть, как ты все поставишь на карту. Хотя бы раз в жизни. Тебе нужен круг почета? Сколько угодно. Я привезу твоё драгоценное золото. Но ты докажешь, что готов платить». Вот так. Сурово, но справедливо. Видимо, у меня было очень растерянное лицо, потому что Машка перестала усмехаться и начала внаглую ржать. «Извини, Мария, а тебе круг почета что, совсем не нужен? Или тебе не покажется глупым лететь со всей дури, когда я внизу четвертый?» — «Не-а. И круг почета не нужен, и глупым не покажется». Она забавлялась, я соображал. Похоже, настала пора мне тяжело вздыхать. Оплачивать долги. Отступать некуда, позади ничего не осталось. «Хорошо, — я протянул руку. — Согласен». Она небрежно шлепнула меня по ладони, я до боли сжал челюсти и повернулся к

двери. Может, оно и к лучшему. Будем просто съезжать как молодые — глаза на лоб, из груди рвется восторженный крик... Так именно и рождаются самые яркие победы. Увы, с годами приходит контроль, ты начинаешь соображать, рассчитывать, сознательно участвовать в хитрых тактических играх. А нужно просто съезжать. Как в последний раз... Тут меня схватили за рукав. Я отпустил ручку двери, обернулся, и выяснилось, что я все еще у Машки в номере, а вот и она сама, буравит мне душу зелеными глазищами.

«Поль, ты правда уходишь?» — «Да». — «И что потом? Будешь подбегать с микрофоном и задавать мне глупые вопросы?» — «Нет, я буду сидеть в комментаторской и рассказывать народу, как загружается твоя подружка Ханна. Маш, а что мне еще остается?» — «Не знаю...» Опустила глаза. Я положил ей руку на плечо. Думал, током долбанет — обошлось. Плечо как плечо, живое. Чужое. «Маш, давай сделаем это. Круг почета, а, Маш? В этом сезоне мы еще можем. В следующем будет поздно, ты же знаешь. Давай, а? Станет гораздо легче. И тебе, и мне». Стряхнула мою руку, отвернулась. Я буркнул «Ну, до завтра...» и удрал. В коридоре околачивался Генка. Посмотрел я на него и вдруг подумал: елки-палки, мужику почти сорок, а ведь никто из команды никогда не обращается к нему на «вы». Все мы отлично знаем, для чего он нужен команде и до чего он нужен, каждый это испытал на себе. Но... Генка никогда не выйдет на трассу. А мы по ней съезжаем почти каждый день. И трасса проклятая ломает нас, делает не такими, какие мы есть или могли бы быть (что-то похожее Крис недавно говорила, только я не согласился тогда). Вот мы и ведем себя не по-людски. Заботиться друг о друге, помогать, терпеть слабости и прощать обиды, намеренно совершать какие-то поступки, облегчающие участь товарища... То есть поступать, как положено у нормальных людей. Мы об этом не думаем и этого не делаем. У нас одна мама на всех, очень суровая — трасса, но братьями и сестрами русские «челленджеры» от этого не стали. Наоборот, трасса разобщает. Делит лыжников на касты. Естественно, как любой брахман, я раньше думал, что это здорово: пусть всякая мелюзга знает свое место. Мы — верхов-

ные жрецы горнолыжного бога. Те, кто делает на нас ставки, — козлы, но мы их с высоты своего положения милосердием прощаем, ведь они вносят посильную лепту, помогают нам служить (хотя все равно козлы). Остальные посередке и не стоят внимания. Но в какую нишу втиснуть того же Геннадия? Или моих родителей, прививших мальчишке любовь к горным лыжам, но так и оставшихся чайниками навек? Что вообще творится за границами моего крошечного мирка — там, где кончается снег и начинается все остальное? Мне кажется, что я знаю об этом достаточно. На самом деле голая информация без личного жизненного опыта не значит ничего. Да, пора уходить. Зачехлить лыжи — и в путь. Долгий, может быть, не очень легкий. Пока еще не поздно. Туда, за горизонт бескрайнего снежного поля, в котором очень легко затеряться и погибнуть. А значит, послезавтра я начинаю съезжать так, как давно уже не ездил.

Генка чего-то ждал от меня, но я только махнул рукой неопределенно и пошел ужинать. Отстаньте все, маму вашу фак и папу тоже. Надоели. Геннадий Сергеевич попросил вытащить пару каштанов из огня — что ж, я рад стараться. Только Мария его ненаглядная, которая ему второй год не дает, через три этапа покинет команду навсегда. Машка хочет, чтобы я гнал во всю дурь — пожалуйста. Надеется увидеть, как я ненароком сломаюсь — ради бога. Я тебе, зараза кудрявая, такое шоу покажу, от зависти удавишься. Вот так. Полный вперед. А то ничего себе заявочки — «твое драгоценное золото»... «покажи, что готов заплатить»... Эх, Машка, да ты без меня... Тьфу!.. На самом деле я не был особенно рассержен. Но целенаправленно себя накручивал. Чтобы пройти трассу, ни на кого и ни на что не надеясь. Просто хорошо съехать.

Утром Мария выглядела очень собранной и деловой. Весь завтрак я ловил на себе ее испытующий взгляд. Понятно было, что ей не терпится что-то у меня выяснить, но кругом было слишком много наших. Она перехватила меня по пути на склон. Барышня оказалась настроена решительно и сразу взяла быка за рога. «Слушай, Поль, ты это... Не сердись на меня за вчерашнее?» — «А есть за что?» —

«Да как тебе сказать. В общем, ты попусту не рискуй. Окажешься вторым — ориентируйся на мое время. Забудь всю ерунду, что я говорила. Я разозлилась просто. Явился, понимаешь, требует чего-то...» — «Да ладно, ерунда, все было понятно». — «Хорошо. Поль, ты не соврал, что уходишь?» — «Маш, ну ты ведь не слепая. Пора мне». Машка закусил губу и принялась изучать мои ботинки. Чертовски она была хороша в своем пятнистом комбинезоне, пальчики оближешь. «Ладно. Значит, договорились». И пошла. «Вы чего тут секретничаете?» — сзади возник крайне заинтересованный Илюха. «Вот именно — секретничаем». Я так эти слова произнес, что Илюха даже не попытался в ответ схохмить. Хорошо помню свое внутреннее состояние — все до лампочки. Что там Машка несла вчера, чего ей надо было сегодня... Мне нужно ехать. Очень быстро и с огромным удовольствием. Понеслись! Скорость мне, скорость! На горе я вдруг почувствовал основательно подзабытый зуд внутри. Прослушал тренера вполуха, ничего толком не запомнив. И рванул вниз. Поднялся и рванул еще. Еще! Тренер сначала вроде бы обрадовался, но постепенно начал смотреть на таймер с недоверием, а на меня — с опаской. Я был единственный в тот день, кому он не давал ценных указаний между спусками — только наблюдал. После четвертого моего прохода старик не удержался и спросил: «Ты чего так гонишь?» — «Спасибо большое!» — я скорчил обиженную рожу и укатил к подъемнику. Вслед донеслось: «Павел! Не смей!» Наш тренер мужик сообразительный. Если кто из его подопечных малость не в себе, он это чувствует на раз. Но мне было все равно. Я поездил еще, а когда понял, что на сегодня хватит, ушел в гостиницу, не спросясь. «Павел! Какого черта?!» — впервые старик вломился ко мне в номер без стука. «Я завтра хорошо съеду. Вот какого». Тренер потоптался немного в дверях для внушительности, пробормотал: «Ну-ну, посмотрим, как это у тебя получится...» — и ушел. Другой бы на его месте подержал, удачи пожелал, но только не он. В последние годы старик начал теряться в ситуациях, которых раньше просто не допустил бы вообще. Наверное, мы слишком для него выросли. Он уже не мог быть нам папочкой, суровым, но

справедливым. Впрочем, подумай старик, будто я замышляю что-то лично против него, скандал был бы дикий. Старик? Пятьдесят три года. Старик. Бросил бы лыжи, считался бы мужчиной в расцвете сил. Но кто-то ведь должен тренировать всяких оболтусов.

Мне достался неудобный двенадцатый стартовый номер, и впереди как назло стояли заведомо слабые лыжники. Зато Машка оказалась тридцатой — отлично. Гора еще не будет сильно распахана, а примерный расклад сил уже станет виден. Я съехал очень быстро для себя, причем на удивление легко и свободно, без единой серьезной осечки. В финишном развороте на меня накатила такая радость, какой не было давно. Хоть на табло не смотри — и без того хорошо. Диктор объявил: первое время. Я посмотрел-таки и добавил про себя — с приличным отрывом. Ну, поглядим, сколько оно продержится... А это важно? Меня так и распирало изнутри. Поверил: могу. И сделаю.

Илюха скатился третьим, сломав бронзовый дубль болгар, за что ему украдкой показали кулак. Потом какое-то время ничего особенного не происходило. Затем плотной группой пошли фавориты, и положение внизу начало меняться с каждым новоприбывшим. Американец сдвинул меня на второе место, отчего я разрушил серебряный дубль австрийцев, но они только посмеивались, у них двое сильнейших оставались наверху. Потом кто-то вылетал с трассы, один деятель умудрился перерубить флаг пополам, чего не может быть в принципе, кому-то потребовалась медицинская помощь... Я спокойно ждал тех, кто представлял для меня серьезную опасность. Бояна, например. Он должен был стартовать вслед за Машкой и легко мог подпортить мое положение в таблице. Машка прошла трассу очень четко и оказалась второй, первый раз за сезон. Подкатилась, сняла лыжи, встала рядом и игриво толкнула меня бедром. Вид у нее был такой, словно выиграла Кубок мира в абсолюте. «Поль, спасибо!» — «Да за что?» — «Сам знаешь...» Ну, знаю. Ну, пожалуйста. В нашу сторону целились камеры — потенциальный серебряный дубль как-никак.

Боян приехал четвертым. Он прилично начал — я даже

расстроился, — но в середине трассы несколько раз подряд слегка ошибся и потерял темп. Мы стояли как раз у проема в бортике, он шел мимо, и я вопросительно двинул подбородком. «Вот, сам себя перехитрил. Хотел как лучше, а видишь... Молодцы, ребята, так держать. Мария! С тебя биг-кисс». Машка послала ему воздушный поцелуй, и Боян скрылся в толпе. На финишной площадке стоят только призеры. Вот съедет парочка мужиков как следует, и я тоже уйду...

Парочка не съехала. Только еще один американец. И бедная Ханна — у Машки стали такие глаза, что я подумал: однажды наша красавица сыпанет-таки австрийке яду в ее утреннюю витаминизированную кашку. Но зато не разбился наш дубль — мы взяли парную бронзу, и кто-то из игроков, рискнувший поставить на русских, очень хорошо заработал. На меня деньги принимали из расчета один к пяти, на Машку один к семи, в дубле коэффициент будет... Ой, плохо у меня с математикой. Но самое главное и самое приятное — это выиграли русские. Я, конечно, не исключаю, что у нашей команды имеется сильно больной на голову фанат в каком-нибудь Занзибаре. Но все-таки притухшие звезды типа моей скромной персоны, как правило, вызывают азартный интерес в первую очередь у патристически настроенных земляков. А ведь было время, когда ставка «на Пашку с Машкой» гремела по всем российским букмекерским конторам. Бедная моя мама решила как-то оценить вблизи, чем же ее сын занимается, и посетила одно заведение в разгар гонки. Смотреть на огромном, во всю стену, проекционном экране, как я съезжаю, она не смогла. Но наслушалась разного. «Во-первых, — с нервным хохотком рассказывала она позже, — там они ставят, ужас какой... на Пашку с Машкой. Так и кричат через весь зал. А во-вторых, Паша, ты не представляешь, в каких именно подробностях обсуждается ваша с Марией совместная жизнь... Кстати, Маша правда беременна?» Я смеялся, просил маму не принимать сплетни близко к сердцу и внимательно прислушивался к своим ощущениям. Знаете, было приятно. Очень. Как сейчас, когда совершенно неведомые мне, но русские мужики, благодаря нашим с Марией усилиям, подзаработали денег. И наверняка выпи-

ли за наше здоровье. Прекрасно. Вообще, каждая победа на трассе означает, что ты съехал не только для себя. Неважно, были ставки или нет, все равно кто-то напряженно следил за тем, как ты борешься с горой, и желал тебе выигрыша. И радовался вместе с тобой, когда ты взошел на пьедестал. Такой монолитный снаружи и такой бутафорский, если смотреть на него сзади... Но сзади на многие вещи лучше не смотреть. А уж тем более не стоит лезть внутрь. Там, внутри, может оказаться столько всякого...

Нам повесили бронзу на шею и сунули чеки в руки. Семьдесят пять тысяч юро — за дубль идет надбавка в половину обычного приза. К золоту, если мы его возьмем, приплюсуют больше, чем я получил сегодня. И все-таки — мало. Неадекватно риску. Тысяч за полтора я сейчас ощущал бы себя гораздо лучше. В штаб-квартире Федерации хард-слалома как раз обсуждается вопрос, не задрать ли суммы. Чтобы золото, например, стоило полмиллиона юро безо всяких спонсорских надбавок. Естественно, даже если такой прайс-лист и утвердят, меня он касаться не будет, но пусть хоть другим ребятам по заслугам достанется. Пятьсот тысяч за одиночное золото — вполне нормальные деньги... Когда целым до финиша доехал. Потому что в раю чеки к оплате не принимают. Был ведь кошмарный случай — один парень из Лихтенштейна шел скоростной и очень плохо упал прямо в финишном створе. На радостях, видимо, кувыркнулся. Редко кому удается так воткнуть на ровном месте — головой. Золото ему на крышку гроба положили.

Тренер старался не подавать виду, как он рад. Мария едва не плакала и все норовила повиснуть у меня на шее. Ребята дружно аплодировали. Генка жал мне руку и усиленно подмигивал. Впервые за очень долгий, почти фатально затянувшийся промежуток времени команда была счастлива. Толпой навалилась пресса — давненько такого не было. Все спрашивали одно — как мы намерены выступить в Гармише. Я сказал очень серьезно: еще лучше (чем едва не отправил тренера в нокаут, зато остальное население привел в восторг). Очухавшись, старик убежал к себе в номер и через минуту вернулся с двумя телефонами —

принес наши с Машкой аппараты, чтобы мы могли принять без помех всяческие поздравления. Царский подарок. Во время этапов никакие средства коммуникации спортсмену не положены. Все сообщения переадресуются на сервер команды, и там их сначала менеджер просматривает, а затем уж вместе с тренером решает, что стоит передать лыжнику, а без чего он пока обойдется. В «Челлендж» это общепринятая практика, и никто не возражает. Пусть даже к тебе слегка запоздает известие о кончине любимого дедушки. Или любимой девушки. В обоих случаях я не шучу.

Схожие порядки имеются и в других спортивных дисциплинах, менее зверских, чем наша. Команда должна играть и выигрывать. Нечего отвлекаться. Но в отношении «челленджеров» правило на отрыв от мира имеет совершенно особый смысл. Дело в том, что устав «Хард Ски Федерэйшн» запрещает спортсмену делать ставки на свой вид спорта — ясно, почему, да? Ты можешь сколько угодно просаживать деньги на бегах или предугадывать результаты этапов F1. Но не дай бог тебя поймают за ставкой на «челленджера». Даже на себя. Даже на слалом, хотя ты скоростник. Не волнует. Расстрел на месте. То есть пожизненная дисквалификация со скандалом и позором. В самые первые годы «Челленджа» выперли человек десять. И чтобы не вводить остальных в искушение, руководство Федерации посоветовало тренерам — отбирайте у людей технику. Не знаю, как в других командах, но мы просто сдаем нашему старику телефоны. Клянемся страшной клятвой, что обыскивать нас и копаться в вещах не надо. И честное слово, ничего такого у нас просто нет. Слишком легко отслеживается в наше время любой контакт. И слишком хорошо все помнят, как шпионы Федерации в позапрошлом году взяли за шкурку двоих французов-фаворитов. Для начала мужикам так обгадили репутацию, что их потом и в ассенизаторы не взяли бы. А чуть позже сквозь мутный поток дерьма всплыла наверх афера — оказывается, эти двое не просто играли, но еще и договорились с кем-то, что малость притормозят когда надо. Посадили обоих. Чисто символически, на несколько месяцев, но посадили ведь! В настоящую тюрьму. Чуть не поймали организатора,

но тот сбежал. Пытались засудить шведа, который за счет французов брал золото. Швед сделал рожу кирпичом и отделался дисквалификацией.

Поэтому мы с легкой душой сдаем технику и обходимся гостиничными сетевыми терминалами, настроенными только на прием. Ненавижу их: с виду компьютер, а на самом деле чистое издевательство. Но лучше уж так, чтобы без соблазнов. Береженого, сами знаете, кто бережет. Естественно, в любом отеле есть мощный пост связи, но мы туда не ходим. Сто процентов, что там околачивается дятел... Так что тренер нас с Марией одарил выше крыши. Я прямо в холле врубил машинку — так и есть, первым в списке приоритетных входящих стояла весточка от Крис. «Ты мой герой. Люблю, жду». Судя по времени, она набила сообщение в тот момент, когда ее герой финишировал. Не стала дожидаться, каким мой результат окажется в итоговом протоколе. Оценила, как ехал, и сказала, что думала. Я забрался к себе, отдышался чуток и набрал вызов. Мы говорили почти час. И она ни словом не обмолвилась о том, что я ехал быстро. Тогда об этом спросил я. Мне понравился ее ответ. «Я же видела — ты летел. Это было прекрасно. Даже по вашей уродливой, мерзкой, опасной трассе ты можешь летать, мой единственный. Ты самый лучший, я тебя люблю, поступай, как считаешь нужным. А я уже сказала — буду ждать». У меня одновременно от сердца отлегло и на нем же потеплело. Славная девочка Крис. Горы для нее сверну... Потом я вечер напролет трепался с родственниками и знакомыми — меня действительно поздравила куча народу, — а перед отбоем столкнулся у тренерской двери с Машкой. Оба мы были с телефонами в руках.

Как она на меня посмотрела! Дело не в том, что именно можно было прочесть в ее взгляде. Главное — как! Будто вернулась та Машка, с которой мы целовались сто лет назад — сгусток энергии, молодой напор, душа нараспашку, эмоции через край. И мне от этого взгляда стало хорошо. Теплота, доверие, благодарность — то, что было почти утрачено. Особенно благодарность. Года полтора уже благодарить Марию мне было совершенно не за что. А теперь появилось. Выступила она сильно. Не так мощно, как мог-

ла бы, но для первого раза в сезоне — отменно. Я улыбнулся ей в ответ. «Спасибо, Маш, за сегодняшнее. Ты чудо, я тобой горжусь. Ну что, теперь врежем им всем по-настоящему? Вот эбаут ту кик сам эсsez ин Гармиш?» — «Лет'с фак'эм олл!» — заорала наша красавица на весь отель, делая соответствующий вставляющий жест. И я ей поверил.

Из-за двери высунулся озадаченный тренер. «Кому это мы вдуть собираемся?» — поинтересовался он у Машки. «А всем, — гордо ответила та. — Всем, кто доедет до Гармишпартенкирхена!» Тренер задумался. Слово «Гармишпартенкирхен» оказывает на него, как, впрочем, и на большинство русских, некое воздействие, близкое к гипнотическому. Очень уж похоже на «фак твою маму». Невольно пытаешься сообразить — как же в городе с таким названием люди живут? Машка, когда была помоложе, очень любила этим словом пользоваться вместо тех, которые воспитанные девочки не произносят вслух.

Старик внимательно оглядел Марию с ног до головы, забрал ее телефон и повернулся ко мне. Взгляд у него был изучающий, словно тренер силился понять: что за волшебное превращение такое произошло с двумя его бывшими любимчиками — и без разрешения?! Теперь в команде любимчиков нет, одни бездельники, негодяи, лентяи и тунеладцы (бездарями и дураками нас не обзывают — нельзя, а то еще поверим; большинству родителей не мешало бы эту мою ремарку выжечь каленым железом где-нибудь, допустим на тыльной стороне кисти, чтоб при каждом взгляде на часы было им напоминание). Но когда-то тренер Пашку с Машкой ставил другим в пример, усиленно продвигал, всячески пестовал и втихаря мечтал, что ребята соберут все золото мира, а потом еще поженятся. Кстати, он недолюбливает Крис. Разбила, видите ли, отличную пару. Это помимо того, что она имеет наглость зваться Килли, но так и не стала олимпийской чемпионкой. Я уже говорил — Крис внучка гениального Жан-Клода, самого титулованного горнолыжника в истории. Хоть тресни, а повторить его абсолютные победы никому больше не дано, слишком узкая теперь специализация. Для спортсменов из поколения нашего старика Килли больше чем фамилия. Уверен, что

книжка «На лыжах вместе с Килли» была у тренера в детстве настольной или подподушечной. Эх, бедная Кристин, и угораздило же тебя... Действительно, могла бы пару раз взять золотишко в классическом Кубке хотя бы из престижных соображений, честь семьи поддержать. Но Крис, увы (или к счастью?), больше катается, чем съезжает. Для нее горные лыжи в первую очередь забава.

Пока я обо всем этом думал, тренер перестал меня рассматривать, вынул из моей руки телефон и сказал: «Ребята, вы молодцы. Я вас уже замучился поздравлять, но все равно... Машка, иди сюда, дай я тебя обниму. Спасибо. Еще раз спасибо, девочка моя. Павел, держи пять. Сильно прошел. Благодарю. Но мог еще лучше, между прочим. Ребята, вы же способны на большее. Я рад, что у вас такой замечательный настрой перед Гармишпатер... киндер... перед Гармишем, и мы обязательно это настроение закрепим технически. Готовы работать? Отлично. Собирайте вещички, утром грузимся, послезавтра в Гармише начинаем трудиться до кровавого пота. Не задирайте носы. Соблюдайте режим. Сами знаете, это в ваших же интересах. Спокойной ночи, мальчики и девочки». Шмяк — и исчез за дверью. Нервничает. Сбили мы его с толку сегодняшним выступлением.

«Спокойной ночи, мой красивый глупый мальчик». — «Спокойной ночи, моя красивая умная девочка». Я свернул за угол, а сам все думал — вот раздастся сейчас топот за спиной, налетит она на меня и начнет допрашивать, неужели я ее совсем ни капельки не люблю... В этот момент она и налетела. Как вихрь, мы чуть не упали, я едва нас поймал. А Машка впечатала меня в стену, заглянула в глаза и сказала: «Поль, хотела промолчать, да не могу. Спасибо, ты меня спас. Я просто загибалась. Не знала, что делать. А теперь уверена — будет у нас круг почета. И мы уйдем оба. Не бойся, дурачок, ты меня потом никогда больше не увидишь. В общем — спасибо». И поцеловала — таким поцелуем, какой, наверное, только за долгие годы неразделенной любви можно выстрадать. С трудом оторвалась от меня, отступила на шаг — глаза мокрые — и пошла.

Не знаю, что со мной стряслось, но я схватил ее и рванул

обратно. Крепко обнял, впился ей в губы, притиснул к стене. Дернул «молнию» на куртке, под которой — знал — ничего не было. Целовал как безумный упругие тяжелые груди с большими коричневыми сосками, напрягшимися моей ласке навстречу. Услышал хриплый задыхающийся стон — это было как музыка. Полсотни шагов отсюда до моей комнаты. Взял и понес, не отрываясь от ее губ, сладких — какие же они у нее сладкие! — и полных горячей истомы. Коленом надавил дверную ручку, дверь распахнулась, в комнате темно... и тут Мария выскользнула из моих объятий и встала на ноги. Протянул руку, она перехватила ее. Машка почти такая же сильная, как я, это замечательно, ну, пойдем же! «Не надо. Поздно. Не надо. Я... Я безумно тебя любила, Польша, но это все позади. И не стоит тебе делать вещи, о которых ты будешь потом сожалеть».

Я протрезвел. Или очнулся. Пришел в себя. Это произошло, когда Машка прыгнула на пол — уже руку к ней я тянул скорее по инерции и взглядом манил в темноту непонятно зачем. «Я ведь тоже любил тебя, Маша. Но...» — «Вот именно — но. Ты меня не жалеешь, все нормально». Тем не менее пальцы у нее тряслись, она пыталась застегнуть куртку и не могла. Я потянулся ей помочь — шагнула назад. «Ты всегда боялся, что я тебя съем. Закую в цепи. Ну... Какое-то время ты был прав. А когда я изменилась, тебе было уже совсем не до меня». — «Жаль», — вырвалось у меня искренне. «А мне-то... Но уже поздно. Я тобой переболела. И хватит об этом, Польша. Еще протянешь ко мне руку — сломаю ее. Ясно? Разрешаю на круге почета меня поцеловать. Один раз». Все ясно, Мария. Умница ты.

Она ушла, так и не застегнув куртку. У меня перед глазами стояла ее грудь. Отнюдь не из тех, которые мне нравятся. Но с каким жаром я ее целовал! Сейчас поостерегся бы — я вдруг представил себе, как мы лежим друг на друге, и я уже у Машки внутри, и тут посреди этой любовной идиллии меня охватывает глухое раздражение. Конкретно — неприязнь к Машкиному телу, совершенно не тому, что мне надо... Ох... Все-таки нельзя долгие годы носить в себе противоречивое сложное чувство и не давать ему выхода. От этого случается комплекс незавершенного действия —

Генка рассказывал. Вот меня и прорвало. Милая, бесконечно милая, дорогая Мария. Как дико влекло меня к тебе юной! Недаром сегодня меня зажгли эти горящие ярким пламенем глаза. Проскочила-таки искорка. Вспомнил тебя в шестнадцать лет. А вот когда тебе стало двадцать один — двадцать два, раздался какой-то щелчок, и ты потеряла для меня сексуальную привлекательность. Я по-прежнему считал тебя очень красивой женщиной, но уже совсем с других позиций. Вот, досчитался. Головой о стенку побиться, что ли? Вдруг дьявольски захотелось курить. Отель спортивный, здесь тебе скорее автомат продадут, чем сигарету. Зато этажом ниже чешская команда, они тоже остались ночевать после этапа. Боян еще не спит, а у него всегда спрятана на черный день пачка «Житан» без фильтра. Он нарочно покупает именно это термоядерное курево, чтобы не захотелось вторую сигарету, когда первую уговоришь. Сходить, потряхнуть приятеля? Заодно в жилетку поплакаться. Не усну ведь.

Я вышел в коридор, взялся за ручку, которую пару минут назад прижимал коленом, и понял: только что случился единственный в моей жизни эпизод, о котором я никогда не смогу рассказать Крис. Потому что если по-честному описать происшедшее — то какими словами? Это история с десятилетней предысторией, два часа болтовни, я столько иностранных слов не знаю. И мало ли что потом Крис в голову взбредет, пусть даже она и простит меня на полном серьезе, искренне, всей душой. Так или иначе, появится некий люфт в отношениях — ему можно было, а мне?.. Причем свободу эту ненужную постоянно будем ощущать мы оба. Пусть она только на один раз. Зато как дамоклов меч. Я буду знать, что Крис знает — у нее есть право разок выпустить на волю эмоции, которые обычно подавлены. Лучше уж я забуду эту историю. Напрягусь как следует — и забуду. Да, формально между нами с Машкой ничего особенного не произошло. А в действительности... Хорошо, что Мария вовремя меня остановила. Хорошо, что она нашла точные и правильные слова. Я действительно мог сделать то, о чем впоследствии очень бы сожалел. Какого черта, я уже об этом сожалею. У меня появилась тайна от

Кристи. «Хотел подарить любимой золото и на этом пути ей изменил. Не совсем, конечно. Чуть было не. Вроде того. Приблизительно». Я начал играть терминами, и мне немного полегчало. К Бояну я постучался в дверь, глупо хихикая.

Все прошло следующим утром. Машка поздоровалась со мной как ни в чем не бывало, и в автобусе мы сели рядом. Беззаботно трепались, вспоминали наше бурное прошлое, сплетничали, будто две подружки. Будущая победа связала нас накрепко, а вчерашний эпизод только разорвал натянутость в отношениях, не выясненных до конца. Раскрепостил. Мы уже стояли на круге почета. В начальной фазе, спиной к спине. И ясно было, что когда мы сойдемся лицом к лицу, то поцеловаться для нас не составит проблемы. Десять лет нам понадобилось для того, чтобы, так и не став любовниками, остаться друзьями.

Я глядел на проплывающую за окном Европу и думал: сбывается мой сон потихоньку. Вот и прокатились мы с Кристин по воде, по тонкому льду. Хорошо, что она об этом не знает. И не узнает никогда.

ГЛАВА 3

Гармиш-и-так-далее-кирхен встретил нас легким снежочком и отличной, на мой вкус, хард-слаломной трассой. Едва заглянув в легенду, я понял, что вот тут-то мы с Марией действительно всем покажем. Настроение подскочило, тело рвалось в бой, на тренировках лыжи ехали сами. Ребята нас беспардонно нахваливали. Собранный и злой тренер, помолодевший лет на десять, орал «Давай-давай! Темпо! Витесс! Гоу, твою мать!» — то есть всячески демонстрировал превосходное настроение. Менеджер круглые сутки висел на компьютере, окучивая спонсоров. Кажется, они все в нас поверили. И заодно в себя. Команда готовилась к стартам задорно и весело, как в юниорские времена.

Даже когда я от полноты чувств запутался в шпильке, то не ощутил испуга и не получил взыскания. Поднялся, выкопал из сугроба улетевшую лыжу, подъехал к тренеру и спросил: «Помните?» Старик фыркнул, сверкнул глазом,

сказал: «Гоу-гоу, хватит расслабляться...» — и удостоил будущего чемпиона ласкового отеческого шлепка. Сверху в меня, хохоча, тыкали пальцами. «Отчего все флаги на месте? — поинтересовался Илюха. — Устал, что ли?» Вспомнил старый мой подвиг. Мне было от силы двенадцать, я начал очень мощно ходить слалом, жутко обнаглел, и наш старик (тогда еще молодой) гениальным образом вправил мои свернувшиеся набекрень мозги. Я на тренировке подкатил к нему с претензией: зачем он флаги так широко разнес? Вон там очень сильно тормозишься, и вон там еще. Можно спрямить трассу? Скорости хочется. Он посмотрел на меня с легким изумлением, подумал и сказал — отчего же, очень даже можно. Расставил всю группу по горе и, semaфоря руками, начал двигать нашими силами флаги. Через пять минут трасса преобразилась до неузнаваемости. Особенно на самом крутом участке — там стояла почти сплошная шпилька, флагов десять выстроилось практически на одной прямой. «Ну как? — спросил меня тренер ласково. — Зашибись?» Я посмотрел на трассу сверху вниз, и в душе шевельнулось смутное ощущение, что меня гнусным образом надули. В то же время, когда тебе всего двенадцать, ты легко поддаешься на самые откровенные провокации. Я не мог не кивнуть в ответ, гордо и самоуверенно. «Дуй!» — милостиво разрешил тренер, взвешивая в руке секундомер. И я дунул.

Так получилось, что собственно происшествия никто толком не разглядел. Я поднимался к тренеру наверх один — у Ленки отчего-то начал болтаться задник, и вся наша братия, стоя примерно на середине горы, лечила строптивое крепление. А тренера в самый патетический момент отвлек кто-то из помощников, и он обернулся к трассе поздно — уже на мой адский грохот. Сам же герой спектакля вообще мало что понял. Сначала было здорово: с трассой пришлось воевать, я полностью выкладывался, скорость оказалась как просил — чтоб в ушах свистело. Потом началась та самая шпилька на крутяке. Последней мыслью в голове пронеслось: ой, дурак, не надо было на этот флаг заходить, лучше бы вылетел, ну ее, эту трассу, переставим все обратно! Но я уже атаковал тот злосчастный флаг. Дальше

ничего не помню. Только сильный удар, после которого я временно ослеп, потому что все вокруг заволокло снежной пылью. Когда дым рассеялся — то есть пыль осела, — первым, что я увидел, было синее небо и мои ярко-красные ботинки на его фоне. Оказалось, что моя скромная персона стоит на ушах (в действительности я сделал «березку» и медленно из этого положения опадал), уже без лыж, палок, шапки и очков. Еще куда-то исчез атакованный мною флаг. Детали экипировки валялись повсюду, расходясь от места падения по спирали. Одна лыжа торчала из сугроба неподалеку, другую обнаружили в двухстах метрах ниже. Я оказался в совершеннейшем порядке, только резко присмирел. Встал, оделся, нацепил одну лыжу, сполз туда, где раскопали вторую, пристегнул ее и поехал медленно к подъемнику. Чувствую — не то что-то. Левая нога едет нормально, а правая, которой я и врубился во флаг (озадаченные ребята все искали его и не могли найти), слегка подтанцовывает. Только остановившись у нижней опоры, я присмотрелся и увидел: от самого носка крепления правая лыжа задиралась вверх. Я ее согнул. Никогда не думал, что это в человеческих силах. Горной лыжей можно выдолбить прорубь во льду (сам делал), можно спилить в прыжке одним махом нетолстое деревце (наслышан), можно человека зарубить насмерть как секирой (общепризнанно). Это удивительная конструкция, она легко прогибается, но ни при каких обстоятельствах не гнется. Скорее уж расслоится — было у меня такое (и будет еще). Я заехал наверх, подкатил к тренеру. «Ну что, дунул?» — спросил он все так же ласково. «Угу, дунул. Вот, лыжу согнул. Извините». — «Главное, шею не согнул. Голова не кружится? Эх, ты... Горнолыжник! Будешь еще поперед бабки в пекло лезть?» Горнолыжник вздохнул. Очень хотелось ответить «Буду!», но это не соответствовало истине. Я человек открытый и правдивый, чем горжусь и на чем стою. Пришлось честно помотать головой: «Не-а». — «Правильно, — кивнул тренер. — Ты запомни, Павел, далеко не все старшие умнее тебя. Но у них есть колоссальное преимущество: они давно живут. Это называется жизненный опыт. Так что не валяй дурака, а присматривайся. Я бы даже сказал — подсматривай. На-

блюдай, учись. Пока глаз острый и можешь видеть многое, лови момент. Дальше пригодится, не будешь чужие ошибки повторять. Ладно, топай на базу, хватит с тебя полетов на сегодня. А завтра будешь весь день ходить по широко разнесенным флагам. Пока не научишься проходить их быстро. Тормозится он, видите ли! Хреновому лыжнику всегда флаг мешает».

Кстати, помешавший мне флаг так и не нашли, он мистическим образом растворился в пространстве. Улетел. И слава богу. Случись на месте этого пластикового хлыста боевая профессиональная конструкция, торчащая из «стакана» с пружинным демпфером, намертво замороженного в покрытие трассы, я при тогдашнем своем петушином весе не смог бы ее вышибить и согнул бы себе не только лыжу. От чего, естественно, увлекательное приключение уже не вызывало бы таких развеселых воспоминаний. Затерлось бы, стало невнятным эпизодом из прошлого. Наша память не любит боли, она ее постепенно вытесняет. Сколько раз мне бывало очень больно — переломы, вывихи, ушибы. Сколько раз я крыл проклятую трассу русскими и нерусскими словами. И таскали меня на себе, искалеченного, с теми же выражениями в тот же адрес такие же неоднократно переломанные, вывихнутые, ушибленные. И я их таскал. У нас, конечно, всегда доктор поблизости. Иногда прямо на склоне, заранее в лыжи обутый, так что есть кому пострадавшего обработать. Но все равно удовольствие маленькое, особенно когда перелом. Вдвойне худо, если завозились, припоздали, и у сломавшегося шок проходит. Хорошо помню по себе — медленно, но верно общая тупость и ушибленность сознания отступает, на ее место начинает просачиваться боль. Она все острее с каждой минутой. И ты готов на что угодно, хоть на удар по голове, лишь бы ее не чувствовать. «Эй, кто-нибудь, выверните мне пробки, я больше не могу», — сказал однажды Илюха прежде, чем отключиться... И вот, делает док блокаду, шину наложит, рукой махнет — грузите, мол. А у «груза» из горла хрип, того и гляди от натуги глаза лопнут. Потому что кричать хочется, а нельзя, плохо это. Сто раз тот же доктор прямо на горе уговаривал — кричите, дурни, нужно кри-

чать, — а мы как партизаны упирались. Ну, и везешь сломанного друга осторожно вниз, а друг знай себе губу кусает. Или что подвернется, то и грызет. Почти с каждым такое было. Машка перчатку изжевала до состояния тряпки, я воротник прокусил. А Димон, тот просто так сжимал кулаки, что у него потом целую неделю даже ложка из руки выпадала... И ведь специально не договаривались, само так сложилось: молчаливый заговор молчания. Потому что знали — когда один кричит, у других, которые рядом стоят и переживают, что-то внутри прямо так и рвется на части. Одно слово: веселые картинки. Но каждый раз мы возвращались обратно на трассу — не за новой ведь болью, правда же?

Конечно, нет. Мы возвращались просто съезжать. Так, чтобы в ушах свистело, а из глаз даже сквозь очки выбивало слезу. И о боли не вспоминали. Хотя ноги частенько ныли. Не там, где сломано, вывихнуто, ушиблено, а просто там, где они в ботинках. Спортсмены ведь застегиваются до посинения, намертво. И обувь у нас куда жестче обычной. Вниз едешь как летишь, а на подъемнике, бывает, схватывает. По молодости лет перестегиваться обычно лень, да и боль терпимая, вот и ждешь только одного — скорее бы подняться и опять съехать. Забавный такой замкнутый круг. Бесконечный, как трос подъемника или гусеница ратрака. И по большому счету — лишенный всякого смысла. Горные лыжи чистой воды развлечение, более оторванный от жизни зимний вид спорта только прыжки с трамплина. Вот уж окончательно идиотское действо, не в смысле дебильное, а в смысле когда человеку совсем заняться нечем. Хотя кидаться вниз головой с моста на эластичном канате... Пардон, не люблю я свободного падения, не радует оно меня. Специфика прыжков на классических горных лыжах в том, что ты летишь больше вперед, чем вниз. И бугры-трамплины на скоростной трассе для лыжника скорее малопривлекательное препятствие, нежели большое удовольствие. В полете теряешь скорость, чем дольше провисишь в воздухе, тем хуже результат. Я всегда умел грамотно «делать» трамплины, даже гордился этим, когда регулярно ходил скоростной, и меня другим в пример стави-

ли. Но первый же прыжок с фристайловской «подкидушки» быстро сбил с парня излишнюю спесь. Меня туда заманили почти обманом, «на слабо». И ка-ак швырнуло бесстрашного горнолыжника с этой штуки вертикально в небо... Пока возносился, чувствовал себя прилично. Но когда завис в верхней точке полета и глянул вниз, понял: не мое занятие. Вишу — желудок в зубах, душа в пятках, вижу — подо мной несусветная ямища, и мне сейчас туда сыпаться. Бр-р-р... Чисто из принципа еще пару раз прыгнул — себе доказать, что не трус. Но радости не ощутил ни малейшей. И с тех пор ко всем, кто прыгает, отношусь со смесью зависти и подозрения. Вроде того, как они сами к «челленджерам». Однажды даже сцепился с нашими лыжными акробатами — мол, и как вам не страшно так кувыркаться? А те в ответ: мы-то фигуры красивые в воздухе изображаем, а если кто на самом деле кувыркается, так это вы, суициды недоделанные. Я говорю: нечего гнать, мы не самоубийцы, мы просто и есть недоделанные, поэтому нас в нормальные лыжи не берут, а съезжать-то хочется. Они: ну вот и кувыркайтесь себе на здоровье. Плюнул я, залез в автобус и поехал с ребятами к Ленке в больницу, как раз она тогда докувыркалась. Что примечательно — сыпанулась бедная при обработке трамплина. Посмотрел я на нее и в который раз порадовался, что больше не хожу скоростной. А почему не хожу, об этом после как-нибудь.

Этап в Гармише удался на славу — наверное, поэтому мне почти нечего о нем вспомнить. Нормальная работа, общий душевный подъем, никаких пророческих снов, внутренняя установка на отличный результат. При жеребьевке нам с Марией выпали удобные стартовые номера, на гору мы вышли в самом что ни на есть боевом настроении. И без особого напряжения исполнили серебряный дубль. В какой-то момент казалось, что я возьму одиночное золото, первое в своей жизни, а Машка останется при серебре — ее объехала распроклятая Ханна. Но тут прискакал американец Фил и выдавил меня на второе место среди мужчин, а на третье сполз Боян, испортив музыку болгарам. Опять. Наверное, в десятый раз за сезон у болгар сломался бронзовый дубль. Бедняга Ангел глядел сущим дья-

волом, да и Веселина, обычно вполне оправдывавшая свое имя, что-то не очень радовалась жизни. Мы, как могли, пытались дать им понять, что нам стыдно, — я понимающе кивал издали, Фил смущенно улыбался. Боян просто хохотал. Он тоже начал ездить сильнее, будто за мной тянулся. Почувствовал, видимо, что с другом-соперником происходит нечто особенное, и поймал ту же волну. На финишной площадке бросал на меня задумчивые взгляды и разве что не принимался. К сожалению, толком поговорить нам не дали, за бортиком маячил его тренер, а эта братия жестко отсекает любое общение между лыжниками разных команд, едва те дотягиваются до призовых мест. Да и все равно не разболтаешься, особенно сразу после трассы.

Вокруг нас с Марией творилось что-то невообразимое. Еще бы: на предыдущем этапе двойная бронза, теперь двойное серебро — что же дальше? Я ответил: дальше будет еще лучше. «Вы планируете золотой дубль на последнем этапе, Поль? Вы намерены сделать «трижды двадцать»? Признайтесь, это будет мировая сенсация!» — «Мы сделаем все, что в наших силах». Уффф... А ведь и правда — «трижды двадцать», я совсем об этом не подумал. Двадцатый сезон «Челлендж», двадцатый золотой дубль, две тысячи двадцатый год. Мировая сенсация. Войти в историю. Надо же, забыл. Или побоялся вспоминать? Ответственности испугался? Стало вдруг очень неуютно, и впервые в жизни захотелось поменьше задерживаться на пьедестале. А окружающая действительность бурлила и фонтанировала. Наши из-за бортика орали радостную чушь. Илюха со своим шестым местом сиял как именинник. Тренера журналисты рвали на части, требуя большую пресс-конференцию. Как объяснить неожиданный взлет русской команды? Это чисто тактическая находка или какой-то прорыв в тренировочном процессе? Старик не успевал вертеть головой от одного микрофона к другому. Мария рядом со мной упоенно позировала. Я терпел. Оказалось, что я очень устал.

В гостиницу нас почти внесли. Поздравления сыпались потоком, от дружеских шлепков болели плечи, губная помада была на мне, казалось, повсюду. Главный помощник старика, не дожидаясь указания, принес героям дня теле-

фоны. И я очень удивил всех, когда свой не взял. Герою дня было не до того. Меня ощутимо потряхивало, больше всего хотелось пойти в спортзал, аккуратно «замяться», принять душ, хлопнуть стакан кефира и надолго заснуть. Что такое? Надорвался за шаг до окончательной победы? Вспомнил прозвище «Князь Серебряный»? Нечто подобное со мной бывало раньше. Но, ради бога, только не теперь! Я все сделаю, чтобы выиграть. На этот раз — да. Просто дайте мне отдохнуть, прийти в себя. Я не создан побеждать так легко, как это получается у других. Каждую победу рву у судьбы из рук зубами. Пустите. Дайте уйти.

Как же, дадут они. Прибежал слегка ошалевший тренер, оценил ситуацию и начал меня внимательно обнюхивать. А обнюхав, принялся спасать. «Павел, ты уезжаешь. Немедленно. Собирай вещи. Через два часа отправляются в Киш-квартиреры, вот с ними и поедешь. Хочешь, возьми с собой Марию. Не хочешь — двигай один. Это приказ».

Гений. Покажите мне тренера, который способен выпустить из рук своего лучшего бойца, когда тот в явном кризисе. За неделю до решающего этапа. Да ни в жизнь! А я, тупица, думал, будто старик уже ни на что не годен. И тут он мастерски цепляет меня за самую тонкую струну. Доверие. Вот чего мне вечно не хватало. Я его постоянно требовал, меня им никогда не баловали. Спортсмену много доверия не положено, это вам не нормальный рядовой гражданин. А так хотелось почувствовать себя именно нормальным, обычным, простым человеческим существом. Не ощущающим постоянно контроля, пусть легкого и ненавязчивого, но от этого не менее давящего. Надо же — дождался. Внутри что-то перевернулось, да так и замерло. И стало вдруг легко-легко.

«Спасибо. Даже не знаю, что сказать... Просто — спасибо». — «Не за что. Как вести себя — знаешь. Учую малейшее нарушение режима... Обижусь. Телефон свой не забудь». — «Теперь не забуду». Поворачиваюсь. Стоит. Подслушивала. «Паш, можно я с тобой?» Глаза честные и усталые. Тренер позади еле слышно фыркает. «Соглашайся, Павел. Хорошая идея. Побудете наконец-то сами по себе немножко. Обсудите в спокойной обстановке свои шансы. Тактику и

практику, так сказать». Да что же он, мысли читает? «Конечно, Машенька, поехали». Она меня от всей души по многотрадальному захлопанному плечу — шмяк! Я чуть не выругался.

Оставшиеся до отъезда два часа тянулись бесконечно. Наверное, я все-таки побаивался, что в последний момент тренер передумает и меня завернет. Поверить не мог в простую человеческую доброту. И когда пришло время уезжать — только у двери, ведущей на улицу, понял, что всю дорогу от своего номера шел, крадучись. Огляделся смущенно — не видел ли кто посторонний, как я рассудком трогаюсь, — и одного свидетеля действительно нашел. В дальнем углу гостиничного холла развалился поперек дивана Ангел Шаренков. Видимо, удрал от товарищей по команде залечивать потрепанные нервы. Судя по выражению лица, чувствовал он себя раз в десять хуже моего — я даже ощутил некий прилив бодрости. И конечно, вернулся подбодрить удрученного коллегу. Мы с болгарами всегда были на короткой ноге, с момента прихода в «Челлендж». Внешне не похожи совершенно, а контакт установили мигом и никогда об этом не жалели. Естественно, каждый спортсмен международного уровня — настоящий гражданин мира и в любой части света чувствует себя комфортно. Среди каких угодно лиц. Но иногда до одури хочется увидеть своих. А мы с болгарами свои вполне. Я бы поостерегся обзывать наш менталитет «родственным», но что-то такое общее у нас есть помимо алфавита и коммунистического прошлого. В общем, хоть и скребли у меня на душе кошки, а не мог я к Ангелу не подойти. «Ты чего? Совсем Попангелов упал?» Это у Шаренкова прозвище такое — «Попангелов упал». В честь его соотечественника Попангелова, который однажды замечательным образом рухнул. Выходит он как-то на этап Кубка мира в Шладминге, а телекомментатор задумчиво говорит — ну вот, стартовал болгарский спортсмен Попангелов. В Китсбюэле на слабомной трассе Попангелов упал... Попангелов как по команде — хрясь! Комментатор секунду думает, а потом на одном дыхании выкрикивает: и-при-этих-моих-словах-падает-Попангелов-в-Шладминге!.. Причем интонация у него такая восторженная, словно он лично уронил Попан-

гелова и очень своим достижением гордится. Лет сорок этой истории, дошла она до нас через третьи руки и десятые уши. Но уж больно хороша⁵. Когда Ангел в порядке, он за «Попангелова» может далеко послать. Не обиженно, а так, мол, от Попангелова слышу. А вот если у парня дурное настроение, тогда наоборот. Скажешь ему — эй, Попангелов, ты почто упал? — и, глядишь, у него уже в глазу искорка загорелась. Вот и сейчас Ангел поглядел на меня и слегка оживился. Душераздирающее зрелище — талантливый спортсмен, угодивший в полосу невезения. Грех такому руку не протянуть. «В Гармише Попангелов еще не совсем падает, — сообщил Ангел. — Вот в Китсбюэле его точно завалят. Некоторые». — «Да ладно, Ангел, что за глупости...» — «Отличный дом себе нашел. Мечта. Думал куплю. А денег заработать не получается. Некоторые боги так бьются между собой из-за золота, что обычным людям невозможно даже на третье место выйти. Не могли до следующего года подождать...» Ничего себе жалоба. Прижало мужика. Допустим, какой-то там дом его не очень волнует, а вот спонсоры у болгар разволновались наверняка. Брали-то команду с отличной перспективой, а она за сезон полторы медали привезла. И никто не виноват — стечение обстоятельств. Прямо как у русских. До чего же приятно, что мне эти тайны мадридского двора глубоко безразличны. Наконец-то. «Извини, Поль, — сказал Ангел. — Не слушай. Я просто устал сегодня. Поздравляю еще раз с серебром. Горячо желаю тебе взять золото в Кице. А Попангелов не упадет, не надейся». Ох, слышали бы тренеры, как мы тут лясы точим перед финальным этапом. Настучали бы обоим по загривкам. У нас ведь не разговоры, а сплошной подтекст. Даже если кажется, что говорим совершенно в открытую. Вот, Ангел дает мне понять: не сбрасывай меня со счетов, я нацелен на место в первой тройке и буду драться изо всех сил. А он ведь сейчас не интервью «Ски Курьер» дает, где хочешь не хочешь, а будешь вдохновенно петь о своих колоссальных планах. Нет, это приватная деловая информация. Среди мужчин-«челленджеров» на пьедестал реально претендуют четверо. Кто-то из нас лишний. И Попангелов... то есть Ангел, действительно мог бы слегка подвинуться, чтобы не нервировать попусту остальных

ных. Только вот он не будет этого делать. И что? Какова должна быть моя реакция? А такова, что я не просто его понимаю, нет, я всей душой за него. Потому что рвать жилы в безнадежном положении вроде бы и глупо. Но настоящий спортсмен ведет себя именно так — бьется до упора. И наградой за это может стать неожиданная победа.

Тут подошла моя боевая подруга, и Шаренков вмиг преобразился — Машка ему нравится. Они о чем-то болтали, а я опять улетел мыслями далеко-далеко. Толком даже не запомнил, как мы простились с Ангелом и вышли на улицу. «Совсем наш Попангелов упал, — сказала Машка. — Это хорошо, не будет в Кице у тебя под ногами путаться». Мда... Вот такие мы славные ребята, добрые и отзывчивые. Дружить умеем, так сказать, не на шутку. Невольно пришла на ум любимая фраза Илюхи «друзья познаются в беде». Или как написал один двоечник в школьном сочинении: если мой товарищ будет тонуть, я ему помогу... «Маш, а ты в курсе, что Ангел хорошо знаком с Попангеловым?» — «То есть?» — «Ну, с настоящим Попангеловым. Известным болгарским горнолыжником, ныне тренером». — «Так он, что, на самом деле был?!»...

Уже на стоянке возле автобуса нас догнал Боян. Однако хорошо у чехов разведка поставлена. Или он просто в холле на Шаренкова наткнулся и от него узнал, что мы уезжаем. Хотя одно другому не мешает. «Мария, будь другом, оставь мне на секунду Павела». Очень смешно он мое имя склоняет. Мог бы звать как все нормальные люди, в том числе даже русские — Поль. И изъясняться по-английски. Нет, упорно пользуется моим родным языком. «Боян, дружище, ты намерен рассказать что-то ужасное? Зачем такая секретность? Мы ведь с Марией вроде как бизнес-партнеры. Особенно на ближайшую неделю». — «Павел, не надо. У меня только пять минут, я чудом сбежал». — «Ну ладно. Маш...» Та уже забиралась в автобус. Понятливая девочка. Хотя сейчас мне хотелось бы, чтобы она стояла рядом. Полный контакт нам требуется, а значит — никаких тайн. «Что-то случилось, Боян?» — «Да нет! Я просто решил спросить... Павел, ты мне ничего сказать не хочешь?»

От напряжения у меня схватило левый висок, и я невольно потер его ладонью. «Слушай, Боян... Мы в послед-

нее время мало общаемся, это понятно — конкуренты. Только запомни одно. Что бы ни случилось, мы должны остаться друзьями. Иначе грош всему цена». У Бояна лицо кривилось, ему тоже было очень непросто. «Павел, я тебя понимаю. Скажи, это правда, что ты решил зачехлить лыжи после Китсбюэля?»

Ну, вот оно. День безостановочных откровений. Первая мысль была: кто из наших — дятел? Факин вудпеккер, мать его — кто?! Секунду я перебирал в уме имена, пока не сообразил: бессмысленно. А отвечать нужно, и прямо сейчас. Отвечать так, чтобы потом ни в чем себя не упрекнуть. Никогда. Выть от бессильной злобы, если Боян меня объедет, но подлецом не стать.

Как это забавно: чтобы остаться с чистой совестью, нужно соврать. Безукоризненная честность перед собой должна обернуться наглой ложью прямо в лицо человеку, которого я так легко называю другом. И не стыдно мне при этом ни капельки. Значит, все правильно.

Делаю удивленное и слегка растерянное лицо. «Зачем мне уходить? С чего ты взял?» — «Говорят». — «Кто?» — «Ну...» Я не удержался и высказался по-французски. Боян хмыкнул, но глаза у него потеплели. Тоже что-то для себя решил. Неужели он всерьез собирался подтормаживать в мою пользу, а то и падать, как в том проклятом сне?! «Значит, Павел, ты остаешься — се врэ, но?» — «Се врэ, мон ами». — «Тогда... Тогда до встречи в Китсбюэле. Закроем сезон, и жду тебя с Кристин в гости». До свидания, дружище. Извини, что я тебя обманул. Поверь — так было надо. Очень. Нам обоим.

В автобусе Машка, едва я уселся, повернулась ко мне лицом и принялась меня изучать, словно диковину какую. «Извини, мне нечего сказать». — «Значит, вы не договорились». — «Мы и не пытались. Нельзя так, Маш. Нехорошо это». — «Ну и ладно». Взяла меня под руку, положила голову на мое плечо и нагло, цинично заснула. Сразу и как убитая. словно ее ни капельки не волновало, подыграет нам основной наш соперник или нет. А может, действительно не волновало? Может, это я на всю русскую команду один такой нервный? Или, если по-честному, неуверенный в себе. От расстройства я принялся за дыхательную гимнас-

тику, успокоился и тоже вскоре задремал. Проснулся уже в Кице и понял, что этот ужасный тяжеленный мучительный день остался позади. Было радостно, хотелось вина, сигарет, танцев, но еще больше хотелось как можно скорее выйти на склон и чего-нибудь там со вкусом отколоть. Почему я так давно, уже несколько лет, не вставал на сноуборд? Почему не участвовал ни в каких экстремальных авантюрах с катанием по скалам? И почему мне теперь до такой степени всего этого хочется? Неужели я становлюсь тем, кем хотел — нормальным человеком?!

Китсбюэль сам по себе прелестный городок, а для русского хард-слаломиста еще и малая родина. Вот закроем мы сезон, откатаем коммерческие старты, разъедемся в отпуски, а Мозер будет в это время готовить свой комплекс к встрече нашей команды. И вскоре мы в который раз оседаем близлежащую гору, чтобы как следует намять ей бока. Для Мозера сдавать нам тренировочную базу — удобный бизнес и дополнительная реклама. Кроме того, мужик чуточку националист, откликается на имя «Дима», тяжело переживает, что дети его не говорят по-русски (а про внуков и говорить нечего, стопроцентные австрийцы), и дает команде роскошные скидки. В конечном счете Мозеров дедушка, эмигрировав из России, оказал нам большую услугу. Аренда приличного спортивного комплекса в окрестностях Китсбюэля стоит русской команде дешевле, чем дома, где, конечно, родина, но все остальное... Не пожизненно, а совсем другое. Тренироваться желательно в условиях, приближенных к боевым. И то, каким именно воздухом дышишь, в эти условия тоже входит.

Сейчас мы размещались в гостинице, а я вспоминал свою любимую комнату там, наверху, — уютный маленький номерок с замечательным видом из окна и фотографией улыбающегося Жан-Клода Килли над кроватью — Мозер обязательно вешает ее к моему приезду, а когда заканчивается тренировочный сезон, меняет ее на мое собственное фото с дарственной надписью. По его словам, дамочки-туристки от портрета млеют и за этот номер разве что не дерутся. Конечно, что им Жан-Клод, они про «Килли» думают, будто это всего лишь торговая марка лыжной экипировки. А меня в Европах знают. Те, кому хочется.

Здорово будет в следующем году... Ах, да, я же уйду! Делаю круг почета и зачехляю лыжи. Ну и ладно.

Как чудесно было провести вечер отдельно от команды — я словно вживался в роль человека, которому такая роскошь доступна каждый день, и просто таял от удовольствия. Мария вела себя очень спокойно и вместе с тем поделовому, не задавала лишних вопросов, и после ужина я с легким сердцем ушел к себе. Назревавший кризис благополучно пронесся мимо. Спасибо тренеру, спасибо. Теперь мы выступим как нельзя лучше.

Телефон буквально распух от входящих. Закономерно: когда ты выступаешь плохо, о тебе не вспоминает никто, а вот стоит показать результат, как все, кому не лень, решают напомнить герою, что они еще живы. На этот раз мы с Машкой, кажется, всерьез разворошили муравейник. Ко мне пробились отнюдь не только полузабытые друзья-знакомые: одних предложений эксклюзивного интервью набралось больше двадцати. Некоторое время я размышлял, не стоит ли, раз такое дело, выбраться в РуНет и посмотреть, в каких выражениях там живописуют мои подвиги. Всегда интересно, как тебя оценивают дома. Но... Это было бы глупо и непрофессионально. После закрытия сезона. Только после.

Решив, что время глупостей и прочего непрофессионализма еще не настало, я вызвал Крис. Она всячески сдерживала восторг и старалась меня не перехвалить, но проболтали мы верных полчаса. Все, теперь продержаться суток шесть — и вот она, любимая, в моих объятиях. Навсегда. Интересно, что скажут родители. Уж очень много интересных новостей может обрушиться на них через неделю. Я нашел их сообщение («Так держать, сынуля, мы тебя любим!») и нажал прозвон. Увы, дома было глухо, а мобильники оказались то ли отключены, то ли вне зоны приема. Я не особенно удивился — мама с папой вполне могли выбраться за город, а кое-где за границей Подмосковья еще остались «мертвые зоны». Больше того, ходил слухок, будто некоторые очень богатые люди платят серьезные деньги, чтобы существовали такие островки спокойствия. И ставят там домики: временами ложиться на дно. И друзей приглашают в гости на это безмолвие в эфире, как на изысканное

блюдо. Ведь чисто психологически непросто выключить мобильную связь, когда она у тебя на поясе. А вот забраться в глухомань, куда добивает только спутник, и как бы случайно забыть дома спутниковую приставку...

Пружина уже раскручивалась, а я еще ничего не подозревал. В тот вечер фантаσμαгорическое сновидение, память о котором прочно засела у меня в голове, как раз начало сбываться. Я думал об этом сне, вспоминал его, старался быть готовым и ловил в реальности малейшие намеки. Какая ошибка! Мне казалось, будто я в состоянии контролировать ситуацию, а на самом деле ситуация начала крутить и вертеть мной.

Утром я встретил наших, от души поблагодарил тренера и не без облегчения сдал ему телефон. Были у меня дела и поважнее, чем баловаться с этой коробочкой и забивать мозги всякой ерундой. Впереди ждала победа, а к ней, знаете ли, нужно готовиться. Правда, Димон, мерзавец, попытался сбить мне настрой, шепнув: «Поль, на вас ставят, как на стопроцентных фаворитов». Дурак хотел сделать мне приятное. Я подарил ему ледяной взгляд и постарался не брать в голову. Пусть ставят как хотят — я поеду как мне надо. И не иначе. А то, что Димон нарушает информационный мораторий и наверняка играет потихоньку, — его личная проблема. Интересно, как он это делает — наверное, просто завел себе второй телефон. Один тренеру сдает, подлюка, а по второму передает ставки. Что ж, запомним. Вдруг пригодится.

А дальше мы работали. Вдумчиво, скрупулезно. Затачивали себя, будто клинки перед рубкой. Давно я этим не занимался с таким удовольствием и даже жалел, что нынешний раз — пос... тьфу, заключительный. Словно желая помочь, на тренировке повредил колено американец Фил, забравший мое золото в Гармише. Тренер прикинул раскладку: выходило, что у меня остается только один реальный конкурент — Боян Влачек. Для Машки представляла опасность Ханна, но наша красавица просто сказала, что австрийку «порвет», и я ей поверил. Сам готов был порвать кого угодно, даже Бояна, которому при жеребьевке в восьми случаях из десяти магическим образом доставался лучший стартовый номер. Почти всегда он съезжал немного

позже меня — при равных силах это осязаемая фора. Раньше меня такое положение бесило, а вот — перестало. Завтра Бояну придется из кожи выпрыгнуть, чтобы меня объехать. «Дуйте, ребята, — сказал тренер. — И пусть вам снятся замечательные сны». Мы попросились и дунули по койкам. Утром Машка сообщила: ей приснился я, и это было так лихо, что она теперь кое о чем жалеет.

Мне не приснилось ничего. Придет время, я тоже об этом пожалею. Целый год мне потом являлись по ночам одни кошмары. Но так или иначе, а настала суббота, трибуны не вмещали желающих, вдоль трассы было просто черно от зрителей, камеры на столбах висели гроздьями — в общей сложности больше двухсот миллионов человек собиралось наблюдать онлайн за тем, как русские сделают «трижды двадцать» и изобразят круг почета. Распогодилось — минус два, яркое солнце, ни облачка, ветер нулевой. Помню, долго подбирал очки, все мне казалось, что светофильтр не тот. На горе уже дышал, задираю вверх ноги, бормотал про себя заученные формулы аутотренинга. Очень спокойно, без надрыва. Внутри было светло. Не так ярко, как на улице, а просто хорошо. Я стартовал двадцать седьмым — «догонять» Машкин результат, а Мария пойдет вдогон своей ненаглядной Ханне. Только Боян как обычно вытащил тридцать пятый номер. Слово туза козырного. Ас — это туз. А еще ас — бог, только с маленькой буквы. Я. «Рэди? Эттеншн! Гоу!»

Кое-что из моего прохода в ту субботу потом вошло в методические пособия. Одна раскадровка очень даже неплохо смотрелась в учебнике «Современный горнолыжный спортивный поворот». Знаете, я отнюдь не выложился до отказа. А просто раз в жизни показал все, на что способен. Поэтому в финишном створе ваш покорный слуга во все не помер, что было бы нормально, случись мне выложиться. Напротив, я весьма элегантно подрулил к Машке, снял лыжи, развернул их логотипами производителя к камерам и только после этого посмотрел на табло.

Все на табло было нормально. Пока что золотой дубль. Лыжи мешали обнять Машку, и я этого делать не стал. Попросил взглядом трансивер — наверху еще оставался Илюха, а я мог ему кое-что сообщить насчет одной коварной

рытвины у чек-пойнта. На видео ее толком не поймешь — будем надеяться, что Боян, который таращится в монитор, подмечая чужие ошибки, проглядел мою крошечную заминку и сам затормозится в этой рытвине не меньше. А подсказывать ему некому. Боян сейчас у чехов единственный активный слаломист, их второй, Карел, уже полгода не может восстановиться после неудачного падения. Мне бросили рацию, я вызвал Илюху и начал объяснять.

А вокруг... Привычно третьи болгары — привычно злые, ждут, когда им наконец сломают дубль и можно будет уйти. Просто от души жалко ребят. Попангелов, то есть Шаренков, бился на трассе как гладиатор. Но вот не его сезон на дворе, и все тут. Жжжах! Вздывая снежный бурун, разворачивается девчонка из Лихтенштейна. Четвертый результат. Ну, ее напарник — вот он пошел, — в этом сезоне ни разу больше пятого места не привозил. Шмяк! В пролете Лихтенштейн. Трибуны визжат. Кого-то из букмекеров схватили под руки и понесли — сердечный приступ. Наверное, впарил лихтенштейнца какому-нибудь азартному мафиозо за «темную лошадку». Ну и дурак...

Тут я огляделся более или менее осмысленным взглядом и потихоньку взвыл. Либо я сплю, либо сон пошел сбываться буквально. Вот букмекера откачивают. Вон репортеры толпятся вокруг Ханны, а та отмалчивается. Если сейчас австриец сшибет флаг — и, между прочим, не возьмет серебра, — впору будет вызывать скорую психиатрическую...

Австриец флага не сшиб и честно привез серебро. Мне немного полегчало. Я даже не упал в обморок, когда сбоку раздалось: «Ну что, Павел, как вы думаете, вас уже можно поздравить?» — «Нет», — машинально ответил я. «Это горнолыжное суеверие или вы просто ждете выступления Бояна Влачека?» — «Да». — «Вы полагаете, он может улучшить ваш результат?» — «Если очень постарается... Извините, мы следим».

«Пауль, Мария, сегодня ваш день». Чего-о?! Нет, слава богу, это не американцы, которые мне снились. Это всего лишь Ханна и Анди подошли расписаться в поражении. Без обид, по-честному. «Когда сделаете круг почета, не целуйтесь слишком долго, можете замерзнуть! Ха-ха!» Ха-ха-

ха. Как смешно. Машка позволяет Ханне себя приобнять и вроде бы даже не собирается грызть врагиню зубами. Я рассеянно поздравляю ребят с серебром. Весь я сейчас наверху, вместе с тридцать пятым номером, ждущим своего «Гоу!» в стартовой кабине. Если человеческая мысль в состоянии уронить лыжника на трассе хард-слалом, тогда Боян не упадет, а просто размажется — так я этого хочу. И плевать, что друг. Весь коньяк, что мы на брудершафт выпили, сейчас не стоит ничегошеньки. Все долгие задушевные разговоры, обмен секретами мастерства, личными тайнами и душевными болячками. Сегодня действительно мой день, и только попробуй его испортить, дружище Боян.

В отличие от меня, он поехал некрасиво. Куда-то делась его фирменная танцующая манера брать флаги, и уж точно он не насвистывал себе под нос. Это был уже никакой не слалом и даже не хард-слалом: просто дикая ломка сквозь трассу. И потрясающее время на промежуточном финише. До этого момента я еще сомневался. Но когда Боян миновал чек-пойнт и я увидел цифры на табло, до меня наконец дошло — он сегодня тоже показывает свой максимум. Не бережется, гонит вовсю. Доказывает себе и мне, что он все-таки лучший. Без компромиссов, на грани тройного перелома с осколками и смещением. Нашел время, зараза! Я еще подумал: вот она, крепкая мужская дружба, до чего доводит.

Оставалось только надеяться, что парень упадет.

ГЛАВА 4

Ленту от медали я намотал на кулак — так и ходил, помахивая увесистой железякой. Учитывая мою недюжинную физическую силу, врезать этой штукой можно было славно. Попадись мне сейчас какой-нибудь вампир, ох бы я его угостил по черепушке... Серебришком. Они, гады, серебра не любят. Но вокруг были только свои, ребята-горнолыжники, — косились на импровизированный кистень, жали мне свободную руку и делали вид, что очень рады. Будто забыли — у меня отношения с серебром похлеще, чем у самого отпетого вурдалака. Я серебряных медалей не то что внутрь не приемлю, а просто видеть не могу.

Бедная Машка не знала, куда деваться со своим золотом — вроде бы триумф, а за меня обидно. Фактически это ведь я Марию силком на первое место заташил. Или пинками загнал. Для себя трудился, дурак.

Хорошо еще, что заключительную пресс-конференцию назначили на воскресенье, после финала «Даунхилл Челлендж». Был шанс хоть немного отдышаться и поверить, что жизнь все равно удалась.

Черта с два она удалась. Не успел я спрятаться в номере, как постучался тренер. «Паш, тут какое дело. Звонила твоя мама, там у вас... Ну, все не очень здорово. Мы с ней посоветовались, она сказала — ладно, пока не беспокойте парня. Вот...» — телефон протягивает. «В чем дело?» — «Отец в больнице и что-то еще, я толком не понял». — «Давно она звонила?» — «В понедельник вечером. Извини». — «Да нормально, я же понимаю». Старик потоптался в дверях, буркнул что-то насчет «любая помощь, все устроим» и исчез. А я набрал мамин номер и уже через несколько минут навеки себя проклял за тупое стремление к золотому дублю и кругу почета. Если бы не мое безумное желание всех уделать и победить, тренер с матерью не стали бы играть в конспирацию. Они хотели создать мне идеальные условия для победы, о которой я так мечтал. А получилось — лишили возможности маневра. Конечно, знай я, в какую яму ухнула моя семья, разговор с Бояном оказался бы совсем иным. К черту всякие рыцарские штучки-дрючки, плевать на совесть, зато у меня на счету лежало бы около полумиллиона юро за дубль — три сотни, да еще спонсорская премия. Плюс те двести с гаком, что я взял на предыдущих этапах, — и текущие проблемы уже были бы решены.

Отец неспроста выяснял, какие у меня финансовые перспективы. Ему нужна была кислородная подушка на случай форсмажорных обстоятельств. Думаю, он и сам бы вернулся — папуля всегда это умел. Но то ли у папочки нервы сдали в неподходящий момент, то ли еще что. Короче говоря, он заехал в банк, с которым давно работал, а по дороге оттуда выскочил на встречную полосу и смялся в лепешку о грузовик. И теперь очень медленно выкарабкивался из реанимации.

Маме пообещали, что жить, ходить, ругаться матом и все

такое отец сможет. Наверное, она это приключение безропотно пережила бы, не начини ей прямо в больницу названивать разные весьма озабоченные люди. Один банк, другой банк, потом какие-то частные лица, потом вообще налоговая инспекция. Мама нашла отцовского адвоката. «Как, ты разве не знала?» — деланно удивился тот.

В принципе отец не был особенно виноват — его просто немец-партнер очень крупно подвел. Но выходить из ситуации папа стал некорректно и, главное, никого не предупредив. Брать кредит, чтобы отдать кредит, это всегда немножко обман. А с налогами мухлевать обман уже настоящий. От налогов уходить надо, а не обнулять внаглую доходы. И настал день, когда папочку взяли за шиворот сразу все, кому он задолжал, включая государство. А он поехал еще куда-то деньги занимать и врезался.

Конечно, все кредиторы готовы были ждать. Что ж они, звери? Половину долга немедленно — и дальше рассрочка хоть до посинения. Даже налоговики соглашались «подвесить» штраф и ограничиться пока взиманием того, что папочка от казны утаил. «Держись, мам, — сказал я. — Деньги есть. Сколько?» Тут-то мне и стало дурно. Поставить отца на ноги обошлось бы тысяч в сто. И пятьсот нужно было выплатить сразу в погашение долга, чтобы заморозить надвигающиеся судебные процедуры. Помощи ждать — неоткуда. Многочисленные папины друзья-коллеги, такие же авантюристы, как назло сидели без гроша. На текущем счете болтались жалкие ошметки, семейный бизнес оказался давно заложен и перезаложен. Это называется — отдали деньги в руки самому активному и оборотистому члену семьи. Вот он и обернулся. Активно. Черт! Раньше я у папули таких деструктивных способностей не наблюдал. Видимо, кризис среднего возраста сказался, который теперь как раз наступает у мужчин лет в пятьдесят. Стало до неприличия ясно, отчего это папа так старательно врал нам про свои надвигающиеся «проекты века». Он просто впервые в жизни растерялся, выпустил ситуацию из-под контроля и по-настоящему влип. По уши. А отлипнуть за всех сразу предстояло мне. Смешно, но я не разозлился. Был уверен, что, если отца починить, он свое отработает с лихвой.

Не чужой же человек учил меня всю жизнь: видишь проблему — ищи решение, оно есть.

В целом на семье повисло больше миллиона, из которого шестьсот требовалось немедленно. Предположим, триста двадцать пять тысяч — все мои последние выигрыши, — я мог перевести в Россию хоть сейчас. Тысяч на триста потянет мой инвестиционный портфель — десять лет его холил и лелеял! Допустим, я его распотрошу. Останусь без штанов (взгляд невольно метнулся к стенному шкафу, где висел любимый костюм от Манчини — брюки две тысячи юро, куртка три, — по протоколу смокинг не заменяет, в реальности еще как, униформа для молодых, богатых, экстравагантных, короче говоря, идиотов вроде меня). Ладно, в штанах останусь, и на еду деньги будут, но все остальное — тью-тью и надолго. Отец неизвестно когда поправится, так что вторую часть долга все равно мне отдавать. Где занять еще полмиллиона? Из каких доходов их потом возвращать? Да еще, небось, с процентами? На какие деньги все это время жить? И как именно жить? Вообще-то нынче человеку пропасть тяжело, разве что он сам этого очень захочет. На уровне «кусочек хлеба и теплый угол» все решается. Дома меня приютят с распростертыми объятиями — хорошо, что успел сделать родителям отличную квартиру (и папе «Мерседес», теперь превратившийся в блинчик, — подсказал внутренний голос), а на еду заработать в России не вопрос. Тем более если остаться в команде на побегушках — тогда одной едой дело не ограничится. Ладно, ерунда, это все крайние случаи, предел, мне на родине делать нечего и в команде тоже, я хочу продолжать двигаться по избранному пути — уходить в спортивную журналистику. Но полмиллиона... Действующему «челленджеру» кредит на такую сумму откроет только псих. А бездействию — вообще никто. Что делать? Форсировать переговоры с Си-эн-эн, быстро продаться им в репортеры, выбить ссуду, работать как проклятому и все это время быть фактически на содержании у Крис? Ох... «А вот и свадьба наша красивая накрылась, — подумал я. — Нет, конечно, девочка меня выручит, но это же черт знает что такое! Собиралась замуж за одного человека, получит совершен-

но другого. Ничего себе подлянка, такого даже в русских народных сказках не бывает. Поль, старина, других не жалеешь — себя пожалей! Каково тебе будет в чужом доме на хлебником? Нет, ты должен что-то придумать. Неужели у тебя кончились все ресурсы? Неужели ты больше ничего не стоишь?»

Думаю, план сформировался у меня в голове именно тогда. Весь, до мельчайших подробностей. Только нужно было торопиться. Все решал темп. Скорость принятия решений и вышибания согласия из окружающих.

Первым делом — обеспечить секретность. Никаких трансферов с моего телефона. Если авантюра удастся, многих в руководстве Федерации заинтересует, чего ради я пошел на риск. Первое, что им придет в голову, — не шевелил ли парень деньгами перед стартом? Конечно, деталей они не узнают, но выяснить, куда именно я обращался, могут вполне. А там уже два шага до серьезного разбирательства, обвинения в нечестной игре и, что самое плохое, аннулирование результатов заезда. Нет, поймать себя за руку я не позволю.

Таймер на экране телефона показывал шестнадцать ноль-ноль. От силы восемь часов на все. «Мама, деньги придут уже сегодня. Больше шестисот тысяч, хватит разобраться со всеми текущими вопросами. Остальную сумму — быстро сделаю. Держись. Я тебя люблю. Извини, нужно бежать». И я действительно побежал. Теперь исключительно бегом. Наверное, до самого утра. А что завтра? А завтра — сломя голову. Лишь бы действительно шею не свернуть.

Выскочив из номера, я едва не сшиб на пол золотого призера. «А я к тебе», — сказал Боян и протянул раскрытую ладонь. Там лежали ключи со стильным брелоком в форме щита и пластиковая карточка. И то, и другое было мне хорошо знакомо — щит украшали слова «Порш, Штутгарт», а карточку распознавала противоугонная система. «Боян, можешь посидеть у меня десять минут? Я быстро». — «С удовольствием. Хоть отдохну — репортеры замучили». Кокетка... Не без труда удержавшись от язвительных комментариев, я припустил на первый этаж, в спортзал.

Димон с Ленкой играли в свой любимый волейбол —

перебрасывали мяч через сетку ногами. Вот так русские готовятся к закрытию сезона. «Леночка, я твоего партнера украду на секунду?» — «Конечно, Пашечка». Сама так и светится, очень ей понравилось, как меня Боян обставил. Интересно, какой я ей буду Пашечка завтра к обеду. Я же их обоих, наших героических скоростников, таким позором несмываемым покрыть могу, если дело выгорит... «Дим, послушай. Мне нужна твоя помощь». Удивленный взмах бровей — действительно, какая еще помощь, мне уже ничем не поможешь... «Дим, ты понимаешь, что я ухожу? В будущем сезоне меня рядом уже не окажется. Ты останешься здесь лидером. А сейчас, по старой дружбе, помоги мне, пожалуйста». — «Конечно, Поль. Что я могу?..» — «Отдай мне твой завтрашний даун. У тебя их будет еще много, а этот мне нужен позарез. И одолжи хотя бы до полуночи свой запасной телефон».

Да, вот это называется — ошеломил человека. Бедняга Димон мелко-мелко заморгал и часто-часто задышал. Я с легким содроганием вспомнил: ошеломить — значит въехать тяжелым по шлему. Год назад Димон попал в «свалку», и его натурально ошеломили лыжей. В шлеме от удара отрубилась вся электроника. А Димка отрубился сам, и когда его привели в чувство, именно так он дышал и хлопал ресницами. И что — вот в этом мракобесии под названием «хард-даунхилл» я собираюсь принять участие? Ага. Завтра я пойду даун. Хорошее словосочетание. Многозначное.

«Поль... Э-э... А зачем тебе?..» — «Мне очень надо». Удивительно, мы с Димкой одногодки, но такое впечатление, что я старше лет на десять. Будет он лидером, как же... Ладно, Поль, начал врать — не сворачивай. «Давай начистоту, Дим. Без обид. Вы с Ленкой сейчас оба не в лучшей форме. И завтра на подвиги рваться не будете. Так что тебе лично завтра и ловить нечего, и терять. Отдай мне этот даун. Век не забуду». Он даже толком не сопротивлялся. «А-а... А старик что говорит?» — «Дима, первым я должен был спросить тебя, верно? Мы же друзья все-таки? А старика я уломаю. Он же вас нацеливал на будущий сезон, так?» Я вбивал в него слова, Димон знай себе кивал. Вот как надо с

людьми. Недаром лидером в команде считали меня. Когда-то. «Значит, договорились? Завтра вместо тебя на трассу скоростного выхожу я?» — «Угу...» — «Тогда вопрос номер два. У тебя есть запасной телефон, ты с него делаешь ставки... Помолчи, Дим. Это не шантаж, а просьба. Одолжи мне его. Прямо сейчас». Димон замялся, но внутренне он уже был сломлен. Учитывая, что парень меня весьма недолюбливал, обработал я его блестяще. Напор, давление, убеждение, тонко дозированная лесть. И хорошая приманка — ему действительно не хотелось на склон, только он этого по-настоящему не сознавал. «Леночка, мы еще на минуточку отойдем?» — «Конечно, Пашечка». Что, внутренне смакуешь мое поражение сегодняшнее, зараза? Это ничего. У-ух, покажет тебе завтра милый Пашечка, как надо ездить сверху вниз...

Телефон оказался крошечный, чтобы легче было спрятать. «Поль, как же ты поедешь? — вдруг спросил Димон обалдело. — Ты же даун не ходил сто лет, тебя сначала продуть надо, потом раскатать как следует...» — «Дима, когда-то я был неплохим скоростником, верно?» — «Прости, но «Ди Челлендж» не обычный скоростной». — «Прощаю. Я тоже... не обычный лыжник. Спасибо, пока!» Теперь бегом к себе. А насчет «продуть» Димон прав, тренировка в аэродинамической трубе пошла бы на пользу. Но даже если это можно организовать, я не пойду. К черту. Сейчас для меня куда важнее психологический настрой. Согласен только на медные трубы... Скорее обратно в номер. Уффф, Боян не ушел. Чемпион валялся на моей кровати в полном расслаблении. Видно было, что сегодняшнее золото далось ему напряжением всех сил. «Еще пять минут!» — «Да хоть двадцать. Правда, я могу заснуть». — «Спи, только не уходи».

Тренер с менеджером что-то обсуждали, в комнате почти неуловимо пахло спиртным. Что ж, начнем с дежурной фразы. «Извините, но мне нужна ваша помощь. Я только что попросил Дмитрия уступить мне завтрашний даун. Он согласился». Тренер с отчетливым хрустом уронил челюсть. «Поль, ты решил покончить с собой?» — осторожно спросил менеджер. «Нет, просто мне позарез нужно двести тысяч европейских рублей». — «А команде позарез не

нужен труп». — «Погоди, — оборвал его тренер. — Ты не знаешь, почему этот мальчик ушел из скоростного спуска. А я знаю. К тому же мы ничего хорошего не ждали от завтрашнего дауна, так? Вот ты и не спеши с решением. Паша, что случилось? Рассказывай». Я рассказал. Почти совсем честно, только суммы занизил.

Они упирались прочно и аргументированно. Особенно тренер. Он хотя и не нес чепуху про трупы, зато реально представлял, как я рискую. Но странное дело — уже минут через пятнадцать разговор свернул на аэродинамическую трубу. Видимо, мой расчет оказался верен — русским завтра ничего не светило в дауне, а меня уже списали со всех счетов. Почему бы и не выпустить на гору парня, фактически зачехлившего лыжи? Он достаточно сумасшедший, чтобы съехать хорошо. А если разобьется, команда не потеряет активную единицу. Вопрос о моем преемнике в хард-слаломе наверняка уже решен.

«Здесь нет поблизости трубы, и вообще продуваться я не буду все равно. Объявите замену, и я завтра привезу себе деньги, а команде медаль». — «Дурак ты, Пашка, — сказал тренер. — Ладно, иди, мы посоветуемся». — «Извините, мне нужно знать прямо сейчас». Тренер не выдержал и начал ругаться. Менеджер ему в тон подтягивал. Я тоже не выдержал и двинул в бой резервы. «Димон все равно уже не поедет, — заметил я скромно. — Он уверен, что вы меня выпустите на гору, и у него теперь сбит психологический настрой. Парень расслабился. В отличие от некоторых он в меня поверил».

Мама родная, что тут началось! Но зато быстро закончилось. «Хорошо, — сказал менеджер. — Черт с вами со всеми. Я иду переписывать заявку». — «Только не торопись отсылать, — посоветовал тренер. — Молчать!!! — это уже мне. — Утихни, мальчик, все нормально, ты завтра поедешь. Но твоим соперникам знать об этом сейчас не обязательно. Мы потянем с объявлением замены до одиннадцати вечера. И под самый дедлайн — бац! Все уже будут лежать по койкам, и их никто не рискнет поднять. А теперь — убирайся отсюда. Сам зайду потом».

Боян действительно заснул, и я пока не стал его будить,

а склонился над крошечным монитором Димкиного телефончика. И пошел-пошел-поехал по Сети. Моего абонента звали Данки, и чтобы пробиться к нему, пришлось трижды набирать длинный пароль. Не знаю, почему он выбрал себе такой странный ник — «Ослик», — не знаю даже, какого он пола, да мне и все равно. Главная прелесть Данки в том, что он букмекер-невидимка. Без лица, без имени, с одним только сетевым адресом, на который не выйдешь случайно. «Черный» букмекер, незарегистрированный, попросту говоря — нелегальный. Сосватал мне его, что интересно, мой собственный папочка.

Я очень редко обращаюсь к Данки, не чаще раза за сезон, и только когда знаю «верняк». Ставлю понемногу, выигрываю тоже, но сотня тысяч, которая в итоге осела в Швейцарии — это мой личный страховой фонд, на самый-самый черный день. Увы, сегодня он не спасет. Мне нужно действительно много денег. Потому что если я завтра выиграю даун — а я его выиграю, — то весьма недешево. Чтобы хватило и за отца расплатиться, и себе весьма надолго. Очень уж, понимаете, глупо рисковать жизнью всего лишь за официальные двести тысяч.

На Димона ставили один к десяти (внутренне я хихикнул). «Данки, как изменится коэффициент, если русские объявят замену?» Ответ пришел через минуту: «Никак. У русских нет хорошего скоростника». М-м, как боязно спросить, что будет, если на гору выйдет русский слаломист... Такой информацией не бросаются. А вдруг кто-нибудь из менеджеров наших конкурентов отслеживает «черный тотализатор»? Так и быть, подожду до одиннадцати часов. Но уже сейчас ясно — вступать в игру нужно хотя бы тысяч на сто. А в идеале на двести. Причем чужих. Проиграю — не отдам. Свой заветный швейцарский столтник для черного дня я лучше поберегу немного. Денек сегодня поганый, но, думаю, бывает еще чернее... Я растолкал Бояна. Фраза «Мне нужна твоя помощь» уже от зубов отскакивала. «Боян, ты очень любишь свою машину?» — «Это твоя машина. Документы я оформлю завтра. А в чем дело? Чем могу помочь? Извини, Павел, я не хотел ломать твой дубль. Но мне нужно было, понимаешь, нужно!» Взгляд честный,

дальше некуда. Конечно, ему нужно было. С кем еще силой меряться, как не со мной? «Можешь оставить машину себе. А мне взамен дашь беспроцентную ссуду. Ненадолго, буквально на сутки. Но без всяких расписок, под честное слово. И прямо сейчас». — «Конечно, Павел. Сколько?» — «Сколько заработал сегодня». Вот и еще одна челюсть отпала. Прямо вечер падающих челюстей. «Двести?!» — «Вот именно». Да, машину он любил очень. «А ты правда отдашь?» — «Куда я денусь, мы же с Крис к тебе в гости собираемся». Как ни странно, этот дурацкий аргумент подействовал. Боян вытащил свой телефон, и уже через десять минут трансфер пошел. Неплохо было бы попросить Бояна сделать за меня ставку, но он на такое не согласился бы ни за что. В случае провала мне грозили всего лишь вселенский позор и жуткое безденежье, а у него безвременно почил бы яркая карьера. «Спасибо, друг. А теперь уходи и забудь об этом разговоре». — «Павел, у тебя неприятности?» — «Ну... Скажем так, я хочу выручить одного человека, попавшего в беду». Надо же — не соврал. Какой я сегодня хороший. Вот, оставил другу его любимую машинку...

Ставку я оформил тут же, чтобы деньги лишней минуты не светились на счете, пусть и анонимном, но все равно моем. Вызвонил поверенного. Долго уговаривал его продать все ценные бумаги, какие у меня есть. Дал на это два часа максимум. Перевел в Москву триста двадцать пять тысяч. Лег и стал ждать развития событий. Часом позже отправил еще триста — нормально акции продались, — остался гол как сокол, но всем доволен. Мама какое-то время могла ни о чем не беспокоиться, а меня ожидало такое приключение, какое не всякому лыжнику выпадает. Я даже забыл, что именно завтра приезжает Крис. Стыдно, конечно, но мне было не до нее.

Потом состоялся долгий разговор с тренером. Потом явилась Мария. «Паш, ты ведь знаешь, сколько я выиграла. С твоей помощью. Я эти деньги не успела никуда вложить, бери хоть все, отдашь когда сможешь». — «Ни-когда! Никогда не смогу и никогда не возьму». Минут пять мы препирались, наконец Машка поняла, что я непоколебим, и завела другую песню, которой я совсем уж не ожидал.

«Паш, дорогой, прости...» — «За что?!» — «Я не смогу завтра выйти на гору. Очень хочу, но не могу». — «Да что ты, Маша, какая глупость, зачем...» — «Понимаешь, мне страшно. Если бы нормальный скоростной, я бы поехала. А вот «Ди Челлендж» не для меня. Извини. Пашка, ты не понимаешь. Я... Я так хотела пройти вместе с тобой круг почета!» Какие люди кругом — чистый восторг. Я от умиления чуть не прослезился. Наговорил Машке комплиментов, даже поцеловал и выставил за дверь. Потом захлопнул ее перед носом у Генки, который пришел меня настраивать на победу. Илюха зачем-то ко мне лез, я и его послал. А в одиннадцать, прежде чем вернуть Димону телефон, опять связался с Данки. Информация о замене уже прошла. Что ж, господа букмекеры, вы можете твердить, будто у русских нет хорошего скоростника, но коэффициент изменился-таки. Семь к одному потянула моя фамилия. Спорю, утром будет шесть. Только бы не меньше. Тогда я заработаю миллион двести чистыми. Если выиграю, конечно.

Но я был должен, обязан выиграть.

ГЛАВА 5

У Дональда Киркпатрика было сразу два прозвища среди друзей — Кирк и Патрик. Что естественно. А вот за глаза его обзывали Канадский Лесоруб. Тоже неспроста. И парочку эпохальных «свалок», из которых он выходил совершенно невредимым, а вот подвернувшиеся ему соперники — нет, я отсмотрел и тщательным образом проанализировал. Именно этот канадец, многократный золотой призер «Даунхилл Челлендж», завтрашний фаворит, с наибольшей вероятностью мог отнять у меня первое место, на которое я нацелился. Дон блестяще ходил скоростной и легко сшибал наземь всех, кто пытался вытолкнуть его с трассы. Дрался бескомпромиссно и смело, подрезая и отшвыривая преследователей даже на высоких скоростях. Устойчивость у парня была невероятная, «чувство трассы» отменное. Даже полный чайник, бросив на канадца мимолетный взгляд, сказал бы мне — парень, не валяй дурака. Случись

этому почти двухметровому здоровяку тебя бортануть, и ты полетишь, как олимпиец. Дальше, выше, больше.

Но, поскольку чайники ввиду отсутствия таковых в гостинице не лезли ко мне с советами, я решил не переживать из-за очевидных вещей. Бортоваться с канадцем нам вряд ли придется, для меня это могила, и я уж постараюсь Лесорубу не подставиться. Сложность заключалась в другом. Киркпатрику вообще не было особого резона со мной сшибаться. Увы, с равным блеском он мог просто «объехать» меня. Как нарочно, мне противостоял не человек, а сплав талантов — мало того, что опытный и удачливый «челленджер», так еще и один из самых отчаянных скоростников планеты. И весь мой высоченный IQ разбивался об эти его способности. Как я ни бился над возможной тактикой борьбы на трассе, меня постоянно выносило на один и тот же вариант, откровенно лобовой. Спортсмену моего уровня, решившемуся «сделать» Дона на его родном поле, вообще не требовались мозги. Только сила воли. Но такая, чтобы об нее можно было узлом завязать горную лыжу.

Примерно то же самое думал и тренер. «Равняйся по этому Патрику, — сказал он. — Ты должен войти в «горлышко» рядом с ним. Там участок интенсивного разгона, а ты на дюжину кило легче канадца. Представь, какое у него преимущество на скоростях меньше сотни. Здесь он объективно приемистее. Так что «горлышко» тебе нужно облизать идеально. Если отстанешь, потом будет очень трудно наверстать. А на выходе вы уже оба разлетитесь под сто десять, начнется чистая аэродинамика. Поведешь себя правильно — он не оторвется. И я бы на твоём месте не пытался обгонять, а сел бы канадцу на хвост. Опасно сел бы, вплотную. Он будет смотреть, как ты там, сзади, начнет психовать и не дальше второго чек-пойнта ошибется. Причем так ошибется, что тебе останется только красиво финишировать».

Очень мне не понравилось это «я бы на твоём месте». Раньше тренер так отстраненно со мной не разговаривал. Не пытался таким образом высказать свое «фэ». Прямее был и конкретнее. Впрочем, раньше я тоже вел себя иначе. Например, не вырывал почти что силой последний в сезоне даун у товарища по команде.

«Что значит сел вплотную? — спросил я. — Насколько плотно?» — «Несколько метров». — «Да это же гибель!» — «А ты чего хотел?!» — «Он же меня элементарно подрежет». — «Вряд ли. У вас слишком велика разница в весе. Патрик к такому не привык. Его постоянно будет уводить на больший радиус в повороте, а насколько больший, это он быстро поймет. Конечно, попробует разок-другой пройти у тебя под самым носом. И сразу увидит: малейшая ошибка — и ты оказываешься впереди. Поэтому он будет просто гнать изо всех сил. Гнать и оглядываться. А когда оглядываешься — сам знаешь, что бывает. Короче, Поль, твое дело просто грамотно съехать. И ни в коем случае не попасть в «свалку». И то, и другое ты сделаешь легко. Знаешь... — он на миг задумался. — Я сначала был ужасно зол на тебя. А сейчас подумал — и наоборот. Должны же мы наконец показать им всем, что умеем ходить скоростной. Кто это покажет, если не ты? Кто? Да никто. Кстати, ты правильно сделал, что не захотел продуваться. Здесь, между прочим, есть небольшая труба поблизости, в одном институте, я просто решил о ней не вспоминать. Когда понял, что ты умно поступаешь. Технически глупо, а психологически умно. Короче говоря, не влипни в «свалку». Остальное у тебя само получится. Все, отдыхай». Хлопнул меня по плечу и ушел. А я остался сидеть и гнать от себя мысли о том, что будет, если я в «свалку» все-таки попаду. Как этого безобразия избежать, я уже сообразил. Но вот что делать, если оно само меня догонит?

Один из весьма неприятных моментов в дауне — прохождение разгонной горы. Дюжина стартовых кабинок смотрит на широченную и относительно пологую горищу. Постепенно она сужается до состояния бутылочного горлышка, за которым начинается первый ускоряющий фрагмент трассы. По команде «Гоу!» соперники выпрыгивают из кабинок и начинают яростно толкаться всеми конечностями, чтобы к «горлышку» набрать скорость. Но когда на старте такая нервная обстановка, кто-то обязательно толкнется лишний раз, а кто-то, наоборот, слишком рано встанет в стойку. Поэтому на входе в «горлышко» образуются две-три плотные группы — впереди те, кто прошел разгон оптимально, позади те, у кого не вышло. Здесь-то и

начинается самое интересное — горные лыжи превращаются в хоккей. Пройти «горлышко» бок о бок вдвоем можно. Втроем тоже, но лишь в теории. На практике нереально — для этого кто-то один должен выбрать заведомо проигрышную траекторию, самую медленную, да еще и на грани вылета. Естественно, «лишний» жметя ближе к центру трассы, пытаясь отвоевать себе место — путем давления на нервы либо взаимного соударения. Дальше события могут развиваться по нескольким сценариям, но в любом случае кому-то не поздоровится. Скорость в «горлышке» еще не очень большая и допускает контактную борьбу. То есть борьба разрешена по всей трассе, но когда ты несешься миль этак под восемьдесят, любая попытка выдавить соперника «на сетку» может плохо кончиться. Малейшая ошибка — и ты воткнешься в эту сетку лично. А она хотя и называется «сеть безопасности», но биться об нее опасно все равно.

Короче говоря, редко какой даун обходится без «свалки» на первых же пяти-десяти секундах. Либо толкотня начинается уже на разгонной горе, либо в «горлышке» кто-то споткнется, и вот оно — вожделенное шоу на радость всей планете. Наблюдать это обывателю забавно и, кстати, не очень стыдно — не убьются же лыжники здесь. В дауне убиваются гораздо ниже — там, где начинаются трамплины, где идут такие повороты, в которых перегрузка может вырвать крепление из лыжи вместе с шурупами, где двое оказываются на расстоянии нескольких сантиметров друг от друга и неумолимо сближаются в надежде, что первым испугается тот, другой...

А угодить в «свалку» на начальном этапе для жизни почти неопасно. Это означает всего лишь потерять немного времени, если придется изображать хоккеиста, или потерять очень много времени, если случится упасть.

Но меня не устраивал ни тот, ни другой расклад. Мне предстояло выиграть этот даун, первый настоящий боевой даун в моей жизни. Первый и точно последний — второго такого шанса просто не будет, нечего и пробовать. А тут я мог и должен был выиграть. На голых нервах и холодном расчете. Выиграть, используя на сто процентов всю ту

психологическую и тактическую фору, которую имеет «темная лошадка». А фора эта, если толково ею распорядиться, очень велика.

Замена будет объявлена в последний доступный по регламенту момент, за двенадцать часов до старта. Что можно узнать обо мне в такой короткий временной промежуток? Да что угодно. Кроме одного — что я могу в скоростном. Такой информации просто нет, она не выходила за пределы команды и ни при каких обстоятельствах не выйдет. Правда о том, каков я на скоростной трассе, может очень сильно повредить моему имиджу. Поэтому те, кому она известна, молчат как рыбы.

Скоростной спуск — одна из самых э-э... физиологичных, что ли, спортивных дисциплин. Весь даунхилл состоит из поиска и удержания идеальной четырехмерной кривой. Ты вычисляешь ее, вписываешься в нее и держишь ее, проклятую, как можешь и сколько можешь. Почему четырехмерной? Потому что в полете по трассе может возникнуть еще одно измерение. Но прорыв в него может убить тебя.

Все зависит от того, сколько ты проедешь, не «раскрываясь». Четвертое измерение даунхилла — измерение твоих возможностей. Оно запредельно и временами не подчиняется земной физике. И именно там лежит ключ к золоту. Долго в четвертом измерении не живут. Чаще из него выскакивают, расправляя плечи и давая воздуху притормозить летящее тело. А иногда в нем страшно калечатся или даже гибнут. У каждого лыжника есть личный предел скорости, за которым что-то отказывает. Либо мозг не успевает обсчитать траекторию, и ты вылетаешь с трассы. Либо тело уже не держит нагрузку, и крошечная ошибка в зантовке, когда нога просто физически не смогла встать так, как надо, швыряет тебя в небо вверх тормашками.

И все-таки некоторым удастся раз за разом совершать невозможное. Разгоняться до ненормальной скорости, удерживать ее и потом вовремя гасить. Добиваться на каких-то отрезках идеального взаимодействия с горой. И если не смотреть потом замедленное видео, если не вглядываться в перекошенное лицо человека, то можно предположить, что в этом нет никакой особой тайны. Просто хороший ба-

ланс между физиологией и психологией отдельно взятого лыжника — знал свой предел и умудрился пройти по самой грани. Но в том-то и фокус, что редко у кого нервы и мышцы от природы так сбалансированы. Одному, сколько он ни работай над мускулатурой, все равно не хватает чего-то в конституции. А другому... Сами, наверное, догадываетесь, чего и где.

Почему-то мы объясняем такие идеальные проходы сверху вниз хорошо развитым «чувством трассы». Что представляет собой это чувство, объяснить почти невозможно. Просто ты встал на гору и ощутил ее всем телом. И почесал вниз, рисуя ту самую оптимальную кривую. Только ведь чувство это идет не от одной лишь светлой головы. Нужно еще знать, что коленки не задрожат в самый ответственный момент. Поэтому и коленки, и нервишки должны быть хорошо прокачаны.

Так что куда честнее было бы придумать термин наподобие того, которым пользуются автогонщики. Только они «топят на все деньги», до упора насилая машину. А мы?

И все же, без «чувства трассы» тоже далеко не уедешь. Такой вот замкнутый круг. Чтобы хорошо стоять на скоростной горе, от тебя не требуется особых теоретических знаний и филигранной четкости в выполнении многоходовых связок из десятков почти незаметных глазу движений — того, чем выигрывают классический слалом. Нет, для скоростного нужен всего лишь талант. Умение превращаться во что-то среднее между гоночным болидом и пушечным ядром — и чувствовать себя в этой роли уверенно и комфортно. В слаломе ты один флаг обрабатываешь, заход на другой уже просчитал, а нацеливаешься в это время на третий. Все, дальше предел, иначе в ногах запутаешься. А вот в даунхилле ты вынужден считаться с тем, что крошечное отклонение твоей кормовой части в такую-то сторону приведет к такому-то искривлению траектории, которое выведет тебя во-он в ту точку метров через полтораэта. Весь скоростной — это железный контроль над телом, умение правильно оценить, что творится под ногами, мгновенный просчет множества вариантов и мгновенный же выбор оптимальной кривой. На бумаге выглядит громозд-

ко, а в жизни... Непередаваемое ощущение выстрела собой, любимым, в пространство. Это даже не полет. Это упоительная битва с параллелограммом сил. И только от степени владения организмом зависит, насколько ты сможешь подчинить себе физику из школьного учебника. И еще от распроклятого «чувства трассы», которое позволяет способности этого самого организма как следует реализовать. Клубок противоречий. Симфония парадоксов. Я же говорю — талант нужен. Талант.

Когда-то он у меня был. До пятнадцати лет вашего покорного слугу оттащивали от скоростной трассы за уши. Иначе я вмиг оказывался далеко внизу. Супергигант и даунхилл — вот были две мои коронные дисциплины. Тренер рот себе зажимал, чтобы способного парнишку ненароком не перехвалить. И все же чуял он во мне слабинку, чуял — на то и тренер. Давно ее нашупал. Лет за семь-восемь до того, как я навсегда покончил со скоростным спуском, эта моя слабинка ему открылась. И он тогда бросил, якобы в сердцах: «Как жаль, Паша, что при всех своих талантах ты не спортсмен». Обидеть меня хотел, раззадорить в мальчишке победителя. А мальчишка даже не удивился. Потому что знал: да, не спортсмен. Не было в мальчишке одержимости спортом, без которой ерундовую медальку заработать еще можно, а вот серьезную медаль — нет. Была только бешеная одержимость горой, желание съезжать, тяга на склон, когда лучшее время года — зима, а твой дом там, где снег. При этом я никогда не хотел съезжать лучше других. Я только мечтал научиться отлично владеть лыжами. Не так, как некий чемпион, на которого стоит равняться, а просто в совершенстве.

Окрыленный такими мечтаниями, я и загремел тогда на юниорском чемпионате. Гремел долго, метров сто. И как цел остался — только мне спасибо, никому больше, даже небеса тут ни при чем, неоткуда было взяться чуду просто технически, не просочилось бы оно в это падение, не осталось для него дырочки. Скорее наоборот, из-за подленького такого чуда все и приключилось — сорвало лыжу у меня в повороте. Сорвало как раз тогда, когда я находился глубоко в четвертом измерении. Несся, шпарил, топил на все

деньги, раздирал собой пространство, издевался над физикой, творил что хотел, и душа моя пела. А когда обрабатывал трамплин — как сейчас помню, — дико заорал от восторга в полете.

Да, там был трамплин, и сразу за ним роскошный пологий левый. Трамплины я всегда проходил гениально, сам даже удивлялся, как это мне так удается. Приземлился, встал в дугу и вдруг чувствую — не то что-то с внешней ногой, пятка опору теряет. А у меня в это время задник крепления медленно, но верно разбирался на запчасти. Долго так, со вкусом. Почти секунду. Винтики, шпунтики, пружиночки... Они потом очень красиво вдоль поворота лежали. Ну, не справилось крепление, и все тут! У него предел есть по нагрузке, это только у спортсмена пределов нет, а металл и пластмасса так не могут, как лыжник. Съезжать. Недаром в заднике слалось не что-нибудь, а именно самое прочное его место. Пружина, вусмерть затянутая, не лопнула, щечки не поотламывались, консоль не треснула — болт регулировочный вырвало! И остаюсь я на скорости далеко за сотню без внешней лыжи, на которой, собственно, и еду в этот момент. На словах история долгая и занимательная. В действительности было так: лыжи по снегу «шлеп!» — приземлился; внутренний голос «ой!» — пятка куда-то сползает; снизу пулеметной очередью «шелк-шелк-шелк!» — крепление ушло; «Ё!» — короткое русское слово застряло у меня в горле, потому что просто не успело проскочить наружу целиком.

Швырнуло — ни в сказке сказать, ни пером описать, ни даже матом выругаться. Сначала вообще не понял, как именно лечу. То, что у меня крепление разваливается, это я ощутить успел. А дальше — резкий срыв и замедленная съемка. С каждым, наверное, бывало такое, когда в опасной ситуации время замедляется и ты наблюдаешь происходящее будто в «рапиде». Некоторые только глазят в ожидании, как их сейчас о твердое приложит, и жизнь свою вспоминают. Некоторые смотрят и пытаются хоть что-то сделать, только у них не выходит. А кое-кто, и я в том числе, умудряется-таки за долю секунды, разложившуюся на десяток стоп-кадров, нечто умное предпринять.

Много не получится, но чтобы худо-бедно выжить — хватает. Илюха, например, голову в плечи вобрал, когда его на опору подъемника выбросило: шапка на опоре задержалась, а голова, хоть и контуженная, на плечах. Причем что интересно — со мной и с ним такие «замедления» происходят, только если мы сами очень быстро перемещаемся. А у других совсем наоборот. Димон самую малость корпус развернул и отделался хорошей плюхой вскользячку, а мог бы получить бесхозно катившуюся лыжу под ребро. Тренер наш стоял на светофоре, никого не трогал. Каким-то загадочным образом успел ремень безопасности отстегнуть и на другое сиденье прыгнуть, когда ему в центральную стойку здоровенный джип въехал.

Ну и мне в тот раз опять подфартило. Лечу. Небо синее — обалдеть. Это потому что я вверх ногами. Обидно жутко, ехал-то лучше некуда, и вот на тебе, судьба-подлюка врезала Ахиллесу по пятке. В данном конкретном случае по правому заднику от авторитетного производителя. А еще нехорошее предчувствие гложет — точно сегодня ногу сломаю. Кинуло меня из низкой стойки через корпус. Тело осталось на оси параллельно земле, а ноги и все остальное вокруг тела закрутились. И виток идет к завершению. Причем в соударение с трассой войду я, начиная с левой ноги, на которой расцветает яркими красками дорогая престижная лыжа. Именно то, чего моей левой ноге совершенно не надо. Ибо ежели лыжа не отстегнется, то получится у меня вместо ноги форменное сверло. Кувыркнет меня из-за этой лыжи и так... И этак... И еще, пожалуй, вот так. И дальше сыпаться я буду сам по себе, а нога, уже поломанная и неуправляемая, тоже самостоятельно. И толком сгруппироваться мне не даст. А лыжа-то как раз не отстегнется. Даже не потому что крепеж затянут до упора, а просто она первый удар неудачно примет. Не раскроется от такого удара крепление.

Моих способностей деформировать время хватило в обрез на то, чтобы развернуть лыжу как надо и приготовиться к группировке. Но зато дальше уже не меня швыряло и кувыркало, а я сам падал, организованно, понимаете, сам. Это не меня долбило лыжей о снег, это я целенаправленно

сбивал лыжу, подбирал освобожденную ногу и мгновенно превращался в клубок мышц, который мог уже относительно безболезненно сыпаться по трассе вниз. Секунды хватило мне, секунды, чтобы остаться человеком с ногой.

А вот чтобы остаться парнем, который обожает скоростной, — не хватило. Ничего вообще этот парень не сломал, не вывихнул, даже не потянул. Только кружилась голова, когда я, закончив падение, в нарушение всех инструкций встал на четвереньки и попытался оглядеться. Так нельзя, но я уже сообразил, что совершенно цел физически. И даже головокружение не отличалось от того, что у меня было, когда однажды сделал на спор триста кувырков назад. Стою, мотаю головой — живой, здоровый, разве что малость помятый и немного мозги набекрень. Сажусь, пробую растегнуть ботинки. Какие-то люди вокруг, я им киваю — все в порядке у меня, спасибо, обошлось...

Я и сейчас иногда хожу скоростной. Даже на время. Просто так, для развлечения. Просто так. Потому что после того раза я отказался выходить на настоящий старт, когда внизу трассы лежит медаль. И никакая психотерапия не могла бы меня на это уговорить. Да она и не смогла. Поверить заново в надежность креплений я себя заставил. Иначе пришлось бы лыжи бросать. Когда половина души на склоне, а половина глубоко в пятках — напряженно изучая, что под ними и вокруг них происходит, — это уже не спорт, а «легкая горнолыжная паранойя» (опять Илью цитирую). Мешает ездить невероятно. Мне понадобилось большое усилие, чтобы эту самую паранойю заглушить. А вот в скоростной вернуться уже силенок не достало.

Вообще потерять интерес к спорту до удивления легко. В горных лыжах бывает достаточно пропахать по склону носом. Обработает тебе полпортрета словно наждаком — и все. Мы так Илюху чуть не потеряли. Целый год всей командой завышали ему самооценку, нам даже тренер роли специально расписал, как в спектакле. А было Илюхе всего четырнадцать, и он весьма неудачно воткнулся в бугор. Встал, растегнул ботинки и пешком ушел с трассы в полной уверенности, что уходит навсегда. Получить горой по морде — это, доложу я вам, очень личное. Даже перелом

ноги так на психику не действует. И дело не в красных пятнах молодой кожи на лице, которые остаются на годы. Не в швах и скобках. Просто ты пережил удар в самую душу. Словно пощечину тебе влепили незаслуженно. Мы по молодости лет иногда дрались — и в шутку, и всерьез. Пинки, шлепки, подзатыльники. Но чтобы по лицу — никогда. Потому что Илюху команда вернула, а Женька, например, ушел. И ни у кого язык не повернулся сказать, что парень трусил. Я его потом встретил, уже взрослого, — красивая нахальная физиономия, губы и подбородок вроде бы даже лучше прежних, и не поверишь, что когда-то было одно кровавое месиво. «На лыжи-то встаешь хоть иногда?» — «Нет. С того раза как отрезало». Как отрезало... Уверен, не случись того нервного шока, он сейчас ездил бы лучше всех нас. Отменный мог выйти «челленджер».

У меня тоже кое-что отрезало, и надолго — желание разгоняться до свиста в ушах. Сначала я просто боялся падения на высокой скорости — решил, что мой лимит удачи исчерпан. Как раз тогда на скоростном нехорошо сломался Димон, мне такого предупреждения хватило. А потом... Потом Россия вступила в Федерацию хард-слалома, и для меня нашлась золотая середина между великими моими способностями и куцыми возможностями. А уж когда я прочно засел в первой мировой десятке «Ски Челлендж», всякие глупые вопросы отпали сами. Если такой человек не хочет выступать в «Ди Челлендж», значит, у него это просто не очень хорошо получается. Но он точно не боится. Хард-слаломисты не боятся ничего. И этот русский не боится.

Так если не боится — что бы ему разок не съехать?

И в воскресенье я поехал. Заряженный на победу, обдолбанный аутотренингом, нагло поблескивающий глазом. Успел поймать несколько крайне заинтересованных взглядов — с ребятами из «Ди Челлендж» я практически не был знаком, — вкатился в свою кабинку, встал... Прислушался к ощущениям — великолепно. Скоростной комбинезон сидит на мне как влитой. Шлем ощущается будто собственная голова, призмочки в углах забрали исправно показывают задний вид именно так, как я ихотрегулиро-

вал. Хед-ап-дисплей* рисует нули перед носом — обычно его показания выставляют куда-нибудь повыше, в район лба, но я не собираюсь лишний раз шевелить глазами. Пусть лучше цифры прыгают по центру забрала, перефокусировка взгляда без поворота зрачков менее опасна, все равно видно, куда едешь... Ногам в ботинках непередаваемо уютно, просто хоть навсегда в них оставайся. Палки ни на грамм тяжелее, чем надо, ни на грамм легче и будто к рукам приросли. Лыжи смазаны адской смесью, рецепт которой тренер не выдаст и под смертным боем, настолько она хороша. Погода — моя любимая, облачно без прояснений, осадков нет, ветер полуметровый в корму. В наушниках глухо, радиосвязь отключена — нечего героя на трассе советами беспокоить, он намерен рвать и метать. Гора будоражит и манит. И сейчас я ее сделаю! А одиннадцать моих конкурентов могут отдыхать. Сегодня они не сумеют проехать так, как я. Сегодня я покажу, как это делается. Не им — горе. И получу от этого столько удовольствия, что хватит на всю оставшуюся жизнь.

Уверен — не случись у меня под ногами злополучного Дона Киркпатрика, именно так оно все и вышло бы. Мне снова было пятнадцать лет, я не боялся ни бога, ни черта, и скорости тоже не боялся, напротив — хотел ее. А больше всего на свете я хотел съезжать на горных лыжах. По чему угодно, хоть по вертикальной стене — на лыжах я мог все. Еще не уткнувшись носками в стартовую доску, уже глубоко нырнул в четвертое измерение. Такого со мной не было давно, многие годы. И именно в этот момент, когда над стартом раздалось «Эттеншн!», я понял, упираясь палками и готовясь к прыжку, до какой же степени был несчастлив последние десять лет. Да, я получил Крис, но это взрослое серьезное чувство, настоящая любовь, а вот безудержного щенячьего восторга в моей жизни явно не доставало.

Чистое наслаждение, захлестывающее с головой, это когда есть ты, есть гора, внизу лежит медаль, а на пути к

*Хед-ап-дисплей (head-up-display, HUD) — общее название систем, проецирующих изображение на прозрачную поверхность, служащую обзорным (как правило, лобовым) стеклом.

ней — скорость. Конечно, съезжаешь не за медалью, но не будь ее, не будет и такой скорости. И очень даже неплохо подхлестывают одиннадцать гавриков в соседних кабинах. Придется их объехать, чтобы не мешали ловить кайф.

Я чуть-чуть откатился назад. Сейчас будет выстрел, и я шестым чувством уловлю момент, когда стопорный штырь выскочит из стартовой доски, освобождая ее. Он еще только двинется, а я уже прыгну. С громким хлопком ударю по доске носками лыж, та отлетит вниз, и я окажусь на горе. Только не переборщить — некоторые торопыги, пытаюсь выиграть заветные сотые, прыгают вперед, пока выстрел раздается. Такой короткий звук, но они успевают. Доска еще заблокирована, не позволяя лыжнику обогнать конкурентов, и он красиво выпадает на склон через голову. А любой фальстарт, даже такой уморительный, — лишняя нервозотрепка. Фигушки, я прыгну как надо. Как мне надо — идеально.

«Уффф... Ну, поехали!» Тут оно и выстрелило.

Моя кабина была четвертой слева, Киркпатрик стартовал вторым справа, но его широченная спина уже маячила впереди. Здоровый лось, он расталкивался с паровозной тягой, и я едва за ним поспевал. С боков на меня стремительно надвигались двое, кажется швед и итальянец. Оба спрямляли траектории, а в точке их пересечения как раз двигался я. Не испугаться бы. Киркпатрик уже вставал в стойку, теперь я ориентировался не по спине, а по такой же монументальной заднице. Короткий рывок, и я тоже сложился пополам, не позже и не раньше, чем нужно, — пересилил страх возможного столкновения и угадал, — судя по треску и коротким нецензурным воплям, двое сшиблись в метре позади меня. Изгибы палок четко легли под мышки, я поджал локти и вслед за Киркпатриком ухнул через перегиб. Все, мы были в «горлышке». Не бок о бок, но я висел у лидера на хвосте и, против ожидания, не отставал. За спиной шуршало, скрипело, трещало и материлось на нескольких языках. Рискнув бросить короткий взгляд в призмы заднего вида, я обнаружил там остальную братию в полном составе. Лыжники заколачивали себя в «горлышко» как пробку, они сбились в плотную толпу и

никто не хотел уступать. Так, назад больше не смотрю. Только вперед.

Через пару секунд на горе осталось: ребро — четыре штуки, коленная чашечка — одна, локоть — один, и это не считая прочих мелочей. Парень из французской команды почти до середины трассы ехал кое-как с вывихнутым плечом, но понял, что не выдерживает боли, и дальше уже просто катился, стоя в полный рост и придерживая раненую конечность здоровой рукой. Что примечательно, швед с итальянцем, настырные, столкнулись-таки по новой, не доезжая до первого чек-пойнта. Итальянец устоял, а швед от удара споткнулся, впрочем довольно удачно. Позади шла плотная группа, на него могли бы попросту наехать, но швед сразу ушел с трассы, потерял лыжи и долго скользил на боку, пока не угодил в сетку. Эта парочка сегодня дралась за третье место, в старые добрые времена одним из них мог бы оказаться наш Димон. Скорее всего — шведом.

А я висел на хвосте у фаворита Дона Киркпатрика, и было это неожиданно легко. Тренер угадал, наши траектории чересчур разнились, чтобы Дон мог предпринять какие-то опасные агрессивные действия без риска для себя. Любой маневр на горе означает торможение. Вот он и не тормозил. Набрал хорошую скорость и держал ее. Как и я. Причем я даже чуточку раскрывался, чтобы не подходить к нему вплотную — небольшой запас по разгону у меня оставался, и чувствовал я себя очень уверенно. Лыжи скользили чудесно, видимость была прекрасная, и, что немало важно, я шел более пологими дугами, поэтому крупа из-под кантов лидера не летела мне в забрало. Первый чек-пойнт мы проскочили с минимальным разрывом, я посмотрел на дисплей — полторы сотых. Несерьезно. А не попробовать ли мне его обойти? Чего я буду ждать, пока мужик ошибется? Между чек-пойнтами три больших трамплина, мой козырной рельеф. Найти только место пошире, чтобы он на таран от обиды не бросился.

Именно в этот момент у Дона сдали нервы. Вдруг оказалось, что он уходит вперед, и уходит очень быстро, просто ненормально быстро. Что такое?! Я сжался в предельно аэродинамичную стойку и перестал осторожничать. Пару раз прошел дугу на пределе и начал-таки догонять. Но

Киркпатрик тоже несся все отчаянней. Пораженный до глубины души, я шпарил вслед и тихо благодарил себя за то, что догадался-таки попросить наладчика отключить на дисплее спидометр. Мы сейчас ехали быстрее, чем мне когда-либо приходилось. Это было пока еще не страшно, нет, а без спидометра даже почти весело и познавательно. Вот если на втором чек-пойнте мне высветило бы какую-нибудь запредельную цифру, тут-то я мог и испугаться. И притормозить. А канадец?

На трамплин он вышел грамотно, но летел дольше, чем нужно. Хоп! «Хоп!» Недаром у трамплинов обязательно ставят камеры с самыми чувствительными микрофонами. Особенный кайф слушать, как орут девчонки, когда прыгают. Визг потрясающий. Непередаваемая эмоциональная гамма. Илюха однажды у Ленки спросил: «Ты в постели так же орешь?» Она ему: «А что?» — «Интересно было бы послушать». — «Ну, постой сегодня вечером под дверью...»

Приземлился я так гладко, что почти не ощутил толчка. А вот насколько разрыв сократился — почувствовал. Увидел. И еще мне показалось, что Дона начинает потихоньку разносить. Снежная крупа из-под его лыж полетела совсем по-другому, и в фигуре возникло напряжение, которого раньше не было. Полгоры осталось у нас за спиной, и все это время Дон по трассе стелился. А теперь он с ней воевал. Уже не скользил — пилил. Скорость все еще оставалась запредельной, реально я сейчас не мог его обогнать, казалось бы, самое время мне отчаяться и слаться. Но это если не знать, что Дон идет на голых нервах и долго так не выдержит. Я постоянно у него перед глазами, то в левой призме, то в правой. Неумолимый преследователь, расчетливый и хитрый. Который заставил лидера ехать не быстрее, чем он умеет, но куда быстрее, чем он хотел бы. Дон понимает, что я намеренно давяю ему на психику, но у понимания есть предел. За ним приходит дерганье, а потом истерика. И ошибки. Это он тоже понимает, но и у этого понимания... И так далее. Когда же ты ошибешься, мужик? Только бы тебя не разъярить сверх меры. А то как бросишься мне под ноги — и плакало наше золотишко, оба упадем.

На следующем трамплине я еще чуточку подобрался к

лидеру и сообразил: пока что ближе никак не получится. Десять метров примерно, но преодолеть их я чисто физически не могу. Придется ждать. Киркпатрика откровенно разносило. Мне пока что в четвертом измерении было очень даже хорошо, а вот ему настало время принимать решение — или дальше идти в том же режиме, на грани фола, или устанавливать более жесткий контроль над лыжами. Раскрываться. Тормозить. Сдаваться. Я позволил себе посмотреть через призмы назад — пусто. Ну и разогнались же мы! Еще трамплин. Совсем немного до второго и последнего чек-пойнта. Нет, правильно я сделал, что еду без спидометра. Как изобразила бы мне электроника сто миль в час... Да ну, ерунда, от силы километров сто сорок. Хотя судя по времени, если и дальше так пойдет, мы привезем рекорд трассы, который долго не будет побит. Трамплин. Дон взлетает. Что?! Не понял... «Хоп!»

И тут Дона Киркпатрика окончательно завалило.

Ему нужно было пройти эту дугу хотя бы чуточку медленней. Дон не успел как следует выровняться перед трамплином и прыгнул с бугра, имея явный дифферент на правый бок. В полете его начало валить дальше. Он еще мог исправить положение, но за счет резкой потери скорости и жесткого неудачного приземления. Опять-таки — торможения. И я сделал бы его как мишенью. Дон знал это и попытался удержаться в воздухе, завершая намеченную им дугу, криво-косо, но завершая.

Фактически это я заставил беднягу упасть. Я уже оторвался от трамплина и в полете смотрел, как он передо мной нелепо бьется правым боком о снег, подпрыгивает, одна лыжа отстреливается и уходит — мама! — опасно уходит куда-то вверх... Ничего, я под ней проскакиваю, а вот Дон... Он катится по снегу кубарем именно в то место, куда я сейчас должен приземлиться. И вот я уже точно ничего не могу сделать. Ничего!

Временной разрыв обрушился на меня внезапно. И злоба дикая — вслед за этим. Киркпатрик раньше никогда не падал, и сейчас мог не падать — но взял, подлец, и упал. А мне без приземления никак не обойтись, любой «челленджер» хоть и орел, но только в переносном смысле. Еще за полсекунды до отрыва ты знаешь, куда тебе садить-

ся. Кто бы мог подумать, что садиться мне теперь, как ни крути, в лужу, а именно — Дону на голову, весело размазывая коллегу по склону... Я отлично представлял, что будет, когда мои девяносто кэгэ, помноженные на скорость и снабженные таким великолепным орудием убийства, как горные лыжи, впечатаются канадцу в спину. То, что меня самого дальше ожидало долгое неуправляемое падение, я тоже хорошо понимал. Но все-таки... Между прочим, на «Ди Челлендж» еще никого впрямую не убивали. Даже сшибленный наземь или вытолкнутый на сетку, «челленджер» как-никак погибал самостоятельно. Группировка неудачная, удар собственной отстрелившейся лыжей под ребро, в общем — несчастные случаи. Бывало, переезжали упавших, но только в верхней части горы, на малых скоростях и с последствиями скорее анекдотическими. Иногда врезались носком лыжи — тоже не совсем насмерть. Так, на уровне пересадки донорских органов. А вот я сейчас наеду — мало не покажется... Создам прецедент. Тыфу!

Дон застрял передо мной и чуть ниже, сейчас он находился в положении сидя, его должно было развернуть, приподнять и снова бросить о снег. Лежи он, а не сиди, у меня не оказалось бы никаких проблем, я бы его элементарно перепрыгнул. Но это же не песочница, а гора! В начальной фазе падения она тебя швыряет, как ей заблагорассудится. Ф-ф-ф-фак!!! А если раскрыться и затормозить в полете? Я уже почти решился это сделать, но передумал — закончилась бы такая авантюра очень жесткой посадкой и не факт, что не на уши. И врезался бы я в канадца все равно. Варьировались только последствия — кто именно останется инвалидом на всю жизнь, а кто просто надолго.

Последний вывод меня окончательно расстроил, и я быстро отбросил лишние варианты, то есть те, что оборачивались не в мою пользу. Но даже наиболее мягкий выход, при котором я заваливался на бок и пытался как-то перевести удар из прямого в скользящий, кончался худо — Дон почти гарантированно получал лыжу в почку. Убью я парня из самых лучших побуждений. Нет, мне падать нельзя, я должен лететь. Но куда я его ударю в таком случае? Я повис в воздухе, а передо мной застыла голова в белом шлеме с кленовым листом на затылке. И словно прицел навелся

на этот кленовый лист, мне даже померещилось едва заметное перекрестие.

Потом я думал не раз — времени хватило, — а как бы я действовал, окажись там, в прицеле, дорогой мне человек. Боян, например. Илюха. Или, скажем, дружили бы мы с Киркпатриком — как бы я себя повел? Не нашлось у меня четкого ответа, не получилось. Только глодало душу ощущение, что выход из ситуации все-таки был. Но это задним числом хорошо размышлять о таких вещах. А вот на сходе с трамплина, когда ты не лыжник, а истребитель на глиссате... Пусть даже зависший в пространстве и времени — спасибо психической аномалии... Нет в такой ситуации мыслей, есть только перебор доступных вариантов. И феномен темпоральной компрессии позволил мне перебрать их все.

Скорее всего, в имевшихся у меня тогда крайне стесненных обстоятельствах я выбрал оптимальный выход. Он просто сам напрашивался — очень уж заманчивый, хотя и несколько рискованный. Но я был железно уверен в своем контроле над полетом. Знал, что справлюсь. И действительно справился. Мне просто не повезло. Счет шел на сантиметры, и уже не важно сейчас — то ли у Дона голова мотнулась, то ли боковой ветер дунул, и меня в сторону увело. При благоприятном раскладе я красиво пролетал мимо, финишировал и брал свое золото. При самом паршивом — эффектно срубал Дону голову напрочь, так же напрочь калечил себе жизнь, падал и для полного счастья ломал пару-тройку костей.

Я знал, что стоит мне только сделать окончательный выбор, как придется сразу действовать — растянувшееся до невозможности время тут же схлопнется обратно. Но если и дальше висеть на месте в нерешительности, пауза может оборваться сама, и я от неожиданности потеряю как минимум сотую, а то и две. Опоздаю с коррекцией траектории, и от Дона останутся рожки да ножки. Поэтому я внутренне перекрестился и шевельнул корпусом в избранном направлении.

Понеслись! Меня с жуткой силой рвануло вперед, только уже не прямо, а со смещением. На грани падения, но все-таки я летел и уходил влево, уклоняясь от своей потенциальной жертвы. Киркпатрика разворачивало и припод-

нимало, мой виртуальный прицел съехал с его затылка и оказался в опасной близости от шеи. Как нарочно, голова Дона сильно наклонилась вправо, и шея была открыта. Правая моя лыжа проскакивала буквально в двух пальцах над плечом канадца и на таком же расстоянии от щели между этим плечом и нижним обрезом шлема. Если мне удастся такой ювелирный проход, за видеозапись потом будут драться все информационные службы мира. А почему не удастся? Все рассчитано точно. Проскакиваю. Вот, проскочил. Черт побери, да я ведь уже в доброй полусотне метров впереди! Очень неудобное было приземление, в основном на левую ногу, переборщил я с отклонением и еле вытянул себя на ровный киль, чуть не упал. Но ради чужой жизни и своей репутации стоило, пожалуй, и отклониться чуть больше, чем надо.

В заднем обзоре Киркпатрика не было — наверное, он продолжил кувырки, и его окончательно унесло с трассы. Оно и к лучшему. Я-то мужика перепрыгнул, фактически сквозь него проехал, а вот преследователи вообще не подозревают о том, что Дон упал. И угол обзора у них другой будет. Хорошенькое дельце — прыгаешь, а на горе приземления лыжник разлежся. Я хотя бы видел, с какой неприятностью имею дело. В этом смысле мне повезло. Если, конечно, тот легонький вжик не означал ничего серьезного. Даже не вжик — шелчок. Я почти уже совсем проскочил мимо Дона, когда он раздался, этот странный звук. Или не звук. Ушами я ничего воспринять не мог, защищенный шлемом. Но тело что-то услышало. Ощущение было, словно меня легонько ударило током. Не физически, а так, на уровне эмоций. Странно. Первым делом когда доеду... Впрочем, я уже почти доехал.

Никогда бы не подумал, что может случиться такое — почти четверть самой ответственной горы в своей жизни я прошел на полном автомате. И отлично прошел. То ли из-за состояния отключки, то ли вопреки ему, но я удержал скорость, невозможную для себя, трусишки, и привез рекорд трассы, который продержался целых пять лет. Четвертое измерение выпустило меня, только когда впереди показался финишный створ. От неожиданности я так обалдел, что едва не оступился — на видео легко можно разгля-

деть, как лыжник передергивается всем телом и с большим трудом восстанавливает контроль. Будто самолет звуковой барьер пробил, только наоборот. Вместо оглушительного хлопка — отдача по всему организму. Так или иначе, я устоял на ногах, достойно проскочил финишный участок, пересек линию, раскрылся и начал тормозить. Для этого понадобилась неожиданно широкая дуга, а снежная пыль летела через бортик и кое-кому даже за шиворот. Меня вынесло аж к нашему тренеру. Я еще порадовался, что это не «Ски Челлендж». После слаломной трассы ты первым движением отстегиваешь лыжи, а вторым — хватаешь у тренера из рук трансивер и отзваниваешь наверх, тем, кто едет позже тебя, — рассказать, в каком состоянии гора. Меня в тот момент всего трясло, я просто не удержал бы рацию. Прямо с места в карьер начало трясти, едва только остановился. Лыжи, и те вроде бы дрожали. Кстати, о лыжах. Я уперся наконечником палки в задник правого крепления и всем телом надавил на рукоятку. Надавил и обомлел.

В финишные ворота со скрежетом влетали мои соперники — те, кто доехал. Толпа на трибунах за бортиком орала и колыхалась. Вокруг победителя — меня — скакали операторы, и кто-то уже лез с микрофоном. А тренер стоял за бортиком и таранился мне в забрало, будто силился разглядеть сквозь триплекс черты незнакомого лица.

Я дожал-таки задник, выдернул ногу из крепежа и бросил взгляд на лыжу. И подумал, что ставить ее торчком на всеобщее обозрение сегодня, пожалуй, не стоит. «Покупайте наши горные лыжи, элегантное и практичное оружие самообороны! Их убойная сила даже при неполном замахе достигает полутора тонн!» Это тоже Илюха выдумал. Но он на самом деле однажды дрался в одиночку против троих, не то «Фишерами», не то «Атомиками»... Потом как-нибудь доскажу. Вечно мне всякая ерунда вспоминается, когда нервишки зашкаливают.

На скоростном лыжу обдирает ветром со снежной пылью будто наждаком. Так что на ней не могло остаться никаких следов. Зато в глазах тренера хватало кровищи, чтобы я понял все.

И тут мне вспомнилась одна вещь, которая вертелась на окраине сознания уже много дней. Сон, тот самый зага-

дочный сон. Так вот отчего упал в моем видении Боян Влачек на слаломной трассе! Его падение — это был знак нелепой случайности, которая перевернет мою жизнь и сделает меня не тем, кто я есть на самом деле. Там, во сне, уход Бояна с трассы символизировал мой триумф за чужой счет, незаслуженную победу. В своей грезе я взял и благодаря дурацкому стечению обстоятельств — падению лыжника, который никогда не падал, — удержал золото, даже золотой дубль. А здесь? Вот она, победа распроклятая, все то же золото, я хотел привезти его любой ценой и привез. Омытое кровью.

Тренер наконец-то ожил и полез через бортик отгонять от меня журналистов. Большое табло перешло в видеорежим, и я, глядя поверх голов наседающей на меня толпы, впился в него глазами. Естественно, они показывали тот самый момент. Ту долю секунды, что моя лыжа шла мимо шеи канадца. В пошаговой раскадровке и с огромным увеличением. Так, вот проехала грузовая площадка, и как раз сейчас, где-то уже далеко за задником крепления, должен произойти тот самый чертов вжик. Меня слегка передернуло. Что может быть острее канта профессиональной горной лыжи? Скальпель хирурга? Бритва? Господи, меня же чуть завалило влево, и лыжа стояла под углом такого эффективного резания... Скальпель хирурга. И им я аккуратно располосовал канадцу сонную артерию.

На большом табло не было видно самого главного — автоматическая камера повернула, отслеживая тот объект, который двигался быстрее, и Дон ушел за пределы кадра. Но я и так себе представил, как хлестнула из шеи алая струя. На белый-пребелый снег... Я стоял посреди толпы и не отвечал ни на один вопрос, ничего не видел и не слышал вообще. Я думал о главном — засчитают ли мне победу. Тогда Данки моментально переведет выигрыш. А вдруг не засчитают? Мало ли что комиссии в голову взбредет. По идее, технических препятствий быть не должно. На трассе может произойти что угодно, в «Ди Челлендж» вообще люди гибнут, такая уж это гонка по определению. Тотализатор же крутится сам по себе и будет крутиться, даже если на склон какой-нибудь залетный аэробус обрушится. Я побе-

дил, заплатите денежки согласно коэффициенту. Но ведь и таких случаев, как сегодня, в «Ди Челлендж» еще не было...

Я бросил взгляд на табло. Хватит дергаться, Поль! Вот, смотри, твой результат зафиксирован, он давно ушел в Сеть, наверняка уже пошли выплаты... Это какое же счастье, что я не имею дела с легальными букмекерами! У Данки чужие деньги попусту не задерживаются, они ему очень сильно жгут руки. Такие, как он, мгновенно распахивают поступающие суммы по углам-закоулочкам и тщательно затирают следы — профессия требует. И не менее споро переводят выигрыши, пусть и взямая с них грабительский процент. Зато черта с два к Данки явятся дяди в штатском и начнут копать в отчетности. А если даже и явятся — не найдут они ни малейших следов того, что сегодня неплохо подзаработал один спортсмен, который ставить деньги права не имел.

И, возможно, из-за денег убил.

Поверх голов мне было отлично видно, как проталкивается по узкому проходу вдоль бортика полиция. Небольшая группа совершенно одинаковых людей, что в форме, что без. Все — со стертым и малозначительным средневропейским выражением лица. Печать легкой скорби на каждом челе — идут забирать чемпиона. Прямо стихи. Да, но ведь они за мной! Поль, дружище, очнись, это нас арестовывать идут! Я потрянул головой в тщетной надежде проснуться.

Не вышло.

ГЛАВА 6

Как ни странно, никаких особых угрызений совести я не чувствовал. Возможные последствия меня занимали весьма, а вот то, что случилось... Ну, случилось. Уж кем-кем, а убийцей я себя не возомнил. Конечно, легкий шок. Естественно, желание поскорее выкарабкаться и полегче отделаться. Но я же действительно никого не убивал! Стопроцентный несчастный случай. По ощущениям больше всего это было похоже на дорожно-транспортное происшествие.

Тем не менее забираться на пьедестал у меня духу не хватило. Как не хватило его у организаторов на то, чтобы за-

жать медаль. Случай оказался уникальный — никогда еще лыжник, насмерть переехавший соперника, не приходил к финишу первым. Да и просто не доезжал до конца трассы. Что ж, посмотрим, насколько «Даунхилл Челлендж» честная гонка. Я встал у пьедестала, рядом с цифрой «1», оказавшись ниже второго и третьего призеров. Стоял к ним спиной и думал — наклонится хоть одна сволочь, чтобы хлопнуть меня по плечу? Нет, не хлопнули.

Полицейские околачивались неподалеку и вяло шарили по мне глазами. Тренер пробормотал скороговоркой на ухо: «Держись, мальчик, адвокат уже едет, ничего не подписывай, ничего не говори вообще, жди адвоката, мы с тобой, держись...» — и растворился в толпе. Не имел он права меня бросать в такой ситуации — но сбежал. Понятно было, что старик растерян, и все-таки это вышло совсем не по-спортивному — я даже затаил легкую злобу. Сказать по правде, мне было очень страшно тогда. Впервые в жизни по-настоящему страшно. Я вляпался в нечто такое, что оказалось гораздо больше меня и управляло ситуацией помимо моей воли. К этому я не привык, все мои предыдущие жизненные шаги были достаточно осознанными и предполагали возможность сдать назад, отказаться, вернуться. А сейчас никакой свободы маневра не осталось. Только плыть по течению, подчиняться, делать то, что велят. Я стоял в ожидании медали и боялся предстоящих событий. Чтобы было не так муторно, гонял в сознании давно заготовленную фразу, которую должен бросить журналистам. Я ее придумал, еще когда глядел на табло. Работа такая у нас, у «челленджеров»: Платон мне друг, но маркетинг дороже. То, что я не забрался на верхнюю ступеньку пьедестала, тоже удачный маркетинговый ход. И награду не возьму. В смысле — медаль. Деньги-то свои я честно заработал. Или деньги тоже... похерить? В пользу семей невинно убиенных. Первый внутренний порыв у меня был именно такой, не расчет, а порыв, совершенно от души. Это теперь я прикидывал, как обратить свое вдруг прорвавшееся наружу благородство к своей же пользе. Виновным в гибели Киркпатрика я себя по-прежнему не чувствовал, наоборот, крепла убежденность в том, что я чист перед богом как стеклышко. Но всегда найдется гнида, ко-

торая тебя обвинит. Скорее всего уже нашлась. Значит, нужно не распускать сопли, а использовать любой шанс, чтобы произвести впечатление.

Выкручивайся, Поль. Заехал в ситуацию, теперь выезжай. Если вещие сны начинают сбываться — работай на опережение.

Председатель комиссии с похоронным лицом подошел ко мне и остановился, растянув ленточку медали в руках. Он был уверен, что я сейчас наклоню голову и приму награду. И заранее меня за это ненавидел. Да что ты знаешь обо мне, дурак нерусский! Впрочем, этого человека я тоже понимал. С одной стороны, чем больше смертей на трассе, тем выше популярность «Ди Челлендж». С другой — у жесткости гонок есть определенный предел, за которым она перерождается в жестокость. Нельзя вручать золото лыжнику, угробившему соперника. После таких выкрутасов рейтинг падает. Общественное мнение штука непростая, формируется под давлением массы факторов, наши инфантильные зрители и игроки на самом деле те еще мерзавцы. Им нужно, чтобы кровопролитие было обставлено чинно-благородно. Ну, Поль, давай! Выручай неблагодарное человечество. Сделай хорошую мину при отвратительной игре.

Я протянул руку и схватил медаль, почти вырвав ее у председателя. Взвесил свое золото в кулаке, чувствуя, как буравят меня почти триста миллионов взглядов невидимых телезрителей. Что-то странное происходило вокруг — я сначала не понял и вдруг услышал. Это над трибунами зависла гробовая тишина. Поэтому никто не пропустил ни слова. Ни одно ухо, ни один микрофон. «Передайте эту медаль семье Дона Киркпатрика, — сказал я хмуро, протягивая золото обратно председателю. — И выигрышную сумму — тоже. Мне не нужна победа такой ценой».

Вот это был взрыв! Тут-то все положенное и началось — даже хлопанья по плечам от второго и третьего призеров я удостоился. А от воплей с трибун чуть не оглох. Председатель на радостях едва меня не расцеловал. Промямлил только, что деньги перевести я должен сам, победа моя безусловна, в таких случаях чек не переоформляется, но факт волеизъявления чемпиона зафиксирован. Чек я небрежно

сунул за манжету на рукаве комбинезона, эта символическая бумажка ничего не значила, только подтверждала, что сумма на мое имя задепонирована. И лишний раз напоминала о Данки и настоящем моем выигрыше. Который наверняка уже доехал до Швейцарии. А значит, программминимум я все-таки отработал. Нет, еще журналисты.

Из ниоткуда возник тренер. Естественно, теперь не грех и покрасоваться рядом с учеником, таким благородно-великодушным, чистеньким и непорочным. Полиция с усилием продиралась сквозь клокочущую спортивную прессу. «Два слова, Поль! Хотя бы два слова!» — «Разойдитесь, господа, разойдитесь! — суеился тренер. — Оставьте мальчика в покое». Я боковым зрением присмотрелся и в куче протянутых ко мне разноцветных микрофонов увидел знакомую эмблему Си-эн-эн-Спорт. Будто бы не глядя, безразлично, наугад сунул руку, ухватил микрофон и подтянул его к себе. Оказалось — вместе с репортером, тот вцепился в казенное имущество, как энцефалитный клещ. Вот в такие моменты и понимаешь, что ты действующий спортсмен-профессионал. В смысле — здоровый парень. Обычно этого не чувствуешь, потому что кругом одни спортсмены, не с кем сравнить.

«Я больше не вернусь на трассу». Вот и все, что я сказал. Тем же хмурым тоном и сильным голосом, каким разговаривал с председателем комиссии. По идее, выступление было намечено гораздо более длинное. В оригинале текст звучал так: «Я больше не вернусь на трассу. После того что случилось, — не могу. И употреблю все свое влияние, чтобы гонки «Даунхилл Челлендж» были запрещены». Неплохая речь. Но в последний момент я смекнул, какая опасность в ней заключена для меня, и передумал. Что угодно можно списать на постстрессовое состояние, но только не предательство корпоративных интересов. На суде, придишь ему случиться, мне эта фраза зачлась бы в бо-ольшуший плюс. Но на том же суде — да какой еще суд, чего это я? — хозяева «Ди Челлендж» сделали бы все возможное, чтобы меня утопить. В хард-формуле дозволены любые выкрутасы кроме одного — не копай под хозяина. Не наезжай на принцип. Ты можешь опротестовывать результаты, собачиться из-за начисления очков, да хоть забастовку учи-

нить — ради бога. Но не ставь под сомнение идею «Челлендж». Не считая исламского мира, который на «Челлендж» плевал, как на еще одну богомерзкую выдумку неверных, осталось всего лишь три страны, где к этой формуле отношение неоднозначное. Индия, Китай, Россия. Остальные в тотальном щенячьем восторге. Считается — очень психотерапевтичное зрелище. Очень полезное — считается... Да и русские, честно говоря, когда наши берут призовое место, тут же выпивают и закусывают. А китайцы сейчас заканчивают подготовительный этап и тоже вот-вот запустят свою команду. Скоро заезды в дауне придется дробить — желаемым угробиться мест не хватает. И это, наверное, правильно. Нельзя отгораживаться от мира стеной непонимания. Глупо это в стратегическом аспекте. Поэтому любишь не любишь кататься, а саночки изволь возить. Вот я и промолчал. Выступил в лучшем стиле «челленджера» — высказал личное мнение и личное же решение по личной проблеме. И пошел себе полицейским навстречу.

Прямо у бортика меня задержали по подозрению в непредумышленном убийстве. Я уже чувствовал себя более или менее уверенно и дергаться не стал. На «Даунхилл Челлендж» полицейские довольно частые гости. «Ди-челленджеров» хлебом не корми, дай въехать лыжей в печенку хорошему человеку. И никого пока еще за это не посадили. Все перед стартом дают одну и ту же подписку, совершенно юридически безупречную. И даже случись то самое непредумышленное, судить лыжника просто глупо — адвокаты докажут на пальцах, что имел место банальный несчастный случай. Но полиция обязана бдить, и она бдит, закон такой. Боксеров тоже иногда прямо с ринга в кутузку таскают. Формальности должны быть соблюдены. Положено задержать — они задерживают. Каждый раз, когда столкнутся двое и один случайно шею свернет, задерживают уцелевшего. Предъявляют, в зависимости от результата столкновения, либо тяжкие повреждения, либо то же непредумышленное. И через пару-тройку часов отпускают. Собственно, полиция включает свои мощности на всю катушку только в одном случае — если кому-то показалось, что за столкновением лыжников может стоять некий злой расчет.

Меня спросили по-французски, на каком языке господин хотел бы заслушать свои права. Господин подумал, решил, что дело серьезное, и выбрал намертво зазубренный с детства англиш, плиз, иф ит'с POSSIBLE. Оказалось, что англиш очень даже POSSIBLE, а прав у меня никаких. То есть разной ерунды вроде «молчать, не называть себя, требовать адвоката» набралось порядочно. А вот коммуникативные мои возможности были жестко урезаны до одного телефонного звонка. Именно телефонного — со стационарного голосового аппарата. Даже без картинки. М-м... Ладно. Не буду вообще никого беспокоить, несколько часов сам продержусь. Меня очень любезно препроводили в гостиницу, дали переодеться. Намекнули относительно личных вещей, на что задержанный только рукой махнул. А зря. Это был отчетливый звоночек, предвестник больших проблем. Но я его не услышал. У меня для этого слишком дрожали руки. В смысле, начался постстрессовый колотун, а он здорово отражается на ушах.

Вокруг сновали и временами пытались ко мне пролезть разные люди, но полиция аккуратно их отсекала. Прибежал Генка и долго препирался с их главным, требуя, чтобы ему разрешили накормить пострадавшего транквилизаторами. Пострадавший — это был я. Главный посмотрел на Генку как на полного идиота и даже невоспитанно покрутил у виска пальцем. Впору было рассмеяться, такую он рожу скорчил. Второй звоночек — полиция откровенно нервничала, — но я и этот сигнал пропустил. Наверное, сказался недостаток уголовного опыта. Хотя мог бы вспомнить, что местные полисмены обычно зверски невозмутимы, даже флегматичны, хоть ты об них вытирай ноги. Мне несколько лет назад довелось участвовать в спасательной операции, когда после церемонии закрытия сезона Димон таранил на рентном «Смарте» их патрульную машину. Причем таранил сознательно — мы Китсбюэль любим, здесь для нас фактически дом родной, вот Димон и решил сгоряча, то есть спьяну, что он совсем уже дома. А его, бедолагу, однажды — тоже пьяного — в двух шагах от места прописки основательно побилла группа немедленного реагирования. Черт их знает, на что они так неадекватно среа-

гировали, только скандалище был — весь Екатеринбург трясло. Это я в Москве никто, а Димон у себя ого-го. Масштаб сказывается. И с той поры милиция его побаивается в любом виде, а он их терпеть не может ни в каком. «Еду, никого не трогаю, бабу высматриваю посимпатичнее, вдруг гляжу — менты рулят. Прямо на меня! По встречной! Ну, думаю, совсем обнаглели...» Так вот, когда мы нашего героического народного мстителя вынимали из участка (меня для солидности привлекли, автографы раздавать, это я в Москве никто, а в Китсбюэле... так, опять не в ту степь понесло) — короче говоря, я запомнил их потрясающую вежливость и глубочайшее спокойствие. Европа. А ведь дернешься резко — пристрелят, не задумываясь. Культура.

Но в тот момент я не замечал ничего. Голова отказывалась работать, в ней крутились даже не мысли, а эмоции — мама, деньги, Крис, я все-таки победил, значит, не впускую, больше не выйду на трассу, вот и меня жесткий слалом уконтрапупил, и очень даже хорошо... О покойном (покойном? как странно) Киркпатрике я и думать уже забыл. Это меня потом, в камере, начало ломать — тысячу раз проигрывал заново перед мысленным взором ту ситуацию на склоне. Искал ошибку и не находил ее. Мне нужно было выиграть. Я обязан был выиграть. Конечно, я мог падать... Безусловно. Но тогда я не достиг бы цели. Вопрос — сумеет кто-нибудь доказать, что я на самом деле успел бы завалиться на бок в воздухе и упасть? Покажет ли компьютерная модель, что столкновение в позиции «кувырком по снегу» могло пройти для нас с Доном безопасно? Найдется ли обвинитель, которому достанет наглости утверждать, будто падение на скорости в сто тридцать пять километров в час — естественная реакция человека? И еще сотню похожих вопросов я задавал себе в камере. Только одного вопроса не было — что для меня значила жизнь канадского горнолыжника Дона Киркпатрика? Да ничего она для меня не значила. Ведь тогда, на склоне, я попросту не собирался его убивать.

Это сейчас я с удовольствием придушил бы гада — столько проблем создала для меня его нелепая гибель.

ГЛАВА 7

О том, что произошло дальше, мне до сих пор вспомнить больно. Это вам не человека лыжей зарезать, это... совсем другое. События оказались плотно спрессованными, причем каждое последующее было на порядок хуже предыдущего. И хотя у спортсменов нервы крепкие, тронуться рассудком можно было вполне.

Полицейские знали почти все и не скрывали этого. И зачем я вышел на гору, и что надеялся с этого поиметь. Красивые жесты с отказом от выигрыша их не впечатлили, они были убеждены, что я сделал нелегальную ставку. А значит — у меня имелся мотив убить. Мне так примерно и сказали: «Мы понимаем, что ты не мог поступить иначе. Признайся, ты хотел упасть и этим спасти канадца, но тебе нужны были деньги. Расскажи нам все, облегчи душу». Адвокат лез на стенку и разве что не кусал их. Полицейские улыбались. Я мучительно пытался сообразить, кто меня продал. От обиды на глаза наворачивались слезы.

Они не знали только мелочей, техники — откуда я взял деньги на тотализатор и как именно ставил. Но пообещали, что и это выяснят. Адвокат требовал, чтобы я молчал. Но у меня началось что-то вроде истерики — я постоянно твердил: «Нет, вы ничего не понимаете, этого не было, такого не могло быть, я не хотел убивать его, я просто летел, попробуйте сами, и вы поймете». Они все улыбались. Компьютерная модель показала: я должен был, увидев препятствие, уклониться и вследствие этого упасть. Какая-то паскуда еще написала в заключении — «уклониться инстинктивно». Я рычал, плевался, бил по столу кулаком и доказывал, что бывают инстинкты человеческие, а бывают горнолыжные. Полицейские радовались. У них был мотив убийства, мертвое тело и преступник. Но им не хватало для полного счастья моего признания, вот они меня и ломали. А я ломал перед ними комедию. Потому что они меня почти убедили в том, что я, гад такой, действительно имел мотив. Уважаю правосудие. Оно может все. Оно зверски допросило нашу команду, вплоть до массажиста. А как оно трясло Бояна! И наконец, оно наехало на Крис и чуть было не за-

писало бедную девочку в соучастники. Оно здорово развернулось тогда.

Если бы хоть один из реальных соучастников раскололся — дисквалифицироваться бы им всем большой теплой компанией. А мне — надолго сесть в тюрьму. Позже я узнал, что в руководстве Федерации столкнулись тогда две враждующие группировки, и одной из них требовалось шумное судилище, дабы свалить вторую. И скажи я у пьедестала журналистам, что «Ди Челлендж» плохой спорт, возможно, дело спустили бы на тормозах. Даже несмотря на явный мотив. Гонки «Ди Челлендж» от такого заявления не рассыпались бы, но кое-кто подал бы в отставку. И моими руками, точнее, моей лыжей, а потом и голосом решились бы чьи-то финансовые проблемы. Но я промолчал и нажил проблему себе. Оказывается, иногда очень глупо не поддаваться импульсам.

Так или иначе, допрашиваемые ничего не знали и не понимали — все как один. А меня не отпускали — даже под залог. В камере оказалось не смертельно, только очень неуютно. Там даже имелся сетевой терминал с односторонним доступом, наподобие гостиничных. И всяческой дряни о себе я начитался досыта. Особенно мне одно название понравилось — «Смертельные гонки две тысячи двадцатого года». Что интересно, статья была из РуНет. Вот уж не знал, с каким упоением русские могут топить русских. А я для них, уродов, ноги ломал на трассе! Впрочем, удивление прошло, когда следователь милостиво сообщил, кто именно меня продал, — это тоже оказался, мягко говоря, не француз. Оказывается, агентура Федерации давно следила за одним любителем тотализатора из нашей команды, и когда тот совсем заигрался, взяла его на пушку («Димон, кто же еще, — подумал я. — Это ж надо было так нарваться!»). Чтобы замолить собственные мелкие грешки, парень сдал им действительно крупную аферу — мою. И следили за мной с самого воскресного утра, когда я еще только готовился к старту. Кто бы мог подумать, что я преподнесу блюстителям спортивной нравственности такой подарочек, как убийство...

Меня топили по всем статьям. Фактически все, что я сейчас рассказал и что должно было, по идее, составлять

тайну следствия, всю гуляло по Сети. Журналисты подхватили инициативу, начали рыть — и заодно со мной досталось русской команде в целом. Вспомнили нашу безобразную (на самом деле именно такую) пьянку на позапрошлом закрытии сезона. Естественно, просмаковали ту самую историю с вождением по встречной полосе, завершившуюся таранным ударом в полицейскую машину. Расписали в красках нашу повальную сексуальную распушенность, что оказалось для меня, например, крайне интересно, потому что некоторых вещей я за собой и не подозревал. Вытащили на свет божий какую-то ветхозаветную драку — я ее припомнить вообще не смог.

А хуже всего было то, что всячески склонялось имя Крис. Невестой убийцы ее, конечно, не называли, за такое можно и судебный иск схлопотать, но ссылок на наши отношения было предостаточно. Что именно творилось с девочкой в те дни, я не знал (на свидания ко мне приходил только адвокат, остальных всех, как свидетелей, не пускали) — и от этого особенно терзался. Мне становилось все хуже, еще немного, и я признался бы в чем угодно, лишь бы увидеть Кристин. Впечатление складывалось такое, будто я сижу уже целую вечность. В действительности не прошло и недели. Все-таки слаб человек. И вот, только я начал подумывать, а не свихнуться ли, как меня — бац! — отпустили. Вообще. На все четыре стороны. Закрыли дело.

За меня заступилась, ни больше ни меньше, старая добрая Ски-Федерация, которая давно уже точила клыки на Хард-Ски-Федерацию, цинично подрывающую устои и вообще позорящую горнолыжный спорт. Несколько авторитетнейших мастеров классического скоростного спуска, настоящих экспертов по даунхиллу, выступили с заявлением, не оставившим камня на камне от полицейской экспертизы. Оказалось, что при компьютерном моделировании были допущены грубые ошибки, а интерпретировал модель э-э... не очень умный человек. Выяснилось, что из всех доступных траекторий полета я выбрал лучшую. Скорее всего — инстинктивно (опять «инстинктивно»!), что делает честь моей квалификации и опыту. И падать мне было вовсе незачем, а в том, что боковой ветер дунул, винить некого. Об убийстве не может быть и речи, имел мес-

то чистой воды несчастный случай. Что же до намеков на якобы существующие мотивы, так предъявите доказательства... Чего-чего, а доказательств у следствия не хватало катастрофически. Скорее уж они у меня появились — вот как надо подозреваемых обрабатывать!

С ног до головы оплеванный, раздавленный и сомневающийся — а не убийца ли я на самом деле, — опытный лыжник с завидными инстинктами был удостоен витиеватых извинений и доставлен в гостиницу. Там на меня набросились тренер, Машка и Генка. Я боялся, что побьют, но оказалось наоборот — встретили как героя. Заслонили от ворвавшихся следом журналистов, отвели в номер, напоили коньяком, накормили какими-то таблетками и уложили спать. Я пытался спросить, где Кристин и как дела у мамы, но мне коротко ответили, что все хорошо, беспокоиться не о чем, а теперь нужно отдохнуть. Я действительно задремал, увидел во сне, что мы с Крис попали в лавину, и с перепугу тут же проснулся. Очень мне не понравилось, что я из снежного плена выбрался, а любимую вытащить не сумел. За окном уже светало, на столике лежал телефон. Дождаться утра оказалось труднее всего.

Мама, услышав мой голос, заплакала, пришлось ее утешать. Отец шел на поправку, необходимые суммы были уплачены, проблемы временно отступили на второй план. Я пообещал, что скоро приеду, и мы все обсудим. «Бедный мой, — сказала мама, — как ты натерпелся». То, что я человека задавил, ей было совершенно до лампочки. Так и начинаешь понимать, что такое материнское сердце.

Крис на вызовы не отвечала, и это мне очень не понравилось. Я спустился в гостиничный узел связи, с наслаждением уселся за нормальный компьютер с нормальным монитором и принялся искать следы моей девочки. Но она будто сквозь землю провалилась. Тогда я вызвал Бояна. Тот отозвался сразу — вид у парня был помятый. «Ты?» — спросил он без особой радости во взгляде. «Я. Боян, ты уж прости, что у тебя из-за меня...» — «Ерунда. Это ты, Павел, меня прости». — «За что?!» — «За то, что я разломал твой золотой дубль. Теперь я понимаю, что натворил. Знаешь... Все-таки заberi машину. Видеть ее не могу, стыдно мне.

Правда, давай, приезжай за ней». — «Я обязательно приеду, нам есть, о чем поговорить. Слушай... Ты случайно не знаешь, где сейчас Кристин?»

Он не знал. Никто не знал. А я не знал такой французской ругани, какой меня обложил ее отец. До сих пор жалею, что не запомнил — обстановка мешала. И очень рад, что он тогда не спустил меня с лестницы, она была узкая и высокая.

Я догадывался, что Крис не хочет меня видеть, но все-таки продолжал искать. Проклятие, ведь именно она трясла Ски-Федерацию, чтобы та устроила выступление «классиков» в мою защиту. Мог я после этого не поговорить с ней? Хотя бы поговорить. И я искал. Когда совсем отчаялся, пришел в детективное агентство, и мне раздобыли ее адрес всего лишь за сутки. Раньше нужно было догадаться, но у меня тогда, похоже, наступило временное умопомрачение.

Я поехал к ней, и первое, что она сделала, увидев меня, — попятилась. Да, она не простила мне ту боль, которую ей причинили допросы в полиции и статьи в периодике. Но было и другое. «Зачем ты это сделал, Поль? Неужели тебе... хотелось?» — «Чего, единственная моя?» — «Я ведь знала, что хард-слалом убивает в человеке все человеческое. Но ты был такой хороший... И я не верила. Ничему не верила. Пока сама не построила модель и не посмотрела. И не сравнила с раскадровкой твоего прыжка. Ты мог отклониться, Поль. Элементарно. И ты не мог не увидеть, как именно. Ты знал. На раскадровке заметно, как ты колеблешься. Этого никто не понял, ты сам вряд ли поверишь, это почти неуловимо, тут нужно тебя знать, чувствовать, видеть со стороны так, как могу только я. Бедный Поль, ты даже себе не сможешь признаться, что выбрал самый рискованный путь из трех, нет, четырех возможных. Тебе просто жажда риска застелила глаза. Безумная жажда пройти по краю. Проклятый хард-слалом, он сделал тебя наркоманом. А потом и убийцей. Ты этого не понимаешь. Но мне хватит, что понимаю я».

Кажется, я встал перед ней на колени и зарыдал. Не помню. Уже не помню.

ГЛАВА 8

Теоретически Моннуар — «черная гора», но в оригинале подразумевалось кое-что другое. Просто Роджер трудился горнолыжным инструктором в Монтане, а мечтал о собственном пансионате во Французских Альпах. И когда у него, как в сказке, умер состоятельный бездетный дядюшка, Роджер забрал наследство и рванул претворять в жизнь мечту. Чайники и неумехи отставному слаломисту надоели, он делал ставку на отдых для лыжной элиты, которая иногда просто должна забираться в глухомань подальше от светской жизни, но при этом хочет съезжать. Для человека со связями решение неглупое и вполне реализуемое. Всего-то и нужно — разбить несколько черных трасс, навесить подъемники, соорудить уютную базу гостей на двадцать максимум, набрать постоянную клиентуру и получать от жизни глубокое удовольствие.

Место для базы Родж нашел роскошное. Даже с исторической достопримечательностью: примерно в километре вверх по горе обнаружился намертво забитый в скалу антикварный ледоруб девятнадцатого века от неизвестного первовосходителя. А глухомань какая! По европейским меркам вообще уникальная — до ближайшего шоссе два километра вниз по самой горе, и потом еще три лесом. Итого где-то восемь. Но зато склоны — закачаешься. Кругом стопроцентный черный — цвет полупрофессиональной трассы, на которую чайника просто не выпускают. Праздников туристов даже бесплатно не заманишь, а для молодых «экстремальщиков» слишком дорого. Заброска наверх вертолетом. Отъезд домой либо тоже по воздуху, либо своим ходом на лыжах прямо вниз к шоссе с дикими выкрутасами в густом ельнике — так сказать, прощальный удар по нервам, — а там уж или автобус, или клиенту его собственную машину из города подгонят. Обозвал Роджер все это великолепие «Моннуар», имея в виду, что трассы-то черные, устроил на последние деньги роскошную презентацию с буфетом и фейерверком — и не прогадал. Он нащупал тот баланс, который очень понравился состоятельным лыжникам: полный отрыв от цивилизации в двух шагах от

таковой. Сидишь на горе, защищенный от случайных контактов — к тебе даже автомобильной дороги нет. Захотел вернуться в мир — встал на лыжи, забросил за спину рюкзак и почесал вниз. Удивительная свобода выбора и полная независимость. Русскому этого не понять, он в таких условиях вырос, страна наша обширна и пустынна: вышел за город погулять, накатил полбанки, телефон потерял, заблудился — полный Робинзон. Но для европейца, который привык, что любой его случайный плевок непременно попадает в чью-то машину... В общем, большинство гостей даже от вертолета отказывалось. Подъедут на такси, навьючат на себя амуницию, пролезут лесом до подъемника и вваливаются к Роджу уже по уши счастливые. В итоге получилось безотходное предприятие. Никаких затрат на рекламу — только куца страничка в Сети с информацией о наличии мест. Вся обслуга из родственников, которым при определенном усилии воли можно вообще не платить. Единственный предмет необходимой роскоши — трое инструкторов-спасателей, надежных Парней-На-Все-Руки-Ноги и прочие места. Когда я впервые забрался на гору к Роджу — тоже лез наверх с лыжами на загривке, — мне один из его инструкторов навстречу попался. Ехал, взяв расчет, жениться на богатой клиентке. Узнал меня. «Поль, неужели это вы? Мужик, как я за тебя переживал! Да ну их всех, трам-тарарам, меня тоже в свое время подставили, трам-тарарам... А ты что, на мое место? Нет? А присмотришь, работа непыльная, и ни одна сволочь тебя не обидит. Здесь только свои».

Сволочь тем не менее нашлась — ею оказался Роджер, который терпеть не мог, когда к его клиентам пристают чужаки, явившиеся без приглашения. То, что он меня тоже узнал, не имело в данном случае значения. В Моннуар не пускали непрощенных гостей. Мне такой обычай показался разумным, и поэтому я не стал качать права. Но и уйти несолоно хлебавши я не мог. Здесь была Крис. И я уговорил, скорее даже умолил Роджера просто сообщить ей — тут Поль.

Состоялся тот самый прощальный разговор, точнее, ее монолог. Съезжая обратно к шоссе, я с горя чуть не убился.

Запутался в этих елках-палках дурацких, летел кубарем, лицо расцарапал, лыжу потерял. Зато слегка остыл и успокоился. Нет лучшего способа вправления мозгов, чем глубокое пике с занырыванием в сугроб головой вниз. Сполз я кое-как к дороге и подумал: а неплохо было бы осесть на годик-другой в таком вот Моннуаре инструктором. Пока страсти не поулягутся — и вокруг меня вообще, и у меня внутри в частности. Оглянулся. А почему, собственно, не здесь? Кристин сюда больше не придет, уже не спрячешься тут от меня, да и осквернил я это место своим визитом... Короче говоря, через пару недель я легко сдал экзамен на инструктора-спасателя, получил сертификат и штурмовал «черную гору» снова, уже как официально приглашенный соискатель вакантного места. Родж долго кривил бровь, а потом сказал: «Отказать тебе, парень, не по-христиански будет. Мы тут все за тебя переживали. Меня ведь тоже в свое время так подставили, трам-тарарам... Вот. Но если хоть один клиент спросит, какого черта здесь эта русская морда ошивается, — прогоню тебя мгновенно, так и знай». Я молча кивнул, мы ударили по рукам. В Моннуаре оказалось тепло, уютно и очень по-домашнему. Густав и Пьер, новые коллеги, в тот же вечер страшно меня напоили. Сопровождая это душевными рассказами о том, как они за меня переживали и как их, несчастных, в свое время, трам-тарарам, несправедливо обижали.

И потекла жизнь. Делать приходилось все — утюжить гору на ратраке, сопровождать клиентов вверх-вниз, подъемникам устраивать профилактику и неусыпно бдить, дабы никто из гостей не сломался. Потом Густав взял расчет и поехал жениться на богатой клиентке. Его сменил Тони. Я уже считался местным старожилом. И ни один гость не поинтересовался, какого черта здесь эта русская морда. Впрочем, я не мозолил глаза клиентуре и на гору выходил редко. Добровольно взвалил на себя большинство работ по железу — спокойный, тихий, даже незаметный человек. Парни надо мной деликатно подтрунивали — мол, некоторые заезжие дамы и барышни проявляют к тебе, коллега, весьма прозрачный интерес, а ты по углам прячешься. Вовсе я не прятался. И тем более — по углам. Просто каза-

лось, должно пройти какое-то время, пока не сотрется из памяти навязчивый образ Кристин. Я ведь ее не терял, не прогонял. Она сама ушла — испуганная мной и разочарованная во мне. Познавшая в одном внезапном прозрении другую мою сторону, обычно скрытую от нее. Ту сторону, с которой глядел не милый парень и талантливый лыжник, а мужчина и хард-слаломист. Прыгая сквозь беднягу Киркпатрика, я просто физиологически не мог видеть трех-четырёх резервных траекторий, которые вычислила Крис. Потому что ее расчет был женский, а мой — чисто мужской. Идти по кратчайшей линии, навязывая свою волю трассе. Спрямить дугу. Удержать скорость. Хоть задавить, но победить. А я ведь победил, верно?

Незаметно летели дни, изменялся мир, я тоже вместе с ним. Пару раз летал в Россию, общался с родителями. Осторожно переправил им деньги со швейцарского счета, чтобы покрыть все долги. Был на свадьбе у Машки с Генкой — оба бросили команду и спорт вообще. Кажется, им было неплохо вместе, а уж без спорта особенно. Хотел к Илюхе в больницу зайти, но передумал. С ним вышла мутная история — крепление не раскрылось, а для человека из-за этого навсегда закрылись горные лыжи. Мне, конечно, очень хотелось плюнуть ему в лицо, но стыдно показалось обижать инвалида. А я-то на Димона нехорошо думал... Если бы! Тренер, временно отстраненный после загадочного случая с Ильей, ушел в запой и рассказал мне оттуда — в смысле из запоя — много интересного о том, кто в команде был дятел и как именно стучал. И про грызню в руководстве Федерации, из-за которой нас так жестоко подставили, и про многое другое, что было мне раньше совершенно неинтересно. Да и теперь не стало. Оказалось, что я все забыл. Старался — и забыл. Наверное, уйди я из спорта через круг почета, славное прошлое осталось бы в памяти ярким и героическим. А так получился фантом, мираж, зыбкий, неустойчивый и имеющий ко мне весьма сомнительное отношение. Я даже машину у Бояна не забрал — чтобы лишний раз ничего не вспоминать. Да он и не настаивал особенно, только побрюзжал немного для порядка. Мы теперь жили в совершенно разных мирах, и

прежняя дружба как-то сама потеряла актуальность. Особенно после того, как я вернул ему долг.

На Рождество в Моннуаре собралась очень молодая компания, мы бесились в снегу, как дети, здорово поддали, и я незаметно для себя оказался в постели с одной прелестной особой. Ничего — не умер. Даже наоборот, было здорово. Я в нее с отвычки чуть не влюбился. И понял — все, отпустило. Можно жить. Как пишется в романах, «тени прошлого отступили». Можно все начинать с самого начала и ни о чем былом не жалеть. Молодой сильный парень, тридцати еще нет, впереди открытый мир. Поработаю на Роджа годик, а там что-нибудь достойное выдумаю, на зависть всем. «Ски Мэгэзин» уже принял несколько моих статей по теории горнолыжного поворота (конечно, псевдонимных). Их тогда здорово разбередило — кто это такой умный проклюнулся. Меня тоже. Я менялся, и этот новый «я» был мне весьма интересен. Роджер подсматривал, как парень растет, и, кажется, по-отечески радовался. Жена его со мной просто нянчилась. С парнями мы подружались — не разлей вода. И заезжие девочки меня весьма жаловали. Есть что-то неповторимо прекрасное в любви, когда за окном холодно и снег. Женская нагота в такой обстановке всегда откровение, кожа — шелк, ласки — пламя... А утром натянешь трусы чисто для приличия, выскочишь на двор, в сугроб рухнешь, и давай кувыркаться!.. Тони и Пьер сначала пугались, но Родж им объяснил, что у русских метаболизм особенный. Не знаю, как у других русских, а я всегда это знал — мой дом там, где снег.

Ничего, потом они сами начали из сауны выскакивать да по сугробам прыгать. С визгом, улюлюканьем и без всякого там метаболизма. В общем, не жизнь — сплошной праздник.

А потом неподалеку лавина сошла — повалило разом опору линии электропередачи и сотовый ретранслятор. Порвало, естественно, сетевой кабель — недешевый, между прочим, — который Родж на ЛЭП подвесил.

И вот тут-то началось самое увлекательное. На порядок веселее хард-слалома. И пожалуй, гораздо страшнее, чем даун.

ГЛАВА 9

Лавину мы слышали ночью — далекую, нестрашную. Она погрохотала себе, я уже собирался гасить свет, чтобы дальше спать, — и тут в комплексе отрубилось все. Напрочь. Понятненько... Как любой нормальный горный отель, Моннуар обрыва коммуникаций не боялся — у нас был дизель-генератор, сателлитный телефон, запас дров, свечи наконец. И целый погреб выпить-закусить. Увы, я по аварийному расписанию отвечал не за провиант, а как раз за электричество. Пришлось вытащить из-под кровати фонарь, одеться и спуститься в холл. Там уже рвал и метал Роджер. С утра мы ждали группу в десять человек — что теперь делать, заворачивать их с полдороги?

Дизель запустился легко, в окнах комплекса загорелись тусклые огоньки. Я внимательно осмотрел станцию электропитания, убедился, что движок вышел на режим, и потопал обратно. В холле страсти не утихли, скорее наоборот. Родж позвонил в город, ремонтники обещали все сделать за сутки, максимум двое. Но как же наши гости? Подъемники будут стоять, то, что выдает генератор, им на ползуба. Сотовые телефоны молчат, выход в Сеть накрылся, это клиентам тоже вряд ли понравится. «Ерунда, — сказал я, — зато какое приключение!» Взгляд Роджера стал более осмысленным. «Да, но подъемники... Допустим, когда гости приедут, мы отвезем их наверх ратраком. А дальше что?» — «А дальше, — вступил Тони, — то же самое. Подъемники у нас три четверти времени крутятся вхолостую. Потому что клиенты обычно съезжают пачками, группами. Значит, теперь будут съезжать одной дружной компанией. Цепляться к ратраку — и наверх. Очень весело. Ради такого случая я готов их таскать. Конечно, можно будет использовать только одну трассу. Но во-первых, это всего на пару дней. А во-вторых, у нас ведь стихийное бедствие...» — «...и уж это мы обеспечим! — неожиданно подбросил идею Пьер. — Родж, ты представь — костры на улице! И на них жарится мясо! В комнатах свечи! Заодно солярку побережем... Глинтвейн! Поход с термосом глинтвейна куда-то в полную опасностей морозную ночь! Виски! Рекой!» — «Шампан-

ское из горла, — поддакнул я. — И шаманские пляски. Прямо, незапланированное Рождество. Подумай, Родж. Гости приезжают к нам за рутинными, в общем-то, развлечениями. И тут взбираются они на гору — а здесь такое...» — «В действительности проблема только одна, — подытожил Тони. — Выбрать трассу. Самим. Чтобы уже поставить гостей перед фактом — вот «альфа», по ней и съезжайте. А то еще начнут кочевряжиться, выбирать, голосование устроят и между собой перегрызутся». Роджер, который медленно приходил в себя, вдруг обрел дар речи и вынес окончательный вердикт. «Гости выходят из леса к подножию трассы «браво», — сказал он. — Восхищаются тем, как она хороша. Вот по ней и будут ездить. Все, ребята, теперь отдыхайте, завтра много работы. И... спасибо. Молодцы».

На том и порешили. Мы немного еще поспали, утром слопали отменный завтрак и разошлись обеспечивать стихийное бедствие. Я, например, честно отправился дозакреплять свой дизель. Пьер вооружился бензопилой и исчез в лесу — искать самое большое поваленное дерево, чтобы вечерний костер выглядел посолиднее. А Тони раскочегарил наш оранжевый ратрак и, полный радостных предчувствий, укатил по трассе «браво» к нижней опоре подъемника встречать гостей. Тони любил приключения. От них девушки возбуждались и просто гроздьями висли у красавца брюнета на шее и прочих для этого предназначенных местах.

М-да, приключение их ожидало то еще. Довольно скоро и очень серьезное. Впрочем, нам с Кристин тоже досталось.

Я ее сразу узнал, и у меня кольнуло в области сердца. Крис сидела рядом с Тони в кабине ратрака, о чем-то с ним оживленно беседуя. Она стала еще красивее, чем раньше. Сколько же мы не виделись? Почти год. И что мне теперь делать? Из-за елок вывалился Пьер, весь в снегу, — очень вовремя, поможет гостям разгрузиться. Я удрал в генераторную, достал сигареты, закурил. И не удержался — стал подглядывать через крошечное окошко. Гости прыгали из кузова, с очень даже веселыми лицами, Крис стояла на подножке и озиралась, будто кого-то искала. Да, еще кра-

сивее. Совсем взрослая. А я, оказывается, по ней тосковал. И как! Но зачем она здесь?

Через полчаса в генераторную заглянул Тони. «Ох, ну и грохот! Ты чего спрятался?» — «Да так, смотрю...» — «Это я уже заметил. Видел ту черненькую? Супер!» — «Что еще за черненькая?» — «Ну, со мной в кабине ехала. Фигура — ух! А мордашка! Зовут Крис. Я к Роджу в гостевой журнал залез — некая Кристин Киллис». У меня сначала глаза на лоб полезли, но тут я вспомнил, какой Роджер грамотей, и все понял. Старина Родж основательно затвердил, что в большинстве французских слов, а уж тем более фамилий, минимум три лишние буквы, и теперь на всякий случай перестраховывается⁶. «Килли, — говорю. — Килли, неужели трудно догадаться? Эх, вы, молодежь... Какой позор — такую фамилию не признать». Тони озадаченно почесал в затылке. «А ты ее что... э-э... Так это ты от нее прячешься?» Я отвернулся. «Вот шайзе, — сказал Тони. — А я ей разве что ручки не целовал. Про ледоруб, который в скале над комплексом торчит, целую легенду наплел, приглашал слазать посмотреть...» — «Ну и лезьте». — «Как же! — Тони вроде бы даже обиделся. — То-то у меня легенда про несчастную любовь получилась! Ладно, хочешь прятаться — твое дело. Но обед я тебе сюда не понесу». И ушел. Я остался. Пять сигарет искурил вздохом, словно решил никотином отравиться. По причине несчастной любви, наверное. И даже не услышал, как она вошла. Только почувствовал. «Здравствуй, Поль». — «Здравствуй, Кристин». — «Я тебя искала». И тут у меня ка-ак вырвется: «А я тебя ждал!»

Мы все-таки вышли на свежий воздух. Держась за руки вышли. И говорили без перерыва битый час, до хрипа. В основном извинялись. Объясняли друг другу, какие мы раньше были глупые и непонятливые. И какие мы теперь мудрые и умные. И как нам плохо было поодиночке. Целовались, ничего вокруг себя не видя, чем привели в бешеный восторг окружающих. Вплоть до бурных аплодисментов.

Что ж, бывает и такое. Нас разлучил сильнейший шок, помноженный на молодость лет. Неверные оценки, максимализм, неспособность понять внутренние мотивы

партнера и согласиться с тем, что он такой, какой есть. Не-великое, конечно, открытие. Изобретение велосипеда. Но нам с Крис оно далось недешево. Да, по тем же причинам возникают почти все личные конфликты на свете. Из-за этого вполне благополучные семьи распадаются, детей бросая, — не то что пара молодых любовников разойдется. Но все-таки у нашей взаимной черствости было оправдание. Мы тогда не были нормальными людьми — я это в сотый раз готов повторить. И мы пережили кое-что особенное. Неудивительно, что меня отвергли, когда я проявил себя чересчур мужчиной. И конечно, я удрал и закулился, потому что таким и был.

Примерно все это мы с Крис и проговорили тогда вслух. Обнялись и пошли в дом. Роджер, увидев нас вместе, засиял похлеще софита для ночного катания. Переместился на свое любимое место за стойку — он любит играть в бармена — и налил. Мы выпили просто так, без тоста, обозначив все, что хотели, одними глазами. Родж налил снова. «А теперь, — сказал он, — за мучительную смерть ремонтников. Поль, это ужас. Мне сейчас звонили по спутнику. У них там еще что-то упало, и они дойдут до нашего участка только через трое суток». Выпили за смерть ремонтников. «Солярки-то у нас хватит, — горько вздохнул Родж. — Но хватит ли гостям развлечений?» — «Лишь бы им хватило вина, — сказала Крис. — А у меня здесь уже все есть». И посмотрела на меня. Пришлось отдельно добавить за любовь. А потом мы взяли бутылку, вышли под ласковое солнышко, уселись на завалинке и там просидели в обнимку аж до самого вечера. Нас даже в номер уйти не тянуло — после бурного излияния чувств хотелось в первую очередь просто рядом побыть. И мы сидели. Я только к дизелю отлучался — у него бак маленький. В лесу завывал пилой лесоруб Пьер, а Тони каждый раз, когда разворачивал машину, подняв наверх лыжников, махал нам рукой.

Потом были костры, мясо на вертеле, глинтвейн, рейнвейн, чуть ли не портвейн и даже обещанное шампанское из горла. Потом любовь. Не совсем так, как раньше, когда мы просто жадно насыщались перед очередным расставанием. Пришло удивительное ощущение комфорта. Навер-

ное, так и должно быть, если понимаешь — этот человек больше не уйдет. Горнолыжная трасса уже не сможет отнять его у тебя.

Мы проснулись еще затемно, и нам совершенно не хотелось спать. А хотелось выйти на улицу и проорать о своей радости так, чтобы еще одна лавина сошла. «Поль, давай устроим маленькое безумство». — «Давай. Родж прячет где-то в погребе «Дом Периньон». Самое время его найти». — «Да нет же, глупый. Своди меня в свадебное путешествие. Так, просто символически. Неизвестно, когда мы еще поженимся, да мне и наплевать, я просто хочу быть с тобой — а путешествие зато у нас будет. Пойдешь?» — «Э-э... Куда?» — только и смог промямлить я. «Знаешь, я столько всего слышала про ваш знаменитый ледоруб в скале...» — «Крис, дорогая, это же часа полтора карабкаться». — «И отлично. Пока соберемся, как раз немного рассветет. Подъем ведь совсем не опасный, правда? Ну вот. Сунь руку под кровать». Я сунул. Там лежал большой термос. Спорю на что угодно — глентвейн. У меня аж слюнки потекли. Когда она успела? Вот это женщина. «Давай же, Поль! Возьмем лыжи, глентвейн, бутерброды и устроим себе романтический завтрак на вершине. А потом съедем обратно по целине. Я сто лет не ездила по целине. Представляешь, как будет здорово?» «Авантюра, — сказал я. — Но... Но когда мы состаримся, то очень пожалеем, что этого не сделали. Ты чудо, Крис. Такого свадебного путешествия не было ни у кого на свете. Я тебя люблю. Вставай». — «Потом ляжем и проспим до обеда!» — произнесла Крис очень хищно, сбрасывая одеяло. Конечно, ей сейчас любое нарушение режима было в радость, она еще не привыкла толком к человеческой жизни. Только-только зачехлила лыжи. Первый сезон на воле. Бедная девочка. Милая. Дорогая моя.

Я снова дозаправил успевший мне порядком надоесть дизель, и мы пошли вверх. Дорогу к ледорубу я знал, меня туда ребята водили. Путь был ерундовый, даже с грузом лыж и ботинок мы одолели его за час с небольшим, обходя по голым камням узкий снежный язык. Достопримечательность никуда не делась, торчала себе из скалы. Девятнадцатый век, антиквариат, а как вчера из магазина. На

темной полированной рукоятке слабый отблеск... Солнце! Мы синхронно обернулись и замерли. Внизу невероятно красиво рассветало. Поверх трасс лежал густой туман, и солнечные лучи творили с ним такое... Кажется, я все-таки полюбил горы. Точно взрослою.

«Ты знаешь, почему здесь этот ледоруб? — спросила Крис. — А я знаю. Один молодой человек сватался к девушке, которую боготворил. Она его не любила и, чтобы он больше к ней не приставал, сказала — я выйду за тебя, если ты покоришь вон ту гору. Сказала просто так, не подумавши. А он взял и пошел наверх. И дошел. А когда спустился, как раз здесь его застигла ночь. Дул очень сильный ветер, началась пурга. Молодой человек забил ледоруб в скалу и к нему привязался в надежде переждать до утра. От усталости заснул. И не проснулся...» — «Это Тони рассказывал?» — «Да нет, Тони какую-то ерунду плел. Это я от Роджера узнала, давно еще». Я с уважением оглянулся на ледоруб. Родж мне однажды спьяну проболтался о том, как заколачивал его в трещину молотком, приговаривая: «Не бывает счастливого места без красивой легенды! Вот чтоб на счастье! Вот чтоб и детям хватило, и внукам, и правнукам!» Замечательный мужик Роджер. Я ему тогда же поклялся, что никому не проболтаюсь. А он говорит: «Не клянись, однажды все равно не выдержишь. Когда счастье подвалит».

Я и не выдержал бы, наверное, если бы меня не отвлекли. В несусветно красивом утреннем небе появилась черная точка. «Вот что значит выпить за смерть ремонтников. Прилетели на три дня раньше, зато ни свет ни заря. Сейчас всех в Моннуаре перебудят. Ну что, Крис, выпьем за то, чтобы все влюбленные покоряли свои вершины и оставались в живых?» Мы достали нехитрый завтрак, чокнулись пластиковыми стаканчиками, поцеловались, выпили. Как хорошо! Что за удивительный покой внутри... Точка в небе росла, это действительно была толстопузая стрекоза — именно на таких и летают большие ремонтные бригады. Здоровый транспортный вертолет. Он прошел, будто что-то высматривая, поперек горы, зависая на миг над каждой из наших трасс — что ему там понадобилось? — и теперь

деловито пыхтел наверх, целясь на посадку в Моннуар. Глухое чоп-чоп-чоп было слышно даже отсюда, сверху. «Представляю себе, какая свирепая физиономия будет у Роджа от эдакого летучего будильничка!» Крис рассмеялась.

Я был одет в свою штатную куртку спасателя — альпийский инструктор без нее из дому не выйдет, — и в карманах у меня лежало великое множество полезных вещей. Например, маленький бинокль. Очень мощный, долго в него глядеть нельзя, глаза заболят, но зато четкость изображения выдающаяся. И когда машина села, я не удержался, достал игрушку и посмотрел — не выскочит ли ремонтникам навстречу Роджер с кочергой. Посмотрел, разглядел выпрыгивающих из вертолета людей и почувствовал себя очень странно. «Крис, — позвал я негромко. — Пожалуйста. К скале. Прижаться. Бего-ом!!!»

Я готов был уверять себя, что это какая-то полицейская или военная операция. Но понимаете, в Европе ни полиция, ни армия не пользуются автоматами Калашникова. Им не положено.

«Что случилось, Поль?» — «Сама посмотри». — «О-о-о... Поль, что же теперь будет?» — «В ближайшие пять минут они пересчитают своих заложников, сверятся с гостевой книгой и начнут искать нас, вот что». — «Заложников? Ты думаешь, это какие-нибудь террористы?» — «Понятия не имею. Но хорошие парни не бегают по Альпам с русскими автоматами». Словно в подтверждение моих слов из комплекса донеслось еле слышное, но все равно убедительное пок-пок-пок. Нас с Крис синхронно передернуло. «Будем надеяться, что это для остротки. Слушай, Крис, нужно драпать отсюда, пока есть возможность. Рискнем?» — «Но как?»

Действительно — как? Здесь, наверху, мы были в запад-не — ни выше, ни правее, ни левее без альпинистского снаряжения не уйти. Оставался только один путь — обратно, к комплексу. Прямо на стволы. Прижимаясь к скале, осторожно сползти метров на полтора-два, туда, где камни уходят в почву и начинается лес. Рвануть сквозь него в сторону, к самой дальней нашей трассе, и по ней на всех парах

вниз. Потом через ельник до шоссе. Наверняка попадетсЯ какой-нибудь ранний дальнoбoйщик, а у них у всех сателлитные терминалы в кабине. Держись, Родж. Держитесь, ребята. Если нас сейчас не пристрелят, будет шанс хотя бы позвать на помощь.

Я соображал — как дышал, короткими рваными всплесками. Однако в каждом вздохе было свое рациональное зерно — спасибо горнолыжной интуиции, отточенной годами, проведенными на трассе. На входе в лес мы, конечно, здорово наслeдим. Но главное остаться незамеченными сейчас. Тогда появится фoра. Черт бы подрал мою алую пуховку с фoсфoресцирующими вставками! И как здорово, что в этом сезоне носят декадентские похухлые цвета — комбинезон Крис почти сливался по цвету со скалой. РюкзакИ у нас тоже неяркие. Чехлы с лыжами, пристегнутые к рюкзакам сзади вертикально, окажутся за спиной и отсвечивать не будут...

Все это я продумал, срывая куртку. Вытряхнул из нее аптечку, швейцарский нож и пару красных ракет. Куртку сунул за удачно подвернувшийся валун, барахло распихал в набедренные карманы. Хорошо, что свитер надел, по крайней мере не скоро меня тепляк схватит. Знаете, что этот термин означает? Спросите альпинистов. Они вам расскажут, почему им так смешно, когда в очередном боевике очередной супермен весь фильм в одной майке по скалам бегаeт... Взял у Крис бинокль. Да, в Моннуар прилетели серьезные ребята. Первым делом расставили вокруг комплекса наблюдателей. Однако те двое, что контролируют нашу сторону, пока что валяют дурака. То есть глядят, но только глазами. Значит, пересчет заложников еще не закончен. Успеeм? Не заметят они нас? По прямой расстояние почти километр. Если специально искать не будут — не заметят. «Пошли, Крис. Держись за мной». И мы пошли. Точнее задали стрeкача, будто горные козлы. Вот как засадят по нам сейчас длинной очередью...

Но пока нам еще везло. Мы уже перемахнули невысокий скальный гребень и нырнули за деревья, когда внизу началась суеа. Я бросил на Моннуар прощальный взгляд через оптику и увидел: наблюдатели вооружились биноклями и

обшаривали ими гору. Так, сейчас они найдут следы, уходящие за деревья. Полезут наверх. Бр-р-р... «Обувайся, Крис! Скорее!»

Это делается так: сначала ботинок вбить в крепление, а потом уже ногу в ботинок. Ворочаясь в сугробе, быстро застегнуться. Снега между деревьями оказалось чуть ли не по пояс. Как вылезти-то?.. В принципе тоже не бином Ньютона. Темляки палок на кисти, руками за ветку над головой, подтянулся, выпрыгнул прямо вперед, набрал хотя бы небольшую скорость — и пошел, пошел, пошел!!! Какое счастье, что все это у нас в крови! Мы действовали слаженно и не нуждались в подсказках. Что там было про инстинкты?..

Я уже собирался выскочить из сугроба — тут-то инстинкты и напомнили о себе. Лет пять назад меня спросили — Поль, а каковы взаимоотношения между спортсменом и его инвентарем? Поль, не думая ни секунды, честно ответил: дайте мне горную лыжу, и я переверну Землю. Вот и теперь, ощутив на ногах привычную надежную тяжесть, я немного успокоился. Вспомнил о тех, кто попал бандитам в лапы. Осознал себя, опередившего смертельную угрозу (пусть максимум на десять минут, а реально от силы на пять), их должником. Конечно, моя задача — как можно скорее уйти вниз и поднять тревогу. Выжить. Удрать. Но сейчас, прямо сейчас, хоть что-то можно сделать? Рука машинально набрасывала ботиночные клипсы, и внутренняя сторона локтя елозила по цилиндрикам в набедренном кармане. Две красные ракеты. Поль, ты совсем рехнулся. Минуту назад думал лишь о том, как бы не засветиться. А теперь готов дать убийцам такой прекрасный ориентир?

«Крис! Секунду!» Она уже застегнулась по-боевому и готова была ехать. Я вытащил ракеты, сорвал колпачки. «Поль! Ты... уверен?» — «Да!» Не вполне осознавая, что именно делаю и зачем, я верил: так надо. Мне очень хотелось как минимум, сбить незваных гостей с панталыку, испортить им музыку. Ну, а побочные эффекты — в руке божьей. Кто-то мой сигнал засечет обязательно. Если не ближайший спасательный пост, так какой-нибудь спутник-шпион. Эти сигнальные ракеты не заметить трудно, недаром на

корпусах «мэйд ин Раша» написано. Глаза закроешь — уши заложит. Таковую в детстве разок запустишь, и сразу расхочется становиться космонавтом. «Не пугайся, Крис, будет очень громко. Так... — я с трудом протоптался на метр в сторону, туда, где над головой был небольшой просвет среди еловых веток. Свернул кольца взрывателей, ткнул ракеты в сугроб. — А теперь — гоу!»

Кристин выпорхнула из снежной ямы легко, как птичка. Я нашел сук покрепче, выдернул себя наверх и рванул следом. Позади начало шипеть, кряхтеть, плевать, и вдруг уже где-то в небе раздался такой залихватский свист, что Крис обернулась, да и я сам, вроде бы подготовленный человек, коротко глянул через плечо. Между елками стоял плотный столб красного дыма. И рядом вырастал еще один. А уж шуму-то... Приличные горные лыжи в России делать так и не научились. Зато наша горная ракета взлетает на километр. Всю дорогу орет, как резаная, и дымит не хуже космической. Слабенькая первая ступень поджигает дымовуху в основной и выстреливает ее повыше. Так от отдачи лавина не пойдет (да и у терпящего бедствие рука не отвалится, если он достаточно смел, чтобы пускать с руки). А потом уже врубаются серьезный реактивный двигатель и оглушительный свисток. Тембр свистка тоже «лавинобезопасный», во всяком случае теоретически. Стрельнул — и сиди, молись. Одна красная — знак беды, несчастного случая. Две одновременно, как сейчас, — «паника». Знак трагедии.

Снежная целина, близко стоящие деревья. Высший пилотаж. Мы шли на пределе разумного, то есть совсем не быстро. Нельзя гнать — один хороший удар о дерево, и финита. Ничего, лишь бы на трассу выскочить. Там уж помчимся. Шальной веткой мне расцарапало щеку. Все лучше, чем шальной пулей. «Крис! Крис! Трассу «чарли» помнишь? Туда! По самому краю леса — туда! Выскочим в середине разгонного участка, и вниз!» — «Да!» Поняла. «Только не скоростным! Рваными дугами! Без ритма!» — «Да!» Слышит. Без ритма — это я правильно сказал, так по нам и из автомата мудрено будет попасть. Только вот незачем орать на весь лес. Ох, мама, что ж я так нервничаю?!

Опять мне страшно, что ли? Ракеты пустить куражу хватило. А теперь что, жалею о проявленной храбрости? Как был всегда трусом... Спокойно, парень. Ты же, когда на горных лыжах стоишь — ни бога, ни черта не должен бояться. Уффф... И какого хрена этим уродам понадобилось в Моннуаре?!

Впрочем, я сразу догадался какого. И оказался, между прочим, как позже выяснилось, совершенно прав. Заложники без лишних проблем. Люди, временно оторванные от мира. Люди, которых никто не хватится. Ведь известно, где они — в Моннуаре. А там сейчас авария, работает только один телефон. Сателлитный аппарат Роджера. И если заставить Роджа отвечать ровным и спокойным голосом на входящие звонки... Ну, заставить можно кого угодно сделать почти что угодно — это я узнал, попав всего лишь к полицейским в лапы. Мне никто не обещал застрелить друга, если я откажусь сотрудничать. Так что Роджер будет поднимать трубку — извините, не могу позвать Джона, он сейчас на горе, что ему передать? Да, у нас все отлично. Да, господин комиссар, утром мы слышали вертолет, он прошел куда-то на север... И так далее. Появляется неплохой запас времени. А время для тебя дороже золота. Это возможность скрыться. Ты оставляешь в Моннуаре парочку бойцов, чтобы они давили на Роджа, пугая его смертью домашних. Бойцы потом уйдут в горы, ищи их свищи. А сам берешь сколько тебе надо людей, грузишь их в вертолет и увозишь подальше. Там вертолет бросаешь, пересеживаешься на грузовик, меняешь его по пути и наконец оказываешься в заранее подготовленном убежище. И можешь оттуда сколько угодно передавать ультиматумы, подкрепляя их зрелищем мучений заложников. Все, они твои. Черта с два вас теперь найдут.

Не самый дурацкий план. Допустим, я на месте террористов просто наворовал бы заложников — хоть сто человек, — по ночным улицам. Но мерзавцев то ли время поджимало, то ли они хотели оставить пару-тройку свидетелей похищения для вящей убедительности. А еще я не знал, для чего все это затевалось и чем уже обернулось.

Заложники гадам потребовались для обмена — им, ви-

дите ли, приспичило вытащить из тюрьмы какого-то своего Мюллера-Бормана-черт-знает-как-его, пламенного борца с мировым капиталом. Таких бездельников с великими идеями в Европе вагон. Просто в молодые годы они швыряются во всех, кто им не по душе, тортами и помидорами, а когда взростеют, начинают подначивать других молодых идиотов бросить в кого-нибудь бомбу. При этом уверяя после взрыва, что ничего такого не хотели. На моей памяти из-за угроз так называемых «леворадикалов» трижды переносились этапы «Челлендж», грязной капиталистической забавы для оболваненных масс. Насчет масс и грязи я, положим, уже готов был согласиться, но извините, при чем тут лыжники? Взрывать каждый раз обещали именно нас вместе с гостиницей, и это было совсем не забавно. Как простой честный наемник я вообще недолгоблизил всяких чрезмерно идейных, а в результате первой же спешной эвакуации среди ночи с пристрастным досмотром личного багажа — окончательно их возненавидел. Оказалось, не зря. Из-за такого вот придурка его дружки продырявили Роджера, когда тот схватился за любимую игрушку американского бармена — спрятанный под стойкой шотган. Прошили той самой очередью, которую мы с Крис слышали. Почти насмерть — бок разворотили и в ключья порвали руку. А к телефону поставили Тони. Он сначала плевал ублюдкам в маски. Но ему прикладом сломали нос и пообещали, что сейчас позволят Роджу кровью истечь, а потом и за остальных примутся. И они уже готовились к погрузке, когда оказалось, что две потенциальные жертвы где-то загуляли.

Только мы не гуляли. Мы ехали через лес, и я прокладывал дорогу. Впереди показался небольшой просвет. Вот она, трасса «чарли», то есть третья. Злая трасса, очень черная. Как раз для нынешнего черного дня. Мы выскочили на склон там, где я и предполагал. «Вперед, Крис! Уходи вперед!» — «Да!» Помню, она даже улыбнулась мне. Крис, милая, а ведь это твоя идея со свадебным путешествием выручила нас. Если я сейчас не поймаю спиной пулю, если все обойдется... Не знаю, что тебе сделаю. На руках буду носить. Давай, отрывайся подальше, я тебя заслону. Ком-

плекс всего лишь в полукилометре сзади, хотя и скрыт невысоким бугром. Еще минуту, только минуту нам, и мы уйдем за поворот. А там перегиб, и за ним очень круто вниз. Тут уже не пуля нужна будет — управляемая ракета, чтобы нас достать. Вперед, Кристин, давай, любимая.

Прекрасно она шла. По самому краю трассы, вплотную к лесу, то широкими дугами, то коротким резаным, с финтами и неожиданными уходами — черта с два в мою девочку попадут, если сейчас начнется пальба. И красиво, до чего красиво! Так, уже поворот. Неужели вырвались? Крис впереди четко обработала перегиб и мгновенно скрылась из глаз. Неужели ушли?!

И тут снизу раздались выстрелы.

Я остановил время на самом перегибе, как только у меня появился нормальный обзор вниз, оставив себе минимальную возможность для прыжка. И угадал. Потому что прыгать нужно — это стало понятно сразу. Метрах в десяти передо мной застыл какой-то тип — белый маскхалат, «калашников» у живота. И он стрелял в Крис. Склон у нее под ногами был весь покрыт фонтанчиками попаданий. Некоторые оказались совсем близко.

Все-то они, мерзавцы, предусмотрели. Ерунды только не учли, случайностей и мелочей. Стрелок, ответственный за трассу «чарли», не успел выйти на удобную позицию, и тут на него выпрыгнула Крис. Он поднимался по тому же краю склона, по которому спускались мы, и это еще больше осложнило ему задачу. И уж конечно, он не мог знать, что вслед за Крис идет лыжник, который умеет иногда притормаживать бег времени.

Мне нужно было немного повернуть — ерунда, сделаем — и очень точно рассчитать высоту прыжка. Горнолыжник неплохое оружие, но, увы, однозарядное, промах равносителен проигрышу. Ведь если стрелок останется жив, то мы с Кристин вряд ли уцелеем. Бандит стоял ко мне спиной в три четверти оборота. Довольно удобно для удара правой лыжей. Коротким ее жестким участком перед самой грузовой площадкой, сантиметров в десять. Конечно, предпочтительнее не рубить носком, а резать хвостовой частью, так больше шансов не упасть самому. Но и ника-

кой возможности что-то изменить, если промажу. Да и травма может оказаться не смертельной. Нет уж, лучше врезать гаду всем моим немаленьким весом. Я прицелился, мысленно срепетировал последующие свои движения и прыгнул.

Как всегда после деформации времени, переход к нормальному темпу сопровождался рывком с отдачей по всему телу. Далеко впереди Крис танцевала среди разрывов. Автомат долбил. Стрелок медленно поворачивался к склону, проводя ствол уходящую мишень. Я летел, и перекрестие моего прицела четко легло врагу на загривок. Прошла уже почти секунда, до соударения оставалось полметра. И тут я понял — Крис падает.

Кажется, я закричал. И страшно врубился автоматчику лыжей в шею. Меня бросило через голову, я почувствовал, как срабатывает правое крепление, сгруппировался и принял левым боком сильнейший удар. Слава богу, «чарли» второй день не укатывали, а все это время шел легонький снежок. Тонкая белая перинка немного спружинила, и дух из меня не вышибло. Отстегнулась вторая лыжа, палки я еще в воздухе сбросил, и десяток кувырков по горе, с одним неудачным приземлением на спину, обошелся мне сравнительно дешево — затрудненным дыханием и легким головокружением. Даже рюкзак со спины не сорвало, его поясной ремень удержал. Я встал на четвереньки и первое, что увидел — неподвижное тело Кристин. Было очень не просто не умереть тут же, на месте, но я нашел в себе какие-то силы и пополз по склону вниз. Оставалась надежда, что она только ранена. Назад я не оглядывался — даже мысли такой не было. Проехал и забыл. Мир не перевернулся и не застопорил бег, он жил своей жизнью. И я в нем продолжал существовать. А вот ко мне лыжа прибежала, будто собачка верная — подкатила, царапая склон рычажками ски-стоперов, и у самого хозяйского носа замерла... «Поль! Да очнись же, Поль!»

Кристин, уже на лыжах, присела рядом и настойчиво трясла меня за плечо. «Ты... Живая?!» — «Да я просто упала...» — «Просто?...» — «Ну, с перепугу. Сама не понимаю, как. Зацепилась кантом, идиотка... Поль, миленький, на-

девай лыжи, вот они». Я как во сне поднялся на ноги и принялся обуваться. Правая лыжа, наверное, побывала в сугробе, потому что следов крови на ней не осталось. Как я его.. Ух! «Извини, Крис. Перенервничал». — «Ничего, любимый мой, ничего, только поехали!» — «Я долго тут... Валялся?» — «Да нет, какое долго, минуты не прошло. Хорошо, лыжи недалеко разлетелись. Вон палка твоя вторая лежит, смотри!» Мы уже катились, я нагнулся и подхватил со снега палку. Скорость росла. И тут я сделал неожиданную для себя вещь — повернулся на месте и проехал немного задом наперед. Буквально пару секунд. Но мне хватило, чтобы разглядеть — оно там лежало наверху, бездыханное тело в огромной кровавой луже. Кажется, все-таки с головой. Только вывернутой так, как ее обычно не носят. Значит, я сделал это. Четко, грамотно, попал лыжей с десяти метров в пятисантиметровый зазор. Надо же! Я развернулся обратно. «Крис! Лидируй! Набирай скорость, нам еще долго ехать».

В ельнике я чуть не заблудился. К тому же выяснилось, что мы безумно устали, и езда по глубокой целине нас буквально на глазах выматывает. Сказались недосыпание и пережитый стресс. Я опять схлопотал колючей веткой — на этот раз по уху — и потерял очки. Потом мне каким-то суком чуть не продырявило ногу. Вырвало набедренный карман с биноклем и аптечкой. Но мы все-таки выбрались к шоссе. Сбросили лыжи, вскарабкались на высокую насыпь, шагнули через отбойник, сели на него, расстегнули ботинки... Передышка. Хотя бы пять минут. Никакие бандиты нас уже не догонят, а вот до ближайшего жилья несколько километров — горы же вокруг, — и эту дистанцию еще как-то пробежать нужно, если машина не подвернется. Вот почему я не хотел бросать рюкзаки с обувью. Мы оба молчали, и простейшие движения нам давались с трудом. Что ж, не каждый день от смерти уходишь. Я оглянулся — нет ли где в небе знакомого вертолета, — но тот, похоже, все еще стоял у комплекса. Совершенно пустое безоблачное небо, только красные столбы от ракет понемногу рассасываются. Может, террористы решили пересмотреть свой план и окопаться в Моннуаре? Ну, им же хуже. Я снял

рюкзак и достал из него башмаки. Они были мокрые и пахли глинтвейном. Термос раздавило. Тоже удача. Повезло, что это я ему хребет переломал, а не он мне. То-то спина болит. Представляю, как ее будет корежить завтра. Проклятие, какое пустынное шоссе. А нам так нужен хоть кто-то, и обязательно с сателлитным телефоном, ведь сотовая ячейка здесь выбита. Жаль, ракеты не помогли. Надымили изрядно, но кажется, мой панический сигнал не сработал...

Он сработал, и еще как. Вертолет появился с той стороны, откуда я его совершенно не ждал — снизу. Выскочил стремительно и беззвучно. Вот так зарабатывают инфаркт на месте. Не останься во мне каких-то жалких ошметков инстинкта самосохранения, точно в обморок упал бы... Я уже валился с отбойника спиной назад и руку тянул к Крис, чтобы и ее за собой увлечь в спасительную канаву. Собственно, это Кристин нас удержала от кувырка. Наверное, она больше меня устала, и ее уже вертолеты не пугали. Или очки помогли — из-за той же усталости она их еще не сняла и легко разглядела, кто пожаловал. Узкий, хищный, но не зализанный, а весь какой-то опасно угловатый, снежно-белый с голубым брюхом полицейский штурмовик еле слышно — фррр! — проскочил над головами и ушел на Моннуар. Точнехонько на мои ракеты. Серьезный аппарат. Почти настоящая боевая машина. Я проводил его обалдевшим взглядом, повернулся и чуть не упал снова. Далеко, сильно забирая на юг, чесала форменная стая. «Крис, посмотри, кто там летит?» Кажется, это было первое, что я сказал вслух с тех пор, как мы выбрались на шоссе. «Помоему, спасатели. И полиция. Взгляни сам, милый». Я взял у нее очки и в реальном контрастном цвете сразу увидел — так и есть. Два обычных полисмена, два спасателя и вроде бы местная телекомпания. Интересно, они до конца понимают, куда лезут? Бандитам вполне может прийти в голову развлечься для остротки стрельбой влет. Допустим, штурмовой вертолет автомату не по зубам, но из транспортных получатся отменные чайные ситечки. Или я отстал от жизни, и с террористами уже идут переговоры? Впрочем, неважно. Главное — мы сделали это. Ушли живыми и дали сигнал. Теперь бы для полной уверенности добратсья до

телефона, а там уж можно и о себе позаботиться. Я вдруг почувствовал, что засыпаю. Кажется, мне наконец-то полегчало. Отлегло от сердца.

«Поль!» — «Да, любимая?» Кристин глядела на меня очень серьезно, а глаза у нее были совершенно бездонные. И тут я впервые с того момента, как зачехлил свои боевые лыжи, вспомнил тот пугающий и знаменательный сон. И понял, что он заканчивается прямо сейчас, утекает в никуда, растворяется. Предвидение сбылось почти до конца. Только в нем я уже совершил один большой поступок — ушел из спорта, — и как раз намеревался перейти ко второму. Предложить любимой руку и сердце. А что у нас здесь? Кажется, я только что бился за нее. Бился насмерть. «Поль... — тихо произнесла Крис. — Мой рыцарь. Мой единственный. Какой же ты!..» Крис не договорила, ее душили слезы, и тогда она просто крепко-крепко прижалась ко мне, спрятав лицо у меня на груди.

Я огляделся в поисках чего-нибудь подходящего. Мне нужен был предмет, символический, как ледоруб Роджера. Надо же — он все-таки принес нам счастье. Мы увидели его и, кажется, избежали серьезной опасности. А если сейчас ну хоть одна таратайка ржавая на дороге появится, так и самому Роджеру сможем в меру сил отплатить за добро... «Кристи, секунду. Я быстро». Под насыпью валялись мои многострадальные лыжи. Я сбросил ботинки, переобулся и, радуясь, что ничего у меня пока еще не болит до состояния полного столбняка, принес некогда яркие и красивые, а теперь до неузнаваемости ободранные железяки наверх. Достал нож, выдвинул отвертку и принялся сосредоточенно развинчивать задники креплений. Все еще слегка всхлипывающая Кристин медленно шнуровала свои горные башмаки и с неподдельным интересом следила за моими действиями. Со звоном полетели на асфальт пружины, и вот у меня в ладони оказались фиксаторы — два узких блестящих металлических колечка. Моя любимая уже все поняла, и лицо ее светилось. Ох, ну когда же машина?! Тут не то что пожениться, а и отцом стать успеешь. «Кристин, прими мою руку и мое сердце. Будь моей женой». — «Да... Да. Да, любимый». Мы обменялись кольцами. Поцелова-

лись. Чего-то еще не хватало, я только не мог вспомнить, чего именно. «Господи, неужели это на самом деле? — прошептала Крис. — Мне кажется, я сплю, в жизни так не бывает. Поль, я так люблю тебя, Поль, милый, единственный...» И я вспомнил. «Нет, любовь моя, ты не спишь. Мы сделали это. Понимаешь? Мы сделали это!!! Круг почета, Кристи! Все сбылось».

Мы поднялись с отбойника и встали спиной к спине. Только кружок получился у нас очень маленький — ну какой, действительно, круг почета без снега, без лыж на ногах. Да и ноги эти подгибались. Но зато поцелуй, которым положено завершать круг, удался на славу. Мы стояли, обнявшись, и я подумал — наконец-то исчерпались все пророчества. Сновидение, полностью сбывшись, утратило надо мной власть. Теперь можно было начинать просто жить.

Из-за поворота выкатился огромный длинный грузовик с двумя прицепами. Я шагнул на середину дороги и поднял к небу окольцованной рукой ярко-красный горнолыжный ботинок. Ощущение кольца на пальце было непривычным и переполняло меня гордостью. Ну, а ботинком я свалю автопоезд в канаву, если он не захочет остановиться. Угадайте, каким образом...

Водителю повезло — он нажал на тормоз.

Я тряхнул головой, отгоняя наваждение, повернулся и зашвырнул ботинок далеко в лес.

Очень далеко. От греха подальше.

ЭПИЛОГ

Битый час меня допрашивали. Не расспрашивали, а именно допрашивали. Заставляли без конца повторять одно и то же и все твердили, что я должен, должен, должен — ответить, вспомнить, описать, сообщить. Казалось, действия террористов интересовали их в последнюю очередь, гораздо важнее была обстановка в Моннуаре с момента схода лавины и до злополучного рассвета. Это-то из меня и выковыривали, да так нагло, будто я у Роджа не горнолыжным инструктором работал, а полицейским осведомителем. Наверное, пытались вычислить наводчика —

или хотя бы установить, был ли он. Тоже вариант — уж больно четко и быстро вышли захватчики на Моннуар. Я отвечал, вспоминал, описывал, все больше убеждался, что наводчик действительно был, и сам пытался догадаться — кто? — но результатом моих дедуктивных усилий стало лишь стремительно нарастающее отупение. Мозги плавились и скукоживались. А по ним колотили идиотскими вопросами. «Значит, ваш коллега Пьер фактически весь день пробыл в лесу? Скажите, Поль, какой модели у него хэнди?» — «Понятия не имею. Старье с маленьким экраном». — «Без навигационной системы?» — «А для чего ему? В окрестностях Моннуара он знает каждый бугорок». — «То есть хэнди у Пьера не сателлитный, вы уверены?» — «У нас у всех обычные мобильники. Ведь ретранслятор в двух шагах, прием устойчивый, а высоко в горы забираться просто незачем. Даже Роджер держал сателлитный телефон на всякий случай, потому что положено. И не очень умело с ним обращался». — «Почему вы так решили?» — «Весь день он носил с собой инструкцию. Из одного кармана торчала антенна, из другого — эта книжечка». — «С чего вы взяли, что это была инструкция?» — «Я умею читать». — «А у Тони какой хэнди?» — «Ну зачем Тони сателлит?! Куда ему два телефона?! Да он удавится скорее. Такой же крохобор, как и все европейцы». — «Простите?..» — «Вот я сейчас адвоката потребую, он вас так простит, мало не покажется...»

Спина болела все сильнее, где-то в районе десятого позвонка — отомстил мне термос за свою безвременную насильственную смерть. И с головой было плохо, соображать она больше не могла, выработала лимит. Голове хотелось в гостиницу, куда увезли Крис, — уткнуться любимой в плечо и так лежать — несчастной, запуганной, распухшей. Бессонной. В меня разом закачали столько кофе, сколько я принял, наверное, за всю жизнь. Точнее, мне поминутно совали в руку стакан, а я, дурак, автоматически отраву прихлебывал. Так что спать не хотелось совершенно, только кончики пальцев дрожали, сердце отчетливо бухало, да в сортир я просился каждые десять минут по-маленькому — чистой воды овердоза. Недаром спортсмены избегают ко-

феина, слишком много у него побочных эффектов, совершенно лишних и на стадионе, и на горе. Думаю, меня нарочно глушили этой пакостью, я ведь от нее еще и злился помимо всего прочего. В какие-то моменты казалось, что главная моя задача — не отвечать, а удерживаться от ругани.

«Поль, давайте еще раз с того момента, как вы покинули комплекс. Итак, вы положили в карман ракеты и направились к выходу...» — «Я не брал ракеты специально, они уже лежали, где им следует». — «Почему?» — «Загляните на сайт Корпуса спасателей, там есть нормативные документы, где написано почему». — «А вы нам так расскажите». — «А может, вам мой адвокат расскажет?» — «Поль, мы устали повторять, это не допрос, вы добровольно согласились...» — «Вот я сейчас добровольно соглашусь на адвоката и посмотрю, как это вам понравится». — «Хорошо, вы не брали ракеты специально, а как тогда они попали к вам в карман?» — «Они там всегда были». — «То есть?» — «У-ух, как же вы мне надоели, чайники несчастные!» — «Это на каком языке? Между прочим, вы говорите по-арабски, Поль?» — «Разве в Моннуаре арабы?» — «Там разные люди... Так вы не ответили». — «Нет, я не знаю ни слова по-арабски». — «Тогда вернемся к ракетам». — «Вернемся. Куртка инструктора продается уже заряженной. Я ее купил, надел, и с этого момента ракеты всегда были со мной. Они лежали специально для них отведенных гнездах. Левый верхний наружный карман». — «Да, но когда мы вас нашли, вы были без куртки». — «Вы меня нашли?! Это я вас нашел!» И так далее.

Время от времени мучители давали мне тайм-аут — приходили люди с план-схемой Моннуара, и тогда я отдыхал, рассказывая, куда открывается какая дверь. Я все порывался спросить — как там? — и ни разу мне не ответили. Только сыпали градом новые вопросы, и оставалось лишь надеяться, что с Крис обходятся все-таки помягче. Ежегодно оказываться в роли допрашиваемого, это и для русского-то много, если он не настоящий уголовник, а для француза уж точно чересчур. Одна радость — я точно знал, что ни в чем не виноват, никаким боком, и в особенности не виноват перед Крис. Увы, Дитрих, глава операции, ка-

жется, придерживался несколько иного мнения. Я для него был парнем, уже однажды побывавшим под следствием, а наш с Крис фантастический побег — всего лишь крайне сомнительной историей, наводящей на всякие размышления. Я отлично себе представлял, как мы Дитриху подозрительны. Эта белобрысая немецкая дылда с косой саженью в плечах и отчетливыми кровавыми мальчиками в глазах, похоже, ни разу в жизни не стояла на горных лыжах, а училась только одному — ловить нехороших парней. И больно им делать, больно. Теоретически я против таких дитрихов ничего не имел. Но честное слово, в компании двоих оперативников, которые мне уже осточертели со своими вопросами, я себя чувствовал более или менее комфортно. А вот стоило их шефу оглянуться в нашу сторону — ощущение безопасности испарялось.

«Что там еще было?» — «Где?» — «В вашей куртке». — «Да все. Штатный комплект, согласно описи». — «Какой описи?» — «Которая нашита изнутри на подкладку». — «В том числе и рация?» — «Хм... А куда ей деваться... Я когда выходил, похлопал себя по карманам, ну знаете — рефлекс, — и все было на месте. Значит, рация тоже». — «Почему же вы ее не использовали?» — «Для чего?» — «А вы не догадываетесь?» — «Вот я сейчас адвоката потребую, он вам так догадается...» — «Хватит, Поль. Достаточно. Отвечайте. Вы могли сообщить о чрезвычайном происшествии тихо, без этого вашего фейерверка. Понимаете, о чем мы?» — «О да, теперь понимаю. Конечно, я мог. С учетом дальности в пределах видимости...» — «Почему так мало?» — «Да горы же, чтоб вы слохли! Понимаете, горы вокруг! И что я мог с этой рацией?! Тихо сообщить обо всем террористам — вот что! Максимум! Больше меня ни одна сволочь не услышала бы. Ни одна ваша местная нерусская сволочь». — «Какой странный термин — нерусская, — это что значит?» — «Это так русские называют все плохое». — «А-ах, вот как... А вы здесь повсюду видите только врагов, Поль? Только плохих людей? Не правда ли, Поль, вы чувствовали себя одиноким, несправедливо обиженным в последнее время? Мы же знаем, с вами дурно обошлись тог-

да, после того печального инцидента. Ну, расскажите нам!» — «Фа-а-ак ю-у-у!!!»

Это был местный полицейский участок, громадный общий зал — Дитрих со своим оперативным штабом занял его весь, — а меня обрабатывали в уголке, и звериный мой рык все хорошо расслышали. И тут Дитрих отлип от карты, над которой до этого колдовал, и пошел в нашу сторону. Я на всякий случай напрягся, чтобы он мне паче чаяния не отбил чего. И так уже спину ломило дальше некуда, впору не адвоката требовать — костоправа. А Дитрих против ожидания всего лишь уныло на меня посмотрел и сказал: «Расслабься, парень. Никто тебя обидеть не хочет. И не подозревает ни в чем страшном. Пока. Кстати, только что нашли стрелка, о котором ты говорил. Так значит, лыжей? А впечатление такое, будто топором». — «Лыжей. «Россиньоль» восемнадцатого года, модель для агрессивного катания, мастерский уровень». — «А я и не знал, что у горных лыж такая острая кромка». — «Кромка? Стальной кант по всей длине. Если содержать в порядке — можно смело резать колбасу на закуску. Очень хорошая сталь, очень дорогая. В общем, этому типу хватило. Главное, скорости моей хватило и моего веса. Тут уже канты особой роли не играют». — «Значит, все-таки лыжа...» — «Экспертиза покажет», — отрезал я. Не хватало еще полному чайнику объяснять, на что годится «Россиньоль» восемнадцатого года — продвинутая смарт-технология, асимметричный дизайн, две системы виброгашения (одна активная), кант с адаптивной самозаточкой (хотя на мой вкус это уже лишнее), в общем, налетай — подешевело: тысяча «юриков» кучка, в кучке две штучки.

Дитрих, пыхтя, сверху вниз меня разглядывал — маленького, пришибленного, в углу зажатого, окончательно затурканного. «Мне кто-нибудь скажет, что там?» — спросил я. Почти жалостно спросил. И Дитриха прорвало-таки. То ли он решил со мной поиграть в доброго полицейского, то ли на самом деле поверил, что я хороший и избиению младенцев не подлежу. «Да, в общем-то, терпимо. Ведем переговоры, отвлекаем. Сейчас подвезем кое-какое оборудование, и все быстро закончится. Надеюсь, это в последний

раз». — «Что?» — не понял я. «В последний раз берут заложников. На днях принята новая европейская доктрина борьбы с терроризмом. Вроде японской или вашей, русской. Захватывать людей теперь бессмысленно». Я вздохнул — мол, хочется надеяться. «Еще вопрос можно? Что с Кристин Килли?» Дитрих слегка пошевелил лицом, вроде бы почти улыбнулся. «Она ждет тебя в гостинице, можешь в любой момент с ней связаться. Только будь другом, останься здесь до конца операции, это ненадолго, честное слово. Ты не задержан, не арестован, просто нам может понадобиться твоя консультация. Вдруг что-то неправильно пойдет в Моннуаре, а ты единственный, кто по-настоящему знает и сам комплекс, и местность вокруг. Ладно? Вот и хорошо. Ребята, вы закончили снимать с него показания?» Ах, вот как это называется — снимать показания... Ну-ну. «Почти закончили, шеф. Так, по мелочи осталось...» — «Закругляйтесь. Потом дайте нашему гостю хэнди, чтобы в гостиницу позвонил. А ты, как поговоришь со своей Кристин, выпей успокоительного и приляг тут на диване, поспи. И еще просьба — веди себя по-людски. Хватит адвокатами грозиться, мы тебе зла не хотим, нам просто нужно все знать, понимаешь, все, чтобы гарантированно вытащить твоих друзей из этой заварухи. И так уже один при смерти». Он сказал, и меня будто самого ранили, прямо в сердце, даже спина прошла: «Кто?!» — «Фулбрайт». Господи, Роджер... «Да что ж вы молчали, ферфлюхтеры этакие?!» Дитрих был уже далеко и не ответил. Понятно. Надо было, вот и молчали. Им надо. А мне?!

Тут они действительно закруглились — спросили еще о какой-то ерунде, почти не слушая ответов, потом вызвали по телефону своих агентов, охранявших Крис в гостинице, и дали мне трубку. Голос у девочки оказался усталый, надтреснутый, но она была рада меня слышать, ждала своего Поля, верила, что теперь все у нас будет хорошо. Странноватый на взгляд непосвященного, но донельзя искренний ритуал обручения там, на шоссе, связал нас двоих накрепко. Я говорил с Крис, а сам невольно поглаживал большим пальцем надетое на безымянный колечко, и от этого внутри становилось теплее.

Потом мне вручили пару таблеток, и я по старой антидопинговой привычке долго выяснял, что это за дрянь. На меня сначала обиженно фыркали, мол, лопай, парень, что дают, и не выпендривайся, потом назвали длинную формулу, из которой я уловил только окончание «...зепам». Ясно, что транк, но какой — бог его знает. Препаратами из этой группы у нас в команде не пользовались, и я понятия не имел, как такой на меня подействует, однако таблетки все-таки проглотил. Решил, что лучше уж принудительно отрубиться ненадолго сейчас, чем упасть самостоятельно, но замертво. С наслаждением разулся, завалился на диван, попробовал стрельнуть у оперативников сигаретку, потерпел сокрушительное поражение — физкультурники хреновы, европейцы, все хотят до ста лет дожить, — и действительно начал потихоньку успокаиваться. А потом и засыпать. Штаб Дитриха бубнил и шевелился, я лениво подслушивал и медленно погружался в блаженную нирвану. Последняя реприза, которая отпечаталась в памяти: «Черт бы побрал их русские автоматы!⁷» — «Югославские они, точнее сербские, мы же проследили». — «А стреляют как русские — два вертолета в решето и пятеро раненых!» — «Так это не у нас, это у полиции, и когда было-то, в самом начале...» — «А скажут потом — мы виноваты!» — «А мы скажем, что предупреждали». — «А мы что, на самом деле предупреждали?»... Я еще подумал — интересно, кто-нибудь посмотрел на меня неодобрительно при упоминании русских автоматов? Но лень было открывать глаза, так что я просто заснул, и приснилось мне, будто мы с Илюхой, еще мальчишки совсем, деремся. А у нас уговор был по лицу не бить — и вдруг он мне ка-ак залепит в скулу! Ну, и я ему в ответ ка-ак в переносицу тресну! И вдруг открывается у него промеж глаз пасть акулья с во-от такими зубищами, и начинает он мой кулак грызть. Потом заглатывает руку по самое плечо и жует ее, жует... А другой пастью, которая на привычном месте, кричит — хватит спать, подъем, грабли убери, да проснись же, трам-тарарам!

Тут я подумал, что ситуация мне не по душе, и мощным рывком себя из нее выдернул. Гляжу — склонился надо мной давешний оперативник и будто клещами в руку мою

вцепился. А напарник его по щекам меня хлещет. С соответствующими выражениями. Слышимость отвратительная, будто через стену, видимость не лучше, сплошной туман. «Очнитесь, Поль, не нести же вас». — «М-м-мы к-к-куда?» — «На гору, в Моннуар. Шеф хочет, чтобы вы посмотрели». Нет сил уточнять, зачем смотреть и на что, я просто даю засунуть себя в ботинки и вывести под руки из участка. Ноги почти не слушаются, от колена и вниз они совсем никакие, я двигаю ими кое-как за счет бедра, подтягиваю вверх и опускаю, все это сопровождается ноющей болью, и каждый шаг приходится рассчитывать. В вертолет меня фактически грузят. Отрыва от земли не чувствую — а может, и не летим мы никуда, да мне, если честно, все равно. В салоне шумно и тряско, но я снова куда-то плыву, успев только на прощание горячо поблагодарить всех присутствующих за поганые таблетки. И прихожу в себя уже на холодном чистом свежем воздухе. Наверху. Хорошо, что перепад высот невелик, а я полностью акклиматизирован. И еще здорово, что на мне куртка с большим капюшоном, теплая и уютная, правда, из опасного скользкого материала. Неправильная куртка, не приведи господь в такой упасть на склоне.

Сзади громко тарахтит и жутко дует. Не придерживай меня двое здоровых мужиков, давно упал бы. Тихо радуюсь, когда вертолет отрывается от земли и уходит обратно вниз. Хоть какое-то облегчение.

Я все еще плохо вижу, но рядом угадывается Дитрих, он стоит, уперев руки в бока, и смотрит куда-то вперед. «Какой дрянью вы меня накормили? — спрашиваю. — Специальными таблетками для преступников, склонных к побегу?» Нет ответа. «Отведите его, пусть там внутри осмотрится. Потом назад, сюда». Это он моим провожатым.

Меня опять ведут под руки, почти волокут. Здание. Симпатичное такое шале, типичный альпийский дизайн, не знаю я, что это знакомый до последней сосульки Моннуар, залюбовался бы. Только вот... Кажется, здесь был пожар — черные пятна на снегу, закопченные стены, ни одного целого стекла. Входная дверь валяется неподалеку от крыльца. Я ничего не понимаю, мне сначала хочется вы-

рваться из цепких рук и броситься в дом, но что-то подсказывает — не ходи туда. И я верю: не надо. Там, внутри, ничего больше нет. А меня тащат, неумолимо, против воли. Заводят на крыльцо, вталкивают в холл. Ослабляют хватку, но не отпускают. Я смотрю. И вижу — действительно, ничего здесь больше нет. Только копоть. Обломки. И еще кровь. Повсюду. Не нахожу тел, наверное, уже прибрали. Значит, бомба. Взрывное устройство. Вот как. Спасибо, Кристи, ты нас спасла, тысячу раз спасибо тебе, милая. Если бы еще ноги так не ныли! И опять ломит спину, интересно, я когда-нибудь теперь избавлюсь от этой боли? Или такова цена? Расплата?

Дитриху надоело торчать на пепелище таким богом Тором без молота — вот и вспомнил я, кто в германском эпосе кувалдой размахивал, — он присел на гусеницу ратрака. Уцелел наш ратрак. Приткнулся возле самых деревьев, печальная одинокая рыжая машинка, брошенная на обочине, ровный след гусениц уходит вдоль склона вниз. Под горой, у нижней опоры подъемника, яркое пятно — вертолет местных телевизионщиков. Ох, небось, зубами скрипят... А я дорого бы дал за то, чтобы оказаться на их месте. Сторонним наблюдателем. На безопасном расстоянии от сенсации и никак к ней не причастным.

Дитрих смотрит на меня, я стою рядом, с трудом стою, но наконец-то без конвоя. «Видел? — спрашивает он, так спрашивает, как будто я все это устроил. — Там никого не осталось. А ты ушел». Я медленно нагибаюсь, что совсем не просто, набираю полные руки снега и начинаю тереть лицо. Но легче от этого не становится. «Ты удрал. Сбежал. Они все попались, а ты нет». — «Слушайте, Дитрих... — язык мой едва ворочается, но если договорить не смогу, так хоть в морду ему плюну. — Слушайте, вы в своем уме? При чем здесь я?» — «Вот и мне хочется знать — при чем? Как так вышло?»

И вдруг до меня доходит — началось. Опять. Как тогда, после гибели Киркпатрика. Они ищут виноватого. Одного, виноватого во всем на свете. Желательно не своего. Хорошо бы — не очень уравновешенную личность, чтобы сломалась побыстрее и что угодно за собой признала. Спорт-

смены экстремальных дисциплин никогда не отличались устойчивостью. Они все чуток психопаты. Особенно «челленджеры». Особенно «челленджеры», затаившие обиду. Все, Поль, ты допрыгался. Ты действительно удрал, сбежал, вывернулся и теперь ответишь за это по полной. Не положено тебе, парень, отделаться просто так. Сейчас тебя будут ломать и провоцировать, а ты и без того уже надломлен дальше некуда, поэтому закатаешь истерику. Что и требовалось доказать. Немедленное задержание, серия выматывающих допросов, адвокат кричит — молчи! — а ты повторяешь, как заведенный: это неправда, я не виноват, вы ничего не понимаете... Потом тебя отпустят, но ты не забудешь этой несправедливости до конца своих дней. Страшнее несправедливого обвинения на свете нет вообще ничего. Плевать, что закроют визу. Плевать, что дома «органы» возьмут тебя под неусыпное вечное наблюдение. Главное — никогда уже тебе не быть тем человеком, что был раньше. Ладно, ты этого не переживешь, но все-таки как-то свыкнешься. В петлю не полезешь. А Кристин?

Я вспоминаю о Крис, трогаю пальцем кольцо, смотрю на Дитриха, и тот начинает медленно подниматься с гусеницы. Его подводит опыт — он не верит, что я могу вот так, с бухты-барахты, выйти из-под контроля. Мне надлежит играть по правилам, то есть быть согнутым и раздавленным. Эта надменная громадина думает, что стоит ей надо мной нависнуть, и я мигом усохну. Другой бы на его месте звал подмогу, а Дитрих просто встает. Да, ему что-то рассказали про «челленджеров», но он не понимает, как может быть опасен хард-слаломист, доведенный до отчаяния. А я сейчас именно такой. Я по-прежнему едва стою на ногах, мучаюсь десятым позвонком и очень смутно вижу. Но это мне не мешает чувствовать гору и просчитывать в уме заход на третий флаг. Повезло с курткой, она хоть неправильная, но сейчас очень даже к месту — почти до колен, застегнута, капюшон наброшен. Ближайший к нам помощник Дитриха стоит шагах в десяти наверху и видит только мою спину. Сам Дитрих не носит брони. Действительно, зачем ему, когда все умерли.

А стрелять в меня не будут. В лежачего стрелять толку никакого.

Я провожу короткий удар под ребра и тут же хватаю Дитриха за грудки, чтобы плавно опустить его обратно на гусеницу. Вид у него теперь совсем не антитеррористический — челюсть отвисла, глаза один в другой заглядывают. Медленно сажусь на снег. Откидываюсь на спину. И небрежно так уезжаю вниз. Головой вперед.

Не ногами же вперед ехать, правда?..

...Одно из самых ярких моих детских воспоминаний — это как отец, молодой и красивый, шкандыбает на костылях. Со смущенной улыбкой настоящего героя, который слегка переборщил насчет героизма. Так я на всю жизнь запомнил, что по каменистым склонам Чегета не стоит кататься на надувном матрасе. Особенно в большой теплой поддатой компании, под весом которой матрас запросто разносит до первой космической скорости.

Удивительно, но этот заимствованный негативный опыт ни капельки не отвратил меня от катания без всяких технических приспособлений по свежезалитому желобу санной трассы. Причем тоже целой бандой — сели на лед, ухватились друг за дружку, изображая бобслейный экипаж, толкнулись, и вперед. Правда, уже через несколько секунд группу раскидало — сказала разница в весе, — но от этого стало только веселее. Трассу залили от силы метров на сто, и тормозили мы в сугроб, вполне безопасно и очень смешно. Только откопаешься, встанешь на ноги, тут сзади прилетает с радостным визгом очередной каскадер и бьет тебя под коленки... Отец в развлечении участия не принимал — уже слегка обрюзгший, но все еще весьма импозантный, он сидел на краю желоба, легкомысленно болтая ногами, и нес ответственность за чайник водки, из которого всем желающим наливал в предусмотрительно захваченные кружки. В небе висела яркая луна, и петля санной трассы с расставленными вокруг авангардными светильниками на высоких столбах выглядела совершенно нереально — ни дать, ни взять, марсианский пейзаж.

Ой, да на чем только и откуда только я не съезжал! Хотя некоторые э-э... устройства опробовать так и не рискнул.

Особенно те алюминиевые сани с поворотными лыжами спереди, про которые мне сказали, что им, во-первых, уже полста лет, а во-вторых, за этот срок на них было сломано четыре ноги и два ребра, вывихнуто минимум пять рук и выбито — совершенно точно — двадцать шесть зубов. При том что вместо руля на санях вполне мудро использовалось свободно болтающееся откидное кольцо. Тут-то я и подумал — а обо что же тогда выбивались зубы? — и от поездки на чересчур легендированной штуковине отказался. Зато накатался вдоволь на «джеке» — это такой, как его называют знающие люди, «остеохондрозный аппарат». Сиденье как у табуретки, под ней две ручки, чтобы держаться, вниз уходит «нога» — пилон, заканчивающийся короткой узкой лыжей. Обувашь что-нибудь со скользкой подошвой, садишься — и покатишь вниз на трех точках. Забавный прибор, на гладком склоне чувствуешь себя просто здорово, но скакать по буграм не советую, особенно если носите вставные зубы и контактные линзы. А то, не ровен час, обнаружите эти самые линзы в зубах, причем зубы окажутся совсем не во рту, а в противоположной, мягко говоря, стороне организма.

Это все было очень адреналиново и интересно. Местами немножко ушибательно. И весьма познавательно. Я, например, четко уяснил, что вопрос «на чем спускаться с горы» в принципе некорректен. Он так же глуп, как возникающие иногда споры между горнолыжниками и сноубордистами. Горные лыжи — венец творения, они вывезут тебя куда надо при любой погоде, на любом рельефе и по любому снегу, только научись. Но в целом ряде случаев «доска» и покатится легче, и доставит гораздо больше удовольствия. Так что определяться в первую очередь нужно не с тем, на чем ехать, а зачем это делать. Зачастую главная проблема — стоит ли ехать вообще в таком состоянии или лучше сначала подумать (варианты: немного состариться, зайти к психиатру, наконец — протрезветь). Ну, а если нейдет, тогда хватай что угодно, хоть кусок полиэтилена, и дуй. На элементарном пакете из супермаркета запросто отбиваются почки и дробится крестец.

Конечно, снежокаты всякие разные тоже приносят массу

переживаний. С тобоггана⁸ можно красиво улететь. Корытце пластиковое в форме саней хорошо раскокать вдребзги. Но это все специальные устройства, сконструированные именно для разгона сверху вниз с туманными последствиями. А без них — слабо?!

На скользкой куртке, например. Желательно с капюшоном. Накидываешь колпак, ложишься головой к склону, толкаешься разок ногами — и почесал. А когда скорость достигает такой величины, что становится жутковато, и малейший бугорок запросто переломит тебе спину (и от осознания этого становится вообще страшно) — резким движением закручиваешь себя поперек горы. Закрываешь лицо согнутыми в локтях руками и начинаешь кувыркатся. Рано или поздно тебя развернет, и ты остановишься. Сядешь, помотаешь головой — кровь бурлит, очевидцы крутят пальцами у виска, — красотища! В детстве я обожал такие выкрутасы. Пока однажды у меня не задралась перчатка, и на очередном кувырке мне не сняло, будто напильником, кожу с правого запястья. В принципе оказалось не больно. Но розовое пятно на руке исчезло полностью только лет через пять.

...Вся эта теория и практика травмоопасных детских шалостей вспоминается за долю секунды. Я шпарю со свистом по обочине трассы «браво», и неожиданно глубокая колея ратрака в мягком снегу работает не хуже бобслейного желоба. Наверху карикатурно скачет и размахивает оружием бедненький-несчастненький околпаченный спецназ. Бьюсь об заклад, такими крестинами их никто еще не выставлял. Некому меня перехватить и не на чем догнать. Прямо из рук властей уезжаю в теплые объятия прессы. Вот и дождались телевизионщики еще одной сенсации. «Браво» — не подарок, мало что от меня останется к концу горы, но уж говорить-то оно сможет, это я обеспечу. И проорать на всю планету «Спасите, помогите!» успею. И еще «Дитрих — козел!». Интересно, какая у него сейчас физиономия? Если очухался, конечно.

Пологий разгонный участок заканчивается, скоро будет перегиб, и за ним такой рельефчик, преодолеть который на пузе чистой воды самоубийство. Даже по утоптанному рат-

раком краешку. Но мне придется ехать именно здесь и именно таким образом, уже носом вперед, на локтях и животе. И так работать телом, чтобы ни на одном бугорке меня не подбросило. Иначе капут, зашибусь и посыплюсь неуправляемо, с резким набором скорости. Хороший будет заголовок в новостях: «К нам с горы скатился труп»... Я отчаянно торможу каблуками, намертво зажимаю края рукавов в кулаках, переворачиваюсь, выгибаю спину, встаю на локти. Вижу, куда еду. С легкой горечью отмечаю, что на лыжах это было бы просто развлечение. Вспоминаю Илюхино любимое «Держайте, психи, вам положено!». Надо же, а я ведь его, дурака, кажется, простил... Снова торможу, на этот раз всем, чем можно. Полный рот снега. Почти белое солнце прямо в глаза.

Зрение все еще оставляет желать лучшего, но яркое пятно вертолета под горой — вот оно. Мой финиш на сегодня. Далековато. Краем сознания удивляюсь: а чего это не страшно мне? А вот не страшно. Нормальная рабочая обстановка. Я всего лишь решаю типично горнолыжную задачу в условиях жесткого ограничения средств — ни лыж тебе, ни даже очков. Без очков плохо.

Возможно, я от нервной перегрузки... уффф... тьфу! — малость тронулся рассудком... ой!.. ай!.. — но факт остается фактом: еду. Удираю. На данный момент это... мама!.. главное.

Облизываю здоровый бугор, отплеываюсь, закладываю глубокий поворот — а ничего, получается ведь! Лишь бы силенок хватило. И крайне желательно удержаться в колее. Выпасть из нее на гору еще куда ни шло. Вот укувыркаться в лес по дрова... вау!.. это уже будет настоящий экстрим. В лучших традициях — то березкой по балде, то рябиной по... У-упс! Слушай, Поль, если ты из сегодняшней передряги выберешься, подумай — не пора ли тебе со всем этим завязывать? Переквалифицироваться, так сказать, а? Хотя бы из тех, которые сверху вниз, — в те, которые снизу вверх? А то ведь так и будешь до конца своих дней э-э... Катиться, да.

В этот момент сзади что-то прилетает — наверное, пу-

ля — и бьет меня промеж лопаток. Прямо в злосчастный десятый позвонок...

Боль растекается по всей спине, острыми иголочками колет легкие, сильно отдает в сердце. Я встаю на четвереньки и принимаюсь кусать воздух — подушка давно упала на пол, вцепиться зубами не во что, остается только сквозь них рычать. Не от боли, скорее от обиды на весь белый свет. Я потный, злой, расстроенный, и больше мне сегодня не заснуть. Протягиваю руку — она слегка дрожит, — выдергиваю из зарядника телефон. Как и следовало ожидать, шесть утра. Ну почему не восемь, а?! За что?!

Нешадно крутит суставы — значит, погода скоро переменится. Жму на кнопки, вызываю локальный метеопрогноз. Так и есть, давление падает. Впору менять фамилию на Барометр. Сползаю с кровати, медленно ковыляю к окну, раздергиваю шторы. Конечно, это Валь д'Изер. Во-он там, отсюда видно, разбиты трассы Кубка мира. Вчера ребята откатали скоростной. Упаковали награды, собрали вещички, дали пресс-конференцию и отправились дальше, к следующей горе. А я за ними не поехал. Мне теперь в другую сторону. Смонтировал репортаж, передал его в штаб-квартиру и завалился спать, отдохнуть перед дорогой. Ничего себе отдохнул... Ладно, справлюсь. Приеду домой, там все будет по-другому. Рядом с Кристин мне никогда не снятся кошмары. Даже если спина болит.

Стоило бы еще этап отработать, но тут уж я над собой не властен. Крис позвонила шефу нашего отдела и сказала — если не отпустишь Поля хотя бы за месяц до, я твоей жене пожалуюсь. Выходка, на мой взгляд, довольно грубая и совсем не европейская. Откуда у девочки взялись такие манеры, понять не могу. Зато шеф, который уже трижды отец и знает, что с беременными женщинами шутки плохи, уяснил все и сразу. Обычно на любые мои просьбы насчет передышки у него ответ стандартный — Поль, ты лучше всех, тебя любит аудитория, даже короткое твое отсутствие в эфире наносит ущерб интересам компании, все отпуска только в межсезонье, пошел работать. Деньги? На твоём месте, Поль, я бы вообще забыл это слово... Ну, и так далее в том же ключе. А тут и замена мне нашлась моментально,

и отпускные капнули, и новый контракт, довольно выгодный, на горизонте нарисовался. Сказать, что я дико обрадован всеми этими обстоятельствами, увы, не могу. То есть вернуться домой и быть рядом с Крис, безусловно, здорово. Но остальное... Похоже, мне окончательно надоел горнолыжный спорт в любых его проявлениях. Смутное подозрение, что я заперт в клетке с золочеными прутьями, которое преследовало меня, пока я был «челленджером», никуда не делось. Наоборот, оно крепнет год от года. Чем лучше узнаю реальную жизнь, тем острее мне хочется чего-то еще. А какое оно, это «еще», я пока не знаю. Может, его вообще нет на свете?

Остается только надеяться, что нынешние мои душевные метания и терзания объясняются простым нарушением гормонального баланса, весьма характерным для организмов любящих мужей беременных женщин.

Благодаря этой отрезвляющей мысли я почти успокаиваюсь. Тяжко вздыхаю над двумя недоспанными часами. Ладно, раз отдохнуть не дали, примемся тупо существовать. Глоток минеральной, пара таблеток, еще глоток, чтобы запить витамины и лекарство. Встаю посреди комнаты, начинаю потихоньку разминаться. Гонять нужно организм, гонять. Доказывать ему, что он, прожив тридцать лет, не совсем развалился. По утрам для этого требуется определенное усилие воли. Но если себя преодолеть, можно потом немного пожить. И даже побыть молодым и глупым. Третьего дня в пресс-баре стали выяснять, годимся мы еще на что-нибудь или уже нет. Дали бармену двадцатку, отодвинули столы от стены и начали по ней бегать. Я пробежал дальше всех. Раззадорился и спорнул на бутылку виски, что попаду ногой в потолок. Там было невысоко, допрыгнул. Куда сложнее оказалось поставить автограф поверх отпечатка подошвы — с разбега не вышло, пришлось строить пирамиду из стульев. Утром все болело хуже, чем сегодня, разве что без ночных кошмаров. Вот задача — пока был «челленджером», прихватывало иногда сломанную ногу. Теперь перелом утихомирился, зато остальное... Суставы безобразничают, вегетатика шалит, простужаться начал, гастритные явления какие-то зага-

дочные из желудка полезли, даже в зубе, третьем нижнем правом — вдруг дырка! Не любит спорт, когда его резко бросают, он ревнив и обязательно мстит.

Я делаю наклоны и стараюсь не вспоминать сон, разбудивший меня. Ничего себе, да? Сон — и разбудил. А вот случается. Чаше, нежели хотелось бы. Делаю растяжку и не вспоминаю сон. Думаю, не спуститься ли в тренажерный зал, и забываю его совсем. Решаю, что в зал идти лень, и вспоминаю опять. Надоело. Когда в следующий раз выберусь на историческую родину, попрошу тренера устроить мне хорошего мануального терапевта. Русские мануальщики лучше всех — глядишь, и решится проблема. Иначе меня этот позвонок доконает. Вправили его, видите ли, а он выскакивает снова. И выталкивает в мои сновидения всякую муть. Болезненный вымысел сплетается с реальными впечатлениями, и получается яркое, но донельзя гадкое полотно. Как будто поверх нормальной картины прошелся красками отпетый псих.

Ведь ничего сверхъестественного тем утром не случилось. Когда мы с Кристин сели в грузовик и я связался с полицией, основное шоу уже фактически закончилось. Смертельный номер мы отыграли, а то, что было дальше, — так, средненькая драма с элементами боевика. И возможно, дикие сны, в которых меня несправедливо обвиняют, а я бегу прочь, — всего лишь отголосок дурацкого внутреннего конфликта, до сих пор тлеющего в моем сердце. Ведь с какого боку ни посмотри, а трагедия в Моннуаре вернула мне доброе имя. Если даже не выписала его заново. Сам я и пальцем не шевельнул — все сделала пресса. Из шкуры отщепенца и изгоя выбрался и ярко сверкнул тот, кто я и есть по сей день, — гер-р-рой, блин. Но увы, мой нынешний светлый образ вскормлен чужой кровью и несчастьем. И какая разница, что на сей прискорбный факт наплевать решительно всем, кроме меня?

Очень похоже на этой истории Тони продвинулся — без малейших усилий, дуриком. Один-единственный раз мелькнул в новостях, зато попался на глаза кому надо: «Глядите, какой мужик! Какая харизма!» С перебитым носом Тони стал настолько сексуален и фотогеничен одновременно,

что теперь просто не знает, куда девать во-от такую кучу денег и во-от такое количество баб. А с происшествием в Моннуаре лицо Тони ни у кого не ассоциируется, ведь никто уже не помнит, что такое Моннуар и какое там имело место происшествие. Естественно, кроме горнолыжников. Но горнолыжники — средний класс и не покупают ту дешевку, которую олицетворяет собой Тони.

Лично мне наглая физиономия Тони на рекламных щитах мешает нормально водить машину. Тем более что я-то знаю: на самом деле это абсолютно раздавленный человек. Конечно, психотерапия творит чудеса, но в том-то и загвоздка — Тони не хочет или не может говорить вслух о пережитом насилии, унижении, позоре.

Кого-то мне это очень напоминает.

Точно не Пьера. Он еще полгода жил в Моннуаре, взвалил на себя все дела, пока Роджер валялся по больницам. А потом ему Родж посоветовал: «Уезжай. Только, пожалуйста, не забывай. Хотя бы изредка звони». Пьер теперь на Аляске, обретается в местах самого что ни на есть нештучного экстрима. Туда за одни красивые глаза не пускают, ему пришлось кое-чему подучиться, зато сейчас он настоящий экстремальный инструктор. Гоняет со всякими сорвиголовами по тамошним ноу-фолл-зонам⁹. Иногда все-таки падает, однако до сих пор живой. Доволен — говорит, всю жизнь мечтал. Сомнительно. Как-то не очень рвался Пьер на эту самую Аляску, пока у него в Альпах все шло путем.

А в опустевшем Моннуаре старина Роджер то и дело наливает себе — теперь левой, правая никуда не годится, — и пьет. Начинает прямо с утра. Хотя алкоголь ему противопоказан в любое время суток. Но почему бы и не пить, ведь гостей в Моннуаре больше не бывает. Над комплексом будто грозовая туча повисла — тяжелая, давящая аура былой трагедии. В Моннуаре стало неуютно, и там никто не хочет отдыхать. Был короткий период, когда народ валил толпами — ненадолго, поглазеть. А потом, как отрезало. Теперь разве что мы с Кристин наезжаем иногда, да еще Пьер. Думаю, через год-два проклятие отступит, все-таки Моннуар прекрасный высокогорный отель, но дожи-

вет ли хозяин до возрождения своего любимого бизнеса — вопрос. Тем более что он разуверился в волшебной силе ледоруба. Говорит, железяка себя не оправдала. Понятное дело — я же вычерпал ее волшебство до самого дна в то злосчастное утро. Все оттянул на себя и израсходовал до последней капли. Опять я.

Дитрих уверял: «Поль, вы сделали все, что могли, и даже сверх того. Заложникам очень повезло, что вы никогда раньше не были в серьезных передрыгах. Я бы на вашем месте пускать ракеты побоялся». — «Вы?!» — «Да. Потому что я профессионал и знаю, чем кончаются такие подвиги. На самом деле вы счастливчик, Поль. Уникальное стечение обстоятельств — в то утро все, до мелочей, работало на вас. А иначе...» Моя проблема, что он меня не убедил. Я, видимо, очень не хотел убеждаться. А расстались мы с Дитрихом почти друзьями. Заключили договор: я не буду распространяться о его методах допроса невинных жертв политического террора (до сих пор не простил ведь и никогда не прощу), а он засекретит мой смертоносный прыжок на трассе «чарли». Очень уж я стал бы похож на серийного убийцу, всплыви эта история. Прибавил бы к богатой коллекции всемирно известных душителю женскими колготками, отравителей трупным ядом и утопителей в ваннах еще один роскошный типаж — зарубателя горной лыжей.

А я ведь не убийца, я в основном подвиги совершаю.

Мне предлагали сто тысяч аванса за книгу, говорили — тебе же это раз плюнуть с твоими-то способностями. Но о чем писать? Разгонять на двести страниц мелкие подробности, выжимать из себя впечатления и переживания? Все равно самое интересное останется за строками, потому что делиться им я не могу. А чтобы рассказать главное, строк этих достанет и сотни.

Когда на местном посту Корпуса Спасателей засекли пуск ракет, то первым делом позвонили в Моннуар и спросили, что стряслось. Тони сдавленным голосом ответил: ничего, извините, пуск случайный, пьяное баловство. Дежурный очень удивился — люди, чья профессия связана с горами, красными ракетами не балуются, сколько бы ни выпили, не то воспитание, — но вслух удивления не выка-

зал, а только посоветовал готовить деньги на штраф. И вызвал полицейское отделение. Ему так и так нужно было это сделать, по инструкции положено. Корпус Спасателей организация полувоенная, на каждом столе инструкция лежит, а уж пульт дежурного от них вообще прогибается.

Через пару минут с Тони уже беседовала целая комиссия — полицейский офицер и мощный компьютер. Тони врал, а машина показывала: человек в беде, переживает тяжелый стресс, возможно, говорит под давлением. Офицер немедленно поднял в воздух тревожную группу. Позвонил спасателям и попросил: вы пока не дергайтесь, но будьте готовы. Потом решил на всякий случай освежить в памяти свою инструкцию. Кряхтя, раскрыл тяжеленный фолиант и увидел, что слегка недоработал. Инструкция предписывала немедленно разбудить старшего начальника и доложить ему: шеф, мы уже загнали на гору все, что шевелится.

И на гору пошел, обгоняя транспортные машины, вертолет огневой поддержки.

В небе оказалось неожиданно тесно от винтокрылых, причем все уверенно летели на Моннуар. Во-первых, там был ремонтник — видимо, тост Роджера все-таки подействовал. Во-вторых, чрезмерно бдительные спасатели с другого поста, которые тоже сначала в Моннуар звонили, обнаружили, что телефон перманентно занят, и довольно справедливо восприняли снятую трубку как знак больших неприятностей. А еще между горами сновал оголодавшим стервятником аппарат с эмблемой телекомпании. Вот это уж точно была неприятность. Строгая команда с земли ремонтника моментально развернула. Спасателям приказали отвалить на безопасное расстояние и притормозить. А съемочная группа, судя по всему, уже заметила штурмовик и пришла от этого зрелища в нездоровое возбуждение. Потому что пилот у них совершенно оглох, и как ему ни орали: «Назад, придурок, лицензию отнимем!», он только жаловался на помехи и сообщал, что все нормально.

На штурмовике оператор настроил оптику и доложил, что видит перед зданием комплекса «Моннуар» неустановленный вертолет, а тепловой искатель показывает: возле каждой из горнолыжных трасс находится по человеку, все

на краю леса, будто в засадах, правда, один, похоже,дох-
лый. Еще через секунду оператор увидел, как из-за ком-
плекса выбежали двое с автоматами и стремительно ныр-
нули внутрь здания. Автоматы оператору крайне не понра-
вились, маски на лицах странной парочки — тем более, а
особенно его расстроило то, что им кто-то услужливо от-
крыл дверь. И тепловизор утверждал: в здании около трид-
цати объектов. А полагалось от силы двадцать.

На армейском штурмовике оператор-наводчик — лицо
подчиненное. На полицейской машине — наоборот, ко-
мандир. Поэтому еще через две секунды он нагло соврал,
заявив: «Кажется, в меня стреляют», и ювелирно продыря-
вил неустановленному вертолету редуктор. За такое само-
управство его прямо в воздухе разжаловали и уволили. Но
главное было сделано — террористы оказались намертво
привязаны к Моннуару.

Понятное дело, они здорово обиделись и тут уж дейст-
вительно начали стрелять. Полицейские высадились, за-
легли вокруг комплекса и тоже на славу пошумели. Объ-
единенными усилиями обеих сторон в здании не осталось
ни одного целого окна. Полиция старалась по заказу Дит-
риха, террористы по собственной инициативе. Потом на-
чались переговоры, точнее их имитация. Потом наконец-
то подвезли миномет. С безопасного расстояния кинули
на Моннуар газовый заряд, и через несколько мгновений в
комплексе все упали, и хорошие, и плохие.

А вертолетчика по итогам операции пришлось обратно
принять на службу и в звании восстановить.

Конечно, мечтая о том, что этот случай захвата людей в
заложники окажется последним, Дитрих здорово раскатал
губу. В следующий раз террористы запаслись противогаза-
ми. Но в Моннуаре обошлось без жертв, и для меня это
было главное. Иначе я бы просто до смерти угрызся совес-
тью. Двадцать лет на горных лыжах — подумать только,
двадцать лет! — обогатили меня разнообразным опытом.
Только одному я не научился совершенно — убегать и пря-
таться. Не было повода. И каким бы разумным и естест-
венным ни выглядел наш с Крис побег... Некий внутрен-
ний протест я ощутил. Потому что без жертв обошлось, а

без поломанных судеб — увы. При чем здесь я, какова степень моей вины и есть ли таковая вообще, понятия не имею. Но совесть почему-то ноет.

Как будто присутствие рядом битого жизнью отставного русского «челленджера» могло бы помочь моим друзьям — друзьям ведь! — уберечься от серьезных душевных травм. Но ведь могло же! Правда, могло...

Если ты с детства обучен поднимать внутреннюю ногу в повороте, куча нервов потом уйдет на то, чтобы эту порочную технику из себя вытравить. Примерно так же в меня вбит по самую шляпку комплекс «челленджера». Система оценок человека, который всегда ищет оптимальную траекторию и готов держать ее любыми средствами. На спортивной трассе это единственно верная тактика. Выжать из всего — и из себя в том числе — максимум. Парадоксально, но в обычной человеческой жизни не так. Здесь небольшая ошибка тоже может стоить жизни, но совсем в другом смысле: ты ошибся и благодаря этому будешь жить. Опоздал, не пришел, заболел, наплевал — о-па, живой!

Повел любимую в свадебное путешествие и уцелел.

Я думаю об этом, стоя под душем. Потом еще немного думаю, собирая вещи. И очень много — за завтраком, потому что ем по старой привычке только самое полезное, а оно, как правило, не больно-то вкусное. Жую, размышляю, озираюсь рассеянно по сторонам. Вокруг меня странный, изменчивый, удивительно пластичный и многовариантный мир. Я знаю, как легко в нем теряются бывшие спортсмены. Но мне-то, который рвался из спорта наружу, будто там, в миру, за границей бескрайнего снежного поля, которое я так образно себе представлял, было медом намазано... Кстати, а вот и мед, а я его в чай, и получится замечательно... Так вот, не мне в этом мире теряться. Я просто недавно тут живу и каких-то вещей еще не понимаю. Но обязательно пойму, выясню, научусь. И постараюсь найти здесь свое место. Особенное, единственное, самое подходящее для меня.

Думаю об этом, выводя машину на шоссе. С рекламного щита хитро шуруется Тони, но я его демонстративно не замечаю. Обязательно найду Тони и постараюсь вызвать на

откровенный разговор и наверняка смогу чем-то ему помочь. Но, пардон, не раньше, чем стану человеком сам.

Думаю об этом, ковыляя в правом ряду. А потом мне просто надоедает думать о сложном и высоком. Я достаю из-под сиденья радар-детектор — запрещенный прибор, за который штрафуют так, что волосы дыбом встают, — настраиваю его и как следует наступаю на педаль. Вспоминаю, что вот дедушка Кристин, например, когда понял, что зачехлять лыжи уже пора, а без скорости он жить еще не научился — пошел в автогонщики. Я, конечно, не такой отчаянный, как Жан-Клод. Но вот эту связочку поворотов мы сейчас облизнем как надо... Эх, хорррошшо-о!!! Так здорово, что даже обидный сон — он ведь не тревожный был, не пророческий, всего лишь обидный, — забывается, растворяясь под напором реальности. Забывается напроць.

Среди низких облаков появляется небольшой просвет, и из него выглядывает солнце, какое-то совсем не зимнее, очень ласковое, мягкое. Я смотрю на часы и вижу, что Крис уже наверняка проснулась. Набираю вызов. И неожиданно понимаю — а ведь это самое главное, самое важное, что я сделал за сегодняшнее утро. И самое лучшее. И самое умное. И самое правильное. Не разобрать сновидение, не решить душераздирающую проблему, не о судьбе задуматься — всего лишь нажать пару кнопок.

Радостно смеясь, утапливаю педаль до пола и не еду — лечу — куда-то в безоблачно светлое будущее.

Москва, 1998 (пролог), 1999—2000.

Автор посвящает этот роман Геннадии «Генриху» Бочарову, Анатолию Корниенко, Борису Ленину, Олегу Макееву, Игорю Скляренко и Александру Якушину, которых больше нет рядом на склоне и в жизни.

Спасибо Валентине Глебовне Дивовой и Николаю Глебовичу Дивову за советы и редактуру.

АВТОРСКИЕ ПРИМЕЧАНИЯ

¹Если не вдаваться в тонкости, вся разница между классическими горнолыжными дисциплинами заключается в протяженности трассы, перепаде высот, расстоянии между флагами и степени их «разноски» от осевой линии. Собственно, рост этих параметров и обуславливает деление на Slalom (слалом), Giant slalom (слалом-гигант), Super-G (супергигант), Downhill (скоростной спуск). Попросту «чем дальше, тем все больше» — скорость, нагрузка, время пребывания на склоне, опасность для жизни (но не риск травматизма вообще — самый жуткий перелом ноги, который довелось наблюдать автору, был заработан на скорости, не превышавшей 20 км/ч). Судя по описанию, трудность прохождения трассы «Ски Челлендж» происходит именно из ее «пограничного», междисциплинарного характера. Лыжнику навязываются выматывающие условия — завышенный темп, усложненный рельеф, большая протяженность нагрузки по времени, — но при этом от него по-прежнему требуется высокая техничность. Это, должно быть, очень красиво — естественно, когда глядишь со стороны.

²WRC (World Rally Car) — класс раллийных автомобилей. Строится на платформе и в кузовах реально существующих моделей. Непременное условие омологации (допуска к соревнованиям) каждой WRC — выпуск ограниченным тиражом коммерческой версии. Спрос на «гражданские» WRC настолько велик, что счет идет на многие тысячи. Характерные WRC, которые встречаются иногда на наших улицах, — Subaru Impreza WRC, Mitsubishi Lancer Evolution.

³Явная гипербола. Здесь и ранее, когда говорится, что трасса «распахана», «сильно разбита» и т.п., не следует воспринимать это буквально. Стальные канты горных лыж — хороший плуг, и праздно катающаяся публика за считанные часы нарывает на склонах мощные бугры и глубокие ямы. Но в том и отличие спортивной трассы от обычной горы, что на ней организаторы стараются обеспечить для всех лыжников хотя бы приблизительно схожие условия. Простейший способ — попросту залить склон

водой, древнейший инструмент — пожарная машина. Сейчас для поддержания трасс в божеском виде используются более продвинутое технологии, но смысл их тот же. Конечно, выступая в тридцатых-сороковых стартовых номерах, ты уже едешь по откровенной канаве, а шансы на победу у лыжника под номером двести объективно равны нулю. Однако даже ему канава будет отнюдь не по уши, и определение «танкодром» — просто реплика профессионала, учитывающего любые нюансы и для которого малейший бугорок может означать либо выигрыш сотой доли секунды, либо ее потерю.

⁴Ратрак — многофункциональный горный трактор с очень широкими гусеницами (обычно резинометаллическими), обеспечивающими низкое удельное давление на снег. С равным успехом выступает как транспортная, спасательная, прогулочная машина. Широко используется при «утапывании» и заглаживании горнолыжных трасс различного назначения. Если вы не совсем понимаете, к чему эти косметические процедуры — см. п. 3. Без надлежащего ухода любой активно используемый склон довольно быстро превращается в упоминавшийся выше танкодром, правда, уже кроме шуток. В горах это закончится буграми по пояс, а небольшие подмосковные склоны просто лысеют — лыжники расшвыривают снег в стороны или стаскивают его вниз.

«Топтуны» — уже не те топтуны, что раньше (здоровенные дядьки на длинных лыжах). Сейчас это просто бригада общего назначения, которая готовит трассу к соревнованиям и поддерживает ее в нормальном состоянии в процессе оных. А вот до появления ратраков топтуны много и тяжело работали ногами, т.е. натурально топтали снег по всей горе сверху донизу.

⁵Совершенно реальная история, относящаяся к первой половине 80-х гг. XX века. В 1992 г. автору довелось побеседовать со спортивным обозревателем Александром Маслаченко, комментировавшим тот этап Кубка в прямом эфире. Г-н Маслаченко казус с Попангеловым отлично помнил. По его словам, произнеся историческую фразу «В Китсбюэле Попангелов упал...» и увидев, какие она возымела разрушительные последствия, он попросту растерялся. Чем и объясняется его полный эмоций возглас, который автор имеет смелость классифицировать как «восторженный». А почему бы и нет? Определенная нервозность лыжника, которая и привела к падению уже примерно на десятом флаге, была для опытного глаза вполне заметна. Таким образом комментатор вполне мог бессознательно на нее отреагировать — той самой фразой. И Попангелов упал. А Маслаченко, сам того не

зная, совершил предикторский акт, ставящий его на одну доску со знаменитыми провидцами. Чем не повод для восторга, пускай опять-таки бессознательного?

⁶Написание этой фамилии на самом деле никаких «лишних» нечитаемых букв не предусматривает — Killy. Свое происхождение род Килли ведет из Эльзаса. Образ Кристин Килли автором вымышлен (к тому же не намеренно — приснился). Любые возможные совпадения абсолютно случайны.

В то же время вживленная в роман информация о Ж.-К. Килли вполне документальна и заслуживает доверия. К сожалению, для большинства сегодняшних непрофессиональных горнолыжников Килли не столько живой человек, сколько торговая марка лыжного экипа. Впрочем, это еще не самая оригинальная форма забвения. В одной из известнейших и любимейших бардовских песен нашей страны есть такая строка: «Нас провожает с тобой гордый красавец Эрцог». Интересно было бы сейчас провести опрос среди поющих это под гитару у костров — откуда у кавказского горного пика такое странное имя. Мориса Эрцога, мэра Шамони, я упомянул в тексте чисто по наитию, мне показалось забавным совпадение двух судеб: его и Килли, мэра Альбервилля. Перу Эрцога принадлежит вполне читабельная документальная книга «Аннапурна» — история штурма одного из самых «злых» восьмитысячников планеты, во время которого этот знаменитый французский альпинист потерял несколько пальцев на ногах. Справедливости ради следует отметить, что в Москве есть (во всяком случае, были) магазин спортивного инвентаря «Эрцог» и одноименное турагентство.

⁷В начале 2000 г. вокруг «русских автоматов» развернулась целая дискуссия. Короткая версия романа — меньше полусотни страниц, нечто вроде киносценария, голый сюжет — готовилась к публикации в журнале «Если». И тут сотрудник этого авторитетного издания (уже не сотрудник, но я тут ни при чем, — март 2000 г.), видный (и уважаемый автором) писатель Г. вдруг предложил: «Замени «калашников» на другой автомат». Автор удивился — зачем? Г. объяснил: надоело. В современной масскультуре, сначала западной, а теперь уже и нашей, сложился дурацкий стереотип. Когда на экране (в тексте) хороший парень — непременно у него в руках продвинутое оружие нерусской конструкции. Появляется негодяй — обязательно с «АК». Просто засыле уродов с «АК». Автор подумал и согласился — с тем, что стереотип такой и правда есть. Но менять автомат не стал. Его не смутило даже то, что в 2020 году террористы смогут найти себе что-нибудь поновей (это замечание из недр фокусной группы,

читавшей рукопись). Поверьте, выбирая «АК», автор исходил из конкретной тактической задачи, стоящей перед террористами, и конкретных же их чисто экономических возможностей.

Пользуюсь случаем заступиться за «калашников» в принципе. Вокруг «АК» действительно много стереотипов, еще больше откровенных мифов. Из широко известных писателей только один и лишь однажды — Стивен Кинг в романе «Худеющий» — адекватно описал расстрел автомобиля из «АК». Там же звучит фраза: «Это совсем не так, как в кино». Вот именно.

Зачастую литераторы суют в руки своим героям что ни попадя, лишь бы было покрасивее. Однако специалисты почему-то ходят на дело не с тем оружием, кое им рекомендуют писатели, а с тем, под которое «заточены» их навыки и которое в реальных условиях обеспечат пусть не идеальный, зато стабильный результат. Наш снайпер, отбивший у чеченского «коллеги» роскошный «баррет», обычно продолжает воевать с СВД. Он и рад бы освоить «баррет», но есть десяток причин, которые этому объективно мешают, и пренебрежение хотя бы одной из них может встать снайперу чересчур дорого. Это конкретика. А все остальное — те самые мифы, стереотипы, легенды, то есть беллетристика, сиречь от лукавого. Понятно, что отставной самоходчик Дивов — вовсе не эксперт по стрелковым вооружениям, но он хотя бы старается чтить тезис «не учи отца жесткой эротике». Особенно после того, как попал в дурацкий переплет с одним транснадежным и суперпростым автоматом. Из-за небрежного обращения с затвором «АКС-74» случился перекос, и заклиненный патрон я выковыривал шомполом, борючая всякие другие тезисы. Смысл их был примерно такой: у самоуверенного мальчишки рано или поздно откажет даже лазерный меч рыцаря джедаев. На этом мы, мальчишки, и попадаемся. Шутка ли — знакомый до боли «АКС» умудрился вывести из строя признанный лучший стрелок, всегда клавший все мишени.

Вообще-то, «АК» — прибор морально устаревший независимо от модификации. Это образчик той идеологии стрелкового оружия, от которой сейчас повсеместно отказываются. Нынешняя тенденция — снижение калибра и повышение скорострельности. Попросту говоря, лучше тот автомат, из которого можно подстрелить больше народу в единицу времени. Но где и как вы намерены стрелять? В сортирах и лифтах (кто вспомнит, откуда цитата)? И тут выясняется, что иногда «АК» гораздо удобнее крутых новомодных штучек, разработанных скорее для полицейских нужд, чем для реального боя на местности. Удобнее в силу универсальности и изначально армейского характера. По самым приблизительным расчетам «АК» будет производиться и активно использоваться минимум до 2025 г.

⁸Тобогган: первоначально — бесполозные сани индейцев Северной Америки; несколько досок, скрепленных поперечинами и ремнями, с загнутым передком (короче, элементарная волокуша). Сейчас — общее название бесполозных саней, предназначенных для спуска с горы. Обычно на тобоггане катаются в положении стоя, дополнительной точкой опоры выступает складная перекладина или веревочные постромки.

⁹Термин «no fall zone» понимать следует буквально — зона, в которой падать нельзя. Упал — пропал. В практике горнолыжного экстрима «no fall zone» — это, во-первых, «крутяк», где падать не стоит, потому что остановиться ты уже не сможешь, и кувыряться будешь вплоть до летального исхода (да и после тоже, если крутизна достаточная). Во-вторых, это лавиноопасные участки, где падение даже одиночного лыжника может привести к сходу лавины, увлекающей человека за собой, и дальше не суть важно, чем завершится неконтролируемое движение вниз — удушением в снегу или ударом о скалу. Как правило «no fall zone» это и «во-первых», и «во-вторых» сразу.

Разумеется, термин достаточно условен — никто не может твердо гарантировать, что, упав в такой зоне, лыжник обязательно погибнет.

¹⁰Этого пункта в тексте нет. Но без него не обойтись. Перед вами нечто вроде оправдательной записки. Дело в том, что первоначально роман выстраивался из расчета на большой объем. В нем была вспомогательная сюжетная линия, которая в свою очередь, словно каркас, поддерживала ряд горнолыжных баек и всяческих необходимых пояснений. Но превращать художественную прозу в некую энциклопедию внутренней жизни героя и внешнего его бытия мне в какой-то момент показалось излишним. Тогда взял я книжку — и рубанул по ней.

Ох, многое из текста выпало. Например, остались без фамилий русские персонажи. Предполагалась на этот счет неплохая хохма, списанная с натуры, но слишком длинная. А зачем, собственно, ребятам фамилии, если они не несут смысловой нагрузки (интересная закономерность — чем хуже написан современный роман, тем больше в нем персонажей, именованных «полным титулом»)? Не узнать теперь содержания беседы между Полем и его тренером, в заключение которой тренер сказал мальчишке: «Как жаль, Паша, что ты не спортсмен». И из-за чего собственно мальчик так расстраивался. По идее, это было связано с техникой карвинга — ну что, имело смысл разгонять сию историю на три абзаца и одну сноску? По-моему, нет. Точнее, это не более ос-

мысленно, чем наличие в тексте мини-трактата о принципиальной сущности разницы между «челленджингом» и экстремальным фрирайдингом, в силу которой даже самый продвинутый райдер вряд ли покажет хороший результат на трассе хард-слалом (четыре абзаца, две сноски). И так далее.

От многого пришлось отказаться. Как выстраивались отношения между спортсменами из разных команд, например? Сообщаю — неплохо. Только длинно. Попангелов-Шаренков вообще комиковал по всей книге. А его напарница Веселина однажды дралась с австрийкой Ханной — и такое было. Илюха обожал подсматривать, что творится в женской раздевалке при тренажерном зале. Поль его застукал за этим делом, посмотрел сам, восхитился, какая все-таки красивая вещь обнаженное женское тело, и побежал звонить Кристин — рассказать, до чего он по ней соскучился. Димон воровал оперативную память из гостиничных терминалов и дарил модули своей младшей сестренке. Кстати, именно разломав очередную машину, он вдруг обнаружил... Не важно, что. Уже не важно. Красочно описанная перестрелка вокруг Моннуара (с шуточками и прибауточками) тянула на целую страницу. Реакция страховой компании, пытающейся вчинить полицейским иск за неоправданные разрушения, была очень выпуклой. Дитрих, оказывается, давно «пас» налетевших на Моннуар террористов. И наводчика потом взяли, в близлежащем городке.

Да, между прочим, в короткой версии романа («Круг почета», см. «Если», 5/2000) Поль срубает террористу голову напрочь, и она долго катится вниз по склону. Позже я отказался от такой наглой фантастики. Опытные люди напомнили: шея — не деревяшка. И «Россиньоль» восемнадцатого года выпуска скорее всего будет несколько «приталенным», из-за чего отрезок, которым можно пилить, окажется недостаточно длинен. Вот в пору моей юности, когда лыжи были прямые, да еще и с наборным мультикантом... — о-о-о!!! А теперь и сахар несладкий, и водка некрепкая, и пресловутые «карверы» позволяют чайнику почувствовать себя орлом, не тратя на ученичество годы. Наверное, это правильно.

Последнее, но не наименее важное. Когда мне было ну очень мало лет, я мог в порядке игры напаялить лыжи и начать рассекать в них по квартире. Необразованный взрослый, задавший в такой обстановке вопрос: «Мальчик, а как тебя зовут?» — запросто получал в ответ надменное «Жан-Клод Килли!». Поворот, на котором разбилась машина Александра Жирова, истоптан моими ногами — я там немереное количество раз сходил с электрички, как и тысячи мне подобных, направляющихся к склонам Клинской-Дмитровской гряды. Если кто-то считает родиной русского фри-

стайла село Парамоново, я готов под его мнением подписаться, пусть даже потом выяснится, что это перебор. И почему дюралюминиевую волокушу из крайнего дома в Стрёкове вся округа звала «труповозкой», я тоже знаю не понаслышке. Наша штукавина до сих пор ездит, родимая. Так вот, наверное, в силу вышеизложенного не стоит ждать от этого романа документальных сцен, каких-то моментов откровенной сцепки с реальностью. Вам может что-то показаться — скорее всего, вы обманетесь. Единственный стопроцентно реальный персонаж данной книги (помимо Жан-Клода, конечно) появляется в крошечном эпизоде. Это бывший скоростник Женька, который покончил с лыжами еще мальчишкой, после крайне неудачного психотравмирующего падения. И никакого отношения к моим детству-отрочеству-юности не имел. Что там сказал Поль, когда ему предложили написать документальную книгу? «...Выжимать из себя впечатления и переживания? Все равно самое интересное останется за строками, потому что делиться им я не смогу». Он не смог бы, а я — не стал.

Сейчас шесть часов утра шестого апреля 2000 года. За окном заливаются птицы, снег ни на что не годен, сезон закрыт. Я завершил работу над этим текстом, и единственное, чего пока не знаю о нем — под каким заглавием он выйдет в свет. Как и мой герой, в самый последний момент я понял, что история-то — просто о любви. И рабочее название «Толкование сновидений» вдруг показалось мне ненужно пафосным. «Ладно, справлюсь», — говорил в таких случаях Поль. Еще бы...

Храни господь всех горнолыжников. Я их люблю.

«МНЕ НА ЭТОЙ ПЛАНЕТЕ НИКОГДА НЕ ПРАВИЛОСЬ...»

...Мое знакомство с текстами Дивова состоялось в 1997-м. Я подошел к ларьку в переходе метро и спросил у продавщицы: «Ну, что новенького?» И на лице у меня была брезгливая гримаса, поскольку из «новенького», как правило, нечитабельным бывало 95%. Дама за прилавком, зная меня как постоянного клиента, сняла с полки роман «Мастер собак» какого-то Олега Дивова и ответила: «Из новинок вроде бы это ничего. Живенько». Я купил книжку, пришел на следующий день и осведомился: «Еще что-нибудь этого Дивова есть?»

...После первого же романа было ясно, что в отечественную НФ пришел новый мастер с оригинальным творческим стилем, задиристой творческой амбицией и внушительной творческой потенцией.

Олег Дивов «поднялся» необыкновенно быстро, не имея за плечами поддержки какой-либо литературной тусовки. Сериал «След зомби» («Мастер собак», «Стальное сердце», «Братья по разуму» — 1997) обеспечил ему заметный коммерческий успех. Очередной роман, «Лучший экипаж Солнечной» (1998), показал, что этот автор не будет эксплуатировать «золотоносную жилу» до полной утраты здравого ума и твердой памяти, как подопытная зверюшка с электродом, вживленным в центр наслаждения. Ему легко дался уровень динамичных, остросюжетных, крепко милитаризированных текстов. Иными словами, ярус писателя-профессионала, очень хорошего ремесленника, этаж, на котором фантасту обеспечен стабильный достаточно высокий заработок и некоторая известность...

Выход пятого романа Олега Дивова сломал эту схему. Оказалось, что предыдущие книги были в какой-то степени элементом «тактики бега на длинную дистанцию»: статус хорошо продаваемого автора дал Дивову искомую воз-

можно высказать нечто большее, вложить в новый текст серьезную философскую составляющую. То есть возвыситься над плато обеспеченных профи... хотя бы и рискуя перенапрячь интеллект завоеванной прежде читательской аудитории.

Но прежде необходимо сделать небольшое отступление. Без него разговор о более поздних работах Дивова будет неполным. Это будет отступление с заходом из будущего. В 2002 году московский фантаст дал газете *Ex Libris* интервью. Среди прочего он сказал: «По большому счету жизнь — дерьмо. Глобально. Но если не замахиваться на обобщения, а присмотреться к частностям, оказывается — жить можно. Да, мне на этой планете никогда не нравилось. Поглядишь, бывало, в небо и подумаешь — боже, какой прекрасный мир и что за уроды его населяют! Но... Позиция взрослого отличается от позиции сопляка и нытика способностью, критически воспринимая существующий уклад, найти в нем свое место. В отличие от многих «прогрессивных литераторов» я не испытываю желания ни взрывать земную цивилизацию, ни громогласно предавать ее анафеме».

Лейтмотив лучших романов Олега Дивова — поиск центральными персонажами ничтожных ниш относительной чистоты в загаженном мире. И что такое «относительная чистота» по-дивовски? Это способ жизни, при котором человек не должен унижаться, рисковать честью, выполнять приказы подлецов и кретинов, влачить нищенское существование; вместе с тем, он испытывает уважение к собственной работе и имеет шанс по-настоящему проявить себя в ней, подняться. Почти рай, иными словами... На Земле в принципе не может существовать «абсолютно чистое» место, т. е. такое, где перечисленные выше условия выполняются в концентрированном виде. Можно отыскать хорошую службу. Можно найти людей, рядом с которыми приятно жить и работать. Можно приучить себя выкладываться, как выкладываются дошедшие до финиша марафонцы... Но, во-первых, земной общественный уклад в принципе не гарантирует стабильности всего этого. Во-вторых, «...несправедливость — это понятие вселенского масштаба», и планета Земля характерна как раз тем, что здесь несправедливость «терпеливо сносят и позволяют

над собой творить»; иными словами, человечество сделало эту неприятность основой системы. И, в-третьих, некоторые потенции, способности, разновидности дара божьего ни при каких обстоятельствах невозможно применить в условиях земного социума. Да! Правда. Здесь хотелось бы безо всяких затей присоединиться к мнению Дивова. А мнение это высказано достаточно отчетливо еще в раннем романе «Братья по разуму» (1997). Тим Костенко — главный герой предыдущего романа, «Стальное сердце» (1997) — появляется здесь для того, чтобы сыграть эпизодическую роль. Но именно он в нескольких энергичных высказываниях набрасывает черты «абсолютно чистого» места. Костенко стал правителем инопланетного народа в триста миллионов душ, обзавелся гаремом (он же своего рода штаб) и космическим кораблем. Его мечта — провести на Земле глобальную чистку: распустить армии, «вывести в расход» политиков, бандитов и религиозных террористов, отправить коммунистов на лесоповал, фашистов — на рудники, а психов — в клиники. Короче говоря, выкорчевать тупость, злобу и агрессию радикальными средствами... По тексту ясно: Костенко имеет возможность воплотить мечту в жизнь и сдерживается только из нравственных соображений. Что здесь является главным атрибутом рая? Ценное имущество? Власть? Гарем? Ан нет, именно возможность реализовать самый масштабный замысел, сыграть партию государя-мессии, своего рода Чакравартина. Если отвлечься от содержания «программы Костенко» и задаться вопросом, существует ли в наших современных условиях хоть один шанс из тысячи на подобную реализацию, ответ, по моему, очевиден.

Возможность — это рай.

Так вот, если внешняя агрессивность центральных персонажей Дивова на дистанции от «Следа зомби» и «Закона Фронттира» до «Толкования сновидений» заметно снизится, то глобально-негативное авторское отношение к устройству нашего мира останется прежним. Потому что некоторые возможности находятся в реальности-1 под запретом. А это... как бы правильнее выразиться? — *стеснительно*.

Итак, в 1998 году вышел пятый роман Олега Дивова — «Закон Фронтيرا»^{*}.

Этот текст больше всего похож на картину Константина Юона «Новая планета». Гибнет мир, устоявшийся и прочный, рушится само время, пропитанное стабильностью, искривляется пространство, в целости и сохранности остаются лишь руины. И дело не только в том, что за несколько лет до того огромный ящер СССР ушел из жизни, убитый золотым вирусом, который разорвал ему каждую клеточку. Эпоха пронизана предапокалиптикой. Бойцовские клубы источают соблазн жизни. Сумерки грезят империями, смертями империй и новыми империями, вырастающими на задворках разлагающихся трупов прежних исполинов. Уже и мир, кажется, грезит судьбой Союза — уходом в ночь. Поднимается ветер, истачивающий до трухи все непрочное. Тот, кто хочет жить в уютной атмосфере фэйф-о-клока, будет мертв.

Мириады игл вонзаются в память. Уничтожается все незначимое. Тому, кто несколько раз вывернулся наизнанку, утратил собственное время, пришел вступать в права наследства и унаследовал петушиный крик, осталось собрать себя заново. Он ищет строительный материал. Сгинуло почти все. Из оставшегося многое неприемлемо. Включить нечто в состав собственной личности, так, чтобы она оставалась жизнеспособной в условиях бури в пустыне и одновременно не утратила человеческую основу — это значит дать образец всем ближним, всем подобным...

Гош, главный герой романа, бродит по бурлящим пустыням России, ищет куски себя. Те, кому тридцать-тридцать пять бродят вместе с ним и ищут куски себя. Прошлое отрезано; память о нем исчезает. Возникает память о настоящем и будущем, прошлое личности опрокидывается из настоящего. Мы ходим по земле предков и едва-едва узнаем ее; мы готовы признать ее своей; но для начала неплохо было бы определить, что такое мы, из какого настоящего нам следует состоять.

^{*} Авторское название, утраченное при первом издании — «Молодые и сильные выживут». — в 2002 г. восстановлено.

Гош потрошит калейдоскоп перебивчивой судьбы и подбрасывает цветные стекляшки читателю.

Изо всей прежней жизни он вытаскивает ковбойские фильмы и жирно подчеркивает: смотри! смотри! Они там жили и выжили, хотя вся их биография — густой фронтир. Они были сильны, бесстрашны, полагались на друзей и никогда не продавали их, лучшие из них считали справедливость своим солнцем... Так смотри, смотри! Запомни: *это можно взять с собой, это можно включить в себя*. А вот еще одна стекляшка: Свободная зона посреди отощавшей Москвы. Смотри! Смотри! Кто они? Они *не боятся*. Они веселы. Они плевать бы хотели на любую власть, которая протянет к ним ласковую дисциплинирующую руку. Они — анархисты с оружием в руках, «веселый и приветливый народ»... И ты — не бойся! Стекляшка армейской службы: там вколачивали некоторые навыки и выбивали сопли каблуками... В сущности, ничего хорошего. Но с чисто технической точки зрения — может пригодиться. В некоторых ситуациях жизненно важно уметь водить самоходный миномет и стрелять из него. Времена такие! *Многие странные вещи могут пригодиться*.

Выживают прежде всего те, кто смог «проснуться», то есть прежде всего осознать: возвращение невозможно. Но этого мало, требуется быть «молодым и сильным», выносливым, хладнокровным, готовым постоять за себя человеком. Тем не менее, и этого, пожалуй, еще недостаточно для выживания. Помимо всего прочего, следует научиться убирать оружие в кобуру, когда ты среди таких же, как ты... Те «молодые и сильные», которые не сумели договориться между собой, тоже — не жильцы в наших местах...

И вот они выжили. Во всяком случае некоторые из них, и определенно сохранили себя... некоторые из нас. Остается отыскать смысл новой жизни. Гош его не нашел и расстроился; просто жить, а не выживать — несравненно важнее. Мы хотели бы так — просто жить, но жить без смысла... бессмысленно. Впрочем, возможно, мы здесь найдем то, чего не отыскал он — там?

Можно спорить с Дивовым по поводу того, что именно и сколько всего следует взять с собой из прежних времен, какие стекляшки помогают уцелеть и не оскотиниться, а

какие — совсем напротив. Но нельзя не согласиться с самим ходом авторской мысли: однажды необходимо задуматься об основных составляющих собственной личности, и времена, наполненные до отказа хищной средой, отлично стимулируют подобного рода рассуждения.

Этот роман Дивова неправильно было бы включать в классический бранч НФ — «посткатастрофы». Чудовищные последствия беспамятства (технические, общественные, культурные) представляют собой всего-навсего детали антуража, декорации. Они, по сути, — фоновая бытопись, хотя и выполненная с необыкновенной подробностью и правдоподобием. У Вячеслава Рыбакова в рассказе «Зима» чудовищные нюансы конца света несут важную этическую нагрузку. У Александра Громова каждый мазок в общей картине глобальной катастрофы («Мягкая посадка», «Год лемминга», «Крылья черепахи» и т. д.) отзывается явственным алармизмом. У Олега Дивова это всего лишь второй план для интеллектуального действия. По своему содержанию роман представляет собой огромную, развернутую на несколько сотен страниц метафору психологического процесса, идущего в среде интеллектуалов, которые ушли из молодости, но не из панков. Они уже выработали программу выживания на тот случай, когда старый мир со страшным грохотом рухнет и рассыплется в прах. Они ждут этого момента, мечтают о нем... Ведь все равно старый мир — «...дерьмо. Глобально». Весь текст наполнен панк-настроением: это — нам не родное; но мы достаточно сильны; мы бойцы; мы справимся с любыми сложностями; мы не боимся! И только в 2002 году московский фантаст сочтет возможным уточнить: «я не испытываю желания... взрывать земную цивилизацию». То есть понадобится четыре года, чтобы концепция самоходного миномета в действии несколько поблекла как морально устаревшая... Авторское равнодушие к «аварийным» декорациям роднит этот роман Дивова с «Временами негодяев» Эдуарда Геворкяна. В обоих случаях апокалиптический пейзаж служит всего лишь предлогом для разговора на иные темы. Только у Геворкяна начинка социальная, а у Дивова — психологическая.

Годом позже Олег Дивов опубликовал роман «Выборка», принесший ему настоящую большую известность. Сколько тогда было споров об идеологической начинке этой книги: проимперская она, антиимперская или еще что-нибудь третье, не менее замысловатое... В данном случае важнее обстоятельство, не имеющее никакого отношения к литературному творчеству, но зато исключительно ценное в литературном процессе: у московского фантаста теперь была принципиально более высокая трибуна для серьезного разговора с читателями, чем, скажем, трибуна времен «Лучшего экипажа Солнечной». И он сумел отлично «отыграть» эту возможность...

В 2000 году у Дивова вышел маленький роман «Толкование сновидений»^{*}. Мне трудно говорить о нем в холодном, бесстрастном тоне записного объективиста. Я искренне люблю эту книгу. Не за драйв. За откровенность.

То ли природа, то ли господь бог заложили в мужчину странный механизм, который непременно срабатывает, не спросив у «носителя» разрешения. Срабатывает примерно между двадцатью годами и тридцатью пятью. Потом его работа постепенно утихает, хотя у некоторых до самого конца жизни так и не сходит на нет окончательно. Этот механизм заставляет всех нас делать отчаянные попытки совершить нечто высокое. Высокое — это во-первых. Во-вторых, такое, чего не могут другие. В-третьих, желательно, чтобы это деяние считалось выше сил человеческих, да в придачу еще и было таковым на самом деле. Некоторым, самым отчаянным, секретный механизм дает возможность совместить во-первых, во-вторых и даже в-третьих... Очень редко, но бывает. А вот мечтаем о подобном мы все без исключения. Впрочем, нет, бывают, конечно, исключения, но они — раритет из раритетов.

Нас манит победа и совершенство. То есть быть лучшим для других и, главное, быть лучшим для себя самого, пятнадцать лет — кого-то побольше, кого-то поменьше, но в среднем примерно пятнадцать лет — мужчину манит высота. И если он решился следовать естественному зову, то его

^{*} В том же году журнал «Если» опубликовал сокращенный вариант романа — повесть «Круг почета».

«...дом там, где снег». Его дом — на склоне горы. Допустим, ты выжал свой талант, весь, сколько его есть, на полную катушку, ты честно работал и ты взлетал, когда мог взлететь, а потом тебе все-таки повезло, и ты сам достиг вершины. Теперь ты можешь уйти из гонки через круг почета. На виду у всех. С медалью на шее. Да бес с ней, с медалью, ты уходишь, твердо зная: ты победил и ты сумел достичь совершенства... Жаль только, кругов почета мало, и даже один из двадцати мужчин — это слишком высокий процент победителей. А как больно — никто не сознается, но ведь больно, все мы знаем, что больно — ни разу не попробовать «плоды запретные спелые и за хвост подергать славу»! Для тех, кто не сумел подняться наверх путем систематических усилий, паря на крыльях собственного гения или просто по божьему изволению, существует еще один путь. Проломиться. Выпустить всю энергию в одном чудовищном рывке, порвать жилы, голову собственную заложить, а заодно и головы близко стоящих граждан, но — проломиться. Взять свое и... опять-таки оставить гонку.

И все мы знаем, что последний вариант намного лучше второго: оказаться одним из девятнадцати не-победителей... все равно что всю сознательную биографию просидеть у телевизора. Кто в двадцать восемь согласится на гарантированную роль просто хорошего парня, кто ампутирует у себя надежду на высоту? И как у него, у согласившегося, со здоровьем? Давно ли он отдыхал? Усталость накапливается...

Жизнь стоит меньше победы. Жизнь стоит меньше совершенства. Такой у нас механизм.

Вот, собственно, о чем роман Олега Дивова «Толкование сновидений».

Эта тема разработана и передана московским фантастом необыкновенно точно и с психологической, и с философской точек зрения. «Толкование сновидений» по сравнению с «Законом Фронта» звучит более глубоко. Видимо, за счет того, что главный герой здесь явно взрослее — не столько по биологическому возрасту, сколько, как говорится, по жизни. «Панковская начинка» из него фактически улетучилась. Кроме того, усилилась тяга к фантастическому минимализму. В первых четырех романах Дивова фантастический антураж цветет пышным цветом: зомби,

порталы в иные края, звездолеты... «Закон Фронтiera» в этом отношении гораздо лаконичнее. Здесь фантастика обеспечивает занимательность сюжета и правдоподобие мира всеобщей разрухи. Ее, по большому счету, кот наплакал. «Выбраковка» еще того «скупее» на фантастический элемент. Но «Толкование сновидений» в этом ряду — бесспорный лидер. От мейнстрима роман отделяет несколько прозрачных фантастических условностей. Время действия (2020 год). Выдуманные Дивовым экзотические виды спорта. Почти паранормальные способности центрального персонажа. Но в общем, это именно условности, а не повновесное фантастическое допущение. Был, кстати, здесь определенный риск — лишиться части традиционной аудитории. Риск оправданный. Оно того стоило: навороты каких-нибудь натужно выдуманных «чудес» только отвлекли бы читателя от основного содержания книги.

Роман был удостоен премии критиков «Филигрань-2001» и Серебряного кадуцея на харьковском конвенте «Звездный мост-2001». До настоящего времени это самая сильная в художественном отношении вещь Дивова. И, наверное, самая философичная, несмотря на внешнюю простоту.

Повесть «Предатель» (2001) написана была с явно пародийной целью. Олег Дивов пробовал свои силы в стиле фэнтези, имея к нему, как и многие матерые НФ-щики априорно ироническое отношение. Однако в итоге вышла серьезная вещь, полностью укладывающаяся в рамки жанра городской фэнтези, получившего у нас распространение во второй половине 90-х.

Собственно, самое важное в повести — ситуация выбора. Главный герой, боевой маг Дима, поставлен в затруднительное положение не только и даже не столько обстоятельствами материальными. Гораздо сложнее нравственная сторона проблемы. Да, воюя против эльфов, он становится на сторону слабейших. Но все-таки — не безнадежно слабым. Да, он рискует прослыть предателем. Но для него самого это не особенно важно. Да, ему придется поставить на кон собственную жизнь. Но Дивов собрал этого героя

из таких составляющих, что его решение фактически предопределено, и читатель заранее знает: парень не испугается. *Не из таковских*. Хуже всего другое: из двух противоборствующих сторон лучшему на Земле боевому магу Диме ни одну не хочется признать своей. Эльфы вроде бы чуть получше, «посветлее», на худой конец, от них «вреда меньше». Во всяком случае, до грядущего массового вторжения из Иррэйна — материнского мира. Но они «холодны, жестоки, высокомерны и просто звери в вопросах чистоты крови». Ко всему прочему, люди для них — низшая раса. Орки представляют собой армию «ворья, убийц, грабителей, а по совместительству еще и насильников»... «массовый геноцид и Вторую мировую на Земле учинили именно два полуорка». К кому присоединился в конечном итоге центральный персонаж повести? Формально — ни к кому, стал своего рода третьей стороной, но фактически — к оркам. Эти, последние, прежде всего безопаснее для него самого и для всех людей, вместе взятых. Причем безопасность означает в данном случае не безобидность, а более ограниченный диапазон возможностей угнетать. Орки и их потомки — проще, слабее, тупее эльфийской стороны. А значит, они не способны по-настоящему сильно ограничить личную свободу главного героя... Ну и людей вообще — на втором плане. Очевидный вывод: выбирать надо всегда тех, у кого нет шансов стать твоими господами.

Сам этот выбор трактован чуть ли не прямо противоположно аналогичной ситуации, с добротной регулярностью появляющейся на страницах сериала Сергея Лукьяненко, начатого романом «Дневной дозор»*. У Лукьяненко главный герой выбирает этику поведения из вариантов, оставленных для него миром. У Дивова центральный персонаж намного прагматичнее: для него единственно верной является та этика, которую он сам диктует миру. Остальное — досадное искажение...

В 2002 году повесть «Предатель» была удостоена премий «Бронзовый Роскон» и «Сигма-Ф».

После нее появились роман «Саботажник» (2001) и рас-

* Наверное, наиболее известный образец отечественной городской фэнтези.

сказ «Закон лома» (2002), ознаменовавшие возврат Дивова к НФ. К настоящему времени «Закон лома» — последнее произведение московского фантаста.

Стиль письма Олега Дивова включает как постоянные, так и постепенно трансформирующиеся элементы.

В числе первых из них — стремление к динамике, к сохранению внутреннего драйва. Его романы почти лишены длинных описаний. Подобная краткость характерна также для архитектоники предложений Дивова. Писатель предпочитает предложения *короче двух строк*. Рубленые, если угодно. Эта «рубленость» не похожа на манеру, выработанную «четвертой волной» нашей фантастики в 80-х. Тогда считалось хорошим тоном писать с большим количеством назывных и безличных предложений, которые по определению не могут быть длинными. Дивов использует предложения полного состава, но старается избегать сложносочиненных и сложноподчиненных конструкций, обилия дополнений, не наворачивает бесконечные ряды эпитетов к одному определяемому слову. Средняя длина предложения в трилогии «След зомби» — 11 слов, в «Законе Фронттира» — 10—11 слов, в «Толковании сновидений» — 9 слов, в «Предателе» — 8 слов, в «Саботажнике» — 8 слов. В романе «Толкование сновидений» Дивов усиливает драйвовый элемент за счет закавыченных диалогов — других там просто нет. Еще одно орудие подобного рода усиления — сюжет, в котором так или иначе смещены, перебиты временные планы. В том же «Толковании сновидений» это сделано исключительно удачно, а в «Законе фронта», возможно, чуть переусложняет изложение сверх необходимого. В «Выбраковке» введен условный «внешний наблюдатель» (Иван Большаков), т.е. приводится мнение о происходящих в романе событиях, высказанное как бы со стороны через несколько десятилетий после основного действия книги. Ход — сильный и выигрышный, придающий тексту стереоскопичность. Кроме того, если бы текст был отягощен оговорками и комментариями, необходимыми по логике автора и вынесенными во вступление «От публикатора», то роман проиграл бы в драйве очень много. В «Толко-

вании сновидений» сделан еще один эксперимент и, в общем, его также надо отнести на счет стремления удерживать «высокий темп» — весь текст написан в режиме «реального времени».

Еще одна постоянная черта творческого стиля Дивова — внимание к деталям профессионального быта персонажей (как правило, в той или иной мере военизированного). Тщательность в передаче подобного рода нюансов с самого начала была одним из главных его «козырей» и всегда привлекала массового читателя, во всяком случае, массовую аудиторию читателей-мужчин. Вот удачное выражение, извлеченное из сети, принадлежит анонимному поклоннику текстов Дивова: «От его романов веет духом аутентичности».

Очевидна склонность московского фантаста к метким словам, ярким афоризмам. Порой он, как заправский журналист или рекламщик, «выводит» читателя на «словечко» или целый пассаж, специально достраивая особый виток сюжета. Отношения главного героя «Толкования сновидений» и его любимой построены так, что они постепенно и ненавязчиво, «за ручку» ведут читателя к необыкновенно точному пассажи: «Она сама ушла — испуганная мной и разочарованная во мне. Познавшая в одном внезапном прозрении другую мою сторону, обычно скрытую от нее. **Ту сторону, с которой глядел не милый парень и талантливый лыжник, а мужчина и хард-слаломист... ее расчет был женский, а мой — чисто мужской.** Идти по кратчайшей линии, навязывая свою волю трассе... **Хоть задавить, но победить**». А вот более легкий вариант, своего рода каскад смешилок в беседе людей, планирующих ограбление: «...Этот поселок охраняют надежно. Патрулируют его круглосуточно — понимаете? И частную охрану страхует полиция. Кроме шуток страхует, а не с опозданием на полчаса, как обычно... — Можно угнать три грузовика, — сказал Мэт твердо. — И два-три бульдозера, чтобы вломиться через периметр одновременно с разных сторон. Пусть охрана развлечется не подетски. И можно экскаватор еще... — Экскаватор-то зачем?! — удивился заказчик... — Дорогу перекопать, вот зачем. Ну, по которой полиция должна подъехать... — А самим как выезжать?.. — Выезжать не надо. Можно уг-

нать вертолет» («Закон лома»). Если такой путь представляется Дивову слишком длительным, он просто бросает афористическую фразу, даже наперекор контексту, не считаясь с издержками чуть не прямого обращения к читателю. Например: «...возьми, например, этого вашего американского классика, как его... Буховский? Быковский? Который писал исключительно про е...лю с некрасивыми бабами и алкоголизм. Так он, между прочим, знал, о чем пишет. Всю жизнь тренировался. Поэтому и вышло так убедительно» («Саботажник»). Или: «Из одежды на дежурном навигаторе Иве Кендалл имелись только боевой спецкостюм и ниточка от тампакса» («Лучший экипаж Солнечной», первое предложение романа). На мой взгляд, это удачная тактика, так как текст приобретает дополнительные «маркеры» в читательском сознании и, кроме того, «словечко» отлично фокусирует внимание аудитории на серьезных вещах.

По словам самого Олега Дивова, он достаточно болезненно относился к необходимости «разгонять» текст до объемов «штатного романа». В первых четырех книгах без этого просто невозможно было обойтись, позднее московский писатель всеми силами старался обходить проблему объема. По всей видимости, можно говорить о недостаточно раскрытом таланте «повестника». Что поделаешь! Издательская политика наших дней крайне неблагоприятна для жанра фантастической повести, все-таки сам рынок формирует предпочтительное отношение к романам... Оптимальный объем, на котором Дивов держит отличное литературное качество — объем «Толкования сновидений», т. е. около 10 авторских листов или несколько менее того. Так что два произведения под одной обложкой, быть может, наилучшая формула для реализации его творческих запросов.

К числу ярко выраженных «переменных» можно отнести, например, весьма внимательное отношение Дивова к психологическим мотивациям поведения героев. В трилогии «След зомби» это видно с особенной очевидностью. Несколько слабее, но тоже достаточно отчетливо — в «Лучшем экипаже «Солнечной» и «Законе фронта». Кое-что видно еще в «Выбраковке»... Время от времени московский фантаст заставлял своих персонажей произносить

длинные диалоги, из которых были бы видны все извилистые пути того или иного комплекса, отягощающего их сознание. Порой это явно «замедляло» текст. Впоследствии названная черта стерлась. Отчасти дивовские тексты переместились из сферы влияния психологии в сферу влияния философии, отчасти же передача психологических состояний действующих лиц стала осуществляться в более легкой, менее «диагностической» форме. В целом «психоописания» заметно сократились, что, в общем, улучшило динамику текстов.

По признанию самого московского писателя, в ранних романах он старался строить предложения из слов, начинающихся на разные буквы (как делал это прежде Довлатов). Но, во-первых, никогда не абсолютизировал этой техники и, во-вторых, в более поздних текстах смягчил требования, которые ставил в этом отношении к самому себе.

Существуют авторы, которые создают тексты, как будто строят дома, и авторы, которые, скорее, растят деревья. Иными словами, писатели-«архитекторы» и писатели-«садовники». Олег Дивов, несомненно, относится ко вторым. Вместе с тем, ему удастся удачно совмещать «спонтанность» текста с вниманием к интересам и нуждам массового читателя, а также обеспечивать философский подтекст для интеллектуалов. Такое умение для наших дней — редкость.

Дивов сейчас на подъеме. От него многого ждут.

Его лучшее — впереди.

ДМИТРИЙ ВОЛОДИХИН

Москва, сентябрь 2002

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	5
ПРЕДАТЕЛЬ. <i>Повесть</i>	7
МОЛОДЫЕ И СИЛЬНЫЕ ВЫЖИВУТ (ЗАКОН ФРОНТИРА). <i>Роман</i>	77
ТОЛКОВАНИЕ СНОВИДЕНИЙ. <i>Роман</i>	441
Д. Володихин. «Мне на этой планете никогда не нравилось...»	622

Литературно-художественное издание

Дивов Олег Игоревич
МОЛОДЫЕ И СИЛЬНЫЕ ВЫЖИВУТ

Издано в авторской редакции

Ответственный редактор *Д. Малкин*
Художественный редактор *Е. Савченко*
Технический редактор *Н. Носова*
Компьютерная верстка *О. Шувалова*
Корректор *М. Суховицкая*

В оформлении суперобложки использован рисунок
художника *Michael Whelan*

ООО «Издательство «Эксмо».
107078, Москва, Орликов пер., д. 6.
Интернет/Home page — www.eksmo.ru
Электронная почта (E-mail) — info@eksmo.ru

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламное агентство «Эксмо». Тел. 234-38-00**

Книга — почтой: Книжный клуб «Эксмо»
101000, Москва, а/я 333. E-mail: bookclub@eksmo.ru

Оптовая торговля:
109472, Москва, ул. Академика Скрябина, д. 21, этаж 2
Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16
Многоканальный тел. 411-50-74. E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 932-74-71

ООО «Медиа группа «ЛОГОС».
103051, Москва, Цветной бульвар, 30, стр. 2
Единая справочная служба: (095) 974-21-31. E-mail: mg@logosgroup.ru
ООО «КИФ-ДАКС», 140005, М. О., г. Люберцы, ул. Красноармейская, д. 3а.
Тел. 503-81-63, 796-06-24. E-mail: kif_daks@mtu-net.ru

Книжные магазины издательства «Эксмо»:
Москва, ул. Маршала Бирюзова, 17 (рядом с м. «Октябрьское Поле»). Тел. 194-97-86.
Москва, Пролетарский пр-т, 20 (м. «Кантемировская»). Тел. 325-47-29.
Москва, Комсомольский пр-т, 28 (в здании МДМ, м. «Фрунзенская»). Тел. 782-88-26.
Москва, ул. Сходненская, д. 52 (м. «Сходненская»). Тел. 492-97-85.
Москва, ул. Митинская, д. 48 (м. «Тушинская»). Тел. 751-70-54.

Северо-Западная Компания представляет весь ассортимент книг издательства «Эксмо».
Санкт-Петербург, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е
Тел. отдела рекламы (812) 265-44-80/81/82/83.

Сеть магазинов «Книжный Клуб СНАРК» представляет
самый широкий ассортимент книг издательства «Эксмо».
Информация о магазинах и книгах в Санкт-Петербурге по тел. 050.

Вы получите настоящее удовольствие, покупая книги в магазинах ООО «Топ-книга»
Тел./факс в Новосибирске: (3832) 36-10-26. E-mail: office@top-kniga.ru

Всегда в ассортименте новинки издательства «Эксмо»:
ТД «Библио-Глобус», ТД «Москва», ТД «Молодая гвардия»,
«Московский дом книги», «Дом книги в Медведково», «Дом книги на ВДНХ».
Книги издательства «Эксмо» в Европе: www.atlant-shop.com

Подписано в печать с готовых диапозитивов 19.12.2002.
Формат 84х108 ¹/₃₂. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Бум. писч. Усл. печ. л. 33,6. Уч.-изд. л. 33,2.
Тираж 7100 экз. Заказ № 7876

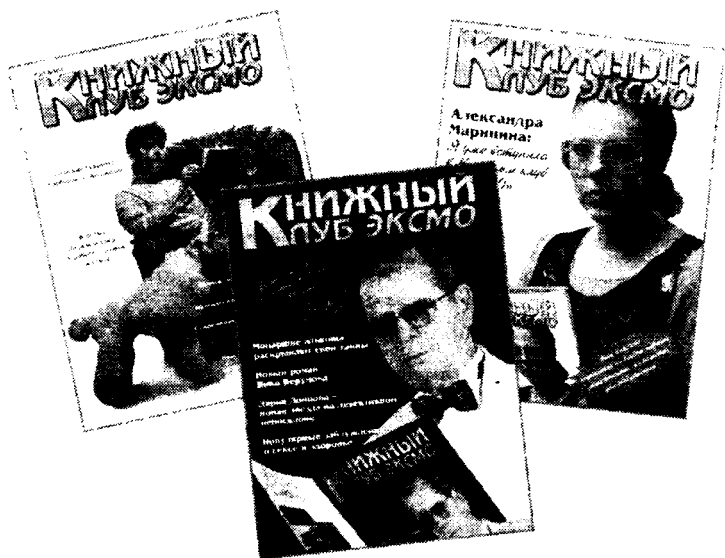
Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

Любите читать?

Нет времени ходить по магазинам?

Хотите регулярно пополнять домашнюю библиотеку и при этом экономить деньги?

**Тогда каталоги Книжного клуба
“ЭКСМО” — то, что вам нужно!**

Раз в квартал вы БЕСПЛАТНО получаете каталог с более чем 200 новинками нашего издательства!

Вы найдете в нем книги для детей и взрослых: классику, поэзию, детективы, фантастику, сентиментальные романы, сказки, страшилки, обучающую литературу, книги по психологии, оздоровлению, домоводству, кулинарии и многое другое!

Чтобы получить каталог, достаточно прислать нам письмо-заявку по адресу: 101000, Москва, а/я 333.

Телефон “горячей линии” (095) 232-0018

Адрес в Интернете: <http://www.eksmo.ru>

E-mail: bookclub@eksmo.ru

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЭКСМО

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Серию «История
будущего»

Собрание лучших
произведений
фантаста №1!

Спрашивайте в магазинах

**Р. Хайнлайн «Восстание 2100 года. Дети Мафусаила.
Модкейн с Марса»**

Р. Хайнлайн «Луна – суровая хозяйка»

**Р. Хайнлайн «Человек, который продал Луну.
Зеленые холмы Земли»**

Все книги объемом 400–500 стр., твердый, целлофанованный переплет, шитый блок.

Книги можно заказать по почте:

101000, Москва, а/я 333. Книжный клуб «ЭКСМО»

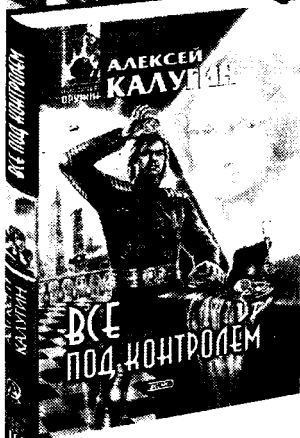
Наш адрес в Интернете: <http://www.bookclub.ru>

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЭКСМО

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

- Серию

“АБСОЛЮТНОЕ ОРУЖИЕ”

В эту популярную серию входят произведения мастеров остросюжетной фантастики. Это книги, которые нравятся всем!

БЕСТСЕЛЛЕРЫ ЛЕТА – 2002:

Ю. Брайдер, Н. Чадович
«Гвоздь в башке»
В. Головачев
«Война с джиннами»
М. Ахманов
«Я – инопланетянин»

Все книги объемом 400-500 стр., твердый, целлофанованный переплет, шитый блок.

Книги можно заказать по почте:

101000. Москва. а/я 333. Книжный клуб «ЭКСМО»

Наш адрес в Интернете: <http://www.bookclub.ru>

Тексты, вошедшие в
сборник, объединяет
то, что в каждом из них
первая глава или часть,
от довольно короткой
и прямолинейной
в «Предателе»
до громадной и
многослойной в
«Толковании...»,
это записанный
«по горячим следам»
сон автора.
Воспроизведенный с
предельной точностью.
Один сон просто
забавный, другой
тоскливо-кошмарный,
третий удивительный...

